



...и до того, как
...и до того, как
...и до того, как



ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

СТАЛИН

И АКАДЕМИК МАРР

Б.С. Илизаров



**ТАЙНАЯ
ЖИЗНЬ
ВОЖДЕЙ**

Annotation

На странице одного из томов первого издания Большой советской энциклопедии, принадлежавшей Иосифу Виссарионовичу Сталину, на полях текста, имевшего прямое отношение к академику-лингвисту, археологу, этнографу, историку, организатору и руководителю множества научных и учебных заведений, путешественнику Николаю Яковлевичу Марру (1864/65—1934), кремлевский вождь спустя несколько лет после Второй мировой войны написал: «Язык — материя духа». Это неожиданное высказывание доктор исторических наук Борис Илизаров решил взять в качестве камертона для своей новой книги о Сталине. Автор первым поднял все сохранившиеся материалы о языковедческой эпопее в сталинском архиве, изучил книжные издания с пометами генсека, сохранившиеся в его личной библиотеке, а также материалы из архива академика Марра, более полвека пролежавшие в забвении. Но сама по себе дискуссия — это лишь эпизод в истории России середины XX столетия, а также один из штрихов в политической биографии Сталина. Гораздо важнее то, что вместе с героями новой книги Борис Илизаров пытается разглядеть тончайшие нити, связывающие каждого из нас, родившихся на планете Земля, с древнейшим прошлым человечества, с тем прошлым, когда человечество озарили первые вспышки сознания.

-
- [Борис Илизаров](#)
 -
 - [Глава 1. О Начале начал](#)
 - [О Начале начал и Слове](#)
 - [Lingua Adamica](#)
 - [Вавилонское столпотворение, или Библейская версия происхождения языков-наций](#)
 - [Четыре исследования упомянем особо](#)
 - [Судьба как схождение и расхождение биографий. Посмертие](#)
 - [Глава 2. Схождение линий жизни Марра и Сталина \(Линия Марра\)](#)
 - [«Автобиография» Марра с моими комментариями](#)

- [«...картина рыцарских времен с одним воином на ристалище».](#) Палеонтология речи
- [Магия «нового учения об языке».](#) Яфетидология
- [Стадиальная теория развития языка и мышления.](#) Ручная речь
- [Языковед и революция](#)
- [«Речевая революция»](#)
- [Глава 3. Кавказ как центр мироздания](#)
 -
 - [Левиафаны Кавказа](#)
 - [«Некто в барсовой шкуре»](#)
 - [Герои Афреватии Тристан и Иольда, или Нулевые тысячелетия истории человечества](#)
 - [Так и неразгаданная тайна четырех элементов](#)
- [Глава 4. Схождение линий жизни Сталина и Марра \(Линия Сталина\)](#)
 -
 - [Сталин о нации и языке](#)
 - [Общемировой язык и универсальный алфавит](#)
 - [Любимый сталинский академик «на посту бойца научно-культурного фронта»](#)
 - [О том, как Сталин осваивал азы яфетидологии](#)
 - [Борьба живого и мертвого](#)
- [Глава 5. Расхождение. Подготовка к дискуссии](#)
 - [Почему Сталин занялся проблемами языкознания?](#)
[Мнения](#)
 - [Берия — Чикобава — Сталин: мотивации](#)
 - [Сталин — Чикобава](#)
 - [Загадки яфетической пирамиды](#)
 - [Сталин: «Язык — материя духа»](#)
 - [Лингвистический «заговор» Сталина](#)
- [Глава 6. Дискуссия](#)
 - [Замысел и драматургия дискуссии](#)
 - [Сталин, академик И. Мещанинов и другие участники дискуссии](#)
 - [На пике дискуссии](#)

- [Глава 7. И.В. Сталин «Относительно марксизма в языкознании»](#)
 - [Концепция](#)
 - [Первый сталинский удар по «новому учению о языке»](#)
 - [Второй удар по «новому учению о языке»](#)
 - [Третий удар](#)
 - [Четвертый сокрушающий удар](#)
- [Глава 8. Откровения «корифея языкознания»](#)
 - [Резонансы](#)
 - [Почетный академик отвечает на вопросы аспирантки Е. Крашенинниковой](#)
 - [«Язык-мышление» или «мышление и язык»? Ответ Сталина и ответ Марра](#)
 - [Тайна символа. «Философия символических форм»](#)
- [Глава 9. Языки и мышление](#)
 - [«Ответ тов. Санжееву», или О языке «от папы и мамы»](#)
 - [Расистские и нацистские интерпретации происхождения языка и нации](#)
 - [Похвальное слово жесту](#)
 - [Ответ Сталина на вопросы студента Холопова](#)
- [Глава 10. Послевкусие от дискуссии](#)
 - [Между утверждением и крахом «сталинского учения о языке»](#)
 - [Язык-мышление или мышление и язык?](#)
 - [О понимании](#)
- [Вкладка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)

- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)

- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)

- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)

- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)

- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)

- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)

- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)

- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)

- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)

- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)

- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)

- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)

- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)

- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
-

Борис Илизаров

Почетный академик Сталин и академик Марр

На странице одного из томов первого издания Большой советской энциклопедии, принадлежавшей Иосифу Виссарионовичу Сталину, на полях текста, имевшего прямое отношение к академику-лингвисту, археологу, этнографу, историку, организатору и руководителю множества научных и учебных заведений, путешественнику Николаю Яковлевичу Марру (1864/65—1934), кремлевский вождь спустя несколько лет после Второй мировой войны написал: «Язык — материя духа». Это неожиданное высказывание доктор исторических наук Борис Илизаров решил взять в качестве камертона для своей новой книги о Сталине. Автор первым поднял все сохранившиеся материалы о языковедческой эпопее в сталинском архиве, изучил книжные издания с пометами генсека, сохранившиеся в его личной библиотеке, а также материалы из архива академика Марра, более полвека пролежавшие в забвении. Но сама по себе дискуссия — это лишь эпизод в истории России середины XX столетия, а также один из штрихов в политической биографии Сталина. Гораздо важнее то, что вместе с героями новой книги Борис Илизаров пытается разглядеть тончайшие нити, связывающие каждого из нас, родившихся на планете Земля, с древнейшим прошлым человечества, с тем прошлым, когда человечество озарили первые вспышки сознания.

© Илизаров Б.С., 2012

© Институт российской истории РАН

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Матери, подарившей слово

*Смерть и жизнь — во власти языка, и любящие
его вкусят от плодов его.*

Притч. 18, 11–22

Человек одинаков во всех народах, различны лишь имена; душа одна – различны голоса; дух един – различны звуки; у каждого народа свой язык, но материя языка – всеобща.

Тертуллиан

А кто способен нам сказать про то далекое прошлое, зарю самоочеловечившегося зверя, уже разумного и говорящего или по пути к овладению разумом и языком? Кто или что? Язык, только язык.

Н. Марр

Язык – материя духа.

И. Сталин

Глава 1. О Начале начал

О Начале начал и Слове

На странице одного из томов первого издания Большой советской энциклопедии, принадлежавшей Иосифу Виссарионовичу Сталину (1878–1953)^[1], с текстом, имевшим прямое отношение к академику-лингвисту Николаю Яковлевичу Марру (1864/65—1934), кремлевский вождь спустя несколько лет после Второй мировой войны написал: *«Язык материя духа»* ^[1]. Это неожиданное высказывание я решил взять в качестве камертона для новой книги о Сталине, а точнее, о шумной научно-политической кампании — всесоюзной лингвистической дискуссии 1950 года, завершившейся публикацией сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания». Еще в первом исследовании, посвященном интеллектуальному и духовному портрету тирана, я использовал в качестве камертона другую его сентенцию: *«Ласково забитый, злобно зацелованный»*^[2]. Предполагаю, что это позволило мне тогда предварительно настроить читателя на трактовку его зыбкого, но неординарного образа. И сейчас я надеюсь на встречный интеллектуальный и душевный отклик, поскольку фраза *«Язык материя духа»* была написана семидесятилетним стариком, организатором тотальной бесчеловечной власти и невиданных массовых репрессий против собственного народа, вульгарным материалистом не только по формальным партийным убеждениям, но и по своей житейской практике. Здесь еще одно из затемненных пространств сталинского мышления, которое я пытаюсь осветить в новой книге о нем и о Марре, очень своеобразном человеке и ученом. Анализ языка-мышления Сталина (не в понимании Марра) — главный объект моего интереса. Я первым поднял все сохранившиеся материалы о языковедческой эпопее в сталинском архиве, книжные издания с его пометами, сохранившиеся в личной библиотеке генсека, а также материалы из архива академика Марра, полвека пролежавшие в забвении. Но сама по себе дискуссия — это хоть и значимый, но все же эпизод в истории России середины XX столетия и один из штрихов (и не самых впечатляющих) в политической биографии самого Сталина. Для меня гораздо важнее то, что вместе с героями новой книги я пытаюсь разглядеть тончайшие нити и отдаленные цепочки, связывающие каждого из нас родившегося на планете Земля, с

древнейшим прошлым человечества и с текущим общемировым временем, с тем прошлым, когда человечество озарили первые вспышки сознания.

Все распадается, все рано или поздно фрагментируется и теряет свой облик и образ, но пока звучит слово, язык, от поколения к поколению передается знание (информация), а с ними культура, человечеству обеспечена бесконечная, по человеческим меркам, историческая жизнь, потому что язык действительно «материя духа».

* * *

История человечества есть история его умственного и душевного развития. Все остальное, вся мировая цивилизация: государство, материальное производство, искусство, мораль, освоение природы, наука и т. д., — это результат развития ума и души, то есть плоды познания (понимания) окружающего мира. Весь мир говорит, но сам о себе он ничего не знает. Все живое разговаривает, но понимает только подобных себе. Человек же способен понять языки и одушевленных и неодушевленных, а слова и мысли живых и давно умерших. Человек не может существовать, не стремясь понять не только окружающее, но и самого себя. Сложнее всего добиться понимания человека человеком, включая самого себя, хотя средств для этого выработано множество. Главное средство общения между людьми и общения с самим собой — Слово (Логос), чья особенная природа и сила сопоставимы с природой дыхания, с силой вневременной души, с самой жизнью.

Слово — всего лишь разновидность человеческого дыхания, а дыхание — символ жизни. Это членораздельное, прерывное и последовательное выдыхание-звук, своего рода ритмичная мелодия, с помощью которой мысль обретает плоть, материальность. Как в древнегреческом, так и в древнерусском языках слово-логос означало не только средство общения, но и саму действенную мысль. Слово по отношению к мысли — ее внешнее выражение, мысль по отношению к слову — внутреннее содержание. Однако можно дышать, не произнося слова и ни о чем не думая, но невозможно говорить не дыша. Можно мыслить, не произнося слова даже внутренней речью, а погружаясь в неартикулируемое «созерцание сущностей» (любимое выражение

старинных мудрецов). И наконец, можно выразить себя (свою мысль): взглядом, жестом, мимикой, телодвижениями, одеждой и украшениями, организацией окружающего пространства, рисунками, узелками на веревке, зарубками на палке, буквами на бумаге и отверстиями в перфоленте, электромагнитными импульсами и волнами и т. д. и т. п., то есть огромным разнообразием символов и знаков. И если все сущее вещает о себе (не ленись только расшифровывать языки природы), то и человек говорит всей своей сутью. Однако что же такое язык? Как возможно почти бесконечное разнообразие способов для выражения одной, всем понятной мысли? Почему можно простейшим словом-символом выразить глубочайшую мысль? Как люди понимают друг друга, говоря на разных языках, и почему не может понять один другого, даже беседуя на общем, родном языке? И все же понимание — это то, в чем человечество всегда испытывало дефицит.

Лингвист, археолог, этнограф, историк, организатор и руководитель множества научных и учебных заведений, путешественник академик Н.Я. Марр утверждал, что древнейший способ общения между людьми когда-то больше всего напоминал коллективный ритмический танец-песню, в котором неразъемно сливались: звук, жест, ритм, пляска, смысл, эмоция... У всех людей на земле первоначальный язык был структурно однороден и лишь «исполнялся» с некоторыми племенными различиями. Он походил на множество первичных «языковых моллюсков» (выражение Марра) и был практически нечленоразделен, и только в процессе миллионнолетней эволюции мышления-языка расцвели сотни членораздельных языков разнообразных систем. По каким-то одному ему известным причинам Марр предполагал, что в будущем все языки сойдутся в единый общечеловеческий язык.

Марр был человеком странным — возможно, гением, возможно, безумцем, возможно, шарлатаном, а может быть, и всем сразу. Как доказать длительную эволюцию протоязыка доисторического человечества, если слово-звук растворяется без следа во времени и пространстве в тот же миг, когда произносится, а первые системы письменности, фиксирующие образ-понятие-слово, были изобретены едва ли более семи-восьми тысяч лет назад? Об этом мы можем судить по письменам давно мертвых языков. Конечно, живой язык может передаваться от поколения к поколению в течение нескольких тысячелетий, и поэтому, изучая современный язык и сравнивая его с

другими языками, можно отыскать сохранившиеся очень древние рудименты, выявить его корни и разветвления предположительно тысяч за шесть — десять прошедших лет. Этим и занимается современная лингвистика, опирающаяся на сравнительно-исторические (компаративистские) методы исследования. Ну а дальше в глубь веков — абсолютное безмолвие: нет письменных источников, нет живых носителей более древних языков.

Итак, когда же человечество заговорило? С какого момента человечество стало эволюционировать не только к человеку умелому, а как человек разумный к существу все более разумеющему? Двадцать пять тысяч лет назад, когда, как предполагают некоторые ученые, возник первый звуковой (фонетический) язык? Или триста тысяч лет назад, миллион лет, а может быть, более трех миллионов лет тому назад язык этот был не звуковым, а языком мимики и жестов? А когда, наконец, человечество членораздельно заговорило, то из каких звуков речь состояла и какими смыслами была наполнена? Ничего не известно, и с такой же уверенностью можно утверждать, что язык появился исторически недавно и он с самого начала был фонетическим, а мимика и жест всего лишь дополнительные средства выражения эмоций, как считали многие, в том числе и Сталин. Остается только гадать, опираясь на косвенные, «молчаливые», главным образом археологические и палеоантропологические источники. Поэтому с начала XIX века, с того времени, когда в Европе лингвистика оформилась как позитивная наука, большинство серьезных языковедов отказалось от попыток поиска праязыка человечества, но произошло это от отчаяния и вынужденно. В конце XIX века «Лингвистическое общество» в Париже вставило в свой устав пункт, согласно которому оно заранее исключило из своего рассмотрения вопросы, связанные с проблемами происхождения языка. Таким образом, важнейший вопрос, прямо связанный с происхождением человечества, был изъят из научного рассмотрения точно так же, как до сих пор изымаются проекты вечного двигателя. На самом же деле загадка происхождения языка и мышления равнозначна проблеме происхождения нашей Вселенной; это та загадка, к которой человечество будет возвращаться раз за разом и век за веком. До разочарований конца XIX века очень многие выдающиеся умы смело брались за разгадку происхождения слова, не всегда осознавая, что на самом деле они пытаются раскрыть

древнейший исток, Начало начал человеческого мышления, то есть загадку Начала начал человеческой истории.

Два величайших мыслителя И. Кант и Ф. Гегель, возможно, были последними из тех, кто на спекулятивно-философском, умозрительном уровне попытались раскрыть эту загадку. Кант, будучи глубоко верующим в Бога рационалистом, взял в качестве рабочей модели библейскую историю происхождения человека, его мышления и речи как рабочую модель начала человеческой истории. «Итак, — размышлял Кант, — первый человек умел стоять и ходить, он мог говорить (Бытие 1, 11, 20), даже разговаривать, то есть говорить с помощью связанных понятий (стих 23), а следовательно, мыслить. Все звуковые навыки он должен был выработать сам (ибо если бы они были врожденными, то были бы также наследственными, что, однако, опровергается опытом), но теперь я принимаю его как уже снабженного ими».^[3] Используя библейскую метафору, Кант говорит о начале человеческой истории как моменте становления человека мыслящего и говорящего, развернутого в своем глубинном антагонизме душой к добру.

Гегель решительно отверг библейскую модель в кантовской интерпретации, заявив, что человеческая история начинается с появления государства. Он утверждал, что процесс образования из семей и племен народов (то есть первобытный период) «совершался без истории», а «связанное с этим процессом распространение и развитие царства звуков (языка. — *Б.И.*) само оставалось беззвучным и немым и происходило втихомолку». Догосударственное (дописьменное) прошлое человечества «остается скрытым во мраке немого прошлого». Он был убежден, что «быстрое развитие языка, передвижение и обособление наций получили значение и привлекли к себе интерес конкретного разума частью только при соприкосновении наций с государствами, частью благодаря тому, что у них самих начали образовываться государства»^[4].

Историки Нового времени без особых размышлений приняли оба варианта разом, введя в качестве умозрительной границы понятие «цивилизация». Начальная история человечества есть длительный процесс становления человека первобытно-умелого и говорящего, а с появлением государства началась эпоха городских сгущений и достижений, то есть цивилизаций.

Марр редко прислушивался к мнению признанных авторитетов и, совершив нечто вроде научного кульбита, используя интуицию и собственные доморощенные языковедные методы, вернулся к «преднаучной» традиции строить смелые догадки, впериw свой умственный взор в темные и бездонные пространства прошлого. И там ему привиделась первая картина вселенской драмы человеческой истории, первичный этап происхождения языка и мышления.

Lingua Adamica

Связь между дыханием (жизнью), словом и мыслью настолько очевидна, что говорят о животворящем, умном и одухотворенном слове и мертвом безмолвии. Древние греки (от Платона и до Плотина включительно) пытались обожествить мировой Универсум (Универсальный Ум), порождаемые им идеи, а затем и его Слово. В древнегреческом языке Logos означало одновременно Слово и Мысль ^[2]. Филон Александрийский был одним из тех выдающихся мыслителей Древнего мира, кто увидел в учении о божественном Логосе глубинное подобие ветхозаветному пониманию божественного Слова. Князь Сергей Николаевич Трубецкой посвятил учению Филона несколько разделов своего исследования: «Учение о логосе и его истории». В нем он, в частности, писал: «В отличие от Платона и от стоиков, Филон не видит в своей „идее всех идей“, или в своем Логосе, абсолютного и самобытного начала: Логос есть прежде всего способность Божества, Его энергия, сила или разум, между тем как Оно Само превышает всякой энергии, силы, разума или способности. Можно сказать, что именно в Своем Логосе, как всеобщем месте или всеобщей потенции всех идей, Божество возвышается над всеми ими» ^[5].

Для Филона Слово все еще орудие божественного творчества, но для основателей христианства, среди которых преобладали эллинизированные иудеи, Бог и Слово (Логос) окончательно совместились:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога».

«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от отца... Бога не видел никто никогда...» — так начал свое Писание евангелист Иоанн (Ин. 1, 14–18). И апостол Лука упомянул «служителей Слова» (Лк. 1, 3), как живых участников евангельской истории. Никто больше из евангелистов слову не придал равнобожеского значения. Удивительно, что древняя традиция, и эллинистическая, и иудейская, сразу начали порождать высочайшие религиозно-философские идеи и познавательные абстракции.

Западноевропейская интеллектуальная жизнь издревле питалась из двух истоков: из греко-римской и ветхозаветно-иудейской. И только с конца XVII века, в период Просвещения и становления большинства отраслей научного знания, ветхозаветная, а с ней и вся христианская традиция начинают подвергаться беспощадной критике и шаг за шагом отвергаются. До начала рационалистических времен в Западной Европе господствовало убеждение, что древнейшим языком человечества — *Lingua Adamica* (язык Адама) — был язык первых глав Бытия, то есть язык Моисея и ведомого им по пустыне народа. И действительно, авторство книги Бытие традиция приписывает самому Богу, который открыл первому пророку тайну первых дней творения и начальной истории человечества. На каком языке Бог общался с Моисеем, точно неизвестно, возможно, вообще обошелся без того, что мы называем языком, и без всяких посредников овладел его духом и сознанием? Но всем известно, что первые библейские книги были зафиксированы на древнем, семитском языке. Поэтому до XVIII века у большинства думающих европейцев не было сомнений в том, что первым языком человечества, данным непосредственно Творцом, то есть языком Адама и Евы, был язык еврейский. Одним из первых эту мысль высмеял знаменитый философ Лейбниц. Старший современник Марра и Сталина, всемирно известный исследователь библейского фольклора Д.Д. Фрэзер в конце XIX века подвел итог уходящей наивной эпохе: «Авторы книги Бытие ничего не говорят о природе того общего языка, на котором до смешения наречий говорили все люди, а также, надо полагать, наши прародители друг с другом, со змеем и с Богом в саду Эдема. В позднейшие века возникло предположение, что первоначальным языком человечества был еврейский. Отцы церкви, по-видимому, не питали на этот счет никаких сомнений. Да и в новейшие времена, пока языкознание находилось еще в младенческой стадии развития, делались усердные, но, разумеется, тщетные попытки вывести все разнообразные формы человеческой речи из еврейского языка как общего их источника. В этом наивном предположении христианские ученые не ушли дальше своих собратьев, принадлежавших к другим религиям и видевших в языке, на котором написаны их священные книги, не только язык первородных людей, но и самих богов. Первым человеком, которому в новое время удалось опровергнуть этот вздор, был Лейбниц, сказавший, что „в

предположении о том, будто еврейский язык был первоначальным языком всего человечества, заключается столько правды, сколько в утверждении Гропиуса, опубликовавшего в Антверпене в 1580 г. книгу, где доказывается, будто голландский язык был именно тот, на котором говорили в раю“. Один автор уверял, что Адам говорил на бакском языке, а другие, впадая в прямое противоречие с Библией, возводили разноязычие в самый Эдем, держась того мнения, что Адам и Ева говорили по-персидски, змей по-арабски, а добрый архангел Гавриил разговаривал с нашими прародителями по-турецки... Надо полагать, что все такие лингвистические теории возникли под влиянием национальных симпатий и антипатий их авторов-филологов»^[6].

Действительно, историческая наука и историческое языкознание без труда рассеяли многие наивные убеждения, но до сих пор так и не сумели ответить на вопрос: что же было в начале? Сознательно или не вполне осознавая это, но большинство крупнейших лингвистов, от Вильгельма фон Гумбольдта (начало XIX века) и до Нозма Хомского (конец XX века), как бы вторит Иоанну: вначале у человечества появилась фонетическая речь, то есть слово, что и явилось основным признаком и орудием разума, а это, в свою очередь, сделало возможным формирование подлинно человеческих сообществ. Способность к языку — едва ли не врожденная человеческая особенность. Но всегда были и иные мнения.

Аристотель, Вико, Кондорсе, Гердер, археологи, палеоантропологии и этнографы Нового времени, а за ними многие ученые-дарвинисты и Ф. Энгельс подчеркивали особую роль в становлении цивилизации, освобожденной для разумной деятельности руки человека. Так что же — божественное Слово или Дело сформировали человеческое мышление? А может быть, наоборот, просыпающийся человеческий разум сам изобрел слова, орудия труда и развил все остальные виды творчества? Известный в 20—30-х годах XX века интерпретатор марксизма, любимый ученик Г.В. Плеханова, советский философ А.М. Деборин, цитируя Марра, писал: «Ключом... к раскрытию... прошлого, „заря самоочеловечившегося зверя“ и всего дальнейшего процесса становления человеческого разума, способен служить только **язык**»^[7]. Таким образом, и с этой материалистической точки зрения понимание того, как «очеловечивающийся зверь» обрел

мышление и язык, может стать ключом к раскрытию Начала начал человеческой истории.

Священное Писание (как и вообще вся библеистика) имеет непреходящее значение как для истории мировой культуры в целом, так и для современного историка и философа, который одновременно справедливо опасается пышно расцветшей псевдонаучной и псевдорелигиозной чепухи. Но я, как историк, не могу не учитывать того, что благодаря влиянию монотеистических религий в сознании даже самого рационального или крайне невежественного человека на протяжении столетий буквально роятся библейские образы, ценности, идеи или их разрозненные фрагменты и осколки. И это продолжалось даже в советские времена и происходит в современном атеистическом, по сути, мире. Европейское историческое сознание и его базовые модели зарождения общества, зарождения мышления, труда, языка, культуры, вообще — цивилизации всегда подпитывалось ярчайшими библейскими образами и трактовками. Я рассматриваю мировую религиозную мысль как основу, из которой выросла вся современная наука. И как бы справедливо ни чуралась она (наука) опасностей невежества и чванливого обскурантизма, нельзя не видеть того, что в постижении самых глубинных начал Бытия самая рациональная наука и самая интуитивная теология движут друг друга. Человеческое мышление-язык и есть одно из таких начал. Вслед за Кантом я не вижу непреодолимых противоречий между тем и другим и предчувствую эпоху синтеза «физико-теологических методов»^[8].

Первая глава первой книги Ветхого Завета повествует о шести днях творения мира, когда в качестве средства созидания Всевышний пользуется Словом. По числу дней творения шесть раз повторяется формула «И сказал Бог...». Казалось бы, в первичности божественного Слова как творческого орудия сомневаться не приходится. Но в Начале начал книги Бытие самый первый акт творения есть именно акт, то есть действие, движение, жест: «В **начале сотворил** Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» ^[3] (Быт. 1, 1). Ясно, что здесь первично не Слово, а творческое действие. И только после этого волевого, повелительного созидания-действия (творение), которое, как и всякое действие, начинается с подобия порыва, то есть с жеста и вздоха-выдоха, то есть со звука, вступает в свои права конкретно-предметное божественное

Слово. Значит, в Начале начал было не расчлененное и не выразимое в первичный миг (не день!) творения даже Словом, творческое действие?

Над тайной Начала начал и Слова задумывались многие великие умы человечества. И.В. Гете, который был не только гениальным поэтом, но и глубоким мыслителем (его стихотворную трагедию демонстративно ценил Сталин), устами доктора Фауста выразил всю гамму сомнений и донаучных предположений на этот счет:

Лекарство от душевной лени —
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты
Страницы Нового Завета.
Вот, кстати, и они.
Я по-немецки все писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.

(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.)

«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод
Он ближе этот стих передает
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работу первой фразой.
Могла ли мысль в сознание жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело», — стих гласит^[9].

Итак, в Начало начал Фауст последовательно подставляет: Слово, Мысль, Сила, Дело.

Гете находился под сильным влиянием своего старшего друга, одного из основателей современной европейской исторической науки и научного языкознания протестантского пастора Иоганна Готфрида Гердера. Это Гердер, написавший специальное исследование о древнееврейском языке и библейском фольклоре, в своих «Комментариях к Новому Завету» воскликнул (а Фауст переосмыслил его восклицание): «Слово! Но немецкое „слово“ не передает того, что выражает это древнее понятие... слово! смысл! воля! дело! Деятельная любовь!»^[10] Справедливо это замечание и для русского эквивалента.

Нет, не случайно немецкий историк и философ Гердер считается основоположником научного языкознания. За несколько лет до выхода его книги «О происхождении языка» (1772) другой философ и приятель Гете и Гердера Иоганн Георг Гаман выступил с очередной интерпретацией господствовавшей тогда богословской теории о божественном происхождении языка и мышления. Гаман опубликовал серию очерков под общим названием «Крестовые походы филолога» (1762). С точки зрения Гамана, мир — это язык, на котором божество говорит с человеком. Когда люди говорят, они переводят этот божественный язык на язык свой, человеческий. «Говорить значит переводить с ангельского языка на человеческий, то есть переводить мысль в слова — вещи в имена, образы в знаки; знаки могут быть поэтические или кириологические, исторические или символические, или иероглифические — философические или характернологические»^[11]. Здесь все было правильно даже с точки зрения современной науки, кроме, пожалуй, того, что человеческое слово не только божественный дар, но и происходит от языка ангелов, а человек приспособил его под себя. Гегель, внесший неоценимый вклад в философию происхождения языка и испытавший сильнейшее влияние Гамана, процитировал одну из его идей, легшую в основу современного научного языкознания: «*Вся способность к мышлению основана на языке*»^[12]. Но вопрос в том, что понимать под способностью к мышлению и что подразумевается, когда произносят слово «язык»? Для современного читателя напомним библейскую версию происхождения языка и, соответственно, происхождения мышления, а затем и наций.

Уже в раннем Средневековье сложилось предание о Lingua Adamica, то есть языке праотца Адама. Оно несет ту мысль, что все люди не только произошли от одного корня, но и начали свой цивилизационный забег с одного уровня мышления. «Язык Адама» казался обязательной частью божественного творения мира.

Откроем первую главу Бытия: Творец рассуждает, ведет сам с собой внутренний диалог и через этот диалог пошагово, подобно углубленному в творческий процесс человеку, решает задачу мирозидания. Здесь Слово-мысль-язык-дыхание-звук тождественны, как и греческий Logos, как нерасчлененны они во внутреннем диалоге размышляющего, в глубоком одиночестве, творческой личности. Только после того как единым творческим действием-порывом воздвиг небо и землю (Космос), Он своим «говорением» творит свет и отделяет его **наименованием** (опять же говорением) от тьмы. Затем говорением сотворил и человека. Если прислушаться к мнению крупнейшего лингвиста-психоаналитика и философа XX века Жака Лакана, то евангельский логос — это язык (слово), но не речь (говорение). И уже после того, как Бог выражает себя языком-Словом, Он «пользуется речью, говоря: „Да будет свет“»^[13]. В этой интерпретации евангелист Иоанн не противоречит ветхозаветной традиции.

С рождением Адама у Творца появляется собеседник, и первое, что Он делает, — это дает Адаму свободно, самому изобрести свою речь: «И **сказал** Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; **сотворим** ему помощника, соответственно ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел (их) к человеку, чтоб **видеть, как он назовет их**, и чтобы **как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей**.

И **нарек человек имена** всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2, 19–20). Похоже, что способность к языкотворчеству (к плоттогонии) была заложена в человека изначально (генетически), но язык как таковой человек изобретал сам, а для этого нужен был разум, то есть хоть какая-то способность к моторике, к мышлению и к социальности, которые предвосхищали языкотворчество.

Так что, в отличие от Гамана, пастор Гердер не погрешил против Библии, заявив: «Уже как животное человек обладает языком... Предоставьте человеку полную свободу ощущений. Пусть он видит, и

осязает, и чувствует сразу все существа, чьи речи слышит ухо. О, небо! Какая это широкая аудитория для изучения понятий и языка!.. Я спрашиваю вас, была ли мысль о том, что „именно разум, давший человеку власть над природой, явился отцом живого языка, который он перенял у звучащих существ, превратив их звуки в отличительные приметы“, была ли эта прозаическая мысль, спрашиваю я, когда-либо облечена в более благородную и прекрасную форму, чем в словах, сказанных в истинно восточном духе: „Господь Бог привел всех животных полевых и всех птиц небесных к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы как назовет человек всякую душу живую, так и было имя ей“. Можно ли было в духе восточной поэзии яснее, чем в этих словах, выразить мысль. *Что человек сам себе создал язык, сотворил его из звуков живой природы, превращенных в приметы, осознанные его могучим разумом!..* Если бы язык был сотворен ангелом или небесным духом, то все строение языка являлось бы отпечатком образа мышления этого духа... Но разве мы видим это где-нибудь в нашем языке? И вся постройка, и план, и даже фундамент этого дворца выдают его человеческую природу»^[14].

Lingua Adamica — это язык, на котором не только Бог общался с Адамом и Евой, но и Змей-искуситель совращал первую человеческую пару. Это значит, что даже высшая сила, создавшая человека, отказала всем, в том числе и себе самой, прямо вторгаться не только в сознание, но и в подсознание человека, предоставляя ему полную свободу во всех его хороших и дурных замыслах, тайных намерениях и поступках. Язык (какое бы ни давать ему определение) не только обеспечивает обмен мыслями, то есть общение между людьми, он является мощнейшим барьером, оберегающим от прямого вторжения в человеческую интимность, то есть в его мышление и подсознание. Благодаря языку люди не только объединяются в сообщества, но и отъединяются друг от друга как индивиды. Язык — богатейшее средство связи одного сознания с другим, средство, которое каждый волен использовать или нет. Так что сознание не только соединяется, но и отъединяется от других благодаря наличию языка. О благотворной изолирующей функции языка обычно не задумываются ни лингвисты, ни психологи, ни философы. Своей двойственной функцией язык поддерживает не только существование общества, но и внутреннюю целостность, самость человеческой особи, рождение личности. Для

религиозного сознания изолирующая функция языка делает возможной духовно-интимную связь с Божеством, а для обыденного сознания — связь с совестью. Как истинная вера, так и совесть изначально молчаливы и неартикулируемы, но глубоко значимы. Безъязыковое мышление как высшую его форму допускает и выдающийся философ, лингвист и историк античной эстетики Лосев. В конце книги вернемся к обсуждению этого вопроса.

Вавилонское столпотворение, или Библейская версия происхождения языков-наций

Общечеловеческий «язык Адама» вместе с сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Иафетом (Яфетом) пережил Всемирный потоп. От сыновей Ноя «населилась вся земля». Казалось бы, все было не так уж плохо до тех пор, пока люди (эта Каинова родня!) возгордились настолько, что решили встать вровень с Богом, для чего затеяли строительство Вавилонской башни. В русском переводе Ветхого Завета этот эпизод передан в драматической тональности:

«На всей земле был один язык и одно наречие . Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там... И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли .

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые построили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, **один народ, и один у всех язык ;** и вот что они начали делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и **смешаем там язык их** , так чтобы один не понимал речи другого. И **рассеял их Господь оттуда по всей земле;** и они перестали строить город (и башню).

По сему дано ему: имя Вавилон, ибо там **смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»** (Быт. 11, 1–9).

Библейская история происхождения языков и наций интересна тем, что, во-первых, она уникальна (по моему мнению, даже Фрэзер не нашел для нее достаточно близких аналогий в мировом фольклоре), а во-вторых, она предлагает модель происхождения языков и наций по типу пирамиды, поставленной на острие. Долгое время люди чувствовали себя единой семьей, поскольку все вели свое происхождение от Адама и все говорили на адамическом языке. В результате третьего общечеловеческого грехопадения (первый — грех Адама и Евы, второй — Каиново братоубийство, и каждый раз это была разновидность греха — зависти!) ^[4], люди разделились по племенам и нациям, главным признаком которых стал этнический язык.

На первых порах, то есть в XIX веке, лингвистика использовала библейскую терминологию и очень скоро обнаружила, что некоторые языки, даже очень древние и мертвые или географически отдаленные, на самом деле близки друг к другу по грамматическому строю, по словарному составу, по корням слов или по созвучию (фонетике) и т. д. Так появилось представление о языковых семьях, то есть о языках, происшедших от одного корня, одного давнего предка, от праязыка. Довольно быстро определили семитическую семью языков, получившую название от праотца Сима, а по имени Хама пытались обосновать хамитскую группу языков, близкую к семитической. Но до языковой семьи, образованной от имени Яфета, дело толком не дошло, так как основное внимание европейские ученые сначала уделяли изучению западноевропейских языков. Выяснилось, что многие европейские языки очень близки к древнегреческому и латинскому языкам, а все они имеют общие черты с некоторыми языками Индии, Ирана и древнего скифского ареала. Так возникло представление об индогерманской семье языков, которую некоторые исследователи стали расширять до индоевропейской языковой семьи, имея в виду не только германские, романские, но и славянские и некоторые другие наречия. Но в целом Россия, как европейская, так и азиатская, включая Кавказ, была для лингвистов XIX века почти terra incognita. В конце XIX — начале XX века сложились российская филологическая и лингвистическая школы, в которых самые почетные места занимали А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.Н. Веселовский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.Р. Розен и др. Последний был одним из учителей Марра, а Бодуэн де Куртенэ оказал на него сильнейшее влияние. В 1901 году он опубликовал очень близкую ему по духу работу «О смешанном характере всех языков», укрепив Марра в одном из самых важных лингвистических тезисов^[15]. В архиве Марра сохранилась переписка с выдающимся российским языковедом, которую они вели вплоть до того времени, пока последний не уехал в эмиграцию. Бодуэн с большим сочувствием относился к марровским поискам новых идей^[16].

В научной лингвистике XIX века сразу же проявились и другие тенденции. Настойчиво велись исследования по определению основных параметров праязыка индоевропейской языковой семьи. Но поскольку со временем выяснилось, что все такие поиски гипотетически когда-то существовавшего общего языка-предка приводят к недоказуемым

объективными методами результатам, то к началу XX века большая часть известных исследователей отказалась от прямых попыток обнаружить твердые и проверяемые доказательства реального строя индоевропейского праязыка. Считалось, и многие исследователи убеждены в этом до сих пор, что серьезные разговоры о праязыках будут возможны лишь в очень отдаленном будущем, когда накопится необходимый эмпирический материал^[17]. Еще более сложным было отношение к гипотетическому праязыку всего человечества.

XIX век — время особо агрессивного европейского национализма и не менее агрессивного, опять-таки специфически европейского, космополитизма. Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938, сын С.Н. Трубецкого), крупнейший лингвист и философ XX века, вынужденный после революции эмигрировать на Запад, обратил внимание на идейную близость крайнего национализма и космополитизма. Он утверждал, что западные, романо-германские деятели повинны как в расцвете шовинизма, так и в том, что Трубецкой справедливо называл европоцентризмом, то есть в попытке нивелирования самобытных культур различных народов на европейский лад, а главное, в желании оценивать степень их развития по меркам западноевропейской цивилизации. Последняя объявлялась образцом и высшим проявлением общемировой культуры, образчиком к которому должны стремиться все народы. Трубецкой со страстью писал о равноправии и равноценности всех самобытных культур, но все общечеловеческое низводил до уровня животного и первично-детского, то есть до примитивных, начальных этапов становления человечества и человека. Национальное же для него, как и для многочисленных националистов разных оттенков, стало равно **личностному**. «Если только рассматривать народ как психологическое целое, — писал он, — как известную психологическую личность, надо признать для него возможной и обязательной некоторую форму самопознания»^[18]. Рассматривать народ как своеобразную коллективную личность, как персону стало в Европе модным лишь с конца XVIII — начала XIX века. Постепенно и в России, начиная с работ Н.Я. Данилевского, разнообразным этническим группам (славянам, романо-германцам, семитам и др.) стали приписываться качественные свойства личности, включая особую национальную душевность и духовность. Больше того, в умах некоторых мыслителей и особенно агрессивных политиков XX

века, национальное стало приобретать гипертрофированное и самодовлеющее значение по сравнению с общечеловеческим, да и просто — человеческим^[19]. В XX — XXI веках идол национализма вырос до размеров вселенского Молоха, пожравшего миллионы жизней в мировых и локальных войнах, в погромах и этнических зачистках.

Казалось бы, как иначе можно трактовать известную библейскую притчу о строительстве Вавилонской башни, кроме как форму назидательного урока всему человечеству, как наказание его многоязычием и национальной рознью за завистливую ревность к всемогуществу Создателя? Но вот как перетолковал достаточно прозрачный смысл библейской притчи Николай Трубецкой:

«Совершенно отвлекаясь от вопроса об исторической подкладке библейского повествования о вавилонском столпотворении, следует признать за этим повествованием глубокий внутренний смысл. В этом повествовании Священное Писание рисует нам человечество, говорящее на одном языке, то есть лингвистически и культурно вполне однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловеческая, лишенная всякого индивидуального, национального признака культура, чрезвычайно односторонняя при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!), полная духовная бессодержательность и нравственное одичание. А вследствие этих свойств культуры — непомерное развитие самодовольства и гордыни, воплощением чего является безбожный и в то же время бессмысленный замысел постройки Вавилонской башни. Вавилонская башня — чудо техники, но не только без религиозного содержания, а с прямым антирелигиозным, кощунственным назначением. И Бог, желая воспрепятствовать осуществлению этого замысла и положить конец кощунственному самопревознесению человечества, смешивает языки, то есть устанавливает на вечные времена закон национального дробления и множественности национальных языков и культур. В этом акте божественного промысла заключается, с одной стороны, признание того, что безбожная самопревозносящаяся техника, ярко выразившаяся в замысле постройки Вавилонской башни, есть не случайное, а неизбежное и естественное следствие самого факта единообразной, национально не дифференцированной общечеловеческой культуры. С другой стороны — указание на то, что только национально ограниченные культуры могут быть свободными от

духа пустой человеческой гордыни и вести человечество по путям, угодным Богу»^[20].

Разумеется, не только под пером Н. Трубецкого национальное из наказания и коллективной беды человечества, из источника вражды и бесчисленных войн превратилось в магистральный путь развития, «угодный Богу», а не в путь искупления. Трубецкой был младшим современником Марра, хорошо знал его лингвистические работы, был одним из наиболее непримиримых заочных оппонентов и, как это нередко бывает с антагонистами, по некоторым позициям оказался к нему близок^[21].

Вся вторая половина XX века прошла в СССР, а затем в России в полуоткрытой борьбе за признание или окончательное забвение Марра и его «нового учения об языке». По моим наблюдениям, ни один заметный отечественный лингвист, палеоантрополог, этнограф или кавказовед не могли обойтись без определения своего отношения к трудам Марра. После 1950 года, когда его имя и труды стали почти так же запретны, как большинство произведений «врагов народа», заочная полемика с Марром или его осторожная апологетика велась чаще всего анонимно. В крайнем случае упоминали имена его последователей или учеников, но не его самого. Впрочем, осведомленные люди легко соображали, о чем идет речь. Можно сослаться на иронию истории, но до падения советского строя и языковедческие публикации самого Сталина оказались под молчаливым запретом. И о том и другом авторе упоминали в редчайших случаях. Положение изменилось только с началом перестройки в конце 80-х годов XX века. Несмотря на то что литературы о дискуссии 1950 года накопилась к настоящему времени изрядно, она мало что добавляет к тем изданиям, о которых упоминается в этой книге.

* * *

Марр, конечно, хорошо знал библейскую историю Вавилонского столпотворения. Уже коренным образом «перестроившись», став заправским материалистом, он продолжал отталкиваться от этого образа: «Власть неба над мыслями человека утрачивается. Наказанное некогда за дерзновение человечество, мечтавшее соорудить столп или

башню для одоления небесных сил, ныне, обходясь без столпа и без башни, свободно лепит на технически улучшающихся с каждым днем самим им созданных крыльях и несется в небесную высь, не сегодня завтра завладеет физически владениями исчезнувших небожителей»^[22]. Марр любил образы, в особенности образ парения, на «крыльях» которого он воспарял много выше Вавилонской башни.

Четыре исследования упомянем особо

Сталин, не имея элементарной научной подготовки и не получив даже полноценного начального образования, не владея ни одним иностранным языком, кроме русского, в мае 1950 года организовал и сам принял участие в дискуссии о происхождении языков и мышления, задавшись целью развенчать своего же выдвиженца 30-х годов XX века, знаменитого лингвиста, археолога, археографа, фольклориста, кавказоведа и этнографа, первого члена ВКП(б) из среды академиков с дореволюционным стажем Н.Я. Марра. Маститые отечественные лингвисты по большей части не любят вспоминать ни о дискуссии и участии в ней своих почивших учителей, ни Марра — диссидента и мага от науки, ни «гениального» языковеда Сталина. Когда все же вспоминают о дискуссии, то образ Марра рисуют злостно-карикатурно, напирая на его «нелепость» и даже невменяемость, а неожиданные действия советского вождя осторожно представляют спасительными для советской лингвистики. Как та, так и другая оценки очень несправедливы, а главное, они не базируются на изучении архивных документов и выверенных фактах^[23].

Четыре издания следует упомянуть особо, поскольку они с наибольшими подробностями освещают историю дискуссии 1950 года и проблемы лингвистики в связи с воззрениями Марра на происхождение языка и мышления.

В 1983 году Институт языкознания АН СССР выпустил монографию академика АН СССР В.А. Серебренникова «О материалистическом подходе к явлениям языка». Автор был одним из молодых и активных участников дискуссии 1950 года. Буквально накануне дискуссии он был уволен с работы за критику марризма. После участия в дискуссии карьера Серебренникова круто пошла вверх. На закате жизни, более чем через тридцать лет после событий, став маститым и признанным ученым, бдительный антимаррист обратился к теоретическим основам: к проблемам социальной природы языка, типов мышления и стадий в развитии языков мира, к вопросу о праязыке человечества и другим идеям, когда-то находившимися в центре внимания Марра и его последователей. С моей точки зрения, книга достаточно легковесна и догматична. И хотя автор время от

времени бросает жесткие обвинения Марру и своим коллегам в антинаучности, но, по сути дела, часть вопросов рассматривается им в том же марровском духе^[24]. Создается впечатление, что автор в конце 80-х годов XX века, обвиняя коллег в антимарксизме и возрождении марризма, тем не менее кое-что снова в нем принял, но по каким-то причинам так и не решился признаться в этом. О трудах Сталина автор упоминает вскользь и достаточно глухо. После выхода книга была встречена официальной советской лингвистикой «в штыки». Как вспоминал ответственный редактор этого издания В.П. Нерознак: «После выхода в свет книги, она подверглась резким нападкам со стороны задетых в ней ученых, результатом которых стало изъятие ее из продажи»^[25]. Я упоминаю этого автора еще и потому, что изгибы научных взглядов Серебренникова очень типичны для многих известных советских лингвистов XX века. К счастью, книгу Серебренникова можно и сейчас найти в публичной библиотеке.

Как антипода Серебренникову можно назвать имя крупнейшего отечественного культуролога и философа А.Ф. Лосева. В работах, вышедших после 1950 года, редко упоминая Марра, автор часто ссылаясь на его последователей, а главное, успешно развивал идеи о праязыке человечества, о символической функции знака, о тончайших взаимодействиях в процессе развития мышления, языка, ритмики, пластики и даже о связи развития качества мышления с развитием общественно-экономических формаций^[26]. Этим Лосев в некоторой мере подхватил теоретическую линию, начатую Марром. Интересная деталь: так получилось, что в 1930 году, на XVI съезде ВКП(б), Марр был вознесен Сталиным как ярчайшее светило советской науки, а молодой Лосев подвергся уничтожающей критике ближайшего соратника Сталина Л.М. Кагановича (фактически самим Сталиным).

Лингвисты и историки науки Западной Европы и США проделали заметную эволюцию в отношении учения Марра и лингвистических писаний Сталина. При жизни Марра его работы, в том числе на европейских языках, чаще замалчивались, а в редких случаях подвергались разгромной критике (А. Мейе и др.^[27]). После дискуссии 1950 года мнения зарубежных ученых разделились. Меньшинству (в том числе крупнейшему лингвисту второй половины XX века Н. Хомскому) была ближе позиция Сталина, публично развенчавшего Марра, хотя, как они сами же отмечали, ничего нового в лингвистику

Сталин не внес. Но большинство западных историков лингвистики признали в Марре предшественника набравшего силу структурализма, кинетики и других предвоенных и послевоенных течений, в его адрес зазвучали хвалебные отзывы. В уже упоминавшейся монографии П. Серио (швейцарское издание 1999 года) предлагается наиболее взвешенная оценка работ Марра и марризма, но о роли Сталина в советской лингвистике 20—30-х годов ничего не говорится^[28].

Как эта, так и все иные отечественные и зарубежные исследования проведены исключительно на базе опубликованных материалов, а многие зарубежные авторы пользуются информацией из «вторых рук». Письменный язык Марра сложен для понимания даже русскоязычному читателю, но он еще менее доступен для читателя иностранного. Несмотря на это, научные идеи Марра медленно, но все увереннее занимают умы европейского научного мира. Все чаще на серьезных международных научных конференциях обсуждаются вопросы, поставленные Марром более полувека назад^[29].

Несмотря на значительное количество отечественных работ, вышедших в последние два десятилетия, авторы которых выступали как за и, что было гораздо чаще, против Марра и его научного наследства, наиболее всестороннее освещение оно нашло в работе историка языкознания В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» (1991). Автор очень обстоятельно подошел к рассмотрению вопроса, привлек большое количество опубликованной на тот момент мемуарной литературы и, лично опросил живых участников событий. Благодаря его стараниям в 2002 году был переиздан сборник цитат из работ Марра под названием «Яфетидология» (первое издание 1933 года)^[30]. Из этих книг я почерпнул важные исходные историко-лингвистические сведения. Отдавая должное работам Алпатова, не могу не отметить два существеннейших недостатка. Его исследования написаны с откровенно заданной целью: автор всеми способами (не всегда корректными) старается расписать худшие черты характера Марра, граничащие, по его мнению, с душевной болезнью. Создается впечатление, что автор таким способом пытается бросить тень не столько на Марра-человека, сколько поставить под сомнение языковедческие труды своего героя. В книге неоднократно встречаются фразы типа: «Есть ли у нас основание сомневаться в здравости рассудка Марра на самом деле? Конечно, мы вступаем здесь в область

труднодоказуемого и трудноопровергаемого, но все же попробуем в этом разобраться»^[31]. «Ненормальность Марра в последние десятилетие его жизни не вызывает сомнений. Однако можно ли снять с него ответственность за то несомненное зло, которое он творил в это время?»^[32] При этом не приводится ни одного доказательства умопомрачения Марра и, тем более, его реальных «злодеяний». В конце концов, автор украсил свое сочинение сценой: перед смертью старый, больной и безумный академик забивается под свой рабочий стол, прячась от якобы неминуемого ареста. Откуда автор почерпнул такие впечатляющие подробности и красочные детали, понять невозможно. А если учесть то, что в последние годы жизни академика Марра Сталин ему благоволил, самолично отвечал на его записки, позволил занять номенклатурную должность вице-президента АН СССР и еще десяток других важнейших академических должностей, наградил высшими советскими наградами: орденом В.И. Ленина и Ленинской премией, похоронил с такими же почестями, которыми удостоивались лишь высшие советские вожди, его именем были названы научные учреждения и, наконец, специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) вдове Марра выделил персональную пенсию, то все приведенные бездоказательные пассажи вызывают, по крайней мере, недоумение. Бросается в глаза нарочитая двусмысленность оценок взглядов и концепций Марра. В худших традиция сталинской «диалектики» автор после длинной цепочки уничижительных фраз и пассажей делает «разворот» и, продолжая рассуждать о тех же научных «грехах» Марра, прибавляет несколько одобряющих слов.

Очевидно и то, что в ряде случаев автор не смог разобраться в действительно сложном письменном языке Марра и в его не простых научных умозаключениях, требующих не только языковедческих, но и обширных исторических и серьезных философских познаний, а также знаний из области исторической психологии, палеоантропологии и многих других. Несмотря на то что Марр сам постоянно указывал на источники своих теоретических построений, автор не удосужился познакомиться и с ними. В 2004 году, выступая на международной конференции, посвященной лингвистической концепции Марра, Алпатов заявил: «Вопрос о научной ценности работ Н.Я. Марра редко поднимается в современной науке, а если поднимается, то историками, но не лингвистами. Тем не менее эта личность не может

игнорироваться»^[33]. Автор не заметил того, что выступал он именно на лингвистической конференции, правда зарубежной. С 60-х годов XX века, то есть с хрущевской «оттепели», именно лингвисты время от времени поднимают вопрос о реабилитации имени Марра, и именно лингвисты, построившие свои карьеры после дискуссии 1950 года на «развенчании» марризма, активно противятся восстановлению его имени в науке. За шесть последних десятилетий я, наверное, первый из профессионалов историков пытаюсь системно рассмотреть эту проблему.

Приговор, вынесенный Марру, Алпатов утверждает по-сталински сурово и безапелляционно: «Реабилитации не подлежит». Помимо антимарровской ангажированности, что объясняется декларируемой принадлежностью Алпатова к тому научно-политическому лагерю, который в свое время громил школу Марра во главе с «гениальным ученым» Сталиным^[34], его книга написана в основном на базе опубликованных и общеизвестных источников. А между тем с середины прошлого века огромный архив Марра вполне доступен для исследователей. Архив другого главного действующего лица, то есть Сталина, был открыт для исследований в 1997 году. Но и переиздавая свою книгу в 2004 году, Алпатов не счел нужным обратиться к первоисточникам, лишь добавив краткий обзор литературы, вышедшей после первого издания его труда. В конце обзора автор упомянул и мои статьи по данной теме, опубликованные в одном из академических журналов.

«Уже когда наша книга находилась в печати, — пишет автор, — в журнале „Новая и новейшая история“ (2003. № 3–5) появились исследования Б.С. Илизарова „Почетный академик И.В. Сталин против академика Н.Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г.“. Автор на основе изучения архива и личной библиотеки Сталина вводит в научный оборот ряд документов. Они кое в чем уточняют и дополняют наш рассказ. Например, мы узнали, что Сталин читал некоторые работы Марра в 30-е гг. Подтверждается версия о том, что решающую роль во всей истории с выступлением Сталина сыграло обращение к нему Чарквиани. К сожалению, у Б.С. Илизарова имеется много произвольных трактовок и фактических ошибок»^[35]. Не дождавшись окончания публикации статей, а главное, выхода моей

книги, автор, в 2006 году опубликовал «разгромную» статью в журнале «Вопросы языкознания»^[36].

Я благодарен автору, указавшему мне на ряд досадных для меня погрешностей (не везде правильно даны инициалы, не всегда точно тот или иной персонаж отнесен к той или иной лингвистической школе, опечатки и др.), но произвольных трактовок и фундаментальных ошибок я все же старался не допускать. То, что автор принимает за произвол и ошибки, на самом деле вполне продуманные и проверенные факты и оценки, правда, часто в корне противоречащие оценкам моего оппонента. Я настоятельно рекомендую читателю не ограничиваться моей книгой, но познакомиться и с работой Алпатова. Два взгляда на один объект дают особо объемное изображение, даже если один кривоват, чем всегда отличалась советская партийная литература.

Не будучи специалистом-языковедом, я после публикации своих статей приложил все усилия для того, чтобы глубже освоить основной круг идей и охватить, возможно, больший круг источников, связанных с деятельностью Марра, Сталина и других прямых и косвенных участников событий^[37].

В этой книге я решил не ограничиваться только освещением дискуссии в свете новых архивных материалов, но пытаюсь показать те глубинные идеи Марра, которые были не поняты многими его современниками, а затем независимо были развиты на Западе. Конечно, не обхожу вниманием и слабые стороны личности Марра, и двусмысленность его многих научных построений, при этом опираясь не только на свои и чужие умозаключения, но в первую очередь на документы. И все же, не будучи лингвистом, я не могу гарантировать, что не допускаю сам невольные узкопрофессиональные неточности. По моим многолетним наблюдениям, любой историк обречен на определенную толику ошибок, поскольку каждый историк-профессионал — это почти всегда дилетант.

Нежелание и неумение работать с историческими источниками, столь характерное для хлещущего через край околонуучного дилетантизма, много опаснее естественного дилетантизма профессионального историка. Не имея навыков вождения войск, историк со знанием мельчайших деталей пишет о войнах и древних битвах, в которых сам никогда не участвовал. Не обладая опытом государственного деятеля, историк ставит обоснованный диагноз

жестоким царям и бездарным правителям. Не набальзамировав ни одну мумию древнего египтянина, не написав ни одной картины, равной хотя бы «плохонькому» офорту Гойи, ни разу не вдохнув прокуренный воздух сталинского кабинета, в атмосфере которого принимались решения, предрекавшие гибель миллионам, историк (если он подлинный исследователь), осваивая источники, через них овладевает специфическими знаниями и видением, благодаря которым он и глубже и полнее очевидца или узкого специалиста постигает былое. Подлинно историческое знание добывается в результате многоопытной интуиции и не очень мудреных, но чрезвычайно действенных профессиональных научных методов. Это система источниковедческих приемов, то есть способов познания неявного, просветления скрытого смысла. Скрытого не только потому, что участники событий сами (сознательно или нет) его искажали и затаивали, а потому, что временная дистанция и открытие нового круга источников информации, о которых современники даже не подозревали, дают качественно новое знание. К этому надо добавить и археологию смысла самого источника и его контекста, о чем не посвященные в тайны ремесла даже не догадываются.

Лингвистика — одна из самых сложных гуманитарных дисциплин, но уяснить сущность базовых проблем, научных споров, а главное, не простых человеческих отношений в контексте давно ушедшей эпохи вполне по силам. И если действительный член Императорской академии наук Н.Я. Марр посвятил свою более чем семидесятилетнюю жизнь изучению начальных этапов и предсказанию дальнего будущего общемирового языка и мышления, то почетный академик Академии наук СССР И.В. Сталин в семидесятилетнем возрасте решил, что с ходу освоил языковедческую науку (включая не простые писания Марра), всего за три-четыре месяца 1950 года. Не только освоил, но и серией из шести небольших публицистических заметок заложил основы принципиально нового «марксистского языкознания».

Я работал над этой книгой без спешки, но увлеченно, поскольку вопросы, поднятые как действительным, так и почетным членом Академии наук, относятся к фундаментальным. Что изначально было в человеке человеческое, кем он (человек) был до того, как им стал, и кем когда-нибудь будет? Отсюда вопрос вопросов — с чего началось очеловечивание человека? Со Слова, как думали Платон и евангелист

Иоанн, или с томления и катарсиса в поочередно «избранный народ» вечно незрелого Мирового Духа, как думал Ф.Г. Гегель? Или все же, как лукаво домысливал Писание гетовский Фауст, в Начале было Дело, то есть труд, что проповедовал и Карл Маркс? А может быть, все началось с творческого порыва, с Божественного Жеста, как рассказал Моисей в книге Бытие (или те, кто записал от его имени) и многие после него, включая Аристотеля, Дж. Вико, Марра, Мерло-Понти? Все эти проблемы есть проблемы понимания Начала начал и Причины причин движений времен истории человечества. Они имеют прямое отношение как к лингвистике, так и к философии, и к истории, и к повседневной жизни людей. В моем понимании прошлое, настоящее и будущее в их переливчатом единстве есть центральной объект изучения историософии человечества, тогда как ее базовый фактический элемент — исторический источник. В этой книге речь, по существу, идет о древнейших и последующих способах выражения мышления, а значит, и о первичном (древнейшем) типе исторического источника, пронизывающего все времена, включая времена будущие и последние. Пусть не всегда явно, но в конечном счете именно этим вопросам и посвящена новая книга.

Судьба как схождение и расхождение биографий. Посмертие

Реальная жизнь мало похожа на ее описание и не только потому, что любое писательство (историческое особенно) предполагает массу ритуальных приемов и условностей, которые в жизни недопустимы и безусловны. Но эти условности сжимают реальное пространство и время героя до нескольких фраз. Я сейчас напишу, например, что Марр и Сталин оба родились в дореволюционной Грузии, в ее провинции, но в разных городах и в разное время: Марр в 1864 году на окраине города Кутаиси, а Сталин в 1878 году в трущобном районе захолустного поселка Гори. Земляки, провинциалы, оба испытали в детстве и юности унижения нищетой, отцовской нелюбовью, и это их как будто роднит. Но между ними четырнадцать лет разницы в возрасте и сотни, иногда многие тысячи километров расстояний, разделявших их в параллельной, но только лишь во времени параллельной жизни. До революции они не были знакомы, хотя помимо знакомства нечаянные встречи, без взаимного опознания, все же могли происходить. Кроме того, они жили и действовали тогда на разных социальных этажах: Марр довольно быстро взшел на один из высших этажей Российской империи, Сталин вплоть до Октября 1917 года обитал на предпоследнем снизу этаже, рядом с чернорабочими, бездомными, заключенными и другими париями. Обо всем этом свидетельствуют достоверные источники. Таким образом, всего в нескольких фразах-секундах удалось уложить то, что заняло для Марра пятьдесят один год его жизни (до 1917 года) и тридцать девять лет жизни Сталина. После революции ситуация изменилась: Сталин оказался на верхнем этаже, где начал борьбу за овладение его высшим пределом, а Марру пришлось бороться за сохранение своего былого статуса.

Так или иначе, но к 1917 году оба были в зрелых годах. К этому времени в багаже Марра были значительные научные изыскания и опубликованные труды на русском, грузинском и многих европейских языках, этнографические экспедиции, плодотворные археологические раскопки, педагогическая деятельность, постоянное общение с цветом русской, кавказской и европейской интеллигенции. В багаже Сталина

было несколько десятков пропагандистских газетных статей и брошюрок на грузинском и русском языках, многолетние отсидки в тюрьмах и ссылках в отдаленнейших местах империи, общение там или на нефтяных промыслах, митингах и стачках с «простым» народом и с «иногородцами», а также общение с коллегами-революционерами, среди которых встречались и подлинные интеллектуалы. До революции (да и после нее) Сталин не написал ни одной оригинальной и тем более выдающейся работы. С большой натяжкой можно признать за таковые два произведения: «Анархизм или марксизм» (1906) и «Марксизм и национальный вопрос» (1913). В первой работе популярно пересказывались основные положения диалектического и исторического материализма с заходом в историю анархизма. Я все больше склоняюсь к тому, что авторство этой работы принадлежит другу Сталина, рано умершему грузинскому меньшевику Г. Телия^[38]. В постреволюционные годы Сталин будет несколько раз воспроизводить исходные положения этих заметок, апофеозом чего станет соответствующая глава в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938). Сталинское авторство второй работы подвергал сомнению Л. Троцкий. Хорошо осведомленный о циркулировавших в партийной среде слухах, он утверждал, что в работе над этой брошюрой принимали участие В. Ленин и в особенности Н. Бухарин. В сохранившихся документах того и другого никаких сведений на сей счет нет, но следует учесть, что их архивы десятки лет находились под контролем Сталина и его аппарата. Сама же работа несколько раз переиздавалась при жизни Ленина и Бухарина и никаких комментариев с их стороны не вызывала. В очерке «Марксизм и национальный вопрос» Сталин впервые для себя затронул проблему языка и нации, к которой он будет неоднократно возвращаться. Несколько новых штрихов об этой работе я добавляю в одном из разделов этой книги.

Очень интересно сейчас наблюдать со стороны, из первых десятилетий ХХI века, как после революции 1917 года жизненные дороги таких несопоставимых людей, как Сталин и Марр, стали сходиться, о чем они сначала даже не догадывались. В результате такого «схождения» началась цепочка важных событий в политической и интеллектуальной жизни страны, имеющая свое продолжение и в наши дни.

В декабре 1934 года Марр умер своей смертью и с невероятными почестями был похоронен в Александро-Невской лавре. Сталин пережил его на девятнадцать лет. И до 1950 года фальшивый сиятельный образ Марра был среди живых участников различных околонуточных событий, как вдруг весной — летом 1950 года стал центральной научно-политической виртуальной фигурой, с которой вождь решил беспощадно разделаться точно так, как он разделялся с живыми. В результате Марр посмертно был осмеян, опозорен, развенчан и отправлен в забвение. Так с 1950 года судьбы Сталина и Марра «разошлись» и, казалось бы, окончательно. Но в марте 1953 года умер и «бессмертный вождь». С этого момента смерть их уравнила точно так, как она равняет всех мертвых без всякого исключения. Но она сделала еще и то, что их посмертные судьбы стали неразделимы, — теперь навсегда.

Слова «схождение» и «расхождение» взяты мной из научного лексикона Марра. Это он рассуждал о схождении, расхождении и вновь схождении языков, культур, племен. Но он имел в виду их скрещение, расщепление и новый синтез, а я говорю о совпадении или не совпадении во времени и пространстве человеческих судеб. Оба героя этой книги родились и умерли в разных местах и в разное время, но кусочек жизненного пространства, прожитый в совместном пространстве-времени, соединил их крепче кровных уз и кровавой вражды, соединил сначала в жизни, а затем в пространстве истории, то есть в посмертии. Никакое прижизненное могущество, слава и преклонение не спасают его (человека) от суждения (свободной критики) в посмертии^[39]. В посмертии любой обвиняемый, а тем более униженный и оскорбленный да будет хотя бы выслушан. Историк равными мерами судит и могущественного при жизни, и слабого. Таких мер всего две — мера добра и мера зла. И если ложный приговор земного судьи уменьшает количество добра в живом человечестве, то лживый историк сжимает то же поле в историческом пространстве (в посмертии), где от века «пребывают» все, когда-либо родившиеся и умершие на земле. В том обществе, где нет справедливости к мертвым, никогда не будет справедливости и к живым. Древняя сентенция не права: о мертвых надо говорить, и говорить все или ничего.

Глава 2. Схождение линий жизни Марра и Сталина (Линия Марра)

«Автобиография» Марра с моими комментариями

Сталин с особым вниманием относился к знаменательным датам, впрочем, так же, как и абсолютное большинство людей. Как утверждал сам Марр, первую свою научную статью он опубликовал в 1888 году; с нее Марр начинал отсчет научной карьеры. В 1927–1934 годы центральная советская печать периодически поздравляла академика Марра с не совсем обычным для партийной пропаганды юбилеем — с сорокалетием, а затем и сорокапятилетием научной деятельности. С тех пор и до весны 1950 года прижизненные и посмертные славословия в адрес академика-лингвиста появлялись в СССР регулярно. К сорокапятилетию научной деятельности Академия наук СССР приступила к подготовке большого парадного сборника, но Марр не дожил до его выхода в 1935 году. В сборнике помимо учеников и последователей Марра опубликовали исследования в духе теоретических воззрений Марра крупнейшие лингвисты, психологи, фольклористы, литературоведы, историки, этнографы, археологи, философы. Удачная или нет, но это была редчайшая даже для современной мировой науки попытка совместной работы гуманитариев разного профиля над проблемой истории мышления, языка и культуры человечества. Многоплановость сборника отражала разнообразие научных интересов Марра, поиск синтеза основного ядра гуманитарных наук и дисциплин. Многие из статей этого издания и сейчас представляют определенный интерес^[40]. При жизни Марра в 1933 году вышел первый том его собрания сочинений, к 1937 году вышло пять томов в основном ранее опубликованных работ. Запланированные архивные публикации (еще пять томов) не удалось осуществить в связи с арестом и гибелью в сталинских застенках последователя Марра профессора В.Б. Аптекаря, готовившего это сложное издание^[41].

После смерти Марра его имя присвоили Институту языка и мышления Академии наук СССР, в институте создали мемориальный кабинет, куда были переданы огромная научная библиотека и архив Марра. Его архив — это один из самых больших современных личных

архивных фондов, который насчитывает почти шесть тысяч единиц хранения. Помимо того что архив Марра значителен по объему, он сложен и по своему составу, так как отражает разнообразные интересы своего хозяина, его участие в работе и организации различных исследовательских и учебных заведений.

Почти во всех крупных работах Марр оставил автобиографические заметки или реплики. В этом можно усмотреть гордыню и тщеславие автора, впрочем, вполне объяснимые для паренька из захолустья, выросшего до светила российской науки. Но мне ближе объяснение О.М. Фрейденберг (ученицы Марра): «В Марре... автобиографический поток был очень силен. Как крупного человека, его характеризует эта высокая лирика, эта способность всюду и везде рассказывать о себе, вычерпывать себя, объективизировать все личные переживания в научном и просто лирическом рассказе... Это не мания. Не тщеславие, не себялюбие: это непреодолимый позыв к самораскрытию, совершенно аналогичный тому, который делает из людей поэтов»^[42]. Тяга к автобиографичности была характерна и для Сталина, хотя, по понятным причинам, в меньшей степени. Может быть, потому, что и у него когда-то билась поэтическая жилка. Впрочем, каждый человек хочет быть интересен для других, а биография — это суть и судьба человека.

Личность Марра и его новое учение о языке официально пропагандировались не только в научной и партийной печати, но и в изданиях, предназначенных для широкого читателя. В 1927 году в популярном журнале «Огонек», выходявшем значительным тиражом, была опубликована автобиография Марра, над текстом которой очень основательно поработала жена — верная подруга и редактор Марра (или один из литературных сотрудников журнала), в результате чего автобиография стала удобочитаемой и понятной. Публикация воспоминаний Марра с моими комментариями избавляет меня от дополнительных изысканий в его житейской и научной дореволюционной биографии:

«Н.Я. Марр ^[5].

Автобиография^[43].

Рождение мое, да и детство, почти легендарно, если повторять рассказы моей матери. Отец мой — старик шотландец, мать — молодая грузинка из Гурии (Озургетский уезд Кутаисской губернии). Родился я

в городе Кутаиси, на правом берегу реки Рион, на так называемой „Ферме“, где отец руководил сельскохозяйственной школой. Здесь отцом был разбит огромный сад из образцов субтропической флоры. Магнолии составляли здесь целую рощу. *(В архивном фонде Марра сохранилось свидетельство о рождении сына Британского подданного Иакова Марра^[44].)*

Мать с очень скромным домашним образованием, отец — с университетским, естественно-историческим. Больше всего отец интересовался ботаникой. В тяжелые годы нужды он занялся насаждением на Кавказе садоводства. Он первым произвел на Кавказе удачный опыт посадки чайного дерева в Гурии.

Хотя в числе родных по отцу были и французы, и русские, и испанцы (родные его первой жены), но все мое детство прошло исключительно среди грузин. Очень рано мы переехали в город Озургеты, в дом бедного отпрыска грузинских феодалов: и здесь на память мне приходят встречи с грузинскими артистами, поэтами, как местными, так и заезжими известностями и общение с „челядью“ — конюхом и сокольничими, всегда окруженными борзыми и лягавыми собаками. *(Судя по этим строкам „отпрыск грузинских феодалов“ был не так уж беден.)* Тут же, во дворе, мальчишки-турки и их родители, чаще матери, захваченные с „кордона“ (в нескольких верстах была турецкая граница). Все время проводил в игре в мяч и бегах, не имея в этом отношении соперников. У себя дома девушка из грузинской деревни регулярно каждый вечер, на сон грядущий, рассказывала все новые и новые, неисчерпаемые грузинские сказки, напоминающие сказки Шехерезады (так в тексте. — Б.И.). А тут же, рядом — отец, с английской газетой или за чтением английской книги. Впоследствии из ядовитых замечаний на полях одной из оставшихся мне от отца книг, „Речей“ Маколея, я узнал, что отец был консервативных взглядов, но об этом я не мог судить тогда, в детстве, когда не читал подобных книг, да и выучился читать по-английски я значительно позже. От отца я получил единственное напутствие: „Ничего дельного из твоих рук не выйдет“. Это было сказано после внимательного наблюдения над моими играми с самодельными игрушками. У матери, наоборот, были преувеличенные надежды на ее сына. Она видела во мне все, что считала хорошим и даже идеальным. Так, например, ей, по-видимому, больше нравились белокурые, и поэтому она убеждала окружающих,

что я почернел только от летнего загара, но что будто бы я был всегда белым и даже с каштановыми волосами (я себя помню всегда смуглым, даже черным).

Мать и отец не имели общего языка. Отец, кроме своего родного, английского языка, свободно изъяснялся и на французском; мать знала только грузинский. Общение на формально скрещенном языке, на своеобразной „смеси“ ломаных русских и грузинских слов, положило известный отпечаток и на мой лексикон, и, в общем, я могу считать моим родным языком грузинский или даже, точнее, гурийский говор. *(Обратим внимание на понятие „скрещенный язык“. Идея скрещения очень далеких друг от друга языков пришла к Марру из его детского опыта.)* Первая грамотность моя — грузинская. Затем занятия по французскому языку с отцом, с использованием грузинской транскрипции французских слов. Первые школьные занятия в уездном училище отличались шалостями и особенно отчаянными припадками смешливости, заражавшими весь класс, за что регулярно по нескольку раз в неделю оставался без обеда. Техника этого наказания была такова: у меня отбиралась фуражка, и я оставался в школе без присмотра; но это не удерживало меня, и я отправлялся домой с непокрытой головой к обеду, после чего незаметно водворялся назад в училище, в ожидании возвращения мне шапки.

Восьми лет я потерял отца. Его похоронили с большой помпой. Я с матерью остались фактически беспризорными. Все считали меня обреченным на невежество, неучем, неспособным даже читать отцовские книги. Кстати, последние настигла жестокая участь: библиотека отца была сложена на чердаке нашего дома, а затем использована частью на растопку камина, частью на оклейку стен, вместо шпалер. Родные вскоре выгнали нас из дому. За заслуги отца по сельскому хозяйству матери удалось определить меня в классическую гимназию. В гимназию я был принят, несмотря на неподготовленность, особенно по Закону Божию. В этом отношении меня спасло заявление директора гимназии, что я англичанин. *(Свидетельство о рождении, о котором говорилось выше, было передано в Кутаисскую гимназию, благодаря чему Марр был принят учиться на казенный счет, как сын британского подданного. В архиве Марра находится судебное дело его матери Агафьи Марр, официальной опекунше Николая, в котором содержится иск о наследстве к внукам мужа. Иск был частично*

удовлетворен^[45].) Первая моя письменная работа по русскому языку произвела потрясающее впечатление: там было столько ошибок, сколько слогов, если не букв. Но преподаватель русского языка Благодаров почему-то обратил на меня внимание, усмотрев в безграмотном мальчугане способного ученика. Слава моя пошла по другой части, по которой обычно происходило буквально избиение младенцев, — это по-латыни. В классе, состоящем почти исключительно из грузин, никто ничего не понимал, обучаясь неизвестному мертвому языку с помощью не более известного им русского языка. Я же, неожиданно для себя, оказался лучшим латинистом. Мне приходилось писать работы за неуспевающих товарищей и исполнять их экстемпоралии по-латыни. За отказ от этого или за неудачное исполнение подвергался жестоким избияниям, а однажды даже получил удар ножом в бедро. Время от времени учителя ловили меня на месте преступления, за что я подвергался карцеру, который помещался рядом с учреждением, запах которого до сих пор остро вспоминается.

Первая прочитанная книга на грузинском языке была сборником сказок, а на русском (уже в гимназии, во втором классе) — „Робинзон Крузо“. Книжки открыли мне новый мир. К этому времени мать моя, молодая еще, красивая женщина, вышла замуж за мегрела. Она усиленно продолжала следить за мной, но все же пансион и книги были тем миром, в котором я главным образом жил. Мой необузданный характер доставлял много неприятностей хорошо относившимся ко мне учителям. За каждую мою выходку меня могли бы вышвырнуть из гимназии с волчьим паспортом, но мне все это прощалось, так как, кроме всего прочего, меня ценили как певчего с хорошим голосом и участника гимназического оркестра (я играл на кларнете). Надо сказать, что и здесь, на спевках и сыгровках, дело не обходилось без очередных и внеочередных скандалов, отзывавшихся на моих отметках за поведение.

Я продолжал увлекаться бегом, что не привело к добру. Однажды я вывихнул ногу. Болезнь осложнилась, и, по компетентному решению консилиума специалистов, мне собирались отрезать ногу. Только по настоянию матери, не давшей согласия на ампутацию ноги, я не остался калекой на всю жизнь и с помощью местного хирурга, своего рода костоправа, вылечился, все же почти полгода занятий было

пропущено. Мать была без средств и без крова. В это время в школе ввели греческий язык, и я уже собирался бросить гимназию и сделаться телеграфистом, чтобы таким образом прокормить себя и мать. Но мать на это не согласилась. Греческую премудрость за пропущенное время пришлось догонять зимой, на рождественских праздниках, в грузинской сакле, в домике без пола и потолка, в холоде, при слабом свете жалкого костра, дрова на который родные нам не давали. Все же мне удалось возобновить занятия, и, вернувшись в гимназию, я смущал преподавателей древних языков тем, что предвосхищал вслух их толкования. Для этого я достал немецкие комментарии, по которым они сами готовились. В гимназии изучал французский, итальянский, немецкий, английский, греческий и латинский языки и, пользуясь репутацией успевающего ученика, переходил из класса в класс, занимаясь в общем больше чтением, чем подготовкой к урокам. Мои несуразные ответы, в результате ли неподготовленности или полного невнимания, обычно объяснялись одними капризами. Я увлекался литературной деятельностью на грузинском языке, писал стихи и издавал гимназическую газету, что и помогло мне освоиться с техникой грузинской речи, ставшей впоследствии предметом моей специальности. Так, например, в числе газетных статей поместил толкование названия гор. Батума, то есть смело разрабатывал вопрос из доисторической топонимики, ставшей моей специальностью в последние годы. Одновременно в числе газетных статей, в ответ известному грузинскому поэту Акакию Церетели, написавшему о событии 1 марта 1881 года (убийство Александра II) „Радостную песнь прилетевшей с севера птички“, поместил стихотворение „Призыв“ к действию вместо чирикания.

Чтение классиков на французском и немецком языках сменилось чтением романтической литературы, а также Золя („Семья Ругонов“). Большое впечатление на меня произвело прочтение в немецком оригинале популярной в то время книги Шерра „Комедия всемирной истории“. Упомяну о двукратном бегстве из гимназии. В первый раз бежал в Тифлисе, в Ботанический сад, из желания работать по ботанике. Но, оставшись без всяких средств, принужден был стать библиотечным работником. Гимназическое начальство прислало мне рекомендательное письмо, обращенное к властям и учреждениям, с просьбой оказывать мне содействие как командированному для

занятий. В другой раз я бежал из гимназии ввиду нежелания держать на аттестат зрелости, имея даже в перспективе возможность получить золотую медаль. Я так увлекся греческим языком, что хотел овладеть им вполне раньше, чем поступить в университет, где я предполагал выбрать медицинский факультет. Этому решению предшествовало чтение книги Шлейдена „Море“, где имелось много цитат из греческих авторов, и я решил усовершенствоваться в греческом настолько, чтобы овладеть им. И в эпоху насильственного насаждения классицизма в гимназии, мое желание остаться в гимназии еще на год для изучения греческого языка было признано доказательством психического расстройства, и я был исключен из гимназии.

Решительный поворот от естественных наук и медицины к филологии и, в частности, к кавказоведению происходил, несомненно, под влиянием учителя истории Стоянова, занимавшегося этнографией Кавказа и путешествовавшего в Свании, и учителя французского языка Нарбута, посвятившего меня в подробности изучения романских языков и в отношении этих так называемых новых языков к латинскому.

Принятый снова в гимназию, я с успехом окончил ее и решил, вопреки всем советам, поступить на факультет восточных языков. Учителя и кое-кто из товарищей отговаривали меня. „Не зарывай, мол, талант, не губи себя, — ведь что в лучшем случае выйдет из тебя? — Учитель грузинского языка, следовательно, сельский учитель — и только“. С тех пор я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное. Еще тогда я задался целью разъяснить происхождение грузинского языка, еще тогда сопоставлялся он мною с единственно известным мне (из общения с живыми людьми) соседним восточным языком, турецким. Мысль эта, впоследствии временно отпавшая, на самом деле одна из животрепещущих научно-общественных проблем, выдвигаемых ныне яфетической теорией; для нас, впрочем, это уже не проблема, а бесспорное в основе положение, требующее лишь детальной проработки на турецком материале. *(Подробнее яфетическую теорию обсудим в других разделах. Здесь обратим внимание на то, что в своей первой статье о происхождении грузинского языка Марр доказывал его родство с семитическими языками, турецкий же относится к семейству тюркских. Впрочем, к*

тому времени, когда писалась „Автобиография“, Марр полностью отказался от представления о языковых семьях.)

Занимался я в университете по трем разрядам: кавказскому, где тогда были лишь армянский и грузинский языки, арабско-персидско-турецкому и семитическому, где были языки — еврейский, арабский и сирийский, заключительный тогда в группе так называемых халдейских наречий. На второй же год занятий арабским, в 1886 году, меня поразило родство грузинского языка с семитическими. *(Чуть выше Марр говорил о своей давней убежденности в родстве грузинского языка с турецким. Он часто менял научные убеждения, считая это признаком развития научной мысли. Его ученик академик И.И. Мещанинов вспоминал рассказ Марра об эпизоде, произошедшем с ним во время одной из поездок за границу: „Один ученый саркастически заметил, что в его представлении не укладывается образ ученого, который на протяжении двух лет меняет свои позиции... Николай Яковлевич ответил, что он не представляет себе такого ученого, который тридцать лет твердит одно и то же“*^[46]*.)*

Известный ориенталист Розен (арабист) предсказывал мне полное фиаско, сказав, что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа и давно это стало бы известно. *(Крупный лингвист-востоковед В.Р. Розен — учитель Марра, принимавший участие в его карьере. В архиве Марра сохранилась их переписка .)* Не лучшее отношение я встретил к поставленной мною проблеме и в среде товарищей. Мне пришлось углубиться в изучение семитических языков и в лингвистическую литературу по этой области. В национальной среде кавказского студенчества меня поддерживали прежде всего грузины, относившиеся с доверием ко мне еще по воспоминаниям из гимназии. Впоследствии, когда я в значительной степени случайно занялся раскопками городища Ани, армяне из университетских товарищей также стали поддерживать меня. С грузинами меня объединяла еще общественная мысль. Мы мечтали об освобождении Грузии на путях национального движения. Помню, как, будучи студентом, с одним моим еще гимназическим товарищем мы давали друг другу взаимные клятвы „не слагать оружия“, пока не освободим Грузию. Он впоследствии стал директором банка, а я академиком.

В 1888 году появилась первая формулировка моей работы „О родстве грузинского с семитическими языками“, произведенной в

одинокости, в своего рода научном подполье, напечатанная на грузинском языке в газете под заглавием „Природа и свойства грузинского языка“. (Статья была опубликована в газете „Иверия“ на грузинском языке. Спустя несколько лет в той же газете будут опубликованы юношеские стихи Джугашвили-Сталина. Некоторые детали детства и отрочества Марра и Сталина совпадают: безотцовщина, нищенское детство, вздорный характер драчливого ребенка, болезненность и проблемы с ногой. Сталин был чуток к такими „схождениям“ судьбы .) С того времени окружающие условия академической жизни не позволяли мне открыто заниматься разработкой этой проблемы до защиты докторской диссертации в 1903 году. Только в 1908 году появилось изложение так называемой яфетической теории в статье под названием „Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими“. Статья представляет введение к „Основным таблицам грамматики древнегрузинского языка“ и первый опыт расшифрования основ структуры глаголов в названном языке. Труд посвящен памяти моего руководителя, профессора-семитолога Розена, которому я главным образом обязан научной школой и тем, что был сохранен в научной среде университета. Он скончался дня три спустя после того, как мне удалось прочесть ему уже отпечатанное предисловие к работе „О родстве грузинского языка с семитическими“. Он не раз прерывал меня во время чтения восклицаниями: „Да у вас все продумано и проработано, да у вас все ясно и доказано!“ А ведь он-то и предсказывал мне фиаско.

Еще на студенческой скамье я стал невольным виновником огорчений моего профессора по грузинскому языку, который не мог переварить ни моих лингвистических, ни моих литературно-исторических выводов, и он стал дискредитировать мою дипломную работу. Он видел во мне претендента на его кафедру, хотя я на кафедру совсем не зарился, а мечтал о работе на родине. (На самом деле Марр хотел остаться в университете и на одну из кафедр очень даже „зарился“.) Но антинациональная политика Кавказского учебного округа, рассматривавшего изучение грузинского или армянского языка как акт национальной гордыни и всячески насаждавшего идеологические раздоры в среде народов Кавказа, также не создавали нормальной обстановки для работы. Мне было предложено Кавказским

учебным округом в 1889 году совершить поездку в Сванию; но в грузинской среде я почувствовал нарастание недовольства за мое утверждение о связях грузинской литературы с персидской, о персидском происхождении фабулы гениального грузинского поэта Шоты из Руставы, недовольства, превратившегося в бурю негодования, когда я стал выяснять факт перевода первого памятника грузинской письменности — Библии — с армянского. Пришлось вернуться в Петербург и согласиться на предложение, сделанное мне арменистом профессором К.П. Паткановым, готовиться к профессуре по армянской словесности, языку и литературе. *(Март „забыл“ упомянуть, что в 1884 году он проходил стажировку в Германии в Страсбургском университете где слушал лекции по античной философии всемирно известного философа В. Виндельбанда, филологов Нельдеке и Гюбшмана^[47].)*

Решению окончательно заняться специально армянским я обязан гебраисту Д.А. Хвольсону, отцу ныне здравствующего профессора физики. Я занял кафедру по армянскому языку, несмотря на отказ профессора, ответственного за кафедру, от участия в моем магистерском экзамене и на просьбу депутации армян не приглашать на армянскую кафедру неармянина.

Пора прервать сообщение биографических фактов, так как они в дальнейшем связаны с лицами и учреждениями, сейчас актуальными. Следует указать только на ряд экспедиций, совершавшихся для накопления материала по различным языкам, с оговоркой, что приписываемое мне глубокое знание всех кавказских языков есть совершенно ненужная легенда, как, с другой стороны не легенда, а подлинная действительность, что все мои творческие языковедные мысли суть не результат работ в кабинете, а зарождались и оформлялись в общении с людьми и природой, на улицах, торжищах, в пустынях и на морях, в горах и степях, у рек и родников, верхом или в вагоне, но только не в кабинете.

Проблем было много, сменявших одна другую: изучение Кавказа, его культурной истории, языка, литературы и памятников материальной культуры. Начав с грузинского и армянского языков, круг изучаемых предметов поставленной задачи постепенно расширялся целым рядом внекавказских языков, связанных один с грузинским, другие с армянским. Одна проблема, которая красной нитью проходит через все

работы и остается до сих пор, — это проблема о языке, изучавшемся сначала в пределах интересов литературных, армянских и грузинских, а затем и лингвистических. Интересы историко-литературные были заменены интересами археологическими, нашедшими себе материал в раскопках в Ани, средневековом городище Армении, имеющем исключительное значение для изучения всех народов Кавказа, хотя первоначально крепость и основное население были там армянскими. Здесь же была создана лаборатория по изучению древностей Кавказа. Однако шаг за шагом вопрос о происхождении кавказских языков вырос в проблему о возникновении звуковой речи человека.

К предельному разрешению поставленных проблем толкали меня сами материалы, знание которых у меня накопились без ограничения исследовательских интересов к одному или другому языку, а также игнорирование тех перегородок, которые были созданы господствующим учением о языке.

Разрешению поставленной проблемы, в частности, благоприятствовало и скопление на одном факультете всех основных языков Востока. Кроме перечисленных выше языков, я занимался также санскритским, древнеперсидским и пехлеви. Из основных самостоятельно-культурных языков мира, когда теория выяснила необходимость знать и их, мне приходится в последнее время дополнять свои языковедческие знания только дальневосточными языками.

Яфетическая теория, обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданием только различных эпох. Каждая расовая семья языков оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы. Исчезла не только изолированность грузинского языка, но даже изолированность китайского языка. И в последние моменты мы присутствуем при установлении факта, что начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана

основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же. Все слова всех языков сводятся к четырем элементам. (*В этом абзаце изложена „идея фикс“ Марра .*)

Для проработки этого положения, в частности по каждому языку, требуется еще углубленная работа; одновременно требуется изучение непривлекавшихся или привлекавшихся лишь частично языков Африки и Америки. Но сейчас чисто теоретическая очередная проблема заключается в том, чтобы установить хронологию возникновения различных систем языков и зарождения в языках различных систем различных частей речи, первоначально не существовавших, в увязке лексического словарного материала с хозяйством, с историей материальной культуры и общественных форм.

Вследствие войны и прекращения сношений с Кавказом мною временно прекращены были работы над кавказскими языками и преступлено к разработке вопроса о происхождении западных языков, средиземноморских и, в частности, единственного пережитка доисторических языков Европы — баскского языка. Получив возможность съездить на Запад, во время изучения баскского языка я установил ряд признаков родства языка басков с мертвым этрусским и с яфетическими языками Кавказа, но отказался от нарождавшейся было мысли связать происхождение яфетических языков с одним баскским, так же как и от того, чтобы считать Кавказ прародиной этих древнейших языков.

Незаметно для себя, в ходе разрешения проблемы о происхождении вообще языка, то есть происхождения человеческой речи, я вскоре оказался обладающим данными, вынуждающими центр тяжести исследовательской работы перенести с мертвых языков на живые и установить даты и последовательность языковых явлений по пластам, имеющим своего рода геологические давности. Это — палеонтологический метод. Он получает свою проверку в том, что намечающиеся в процессе работы пробелы заполняются изучением на местах новых, раньше не изучавшихся языков Кавказа, языков или соседних, или сродных с грузинским и армянским. Эти же положения находят свое оправдание в языках, которые я при создании своей теории не знал и не думал изучать.

Выяснение процесса развития человеческой речи, имеющего историю движения от многочисленных несовершенных языков к менее

численным совершенным языкам и намечающего пройденными этапами своего пути неизбежное в будущем слияние языков воедино, поставило новую проблему и выявило новое значение языкознания как науки, которая должна заниматься не только прошлым языка, но и его будущим и которая должна представить себе задачей осознание и руководство процессом развития человеческой речи, происходящим уже много десятков тысяч лет и ведущим к единству человеческой речи.

Вернувшись из первой поездки к баскам, я был вынужден признать, что для углубления и систематического исследования проблемы о яфетических языках мне не охватить всех знаний, которые необходимы для исследования даже одного баскского языка, неразлучимого ни с романскими языками, ни с языками Запада вообще, так же как и с языками Востока.

Академия наук СССР, идя навстречу моему обращению, основала Яфетический институт для работ над соответственно широко поставленными нами задачами. Все языки мира оказались результатом человеческого творчества, произведением созидательной работы единого процесса, и этот процесс нельзя выяснить иначе, как проработав каждый язык не как монолитный массив, а как результат скрещения ряда слов. Изучение этого явления с точки зрения яфетической теории, нахождение места каждого из этих слоев, а не языков, установление их хронологии возможно только при большом организованном коллективе, который взял бы в свои руки все это дело, я же один оказался бы бессильным. Но, поддержанному коллективом, можно деловито засучить рукава для гигантской работы, можно строить новое и беспощадно разрушать старое, отжившее. Цель наша — единство будущего человечества как в речи, так и в хозяйстве и общественности; ясна и основная актуальная проблема по моей специальности: уточнение выяснения процесса происхождения речи и усовершенствование его отдельных видов, чтоб осознанной целесообразной техникой облегчить процесс зарождения единого совершеннейшего орудия общения человечества и коллективно-сознательно закончить то, что коллективно-инстинктивно возникло и претворялось в новые формы многими и многими тысячелетиями. А пока что, усиленно двигаясь вперед, не покладая рук, трудиться в пути над подготовкой соответственных исследовательских сил для

коллективов, в организованной работе которых только и перестанут индивидуальные достижения становиться бесцельными и никому не нужными».

«...картина рыцарских времен с одним воином на ристалище». Палеонтология речи

Основатель яфетической теории в языкознании, или, как ее позже стали называть, «нового учения об языке», Н.Я. Марр стал членом Российской академии наук в 1909 году, а академиком в 1912 году, то есть в сорок восемь лет. «Великого корифея науки» И.В. Сталина (так величали его в 30-е и последующие годы XX века) избрали почетным академиком Академии наук СССР к официальному шестидесятилетнему юбилею в декабре 1939 года, то есть через двадцать семь лет после избрания Марра. За какие научные «заслуги» был избран в академики Сталин, пояснений не требует. Лет за десять до этого сталинского юбилея нельзя было даже вообразить, что Академия наук (этот оазис «буржуазной» независимости и просвещения в Советской России) позволит себе верноподданнически поднести поздравительный адрес и почетное членство пусть и главе государства, но необразованному и малокультурному человеку. Всего лишь десять лет назад академия все еще казалась нерушимым бастионом интеллектуальной свободы и политической фронды. До революции и в первое десятилетие после нее в числе действительных членов академии было около сорока человек (сплошь корифеи науки!), которые без всяких нажимов и ходатайств со стороны власти свободно избрали в свою среду очень необычного человека — лингвиста Н.Я. Марра. И это несмотря на то, что научная компетенция Марра часто оспаривалась, причем не только почетным академиком Сталиным в 1950 году, но много раньше научными противниками Марра, а потом и бывшими учениками и апологетами. Но были и те, кто всегда считал Марра гениальным ученым. Дело в том, что Марр и человек, и ученый был сильнейшим источником межчеловеческих напряжений и фокусом борьбы околоидейных и научных противоположностей. Даже сейчас его образ все еще отражает блики уходящей эпохи. При жизни у него был профиль пафосного грузина-рыцаря и лабиринтное мышление античного европейца, забредшего во дворец Минотавра.

Марр заряжал окружающих его людей высочайшим эмоциональным и интеллектуальным напряжением вне зависимости от

того, в какой позиции по отношению к его личности или к его научному творчеству они находились. Даже в начале 70-х годов XX века, то есть через четыре десятка лет после того, как основателя нового «марксистского языкознания» уже давно не было в живых, лингвист И.Е. Аничков с нескрываемым сарказмом писал о своем бывшем кумире: «Н.Я. Марр был подлинным ученым лингвистом-востоковедом, но не исключительно крупным, а рядовым. Языками древнегрузинским и древнеармянским интересовались и серьезно занимались до него и помимо него у нас, а что касается древнеармянского языка, то и исследователи в ряде других стран. В изучение этих языков он не внес ничего общепризнанного принципиально нового. Он не был тонким лингвистом... При необыкновенно развитой фантазии Н.Я. Марр был лишен подлинной творческой научной инициативы. Он был очень честолюбивым. Его не без причины беспокоила мысль, что его могут считать обязанным своим званием академика счастливому случаю. Он захотел быть заслуженно признанным крупным ученым, внесшим в лингвистику важный новый вклад, сделавшим в лингвистике переворот... Не своей более поздней яфетической теории, а своей исключительно счастливой находке Н.Я. Марр обязан был званием академика»^[48]. Человеческое, слишком человеческое просвечивает здесь сквозь иронично-язвительные обороты.

Еще в 20-х годах Аничков был приветливо встречен Марром, принят на работу. Но затем его арестовали «по делу академика Платонова», и он просидел в сталинских лагерях три года, а в ссылках провел еще шесть лет^[49]. Из ссылки 16 октября 1931 года Аничков написал большое письмо Марру, в котором напоминал ему о себе и о его былом высоком мнении о лингвистических идеях Аничкова и о благожелательном мнении известного французского лингвиста А. Мейе: «Как Вы, может быть, помните, еще прежде, познакомившись с моими мыслями из краткого устного изложения их мною Вам в Вашем кабинете в Публичной библиотеке, Вы сказали: „Это — яфетидология“. Со своей стороны, поэтому и обратился к Вам, что родственность моих лингвистических воззрений Вашей теории меня поразила с самой первой поры моего ознакомления с нею.

Вторично обращаюсь к Вам с просьбой, исполнить которую Вам, я надеюсь, не будет ни неприятно, ни невозможно. Похлопочите о разрешении мне вернуться в Ленинград из административной высылки

в Северном Крае, для продолжения работы по лингвистике под Вашей эгидой. Я не могу не смотреть на свое трехлетнее пребывание в Соловках и на последовавшую затем высылку в Северный Край как на недоразумение, так как я являюсь и всегда был противником контрреволюции, интервенции и всяких подпольных организаций и давно предвижу большевистскую революцию в Европе (я приговорен по ст. 58.11, предусматривающей участие в антисоветской организации).

Я, конечно, не знаю, можете ли Вы исполнить мою просьбу и, если можете, каким путем. Но думаю, что Ваше слово будет удостоено внимания. Некоторые мои однодельцы, получившие высылку из Ленинграда на 3 года, закончили свой срок и уже снова в Ленинграде. Почему бы Вам не сказать кому следует, что у Вас есть младший коллега, работа которого не лишена значения, который не может продолжать ее в условиях высылки и присутствие которого в Ленинграде не опасно? Неожиданных неприятностей кому бы то ни было мое возвращение в Ленинград не сулит. Я обязуюсь остаться аполитичным и быть осторожным. Вы имеете представление не только обо мне, но и о моей семье, и поверьте, я не сомневаюсь, что я не бросаю слова на ветер.

Я не могу продуктивно продолжать научную работу в Северном Крае, где дни коротки и нет керосина и где я не имею заработка. Тем не менее кое-какие свои рукописи я имею при себе, моя мысль работает, и я все более убеждаюсь, что регистрация и классификация твердых словосочетаний каждого языка, начиная с простейших и кончая поговорками и пословицами, открывает интересные перспективы, создает возможность всестороннего исследования возникновения, изменений и переходов из языка в язык или из языка одного социального слоя (зачеркнуто „строга“. — *Б.И.*) в язык другого, семантических единиц, слов и твердых словосочетаний или идиоматизмов». Затем Аничков сообщил о работе над книгами по «Идиоматике», которые он не может напечатать, привел поощрительную цитату из письма Мейе на французском языке и приглашение опубликоваться в редактируемом им журнале, но Аничков к тому времени уже был арестован. «Впрочем, я обратился к Meillet, — продолжал автор, — только потому, что от крупных представителей

индоевропейской школы скорее, чем от рядовых, отличающихся косностью, я мог ждать восприимчивости к новым идеям.

Я не располагаю данными, чтобы судить о Вашей теории во всей ее широте, но мне ясно, что моя работа может быть использована Вами. Вы сами пишете в „Яфетической Теории“: „Яфетическое языкознание... успело раздвоиться на две самостоятельные дисциплины: учение о яфетических языках... и учение о взаимоотношениях различных систем языков в их статическом состоянии, об этапах в развитии человеческой речи...“ Описательная Идиоматика, предпосылаемая мною Исторической Идиоматике и Семантике, дает богатый материал для выводов и обобщений, относящихся ко второму из представленных Вами отделов, сама принадлежит к этому отделу.

Моя работа доведена до стадии, когда необходимо ее коллективное продолжение. Очередная задача — создание картотек для каждого языка с разноской идиоматизмов по категориям их. Напомню Вам, что мы с Вами имели разговор о превращении моего идиоматического кабинета при Исследовательском Институте в идиоматическую секцию того же Института или Яфетического Института.

Согласитесь, что обо всем этом мне, кроме Вас, некому писать.

Позвольте мне выразить надежду встретить с Вашей стороны такое же отзывчивое отношение, которое я встретил 4 года тому назад и за которое я еще раз Вас благодарю.

С совершенным почтением.

И. Аничков.

Мой адрес: Северный Край, Вельский район, Посад-Верховатье, Игорю Евгеньевичу Аничкову»^[50].

Конечно, это письмо глубоко несчастного и страдающего человека, но в те годы Аничков, очевидно, не считал Марра научным ничтожеством и баловнем случая. Марр тогда не смог или не захотел ему помочь. И вот спустя более тридцати лет Аничков пишет о Марре как о бездарном выскочке и мистификаторе. И все же ему повезло, но когда в 1938 году Аничков вернулся в науку, то выяснилось, что разработанное им новое направление «идиоматика» успешно развивается в основанном Марром институте. Аничков не простил Марру того, что тот нигде официально не упоминал автора идиоматики.

Обиды, ревности, зависти, злопамятства и нечестности даже в подлинных ученых, искренне декларирующих исключительное поклонение разуму, рации и истине, ничуть не меньше, чем в рядовом обывателе. Часто в ученом всего этого даже много больше, поскольку обиды и зависть стимулируют честолюбие, желание первенствовать. Но вспышки честолюбия должны выплавлять природный талант, а если его нет, то они лишь возбуждают злобу. Марр был обидчив и очень честолюбив.

Спустя много лет после смерти Марра Аничков нехотя признал за ним одну научную заслугу, да и та, намекал он, была делом счастливой случайности. На заре своей карьеры Марр в одном из Тифлисских книгохранилищ обнаружил перевод на древнегрузинском языке с древнеармянского — не дошедшее до нас в греческом подлиннике неизвестное творение одного из ранних отцов церкви Ипполита Римского (Анти-папы, начало III века н. э.) «Толкование на Песнь песней Соломона». Это было важнейшее открытие в ранней истории церкви, так как творчество Ипполита Римского заполняло лакуну между первоапостолами, их непосредственными учениками и следующим, третьем поколением. Вскоре это произведение, переведенное Марром на русский язык, было издано практически во всех европейских странах, а сам Марр получил мировую известность. Затем Императорская академия наук избрала его в свои ряды. Чтобы не думать на этот счет Аничков, но подлинная научная находка настоящего ученого — это не только счастливый случай. Она всегда предопределена его предыдущей жизнью и во многом выстраивает его дальнейшую научную судьбу. А научная судьба ученого — это всегда еще и его человеческая судьба. Наверняка в течение столетий манускрипт Ипполита Римского попадался на глаза многим, но никто, глядя на него, как бы его и не видел, так как не понимал то, что видит. А Марр это осознал, потому что всей своей предыдущей жизнью был подготовлен к такому прозрению. Видеть и понимать то, что не видит никто, кроме тебя, составляет суть науки в любой области знания. Но при этом необходимо еще доказать другим реальность своего прозрения. Такими доказательствами в области теории языкознания, истории языка и мышления Марр занимался всю свою научную жизнь.

Дело в том, что Марр был виртуозом проникновения в лабиринты контекста культуры, в контексты истории и языка. Он был особым

умельцем, совмещающим в своем парадоксальном уме, казалось бы, несовместимое. Его историко-лингвистическим ассоциациям позавидовал бы любой философ, поэт и мифотворец. На протяжении всей своей карьеры он постоянно демонстрировал сверхинтуитивную мощь ума, логика которого для многих коллег была и осталась до сих пор непонятна, а потому раздражающе и неприемлема. И в жизни он был не как все: говорил, двигался, писал и мыслил в собственном лабиринтном пространстве, в котором творил по своим, в чем-то нелепым, а чаще противоречивым законам. Поэтому мало кто из серьезных лингвистов-коллег начала XX века всерьез принимал его теоретические построения. А в это время историческое пространство Российской империи резко сменилось пространством революции, а за ним надвинулась слепящая мгла пространства сталинизма. Часто время внутренней жизни человека опережает или отстает от пространства истории общества. И такая нестыковка ведет к трагической несовместимости человека со своим временем в своей стране. Мыслящие люди в России, особенно накануне или после крупных социальных переворотов, очень часто не совпадают, не синхронизируются с ритмом жизни собственного отечества. Мучительное чувство расщепленности толкает некоторых к аутизму, меньшинство — к фронде, а многих к попытке мимикрировать. Неслучайно вульгаризм «перекрасился» (как и сотни других новоязовских словечек и выражений) так широко бытовал в советской публичной терминологии 20-х годов. Марр стал активно «перекрашиваться» в то время, когда был уже вполне зрелым человеком и сложившимся ученым. А постреволюционный российский исторический ландшафт окрашивался во все более и более багровые оттенки.

Похоже, что большую часть жизни Марр испытывал острое чувство несовпадения и дисгармонии. Так было до революции и так осталось после неё, несмотря на его откровенные попытки мимикрировать, слиться с её интеллектуальным и духовным фоном. Ситуация осложнялась тем, что в научном мире он всегда находился на отшибе, поскольку как ученый Марр представлял собой редкий и сомнительный для большинства трезвомыслящих коллег тип научного «мага» и «ворожея». Ольга Фрейденберг записала: «То, что его

выделяло, — это его общая необычность, отсутствие условностей в его личностной компоновке. Он не был заказан»^[51].

При жизни он колдовал и ворожил над своей «яфетической теорией» так, что для некоторых на всю жизнь становился божественным логопедом, дарующим немому прачеловечеству осмысленную выразительность жеста, членораздельный язык и зачатки мышления. Но другие за это же научное колдовство презрительно приравнивали его к шарлатанам и мошенникам, под стать средневековым алхимикам, претендующим к тому же на дар левитации. И он действительно обладал способностью «взлетать» над миллионами лет человеческой праистории или же искусно делать вид, что владеет таким даром. Он позволил себе открыть человечеству (а может быть, попросту придумал для него?) четыре (не больше и не меньше!) самых первых нечленораздельных слова, из косноязычного лепета которых сложились, по его мнению, все смыслы и все языки мира. «Элементов всего-навсего четыре, — толковал он непонятливым. — Объяснения их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действия пения... Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош»^[52].

Ну, как здесь не вспомнить захватывающе таинственную древнейшую библейскую историю о пире во дворце нечестивого царя Валтасара, из стены которого «вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога:...мене, мене, текел, упарсин»^[53]. Тогда начинающий пророк Даниил, наделенный, как и Марр, особо пронизательным лингвистическим даром, с легкостью расшифровал послание Бога, также состоящее из четырех таинственных «словоформ». Для нас остается неизвестным, было ли Марру откровение свыше, или он своим гениальным слухом ученого-лингвиста каким-то образом уловил в современном общечеловеческом многоязычном «рёве» эти первичные комплексы, эти первоэлементы, эти четыре звуковые формы, якобы породившие все мыслимые слова. Ни он, ни его последователи не смогли толком объяснить, из какой языковой толщи и каким способом их извлекли на поверхность современности. Позже Марр давал такие очень туманные разъяснения: «Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в

состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно „сар-мат“ — „сал“ (А), „и-бер“ — „бер“ (В), „ион-яне“ — „йон“ (С), „эт-руск“ — „рош“ (D)». Созвучия действительно напоминают названия известных племен, а племя рош упоминается в Ветхом Завете. Но при чем здесь язык? Из комбинаций и смысловых эволюций этих «первоэлементов» первоязыка Марр мог вывести эволюционные цепочки любого слова с любым значением и практически любого живого или мертвого языка. Он как будто раскапывал современный слой многоязыковых напластований, проникая во все более и более глубинные слои праязыков и первобытного мышления человечества. Новому методу, раскрывающему историю смысла слова, он дал звучное наименование «палеонтология речи». Справедливости ради надо сообщить читателю, что в середине XIX века похожее понятие (палеонтологическая лингвистика) ввел швейцарец А. Пикте. Он имел в виду изучение общепринятыми лингвистическими методами древних речевых элементов, сохранившихся в современных бесписьменных языках. Но Марр разработал собственный метод, пытаясь с его помощью пробиться сквозь древние «окаменелости» к зачаточным элементам («генам») общечеловеческого языка. Причем каждый, и посвященный и непосвященный, наблюдавший со стороны эту лингвистическую алхимию, волей-неволей подпадал под ее чары. И о чем бы до этого или потом ни писал Марр, но именно из-за этих поистине волшебных «словоформ» для лингвистов, не поддавшихся заклинаниям «мага», он был и навсегда остался крикливым выскочкой и политиканом, на старости лет лебезящим перед новой большевистской властью, самовлюбленным шарлатаном и мистификатором, под стать агроному-академику Трофиму Лысенко или шарлатану-микробиологу Ольге Лепешинской^[54]. В современной библиотеке Сталина трудов Лысенко я не обнаружил, но сочинения Лепешинской, а также Марра и некоторых других известных лингвистов и психологов представлены.

Каким-то непостижимым способом свою лингвистическую «алхимию», «палеонтологию речи», Марр сумел преобразовать в романтическую научную концепцию, которая заворожала не только энтузиастов-дилетантов, но и некоторых маститых ученых различных областей знания. С помощью этих самых четырех словоформ Марр разработал целое направление, по своему методу и смыслу прямо

противоположное традиционному на начало XX века методу «сравнения языков и выявления в них регулярных звуковых соответствий»^[55]. В качестве основы Марр взял не эволюцию отвлеченного от смысла звука-слова, его частей, то есть фонетику, а эволюцию в человеческом обществе смысла нарекаемого словом предмета и смысла действия с этим предметом, процесс переноса одного и того же слова на исторически разные предметы. Например, слово «перо»: перо птицы, перистые облака, стальное перо для письма, хвостовое оперение стрелы, самолета, ракеты и т. д. При этом анализировал семантический ряд синхронно или диахронно в разных языках различных эпох. Тем самым Марр исходил из социальной значимости предметной деятельности человека, из исторической функции предмета в обществе и прослеживал эволюцию этой функции в языке. Так марровская «палеонтология речи» стала, по существу, одной из первых попыток (но не единственной) социального подхода в языкознании, когда слово и сама речь рассматриваются как своеобразное эволюционирующее в обществе «орудие труда». Марр пытался нащупать связку между социальной историей человечества, культурой и развитием языка-мышления^[56]. Другое дело — насколько удачна была эта попытка и как оценивать ее в наше время? Но, как известно, в науке сама постановка вопроса может быть иногда плодотворнее натужных ответов.

Нельзя сказать, что Марр был одинок. Одновременно с ним «орудийную», социально-историческую концепцию происхождения речи, мышления и психики как знаковой деятельности человека развивал в те же годы выдающийся советский психолог Л.С. Выготский. Он умер молодым и даже в том же, что и Марр, 1934 году и так же, как он, своей смертью. Но в отличие от исследований Марра, которые тогда же были официально признаны выдающимися и марксистскими, замалчивание, шельмование и обворовывание научного наследия Выготского начнется одновременно. Другой выдающийся мыслитель, младший современник Марра М.М. Бахтин так же находился под сильным влиянием его лингвистических идей, что нашло отражение в трудах Бахтина и представителей его «круга»^[57]. Под обаянием «палеонтологического метода» находился и гениальный кинорежиссер С. Эйзенштейн и многие другие, широко известные научные и культурные деятели.

Почему новая власть и Сталин, беспардонно вторгаясь в сложнейшие и запутаннейшие научные проблемы и теории, одни из них признавали буржуазными и лженаучными, а другие марксистскими и прогрессивными, то есть своими? Несмотря на огромное количество исследований, посвященных истории советской науки, особенно гуманитарной, тема «Сталин и наука», да и сам процесс вульгаризации и растления общественных наук тоталитарной властью, таит в себе много непонятного и даже таинственного.

Недаром одним из титулов Сталина был «корифей науки». Он, несмотря на свою необразованность, действительно старался быть разносторонним человеком. Даже среди нынешних остатков его библиотеки встречается много книг, относящихся к самым различным научным сферам. В частности, я нашел там несколько разрозненных изданий по психологии и педологии (детской психологии), хотя при жизни владельца библиотеки их было наверняка гораздо больше. Еще в 1925 году, формируя свою библиотеку, Сталин выделил в ней с десятков научных рубрик. Несмотря на то что там нет специальной рубрики «лингвистика» или «языкознание», особую рубрику для книг по «психологии», куда похоже, вошли издания и по языкознанию, он выделил^[58]. Сейчас в его библиотеке сохранились: журнал «Вопросы изучения и воспитания личности. (Педология и дефектология)», выходивший под редакцией академика В.М. Бехтерева, № 1, 2–3 за 1926 год, «Психология и марксизм. Сб. статей» под редакцией профессора К.Н. Корнилова и книга А.Ф. Лазурского «Психология. Общая и экспериментальная» (Л., 1925) с предисловием Л.С. Выготского. Последняя книга никогда не была даже пролистана Сталиным, так как до сих пор ее страницы не разрезаны. Наряду с этим сохранилось и несколько изданий по языкознанию. Но о них расскажем позже. Чтобы ненароком не ввести в заблуждение современного читателя, отмечу, что, несмотря на известную близость отдельных воззрений Выготского и Марра, труды первого признаны ныне всем научным сообществом. Имя Выготского упоминается здесь (как и имена других выдающихся деятелей XX века) не только для того, чтобы очередной раз обратить внимание на своеобразие интеллектуальных интересов вождя, но и для того, чтобы показать, что исследования Марра не были каким-то противоестественным вывертом, а находились в общем русле советской и зарубежной науки такого ломкого XX века.

Магия «нового учения об языке».

Яфетиология

По дореволюционным и советским меркам научная карьера Марра была вполне успешной. Как сообщил Марр в автобиографии, он был сыном грузинки и шотландца садовода, работавшего по найму у грузинского князя. Плодотворность «скрещивания» различных ботанических культур, а также «схождение» столь разных человеческих культур и языков «Юга и Севера», «Востока и Запада» в самом Марре, без сомнения, повлияло и на его характер и на научные воззрения. Мысль о скрещивания и рождении новых разновидностей народов и языков самых отдаленных регионов и древнейших культур земли стала одной из фундаментальных в его будущей теории.

Помимо грузинского языка Марр хорошо овладел армянским и греческим языками, а также кавказскими наречиями. Он окончил Петербургский университет сразу по четырем разрядам восточных языков, то есть изучил несколько семитских, тюркских, индоевропейских языков. В конечном счете он оперировал не менее чем сорока, а некоторые утверждали даже, что шестьюдесятью — семьюдесятью живыми и мертвыми языками^[59]. Еще до революции, помимо находки упоминавшегося древнего манускрипта, сделал открытия, имевшие сами по себе мировое значение. На территории Армении возглавлял археологические раскопки в районе озера Ван древних городов Гарни, Варнак и в столице средневековой Армении, в городе Ани. Изучал памятники Урарту и Ассирии, первым расшифровал знаменитую Ванкскую клинописную наскальную надпись, найденную его учеником, будущим академиком Орбели. За совокупность работ по Ани (раскопки велись четырнадцать сезонов) Марру присудили Большую золотую медаль имени графа Уварова, очень престижную награду Русского археологического общества. Марр постоянно выезжал в лингвистические и этнографические экспедиции в различные части России, Европы, Азии, Африки. Из Палестины привез древнейшие грузинские и армянские христианские рукописи. В частности, обнаружил на Синае, впервые опубликовал и монографически изучил арабскую христианскую рукопись о крещении

армян, грузин, аланов и абхазов святым Григорием Просветителем^[60]. К несомненным заслугам Марра относятся работы о средневековом армянском историке и просветителе Моисее Хоренском. По инициативе Марра была основана серия публикаций «Христианский Восток». Во многом благодаря его дореволюционным работам для российского и европейского научного мира открылся христианский Кавказ, много столетий пребывавший за гранью истории европейского Запада. Каждая его экспедиция и научная работа, написанная на основании собранного лингвистического и археологического материалов, становилась сенсацией и превращалась в предмет ожесточенных споров, иногда насмешек. Бывало, его открытия и концепции вызывали озлобление и обвинения.

В России почти каждый крупный исследователь испытывает на себе особо завистливое озлобление «оппонентов». Несмотря на то что Марр был далек от политических и националистических течений, его с разных сторон оскорбляли и пытались запугивать задолго до революции, а шельмовать за научные взгляды начали за несколько десятилетий до дискуссии 1950 года.

Между живущими по соседству грузинами и армянами, между частью грузинской и армянской интеллигенции ведется многовековое соперничество, часто перерастающее во вражду. Как коренной житель Грузии и Кавказа, Марр хорошо знал об этом. Еще в начале научной карьеры он столкнулся с грузино-армянским противостоянием, которое сопровождало его всю жизнь. После окончания университета, уже тогда будучи признанным знатоком грузинского языка и литературы, он не получил поддержки со стороны руководителя кафедры грузинской словесности Санкт-Петербургского университета. Не мысля себя вне кавказской тематики, он переориентировался на кафедру армянской словесности. В течение двух лет в совершенстве изучил армянский язык и его древние наречия, за что в 1902 году получил степень доктора наук^[61]. (По некоторым сведениям, армянский язык он знал с детства.)

Любопытные события произошли в период интенсивного изучения Марром истории армянского и грузинского языков и памятников древности. Какими-то неведомыми путями Марр оказался на должности цензора армянских изданий в Главном цензурном управлении Российской империи^[62]. Даже став маститым ученым и профессором Санкт-Петербургского университета, Марр соглашался

временами, но втайне выполнять оплачиваемые обязанности цензора [6]. Среди большей части прогрессивной российской интеллигенции той поры работа цензора была презираема и приравнивалась к деятельности сексота. Вскоре после того, как Марра выдвинули заведовать кафедрой армянской словесности Санкт-Петербургского университета, часть преподавателей-армян выступила против его кандидатуры, как грузина по национальности. По их настоянию предлагалось провести «расследование» о национальных корнях Марра и знании им армянистики. Только вмешательство его учителя профессора В.Р. Розена спасло положение. К чести Марра надо отметить, что он был далек от любых проявлений национализма и шовинизма [63]. Вопреки всему, Марр получил редкую возможность работать в самом сердце древней армянской письменности и христианства в Эчмиадзине и в других известных древлехранилищах Армении. Знания Марра как армяниста получали все большее признание, а сам он стал пользоваться личным доверием со стороны российской и армянской правящей, духовной и научной верхушки. Когда в 1909 году царь Николай II дал аудиенцию главе Армянской церкви католикосу Матеосу II, именно Марр был назначен при них переводчиком [64]. Дореволюционная связь Марра с кавказским христианским духовенством очевидна. Становятся понятнее и его настойчивые попытки связать свои лингвистические, текстологические и этнографические исследования с библейской историей и ее терминологией. Но не меньшим доверием и не меньшей неприязнью наделяли Марра различные группировки грузинских деятелей.

Одним из первых поставил вопрос о необходимости совместного изучения армянской и грузинской языковой культуры известный швейцарский филолог и лингвист М.Ф. Броссе. Марр подхватил эту мысль и стал практически изучать грузинский и армянские миры в их единстве и во взаимообогащении. Постепенно этот подход он распространил на весь Кавказ, а затем и на всю человеческую цивилизацию. Сам предмет его исследования — языки, духовная и материальная культура разных племен и народов мира — стихийно формировали Марра как интернационалиста и космополита, влюбленного в родной Кавказ и Россию. И такая жизненная и научная установка получала поддержку не только со стороны большинства российских коллег-академиков Императорской академии, в среде

которых было много людей смешанных национальностей, но и со стороны пришедших к власти под лозунгами интернационализма большевиков досталинского призыва.

В результате изучения истории языков и литератур Грузии и Армении Марр основал новое научное направление «армяно-грузинскую филологию». Нет возможности рассматривать более или менее обстоятельно все то, что сделал Марр в этом направлении. Ни до него, ни после него ни один исследователь не смог внести в межэтнические проблемы Кавказа столько труда и страсти. За все это Марр еще при жизни получил и до сих пор получает признание многих ученых, как армянских, так и грузинских. Но как при жизни, так и в посмертии шовинисты разных оттенков постоянно преследовали Марра, подвергая сомнению его концепции. В значительной степени именно это послужило скрытым толчком и для начала партийно-государственной лингвистической дискуссии 1950 года. При этом она была отягощена и целым рядом других политико-идеологических обстоятельств.

В своем архиве Марр сохранил печатные материалы разных лет, в которых его обвиняли в предательстве национальных интересов, в подкупе «противной» стороной, в злостном сокрытии или искажении исторических фактов и источников. Особенно сильные атаки начались с 1909 года, после того как Марр провел серию успешных археологических и этнографических исследований, стал членом Академии наук и вполне сформулировал первый вариант своей яфетической теории, согласно которой древнеармянский и древнегрузинский языки имели семитические корни. Как считал Марр, армянский язык восходит к языкам семитских народов Урарту, грузинский к семитическим языкам Передней Азии. Затем они «разошлись», и армянский язык с приходом арийских племен получил наслоение (произошло «скрещение») индоевропейских языковых элементов, а грузинский продолжал развиваться путем синтеза картвельских и близких к нему наречий в русле семитических языков. Тем не менее оба народа всегда жили в теснейшем, взаимопроникающем единстве, которое станет очевидным. «После того как понятие наше о национальном характере грузин, в связи с первоначальным родством их с армянами, получит научное определение, — писал Марр в одном из своих конспектов, — и вместе с

тем самобытность тех или иных явлений грузинской умственной и иной жизни не будет лишь пустой парадной фразой, ласкающей известное настроение»^[65]. Марр утверждал, что и грузинская письменность ведет свое происхождение от древнеармянской, что первый перевод Библии на грузинский язык был сделан с армянской, что долгое время Армянская и Грузинская церкви были едины. Современная лингвистика отрицает многое из того, на чем настаивал Марр в рамках своей яфетической теории, но археология и история культуры многое подтверждают.

После таких заявлений в различных кавказских изданиях стали появляться статьи, авторы которых подвергали сомнению научные выводы и оценки Марра о грузинской литературе^[66]. Посыпались обвинения в том, что он ненавидит грузин и любит армян, что, согласно его теории, большинство грузинских слов имеет армянское происхождение^[67], что Марр прекратил раскопки Ани из-за протеста Эчмиадзина (католикоса), недовольного этническими наблюдениями Марра, поскольку в древнем городе преобладало грузинское население^[68], наконец, о том, что авторство средневековой грузинской поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Марр приписывает персам^[69] и т. д. и т. п. Марр хлопотал о том, чтобы открыть на Кавказе первый археологический и культурный центр, чтобы в Тифлисе появился университет (был открыт и назван его именем после революции, а после 1950 года переименован), наконец, чтобы Грузинская православная церковь получила автокефалию (автономию) от Российской церкви. Накануне мировой войны для обсуждения последнего вопроса он бы приглашен в качестве эксперта в Предвыборное присутствие Священного Синода Российской православной церкви, но злопыхатели с разных сторон не унимались. В одном из писем к секретарю Академии наук академику С.Ф. Ольденбургу (1913 год), с которым он находился в дружеских отношениях, Марр с горечью писал: «Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, ведомой против меня в армянском обществе. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня в научных изысканиях должна быть грузинская психология, хотя бы наполовину. Но почему и у армян претензия требовать от меня националистической программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что я „Ани отнимаю у

армян и передаю русским“, что в Ани я „умаляю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской“ и даже турецкой»^[70]. Разумеется, большинство обвинений такого рода не имели никаких оснований. В советское время от вульгарной критики с националистическим оттенком оппоненты Марра перешли к более серьезным профессиональным и идеологическим атакам, но и они очень часто подспудно мотивировались (и мотивируются) шовинистическими чувствами. Одним из таких критиков был молодой лингвист-грузиновед, работавший в классических традициях Арн. Чикобава. В конце 20-х годов он, как и многие, выступил с критикой лингвистических построений Марра на грузинский язык с позиций сравнительно-исторического подхода в книге «Проблема простого предложения в грузинском языке». Очевидно, эта работа Чикобавы Марра задела. Став маститым и обласканным советской властью ученым, Марр решил все же «не опускаться» до открытой полемики с менее известным коллегой, но, скорее всего, именно Марр инспирировал отрицательные отзывы на книгу Чикобавы со стороны своего сторонника П. Чанашвили. В советские времена Марр, как и многие члены Академии наук СССР, уже не стеснялся использовать закулисные приемы борьбы со своими научными оппонентами. Знал бы он, к чему приведут спустя многие годы после собственной смерти эти закулисные стычки с Чикобавой, то, возможно, поостерегся бы «затапывать» молодого драчливого коллегу. Уровень полемики, которая велась на грузинском языке, характеризуется заголовками. Чанашвили: «Грамматика или схоластика»; Чикобава: «Сенсационное открытие или несенсационное невежество» и т. д. Марр бережно собрал эти «полемиические» статьи^[71]. Конечно, в 1930 году, в том самом, в котором появились эти заметки, Марр не мог предвидеть того, что через двадцать лет именно Чикобава будет принят лично Сталиным, что Чикобава выскажет ему претензии к теоретическим построениям давно умершего академика и что лично от Сталина Чикобава получит задание написать застрельную статью, открывшую антимарровскую всесоюзную кампанию в «Правде».

В общем и целом археологические и лингвистические изыскания Марра, очень романтическая и смелая яфетическая концепция получили уже в российских дореволюционных научных кругах если и не одобрение, то исследовательскую поддержку. До конца своей жизни к

Марру очень доброжелательно относился востоковед, академик С.Ф. Ольденбург. Как министр народного просвещения в составе Временного правительства, Ольденбург в 1917 году содействовал Марру в создании Кавказского историко-археологического института. Марр ставил вопрос об организации института еще с 1910 года, но бесконечная тяжба между армянскими и грузинскими представителями о его местоположении безнадежно затягивала дело. Теперь институт должен был располагаться в Тифлисе, но когда весной 1918 года для создания научной базы института в меньшевистскую демократическую Грузию был направлен железнодорожный вагон с анийским научным архивом и материалами раскопок, то вагон бесследно исчез. Вскоре через город Ани прошла линия фронта, и древний город был разрушен окончательно, затем он отошел к Турции^[72]. Результаты шестнадцати лет работы Марра почти бесследно пропали.

Накануне революции Академия наук уже лет десять как издавала основанную Марром серию «Материалы по яфетическому языкознанию», где печатались не только произведения основоположника, но и труды его научных последователей и учеников. Так что яфетическая теория не есть плод радикальных, «левацких» загибов по типу пролеткультовских, о чем через пятьдесят лет безапелляционно заявит Сталин и как продолжают утверждать некоторые наши современники^[73]. Как уже говорилось, первоначально Марр сформулировал яфетическую теорию для доказательства родства грузинского и иберийско-кавказских языков с семитскими языками. Тогда Марр постоянно подчеркивал родственность грузинского и армянского языков и их связь с древнееврейским, с арамейским и арабским языками. В дореволюционные годы он находил сочувственное одобрение не только части светских академиков, но и в среде российских православных ученых-теологов, так как его построения подкрепляли ветхозаветные представления о родственных связях некоторых кавказских и восточных народов. Кроме того, он получил известность как знаток ранней восточнохристианской литературы.

Марр знал и любил историю и культуру своего Кавказа. Подобно древним грекам с их Колхидой и Прометеем или древним иудеям с их праотцем Ноем и ковчегом, причалившим к вершине горы Арарат, Марр считал седой Кавказ одним из древнейших центров земного

мироздания и человеческой культуры. Позже он навязчиво предлагал научному сообществу переименовать индоевропейскую семью народов в прометеидскую, а вновь им открытое языковое семейство предложил именовать яфетическим (по имени одного из трех сыновей Ноя — Яфета). Он смело приводил к единству и древнегреческий и древнееврейский миры и языки: библейский рай Адама — к золотому веку Гесиода, имя праотца Яфета — к имени отца Прометея Апету (Иапету)^[74]. И это тогда, когда в западноевропейской науке больше предпочитали рассуждать о враждебной несхожести семитского и арийского «духа». Но если этнические и исторические идеи Марра в первую очередь не приняли армянские и грузинские националисты, то его лингвистические построения отвергли почти все известные зарубежные и отечественные языковеды. В ответ на это Марр в своих лекциях заявлял с чудовищной долей бахвальства и высокомерия: «Перечислить достижения нового учения об языке. Это невозможно. Легче перечислить звезды небесные, легче перечислить песок морской, чем то, что достигается новым учением об языке»^[75]. Отчетливо звучит заволаживающая лексика автора сказок «Тысячи и одной ночи». Многие его научные публикации содержат подобного рода заявления, но при жизни Марра, как до революции, так и после нее, никто не решился его всерьез «одернуть», настолько велика была «магия» личности, действовавшая даже на его маститых противников, в том числе и зарубежных.

Стадиальная теория развития языка и мышления. Ручная речь

В послереволюционных научных изысканиях Марр, довольно причудливо приспособившая марксистскую терминологию, пытался опереться на философию истории марксизма с его экономическим и формационным учениями. Еще до революции он сделал отчаянную попытку фундаментально дополнить господствовавший в мировой лингвистике компаративистский (сравнительно-исторический) метод исследования и основанное на нем учение о языковых семьях. Уже лет сто, как установилось мнение, что каждая семья языков, например индоевропейская, состоит из родственных групп языков (романские, германские, славянские, кельтские, санскритские и др.), а все они восходят к одному гипотетическому языку-предку. Та же схема применялась и к другим языковым семьям, например к семитской. Она оставляла открытым вопрос о том, произошли семьи из единого общечеловеческого праязыка или каждая семья языков испокон веков имела своего особого предка. Не давала она прогнозов и на будущие времена: будет ли продолжаться дробление семей, или же они в конечном счете сольются в единый язык? Марр одним из первых решил заполнить этот пробел. При этом он попытался учесть не только достижения современной ему лингвистики, но и других наук (этнологии, палеоантропологии, археологии, фольклористики, истории), связав их с марксистскими моделями развития человека общественного. Теперь бы мы сказали, что Марр был пионером и системного подхода.

Библейская традиция говорила о том, что человеческий род и его язык восходят к общему праотцу Адаму. Открытия палеоантропологов, сделанные к 20-м годам XX века, уже тогда продлили историю человеческого рода до одного миллиона лет. (В настоящее время говорят о трех и более миллионов лет.) К тому же в начале XX века ученые все более склонялись к полицентрической модели происхождения отдаленных предков современного человека. А Маркс, говоря о поэтапном (формационном) развитии человеческого общества, прогнозировал скорое всеединство коммунистического человечества, из

чего вытекала и необходимость единого языка. Маркс, Энгельс и некоторые марксисты — П. Лафарг, К. Каутский, В. Ленин, Н. Бухарин и другие — говорили о двух культурах и разных классовых языках внутри одного общества, одной формации. Марр попытался все это аккумулировать в «новом учении». Однако, будучи немолодым ученым, он был связан своими давними, еще дореволюционными «библейскими» моделями и воззрениями. Пришлось и их вписывать в «новое учение о языке».

Без сомнения, по своему первоначальному импульсу яфетическая теория была прямым развитием библейской традиции. Поскольку европейская лингвистика XIX века говорила главным образом о двух языковых семьях: семитской и хамитской (по именам старших сыновей Ноя — Сима и Хама) и стоящей особняком индоевропейской семье, то Марр приступил к поиску следов еще одной библейской семьи, ведущей свое происхождение от третьего сына Адама — Иафета (Яфета). А так как многие языки народов Кавказа отличались своеобразием и были еще практически не изучены, Марр именно там без труда нашел отдаленных отпрысков Яфета (армян и грузин), затем подыскал и им «родственников» среди древних народов Востока («халдеев», хеттов, египтян-коптов и др.), а также тех современных народов, языки которых не вписывались в модели «индоевропеистики». Так к яфетическим языкам были причислены языки испанских басков, коми, мордвы (Россия), вершиков (Памир), языки некоторых африканских народов. Судя по контексту, Марр рассматривал их как окраинные, «пережиточные» народы бывшего единого яфетического мира, как его рудименты. До революции Марр в соответствии с библейской моделью подчеркивал отдаленное родство, но и самостоятельность яфетической группы языков по отношению к языкам семитских и индоевропейских семей. (Обратим внимание на то, что до сих пор в теологической христианской литературе иногда используется несколько модифицированный библейско-марровский принцип классификации языков и народов^[76].) Когда же Марр стал пересматривать библейскую модель в марксистском, «стадиальном» духе, он заговорил уже о том, что речь идет не о замкнутых «семьях», а об общечеловеческом единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса и о последовательных стадиях развития общечеловеческого языка.

Яфетическая группа была объявлена пережитком одной из древних стадий развития языка в целом. Семитская и индоевропейская группы — высшие стадии. В результате у него сложилась такая модель:

1. Языки системы первичного периода (китайский и примыкающие к нему по строю), у которых обнаружено «наличие окаменелостей в письменной речи».

2. Языки системы вторичного периода (угро-финские, турецкие, монгольские).

3. Языки системы третичного периода («пережившие яфетические языки», хамитские — ближневосточные и дальнеафриканские).

4. Языки системы четвертичного периода (семитические, «прометеидские» (индоевропейские))^[77].

По этой схеме выходило, что живые языки более ранних этапов являются менее совершенными, «пережиточными» формами единого глоттогонического процесса, по аналогии с пережитками ранних стадий единого производственного процесса общественно-экономических формаций (рабовладение при господстве капиталистического способа производства и т. д.). А в качестве переходной формы от яфетической группы к индоевропейской Марр называл русский и славянские языки. Он отчетливо видел, как их прямые предки — древние сарматы и скифы «вместе с иберами и ионянами — яфетидами выступают скульптурно в славянах»^[78].

Позже Марр дополнил схему еще одним древнейшим этапом. Опираясь на марксистское воззрение о роли руки, труда и частной собственности в развитии цивилизации, он заявил, что на самом раннем этапе господствовала ручная, кинетическая речь, в которой участвовала и мимика, теснейшим образом связанная со способом «ручного» трудового процесса. С развитием кинетической речи, утверждал Марр, синхронно начался процесс вычленения сознания человека из природной среды и его дифференциация. (Отсюда фраза Марра из письма Сталину о «первобытном обществе, не различавшем ещё утра и вечера, иначе как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности».) Лишь на более поздних этапах кинетическая речь сначала сосуществует, а затем вытесняется линейной звуковой речью и т. д.

Несмотря на насмешки, которыми Марр был удостоен и при жизни и особенно в период разгрома марризма в 50-х годах XX века, в этих

воззрениях ни тогда, ни сейчас он был не одинок. По отдельным аспектам близких взглядов придерживались крупнейшие этнологи-эволюционисты: Л.Г. Морган, Э.Б. Тайлор, Л. Леви-Брюль, физиолог и лингвист В. Вундт, в особенности знаменитый немецкий философ Э. Кассирер, а в более позднее время не менее знаменитые — структуралист К. Леви-Строс, философ Мероло-Понти, лингвист академик Вяч. Вс. Иванов и другие. А лет за двести до них Дж. Вико писал в своем «Основании новейшей науки об общей природе наций», что первым языком был «немой язык посредством знаков или тел, имевших естественную связь с идеями, которые они должны были обозначать»^[79]. Марр не раз ссылаясь на Вико как на своего предшественника. Дж. Вико был одним из тех авторов, на которых опирались и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и П. Лафарг, и другие корифеи материалистического понимания истории. Обратим внимание на то, что у всех указанных авторов речь идет о языке, но не фонетическом (звуковом, членораздельном), а о языке, передающим смыслы жестами, позой и недифференцированными звуками. И в наш век математических компьютерных языков и информационных технологий расширительное толкование понятия «язык» не кажется странным. В 50-х годах этот пункт теории Марра станет одним из самых любимых для насмешек «корифея науки» (Сталина) и его вольных и невольных последователей.

Пик официальной популярности Марра совпал с выходом в 1930 году перевода с французского языка классической книги Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении», которая также оказалась созвучной некоторым уже сформулированным воззрениям Марра^[80]. Пусть и более осторожно, чем Марр, но и Леви-Брюль высказался в пользу первичности кинетической речи, а главное, вслед за Э. Тайлором развивал идеи о единстве эволюционного процесса и о роли «сверхъестественного» и «магического» способа мышления в формировании человеческого разума и цивилизации^[81]. Марр восторженно приветствовал книгу Леви-Брюля. «Громаден и в то же время актуален для нас труд, — писал он, — одного из скромнейших и при этом наиболее революционно мыслящих для своей общественной среды научных работников современной Франции — Леви-Брюля. В подлежащей работе в целом изменчивость мышления обнажена с ослепительной яркостью». Далеко не бесспорная идея поэтапного

(формационного) развития человеческого мышления уже давно была центральной в концепции Марра. С 1930 по 1934 год «труд-магический» этап в становлении мышления и языка человечества стал любимым пунктом в построениях Марра и очередным пунктом будущих развенчаний.

Марр попытался научно обосновать неразрывную связь в происхождении языка и мышления. Опираясь на воззрения Тайлора и исходя из концепции палеоантропологического полицентризма, он заявил, что на древнейших этапах все языки возникали по единым законам мышления вне зависимости от географии и исторических условий. И это заявление не лишено логики. Если человечество как вид появляется одновременно в разных частях ойкумены, то и зачатки языка и мышления (эти основополагающие признаки человеческого рода) действительно должны возникать одновременно и по одним законам. (Если же это не так, то теория полицентризма не верна, но и в этом случае язык-мышление, скорее всего, зарождается синхронно пусть только у одного из видов и у одной группы приматов и в одном месте. В наше время господствует последняя версия, в большей степени соответствующая концепции Марра.) Далее же Марр утверждал, что все языки возникали независимо друг от друга и из тех самых четырех элементов, которые якобы и обеспечили их разнообразие и всеединство. Затем, пройдя определенные этапы «схождения» и «расхождения» (скрещивания и расщепления), человечество пришло к современному состоянию с его языковыми семьями. В будущем неизбежен процесс слияния всех языков в единый общечеловеческий язык. В одной из итоговых работ, в так называемом «Бакинском курсе», Марр писал: «Языки всего мира представляют продукты единого глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежат к той или иной системе, сменявшей одна другую... Вначале многоязычные источники оформления и обогащения языка, залог его развития в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения. И так человечество от кустарных, разобщенных форм общественности и хозяйства идет к одному общемировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так и язык

от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку»^[82].

До конца своих дней Марр постоянно менял и что-то дополнял в своих построениях, что также вызывало недоумение и раздражение коллег-оппонентов. Любопытное высказывание Марра по этому поводу вспомнил после его смерти академик И.И. Мещанинов: «Один ученый саркастически заметил, что в его представлении не укладывается образ ученого, который на протяжении двух лет меняет свои позиции... Николай Яковлевич ответил, что он не представляет себе такого ученого, который тридцать лет твердит одно и то же»^[83]. Здесь тот самый случай, когда, как указывал тов. Сталин, «обе точки зрения правильны».

Языковед и революция

Конечно же, до революции Марр ни слова не говорил о том, что он идейный последователь К. Маркса и Ф. Энгельса и приверженец исторического материализма. Он также не был замечен ни в административных, ни тем более в политических амбициях. Но в октябре 1917 года неожиданно для многих стал членом Петроградского Совета, который возглавлял Л.Д. Троцкий. Там он должен был встречаться со многими видными большевиками и с некоторыми из них сойтись ближе. Первые послереволюционные годы наиболее темные в биографии Марра. Я предполагаю, что Марр одним из первых академиков пошел на сближение с большевистской властью не только по собственной инициативе. К этому его могли подталкивать и тогдашние руководители Академии наук, замеченные в сотрудничестве с Временным правительством (академик С.Ф. Ольденбург и др.), для того чтобы иметь возможность на личном уровне хоть как-то взаимодействовать с новой, враждебной властью. Впрочем, семья Ольденбургов находилась в дружеских отношениях с семьей Ульяновых еще с дореволюционных времен, и потому Ольденбург продолжал фактически возглавлять академию первое послереволюционное десятилетие. Но подавляющее число академиков не приняло советскую власть. Поэтому готовность Марра к сотрудничеству пришлось для многих как нельзя кстати.

Все послереволюционные годы у Марра были дружеские и деловые контакты с Н.И. Бухариным, А.В. Луначарским, М.Н. Покровским, А. Бубновым, А. Енукидзе, М. Горьким, А. Сванидзе, Н. Троцкой (женой Л. Троцкого) и другими высшими партийными и государственными деятелями. Тогда же он стал председателем Центрального совета научных работников, одного из первых советских объединений ученых. Вскоре после завершения Гражданской войны Марр, в отличие от многих академиков старой формации, окончательно попытался стать своим для новой власти. И дело здесь было не только в карьеристских замыслах. Как и многие открыто не выступавшие против советской власти ученые, он, без всяких дополнительных политических ухищрений, занимал в то время с десятков различных должностей и возглавлял несколько крупных научных учреждений. До начала 30-х

годов крупные ученые помимо идеологического прессинга не испытывали еще того административного давления со стороны власти и не переживали того страха, который стал обыденностью после так называемого «Академического дела» и в гибельные последующие годы. Марр добровольно и сознательно не просто пошел на сотрудничество с советской властью, а демонстрировал поиски стыковок своей дисциплины и научной концепции с идеологией и политической практикой нового строя. Это его стремление совпало со встречным стремлением власти опереться на авторитетнейших ученых-академиков с целью установления контроля над своевольной бывшей Императорской академией и над российским научным сообществом в целом.

В 1918 году Марр выступил с инициативой слияния факультета восточных языков, который он возглавлял, с историко-филологическим факультетом Петербургского университета. Марр давно ставил об этом вопрос, обоснованно мотивируя объединение факультетов единством задач и методов изучения восточных и западных языков и литератур. Он же был назначен деканом нового единого факультета. Существование двух факультетов символизировало несхожесть и несопоставимость Запада и Востока, с чем Марр никогда не соглашался. До революции центром археологической работы в России была Археологическая комиссия, под руководством которой наука достигла значительных результатов, признанных во всем мире. Археологическая комиссия, обладавшая до революции значительной научной автономией, после Октября 1917 года также оказалась в оппозиции к большевистской власти. Марр, как доверенное лицо этой самой власти и как признанный археолог Кавказа, вошел в состав комиссии и даже стал ее первым выборным в советское время председателем. Но как показала практика в этом и других случаях, Марр оказался плохим политиком и не очень расторопным администратором, а потому не смог существенно повлиять на деятельность и этой организации. Кроме того, на каком бы посту Марр ни находился, какими бы проблемами ни занимался, везде и всегда он навязчиво пытался внедрить свое, особенное видение задач. В начале 1919 года Марр обратился в советское правительство с проектом создания Академии материальной культуры, которая должна была не только заменить Археологическую комиссию, но и переориентировать

археологическую науку на системное изучение материальных памятников с точки зрения функционального подхода. В.И. Ленин, по свидетельству Марра, слегка подправив название, 18 апреля 1919 года подписал декрет о создании Академии **по истории** материальной культуры (ГАИМК), в основу которого был положен проект Марра. Руку Марра в этом проекте выдает довольно бестолковый текст, в особенности в той части, где сформулированы задачи академии: «Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных как монументальных, так бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия по истории материальной культуры»^[84]. Академия подчинялась одному из структурных подразделений Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса). Следуя этой формулировке, «материальной культурной ценностью» можно было объявить все, что угодно. Из этой преамбулы очень трудно понять, чем же конкретно должна была заниматься академия? Положение спасло то, что согласно этому же декрету Археологическая комиссия в прежнем составе и с прежнем финансированием переходила в новое учреждение как ее составная часть. Помимо основной деятельности на академию возлагалась также охрана памятников старины и тем самым в ведение Марра попало еще и музейное дело. В дальнейшем Марр оказался активнейшим членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников в составе Наркомпроса. Вскоре по инициативе Марра в рамках ГАИМК был создан Институт археологических технологий, новаторское по тем временам исследовательское учреждение, которое должно было применять методы естественных наук для анализа и датировок древних памятников материальной (вещной) культуры. В 1924 году Марр был избран еще и директором ленинградской Государственной публичной библиотеки. Но наиболее для него важным и любимым детищем стал Институт языка и мышления АН СССР (просуществовал до 1950 года), выросший из эфемерного марровского же Яфетического института^[85]. Я не буду перечислять другие учреждения, в которых Марр принимал участие или заново организовывал. Отмечу только, что он с каждым годом

пользовался все большим авторитетом и доверием со стороны членов правительства ленинского набора.

В архиве Марра сохранилась переписка со значительным количеством выдающихся лиц эпохи; сохранились также следы его переписки с партийными и государственными деятелями, репрессированными в годы сталинского террора. Архивный фонд Марра — один из самых богатых по своему составу из всех известных мне персональных документальных собраний XX века. В нем насчитывается 5940 единиц хранения (для сравнения: в архиве Сталина несколько более 1700 единиц хранения). Особенно впечатляет его переписка, насчитывающая несколько сотен имен. В их числе письма «проклятых и забытых»: Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, А.С. Бубнова, А.С. Енукидзе, Л.М. Карахана, А.И. Корка, В.И. Невского, М.Я. Рафаила, А. Сванидзе, Н.И. Троцкой, С.Н. Быковского. В описи фонда указано, что переписка Марра с этими людьми была изъята (карательными органами. — *Б.И.*) в один день — 10 февраля 1939 года, то есть спустя пять лет после смерти Марра и в самый пик господства языковедческой «школы» марристов, возглавляемой академиком И.И. Мещаниновым. Скорее всего, изъятие было связано с очередной чисткой в архивах деятелей революционной эпохи, проводившейся в связи с процессом Бухарина и его подельщиков. Н.И. Бухарин, который в конце 20-х годов был еще в полной политической силе и числился в союзниках Сталина, писал о Марре: «При любых оценках яфетической теории Н.Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гирями на ногах этой дисциплины»^[86]. Но именно эта «антивеликодержавность» яфетической теории, которую точно подметил Бухарин, послужит главной, но скрытой причиной ее низвержения после Великой Отечественной войны. В своих работах и выступлениях Бухарин часто ссылаясь на Марра, поскольку «школа академика... дает историко-социологическую трактовку языка»^[87]. Даже находясь в тюрьме, в своих предсмертных рукописях Бухарин помянул добрым словом лингвистическую концепцию Марра, поставив ее в один ряд с концепциями крупнейших философов и лингвистов своего времени. «Само мышление, как и язык — мы касались этого вопроса отчасти и мимоходом в другой связи, — писал он в камере на Лубянке, — есть

социальный продукт. Еще в трудах Макса Мюллера, Лаз. Гейра и Л. Нуаре имелся достаточный фонд аргументов, которыми доказывалось происхождение языка и мышления из трудовой практики людей и процесс образования понятий брался именно в этой связи. Новейшие исследования по истории языка и мышления — в частности и в особенности, труды покойного академика Н.Я. Марра — дают огромный материал, подтверждающий эти положения»^[88].

Наверняка в архиве Марра были документы, принадлежавшие перу и других погибших большевистских функционеров, например, таких как Г. Зиновьев, который до 1926 года возглавлял Петроградский Совет и без содействия которого Марр и Академия наук, находясь в Ленинграде, вряд ли могли обойтись. В фонде Марра отсутствуют и письма Сталина, хотя в фонде вождя следы их переписки сохранились. Предположительно эти и другие документы были бесследно «вычищены» сразу после смерти академика, то есть в 30-х годах.

Тесные связи были у Марра и с всесильным сталинским наместником Кавказа Л.П. Берией, сыгравшим особую роль в его посмертной судьбе. В архиве Марра я обнаружил рукописную записку на грузинском языке. Привожу ее в переводе на русский язык:

«5.12.32

Вопросы или предметы для обсуждения с товарищем Берия

1. Основное дело: филиал и университет Грузинской Советской Социалистической Республики, также М-Л (Институт марксизма-ленинизма).

№ Обустройство научной части филиала и квартиры (так как предложение неполное, приведен один из возможных по смыслу вариантов перевода. — *Б.И.*).

Когда мы приглашаем научных сотрудников для укрепления тыла филиала, изыскать метод защиты от голода (случай с Абаевым).

2. КСУ {КСУ — Комиссия содействия ученым.} Комиссия, оказывающая поддержку местным научным сотрудникам в Тбилиси, отделение грузинское, Закавказья, краевое, такое, как на Украине.

3. Сын мой очень увлечен персидским словарем, готовит живой язык для окончательной редакции.

Собираюсь к нему, может, здесь можно найти персидскую Красную звезду, переслать бы ему в качестве материала, нужно, в Москве сказали, сюда, дескать, пишите, перешлют, мол, но на сегодняшний день он пока не получал.

4. Дело общественной печати о грузинской истории и языке без бумаги очень затрудняется, собирается приехать Дондуа (далее неразборчиво. — *Б.И.*) ... пока старший Карпез подготовил грузинско-русский словарь, большой грузинско-русский.

5. ...»^[89]

Из записки следует, что у Марра были давние и прочные связи с Берией, к которому Марр обращался напрямую. Необходимо отметить, что часть проблем, которые предполагал поднять Марр, могли быть поставлены только после согласования со Сталиным. Это в первую очередь вопросы о организации в Тбилиси филиала Института марксизма-ленинизма и Тбилисского университета. И то и другое учреждения вскоре действительно были открыты. Из записки также следует, что Марр обращался к Берии не только в связи с налаживанием быта кавказских ученых и своих сторонников (Абаев, Дондуа), но и с сугубо личными просьбами, связанными с научными интересами младшего сына. Так что Берия лично знал Марра, но имел ли он тогда представления и о его научных, особенно лингвистических воззрениях, сказать трудно. Архив Берии в настоящее время наглухо засекречен. Убежден в том, что Марр отправлял свои труды не только Сталину, Луначарскому, Покровскому и другим государственным деятелям (что подтверждается документально), но и своему земляку Берии. Отметим также, что Берия был знаком и с Чикобавой и об его противостоянии с Марром уже тогда знал наверняка. И это знакомство с Берией аукнется Марру в 1950 году.

Из большевистских лидеров наиболее доверительные отношения были у Марра с А.В. Луначарскими и М.Н. Покровским и не только в связи с обширнейшими научно-организационными функциями Наркомпроса, который они возглавляли, но и в связи с тем, что именно Марр оказывал содействие в проведении их и других кандидатур от власти в Академию наук СССР. Сохранилось несколько писем Луначарского Марру, которые он отправлял начиная с 1918 года. Одна из наиболее интересных записок датирована 1 марта 1922 года, но она

адресована не Марру, а заместителю председателя Совнаркома РФ А.И. Рыкову (заместителю Ленина):

«Дорогой Алексей Иванович.

Очень прошу Вас принять вне всякой очереди академика Марра, одного из крупнейших наших ученых. Человека чрезвычайно осведомленного по целому ряду вопросов и Вас интересующих (как Председателя комитета наук) и чрезвычайно близко принимающего к сердцу все нужды этой сферы государственных задач. Я считаю разговор его с Вами до крайности необходим. Крепко жму руку.

А. Луначарский». ^[90]

Я процитировал копию письма Рыкову, которую Луначарский отправил Марру для ознакомления, так как на обороте сохранились небрежные каракули Марра с упоминанием имен академиков Платонова и Шахматова. Судя по всему, нарком Луначарский дорожил дружбой академика Марра, о чем можно судить по его другой записке, в которой он извинялся за возникший между ними инцидент и в которой он так и пишет: «Я всегда очень дорожил Вашим отношением ко мне и думаю, что некоторые люди, которым по ходу наших внутренних взаимоотношений понадобилось раздуть значение инцидента между мною, Томашевским ^[7] и т. д., могли в значительной степени содействовать неправильному пониманию с Вашей стороны моих действий» ^[91].

Отставленный Сталиным со всех руководящих постов незадолго до смерти, в марте 1933 года, Луначарский написал последнее письмо Марру:

«Дорогой Николай Яковлевич.

Я не знаю, читали ли Вы на немецком языке лишь недавно опубликованную замечательную, написанную еще в 1845 г. Марксом и Энгельсом книгу „Немецкая идеология“. Теперь она вышла на русском языке (ИМЭЛ соч., М.Э. т. IV). На всякий случай обращаю Ваше внимание на рассуждение о сознании и языке стр. 20 (начало абзаца: „Лишь теперь...“) и до конца стр. 22. Мне кажется, что здесь имеются

замечательные подтверждения некоторых Ваших положений, особенно конец стр. 20, на стр. 21... Крепко жму Вашу руку»^[92].

Луначарский указал Марру на впервые опубликованные на русском языке такие рассуждения классиков: «Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек имеет также „сознание“. Но и оно не имеется заранее или как „чистое“ сознание. На „духе“ заранее тяготеет проклятие „отягощения“ его материей, которая выступает здесь в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание, язык — это практическое существующее для других людей, а значит, существующее так же для меня самого реальное сознание и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношения с другими людьми».

В дальнейшем мы обязательно воспользуемся рекомендациями Луначарского и рассмотрим эти и другие страницы из «Немецкой идеологии» под углом зрения марровской теории происхождения языка и мышления и в связи с их своеобразной интерпретацией поздним Сталиным.

Не менее дружеские чувства испытывал к Марру в те времена ведущий советский историк М.Н. Покровский. По его приглашению Марр часто выступал на важных конференциях и совещаниях историков-марксистов как крупнейший ученый старой формации, сблизившийся с официальной историософской идеологией. К тому же именно в эти первые постреволюционные годы Марр стал активно дополнять свое «новое учение о языке» первичным этапом, точнее, целой эпохой так называемой «ручной речи», передающей смыслы жестами, то есть с помощью руки. Многие увидели здесь связь с учением Энгельса о роли руки в развитии человеческого труда и становлении цивилизации. В фонде Марра есть несколько документов о содействии замнаркома просвещения Покровского экспедиции Марра на Кавказ, о выдаче академику новейшей зарубежной литературы из фондов библиотеки Социалистической академии, но в связи с темой, стоящей в центре этой книги, я хочу привести одно из его писем полностью:

«22. IV.1926.

Академику Н.Я. Марру.

Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Очень Вам признателен за присылку Ваших отрывков о руке — прочел их с громадным интересом. Вам нужно как можно скорее переработать их в популярный очерк. Это ценнейшее дополнение к нашей материалистической истории культуры.

Задержал свой ответ потому, что захотел Вам послать № «Unter d. Banner d. Marxismus» с Вашей статьей, воображая, будто этот № у меня есть. Но, увы! И у меня его нет. Вышел ли он вообще?

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

М. Покровский.

Р. S. Только что получил еще две Ваши брошюры: «Основные достижения...» и «Из переживаний доист. памятников Европы».

Еще раз спасибо! М. П.»^[93]

Отношение Покровского к Марру было намного восторженнее, чем отношение Марра к официальному главе советской исторической науки. В знаменитой в свое время книге Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» в главе, посвященной революции 1905 года на окраинах империи, он процитировал несколько страниц из давних репортажей Марра с Кавказа, снабдив их таким предисловием: «Порядки, которые теперь здесь устанавливались, лучше всего описать словами совершенно беспристрастного свидетеля профессора Н.Я. Марра. Вдобавок Марр сам родился в Гурии и превосходно знает ее язык и весь быт»^[94]. Кстати, из этого отрывка следует, что Марр слышал тогда не Сталина, на чем позже настаивали марристы, а малоизвестного большевика Хтис-Цкалоба, при этом Марр отнесся к большевистскому оратору с иронией^[95].

Марр часто выступал на конференциях, которые проводились под эгидой Общества историков-марксистов, возглавлявшегося Покровским и призванного воспитать новую плеяду ученых, порвавших с

«буржуазной» исторической наукой. Покровский высоко ценил участие археолога и лингвиста Марра в этих собраниях. Делая обзор первой всесоюзной конференции 1929 года, Покровский написал в заключительной части: «Но я не могу не остановиться на одной особенности этой последней (конференции. — *Б.И.*). Она вскрыла не только гораздо более обширные кадры последователей исторического материализма в нашей стране, чем можно было ожидать, она показала, что наше мировоззрение начинает захватывать и соседние с нашей наукой области, притом такие области, где еще недавно господствовали безраздельно идеализм и психологизм. Великолепный доклад академика Н.Я. Марра показал, что к нашим материалистическим выводам можно прийти не только от изучения классовой борьбы (каковое изучение некоторые наивные люди считают основным характеристическим признаком марксизма, забывая, что такое понимание марксизма давно опровергнуто самим Марксом), но и от изучения истории человеческой речи. Все человеческое есть продукт общественной работы. „Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений“. Индивидуальное не начало, как казалось и кажется буржуазным историкам, а конец, итог. И отправляться в объяснении исторического процесса от индивидуального, как до сих пор делают „заслуженные“, — это заставлять историю идти вверх ногами»^[96]. Речь шла об одном из основополагающих трудов Марра «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории»^[97].

В последние годы жизни Марр все более приближался к верхним этажам советской власти, в результате чего он все в большей степени обрстал внешними атрибутами официального признания: государственными наградами и контактами, носившими ритуальный характер. Отношения с Максимом Горьким, известным «пролетарским» писателем, вступившим с начала 30-х годов в особенно близкие отношения со Сталиным, постепенно стали носить именно такой, ритуальный характер. Ни архив Марра, ни другие известные мне источники не дают основания утверждать, что Марр и Горький были лично знакомы до революции, но в 1920 году они совместно с другими выдающимися деятелями культуры настояли перед Советским правительством (Лениным) на реэвакуации из Москвы сокровищ

Эрмитажа, вывезенных еще по распоряжению Временного правительства в связи с опасностями немецкого наступления на Петроград^[98]. Затем Горький уехал за рубеж и никаких контактов с Марром не поддерживал. В архиве Марра сохранилась копия единственного послания Горького написанного, скорее всего, между 1932 и 1934 годом, любопытное не столько своим содержанием, сколько особой нарочитой тональностью: один «великий» пишет «равновеликому»:

«Копия.

Глубокоуважаемый

Николай Яковлевич, — т. А.Г. Пригожин сообщил мне о Вашем положительном отношении к задаче создать „Историю женщины“. Я крайне обрадовался этим Вашим отношением, крепко пожимаю Вашу руку. И уверен, что с Вашей помощью дело, начинаемое Гаимкой ^[8], будет хорошо сделано.

Еще более радует меня намерение руководимого вами учреждения приниматься за работу создания общей истории культуры, то есть истории возникновения и развития той энергии, которая, создавая сокровища культуры материальной и опираясь на них, поставила трудовое человечество перед лицом тех открытий науки, изобретений техники и отражений действительности в искусстве, которыми труженики мира нашего должны коллективно обладать, как это диктует им исторический процесс.

Историю развития этой энергии никто еще не пробовал рассказать, изобразить, так как она этого требует. Вполне естественно, что такую работу начинают в стране, где рост этой силы принимает характер массового явления и где она понимается как самое мощное выявление органической материи, как энергия воспламенения в человеке процессами его трудовой деятельности. Мне кажется, что в работе по истории культуры следует сделать то, чего никто еще не пытался сделать, а именно: особенно резко расчлнить две тенденции исторического процесса, гениально вскрытое Марксом.

Я имею [в виду] рабовладельческую „классовую“ тенденцию, которая рассматривает человека только как вместилище физической силы и не отмеченную буржуазными историками культуры, смутную, но идущую из глубокой древности мечту трудового человечества о

возможности преодоления всех сопротивлений со стороны сил природы интересам человека.

Тенденция эта непрерывно выражалась в мечтах о „ковре самолете“, „о сапогах скороходах“, „о живой и мертвой воде“, „о василисах премудрых“, которые создавали чудеса, о людях, которые останавливали движение солнца, течение рек и т. д. и т. п. Фольклор насыщен рассказами о чудесной силе человека, а ведь нет мечты, которая не была бы вызвана к жизни сознанной, но неудовлетворенной потребностью. Мечта трудового человечества о сказочных чудесах имеет основой своей вполне реальное и законное стремление к свободе от каторги бесчеловечного классового труда. В существе, в смысле своем, это мечта — глубоко гуманитарна и, конечно, мало общего имела с „гуманизмом“ буржуазии, хотя — возможно — именно она влияла на развитие „гуманизма“ эксплуататоров, первоначально подсказанного „гуманизмом“ жрецов различных религий — подсказанного из тактических соображений политики церкви, пытавшейся примирить непримиримое: владыку и раба. Мечту эту мы найдем в работе средневековых алхимиков и, наконец, откроем ее в наши дни, в нашей стране, где буквально сотни и сотни малограмотных людей заняты проектами создания „вечного двигателя“. Мы должны показать, как грубо, жестоко и подло классовое общество искажало и гасило эту действительно и единственно подлинную гуманитарную „мечту“, созданную людьми труда, и как это задержало рост исследующей и создающей мысли.

Вот дорогой и уважаемый Николай Яковлевич, кое-какие мои соображения, которые мне захотелось сообщить Вам, что я и делаю. Мне думается, что всего меньше мы должны считаться с нормами, канонами и традициями буржуазных специалистов, специализм коих всегда включает в себя более или менее серьезную дозу кретинизма. Мне кажется также, что многие „научно установленные истины“ не только не выветрились, умерли, оставив после себя только словесную шелуху красивых формулировок, но что вообще, чем быстрее идут процессы жизни, тем кратко срочнее бытие „истин“. Кстати: как мы видим, напр., в Германии старые истины вышвыриваются из обихода буржуазной жизни, как изношенные калоши, поспешно фабрикуются новые и — все более отвратительные по цинизму, по бесчеловечию своему.

Мы, Союз Советов, агитируем за внедрение в жизнь величайшей истины, которая прекрасно энергетизирует наш трудовой народ и также мощно должно энергетизировать все силы и способности мировой семьи трудящихся.

Сердечно желаю Вам доброго здоровья

А. Пешков». [\[99\]](#)

В архиве сохранилась только машинописная копия письма, подлинник, возможно, изъяли после смерти Горького, когда его документы стали концентрировать в доме-музее. Письмо интересно не только тем, что писатель явно оценивает академика как равновеликую себе величину, но и совместной задумкой первого гендарного исследования (история женщины) и комплексным культурологическим проектом Марра, в котором синтезировалась история духовной и материальной культуры. Ни тот ни другой проекты так никогда и не были осуществлены.

* * *

Еще до окончательного оформления «нового учения об языке» А.В. Луначарский уже называл Марра «самым великим из ныне живущих в мире филологов». Не менее восторженно о нем отзывались М.Н. Покровский, В.М. Фриче и др. В 1928 году в «Правде» к сорокапятилетнему юбилею научной деятельности Марра появилась в высшей степени хвалебная статья Покровского. Тогда он даже поставил Марра на одну доску с Энгельсом:

«Если бы Энгельс жил между нами, — писал Покровский в „Правде“, — теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры» [\[2\]](#).

Цитата из статьи Покровского была воспроизведена в 65-м томе первого издания Большой советской энциклопедии, который до сих пор хранится в архиве-библиотеке Сталина. Здесь я ее воспроизвожу так, как она выглядит и сейчас в энциклопедии. Сталину принадлежат все

три вертикальные карандашные отметины на полях раздела, посвященного яфетической теории Марра.

Новый уровень отношений с советской властью начался у Марра с появлением на ее вершине земляка-грузина, большевистского эксперта по Кавказу и национальному вопросу И.В. Сталина. Новый вождь охотно использовал авторитет престарелого академика в своих политических целях. Не один Марр сознательно стремился к сотрудничеству теперь уже со сталинским руководством и его режимом. В различных областях знания, в том числе и в лингвистике, то и дело появлялись свои добровольцы «марксистского» направления. Но признавала или нет новая власть того или иного деятеля и то или иное направление «марксистским» то есть своим, во многом зависело от расстановки политических сил, а точнее, от положения крупных политических фигур, поддерживавших их. Падение того или иного партийного вождя вело за собой низвержение очередной «деборинщины в философии, рубинщины в политической экономии, переверзевщины в литературоведении и др.»^[100]. Марра же признали за своего задолго до того, как его признал «своим» Сталин, и это ему никак не навредило. Но только в 1930 году, на XVI съезде партии, Марр был окончательно возведен в ранг вождя в своей науке и, похоже, что он возмечтал возглавить Академию наук СССР. Предпосылки для таких помыслов, без сомнения, были. В науке Марр действительно был революционером со всеми положительными и отрицательными сторонами свойственными радикально мыслящему ученому. Именно поэтому не только для Бухарина, Луначарского, Покровского, но и для многих других знатных революционеров-большевиков 20-х годов Марр был своим не столько по общему делу, сколько по духу. И для Сталина он легко должен был стать своим как бы сразу в трех качествах. Во-первых, по политической гибкости, во-вторых, по происхождению (грузин, земляк), в-третьих, по своему радикализму в науке. Ко всему этому можно прибавить то, что среди действительных членов Императорской академии наук выдающиеся выходцы с Кавказа были все же редкостью. Марр же был единственным академиком, полностью посвятившим себя истории, культуре и языкам Грузии и всего Кавказа. Набиравший же силу вождь никогда не забывал о своих корнях и все чаще опирался на земляков.

«Речевая революция»

Приспосабливая свое «новое учение» о языке к учению об общественно-экономических формациях и к классовому подходу, Марр и его последователи легко обнаружили резкие, революционные сломы в лексике и семантике языков революционных эпох и даже их внутренние расслоения. В связи с этим Марр заявил об открытии им нового явления — «речевой революции» как части культурной революции^[101].

Человек — тончайший инструмент времени. Его слух и мышление моментально подмечают любую дисгармонию в окружающем мире. Наблюдая как бы со стороны жизнь языка и общественного сознания (а на самом деле будучи погружен в них), человек способен предчувствовать назревающие тектонические сдвиги в положении веками складывавшихся социальных слоев и классов. Так история, язык и социальная психология начинают сходиться в самых чувствительных точках человеческой цивилизации — в революционных эпохах. Это «схождение» подметили еще классики марксизма, но первым, кто рассмотрел проблему языка и революции в общей связке, был Поль Лафарг.

Еще в середине 20-х годов, когда Сталин только приступил к систематическому комплектованию своей личной библиотеки в Кремле и на даче в Зубалове, он, обдумывая ее будущую структуру, в числе персональных рубрик предусмотрел специальную рубрику и для книг Лафарга^[102].

В ранних послереволюционных работах и речах вождя имя Лафарга встречается часто, так как философские и публицистические произведения известного теоретика входили в круг чтения образованного социал-демократа и марксиста. Позже Сталин хотя и не запретил книги Лафарга, но он был объявлен «оппортунистом», сам вождь при случае критиковал его публично, а после войны произведения Лафарга уже не переиздавались. Сейчас в библиотеке Сталина сохранилось шесть наиболее известных книг и брошюр Лафарга и три тома его собраний сочинений на русском языке, выходившие с 1925 по 1931 год. На всех книгах есть штампы личной библиотеки Сталина, а на первых страницах его рукой простым карандашом указана рубрика: «Социализм». Только на одной из них —

«Исторический материализм Маркса» (Иваново-Вознесенск, 1923), Сталин указал иную рубрику: «1) *Маркс*» . Других помет вождя на сохранившихся в библиотеке произведениях Лафарга я не обнаружил.

В третьем томе сочинений Лафарга было опубликовано известное произведение: «Французский язык до и после революции. (Очерки по истории происхождения современной буржуазии)». В тех же 30-х годах оно под названием «Язык и революция» несколько раз переиздавалось отдельной брошюрой и считалось классическим марксистским произведением на заявленную тему^[103]. Марр и его последователи часто ссылались на Лафарга^[104], а некоторые фразы из этой работы стали афоризмами. Например: «Язык, подобно животному организму, рождается, растет и умирает. В течение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, ассимилируя и отбрасывая от себя отдельные слова, выражения грамматические формы»^[105]. Или еще более известное в те времена высказывание: «Подобно тому, как растение не может быть вырвано из своей климатической обстановки, точно так же и язык неразрывно связан со своей социальной средой»^[106]. Основной пафос работы Лафарга свелся к тому, что революционная эпоха во Франции (с 1794 по 1831 год) породила огромное количество новых слов и выражений не известных предыдущим временам. Лафарг пишет о том, что разные академические словари зафиксировали от 336 до 11 тысяч новых слов, новых технических терминов и новых значений. Аристократы и консервативно настроенные публицисты подняли шум по поводу того, что «словарь осквернен словами, заимствованными из жаргона, игорных и воровских притонов, кабаков... гиперболами портных, парикмахерских... языком уборщицы, проститутки, прачки, оскорбительными для национального характера»^[107]. Можно подумать, что речь идет не о французской печати и французском языке конца XVIII — начала XIX века, а о русском языке послереволюционной эпохи (1917–1927 годы) или о российской действительности постперестроечного периода (с 1993 года и до настоящего времени). Лафарг же вполне разумно связал изменения в языке с выходом на первые роли представителей нового класса (буржуазии) и с началом господства его политического, профессионального, разговорного, письменного языка и жаргонов.

Марр, как и все его современники, без труда обнаружили, что старый царский мир подвергся коренной ломке не только в результате Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны. Еще большая «перестройка» (и это слово из сталинского лексикона того времени) развернулась в эпоху индустриализации, коллективизации, экономического и физического уничтожения целых классов и социальных слоев. На месте старого мира начали возводиться конструкции совершенно иной экономической и общественной формации. В процессе Гражданской войны и последующих преобразований старое общество было полностью деструктурировано. Тогда же были сознательно уничтожены старые классы и сословия, государственные учреждения и общественные институты. В межвоенный период народились, а точнее, инженерно были «сконструированы» благодаря Сталину новые «классы» («российский пролетариат», «колхозное крестьянство», «трудовая интеллигенция» и т. д.) и соответствующие им отрасли народного хозяйства и государственные институты. Ломка и перестройка общественного здания была настолько радикальна, что люди старшего поколения, сформировавшиеся еще в дореволюционном обществе, после Гражданской войны вдруг почувствовали себя на чужбине, в другой стране. Они оказались среди людей, которые одевались, вели себя и даже жестикулировали совершенно иначе. В единый исторический миг у этих «новых советских» людей обнаружились другие этикет и этика, иная мораль, другое видение мира. Они даже говорили на особом языке и мыслили совершенно новыми категориями, новыми понятиями и даже новыми языковыми конструкциями. Язык газет, декретов, афиш, язык публичных речей, художественной литературы и поэзии, партийных собраний, театральных постановок и площадей больших городов стал в течение всего лишь одного десятилетия совершенно иным и даже плохо понимаем теми, кто не хотел воспринимать все эти нововведения. Еще в 1917–1918 годах глубинные сдвиги в русском языке первыми почувствовали (но по-разному выразили к ним свое отношение) два великих поэта — Александр Блок (поэма «Двенадцать», «Слушайте революцию!») и Иван Бунин («Окаянные дни»). В послереволюционные годы (как и сейчас в постперестроечное время) вместе с языком стали растворяться и исчезать из общественной жизни целые социальные группы и их языки: церковной и

монастырской культуры, великосветской, дворянской, купеческой, царской бюрократической, армейской и даже городской мещанской и патриархально-крестьянской культур. Начали трансформироваться и расплавляться даже наиболее консервативные традиционные национальные крестьянские культуры как западных, так и восточных народов СССР. Вроде бы те же самые люди и рождены от тех же отцов и матерей, но иная страна, иные обычаи и правила жизни, иные приоритеты, иные средства их достижения — все новое, все чудное и для многих сложившихся до революции людей глубоко чуждое. Как будто на давно обжитое место пришел новый народ-варвар, хотя не было никакого завоевания. А все дело в том, что как в начале XX века, так и в его конце в России произошла смена общественно-экономических формаций, что нашло немедленное отражение в языке-мышлении и культуре. Поэтому трудно отказать Лафаргу, Каутскому, Ленину и, конечно, Марру в способности чутко прислушиваться к языку революционных эпох^[108].

Многие крупные писатели советского времени: И. Бабель («Конармия»), М. Булгаков («Собачье сердце»), А. Фадеев («Разгром») и др., великолепно воспроизвели интонацию, лексику и грамматику нового языка новой эпохи. В первое послереволюционное десятилетие были проведены интереснейшие исследования, посвященные тектоническим сдвигам в языке россиян. Наиболее интересная и известная работа: «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926)», принадлежит перу отечественного лингвиста А.М. Селищева^[109]. Но, в отличие от Лафарга, автор исследования, с трудом сдерживая негодование, привел многочисленные образцы «порчи» русского языка новой России за счет притока новых канцеляризмов, партийных языковых клише и международных калек, просторечных выражений из языка городских рабочих окраин, деревень, юго-западных провинций и языков нерусских народов России и Европы.

Но наиболее точно уловил дух и конструктивные особенности послереволюционного языка Андрей Платонов. Удивительное дело, но именно в те годы, когда Марр много писал и выступал с высоких трибун, Платонов начал издавать свои первые произведения, герои которых мыслят «труд-магическими» категориями и объясняются на языке, очень напоминающем словесные конструкции языковеда Марра.

Никто из исследователей творчества Платонова не обратил пока внимания на это разительное «схождение». Откройте любое крупное произведение Платонова, и вы прочтаете нечто похожее на ранее цитированное марровское. Герои говорят, а сам Платонов пишет на том же языке, что и академик Марр, хотя говорят и пишут, конечно же, о разном. Для примера цитирую из великого романа Платонова «Чевенгур»: «Он увидел, что время — это движение горя и такой же осязательный предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку»^[110]. Чтобы не отвлекаться от главной темы, опускаю демонстрацию других «схождений» языков Марра и Платонова. Сталин еще с 30-х годов сразу же невзлюбил Платонова за его невероятный (точнее — невероятностный) язык и «труд-магическое» мышление героев, закинутых парадоксальным мышлением писателя в будущий первобытный коммунизм, время которого воистину «неразлично». А о нелюбви к Марру за эти же грехи Сталин публично признался только в 1950 году. Но до этого рокового для научного наследия Марра года Сталин относился к яфетическому учению заинтересованно-благосклонно, а его самого сделал прижизненным и на долгие годы посмертным кумиром.

Глава 3. Кавказ как центр мироздания

Если бы Марр не занялся языкознанием, то он тем вернее остался бы в памяти потомков выдающимся ученым, не только нашедшим старинные грузинские и армянские рукописи, раскопавшим древние города. Он остался бы в памяти потомков сделавшим открытия, каждого из которых хватило бы на целую жизнь удачливого ученого. Таких удач было по крайней мере три: обнаружил в горах Армении и описал для науки вишапы — каменные изваяния гигантских рыб или драконов; задумался над происхождением и, по существу, объяснил миру средневековую грузинскую поэму Шоты из Рустава «Витязь в тигровой шкуре»; разработал и организовал первый структуралистский проект, моделью которого послужила старинная западноевропейская поэма «Тристан и Изольда». О других вспышках удивительных прозрений у нас еще будет повод поговорить. Все открытия и новаторства, так или иначе, были связаны с Кавказом, с примыкающим древнейшим переднеазиатским культурно-историческим ареалом и с доисторической Европой. И если для Сталина после революции центром мира стала Москва, а еще точнее — собственный кабинет, где бы тот ни находился, то для Марра центром мироздания на всю жизнь остался Кавказ. Вокруг него и по поводу его он выстраивал большую часть своих многовариантных концепций.

Левиафаны Кавказа

Как-то во время археологического сезона 1909 года в развалинах средневекового армянского поселения Гарни местные жители рассказали Марру, что высоко в горах, на границе с вечными снегами, там, где располагаются летние пастбища живущих бок о бок армян, курдов и турок, встречаются каменные изваяния, которые армяне называют вишапами, то есть драконами. Вишап — слово иранского происхождения — может означать и змею^[111]. Марр долгое время не верил этим разговорам, пока сведения не подтвердил бывший лесник, хорошо знавший местность. Захватив сослуживца-археолога Я.И. Смирнова, Марр отправился вместе с ними на разведку. Конное путешествие продолжалось более полусуток через Гехамские горы в сторону озера Севан, до тех пор, пока высоко в горах они наконец не обнаружили странные каменные изваяния в местности, которую турки называли Аждага-юрт, а армяне Вишапнер — змеинова, или драконова, стоянка. Но никаких драконов и змей путешественники не увидели. На земле валялось несколько глыб черной пористой местной лавы, которые и формой головы, глазами, жабрами, хвостами и плавниками напоминали гигантские изваяния рыб. Самый большой и лучше других из сохранившихся памятников достигал в длину 4,75 метра, шириной 0,55 метра. Рядом и в ближайших окрестностях они нашли еще десятка два подобных памятников разной степени сохранности и разной величины. Все они лежали плашмя на земле, многие вросли почти целиком в почву, от некоторых остались лишь осколки с едва различимыми изображениями. Но когда часть из них откопали и рассмотрели с разных сторон, то обнаружили новые рельефные изображения. На одном вишапе были вырезаны хорошо узнаваемые христианские символы в виде распространенных в Армении крестов (хачкар) и нескольких армянских букв. По ним исследователи решили, что символы имеют позднее происхождение (XIII век н. э.) и прямо с изображениями не связаны. Самое удивительное было то, что на «голову» некоторых каменных глыб было как бы накинута изображение шкуры с головой вола или буйвола (по некоторым интерпретациям — барана) иногда с хорошо различимыми изображениями рогов, ушей, ног, хвоста и копыт. На некоторых были высечены только мощные

звериные лики анфас, а по бокам зигзагообразный орнамент. Позже Марр докладывал в Академии наук: «Эти загадочные памятники-стелы распадаются на два типа: камни одного типа представляют рыбу, это настоящие вишапы; камни другого типа имеют на себе изображение того или иного животного, чаще изображение воловьей или часто буйволово́й головы. В каждом типе имеются разновидности; так, в вишапах замечаем, что прежде всего сами рыбы, высекаемые из камней, разного вида: в одних случаях широкая голова сома, в других заостренная голова местной рыбы чанара»^[112]. На некоторых вишапах, на одной из сторон каменного блока, были изображены журавли или цапли и струи воды, на других — водяные змеи и вновь схематическое изображение струй воды. Сразу же стало ясно, что эти сооружения имеют культовое значение. Но с чем конкретно их можно было связать, к какому времени и к какой культуре они относятся, все это было сплошной загадкой. Самой же большой загадкой было их местоположение: высоко в горах, где отсутствовали древние и современные населенные пункты и значительные реки: только скалы, родники, ручьи и летние пастбища. Раскопки, проводившиеся и тогда, и позже, никаких результатов не дали — ничего похожего на длительное пребывание людей вблизи вишапов не было обнаружено. Я.И. Смирнов в своем отчете об экспедиции докладывал: «Помимо изумления громадным размером этой каменной рыбы, при первом же взгляде на нее является недоуменный вопрос о ее ближайшем назначении, то есть о том, какое положение она некогда занимала: вертикальное, обычное для разного рода менги́рообразных мегалитических памятников положение исключается, во-первых, как несвойственное рыбе, а во-вторых, тем, что хвост ее не имеет дальнейшего необходимого при таком положении продолжения. При более естественном горизонтальном положении рыбы надо предполагать наличность или сплошного базиса, или же двух, по меньшей мере, подставок»^[113]. Позже один из молодых учеников Марра Б.Б. Пиотровский провел дополнительные исследования и установил, что они, все же подобно менгирам, первоначально стояли вертикально, зарытые хвостами в землю^[114]. Да и подставок как будто бы не было обнаружено. Марр и Смирнов зафиксировали двадцать три памятника. Позже несколько однотипных каменных стел нашли на севере Турции и на востоке Грузии. Самое удивительное то, что аналогии этим памятникам были

обнаружены и на территории Северной Монголии, о чем сделал сообщение наиболее верный последователь Марра, будущий академик и один из героев этой книги И.И. Мещанинов^[115].

Поскольку рядом с вишапами не были найдены другие археологические памятники, которые могли бы пролить свет на их происхождение, то Марр в соответствии с принятой методикой постарался привлечь все известные письменные и устные свидетельства, способные пролить свет на их происхождение. Выяснилось, что слово «вишاپ» (грузинское написание — «вешап») присутствует во многих памятниках армянской, грузинской, осетинской, персидской и турецкой средневековой литературы и фольклора. Переосмысленное в христианскую эпоху, оно означало злого дракона или змея и часто связывалось с подвигами архангела Гавриила или Георгия Победоносца. На основании косвенных данных и умозаключений из области палеонтологии речи и яфетидологии Марр датировал появление вишапов серединой 1-го тысячелетия до н. э., связав их с протоармянской языческой культурой Урарту, с племенными тотемами. С его точки зрения, они символизировали жертвоприношение духам воды, так как были установлены вблизи древних ирригационных сооружений. Его точку зрения поддержали Смирнов, Мещанинов, Пиотровский. После их довоенных исследований новых изысканий на эту тему практически не проводилось, и научный мир принял марровские датировки и выводы, хотя они были добыты «антинаучными», специфически марровскими лингвистическими методами^[116]. В 80-х годах XX века появилось смутное сообщение об обнаружении нового вишапа с клинописной надписью времен урартского царя Аргишти, что позволяло передвинуть их датировку по крайней мере к концу 2-го тысячелетия до н. э. Но ни исследований, ни информации, подтверждающих подлинность этой находки, больше не появлялось. Думаю, что это очередная фальсификация, расцветшая пышным цветом на псевдонациональной почве при общем упадке гуманитарных наук на просторах бывшего СССР.

Марр обладал очень мощным ассоциативным воображением. Некоторые его ассоциации поражают глубиной проникновения в самые таинственные области истории человеческого мышления, но они же часто уводили его далеко прочь от проблемы. Рассматривая каменное

изображение рыбы, Марр по ассоциации не мог не вспомнить гигантскую библейскую рыбу-кита, проглотившую пророка Иону. Сопоставив армянский и грузинский переводы этого места Библии, он пришел к неожиданному выводу: «Пока в отношении вишапов можем сообщить, что первые же христианские апологеты у армян старались представить их змеями, внушить народу, что в вишапе надо признать соблазителя человеческого рода, сатану, врага и т. п. Но и они не могли скрыть, что вишапов армяне представляли как рыб. Не могли этого скрыть, так как подобное народное представление о вишапе оставило свой след в тексте Св. Писания. И сейчас в древнегрузинском переводе, например, Ионы в соответствии слову „кит“ читается вешар-і. Грузинская Библия была первоначально переведена с армянского и впоследствии исправлена по греческому подлиннику, но это чтение вешар-і не было устранено. По греческому подлиннику исправлялся с течением времени и армянский текст, первоначально переведенный с сирийского, и вот в армянском заимствованного из греческого... вытеснено первоначальное чтение вешар, но не во всех случаях — иногда читается... „рыба-вишап“. Первоначальный армянский текст через сирийский перевод, где читается... „(великая) рыба“, поскольку восходит к еврейскому подлиннику с его... „рыба“»^[117]. Осуществлен армянский перевод Библии, по мнению Марра, не позднее V века н. э.

Когда размышляют о Кавказе в связи с Ветхим Заветом, то чаще всего вспоминают Ноя, потоп и Арарат, к которому причалил ковчег. В Библии праотец армян Арам упоминается как один из близких к праотцу евреев Симу. (По свидетельству поэта Валерия Брюсова, великий польский композитор Фридерик Шопен предполагал, что человечество до потопа говорило на армянском языке^[118].) Трудно поверить в то, что армяне, жившие географически близко и примерно в одно историческое время с библейским народом, не были знакомы с ветхозаветными сюжетами, связанными с топографией и историей их страны, задолго до V века н. э., то есть до принятия христианства. Существует мнение, что в Библии рассказывается о том, как Ноев ковчег причалил именно к горе Арарат. На самом деле там говорится менее определенно: «И остановился ковчег... на горах Араратских» (Быт. 8, 4). Может быть, каменные рыбы, найденные в Гехамских горах, примыкающих непосредственно к вершине Арарата, — это символическое напоминание о днях потопа и границе высоты спавшей

воды, а каменные шкуры животных — символические жертвоприношения в знак спасения человечества? Это может объяснить, почему так высоко в пустынных горах появились изваяния и изображения, связанные с водой. Марр же связывал их с древнейшими ирригационными сооружениями, якобы пролежавшими в этих местах. Но, как уже говорилось, более поздние исследования таковых не обнаружили. Обращаю внимание на то, что во время Всемирного потопа морские животные, рыбы и водоплавающие птицы не могли погибнуть, что подчеркивается и в Библии. Не отсюда ли цапли, водяные змеи и льющиеся струи воды, высеченные на изображениях рыб?

На том же библейском материале можно построить еще одну версию: а не являются ли эти изваяния библейскими чудовищами: Левиафаном и Бегемотом? В книге Иова Левиафан описывается как гигантская рыба-дракон или рыба-змея; этим, возможно, и объясняется переосмысление слова «вишاپ» в армянской и турецкой средневековой мифологии, на что указывал Марр. В свою очередь, библейский Бегемот описывается своеобразными символами, и его легко спутать с волком или другим травоядным животным: «Вот бегемот, которого Я создал... он ест траву, как вол... Горы приносят ему пищу... он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах... Возьмет ли кто его в глаза его и проколет ли ему нос багром» (Иов. 40, 10, 15, 19). Как горы могут дать речному животному бегемоту пищу? На некоторых вишапах отчетливо видна стилизованная голова бегемота (особенно на вишапе № 6), а шкуры буйволов и волов можно рассматривать как жертвоприношения этим мистическим животным в дохристианские времена. Цапли и змеи в основном встречаются на скульптурных изображениях «бегемотов» с накинутыми на голову шкурами жертвенных быков, возможно, потому, что они (цапли и змеи) и в природе сопровождают бегемотов. Но как горные кавказские племена, живущие вдали от тех мест, где водились бегемоты (Нил?), могли их более или менее похоже изображать в камне, остается загадкой.

Все это мои домыслы, навеянные красивыми библейскими историями, тем более что памятники Гехамских гор, открытые и описанные Марром, ничем не уступают по своему значению для истории человечества немым мегалитическим сооружениям Европы,

каменным скульптурам острова Пасхи или наскальным рисункам пустыни Сахара, давно обросшие многослойной научной мифологией.

В заключение своего доклада, опубликованного всего лишь в количестве 400 экземпляров и с тех пор ставшего библиографической редкостью, Марр сказал: «Загадочные памятники-вишапы относятся к такой эпохе, о которой не существует и не может существовать никаких современных показаний, ни местных, ни иностранных... Основным и первым источником по вопросу о каменных рыбах Гехамских гор мне представляются языки первоначальных обитателей Армении и вообще всего яфетического мира. Единственно строго-научный анализ богатых яфетических языковых материалов, поддержанный археологическими материалами и разысканиями переживаний в местных же этнографических явлениях, может нам открыть яфетический мир в отношении религиозных верований и уяснить нам взаимоотношения яфетической культуры с семитической и классической, и только подготовив эту почву и осторожно работая на ней, можно будет бросить действительный свет и на частный, хотя и чрезвычайно важный вопрос о наших вишапах»^[119]. Здесь интересна постановка вопроса о «вскапывании» живых и ныне мертвых языков на манер археологических памятников, способных пролить свет на доисторию человечества.

Известного отечественного археолога Бориса Борисовича Пиотровского судьба свела с Марром как раз в то время, когда тот закончил рукопись о вишапах. В мемуарах, написанных на закате жизни, Пиотровский вспомнил, как чуть ли не при их первой встрече академик «вынул из ящика стола свою рукопись о каменных стелах — вишапах и стал... ее читать. Чтение было долгим, сложным и не всегда понятным»^[120]. Но именно эта тема легла в основу одного из самостоятельных исследовательских направлений будущего блестящего ученого-кавказоведа и египтолога. Он вспоминал: «К юбилею „Давида Сасунского“ (1937 год. — *Б.И.*) было выпущено несколько книг и среди них моя брошюрка „Вишапы“, которую я написал вместе с С.К. Карапетян. Ее задачей было краткое изложение основных положений Н.Я. Марра и Я.И. Смирнова по их книге, изданной в 1931-м, но довольно сложной по форме повествования. В своей брошюре я дал небольшой новый материал, а в основном развил семантические связи дракона с водой и трансформацию божеств с течением времени.

Профессор Манук Абебян, находившийся в оппозиции к юбилею, сурово раскритиковал мою книгу. Критикуя, по существу, мнения Н.Я. Марра и Я.И. Смирнова, М. Абебян накинулся на меня, обвинил в недоказанности и произвольности семантических связей, придрался к опечаткам. Не признавая семантическую закономерность образов мирового фольклора, М. Абебян вдруг совершенно неожиданно и неоправданно сделал вывод о том, что „вишапы“ Армении связаны непосредственно с сирийской богиней Деркетю. Такую прямую связь признать трудно, а обосновать невозможно. Вся злоба, которую автору хотелось направить на Орбели и Марра, была вымещена на мне. Г.А. Капанцян сказал мне, что он с книжкой Абебяна не согласен. А сам автор позже, когда вышла моя книга об Урарту, ее очень хвалил, как бы компенсируя выступление против моей книги о вишапах»^[121].

Происхождение и точное назначение вишапов не установлено до сих пор. В любом случае их рассматривают вслед за Марром как древнейшие символы жертвоприношений.

* * *

Как и большинство людей, даже тех, кто родился на Кавказе, Сталин узнал о существовании каменных вишапов только из трудов Марра, поскольку до 1909 года о них, кроме горных пастухов, никто ничего не слышал. Спустя много лет, в 1950 году, громя «новое учение о языке», Сталин читал книгу одного из последователей Марра, известного историка древней грузинской культуры Ш.Я. Амиранашвили. Тогда-то Сталин и исправил в его книге написание названия древних каменных тотемных столбов, найденных в Грузии с армянского на грузинский. Историк написал: «Вишапы, как теперь окончательно установлено, были связаны с горной ирригационной системой», а Сталин на полях слева поправил: «*Вешапы*»^[122].

«Некто в барсовой шкуре»

Заголовок известной во всем мире поэмы Шота Руставели можно перевести на русский язык различными вариантами, что и демонстрировал Марр, много раз возвращаясь к этому грандиозному произведению грузинской литературы. Это и «Барсова кожа», и «Юноша в барсовой коже», «Витязь в барсовой шкуре», «Одетый в барсовую шкуру», «Витязь в тигровой шкуре» и др. Все названия достаточно условны, тем более если учесть, что тигры на Кавказе не водятся уже много тысяч лет. Впрочем, герои поэмы действуют главным образом в странах условного Восточного мира, включая сказочную Индию, где тигры живут и сейчас. Поэма, приписываемая Шота Руставели, очень необычна, в ней много тайн, не разгаданных до сих пор. В одном из конспектов Марра я нашел комментарий по поводу поэмы: «Загадка как „Слово о полку Игореве“»^[123]. Можно ли найти между этими, очень разными произведениями связь? Кажется, нет, кроме той, что официальная точка зрения относит и ту и другую поэму к XII веку. Вдобавок к этому можно отметить сходство обстоятельств, при которых были обнаружены оба памятника. Считается, что единственная рукопись «Слова о полку Игореве» была найдена известным русским собирателем графом А.И. Мусиным-Пушкиным. Рукопись была издана в 1800 году, затем первоисточник сгорел в огне московских пожаров 1812 года. Достоверность этой истории, как и подлинность памятника, давно подвергаются сомнениям, а после работ одного из крупнейших историков второй половины XX века А.А. Зимина, отнесшего происхождение «Слова» ко второй половине XVIII века, мне кажется, стала совсем сомнительной. XVIII век (как и последующие века) прославился своими грандиозными историческими подделками, апофеозом чего стали знаменитые «Поэмы Осиана», «Велесовы книги», «Тмутараканский камень» и т. п. Удревнение и «обогащение» задним числом своей истории — давняя болезнь отдельных национально ориентированных, научно-наивных деятелей. Мало кто знает, что Сталин, занимаясь проблемами языкознания, в 1950 году также затронул проблему «Слова о полку Игореве».

И поэма Шота Руставели была обнаружена при подозрительных обстоятельствах. Как и «Слово о полку Игореве», она не оставила о

себе никаких следов в тысячелетней историографии, литературе, поэзии или изобразительном искусстве грузинского народа вплоть до конца XVII — начала XVIII века. Точнее, поэма стала известна после того, как ее в 1712 году издал грузинский царь Вахтанг VI. Эта публикация была встречена крайне недружелюбно церковными кругами, вплоть до того, что патриарх Грузии Антоний I, который сам был не чужд писательства и идей просвещения, предал несколько экземпляров книги публичному сожжению, то есть анафеме. (По другой версии, утопил в реке Куре.) И было за что. Поэма написана так, как будто автор лучше знает Индию, Аравию, Китай, чем Грузию; больше того, он как будто не христианин вовсе. О том, что произведение принадлежит поэту Шоте из грузинского местечка Рустави (населенных пунктов с таким названием было несколько) и что автор по национальности месх (одно из грузинских племен), читатель узнает только из введения. В нем же упоминается грузинская царица Тамара, жившая в конце XII — начале XIII века, которой автор в лучших традициях западноевропейской рыцарской литературы посвящает свое произведение. Как во введении, так и в тексте обширной поэмы (более 16 тысяч строк) нет ни одного слова о Христе, нет ни одного символа веры христианства, что невозможно для человека средневековой христианской культуры. Западноевропейские произведения того же времени («Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Тристан и Изольда» и др.) пронизаны христианской символикой. (Кстати, только в заключительных строках она присутствует и в «Слове о полку Игореве», зато языческих символов там в избытке.) На этом странности не кончаются. В первых двух строках введения автор «Витязя» провозглашает свой символ веры:

Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людям дал весь мир — несметной многоцветности цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.
Бог единый, ты — прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел! {10}.

Похоже, здесь представлена мусульманская интерпретация божества, идея крайнего монотеизма и нет даже намека на Святую Троицу, Святой Животворящий Крест, Богородицу и т. д. Нет, правда, и упоминания имени пророка Мухаммеда. При желании можно обнаружить и влияние неоплатонизма (на что указывал Марр и некоторые исследователи). А мы добавим: влияние неоплатонизма в интерпретации Филона Александрийского («Бог единый — ты прообраз всех земных и горних тел»). Впрочем, здесь можно узреть и персидский, исламский компонент. Марр обнаружил влияние ислама в вольнодумной интерпретации бахтияров — племени, обитавшего на юге Ирана.

В том же введении к поэме автор как будто проясняет все эти странности:

Сказка персов по-грузински мною песенно дана,
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.

Казалось бы, внесена ясность — персидская сказка была переведена на грузинский язык, а Шота Руставели в лучших традициях Новейшего времени открывает первоисточник своего вдохновения и заимствования. Средневековая эпоха такого демонстративно ревностного отношения к первоисточнику и к авторскому праву, кажется, не знает, а знает практически полное игнорирование авторов-предшественников. Средневековые авторы часто по собственному почину приписывали то или иное произведение громким именам древности. Имя Шота Руставели к таковым не относится. До 1712 года о поэме и ее авторе никто ничего не знал.

На протяжении трех столетий исследователи пытались обнаружить ту самую персидскую сказку, легшую в основу грузинской поэмы. Тщетно. Судя по всему, сюжет оригинален, он многопланов, в нем много сюжетных линий и практически нет литературных параллелей с другими памятниками той же эпохи. Согласно одной из версий, выдвинутой профессором Д.И. Чубиновым (XIX век), автор поэмы зачем-то сознательно отвлекает внимание читателя ложной «персидской» версией, в то время как даже сюжет не был заимствован, а является оригинальным. Руставели решил иносказательно прославить

свою великую царицу Тамару, в которую был безнадежно влюблен. Иная версия принадлежит известному публикатору и исследователю поэмы А.С. Хаханову. Находясь в русле традиций классической филологии XIX века, Хаханов пытался найти истоки произведения в народной поэзии XII века, подобно тому как «Фауст» и «Гамлет» восходят к средневековым народным сказаниям. Обе версии очень сомнительны: в основном тексте поэмы имя Тамары не упоминается, а одна из главных героинь носит арабское имя Нестан-Дареджаны, чья судьба не имеет никакой связи с судьбой грузинской царицы. Имя другого главного героя — Таризель (тот самый, кто был облачен в тигровую шкуру) — как будто встречается в народном грузинском песенном фольклоре, но никаких точных датировок я по этому поводу не обнаружил. Другие герои (Тинатин, Автандил и др.) носят арабские или персидские имена. Достоверно установлено, что в тексте масса арабских, персидских, армянских, турецких по происхождению слов. Со времен Марра объяснить их нахождение в тексте поэмы никто всерьез не пытался, год за годом упорно воспроизводя устоявшиеся восторженные оценки. На Кавказе до сих пор низка культура уважения к достоверности первоисточника и к исторической критике, впрочем, и у нас с советских времен она не очень высока.

Личность и имя автора поэмы также во многом загадочны. Имя Шота (сокращенное от Ашота), скорее всего, не грузинского (христианского) происхождения, так как не встречается в святцах. По поздним преданиям, Шота получил образование в Греции, на Афоне, затем служил казнохранителем у царицы Тамары. На одной из грамот 1190 года сохранилась подпись некоего Шоты, но имеет ли к ней отношение автор поэмы, неясно. Опять же, по преданию, влюбленный поэт по приказанию своей повелительницы сочинил поэму. Затем, возможно, женился и был из ревности обезглавлен(?). По другой версии, Руставели поселился в Иерусалиме, при соборе Святого Креста, построенного грузинскими царями, где и закончил земной путь, не написав больше ни строчки. Впрочем, иные предания рисуют иные перипетии его жизненного пути. До недавнего времени на одной из колонн этой церкви (принадлежит теперь Греческому патриархату) был изображен старец в одежде средневекового сановника. Грузинская надпись гласила, что это изображение Руставели. Считается, что впервые об этом изображении сообщил грузинский митрополит

Тимофеем (XVIII век). Затем ее заштукатурили и вновь расчистили только в 60-х годах прошлого столетия. В 2009 году фреска была варварски частично уничтожена, что вызвало международный скандал.

В библиотеке Сталина я обнаружил книги на грузинском языке: «Две древние редакции грузинского четвероглава по трем Шатбердским рукописям (897, 936 и 973 гг.)» (Издательство АН Грузинской ССР, 1945, в серии «Памятники древнегрузинского языка»); Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с дарственной надписью Сталину^[124]. Насколько я знаю, эти источники и их публикация не подвергались серьезной и независимой научной критике, история текстов до сих пор неясна.

В отличие от героев «Тристана и Изольды», так и не испытавших полного любовного единения, герои и героини «Барсовой кожи» после множества гонений со стороны злой судьбы и долгих скитаний в конце концов соединяются брачными узами. С XVII века поэма прочно вошла в контекст грузинской культуры и стала пользоваться чрезвычайной популярностью с оттенком религиозного благоговения. Поэма переведена, частью в полном виде, частью в отрывках, на языки: немецкий (1880), французский (1885), английский, польский и армянский. Существует пять полных переводов поэмы на русский язык: К.Д. Бальмонта, П.А. Петренко, Г. Цагарели, Ш. Нуцубидзе, Н.А. Заболоцкого^[125].

Интерес Марра к поэме был вызван как филологическими и лингвистическими проблемами, так и в связи с тайной ее происхождения и с необычными напластованиями христианской и мусульманской культур, своеобразной смесью грузинских, персидских, арабских и армянских поэтических традиций. По мнению Марра, на них, в свою очередь, еще раньше влияла византийская культурная среда и доисламская персидская культура. В этой поэме Марр увидел яркую иллюстрацию все более захватывавшей его идеи о взаимовлиянии, скрещивании и благотворной трансформации, казалось бы, несовместимых культур. Со времен господства колониальных христианских империй влияние христианской культуры на ислам, а тем более влияние исламской культуры на христианство практически не учитывалось и не изучалось. Еще меньше было известно о многовековой борьбе и мирном сосуществовании мусульманских и христианских народов Малой Азии, Ближнего Востока и Кавказа,

выработавших общую синкретическую культуру^[126]. Марр писал: «Естественно, что чуждая Кавказу исламская культура отвечала на общественные запросы христианских народов и, открывая им новые, раньше неведомые горизонты художественно-литературного творчества, оказалась источником возрождения их литературы так же, как в новой Европе знакомство с творениями античного мира послужило к развитию литературных вкусов молодых европейских народов». К списку культурных влияний на Кавказе Марр неизменно добавлял влияние турок-сельджуков^[127].

С началом научной карьеры и до смерти Марр постоянно возвращался к таинственной поэме и явно наслаждался ее чарующим слух грузина языком, у которой «ритмы неутомимы до шаловливости, а то серьезны до торжественности, и, соревнуя с ними, угрожающие монотонностью созвучия богатейших рифм, порой с шумом водопада, свергаются с высот»^[128]. При этом он неоднократно отмечал, что адекватно перевести поэму практически невозможно: «Грузинского стиха нельзя перевести точно на русский, ибо у русских уже формально-логическое аналитическое мышление, тогда как у грузин тотемическое синтетически-образное мышление и в стройке самих слов»^[129]. Известные трудности адекватного перевода любого иноязычного текста, в особенности художественного и поэтического, Марр связывал со стадийностью развития языка-мышления, выделяя стадийно более ранние и поздние языковые и культурно-исторические формации. Выходило, что носители грузинского языка мыслили больше поэтическими образами, а носители русского языка обладали формально-логическим, аналитическим мышлением и поэтому, утверждал Марр, так трудно совместить в поэтических переводах две языковые культуры.

В 1910 году Марр написал основополагающую статью, как всегда озаглавив ее несколько вычурно: «Вступительные и заключительные строфы „Витязя в барсовой шкуре“», в которой отмечал, что хотя фабула поэмы обработана для грузин, «казалось бы, ревностных христиан», она «вся... проникнута свободным от христианской церковности светским духом». В этой статье Марр, сравнивая поэму с западноевропейским рыцарским эпосом, отметил, что в средневековой Грузии рыцарство и идеализированная любовь к женщине носили особый местный колорит и не могла быть заимствована из чужих

литературных памятников. Он утверждал, что Руставели — автор всей поэмы, а не только вводной и заключительной частей, что пытались доказать некоторые исследователи. Марр на материале поэмы пытался дать обоснование давно разрабатываемой проблеме благотворного культурного и духовного общения мусульманского и христианского средневековых миров^[130]. Марр утверждал, что в эпоху европейского Возрождения Грузия находилась под сильнейшим влиянием Персии и поэтому ее литература ориентировалась на персидские образцы. Это не значит, что грузинская литература была исключительно подражательной и состояла только из персидских переделок, но в таком контексте становится понятнее, утверждал он, формальное персидское влияние на поэзию Руставели^[131]. Из введения к поэме известно, что Шота называет себя уроженцем Месхетии, а это, по мнению Марра, «дает ключ для объяснения арменизмов в речи Шоты, ибо мехский говор по непосредственному живому общению с южным соседним языком, армянским, мог содержать в себе армянские слова»^[132]. Иначе говоря, язык Руставели — это не язык книжный, а язык разговорный, в котором отразилась «народная исламская культурность». Больше того, это «среда и эпоха той культурно мусульманизированной грузинской общественности, откуда не только родился поэт Шота, но и в культурно-исторических условиях которой возникло само его творение, родилось материально и вылилось духовно само в его известные формы»^[133]. Таковы были условия в Месхетии в XII–XIII веках. Но они были характерны и для остальной Грузии. (Из источников известно, что дед Тамары, царь Дмитрий, из уважения к своим подданным-магометанам ходил на пятничную службу в мечеть.)

Марр недоумевает по поводу конфессиональной принадлежности Руставели. «Руставели говорит о едином боге, — пишет он в своих заметках, — но ни слова о Троице, ни намек о Богородице... Да к тому же единый бог Шоты не имеет ничего общего и с магометанским религиозным восприятием единства, исключаящим сопричастие в нем какой бы то ни было иной положительной или доброй божьей силы в каком бы то ни было образе...

Шота игнорирует не только христианскую религию, но и грузинскую родину как территориальное явление или территориальную величину. Так для чего или для кого воевали эти витязи и вояки, дружинные всадники или ватажники? Для членов этой организации

было совершенно безразлично для кого. Для тех, кого Шота, тоже ватажник, улаждал как певец своими поэтическими произведениями»^[134]. Иначе говоря, по Марру, герои поэмы типичные представители ранней феодальной эпохи, с легкостью менявшие свой вассалитет независимо от территории и конфессиональной принадлежности своего патрона. Отметим, что между Западной Европой и мусульманскими странами такого типа вассалитет был редкостью (может быть, только в Испании в период арабского господства). А вот в Восточной Европе это было обычным явлением: Московское, Литовское и Польское феодальные государства постоянно обменивались вассалами и правами вассалитета не только между собой, но и с Казанским и Крымским ханствами, с северокавказскими мусульманскими родами. Нет ничего странного в том, что и на самом Кавказе феодалы и феодальные государства разных конфессий находились в тесных отношениях.

Марр стал вникать в учение Маркса об общественно-экономических формациях в преклонном возрасте, в начале 30-х годов, и, возможно, поэтому он никак не мог определиться, к какой эпохе, в конце концов, отнести время творчества Руставели. У него поэма никак не вписывалась в известные Марксовы формации. То он писал, что «Шота — создание феодального общества Грузии, но феодализм этот качественно особенный, ранний, отнюдь не отмежевавшийся от родового, более того от предшествующего родовому на крови строю с тотемическим мышлением...»^[135] Или указывал, что поэма имеет «свое яркое феодальное, а то и не менее яркое феодально-буржуазное (своего рода помесь) лицо в соответственной, отнюдь не массовой, а классовой речи господствовавшего слоя наличной тогда социально-экономической формации»^[136]. Такого рода «перескоки» от одной формации к другой были обычным явлением для ранней, еще не заостеневшей в своем догматизме советской историософии (20-е — начало 30-х годов XX века). Но в данном случае эта запись скорее отражает неуверенность Марра относительно времени происхождения поэмы, в чем он публично почти никогда не признавался.

Многие исследователи пытались объяснить отсутствие ранних списков поэмы и даже упоминаний о ней до конца XVI — начала XVII века разрушительным монгольским нашествием на Грузию в XIV веке. (Как и отсутствие ранних списков «Слова о полку Игореве» в

России.) Марр соглашался, что перелом в культуре, конечно, тогда наступил, но он был «связан с нашествием монголов не как с разрушителями вообще культуры, а разрушителями старой культуры путем последовавшей за утверждением их власти смены сословия и класса, перехода творческой роли в другую социальную среду, где прежние и литературно-художественные вкусы и удовлетворявшие их творения шли насмарку». Новые сословия якобы потеряли к поэме интерес, и она поэтому едва не погибла в забвении в последующие века. Однако, продолжал он, к XVII веку, когда был обнародован памятник, положение во всей остальной Грузии изменилось: крестьянство в массе своей оставалось христианским, а знать была мусульманская. Правда, и в ее рядах можно было подметить различные «ступени исламизации». Это удивительное скрещивание в Грузии конфессий и культур отражалось даже в одеждах, которые зачастую представляли собой причудливую помесь османских (мусульманских) и греческих (христианских) одеяний^[137]. По мнению Марра, грузинская знать XVI–XVII веков в лице Вахтанга VI «сосавшая всеми порами своего общечеловеческого бытия с художественными запросами непосредственно персидскую, уже чисто мусульманскую поэзию, лицемерно измышляя всяческие небылицы, чтобы снять с поэмы певца из Рустава то, что для христианской классово-национальной идеологии грузин XVI–XVII веков являлось позорным пятном»^[138].

Сразу после Февральской революции 1917 года, когда некоторым противникам Марра показалось, что его общественное положение пошатнулось, в периодических изданиях началась дискуссия о национальной принадлежности героев поэмы и принадлежности самого Руставели к исламской культуре^[139]. Прежде чем окончательно прийти к выводам, которые были изложены выше и под воздействием этой дискуссии, Марр в 1918 году обратился за советом к видному востоковеду В.В. Бартольд, который в развернутой записке обрисовал ему картину исламского религиозного влияния на Кавказе в XI–XIV веках^[140]. Тем не менее в последующих работах, посвященных поэме, Марр смягчил свою позицию по отношению ко времени ее написания и авторства, приблизив ее к общепринятой. Таким образом, в послереволюционных руставеловедческих работах Марр учитывал не только классовый, но и конфессиональный и лингвистические признаки

для объяснения происхождения памятника и его причудливой литературной и языковой судьбы, что само по себе было новаторством.

Все же Марра постоянно грызли сомнения в отношении времени создания памятника, но этими сомнениями он не рисковал поделиться прямо и открыто. И хотя многие его руставеловедческие работы содержали глухие намеки по этому поводу, только в одном из конспектов я нашел размышление такого рода: «Проблема же такова, что или Шота жил действительно при Тамаре, и в таком случае образ Тамары, как он рисуется в национальном предании, не соответствует действительности, как неверно исторически изображение Грузии как христианской страны, или историки Тамары и современной Грузии правы, и тогда Шота жил не при Тамаре, а позднее»... Эта проблема «не решена и по сей день»^[141].

* * *

По воспоминаниям очевидцев Сталин с юности хорошо знал и прилюдно читал поэму Руставели. Он любил поэзию и, как известно, сам в юности писал стихи. Еще будучи учеником Духовной семинарии в Тифлисе, он нарисовал воображаемый портрет Руставели, и этот рисунок всем очень понравился^[142]. В современной библиотеке Сталина есть несколько изданий поэмы на русском языке, но только на одном имеются пометы. Это издание 1937 года с дарственной надписью дочери Сталина Светланы Аллилуевой своему брату: «Милому Васе в день рождения, Светлуха. 4 марта 1944. Примечание: Этот фолиант предназначен для создания уюта, лежа на столе»^[143]. Действительно, издание помпезное, в тяжелом переводе цитировавшегося выше Пантелеймона Петренко, который грузинского языка не знал и творил по чужому подстрочнику. Предисловие к изданию написано будущим академиком, учеником Марра кавказоведом Иосифом Орбели, с которым наш герой незадолго до смерти успел рассориться. Но Орбели всю жизнь оставался благодарным своему учителю и поэтому, в предисловии особо отметил его заслуги в изучении поэмы. Повторяя мысль Марра, что Руставели был далек от религиозных пристрастий, он заключил: «Герой в изображении Руставели молится, но молится, обращаясь к небесной тверди и к ее светилам».

Светлана Аллилуева вспоминала, что отец, взяв книгу в руки, любил рассуждать о достоинствах и недостатках этого перевода^[144]. В 1938 году вся страна отметила 750-летний юбилей Шота Руставели.

Герои Африки Тристан и Изольда, или Нулевые тысячелетия истории человечества

Среди учеников Марра, по мнению современных филологов и лингвистов, наиболее талантливой была Ольга Михайловна Фрейденберг^[145]. Племянница крупнейшего поэта России XX века Бориса Пастернака, она еще начинающим исследователем в середине 20-х годов познакомилась с Марром. Привыкший затягивать всех в темный омут своих научных теорий, Марр соблазнил и Фрейденберг палеонтологией речи, «новым учением о языке», яфетидологией. В воспоминаниях о Марре (я их уже цитировал) Фрейденберг писала, что пришла к нему с идеями, которые оказались созвучны его построениям. Как помнится, и Аничков заявлял о своем научном приоритете перед идеями Марра; позже Фрейденберг также всю жизнь подчеркивала свою научную независимость. Но, в отличие от первого, она никогда не отрекалась от своего учителя, хотя в самый расцвет марризма вступала с ним в открытую полемику, а после 1950 года наотрез отказалась участвовать в его развенчании, за что и поплатилась карьерой. На закате жизни она писала в стол: «Критика теории Н.Я. Марра, которого я глубоко уважала, вызывалась чисто научными причинами. В разгар насильственного насаждения его теории я не могла предполагать, что последует за 1950 годом»^[146].

Действительно ли Фрейденберг пришла к Марру с похожими взглядами на семантику мифа и трансформацию его архетипов, на зарождение классических литературных жанров, или это было не совсем так, но благодаря Марру она в 1924 году защитила первую в СССР абсолютно марристскую, не проходимую у классических филологов диссертацию. Затем была приглашена им в Институт яфетидологии, руководить сектором семантики мифа и фольклора. По ее собственному признанию, это было время ее особенного творческого подъема. Перед сектором семантики Марр поставил не совсем обычную задачу: используя сюжет средневековой западноевропейской поэмы «Тристан и Изольда»^[11], проследить его бытование как архетипа в культурах разных эпох и народов. До конца жизни Фрейденберг была убеждена в том, что «яфетидология оказалась тем

учением, которое могло оправдать и осмыслить (ее. — *Б.И.*) давнишние интересы и труды. Так как именно она показала место семантики вещи в системе идеологии»^[147].

А.Н. Веселовский, выдающийся российский филолог и фольклорист, был среди тех, кого Марр называл своим учителем и предшественником. На материале русского и фольклора других народов Веселовский разрабатывал идею «бродячих сюжетов», то есть заимствования одним народом основной схемы повествования у другого народа и наполнение ее своим национальным содержанием. Эти сюжеты и жанры, раз выделившись законченными произведениями из общего потока народного творчества, вдруг исчезали, иногда на столетия, чтобы неожиданно воскреснуть с обновленным содержанием у других народов. Но «по какому принципу совершалось это выделение, мы решать не станем, — отмахивался Веселовский, — вопросы генезиса всегда темные»^[148]. Однако именно «темные» проблемы больше всего волновали Веселовского, но еще в большей степени они интересовали Марра. Наблюдения за повторяющимися в веках образами и сюжетами привели Марра к идеям, которые, как говорится, «висели в воздухе» науки 20—30-х годов XX века.

Марр неожиданно и, если смотреть со стороны, как бы даже не мотивированно пришел к представлениям о существовании от века в мышлении всех людей устойчивых образов, говоря современным языком, общечеловеческих архетипов. Эта идея не оставляла места ни для гипотезы об уникальной выработке литературных жанров одной, предположительно античной культурой, ни для представлений о бытовании международных «бродячих сюжетов», неизвестно почему так одинаково любимых в разные исторические эпохи народами, даже не подозревавших о существовании друг друга. Термин «архетип» принадлежит Филону Александрийскому, который понимал его как первообраз, близкий к платоновской «идее», как нечто противоположное инертной материи^[149]. Он был взят за основу ранними христианскими мыслителями-иконопочитателями и стал базовым понятием магистральной христианской теологии. В XX веке понятие «архетип» вошло и в научный оборот благодаря трудам крупнейшего швейцарского психоаналитика и мистика К.Г. Юнга. Юнг известен тем, что, изучая народный фольклор и мифологию, работая со сновидениями людей разных рас, этносов и культур (начинал как

ученик З. Фрейда), пришел к идее «коллективного бессознательного», в котором сконцентрирован духовный опыт предков. Этот опыт, заявил Юнг, неосознанно передается из поколения в поколение в виде архетипов, то есть универсальных образов. В конечном счете Юнг выделил такие «вечные», общечеловеческие архетипы, как «Великая Мать», «Вечное дитя», «Мудрый Старец» и др. Архетипы явлены нам, утверждал Юнг, как правило, в образах и мотивах сновидений и в мифологическом мышлении^[150]. Архетип — это «пустая форма», которая при подходящих обстоятельствах наполняется новым содержанием; архетипы «являются образцами инстинктивного поведения»^[151]. Так из божественного первообраза Филона Александрийского архетип превратился в смутную тень, от века преследующую человечество (расы, народы) из необъятных глубин «коллективного бессознательного», очень напоминающего древнегреческое царство теней (Аид). Фрейд и большинство психоаналитиков отнеслось к концепции Юнга скептически^[152], но в широких кругах она стала популярной.

Первые печатные работы Юнга на тему архетипов появились не ранее 1930 года. Марр идею архетипа разрабатывал по крайней мере с начала 20-х годов, а термин впервые употребил в печати не позже 1927 года. Конечно, вряд ли Марр был новооткрывателем этого ныне модного понятия, но он был одним из первых, кто еще до Юнга высказал саму идею скрытных общечеловеческих психических форм, причем в ином, более рациональном, чем Юнг, контексте. Если Юнг особенно подчеркивал, что бессознательные универсальные формы психики необходимо отличать от того, что приобретено с помощью языка и письменности (криптомнезии), то Марр искал и находил архетипические образования в первую очередь в языке, не явно передающем в обновленных формах бывшие скрытые ныне значения, то есть смыслы. Язык и письменность — явления рациональные, и, в отличие от «коллективного бессознательного», поддаются проверке, верификации. А вот к поискам архетипических структур в мировой мифологии Марр приступил еще раньше, и здесь он, без сомнений, прямо отталкивался от идей Веселовского, который, в свою очередь, находился под влиянием знаменитого немецкого этнографа и антрополога второй половины XIX века А. Бастиана. Последний высказывался в таком смысле, что человечеству в целом (не расово или

национально!) присуще сходство психической организации, объясняющее наличие у разных народов появление одинаковых мифических образов и представлений^[153].

Ни о каком мистифицированном «коллективном бессознательном» речи также не было. В XIX веке идея существования общечеловеческих психических универсалий высказывалась скорее как рабочая гипотеза и доказывалась описательными методами. Даже Веселовский, а затем и Юнг, которые объективно продвинулись очень далеко в этом направлении (в поиске общечеловеческих образов-архетипов), действовали скорее как аналитики и не разрабатывали каких-либо специфических или тем более формализованных методов исследования^[154].

Марр шел своим путем. Он плохо владел искусством концентрировать мысль в точных и ярких формулировках на русском языке, но в своих трудах начала 20-х — середины 30-х годов понятие «архетип» использовал очень широко и в палеолингвистических исследованиях, и в неразрывно с ними связанных исследованиях о зарождении мифологии как начальных этапах развития языка-мышления человечества. В 1927 году Марр закончил важнейший труд, который озаглавил: «Иштарь. (От богини матриархальной Афреватии до героини любви феодальной Европы)». Резюмируя эту работу, отметим, что в ней он не только использовал понятие «архетип», но и дал ему свою особую трактовку. Марр утверждал, что человечество, «творя и лепя свою речь» из различных элементов, действовало удивительно согласованно и закономерно, под воздействием «коллективной воли»^[155]. В качестве модели, позволяющей судить о такой согласованности, Марр избрал трансформацию образа богини Иштарь, известную из библейских и археологических источников, как одного из главных божеств шумеро-вавилонского пантеонов. Используя материалы различных мертвых и живых языков, Марр при помощи «палеонтологического анализа» пытался проследить трансформацию этого архетипа «матриархальной любви» от протомифологических времен и до литературных произведений феодальной Европы. В работе интересные и парадоксальные мысли изложены довольно бессистемно, но для нас важно то, что в этом труде он в очередной раз увязал архетип «Иштари» с архетипом, воплощением которого была «богиня воды Исольда». Это имя впервые появилось в работах Марра еще в

1923 году, когда он одним из первых советских ученых был официально командирован в Париж, где прочитал доклад, в котором поставил вопрос об истоках средневековой французской поэмы «Тристан и Изольда»^[156]. На протяжении последующих лет и до самой смерти Марр постоянно возвращался к этому произведению^[157]. Что же в нем так привлекало Марра?

Вернувшись из Парижа домой, в 1924 году в работе «Об яфетической теории» Марр писал: «Даже такой сравнительно поздний средневековый памятник, как роман „Тристан и Исольт“, оказался наследием эпоса, сродного с гомеровским, и вместе с ним наследием доисторического сказания тогда, конечно, не о влюбленных, а о космических героях, боге и богине любви, солнце-Тристане и воде-Исольте, доисторической Афродите... в Средиземноморье этрусской Туран ^[12]. В Передней Азии Иштари. Кстати, пусть возмущаются или смущаются противники яфетидологии, но факт, что все это имена одной и той же богини любви, кроме Афродиты, то есть Исольты, и Иштарь, и Туран и др., закономерные разновидности одного и того же слова; это такой же факт, как то, что Земля вертится»^[158]. Взывая к тени Галилея (не меньше!), Марр, как всегда, высказывал скорее парадоксальные захватывающие догадки, чем обоснованный факт, хотя эти догадки и обставлялись многочисленными примерами из палеонтологии речи. Уже в те годы противники Марра, а позже даже его официальные сторонники стали утверждать, что палеонтологический анализ, для которого Марр разработал целую систему оригинальных формализованных приемов, отдаленно напоминающую современный аппарат структурной лингвистики, решительно не годится и что его выводов никто не может воспроизвести. Для того чтобы современному читателю дать некоторое представление об этих приемах приведу небольшой фрагмент из заключительного раздела работы «Иштарь»: «Итак, Иштарь, богиня любви, вышедшая из „неба-воды“, успела переродиться в образ героини и страдательной любви — Исольту (Iseult), имеющую также независимую параллель на Востоке иранском и армянском, в Сартенике у армян, если не *I+sar+ik'e, и у персов в Bace (Wi-sa, → *wi-sar, ср. bi-mta, bi-sar, собственно *Wi-sal). Всех их первоисточник доисторическое население вообще Средиземноморья быть может, вернее — Афреватия, в частности и Азербайджана»^[159]. Азербайджан упомянут

здесь не случайно, в 30-х годах именно там сложился идейный центр марризма. В Баку Марр прочитал свой ставший тогда же знаменитым «Бакинский курс», в котором более или менее систематично попытался изложить основы теории происхождения и развития языка-мышления.

В XIX веке во многих странах Европы началась работа над созданием универсального международного языка и письменности. Очень может быть, что и Марр увлекся этой идеей в то время, когда перед ним возникла задача графически одновременно описать фонетические и семантические переходы от одного языка в другой, независимо от языкового семейства и времени происхождения языка. Иначе говоря, если горячие головы бились над созданием будущего общечеловеческого способа общения и письменности, то Марр решал обратную задачу: создать универсальный способ описания всех языков мира, чтобы пробиться к истокам принципов общечеловеческого мышления. Мне кажется, что для этой грандиозной цели он пытался на свой лад воплотить идеи пазиграфии, точнее, пазилалии — универсального письма с фонетическим эквивалентом символов^[160]. Надеюсь, когда-нибудь и здесь наступит ясность. Только позже, когда Марр будет вовлечен в процесс создания общих основ письменности для всех народов СССР, с возможным решением этого вопроса во всемирном масштабе после мировой социалистической революции, он попытается предложить свой «универсальный аналитический алфавит».

Заполучив талантливую и восторженно к нему относившуюся О.М. Фрейденберг, Марр предложил ей и ее группе проследить развитие архетипов «Тристана-солнца» и «Исольды-воды» от раннего европейского Средневековья и до доисторических времен, то есть использовать историческую регрессию как метод, что в то время также было новаторством. Для этих целей они должны были привлечь не только традиционную аналитику, но и формальный аппарат разработанный Марром. В 1932 году Институт языка и мышления издал сборник «Тристан и Исольда. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н.Я. Марра». И если в подзаголовке работы Марра было указано, что исследование ведется в прямой исторической «перспективе»: «Иштарь. От богини матриархальной Афреватии до героини любви феодальной Европы», то подзаголовок коллективного сборника предполагал обратное

движение: «От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреврозии»^[161]. Впрочем, как то, так и другое заявление отражало скорее намерение, — слишком непомерными были поставленные задачи, но это были первые научные заявки на структурный анализ мифа, доведенный вплоть до его предполагаемых первоисточков. Статьи сборника «Тристан и Исольтда» написаны как маститыми, так и сравнительно молодыми исследователями, главным образом искренними последователями Марра. Позже Фрейденберг вспоминала, почему она не лингвист, а филолог и литературовед взялась за эту необычную по своей цели работу: «Я задумала организовать в... секции коллективную работу над любимой давнишней темой Марра — литературоведческую работу над сюжетом Тристана и Исольтды. Сама я считала, что этот сюжет с теоретической точки зрения не имеет особых преимуществ перед другими сюжетными темами... Однако разработкой именно этого сюжета я хотела отдать благодарности Марру...»^[162]

Считается, что роман «Тристан и Изольда» был создан в раннем европейском Средневековье (XI–XII века), во Франции, а в его основу легли старинные кельтские мифологические и поэтические мотивы. Предположительно он входил в цикл сказаний о рыцарях Круглого стола^[163]. Несмотря на огромную популярность в Средние века, до Нового времени произведение дошло в разрозненных фрагментах. Одним из таких фрагментов увлекся немецкий композитор Рихард Вагнер, включивший в свою знаменитую музыкальную эпопею («Кольцо Нибелунгов», 1864 год) одноименную оперу о трагизме запретной любви. Только в конце XIX века француз Жозеф Бедье собрал старинные фрагменты и на их основе в 1889 году издал роман под названием «Тристан и Изольда». Вскоре роман был переведен на многие языки мира, в том числе и на русский язык (1903 год). Именно этот сводный вариант-реконструкция и был взят за основу при подготовке сборника, поскольку, как считали авторы, труд Бедье представлял собой удачный «сюжет сюжетов»^[164].

Сюжет романа готически прихотлив и наполнен внутренним драматизмом. Тристан (от *φρ* . «грустный»), королевич земли Лоонуа, рано осиротел и, спасаясь от козней мачехи, юношей попал в Тинтагель — ко двору своего дяди, корнуэльского короля Марка, заботливо воспитавшего его и намеревавшегося, по причине своей бездетности,

сделать своим наследником. Юный Тристан оказал своей новой родине большую услугу, убив в единоборстве ирландского великана Морхульта, взимавшего с Корнуэльса ежегодную дань в сто юношей, сто девушек и сто коней. После битвы, тяжело раненный отравленным оружием Морхульта, Тристан садится в ладью и плывет наудачу в поисках исцеления, которое он получает в Ирландии же от златовласой принцессы Изольды, искусной врачевательницы. Позже, когда злокозненные вассалы принуждают короля Марка жениться для рождения законного наследника (в обход племянника), благородный Тристан добровольно ищет ему невесту и сватает златокудрую Изольду. В пути на корабле Тристан и Изольда по ошибке выпивают любовный напиток, который Изольде дала на прощание мать для обеспечения вечной любовной связи между нею и мужем. Там же, на корабле, Тристан и Изольда становятся любовниками. Перед свадьбой короля Тристан обращается за советом к своему воспитателю Гуверналу. Тот предлагает в первую брачную ночь погасить все свечи и подложить королю Марку невинную Бранжъену, служанку Изольды. Так они и поступили, король же не догадался о подмене. Но отныне Тристан и Изольда связаны любовью (любовным зельем) так сильно, как жизнь и смерть. Они тайно продолжают встречаться, но, наконец, их изобличают и осуждают на костер. Они бегут и долго скитаются в лесу. Затем Марк прощает их и возвращает златовласую Изольду ко двору, но Тристану приказывает удалиться из королевства. Много раз от наказания и смерти их спасают верные Гувернал и Бранжъена. Наконец Тристан уезжает в Британию и совершает там ряд новых подвигов. У короля Британии есть сыновья Каэрдин и Ривален и дочь Изольда Белорукая. Однажды во сне Тристан произносит вслух признание в любви своей Изольде Златовласой. Каэрдин же уверен, что Тристан говорит о сестре, Изольде Белорукой. Он рассказывает об этом отцу, и тот с радостью отдает Тристану свою дочь, а Тристан из благодарности не смеет отказаться. Устроен свадебный пир, однако, верный своему чувству к первой Изольде, Тристан не сближается с женой. Когда же Тристан снова был смертельно ранен отравленным оружием, он просит Каэрдина, наследника короля Британии и брата жены, отправиться к возлюбленной Изольде с мольбой приехать и повидаться в последний раз. Они условились, что, если Каэрдину удастся привезти Изольду, на его корабле будет поднят белый парус, в противном случае — черный.

Ревнивая жена Тристана, проведав об этом, говорит умирающему мужу, что на горизонте показался корабль с черным парусом. Тристан поворачивается к стене, трижды выкрикивает: «Изольда, дорогая!» — и умирает. Изольда Златокудрая сходит на берег, ложится рядом с телом Тристана и тоже умирает от горя. Их хоронят в двух соседних могилах по обе стороны абсиды храма в Тинтагеле. За ночь из могилы Тристана вырастает, перекидывается через часовню и уходит в могилу Изольды благоухающий цветами терновник (по другим версиям, шиповник и др.). Трижды рубят терновник, трижды он вырастает вновь. Король Марк узнает об этом чуде и запрещает его трогать^[165]. Такова очень схематично переданная фабула романа. Что же необычного увидели в ней Марр и его последователи?

Бросается в глаза то, что весь роман как бы соткан из хорошо знакомых образов и сюжетных линий: это и классический «любовный треугольник», и златокудрая красавица, и ее белокурый двойник, и любовный напиток, и роковой сигнал, передаваемый белыми и черными парусами, и служанка, заменяющая на ложе госпожу, и борьба со злыми богатырями — драконами, налагающими живую дань, и отравленное оружие. Здесь же: золото, камень, кольцо, меч и рука в виде атрибутов героев. Самозванный претендент, ложно приписывающий себе победу над чудовищем и требующий невесту героя. Фантастическая собака, верный друг или приносящая блаженное забвение (подобие древнегреческого Цербера), наконец, растительный образ (терновник) неувядаемой посмертной любви и т. д. Появление всех этих хорошо знакомых образов легче всего было объяснить заимствованиями (так и объясняли). Но какими путями такие заимствования могли происходить, если отдельные образы и сюжетные линии встречаются в столь разных культурах, существовавших в разное время и на разных частях земли? Марр объяснял все это тем, что здесь представлены образы, волновавшие человечество с незапамятных времен, с его раннего детства, когда первые расплывчатые (диффузные) проблески мысли выражаются диффузными образами и звуками, по типу тех, которые учатся различать и произносить современные младенцы. Это те образы, которые прошли с человечеством сквозь всю толщу мировой культуры, в которой они постоянно перевоплощались в зависимости от эпохи, то есть в зависимости от стадии исторического

развития мышления-языка и от стадии общественно-экономического развития (формации).

Статьи сборника можно условно разделить на две почти равные части: в первой рассмотрена мифология древних, уже не существующих культур, во второй — сказки и мифы отдельных современных, главным образом восточноевропейских народов. Такая тематика, скорее всего, отражала научные интересы привлеченных к работе людей. При этом очевиден разброс в историческом времени и географическом пространстве, что в случае обнаружения архетипов в языке и мышлении столь разных народов должно было доказать справедливость высказанных Марром положений. Поскольку еще европейскими исследователями было установлено, что сюжет романа заимствован из кельтских сказаний, то именно с них и начинается разговор о трансформациях различных аспектов сюжета в кельтской традиции (ирландцев, бриттов и др.). Затем рассматривается образ Иштарь-Исольды в древнегерманской мифологии, потом в древневосточной литературе, в «мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья», в античной культуре и даже в библейской поэтике. Вторая часть сборника посвящена анализу архетипов Тристана — Исольды в сказках и мифах народов Кавказа (Грузии, Осетии и др.), а также в русских и мордовских сказках и фольклоре. Везде, утверждали авторы сборника, можно обнаружить сходные образы, сюжетные линии и фабулы. Например, в русских народных сказках, собранных А.П. Афанасьевым (1861 год), Т.С. Пассек, проведя анализ «семантики сюжета», нашла параллели «Тристану и Исольде» в эпизодах поиска героем похищенной красавицы, обладательницы живой воды, которую он добывает в борьбе со змеем^[166].

Среди авторов сборника особенно выделяется исследование О.М. Фрейденберг и статьи заменившего ее в руководстве группы палеонтологической семантики мифа и фольклора Яфетического института И.Г. Франк-Каменецкого. У меня создалось впечатление, что именно Фрейденберг на определенном этапе наиболее серьезно восприняла методику палеонтологического анализа Марра и, будучи специалистом в области античной мифологии и литературы, наиболее удачно использовала этот метод в своих исследованиях. В статье «Тристан и Исольда в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья» Фрейденберг рассмотрела как очевидные, так и

скрытые параллели в сюжетных линиях и образах древнейших античных мифов, восходящих еще к протоахейскому и микенскому периодам, с образами кельтской мифологии, представленными в средневековом романе о Тристане и Изольде. Отталкиваясь от мифологического материала, она сделала вывод, уводящий внимание читателя за горизонт не только первобытного мышления, но гораздо дальше — к истокам пробуждения мышления как такового. Вывод сделан совершенно в духе учителя: «Что же дает греческий материал для палеонтологии сюжета кельтской поэмы? Прежде всего, если можно говорить об образной подпочве обоих сюжетов, то она заключается в похищении и отвоевании женского божества, глубже — золота, еще глубже — солнечного света. Настоящий герой — это царь преисподней, чаще всего отец, но часто и муж, как Менелай у Елены, как Марк у Исольты... Во всяком случае, король Марк — столько же муж Исольты, сколько и ее отец. Ирландский король, сколько Марольд и дракон, от которого зависит овладение Исольтой. Она — золото, то золото солнечного света, солнце с золотыми лучами, солнце с золотым светом, луна с золотым сиянием — словом, тот небесный светоч, который в период космического мировоззрения метафорически должен быть отвоеван и отнят у преисподней. Для этого приходит издалека другая небесная ипостась, которая в преисподней теряет свой облик и сливается со смертью; она вступает в схватку с владыкой преисподней и водит, уводит, похищает свою световую сущность... Все перипетии происходят первоначально в одном и том же носителе **диффузного** (выделено мной. — *Б.И.*) космического образа; потом создаются противопоставления, и то мужчина царь смерти или чудовище, то царица смерти или чудовище — женщина»^[167].

Обратим внимание на интерпретацию интереснейших марровских понятий: первичный диффузный звук или образ; и первичную дихотомию (парные противопоставления), запустившие, по его мнению, весь механизм мышления, в данном случае выработку осознания противоположности: жизни и смерти, мужского и женского начал, а еще раньше: неба — земли — преисподней.

В духе стадияльной теории Марра Фрейденберг попыталась на своем материале построить стадияльную семантику сюжета. Она утверждала, что за кельтским оформлением сюжета удалось «вскрыть тождество с греческим материалом». А «за греческим оформлением и

за кельтским оформлением легко откапывается этап их полного тождества. Этот этап — древнейшая стадия нашего сюжета, еще единая для обоих циклов». Если же идти дальше в глубь тысячелетий, заявляла она, то выясняется, что «первичное единство обоих сюжетов, вытекающее из единства мировоззрений, восходит к доклассовой общественности, к недифференцированному труду, к условиям самого примитивного хозяйства, „когда орудием производства служил каменный топор да рука“ (Марр. — *Б.И.*). Здесь, исходя из марровской модели первичных форм деятельности (труда), мышления и языка, Фрейденберг утверждает, что проблески сознания рождаются в процессе первичной дифференциации образов-понятий, в дальнейшем все более нарастающей от низших стадий развития человеческого общества к стадиям все более высоким. От „собираательного периода“ человечество переходит в „охотничий период“, когда и создаются первые „элементы будущего сюжета“ будущих литературных произведений»^[168].

И.Г. Франк-Каменецкий, один из старших последователей Марра, заменивший в Секторе семантики мифа не прижившуюся там Фрейденберг, опубликовал в том же сборнике две работы. Будучи гебраистом, он пытался обнаружить семантические параллели между образами романа и образами Ветхого Завета. Следует напомнить, что в свое время Дж. Фрэзер нашел массу параллелей в образном ряде Библии с фольклором древних и примитивных народов Нового времени. По мнению же Франк-Каменецкого, несмотря на то, что «в поэтической речи Библии космические метафоры даны во всей их первобытной неприкосновенности»^[169], «анalogии» с сюжетами «Тристана и Исольты» можно обнаружить только в новелле о болезненной любви царевича Амнона к своей сестре Тамари. Древний обычай не запрещал межродственного брака, но Амнон проявил немотивированное насилие, затем гневно и с презрением отверг Тамарь, за что был убит братьями. Согласно трактовке Франк-Каменецкого, как и в «Тристане», здесь говорится о неразрывной связи любви со смертью, а «Тамарь — отражение богини Иштарь, обрекающей своих возлюбленных на смерть». Как Амнон смертельно болен любовью, так и в семантике сюжета о Тристане и Исольте герои несут в себе смерть через любовь. «В обоих случаях, — утверждал Франк-Каменецкий, — болезнь служит поводом для интимного

сближения героев, и любовное соединение дано в метафоре исцеления, за которым неминуемо последует смерть»^[170].

В заключение Франк-Каменецкий также уделит основное внимание интерпретации марровской модели происхождения языка-мышления из диффузного ядра через дифференциацию «смыслового пучка, как совокупности смысловых тождеств, к сюжетному построению в форме повествования». Этот процесс связан «с процессами мышления, нашедшими выражение в преодолении первоначальной аморфности звуковой речи, в постепенном выделении грамматических категорий»^[171].

* * *

Читая статьи сборника трудно отделаться от ощущения, что соприкасаешься с такими глубинами доистории (Марр с гневом отвергал этот термин, справедливо полагая, что никакой «до истории» не было), до которых не дотянулись даже знаменитые этнологи XIX — XX веков (Морган, Тайлор, Фрэзер, Малиновский, Уайт и др.); до таких глубин, до которых только в середине XX века докопались палеоантропологи и с большей или меньшей долей вероятности постигли психоаналитики. Но если открытия первых предъявляют современности вещественные доказательства эволюции антропоидов и их орудий труда, которые, в свою очередь, дают убедительные, но косвенные представления о развитии мышления (но не языка!), то методы вторых скорее иллюстрируют невероятную сложность познания истории человеческой психики и мышления. А мировое языкознание как до, так и после Марра делает вид, что проблемы мышления находятся вне рамок его интересов и компетенции, — как будто мысль существует сама по себе, а язык сам по себе. Марр, критикуя тех, кого он называл «индоевропейцами» (часто неверно), неизменно утверждал: язык без мышления существовать не может, и если меняется язык, то это сигнализирует об изменении мышления и наоборот. То, о чем писал и делал заключения Марр и его последователи, невозможно доказать так, как доказывается непреложный физический факт. Но то, что они, без сомнения, показали, это **вероятность факта** восходящего потока развития

общечеловеческого труда-мышления-языка из первоначально недифференцированного ядра, из первоначально нерасчлененного единства (можно сказать из эмбриона) мышления-языка-деятельности. Из того, что Марр называл «семантическим пучком», «гнездом» всех возможностей, в том числе «гнездом» всех возможных значений будущего разнообразия Слова.

Так средневековый роман XII века, препарированный французским исследователем XIX века, переносит нас усилиями Марра и марристов в нерасчлененный, невнятный, младенческий мир нулевых тысячелетий истории человечества.

* * *

Сборник статей «Тристан и Исольда» попал за рубеж и неожиданно получил положительный отклик^[172]. Но с ним был связан еще ряд дальнейших событий.

Ольга Михайловна Фрейденберг отошла от Марра (что естественно для талантливого ученика) и вскоре возглавила единственную в довоенном СССР кафедру классической филологии Ленинградского университета. В блокадном Ленинграде она записала начитанные ранее лекционные курсы, написала воспоминания о Марре, вела дневниковые записи удивительной силы. Курс лекций «Введение в теорию античного фольклора» посвящен полемике с теорией происхождения языка-мышления Марра и дальнейшему развитию связанных с ней проблем. Если говорить коротко, то можно отметить, что еще в предвоенное время, соглашаясь с Марром в исходных позициях: мышление первобытного человека конкретно, нерасчлененно и образно, она пыталась полностью отвергнуть саму идею архетипа. Она соглашалась с тем, что архаичные мифические образы отражают нерасчлененность первобытного мышления, что, в свою очередь, выражалось и в языке тождеством разнородных явлений. Вслед за Марром она утверждала, что в первобытном языке разные предметы назывались одним и тем же словом, так как многообразие окружающего мира еще не осознавалось. Но, в отличие от учителя, она считала, что освоение реальности языком-мышлением шло не только в связи со стадией развития культуры и цивилизации, но и помимо него^[173].

Фрейденберг утверждала, что первобытное сознание, решительно отличаясь своим «способом» мышления от античного и последующих формаций, объективно отображало действительную реальность, поскольку в практической жизни, «в своей эмпирике ощущений», первобытный человек никогда не руководствовался мифическими образами^[174]. Если бы это было не так, то человек ранних формаций не смог бы существовать, погруженный в мифологический мир, в котором отсутствуют причинно-следственные связи, а метафоры подменяют реальные светила, растения, животных и силы природы. На этом **расщеплении** реальности и мифа выросло все художественное творчество, а в конечном счете и вся цивилизация. Добавлю: расщепленность между реальным и творимым человеком миром со временем только нарастает, доказательством чему служат достижения в освоении природы и еще более впечатляющие достижения в области конструирования виртуальных миров современным человеком. Но, трансформируясь, сама мифологичность никогда не покидает человечество. Она основа творения культуры.

* * *

В 40—60-х годах XX века большую известность приобрели работы члена Французской академии, одного из основателей структурализма Клода Леви-Стросса. Проведя невероятно объемную и сложную работу с фольклором и мифологией американских индейцев, Леви-Стросс пришел к выводу о реальности общечеловеческих образов-структур, построенных по принципу дихотомий^[175]. Особый интерес представляет параллельный анализ Леви-Стросса трагедии Софокла «Царь Эдип» и водевиля французского автора XX века Лабиша «Соломенная шляпка». В «Царе Эдипе» Леви-Стросс нашел «исходную матрицу», в которую было влито столь несходное содержание «Соломенной шляпки». В заключение Леви-Стросс писал как будто под диктовку Марра: «Материал, с которым имеют дело (сопоставляя пьесы. — *Б.И.*), настолько различен, а формальные соответствия настолько точны и детализированны, что охотнее верится в то, что некогда данная схема, одна и та же, разворачивается идентичным образом, везде порождая одинаковые конфигурации. Этой параллели —

между высокой трагедией и буффонадным дивертисментом, разделенными промежутком времени около двух тысяч трехсот лет, — быть может, противопоставят концовку, которая не заимствуется. Однако разве не являются мифы вневременными, а мифы, затронутые в данной книге, разве не принадлежат к тем жанрам, которые от хода светил следуют к органическим функциям, от сотворения мира — к изготовлению горшков, от мира богов — к миру животных, от космических беспорядков — к семейным ссорам?»^[176] В известных мне работах Леви-Стросса ссылок на работы Марра, Фрейденберг и др. я не обнаружил^[177].

* * *

Авторы учебного пособия по русской литературе X — XVII веков вышедшего в 80-х годах XX века под редакцией академика Д.С. Лихачева, спустя полвека нашли параллели роману о Тристане и Изольде в русской «Повести о Петре и Февронии» (XV век) и даже в образе княгини Ольги из «Повести временных лет»^[178]. В архиве Марра хранится листок с планом работы начинающего ученого Дмитрия Лихачева, составленным в 1926 году и озаглавленным «Регрессивные элементы воровской речи»^[179]. Работа была написана и опубликована автором еще до высылки в лагерь на Соловки. В зрелые годы именно с этой работы Лихачев начинал рассказ о своей научной карьере.

* * *

Сейчас очевидно, что диапазон охваченных культур и исторических эпох авторами сборника «Тристан и Изольда» чрезвычайно узок и случаен. До сих пор, даже с учетом работ Фрейденберг, Леви-Стросса и др., не охватывается большая часть живой и отмершей мифологии человечества. Но ясно одно: история мышления (сознания) будет зондироваться вновь и вновь с помощью все более совершенных приемов и на все большую глубину. Не забудем,

что одним из пионеров устремлявшихся к «нулевой» отметке языкомышления был и Николай Яковлевич Марр.

* * *

В библиотеке Сталина до сих пор хранится сборник «Тристан и Иольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреврозии». Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н.Я. Марра. Издательство Академии наук СССР, Ленинград, 1932. Неясно, какими путями книга попала в его книжное собрание. Может быть, ее заказали по личному запросу вождя, или авторы и Марр сами проявили инициативу, или все дело случая? На обложке сборника стоит штамп библиотеки Сталина, а наверху его рукой, простым карандашом написано: «Ист. лит-ра», то есть Сталин отнес сборник к разряду книг по истории^[180]. Других помет я не нашел. Все это значит, что сборник он, по крайней мере, держал в руках.

Так и неразгаданная тайна четырех элементов

SAL, BER, YON, ROШ — четыре магических элемента, из которых, по мнению Марра, развились все языки мира, и не просто все языки, «а все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса»^[181]. Я потратил немало усилий для того, чтобы обнаружить в его архиве какие-нибудь материалы или намеки, раскрывающие причины, заставшие Марра выделить именно эти, ни на что не похожие звуковые комплексы. Я просматривал его рукописи и заметки с тайной надеждой раскрыть наконец загадку «четырех элементов». Мне не повезло. Не повезло, может быть, потому, что архив академика очень велик, а времени для его изучения было мало. Или же четыре первичных элемента общечеловеческой первичной речи есть все же чистой воды мистификация? Не нашел я серьезных объяснений и в его опубликованных работах. В одной из поздних статей Марр написал, что когда он впервые пришел к идее возникновения речи из первичных звуков-комплексов, то сначала выделил двадцать четыре таких комплекса, затем свел их к двенадцати, а затем — к четырем. Как и почему именно эти звуки Марр определил как базовые, он нигде не пояснил; не давал он объяснений даже на прямые вопросы оппонентов во время многочисленных публичных лекций. Все это не прибавляло и не прибавляет доверия к его теоретическим построениям и к практическому поэлементному и палеонтологическому анализу. Между прочим, все послереволюционные работы Марра (типа «Иштарь» и др.) в конечном счете сводились к тому, чтобы доказать, что все языки мира, всех времен и народов, приводят к четырем первичным звуковым комплексам. Может быть, Марр думал, что это и есть доказательство? В последние годы жизни Марр был просто одержим этой идеей. Но что из этих «доказательств» следует, тоже оставалось и остается загадкой. На каком-то этапе я, подобно многочисленным недоброжелателям Марра, пытался представить эти четыре элемента плодом безудержной фантазии авантюрного академика. Но по здравом размышлении понял, что трудно свести к примитивной выдумке ни на что не похожие звуки-первозлементы и целую систему доказательств, при помощи которой Марр пытался обнаружить их во всех языках. Да и сама идея

первоэлементов языка-мышления была необычно притягательна. Задолго до Марра она соблазняла многих.

Ни в каком умопомрачении, ни при жизни, ни после смерти, ни в 1950 году никто из серьезных людей Марра не заподозрил. Даже Сталин, легко навешивавший ярлыки на любого живого и мертвого человека, не позволил себе ничего подобного по отношению к Марру. Представить себе, что Сталин два десятилетия заставлял советских лингвистов поклоняться откровенным бредням безумца, еще можно, но то, что в 1950 году он сам принял участие в развенчании на высшем государственном уровне неадекватного ученого, я не могу. Никогда вождь не позволял выставять себя в смешном виде. Возможно, Марр был увлекающимся путаником, но не сумасшедшим. Что-то в идее первоэлементов есть здоровое, впрочем, если не в самих элементах, то в логике мышления Марра. Раз за разом и на разные лады Марр писал: «Простых звуков вначале и не было, как не было и составных... а были диффузные в своей первичной не расчленяемой еще сложности и послужившие впервые сигналами для обозначения тех или иных предметов или явлений, для получения того или иного значения, чтобы стать словом»^[182].

Идея первичных диффузных звуков в качестве зачатков живой речи не озадачила лингвистов его времени. Сама по себе мысль, что речь началась с каких-то коммуникативных сигналов, наподобие «мелодий», которыми обмениваются некоторые человекообразные обезьяны, или что она возникла из подражаний выкрикам животных, на которых люди переносили имена, ставшие первыми словами (типа «ку-ку» для кукушки и др.), очень не нова. Делалось предположение и о том, что речь развилась из аффектных восклицаний отдельных особей, предупреждающих стадо об опасности и других жизненных ситуациях. Все эти предположения до конца не изжиты до сих пор, хотя большинством специалистов они не принимаются. Предпринимались попытки доказать, что, наблюдая за развитием речи современного ребенка, за его лепетом, можно смоделировать происхождение речи у человечества как такового. В основе такого предположения лежала очень популярная в XIX веке идея, почерпнутая из биологии, а затем подхваченная марксизмом и дарвинизмом: каждый современный организм в своем развитии (онтогенез) в короткие сроки и в общих чертах повторяет основные этапы развития всего вида (филогенез).

Один из языковедов конца XIX века так и писал: «Индивидуальная детская речь показывает, каково было это детство ребенка у целой расы, и словарь современного человеческого ребенка в возрасте 20 месяцев соответствует приблизительно речи взрослых дочеловеческих предков ребенка»^[183]. Но и эта модель для изучения происхождения речи человечества вскоре была отвергнута. Известный лингвист Н.С. Державин заявил по этому поводу в сборнике статей, посвященном сорокалетию научной деятельности Марра: «Как ни соблазнительна подобного рода аналогия, нам думается, от нее все же следовало бы воздержаться... ибо в языке-речи дочеловеческого примитива отсутствует крупнейший фактор, действующий в языке ребенка, — „звуковая ассимиляция“ с языком окружающей взрослой среды. Стало быть, процесс возникновения в языке человеческого примитива искусственных условно-речевых рефлексов (созвучных и эхоталических) гораздо более сложен, чем в языке современного ребенка, а отсюда и весь процесс, несомненно, несколько иной, и притом более сложный и длительный путь, ежели язык современного человека»^[184].

Это замечание было бы справедливо, если бы предполагалось, что в онтогенезе эмбрион шаг за шагом проходит абсолютно все древние эволюционные стадии. Однако точно так же, как на развитие языка-речи современного ребенка воздействуют факторы окружающей родительской языковой среды, они (современные факторы) так же воздействуют и на развитие биологического зародыша. Тот же зародыш современного человека развивается в совершенно иных условиях по сравнению с теми, какие претерпевал зародыш «дочеловеческого примитива». Тем не менее это не мешает объективно подметить стадии развития: одноклеточных, рыб, земноводных, млекопитающих, приматов и, наконец, стадию рождения человека. Так что до определенных границ аналогия возникновения и развития языка-речи человечества с развитием речи ребенка допустима. Впрочем, Марр, используя свои знаменитые четыре диффузных звука, к аналогии с детской речью старался не прибегать.

Но в том же сборнике, посвященном научному юбилею Марра, была опубликована заметка лингвиста Л.В. Щербы (будущего академика) под названием «О диффузных звуках». Щерба обратил внимание на то, что Марр заимствовал понятие «диффузный» из

физиологии центральной нервной системы, где говорится о диффузном, то есть недостаточно дифференцированном, центральном раздражении. Щерба признал, что в современной лингвистике давно ощущалась необходимость подобного понятия, тем более что близкие к нему словосочетания «нечленораздельные звуки», «нечленораздельная речь» употребляются очень давно. К явлениям такого рода Щерба отнес «недифференцированную кучу слов» русского языка типа: тфу, тьфу, фу, тпру, брр и др.

В двухстраничной заметке, ставшей ныне классической работой выдающегося лингвиста, вошедшей во все хрестоматии и в собрания сочинений академика, Щерба писал: «Все эти примеры... показывают, что „нечленораздельность“ звуков или, смею думать, то, что Николай Яковлевич Марр называет их „диффузными“, состоит в отсутствии их соотнесенности, но не в потоке речи... а друг ко другу в звуковой системе данного языка. Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых **звуковых жестов** (выделено мной. — *Б.И.*) человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций — одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставлялись друг другу целиком и являлись такими образом „словозвуками“, если можно так выразиться. Это были „диффузные“ или „нечленораздельные“ звуки, которые были диффузными с биологической точки зрения только в том смысле, что говорящие не умели их дифференцировать, не имея к тому повода»^[185]. Признаки таких «словозвуков» Щерба, как и Марр, подметил в китайском языке, который, согласно концепции Марра, сохранил в себе признаки первоначальной стадии языка-мышления. При этом ни о каком примитивизме китайского языка, его неспособности выражать мышление современного человека речь, разумеется, не шла.

Конец XIX — начало XX века это время, когда наука вернулась к древнегреческой идее о первоэлементах лежащих в основе мироздания. Именно тогда атомная теория стала основой достижений современной ядерной физики, переворот в науке совершила Периодическая таблица химических элементов Менделеева, в биологии набирала силу генетическая теория. В основе концепции происхождения языка Марра,

без сомнения, лежала идея первоэлементов, которые, похоже, формировались из диффузных звуков или сами являлись таковыми. Из комбинаций и перестановок этих первоэлементов порождались все звуки всех языков. Во времена Марра о геноме еще ничего не знали, но идея порождающей жизнь элементной системы была очень популярной. Связь своей концепции с генетикой Марр не отрицал, но не в том смысле, что он подобно генетикам искал врожденные программирующие первоэлементы порождения языка-мышления. По всей видимости, он считал эту проблему решенной его собственной теорией. Его интересовала связь процесса одомашнивания древних растений и животных с теми племенами, которые он относил или к яфетическим, или к другим древнейшим предкам человека. Если быть точным, то первым с этой идеей к Марру обратился начинающий гениальный генетик-растениевод Н.И. Вавилов. Вавилов в 1923–1925 годах направил несколько писем Марру, а в 1927 году встретился с ним лично, чтобы сообщить о том, что он, опираясь на «лингвистический анализ названий культурных растений», «проведенный методами Марра», и на полевые ботанические изыскания, доказал правоту академика об ареале расселения яфетических народов и древнем родстве отдельных кавказских народов с басками, с этой таинственной народностью испанских Пиренеев. Как утверждают современные исследователи, эти выводы Вавилова и сейчас используются генетиками и лингвистами^[186].

До конца своей жизни Марр продолжал искать общие точки соприкосновения с исследованиями генетиков. У него была собственная точка зрения на процесс развития ключевых моментов цивилизации. В частности, он считал, что процесс одомашнивания человека и животных был обоюдным: собака не только была первым одомашненным животным, но и человек был взаимно «приручен» ею. Этот взгляд Марр распространял и на других домашних животных. По существу, речь шла о вполне очевидном симбиозе, о котором мала кто задумывался до него. Животных, с которыми взаимовыгодное сосуществование оказалось невозможным, не удалось одомашнить до сих пор. По этому поводу Марр сделал доклад в Лаборатории генетики АН СССР в 1932 году, озаглавив его «Коллективный процесс взаимного одомашнивания»^[187]. Тогда же он был опубликован. Марр даже попытался создать «Генетическую историю языка», написав на эту тему

работу и сделав несколько докладов, но ничего принципиально нового по сравнению с тем, что он заявлял ранее о происхождении языка и мышления, о развитии звуковой речи и ее видов, Марр уже не сделал^[188].

Но Марр дополнил к истории человечества предшествующую звуковому языку огромную эпоху со своими стадиями развития, назвав ее эпохой жестовой, или ручной, речи.

* * *

Через десятилетия после смерти Марра Б.Б. Пиотровский вспоминал:

«Лекции (Марра. — *Б.И.*) были увлекательными, хотя и не до конца понятными, но они являлись аккумулятором мысли. Марр разбрасывал мысли, более понятные историкам культуры, чем лингвистам. С каждой лекции я уходил заряженный идеями, преимущественно в области семантики, учения о значении слов. Египетское пиктографическое письмо было благоприятной почвой для таких сопоставлений. Сравнивались не только семантические ряды, в которых термин „камень“ переходил на „металл“, а затем дифференцированно на самый распространенный металл „медь“. Становилось ясно, что египетские термины власти оказывались связанными со скотоводством. В древнеегипетском языке термин „солнце“ имел целую паутину связей, основанную на ассоциации. Солнце сопоставлялось с „птицей“ (поскольку парит в воздухе), со „змеей“ (по аналогии ожога с укусом), со всевидящим оком и др. Я пытался даже в словаре древнеегипетского языка выделить пучки семантических связей... амулетов и магических действий.

Наряду с лекциями Н.Я. Марра я слушал лекции И.Г. Франк-Каменецкого „Палеонтология мифа“, основанные на разборе поэтических семантических образов Библии. Это были интереснейшие лекции, развивающие идеи Н.Я. Марра...

Известный лингвист Л.В. Щерба был близким другом отца нашей семьи, и я показал ему свою статью. Он посмотрел и сказал, что к лингвистам она отношения не имеет и что Н.Я. Марр „талантливый историк, вторгшийся в лингвистику“. Я решил подождать, показать ее

А.А. Миллеру... В Елисаветовской я жил с А.А. Миллером в одном доме; за ужином с традиционной жареной картошкой я решился дать ему свою статью о египетском термине „железо“. Он ее с интересом прочел, привел много этнографических примеров и настоятельно рекомендовал мне отдать ее Н.Я. Марру. Так я и поступил после экспедиции — статья была напечатана в первом выпуске „Докладов Академии наук“ за 1929 г.; и я был рад, что ей была предоставлена первая страница: она открывала „Доклады“...

Я написал также небольшую работу, выпущенную отдельной книжкой, „Семантический пучок в памятниках материальной культуры“, в которой я детально, с привлечением этнографического и археологического материала разобрал росписи на додинастических египетских сосудах. В этих раскопках явно прослеживался пучок семантических связей: „вода“ — „дерево“ — „женщина“ — „плодородие“, эти элементы древнейших изображений позднее, в историческое время, перешли в так называемую Книгу мертвых, состоящую из магических текстов (они должны были помогать в странствовании души умершего в потустороннем мире). В литературном отношении эта работа имела огрехи, но ее основная мысль была археологами принята. Н.Я. Марр с интересом относился к материалу древнеегипетского языка, где семантические связи были особенно четки из-за пиктографической системы письма. Об этом свидетельствовали его замечания на представленных мною моих тем, да и он сам написал несколько статей, используя иероглифическое письмо Древнего Египта... Н.Я. не всегда делал разницу между фонетическими и пиктографическими иероглифами»^[189].

О.М. Фрейденберг, И.Г. Франк-Каменецкий, Н.Ф. Яковлев, Д.С. Лихачев, Б.Б. Пиотровский, В.М. Абаев и другие молодые и вполне зрелые ученые, словно семантический «пучок», выпущенный Марром, дали науке новые смыслы.

* * *

В студенческие годы я как-то зашел в букинистический магазин в Москве между Китайгородской стеной и памятником первопечатнику Ивану Федорову. Купил третий том из собрания сочинений Марра и

сборник «Тристан и Исольда». Моя спутница — студентка-филолог произнесла краткую речь о том, что на лекциях им говорили о Марре как о лжеученом типа Трофима Лысенко, но только в языкознании. Я ей поверил, но рассыпающиеся в руках книги забрал с собой и теперь нисколько об этом не жалею.

Глава 4. Схождение линий жизни Сталина и Марра (Линия Сталина)

Я так и не смог выяснить, встречались ли при жизни Сталин и Марр непосредственно, беседуя лицом к лицу. Была ли дана Марру личная аудиенция, работали ли они вместе в одной из бесчисленных комиссий Наркомнаца и других советских учреждений? Пересечения на публичных форумах, без сомнения, были и неоднократно, но не о них речь. Ни в журнале регистрации посетителей кабинета Сталина, ни в других документах я не нашел сведений об их прямых контактах. Не упоминает о встречах и Марр в своих опубликованных работах; не нашел я информации на сей счет ни в архиве Сталина, ни в архиве Марра. В то же время многое свидетельствует о том, что не только Марр стремился к прямым контактам с вождем, но и Сталин хорошо знал биографию ученого, некоторые его труды и даже использовал его в своих политических играх.

Но достоверно известно, что трижды судьбы Сталина и Марра все же сошлись: в 1930, в 1932 и в 1950 годах. Первый и второй раз это произошло тогда, когда оба были живы. Впрочем, и тогда их судьбы пересеклись всего лишь по касательной. В 1950 году Марра на свете не было, но по воле новоиспеченного генералиссимуса его имя узнало все население страны, а вместе с ним политики и ученые-гуманитарии остального мира.

В 20—30-х годах Марр интересовал Сталина не столько из простых человеческих соображений (кавказовед, знаменитый земляк), сколько из соображений политических. В первую очередь Сталин пытался использовать Марра как маститого этнографа и лингвиста, способного оказать поддержку сталинской национальной и языковой политике. Во вторую очередь он использовал Марра как специалиста в области бесписьменных народов, способного решать практические вопросы разработки новых алфавитов, а главное, участвовать в разрешении вопроса о будущем едином общемировом языке и едином общемировом алфавите. Скорее всего, именно для этих целей Сталин пытался еще в 30-х годах овладеть хотя бы азами яфетидологии. Наконец, он пытался использовать Марра не только как научно-

политического вождя в области советского языкознания, но и как «своего человека», способного помочь овладеть последним бастионом «буржуазной автономии», то есть Академией наук.

Но наряду с этими вполне прагматическими моментами был еще и идеологический аспект в их заочных взаимоотношениях. С дореволюционных времен Сталин считался главным большевистским экспертом по национальному вопросу в России. До конца своих дней Сталин гордился этим званием; национальные проблемы были для него всегда в центре внимания. А национальный вопрос, как известно, для многих связан с проблемами языка, письменности и культуры.

Сталин о нации и языке

В мартовском номере журнала «Просвещение» за 1913 год была опубликована первая часть статьи Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия». К этому времени Сталину исполнилось тридцать пять лет. В подзаголовке журнала было указано, что это «Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал марксистского направления». Журнал легально издавался в Санкт-Петербурге фракцией большевиков Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с 1911 по 1914 год (один сдвоенный номер вышел летом 1917 года) и редактировался В.И. Лениным. В журнале, кроме одного стихотворения И. Бунина, басен Д. Бедного и нескольких рассказов М. Горького, ничего по-настоящему литературного не публиковалось, так как он носил сугубо пропагандистский и политико-просветительский характер. Печатались небольшие работы марксистских классиков и европейских социал-демократов, но главным образом публицистические статьи Ленина, Зиновьева, Каменева, Стеклова, Бухарина, Рязанова, Алексинского и др. Тоненький журнал в мягкой обложке легко было брать в дорогу. Возможно, поэтому в архиве Сталина сохранилась большая часть номеров, которые он, скорее всего, возил с собой еще с дореволюционных времен. Статьи всех сохранившихся номеров журнала испещрены сталинским карандашом, чаще подчеркиваниями. Благодаря этому журналу Сталин, находясь в ссылках и в подполье, не только следил за текущей политической обстановкой в стране и в партии, но и сам учился марксизму. В нем же он опубликовал единственную статью, которая из всех его писаний может претендовать на достаточно высокий теоретический уровень. Статья «Национальный вопрос и социал-демократия» публиковалась в 3, 4 и 5-м номерах журнала, но в современном архиве Сталина последних двух номеров нет^[190]. Статья была подписана тогдашним псевдонимом Джугашвили: К. Сталин. По официальной версии, эту работу Сталин написал во время двухмесячного пребывания в Вене (Австрия) в конце 1912 — начале 1913 года, под присмотром, а возможно, и при прямой помощи Ленина или других партийных журналистов. После смерти Ленина в его архиве нашли письмо М. Горькому, написанное в феврале 1913 года. Письмо часто цитировалось

при очередном переиздании статьи. Упомянул его и Троцкий в своем предсмертном сочинении «Сталин»: «Период реакции чрезвычайно обострил в России национальный вопрос. Горький с тревогой писал Ленину о необходимости противодействовать шовинистическому одичанию. "Насчет национализма вполне с вами согласен, — отвечал Ленин, — что надо заняться этим посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем. Речь шла о Сталине»^[191]. Ни у кого никогда не возникали сомнений, что «чудесный грузин» — это Сталин, хотя в журнале в это же самое время публиковались статьи по национальным проблемам и других авторов. Австрийские авторы действительно упоминаются в сталинской статье, но их немного, и они все были переведены на русский язык; европейских языков Сталин не знал. В эти же годы он пытался изучить немецкий язык и эсперанто, но не преуспел. В статье есть ссылки на немецком языке и одна цитата, переведенная с немецкого; они, скорее всего, заимствованы Сталиным из тех же русскоязычных изданий (О. Бауэра и др.). Так что Ленин явно преувеличил. Троцкий отметил, что свое восторженное отношение к молодому Кобе Ленин выразил редкой для него характеристикой через национальную принадлежность: «Чудесный грузин». Спустя несколько десятилетий Троцкий, явно ревнуя, прокомментировал эту ленинскую оценку: «Элемент первобытности, несомненно, подкупал Ленина».

Ни в архиве Сталина, ни в других известных архивохранилищах я не нашел каких-либо черновых или подготовительных материалов, связанных с работой Сталина над этой статьей, о которых писал Ленин; они, по всей видимости, не сохранились. Поэтому данная публикация статьи Сталина в журнале «Просвещение» с его пометами может рассматриваться как наиболее близкая к первоисточнику.

Троцкий, обладавший литературным талантом и хорошо знавший обычно блеклый публицистический стиль своего соперника, всю жизнь недоумевал по поводу этой работы Сталина. В поздней заметке «Иосиф Сталин. Опыт характеристики» он вспоминал: «Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин. Статья останавливала на себе внимание, главным образом, тем, что на сером, в общем тоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы.

Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошла рука мастера»^[192]. Кроме этого, никаких прямых свидетельств об участии Ленина или кого-либо еще в этой работе Сталина нет. До настоящего времени ни эта, ни другие известные произведения Сталина не подвергались научному анализу.

* * *

Как будто в предчувствии Первой мировой войны, за несколько лет до ее начала шовинистический угар уже порастил большинство стран тогдашней Европы. Это было время, когда споры о том, что такое национальность и ее место в социальной истории Австро-Венгрии, Германии, России, Франции... потрясали всю европейскую общественность. Национальный вопрос стал играть значительную роль в политической борьбе, захватив и РСДРП(б). В журнале «Просвещение» началась публикация серии работ по национальным проблемам Н. Ильина (Ленина) «О праве наций на самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу», некоего «Н. С-к.» «К национальному вопросу: Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия» и других авторов. Под анаграммой «Н. С-к.», возможно, скрывался Н. Скрыпник, публиковавшийся в том же журнале. На ту же тему печатались статьи в других партийных изданиях. Эти публикации стали реакцией не только на националистические настроения в обществе, но и на то, что революционные партии начали раскалываться не столько по политическим, сколько по национальным признакам. Большевистская фракция РСДРП, находившаяся под влиянием Ленина, стояла на позициях интернационализма, подразумевая тогда под ним единство всех членов партии в одной организации, невзирая на национальность. Но три социал-демократические группировки, а именно Бунд (еврейские социал-демократы), грузинские и польско-литовские эсдеки, тяготели к национальной автономии. Сталина избрали в качестве ударного партийного публициста по национальным проблемам именно потому, что его, как грузина, было труднее обвинить в великорусском шовинизме, а значит, и в антисемитизме, и в антиполонизме и т. д.

Судя по всему, статья была замечена не только Лениным и Троцким. В 1914 году она была издана отдельной брошюрой с тем же содержанием, но под измененным названием «Национальный вопрос и марксизм», что выдавало претензию автора на толкование выдвинутых положений уже в более широком теоретическом контексте. После революции Народный комиссариат по делам национальностей переиздал ту же брошюру в «Сборнике статей» своего наркома (Сталин. Тула, 1920) вновь под измененным названием «Марксизм и национальный вопрос» с авторскими корректировками и комментариями. С этого момента Сталин устремился (пока еще мелкими шажками) в ведущие марксистские теоретики. Затем статья много раз переиздавалась в различных сборниках и отдельной брошюрой, пока, наконец, под тем же названием в очередной раз не была переиздана после Отечественной войны во втором томе собраний сочинений вождя.

Подборку номеров журнала «Просвещение» Сталин возил с собой все предреволюционные годы, а после революции они осели в его библиотеке. По обычной своей привычке, он читал и перечитывал понравившиеся издания по несколько раз и в разные годы. Точно так же он перечитывал и свои опубликованные работы, часто правил их или отмечал то, что по тем или иным причинам считал важным. Вот и на этом единственном сохранившемся номере со статьей «Национальный вопрос и социал-демократия» остались любопытные сталинские отметины. Это позволяет нам судить о взглядах Сталина на нацию и язык не только исходя из содержания, но и проследить последующие смысловые акценты вождя на свое же произведение. И хотя у меня нет твердых данных, указывающих на время и место, в которых Сталин перечитывал свою статью с простым карандашом в руке, я все же думаю, что это происходило между 1914 и 1917 годами в приполярной деревне Курейке (Красноярский край), в которой он отбывал свою последнюю ссылку. Есть свидетельства, что он пытался там продолжить работу над национальными проблемами, для чего запрашивал через семью Аллилуевых марксистскую литературу. Но лень и апатия, охватившие кавказца в условиях Приполярья, а главное, связь с малолетней жительницей деревни Лидией Перепрыгиной не дали осуществить благие намерения. Присланные книги так и провалялись в мешках под его кроватью, но журнал «Просвещение» и

свою статью он, скорее всего, перечитывал, и не раз, именно там^[193]. На обложке этого номера есть странные арифметические упражнения, сделанные сталинской рукой, но чернилами. Особого смысла они не несут (например, умножал столбиком 10 000 на 3 или 20 000 на 2 и соответственно получал 30 000 и 40 000 и др.), но это говорит о том, что Сталин брал журнал в руки, может быть, и много лет спустя после революции. Именно тогда он стал позволять себе чиркать по страницам книг, в том числе и библиотечных, чернилами.

Статья состоит из небольшого вводного раздела и главок: I. Нация; II. Национальное движение; III. Национальная автономия; IV. Бунд, его национализм, его сепаратизм; V. Кавказцы, конференция ликвидаторов; VI. Национальный вопрос в России. В сохранившейся части содержится введение и первые две главки. Сталин начал статью энергично: «Период контрреволюции в России принес не только „гром и молнию“, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в светлое будущее — и люди боролись мести, независимо от национальности: общие вопросы, прежде всего! Закралось в душу сомнение — и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! „Национальная проблема“ прежде всего!»^[194]. Все, что здесь подчеркнуто и будет дальше выделено тем же способом, принадлежит Сталину. В преамбуле Сталин вроде бы констатирует деградацию революционного движения, его раскол и разделение «по национальным квартирам». Но дальше разговор идет о том, что с революционного 1905 года в России началась стремительная ломка остатков крепостничества, наметился резкий подъем капиталистического хозяйствования, растет число городов, развиваются торговля и пути сообщений. Особенно сильные изменения, утверждает Сталин, произошли на окраинах империи, что, с одной стороны, консолидировало их с центром и в то же время способствовало «усилению национальных чувств». В ответ на это поднялась волна «воинствующего национализма», целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», а это, в свою очередь, вызывало обратную волну, переходящую «порой в грубый шовинизм». Эта волна начинает захватывать рабочие массы. Поэтому, продолжал Сталин, только социал-демократия может противопоставить «национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы». И чем выше поднимается волна национализма, тем

громче должен раздаваться голос социал-демократии: «За братство и единство пролетариев всех национальностей России»^[195]. А в это время национальные и окраинные партийные организации (Бунд, Кавказ, Польша) стали включать в свои программы требования культурно-национальной автономии как в делах партии, так и в будущем государственном устройстве России. Поэтому необходимо разъяснить позицию российской социал-демократии по национальному вопросу. Здесь выясняется, что у российской, да и у европейской социал-демократии нет ясного представления о том, что такое нация? Нет его и у тех социалистов, кто ратует за культурно-национальную автономию. Поэтому первый раздел статьи так и начинается с выяснения:

«I. Нация.

Что такое нация?

Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»^[196]. Последний абзац-предложение Сталин отчеркнул жирной чертой еще и на полях слева. Здесь, конечно, представлен один из главных моментов теории национальности. Весь XIX век европейцы пытались определить отправной пункт происхождения национальностей. Наивная точка зрения (особенно ядовито критиковавшаяся в эти годы В. Лениным, а еще раньше Ф. Энгельсом) пыталась произвести каждую нацию от какой-либо семейной пары или этнически родственных групп, связывая с ними общность крови, языка и культуры. Однако уже достаточно высокий уровень развития исторической науки, а также этнографии и антропологии того времени позволил сделать заключение, которое на русском языке очень удачно сформулировал наш герой в процитированном тексте: нация — это «исторически сложившаяся общность людей». В то же время, продолжал Сталин, исторически складывались в некое единство и такие государства, как империи древнеперсидского царя Кира или Александра Македонского, которые

не могут считаться нациями. Это были «случайные» объединения военной силой конгломерата племен и рас, который очень легко распадался после гибели того или иного завоевателя. Здесь от себя добавлю: здраво рассуждая, разница между случайным и не случайным насильственным объединением в общую империю народов не уловима. Да и бывают ли такого рода объединения «случайными»? «Итак, — лаконично резюмирует Сталин, — нация — не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей»^[197]. Но и устойчивая общность людей не всегда создает нацию. Например, Австро-Венгрия и Россия устойчивые общности (на 1913 год, разумеется. — *Б.И.*), но их в целом нельзя назвать нациями. Это общности не национальные, а государственные. С этого момента Сталин начинает связывать понятие нации с языком: «Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целости России и Австрии не мешает существование внутри их целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не о официально-канцелярских.

Итак — общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и североамериканцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и североамериканцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего, потому, что они живут не совместно, а на разных территориях»^[198].

Это наиболее важный для нас пункт сталинской работы 1913 года: общность языка — одна из определяющих понятия нации. Языки даже

одной нации могут, оказывается, делиться на народно-разговорные и официально-канцелярские. Однако ни язык, ни признак исторически сложившейся общности людей все еще не дают однозначного определения нации, так как на одном и том же языке говорят и англичане, и североамериканцы; испанцы Европы и мексиканцы Америки, то есть люди разных национальностей и рас, проживающие на разных территориях. Мы можем вспомнить и обратные примеры, когда русские в России или русские во Франции или в Канаде говорят на совершенно разных языках и т. п. Значит, продолжает рассуждать Сталин, признак языка недостаточен и тогда он вводит еще один признак: **«общность территории**, как одна из характерных черт нации»^[199].

Но и это еще не все. Если между различными частями общей территории нет внутренней экономической связи, то и люди, проживающие на ней, даже если они говорят на одном языке и имеют общую историю, не будут составлять нацию. Так было, например, в странах, прошедших эпоху феодальной раздробленности. Значит, для складывания единой современной нации необходим общий экономический рынок, связывающий все части страны крепче всех остальных уз. Так Сталин, вслед за классиками марксизма, связал зарождение современных наций исключительно с зарождением и развитием экономических связей. Обратим на этот момент особенное внимание. Для иллюстрации последнего тезиса Сталин приводит в пример историю близкой ему Грузии: «Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравляя друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда

между областями Грузии, в конец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»^[200]. Таким образом, только капитализм и только в конце XIX века связал грузин в единую нацию. Сталин промолчал, а может быть, и не знал тогда, что в состав молодой грузинской нации вошли не только близкие по языкам картвельские, но и иные племена. Но лет через тридцать он с одобрением будет читать сочинения, в которых грузин будут непосредственно возводить к жителям Урарту и к древним хеттам.

Общий рынок и разделение труда между различными частями государства все еще не делают, по Сталину, нацию нацией. Люди говорят на одном языке, например англичане, североамериканцы и ирландцы, а принадлежат к разным нациям, так как каждая из них, обладая особым психическим складом, выработала особую, национальную культуру. Эти различия не являются врожденными, а сложились исторически под влиянием «неодинаковых условий существования». Именно так, по мнению автора, формируется «национальный характер». «Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации», — заявил Сталин и предложил определение нации, ставшее вскоре известным всем советским людям и далеко за рубежами СССР: **«Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**^[201].

Помимо того что разрядка в тексте сделана самим автором, Сталин, перечитывая это место статьи, отметил его карандашом двумя вертикальными чертами слева: чеканность формулировки определения нации явно нравилась ему самому. Затем, заметив, что нация есть явление историческое и поэтому она «имеет свою историю, начало и конец», сделал важный методологический вывод: **«Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»**^[202].

Все дальнейшие сохранившиеся и не сохранившиеся в архиве части статьи посвящены обоснованию и развитию сформулированных положений. Сталин отметил, что уже австрийские социал-демократы, следуя установкам II Интернационала, выдвигали отдельные похожие

признаки нации. Так, Р. Шпрингер говорил «о союзе одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей», создающих особую культурную общность, не связанную с землей. Перечитывая это место, Сталин галочкой в тексте отметил собственное умозаключение по этому поводу, — он утверждал, что на самом деле Шпрингер и другие берут не сумму признаков нации, а выделяют один-единственно определяющий. Вот и другой австрийский теоретик национального вопроса О. Бауэр заявил, что ни язык, ни другие признаки не характеризуют нацию; ее якобы определяет только «национальный характер». Отсюда Сталин вышел на еврейскую проблему. По Бауэру, евреи не имеют общего языка и территории, но у них у всех благодаря «общей судьбе» выработался общий «характер». Поэтому он (Бауэр) определил нацию как **«совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»**^[203]. (Все ссылки и цитаты даются у Сталина на русское издание книги О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия». Серп, 1909.)

Главная трудность для такой внешне стройной концепции Сталина и его партийных советчиков заключалась в анализе противоречий еврейской национальной проблемы. Будучи очень активной частью революционного, в том числе социал-демократического, движения, внутри самого еврейства конкурировали две тенденции. Одна предполагала эмансипироваться в общую европейскую, а затем в мировую нацию, с окончательной потерей своей идентичности во всемирном интернационале. Другая, не менее мощная тенденция делала ставку на организацию своего национального очага в Африке, в Палестине или на иной территории, рассчитывая тем самым вернуть себе статус «полноценной» нации. Но и интернационалистическое и сионистское направления находились под сильнейшим влиянием социалистических идей. Для интернационалистов-ленинцев было очевидно, что вообще движение к национальному исторически есть шаг назад, поскольку, по их мнению, национальность и национализм прямо связаны с капитализмом и буржуазией. И подобно тому как архаичная русская земельная община рассматривалась народниками в качестве базы будущего социализма, так ленинское крыло интернационалистов рассматривало состояние некоторых древних национальных групп как прообраз будущего общемирового национального состояния: если законы истории ведут мир к слиянию

наций и тому есть наглядные примеры, то противоречащие им процессы реакционны и вредны.

Уроженец Кавказа, много поездивший по родному краю, Сталин хорошо представлял себе его национальный ландшафт: «О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках? Бауэр говорит о евреях, как нации, хотя и "вовсе не имеют они общего языка; но о какой "общности судьбы" и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках? Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера»^[204]. Но эти «окостенелые остатки» влияют на «судьбу упомянутых евреев» намного слабее, чем «живая социально-экономическая и культурная среда». А «нация» Бауэра — это тот же «национальный дух» спиритуалистов, заявил Сталин. Национальный характер же вырабатывается материальными условиями жизни нации. Вывод: «Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого **единственно** отличительного признака наций. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (нац. характер), то другой (язык), то третий (территория, экономич. условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе»^[205]. Весь абзац отмечен Сталиным двумя вертикальными чертами на полях слева.

Еще раз хочу привлечь внимание читателя к ясности и четкости сталинских формулировок, к логичности и оригинальности теоретической части этой статьи. Ни в одной из своих ранних или поздних работ Сталин не сможет написать ничего подобного. Оригинален и метод: Сталин дает определение нации не через перечисление признаков, а как их совокупный и единый комплекс, из которого нельзя исключить ни один. Здесь же он предлагает систему дополнительных понятий, связанную с понятием «нация»: «Бауэр,

очевидно, смешивает **нацию**, являющуюся исторической категорией, с **племенем и народностью**, являющимися категориями этногеографическими». Заявляя о евреях как о нации, Бауэр в конце своей книги говорит, что капиталистическое общество не дает им шанса сохраниться как нации, ассимилируя их с другими нациями. Происходит же это потому, что у евреев нет своей колониальной территории, в то время как такая территория есть, например, у чехов и они (по Бауэру) должны сохраниться. И наконец, главное противоречие в книге Бауэра, на котором Сталин заостряет внимание: «В начале своей книги он решительно заявляет, что "евреи вовсе не имеют **общего** языка и составляют тем не менее нацию. Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменяет фронт, заявляя так же решительно: "**несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка**" [\[13\]](#)».

Бауэр тут хотел доказать, что „язык — это важнейшее орудие человеческого общения, но он вместе с тем нечаянно доказал и то, что он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория“[\[206\]](#).

Запомним определение языка, данное Бауэром и процитированное Сталиным. Через несколько десятилетий престарелый вождь без каких-либо оговорок припишет это определение себе.

* * *

Во втором разделе статьи „Национальное движение“ Сталин развивает сформулированные положения:

„Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации“[\[207\]](#). Эти строчки отчеркнуты на полях справа. Большинство европейских наций, продолжал свою мысль Сталин, сложилось в период перехода от феодализма к капитализму. И именно они, эти нации, за редким исключением, образовали свои национальные государства. Но в

Восточной Европе иная ситуация: „На Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия“. И если в первом случае роль объединителей взяли на себя немцы (австрийцы) и венгры, то „в России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию“^[208]. Но и там начинает развиваться капитализм, который „взбудораживает“ национальные чувства притесняемых наций. Итак, капитализм — главный источник, питающий и великодержавный шовинизм, и национализм подчиненной нации, а если быть точнее, то таким источником является конкурентная борьба между нациями, находящимися не в равном положении, так как „проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на этом пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..“^[209]. Это восклицание: „Опоздали!“, как и ряд других встречающихся в тексте оборотов, не характерных для русского литературного стиля, выдает эмоциональный характер кавказца. В эти годы Сталин, как и все другие большевики-интернационалисты, были убеждены: „Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму“^[210]. Поэтому борьба экономическая неизбежно переходит в борьбу политическую и бюрократия господствующей нации начинает стеснять свободу передвижения, ограничивать употребление национальных языков, избирательные права, сокращать национальные школы, причинять религиозные стеснения и т. д. И все это, по мнению автора, вытекает из принципа межнациональной экономической конкуренции. В ответ на притеснения начинают раздаваться голоса о необходимости создания своего независимого отечества: „Так начинается национальное движение“.

И опять в качестве иллюстрации исходных причин национального движения Сталин приводит в пример положение в Грузии, в которой, по его мнению, „нет сколько-нибудь серьезного **антирусского** национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые бы могли дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть

антиармянский национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму“^[211].

Удивительно, но создается впечатление, что Сталин не знает о том, что трения между грузинами и армянами начались задолго до конца XIX века, то есть до начала развития там капитализма и складывания единой буржуазной нации (по Сталину). Не замечает он и того, что весь XIX век господствующей нацией в лице колониальной администрации и армии в Грузии были русские и в соответствии с его же теорией именно между русскими и грузинами должна была бы вестись межнациональная борьба.

А что же в условиях межнациональной борьбы делать пролетариату и крестьянству? Нужно ли им идти под национальное знамя своей буржуазии? „Из сказанного ясно, — заявил будущий вождь и государственный идеолог, — что национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удастся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба **повнешности** принимает „общенародный“ характер, но это только по внешности. В **существе своем** она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии“^[212]. Весь абзац отчеркнут еще и на левом поле страницы. Это говорит о том, что своей мысли о национальной борьбе, только „по внешности“ принимающей общенародный характер, Сталин придавал особое значение. Впрочем, отмечает Сталин, и рабочие заинтересованы в свободе передвижения, в своем национальном языке и т. д. В этом они могут союзничать с национальной буржуазией, поскольку „нельзя серьезно говорить о полном развитии духовных дарований грузинского или еврейского рабочего, когда ему не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы“.

Заключительная часть раздела посвящена тому, ради чего и начиналась вся эта кампания в печати, а именно — основным принципам национальной доктрины большевиков. Она хорошо известна, поскольку в советские годы была растиражирована в самых разнообразных видах. Как и многое из того, что мы находим в большевистских программных документах, эта программа

декларативно лукава и двусмысленна. Сталин на полях справа, а затем слева отчеркнул весь текст, приводимый ниже:

„Право на самоопределение, то есть только сама нация имеет право определять свою судьбу, никто не имеет право **насиловать** вмешаться в жизнь нации, **разрушать** ее школы и прочие учреждения, **ломать** ее нравы и обычаи, **стеснять** ее язык, **урезывать** права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определять свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям освободиться от них.

Право на самоопределение, то есть нация, может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна; и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и право наций, состоящей из различных классов, — две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетений наций, сделать ее невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под „национальное“ знамя буржуазии...

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но

довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата — возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

Тогда национальная борьба, уйдя из политики, замкнется в хозяйственную сферу, где она будет ограничиваться конкуренцией товаропродавцов до самого конца капитализма.

Но такая борьба не заденет прямо рабочих и не представляет для них серьезной опасности“^[213].

Во всех последующих публикациях статьи „Марксизм и национальный вопрос“ последние два абзаца были исключены. Их пророческий тон вступал в откровенное противоречие с политической реальностью в период мировых войн, да и в последующие времена. С развитием капитализма и сталинского социализма национальная борьба не только не ушла из политики в экономическую сферу, а достигла своего апогея в связи с нацизмом, развалом колониальных империй и послевоенным сталинизмом.

Напомню, что в сталинском архиве сохранился журнал „Просвещение“ только с первой частью статьи. В последующих двух номерах Сталин критиковал в основном публицистов Бунда и кавказских эсдеков за их приверженность национальной программе австро-венгерских социалистов (культурно-национальной автономии). Особенно Сталина возмутили два пункта программы Бунда: требование празднования субботы и требование права евреев на свой язык. По первому пункту Сталин высказался как истинный знаток православной гомилетики, полемизирующий с ветхозаветными иудаистскими традициями:

„Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы в "законодательном порядке" было обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать в другой день“.

Надо думать, что Бунд сделает "шаг вперед" и потребует права празднования всех староеврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за „право субботы“ будет им

напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, „дух субботний“...»

Если учесть, что спустя десятилетия Сталин напишет на полях одной из книг фразу: «Язык — материя духа», и если предположить, что этого взгляда он придерживался и в 1913 году, то его высказывания относительно современного ему языка (жаргона) европейских евреев выглядит как попытка уничтожить самый «дух» этого народа. «Социал-демократия добивается права родного языка *для всех наций*», — продолжал он, — но Бунд этим не удовлетворяется, — он требует, чтобы „с особой настойчивостью отстаивали“ права *еврейского языка* (курсив наш. И.Ст.)... Не *общее* право родного языка, а *отдельное* право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются *прежде всего* за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций — вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетенных национальностей; но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд „предпочтет“ вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?»^[214]

Если не вспоминать сейчас о кампании 1947 года, связанной с борьбой против «космополитизма», о языковедческой дискуссии весны — лета 1950 года и о новых брезгливых репликах Сталина в адрес «жаргона», о «деле врачей-убийц», то слова о «жаргоне» и «субботе», написанные за многие годы до этих событий, как будто не скрывают в себе никакого зловещего смысла. Никому не дано заглянуть в будущее. До Второй мировой войны значительная часть левых еврейских деятелей думала о будущем своего народа примерно так же, иначе бы тогдашние большевистские лидеры, и Ленин в первую очередь, вряд ли бы допустили специфический тон в статьях того времени, в том числе и в своих, и многозначительные кавычки своего партийного пропагандиста: «Но она (идея культурно-национальной автономии. — *Б.И.*) становится еще вредней, когда ее навязывают „нации“, существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности „нации“, не только полезные, но и

вредные, — лишь бы „спасти нацию“ от ассимиляции, лишь бы „уберечь“ ее»^[215].

В шестом номере журнала «Просвещение» за 1913 год, вторя Сталину, «Н. С-к.» писал в адрес руководителей Бунда: «Мы обвиняем их в том, что своими уступками национализму они независимо от своей воли начинают отделять еврейских пролетариев от русских, польских и т. д., вместо того, чтобы ломать те предрассудки, которые мешают окончательно слиться пролетариям всех национальностей, населяющих Россию»^[216]. Эту тираду, как и ряд других, Сталин отметил карандашом на полях.

* * *

Вопреки распространенному мнению, Троцкий всегда старался быть объективным. Вот его окончательная оценка работы Сталина: «Во время своего двухмесячного пребывания за границей Сталин написал небольшое, но очень содержательное исследование „Марксизм и национальный вопрос“. Будучи предназначена для легального журнала, статья пользуется осторожным словарем. Но революционные тенденции ее выступают тем не менее совершенно отчетливо»^[217]. Это единственное произведение Сталина, о котором Троцкий отзывался положительно.

В свою очередь, Сталин, читая статью Ленина «О праве наций на самоопределение», опубликованную в шестом номере журнала «Просвещение» за 1914 год, отметил в ней только одно место, то самое, где Ленин, полемизируя с Розой Люксембург по этому вопросу, бросает ядовитые реплики в адрес будущего сталинского врага, пытавшегося примирить различные группировки РСДРП: «Услужливый Троцкий опаснее врага! Ни откуда, как из „частных разговоров“ (то есть попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательства для зачисления "польских марксистов" вообще в сторонников каждой статьи Розы Л. Троцкий выставил "польских марксистов" людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!»^[218] и т. д. Сталин отчеркнул на полях целых семь абзацев, посвященных критике (скорее — ругани) в адрес политической

позиции Троцкого. Для нас же важно то, что Троцкий, который вел полемику с Лениным, внимательно следил за обстановкой в журнале «Просвещение» в те годы, когда публиковалась статья Сталина, и действительно мог что-то слышать об обстоятельствах ее написания.

Сталин придавал своей статье очень большое значение, о чем свидетельствует тот факт, что в последнем издании «Краткой биографии», которую Сталин лично редактировал, ей посвящена целая страница: «Находясь за границей, Сталин пишет работу „Марксизм и национальный вопрос“, которую Ленин очень высоко оценивал. Ленин писал об этой работе: „В теоретической марксистской литературе... основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)“ [\[14\]](#). Работа Сталина „Марксизм и национальный вопрос“ явилась крупнейшим выступлением большевизма по национальному вопросу на международной арене до войны. *Это была теория и программная декларация по национальному вопросу.* Резко и сильно в этой работе были противопоставлены два метода. Две программы, два мировоззрения в национальном вопросе — II Интернационала и ленинизма. Сталин вместе с Лениным разгромил оппортунистические взгляды и догмы II Интернационала по национальному вопросу. Лениным и Сталиным была разработана марксистская программа по национальному вопросу, в своей работе Сталин дал марксистскую теорию нации. Сформулировал основы большевистского подхода к решению национального вопроса (требование рассматривать национальный вопрос как часть общего вопроса о революции и в неразрывной связи со всей международной обстановкой эпохи империализма), обосновал большевистский принцип интернационального сплочения рабочих» [\[219\]](#).

И все же, несмотря на то, что работа Сталина широко известна, серьезному исследованию она до сих пор не подвергалась. Если отвлечься от партийных проблем, которые решали социал-демократы разных оттенков того времени, и рассмотреть только ее методологию, то статья Сталина поражает своими противоречиями. Создается такое впечатление, что в ней совмещены два плохо сочетаемых принципа: один исходит из набора метафизических признаков, якобы из века присущих нации, второй принцип исходит из истории, то есть из диалектики развития человеческого общества на определенном этапе.

Скорее всего, Сталин ставил перед собой задачу рассмотреть понятие нации в том же метафизическом ключе, как его рассматривали Бауэр, Шпрингер, Штрассер, Коссовский, Жордания и др., а именно как некую совокупную сверхличность, которой приписываются те или иные «объективно» присущие качества и свойства. Набор этих свойств у всех авторов разный, но только у Сталина представлена система, казалось бы, исчерпывающих признаков: **«Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**. Не трудно заметить, что такая формулировка может быть применима к любому обществу любой эпохи. В Древнем Риме исторически сложилась устойчивая общность людей (государство существовало около тысячи лет) с общегосударственным языком (латинским), с единой территорией и управлением, с общей экономической жизнью всех провинций, что постепенно приводило к выработке общего психического склада у римских граждан и ко все большей нивелировке культуры. Тех, кто не вписывался в эту «общность», тех уничтожали, или они сами растворялись и латинизировались. Такова судьба карфагенян, иудеев или многих галльских и германских племен и др. Но в статье Сталина отчетливо прослеживается и вторая линия, согласно которой нация является «не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма». Как я уже упоминал, в том же журнале «Просвещение» в одном предшествующем и в двух последовавших за сталинской работой номерах публиковалась очень известная статья Ленина «О праве наций на самоопределение». В ней Ленин излагал сходную точку зрения, прямо связывая формирование нации с развитием капитализма. Тексты ленинской статьи Сталин так же прочитал с карандашом в руке. Кроме того, в том же третьем номере журнала «Просвещение», с которого начали печатать статью Сталина, а затем в шестом номере журнала за 1913 год были опубликованы две критические заметки «Н. С-к.», посвященные Бунду и другим еврейским социал-демократическим группировкам, стоявшим на позициях «национально-культурной автономии». Эти заметки очень близки по смыслу и даже по терминологии к соответствующим частям статьи Сталина. В самом начале заметки «Н. С-к.», называвшейся «К национальному вопросу:

Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия», Сталин отчеркнул слова Г.В. Плеханова, высказанные им по отношению к Бунду: «Приспособление социализма к национализму». Ради исторической справедливости отметим, что ни члены Бунда, ни социал-демократы Австро-Венгрии не заслуживали подобных обвинений. Действительное скрещивание национализма с социализмом произошло, но в иные времена.

Ленин выполнил обещание, данное Горькому, организовав серию статей по национальному вопросу. Почти наверняка он, как главный редактор журнала, принял участие в редактировании статьи Сталина, приспособивая ее к собственным доктринам. Не исключено участие в ней и того, кто скрылся за инициалами «Н. С-к.». Здесь же назовем еще один и, с моей точки зрения, важнейший критерий понятия нации, упущенный Сталиным и другими социал-демократами его времени, — это самосознание. В какую бы эпоху и на какой бы территории человек ни проживал, на каком бы языке он ни говорил и в какой бы культуре он ни воспитывался, только осознание своей принадлежности (или не принадлежности) к истории, языку, культуре той или иной общности людей делает человека русским, американцем, китайцем, эфиопом... Без этого критерия и расовые признаки мало что значат. Еще меньшее значение имеют те признаки нации, которые назвал Сталин. Мое мнение: в этом вопросе нет и не может быть «объективных» критериев.

В 2013 году исполнится сто лет со дня первой публикации статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос». За это время в России старая феодально-капиталистическая формация сменилась на сталинскую социалистическую, а недавно — вновь на капиталистическую. А как же нации царской России, СССР, СНГ и России новой? В соответствии с идеями статьи «Марксизм и национальный вопрос» при социализме нация как буржуазное явление существовать уже не должна, но поскольку нации продолжали существовать и в СССР, вопреки теоретическим рассуждениям, то Сталин придумал им новый ярлык — «социалистические нации». Надо думать, что после событий начала 90-х годов XX века вдруг и опять на территории СНГ появились «буржуазные» нации? Все эти рассуждения, навеянные работой Сталина, доказывают только одно: и сталинская метафизическая, и ленинская диалектическая точки зрения на нацию не выдержали элементарной проверки временем. Пока

остаются люди, сознающие свою принадлежность к той или иной нации, до тех пор она (нация) существует, вне зависимости от того, в какой исторической формации они (люди) живут, и даже независимо от того, на каком языке они изъясняются и на какой территории существуют. Все большая проницаемость государственных границ и открытость современного мира, общемировой культурный синкретизм создают ощущение наступления эры космополитизма. Похоже, Сталин подметил первые его симптомы в послевоенном мире и в СССР и в страхе объявил ему войну. Но даже самый могущественный правитель не в состоянии отменить долгосрочные исторические процессы.

Благодаря работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин вошел в круг политических теоретиков, а трактовка понятий «язык», «нация», «историческая общность», «жаргон» и др. вошли в политический лексикон и в политическую практику советского государства. Никакой прямой связи с теоретическими построениями Марра мы здесь не находим, кроме случайно брошенной фразы о языках бюрократическом и народном. Нет никаких данных и о том, что член Императорской академии Н.Я. Марр был до революции знаком с писаниями Сталина, этого мало кому известного большевистского деятеля. После революции выяснилось, что они оба не равнодушны к проблемам языка.

Общемировой язык и универсальный алфавит

Во второй половине XIX века в России почти наравных боролось несколько тенденций понимания будущего не только национального языка и алфавита, но и в области проектирования их регионального или общемирового вариантов. До конца XVII века, помимо собственного словотворчества, русский словарный состав в основном пополнялся за счет угро-финских и тюркско-татарских языков и наречий, а затем за счет полонизмов. В ранние и Средние века с кем носители языка соседствовали, торговали и воевали, с теми и обменивались новыми понятиями-словами и символами. Неощутимо для обыденного слуха, слова (понятия, символы), подобно товару и наряду с ним, участвуют в процессе обмена между людьми и народами. Символический обмен происходил и происходит везде и всегда со времен обретения языка в нарастающем масштабе. Контактные и ассимилируемые племена стихийно вносили свою лепту не только в генетику победителей, но и в общую лексическую и ментальную копилку. Очень часто победители так выстраивали свою политику в отношении побежденных, что вынуждали пользоваться языком и алфавитом победителей в большей мере, чем родными. Язык служил орудием борьбы с другими способами мышления. Алфавит же для этих целей малопригоден.

В дореволюционной России только Петр I решился провести заметную реформу русского алфавита — кириллицы, изобретенного, как известно, с использованием элементов греческого письма. А его политика сближения с Западной Европой и заимствований культурных и технических достижений привела к тому, что в русский язык хлынул поток голландских, немецких, французских, английских и других иностранных слов. Согласно подсчетам современных исследователей, к концу XVIII века в русском языке содержалась до 40 % иноязычных слов. Обладая неограниченной деспотической властью, Петр I мог бы без больших осложнений в рамках своей европеизации ввести в гражданское употребление латинский алфавит взамен кириллической письменности. Для верхушки российского общества он изменил на европейский лад почти все, но письменность, то есть алфавит, которым умела пользоваться лишь малая часть даже господствующего слоя, только чуть упростил и сократил. Я не думаю, что Петра остановила

многовековая письменная и печатная традиции или традиции архаичного церковного письма и языка богослужений. Он беспощадно подминал под себя и ломал православную церковь, Боярскую думу, стрелецкое войско, староверов, сменил летоисчисление, изменил повседневный быт дворянства и другие ненавистные ему «пережитки» прошлого. Поэтому странно, что реформа алфавита была наименее радикальна, тем более что многие славянские народы: чехи, хорваты, союзные тогда ему поляки много веков пользовались латинским шрифтом. И тем не менее, казалось бы, такого логичного и завершающего по направлению к европейской культуре шага Петр не сделал.

После Петра ни один российский правитель никаких серьезных реформ алфавита не провел, хотя общее движение к европеизации продолжалось. Наоборот, во второй половине XIX века в политических и ученых кругах начались разговоры о необходимости распространения кириллицы на бесписьменные народы империи, а также о ее дальнейшем упрощении и приближении написания слов к русской звуковой основе. В это время такие изыскания проводились почти во всех европейских странах, но на них накладывали свой отпечаток нужды колониальных империй с их тенденцией использовать язык и письменность метрополий, как общеадминистративные, а значит, и как средства управления. Как никогда, язык и письменность стали использоваться не только в качестве средств общения, просвещения и передачи информации, но и как орудие господства, порабощения и эксплуатации. Западноевропейские алфавиты почти не подвергались реформированию.

Однако были в Европе империи, не имевшие значительных колоний на заморских территориях, но обладавшие обширными прилегающими к метрополии владениями на Европейском и Евразийском континентах, — это Австро-Венгрия, Турция и Россия. Подобно большинству колониальных империй, Россия, расширяясь по всем азимутам, во второй половине XIX века основное усилие направила на юго-восток Европы, туда, где проживала значительная масса славянского населения. И если раздробленная Германия жила в это время идеями пангерманизма, то Россия после работ славянофилов, и в особенности Н. Данилевского, жила идеями панславизма. В этом русле наряду с различными исследованиями и проектами «решения

Восточного вопроса и вопроса о черноморских проливах», составной частью которых была проблема панславизма, зародилась идея создания искусственного общеславянского литературного языка и алфавита. Оставляя в стороне спекулятивные проекты, посвященные этой проблеме, изложу мнение профессора Оксфордского университета Карла Абеля, занимавшегося в эти же годы сравнительной лексикографией славянских языков. Почти так же, как Марр, он считал, что этносы и языки способны к «скрещению» и поэтому, например, на территории России сложились две ветви русской народности со своими «скрещенными» языками: одна ветвь — украинская, славянорусская, и вторая — финно-славяно-русская, населявшая Московское царство. Марр также считал, что украинская речь принадлежит к группе «окающих» языков и ближе к языкам скифским. Но Абель интересен тем, что он одним из первых серьезных лингвистов написал небольшую статью, в которой размышлял о возможности создания искусственного общеславянского языка и алфавита. Поводом к ней послужила реплика русской императрицы на приеме славянских политических деятелей из Австрии, Турции, Сербии в мае 1867 года.

В статье, посвященной этому событию, Абель писал, что императрица высказала сожаление о том, что присутствующие на встрече славяне не могут изъясняться на общепонятном для всех языке и у них нет общей азбуки и общего правописания. Для Абеля это заявление стало предлогом для того, чтобы порассуждать о поставленных императрицей проблемах. Абель писал, что у славянских народов существует четыре вида кириллической письменности, а три славянских народа пишут латинскими буквами. Причем в последнем случае «звуковые оттенки, за недостаточностью латинского алфавита, передаются посредством различных крючков, черточек и точек, различно применяемых в различных наречиях»^[220]. Замечание о дополнительных крючочках и черточках в латинице, используемой в алфавитах славянских народов, надо отметить особо. Абель утверждал, что для всех славян, в особенности тех, кто пользуется латиницей, самое удобное было бы в целях единения перейти на русский вариант кириллицы. Но если переход на новый общий алфавит технически не очень сложен, то совсем иное с правописанием. Казалось бы, славянские наречия близкородственны и имеют много общих корней, поэтому слова, одинаково звучащие, могли бы писаться одинаково. Но

на самом деле одинаково писаться могут только те слова, которые имеют не только общие корни, но и одинаковые окончания и флексии (приставки, прилепы) разных видов. А между тем случаи полного сходства слов крайне редки, да и один и тот же корень очень часто в каждом диалекте сильно видоизменяется. Введение общего правописания привело бы к тому, что пришлось бы признать единственно правильным написание только тех слов, которые принадлежат к системе одного какого-либо из славянских языков. Исходя из истории развития славянских языков он сделал вывод: «Все, что различает славянские наречия со звуковой и формальной стороны, есть именно тот индивидуальный вид, в каком был первоначально общий язык. Следовательно, устранение его было бы не изменением только орфографическим, но отчасти упразднением того или другого наречия. Перед нами, таким образом, не только графическое, но **лингвистическое, национальное и политическое преобразование**» (выделено мной. — Б.И.)^[221]. Принятие проекта общеславянской письменности на основании какого-либо одного языка означало бы признать, что все другие языки «неправильны» в этом отношении, утверждал Абель. Кроме того, даже общая звуковая форма, если ее восстановить на основании когда-то существовавшего в древности общеславянского языка, ничего бы не дала для предложенного проекта. За исключением «патриотов-ученых» такой бы проект не приняло бы большинство образованных классов, так как он очень сильно затруднили бы им чтение и письмо, а неграмотный народ просто-напросто не стал бы употреблять слова в новой для него звуковой оболочке, но несущие старый смысл. «Конечно, языки подвергаются насилию, — размышлял далее Абель. — Можно было бы запретить печатать на старом языке, в школах изучать только новый и стараться постепенно ввести его в жизнь». Но для этого должны быть определенные исторические условия, позволяющие один язык поставить над всеми другими славянскими языками, как к общему, но таких условий сейчас нет. (В 20-х годах XX века такие условия появятся. — Б.И.) Да и сама идея постепенной смены языка глубоко порочна, заявил автор. Намного проще ввести новый язык одним актом, потому что язык для человека — это целостный мир. Легче целиком заменить этот мир на новый, чем изменять его постепенно и частями. Людей легче «привести к перемене языка... чем это ныне полагают.

Устройте только, чтобы они на этом новом наречии ежедневно читали или слышали и в известной степени сами на нем говорили; иначе этот процесс, конечно, бесконечен. Нечто бессознательное, что лежит в языке и делает его частью нашего собственного Я, с органической силою действует в пользу старого наречия, пока только перевес на его стороне; раз переместился центр тяжести на другую сторону — та же самая естественная сила устремляет к новому»^[222]. Абель подразумевает здесь тот случай, когда ассимилируемые народы или эмигранты вынужденно усваивают господствующий язык и язык новой родины как целостные системы.

В конечном счете автор пришел к следующему выводу: для того, чтобы заставить все славянские народы говорить и писать на одном языке и алфавите, легче и правильнее силою навязать всем один из существующих языков и алфавитов, чем создавать искусственный, пусть даже синтетический литературный язык и общую письменность. Нетрудно догадаться, что в качестве таковых Абель предложил язык и алфавит русский. В таком случае все лингвистические проблемы снимаются, утверждал автор, но остаются проблемы национальные, а главное, проблемы политические.

В XIX веке каждая европейская империя была озабочена похожими проблемами. Но жили в том веке и такие чудаки, которые думали о будущем для всего человечества сразу, уходя мысленным взором за дальние исторические горизонты. У нас в России в одно время с самобытным лингвистом Н.Я. Марром размышлял о будущем языке и алфавите земного человечества и К.Э. Циолковский. В 1915 году родоначальник отечественной космонавтики опубликовал небольшую заметку, так и озаглавив ее — «Общий алфавит и язык»:

«Как важно людям понимать друг друга. По преданию, вначале люди имели один язык, но в наказание потеряли общий язык и заговорили на разных. Прекратилось общее согласие и деятельность, направленная к одной цели. На самом деле, может быть, и был общий, хотя и очень несложный язык, пока семья людская не была многочисленна и не расселилась по всему земному шару. Время, разделенность народов, благодаря расстояниям, естественным преградам в виде гор, морей, рек и т. п. — все более и более изменяло коренной язык каждого народа.

Изменения эти не шли в одном направлении, завися от окружающей природы, особенностей народа, устройства гортани и других причин. Прошли тысячи лет, и вот один народ перестал понимать другой. Кроме того, когда иноплеменники случайно встречались, то каждый считал другого немым.

Вражда народов основана не только на несогласии в наружности, уме, характере, обычаях, религиях, мерах, законах, но и, главным образом, на различии в языках, которое ставит надолго неодолимую преграду к сближению и взаимному пониманию. Можно сказать, что вражда народов больше всего зависит от розни, рожденной и растущей от незнания языков. Истина одна. Нам дает ее вселенная и мудрецы, земля и небо. Если бы она была доступна всем людям, то и не было бы такого большого различия во взглядах, обычаях, вере и т. д. Некоторые народы опережают в познании истины и другие. Незнание же языков мешает распространению завоеванной каким-либо народом истины. Но доступно ли каждому знать все языки? Не лучше ли каким-нибудь образом, незаметно, без больших усилий и жертв, ввести один общий язык для всех? Для этого, прежде всего, обратимся к алфавиту, или обозначению элементарных, или начальных, звуков человеческого языка посредством начертанных фигурок.

Главных элементов звука очень немного, хотя один и тот же элемент произносится не только разными народами, но и людьми одной семьи не совсем одинаково. Положим, этих звуков будет 30. Для обозначения их мы употребим для начала наиболее распространенный алфавит — латинский; но в нем недостает некоторых букв, означающих звуки, употребляющиеся в русском языке и у других народов; мы прибавим эти буквы. Наши собственные выгоды требуют, чтобы при выборе алфавита мы соблюдали следующие правила:

1. Один элементарный звук не должен обозначаться совокупностью нескольких букв, как это мы видим во многих языках.

2. Одна и та же буква во всех языках должна произноситься приблизительно одинаково.

3. Писать и печатать мы должны так, как говорим. Маленькие несогласия в произношении вызовут и разное начертание слов, но это придает только прелесть и интерес письменной или печатной речи. Художник слова нередко пишет буквально так, как говорят мужики,

дети и т. д., но разве это не придает особенную красоту и живость литературному произведению?

Чтобы приучить незаметно и без труда каждого читающего к новому алфавиту, нужно в распространенных для чтения книгах и газетах употреблять примесь этого алфавита к обыкновенному, то есть сначала употреблять примерно 10 % нового алфавита и 90 % старого. Процент нового алфавита понемногу увеличивать, а в конце концов ввести его весь, выбросив старый; молодежь всех сословий почти моментально привыкнет к новому алфавиту. Для пожилых и несогласных может употребляться исключительно старый алфавит.

Чтобы выбрать и утвердить общенародный алфавит, конечно, нужно согласие всех народных представителей. Но если мы, русские, даже без их согласия, обучим наш народ новому алфавиту, в котором почти все буквы будут латинскими, то и другие народы не только ничего не будут иметь против, но даже будут нам чрезмерно благодарны за то, что мы наш язык сделали им совершенно доступным хотя для грубого произношения. Может быть, они тогда добровольно переменят свой алфавит на другой, столь же им близкий и родной. Возможно, что и они так же, по нашему примеру, обучат свои народы общему алфавиту.

Когда мы приучим людей к новому алфавиту, то можем также приступить и к избранию и изучению общенародного языка. Изучение это должно быть таким же невольным, незаметным, не трудным, как и изучение алфавита. Взять искусственный язык, как эсперанто, имеющий, правда, наилучшие достоинства, несколько рискованно. Гораздо проще и надежнее употребить для общенародного языка какой-нибудь наиболее употребительный язык какой-либо высококультурной страны, например английский или французский. Изучив его, мы ни в коем случае ничего не потеряем. Если он и не сделается общенародным, то, во всяком случае, как очень употребительный и имеющий громадную литературу, он нам может очень пригодиться. Конечно, лучше всего выбрать общий язык на мировом конгрессе народных представителей. Но когда-то он соберется! Мы можем начать дело без него. Каждый народ может взяться за дело самостоятельно. Алфавит у нас общий уже есть; будем обозначать его буквами, например французские слова, и будем употреблять их во всех наиболее читаемых книгах и журналах — сперва в крайне незначительном

количестве. Сначала будем заменять иногда только слова, потом самые предложения. Далее, все в большем количестве; затем все более и более сложные фразы, все чаще и чаще, пока не вытесним окончательно свой язык и не приучимся к иностранному. Может также изредка рядом с русским словом ставить в скобках иностранное, рядом с русской фразой — французскую, но делать это понемногу, не заваливать память, а то испортим все дело.

Вот таким образом, незаметно, для самих себя, без трудов, без мук, без грамматики, без самомалейшего утомления, как младенцы, мы изучим новый язык и будем уже знать два языка: свой родной и иностранный, который на общественном конгрессе может сделаться общенародным.

Если же это исполнится, то все люди сделаются для вас действительными братьями, доступными, понятными. Старые и в особенности новые литературные и научные богатства всех стран сделаются для вас доступными. Вы обогатите ими свою душу, ум и облегчите труд. Они дадут вам нравственное и материальное благосостояние.

Мы не будем, конечно, произносить так чисто, как французы, наша речь возбудит в них смех, но будет достаточно понятна. Недостатки же нашего знания языка совсем не будут заметны в общенародной литературе.

Мертвая орфография ставит препоны к развитию и совершенствованию языка. Но живой язык все-таки совершенствуется и все более и более не согласуется с установленной неизменной орфографией. В результате: самый культурный народ имеет самую печальную орфографию»^[223].

Когда Циолковский писал эту статью, то он вряд ли предполагал, что через два-три года, а затем в течение почти двух десятилетий некоторая часть его предложений будет всерьез обсуждаться на самых высоких государственных и интеллектуальных уровнях. Проблема мирового языка и алфавита время от времени поднималась на всех континентах, в частности проблема внедрения искусственного языка эсперанто. Циолковский скептически высказался о будущем эсперанто. Надо отметить, что и Марр относился к нему отрицательно. Циолковский писал о тормозящей роли орфографии, Марр тоже постоянно об этом говорил. Но если Циолковский предполагал, что

единым языком человечества постепенно станет один из современных языков Европы, то Марр утверждал, что ни один из современных языков не способен стать общим языком будущего. То же он думал и о едином алфавите: ни одна из современных систем письменности не сможет стать общечеловеческой. При этом Марр исходил из анализа накопленного человечеством опыта. Он утверждал, что тенденции к использованию какого-либо одного языка в качестве средства общения между народами можно проследить с глубокой древности. Таким языком для всего древнего Дальневосточного региона служил китайский язык, для древней Центральной Азии стали языки шумерский и эламский. Еще более широкое распространение получил арамейский язык, ставший международным для многочисленных народов Месопотамии, Сирии, Палестины и др. Со временем на большей части Афроевразии получили распространение в качестве языков международного общения арабский и латинский. Так что идея о едином языке далеко не нова. Больше того, заявил Марр, «она абсолютно неевропейская выдумка. Если не больше, то ей столько же веков и тысячелетий, сколько по исчислению отводится времени существованию древнейших письменных языков. Каждая письменная речь выводила человечество из его социальной замкнутости, выносила с его производством материальным и общественным также мышление из ущелья в ущелье, с долины на долину племенного его расселения, открывала и расширяла возможности общения своего мира с чужим, служа предпосылкой общения всего мира»^[224]. Но ни один из них не стал всеобщим и неизменно заменялся на другой. (А мы продолжим: как не стал таковым французский или получивший ныне широчайшее распространение английский язык.) Марр утверждал, что будущий мировой язык будет представлять собой особенное явление.

* * *

После Октябрьской революции 1917 года надежды на скорую мировую социалистическую революцию поставили в практическую плоскость разработку единого если не языка, то алфавита как ощутимого прорыва в этом направлении. Известно, что большевики-ленинцы рассматривали Россию в качестве практической модели

будущего мирового социалистического устройства. Но Россия была особым и малоисследованным регионом, в котором проживало несколько сотен народов и народностей. Сколько их было на самом деле, к какой группе и даже к какой расе они принадлежали, не знал никто. Более или менее была известна конфессиональная принадлежность в массе безымянных народов, а также системы письменности наиболее развитых и древних племен, вошедших в состав России. Значительная часть населения на юге европейской и азиатской частей империи, ее сибирских и северных губерний вообще никогда не имела своей письменности. Так сошлись прагматические задачи идентификации возможно большего числа российских наций, а в ряде случаев задачи их искусственного формирования из массы аморфных, но родственных племен, задачи конструирования для них новых алфавитов — с идеями подготовки почвы для будущей общемировой социалистической республики. Ведь и Циолковский писал, что если мы возьмем на себя задачу перевести русскую Россию на латиницу, то очень скоро и другие народы последуют за нами. Гении часто бывают наивными.

Таким образом, появлялось обширное поле деятельности для национального и языкового строительства. Сталина как народного комиссара по делам национальностей не могли не интересовать проблемы языков, письменности и национальных образований на территории республики. Другое дело, он всерьез интересовался этим только в тех случаях, когда на повестке дня стояли вопросы организации СССР как системы вновь создаваемых национальных республик, областей и округов, то есть как национально окрашенных управленческих единиц. Кроме того, главного идеолога страны — Генерального секретаря ЦК ВКП(б) — не могла не интересовать одна из основных идей культурной революции: задача полной ликвидации неграмотности в СССР, для чего была необходима простая, но универсальная система письменности. И если часть романтически настроенных политических деятелей и ученых была воодушевлена идеями переустройства всего земного шара, то Сталин, на первых порах продолжая большевистскую традицию, поддерживал их, но в середине 30-х годов сделал осторожный, однако решительный поворот в сторону великодержавия и национального социализма.

Как и Циолковский, первые советские реформаторы решили, что мировой язык со временем сформируется сам собой, вслед за реформой алфавита и вслед за его унификацией. Откуда появилась такая уверенность, неясно, но, возможно, они исходили из истории с латинским алфавитом в средневековой Европе. Почти повсеместно латинский язык и латинский алфавит способствовали формированию не только романских, но и германских и других европейских наречий. Поскольку в наиболее развитых капиталистических европейских странах и в США ожидалась социалистическая революция, а в капиталистическом и колониальном мире наиболее распространенным был латинский алфавит, то и в СССР он был взят за основу. Сразу, одним махом, перевести все народы советской России на латинский алфавит было затруднительно, так как это грозило не только политическими осложнениями, но и ставило под угрозу управляемость страной.

В 1919 году началась так называемое движение за создание «нового алфавита» для тюркоязычных народов. Этот алфавит был разработан и унифицирован на основе латинской графики с дополнительно изобретенными буквами. Самым интересным было то, что новый латинизированный алфавит стали усиленно навязывать народам, уже имевшим алфавиты, но на арабской, а затем и народам, писавшим на старомонгольской графике. Утверждалось, что арабская графика очень сложна и мало приспособлена к тюркским языкам, что затрудняет ликвидацию неграмотности и способствует влиянию реакционного мусульманского духовенства. Центром, из которого «новый алфавит» должен был распространяться на всю страну, был избран мусульманский Азербайджан и его столица Баку. Еще в середине XIX века в Азербайджане местными подвижниками делались попытки внедрить латинский алфавит. В свою очередь, русские колониальные деятели и миссионеры пытались разработать новые алфавиты для некоторых народов Кавказа на кириллической основе. Тогда ни та ни другая попытка не дали конкретных результатов, но выбор Баку в качестве центра реформы был не случаен. Не случайно и Марр многие свои новационные доклады прочитал в этом городе, не случайно и то, что именно там он издал свой единственный обобщающий труд, названный «Бакинским курсом». В 1926 году в столице Азербайджана был созван 1-й Всесоюзный тюркологический

съезд, посвященный вопросам латинизации. На нем был избран так называемый общественный центр — комитет нового тюркского алфавита. После того как задачи центра были расширены, в 1930 году он был переименован в Государственный всесоюзный центр — комитет нового алфавита при Совете национальностей ВЦИК СССР (ВЦКНА). С самого начала в работе центра формально принимал участие Марр и многие примкнувшие к нему лингвисты, но работали там и его откровенные научные противники. Центральную научную позицию в комитете занимал выдающийся лингвист-кавказовед Н.Ф. Яковлев, близкий по своим воззрениям к марризму, однако имевший свой взгляд на будущее российских алфавитов. Латинизированный «новый алфавит» вводился постепенно и всегда специальными правительственными постановлениями, а это значит, что внедрялся он с ведома и одобрения вождя. До 1936 года двадцать народов СССР, ранее имевших арабскую или иную письменность, перешли на латинскую графику, а пятьдесят народов и народностей впервые получили свои алфавиты на той же основе. В те же годы в Турции, возглавляемой реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком, проводившим политику сближения с западноевропейской цивилизацией и находившимся под сильнейшим воздействием советских социальных реформ, также был введен латинизированный алфавит вместо арабской графики. Под давлением советского правительства латинизированный алфавит был введен в Монголии и тогда формально независимой Туве.

1930 год стал поворотным в области латинизации народов СССР. Внешним поводом послужила статья А.В. Луначарского «Латинизация русской письменности», опубликованная в «Красной газете» в январе того же года^[225]. Незадолго до этой публикации Луначарский был смещен с поста наркома по делам просвещения РСФСР. Мотивы, заставившие выступить соратника Ленина, а теперь полуопального бывшего наркома с идеей латинизации русской письменности только в 1930 году, не совсем ясны. В сталинской внутренней политике все ошутимее проявлялась тенденция отказа от идей мировой революции. Все чаще раздавались голоса, требовавшие тотальной замены введенной ранее латиницы на кириллицу. И именно в это время Луначарский, к которому Сталин относился с откровенным пренебрежением, выступает со статьей «Латинизация русской письменности», в которой высказывает радикальные идеи. Скорее

всего, это было начало давно запланированной акции, которую новое руководство Наркомпроса упустило из виду.

Отметим, что некоторые восточные народы имели давнюю письменную традицию на арабской основе. Луначарский разъяснял: «И тем не менее мусульманские народности Востока, исторически усвоившие арабский шрифт, немало страдали от этого обстоятельства. Шрифт древнеарабской литературы приспособился к соответственным условиям культуры и, с трудом могущий отразить новую культуру, очень трудно усвояемую и отделяющую народы Востока от европейской культуры, шрифт этот, конечно, был вспомогательным средством для задержки всякого прогресса и пользовался при этом поддержкой всех реакционных классов и в особенности духовенства. Наркомпрос РСФСР, встретившись с проблемой латинизации письменности всех этих народов, шел вперед с чрезвычайной осмотрительностью. Он прекрасно понимал, как легко могут быть использованы против Советской власти эти новшества, которым старались придать характер желания отторгнуть массы от их собственной культуры и от их веры. Сторонники старины всячески внушали массам, что в латинизации сказывается высокомерное отношение западных людей к Востоку с его своеобразной и „бесценной“, непонятной для „гяуров“, культурой. Значительным облегчением в этом деле было присоединение к этой реформе турецкого правительства, которое с большой энергией начало проводить у себя параллельную латинизацию. Это сразу отбило возможность для всяких пантюркистов играть политическую игру на фоне якобы верности старой культуре, чисто мусульманской и турецкой, и объяснять латинизацию шрифтов „гонением“ на эту старую культуру со стороны большевиков.

Но и помимо помощи, которая была оказана таким образом нам турецким правительством, дело латинизации шло быстрым шагом, так как само население легко замечало огромные выгоды, отсюда проистекавшие. Письменность крайне упрощалась, и, приобретая ее для своего родного языка, каждый гражданин из восточных республик и наций уже тем самым перебрасывал довольно прочный мост к усвоению общего алфавита, на котором пишут огромное большинство культурных народов. При моих разговорах с представителем Японии о состоянии у них этой реформы я убедился, что там значительного

количества сторонников латинизации нет. Трудный, берущий свое начало в еще более трудной китайской грамоте, алфавит японцев остается для них признаком их оригинальности, и, кроме того, на нем имеется огромное количество уже изданных книг и больших библиотек — поэтому массовый переход на латинский шрифт означал бы, по мнению образованного японца, с которым я говорил, большой экономический разрыв. „Некоторым, — говорил он, — пришлось бы учить детей обоим алфавитам для того, чтобы не ограничивать их употреблением только книг нового издания, которых в первые годы по необходимости будет недостаточно“.

По отношению к нашим восточным народам это было не так. Никаких больших книгохранилищ у них не было, да и, попросту сказать, та литература, которая имеется на арабском языке, при всей своей исторической ценности, большой ценности практической не представляет, и народам этим все равно приходится развивать новое издательство не только потому, что надо создавать много книг на новом алфавите, но и потому, что надо создать побольше книг нового содержания. Недавняя выставка латинского алфавита восточных народов, имевшая место в залах Коммунистической Академии, показала, какие большие успехи в этом отношении достигнуты. И для нас, „инородцев“ по отношению к мусульманским народам, возникло большое облегчение к изучению их языков.

Лермонтов как-то сказал, что тюркский язык является ключом для всего Ближнего Востока. Это положение остается в силе и теперь. Изучить тюркский язык через арабский шрифт было непомерно трудно, изучить же по нынешнему шрифту вовсе не трудно. А между тем каждый гражданин СССР, желающий быть по-настоящему образованным, должен, по моему мнению, изучить тюркский язык, так как на нем говорят десятки миллионов наших граждан, десятки миллионов людей, находящихся за границей нашего Союза, если принять во внимание, что отдельные языки — татарский, турецкий, узбекский и т. д. — представляют собой только не очень отличный вариант общего языка. В связи со всем этим возникает вопрос и о латинизации нашего русского шрифта. Припомним, прежде всего, как произошла и та довольно солидная реформа письменности, которая была проведена непосредственно после Октябрьской Революции и которая возбуждает до сих пор скрежет зубовный у эмигрантов.

Потребность или сознание необходимости облегчить нелепый, отягченный всякими историческими пережитками, дореволюционный алфавит возникала у всех мало-мальски культурных людей. В Академии Наук шла подготовительная работа. Кадетский министр Мануйлов, опираясь на работу комиссии академика Шахматова, уже подготовил введение нового алфавита именно этого типа, который был на самом деле введен Советским Правительством.

Советское Правительство прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, „февральское“, а не октябрьское. Я, конечно, самым внимательным образом советовался с Владимиром Ильичем Лениным перед тем, как ввести этот алфавит и это правописание. Вот что по этому поводу сказал мне Ленин. Я стараюсь передать его слова возможно точнее.

„Если мы сейчас не введем необходимой реформы — это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины. Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский, который ведь непременно нужно будет приспособить к нашему, то мы можем наделать ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т. д. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно. Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения календаря. Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее. А в будущем можно заняться, собрав для этого авторитетные силы, и разработкой вопросов латинизации. В более спокойное время, когда мы окрепнем, все это представит собой незначительные трудности“.

Такова была инструкция, которая дана была нам вождем. После этого мы немедленно законодательным путем ввели новый алфавит. Увы, оказалось, не так-то легко осуществить его в жизни. На декрет, можно сказать, никто даже ухом не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту.

Я помню, как после выхода в свет номера „Правды“, напечатанной по новой орфографии, один доктор прибежал ко мне и заявил: „Рабочие

не хотят читать „Правды“ в этом виде, все смеются и возмущаются“. Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографии людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им: „Появление каких бы то ни было текстов, напечатанных по старой орфографии, будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы“.

Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому, к моему и многих других изумлению, с этого дня — в Петербурге, по крайней мере, — не выходило больше ничего по старой орфографии. Все знают, какое большое облегчение принесла с собой эта реформа, насколько новая орфография проще и изящнее в знаках письма, как много лишних детских слез было пролито из-за нелепых трудностей, которые выброшены за борт.

У всех передовых граждан, то есть у большинства коммунистов (потому, что и среди коммунистов имеются люди, не понимающие всей серьезности этих, как они думают, „пустяков“) и среди части беспартийных, которые подобными вопросами как раз интересуются, реформа оставила чувство глубокой неудовлетворенности. В течение всего времени, когда я руководил Наркомпросом РСФСР, мы получали множество предложений о дальнейшем облегчении правописания, немало также предложений о введении латинского алфавита.

Огромный толчок идея латинизации русского алфавита (конечно, и Украины и Белоруссии) получила именно от успехов латинизации письма народов, употреблявших арабский шрифт. Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами пробужденного. В настоящее время в Главнауке работает большая комиссия, занимающаяся вопросом предварительного упрощения и упорядочения орфографии, уточнения пунктуации, а затем существует и особая комиссия с участием профессоров Жиркова, Коринского, Щелкунова и Яковлева, которым поручено формулировать принципы, подлежащие учету при

установлении нового алфавита... проект кажется мне очень удовлетворительным.

Само собой разумеется, что введение латинского алфавита есть очень большая мера. Японское возражение становится здесь уместным. Для того чтобы могли пользоваться огромным количеством книг, написанных по дореволюционной орфографии, вовсе не нужно специально учиться. Каждый школьник может буквально в один день усвоить все особенности старого алфавита и преспокойно читать книги, которые еще не переизданы по новой орфографии. Совсем не то будет с переходом на латинский шрифт. Он настолько отличается и от современной и от дореволюционной письменности, что если дети в школах или неграмотные на ликпунктах будут обучены латинскому шрифту, то на первое время перед ними откроется только небольшое количество книг, изданных начиная с того года, когда латинский шрифт будет декретирован. Все остальное для них будет за семью замками. Это, очевидно, приведет к необходимости параллельно обоих алфавитов в течение довольно долгого времени.

Постепенно книги, написанные русским алфавитом, станут предметом истории. Будет, конечно, всегда полезно изучить русский шрифт для того, чтобы иметь к ним доступ. Это уже будет польза ощутительная для тех, кто будет заниматься историей литературы, но для нового поколения это будет, во всяком случае, все менее необходимым. Процесс поглощения старого массива наших книг новосозданными книгами будет, без сомнения, довольно медленным. Я, однако, не разделяю опасений японцев в этом отношении. Примером может служить Германия. Там шрифт готический и шрифт латинский существуют параллельно. Никто не считает особой трудностью то обстоятельство, что немецкий школьник естественнейшим образом изучает оба шрифта. Мыслимо ли представить себе немца, который умеет прочесть Шиллера, если он написан латинским шрифтом, и не умеет, если готическим. Между тем разница начертаний между готическим и латинским алфавитами несколько не меньше, чем между нынешним русским алфавитом и предполагаемым русско-латинским. Зато выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком; он особенно сильно облегчает обучение грамоте, сокращая количество букв, он дает

большую убористость типографским знакам, как говорят, почти на 20 %, что представляет собой огромную экономию.

Нельзя не сказать несколько слов о хозяйственных условиях введения латинского шрифта. Пока комиссия Наркомпроса не разработала этой довольно сложной проблемы, но любопытна уже наметка такой разработки. Действительно, введение нового шрифта предполагает переоборудование полиграфической промышленности. Уже это предполагает значительный расход. К нему нужно прибавить расходы на переобучение населения грамоте, включая подготовку соответственных кадров. Затем необходимо будет сейчас же переиздание на латинском шрифте книг, в особенности наиболее жизненно необходимых. С другой стороны, начнет сказываться экономия на бумаге и на наборе.

Таковы перспективы реформы с хозяйственной точки зрения. При многочисленности населения, употребляющего русский шрифт и чрезвычайно близкий к нему украинский, белорусский и некоторые другие, надо считаться с тем, что реформа эта грандиозна, и подходить к ней нужно поэтому с большой осмотрительностью. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет. Наркомпросу РСФСР, в частности, Главнауке мы должны сказать спасибо за поднятую ими работу. По всей вероятности, однако, вскоре наступит время, когда надо будет перенести эту работу в какое-нибудь всесоюзное учреждение для того, чтобы реформа прошла не как республиканская, а как общая».

В статье Луначарский допустил несколько неточностей. Нет готического алфавита, отличного от латинского, а есть готическое начертание латинских букв. Но в целом Луначарский довольно точно передал содержание давно задуманной реформы и мнение Ленина о необходимости перехода всех народов России, включая русский, на латиницу. Действительно, еще в 1919 году Научный отдел Наркомпроса выдвинул идею всеобщей латинизации, что, по его мнению, являлось логическим шагом после реформы календаря и введения метрической меры, а главное, завершило бы реформу алфавита, начатую еще Петром I. Против этой затеи выступили многие деятели культуры, в том числе Общество любителей российской словесности. Оно создало свою комиссию, которая в декабре 1919 года выпустила заявление: «Введя новый, однообразный для всех народностей шрифт, нельзя думать о

сближении и объединении всех народностей, что возможно лишь на почве живого языка, являющегося органическим выражением всего векового культурного пути, пройденного каждым отдельным народом... Сторонники реформы, стоя на международной точке зрения, настаивают на введении европейского шрифта не только для бесписьменных народностей России, но и для русского... Введение латиницы не только не облегчит, а скорее затруднит иностранцам изучение русского языка». Так что вопрос о замене кириллицы на латинский шрифт действительно обсуждался еще при жизни Ленина.

В своей статье Луначарский изложил результаты деятельности новой комиссии Наркомпроса, которая с 1929 года разрабатывала проекты реформы русской письменности на основе латинской графики. Но если в 1919 году Ленин считал такую реформу желательной, но преждевременной, то в 1930 году Сталин отнесся к ней совершенно иначе. Сменились вожди, а с ними изменились и времена. Сталин решительно выступил против перевода русской письменности на латинскую графику, но не потому, что такое решение подрывало корни русской культуры, а потому, что он в это время был радикальнее любого самого «левого» оппозиционера, радикальнее Ленина, Троцкого и др. В конце 20-х — начале 30-х годов, после разгрома группы Бухарина, Сталин действовал на крайне левом фланге большевизма. Именно в это время он репрессивными методами проводил «социалистические преобразования»: коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию. Тогда он был убежден, что одним решительным рывком загонит скопом все народы СССР в «социализм». На какое-то время в русле этой горячечной политики оказалась и проблема письменности будущего общества.

В Архиве Президента РФ лежит несколько любопытных документов, показывающих реакцию Сталина на статью Луначарского. Прочитав статью, Сталин позвонил новому главе Наркомпроса А. Бубнову и потребовал от него объяснений. Через несколько дней Сталину была представлена справка:

«Секретно
16 января 1930 г.
г. Москва
№ НКП 69/М
В ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Согласно телефонному разговору представляю Вам справку Зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации.

А. Бубнов.

СПРАВКА

О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита.

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т. п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучения проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая промышленность, представители которой дали предварительные подсчеты возможной экономии. Один переход с „и“ на „і“ („и“ с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 мил. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный „Домом печати“, свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым *комиссионным путем* прорабатывать эту проблему. В настоящий момент *предварительная проработка* закончена и весь материал с отзывами как представителей общественности, так и ученых-специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании Коллегии Наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита неосновательны.

Вопрос, поднятый общественностью, лишь прорабатывается в органах Наркомпроса, и было бы плохо,

если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал Наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.

И. Луппол».^[226]

Ключевые слова подчеркнуты в справке, скорее всего, самим Сталиным или его секретарем, готовившим вопрос. Из этой записки становится ясным, что выступление Луначарского было заранее спланировано и оно должно было открыть давно готовившуюся кампанию в печати за перевод русской письменности на латиницу. Но что-то изменилось. Вскоре из Политбюро ЦК пришло решение:

«О латинизации.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Всесоюзная
Коммунистическая Партия (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П115/26-С

26.01.1930 г.

Тт. Курцу, Лупполу

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК
от 25.01.1930 г.

26. — О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о
латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК Сталин»^[227].

На том же заседании Политбюро, но одним пунктом ранее рассматривался вопрос «О языке сношений государственных учреждений Союза СССР и предприятий общесоюзного значения». Для того чтобы не вносить хаос в систему управления огромной страной, таким языком и письменностью были названы русский язык и кириллица. О правах других языков и систем письменности там ничего не говорилось.

Тридцатого числа того же года комиссия по латинизации русской письменности была распущена, но латинизация письменности других народов СССР продолжалась своим чередом. В это же время Сталин через своего секретаря Б.М. Таля обратился к Марру с рядом вопросов.

О них можно судить по черновой копии записки, подготовленной Марром в качестве ответа. Возможно, вопросы к Марру были связаны с его давней идеей и докладом «На путях к интернационализации (языка)»^[228], где проблема о будущем характере общемировой письменности рассматривалась с новых позиций. В начале того же 1930 года Марр ответил на запрос Таля:

«О латинизации алфавита. Записка в ЦК ВКП(б).

Уважаемый товарищ Таль.

Немедленно по получении Вашего письма мною были приняты меры к выяснению возможностей и сил яфетического Института для намеченной работы по латинизации алфавита. Записка была готова, как я сообщил Вам в телефонной беседе (в Москве), но вынужден был задержать из-за наметившейся возможности организовать это дело на более широком использовании специалистов Академии наук СССР, работающих вне Яфетического Института.

При работе над производственным планом Академии наук выяснилось, что специалисты Института Востоковедения, в том числе и академики, уже работают над латинизацией письма по азиатским языкам и зарубежным. В то же время я надеялся поспеть с выпуском моей новой работы „Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык“ (доклад, читанный еще летом в Глазове), где достижения нового учения об языке еще раз побуждают трактовку вопроса о латинизации признать делом не формальным, а идеологическим. Так как выпуск работы задержался, я делаю выписку касательно письма и предпосылаю ее к готовой давно записке о том, что практически изготавит по тому вопросу Яфетический Институт (см. прил.).

В процессе давно начатых по вопросу работ пришлось принять во внимание, что и на латинице нельзя безоговорочно строить интернационального алфавита, так как латинские буквы в разных языках имеют различное значение, например: J — по-французски „ж“, по-английски „дж“, по-немецки „и“ и т. д. Букв латинского алфавита не хватает для обозначения всех звуков в громадном числе языков. Между тем алфавит, претендующий на интернациональность, должен быть построен так, чтобы каждая буква получила определенное значение независимо от того, как она произносится в каком-либо, хотя бы и мирового значения, языке (речь, конечно, о тех буквах, которые имеют в

различных языках совершенно отличное значение). Кроме того, чтобы алфавит был приложим к любому языку, необходимо, чтобы он был аналитичен, то есть обладал бы способностью, оставаясь на одной и той же базе, бесконечно расширяться (выделено мной. — Б.И.). Таким алфавитом, или, вернее, транскрипцией, является яфетидологический аналитический алфавит, принципы которого положены в „Абхазском аналитическом алфавите“ (Лнгр. 1926, изд. Восточного Института им. А.С. Енукидзе).

При всех возникающих затруднениях в вопросах выработки общего алфавита представляется необходимым предварительно подготовить общественность к правильной установке предстоящего грандиозного предприятия.

В этих целях Яфетический Институт имеет в виду следующие работы:

1. В текущем 1930 г. Яфетическим Институтом была проведена работа по критическому разбору тюркологического абхазского алфавита, с точки зрения пригодности его для практического использования. Одновременно был затронут и вопрос о научности и практической пригодности вообще тюркского латинизированного алфавита. Окончательная сводка работы может быть закончена к 1.1.1931 г.

2. Яфетическим Институтом прорабатывался проект реформы русского алфавита на системе русской же графики. Но для того, чтобы сделать русский алфавит более доступным национальностям СССР, даже оставаясь на почве кириллицы, необходимо в нем провести существенную реформу, делая его действительно соответствующим звуковому составу русского языка. Требуется учесть особый характер звуков русской речи, дающих неправильное представление о том, будто звуки русского языка состоят из твердых согласных и твердых и мягких согласных [\[15\]](#).

Яфетическим Институтом прорабатывался также и вопрос о яфетидологической транскрипции и ее применении к русскому языку. Разобран проект алфавита Главнауки. Работа может быть закончена к концу ноября 1930 года.

Кроме того, Институтом намечены к доработке:

1. Перевод на яфетидологическую транскрипцию языков народов СССР.

2. Приспособление ее же для практического употребления, а именно выработка транскрипции, удовлетворяющей требованиям нового (материалистического) учения о языке и алфавита общего пользования, составленного на основе яфетидологической транскрипции.

Из указанных заданий берутся в первую очередь:

Яфетидологическая транскрипция восточнофинских языков (акад. Марр при участии аспирантов / к декабрю 1930 г.

Яфетидологическая транскрипция тюркских языков / аспирант А.К. Боровков / к январю 1931 г.

Яфетидологическая транскрипция сев. — кавказских языков / сотрудники Института В.И. Абаев, К.Д. Дондуа, С.Л. Быховская / к маю 1931 г.

" чувашского / аспирант Н.Я. Золотов / к ноябрю 1930 г.

" осетинского / сотр. Института В.М. Абаев / к концу октября 1930 г.

" палеозийских / т. Улитин.

" китайского / аспирант Института народов Советского Востока т. Врубель.

Кроме того, намечено составление библиографии по вопросу письменности. По этому заданию может быть к марту 1931 г. собрана библиография по языкам чувашскому и восточнофинским.

Директор ЯИ, академик

" ноября 1930 г.»^[229]

Таким образом, Марр, не отвергая прямо идею латинизации, предложил радикально новое решение: внедрить так называемый аналитический алфавит в качестве общей системы письменности для всех народов мира. Публично эту идею он стал пропагандировать много раньше. А в 1926 году в Яфетическом институте Марр создал группу для установления «теоретических норм будущего общечеловеческого языка»^[230]. Марр мыслил масштабами вселенских преобразований.

Из проекта записки на имя Таля видно также, что Марр к 1930 году был очень близок к главному источнику государственной власти, к Сталину. Но есть доказательства и более тесного и разнообразного сотрудничества нового вождя и старого ученого.

Любимый сталинский академик «на посту бойца научно-культурного фронта»

Летом 1930 года Марр выступил от лица советских ученых на XVI съезде партии. Ему оказали большую честь. Это был знак особого доверия власти и лично Сталина. В большом докладе вождь затронул тему национального строительства, развития национальных культур и языков. Хорошо отрежиссированный съезд громил «правых»: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, а в промежутках между погромными и покаянными речами съезд приветствовали известные и не очень известные представители рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции. Все заканчивали свои гладко обкатанные приветствия здравицами в честь партии, рабочего класса (своего и международного), Коммунистического Интернационала и, конечно, в честь Сталина.

Когда вышел Марр с трибуны партийного съезда, опять зазвучали странные фразы. Даже здесь великий эгоист умудрился говорить главным образом о себе: «Рапортуящему от общественной организации боевого стана советской науки разрешите начать со слова в пояснение того, что рапортует не партиец, а беспартийный, по диалектико-материалистическому научному своему мировоззрению, зачато в котле национально-общественных противоречий Кавказа и самостоятельно выработанному им на конкретном материале живой речи и живого мышления... отсталых... национальностей... разделяет целиком и без какого-либо качественного ограничения марксистское революционное мировоззрение, эту динамическую научную теорию руководящей партии... С первых же октябрьских дней я стал по мере своих сил плечом к плечу с товарищами коммунистами и вместе с беспартийными созвучного закала помогал делу беспримерного по размаху революционного научно-культурного строительства... Осознав фикцию аполитичности и естественно отбросив ее, в переживаемый момент обострившейся классовой борьбы я твердо стою, в меру своих, омоложенных революционным творчеством, сил, на своем посту бойца научно-культурного фронта — за четкую генеральную линию пролетарской научной теории и за генеральную линию коммунистической партии»^[231]. Затем Марр прочитал приветствие от

имени главы ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР) и ни разу не упомянул имени Сталина. Отмечаю это специально, так как некоторые (в том числе Алпатов) до сих пор пишут о том, что Марр на съезде произнес подхалимскую речь на русском и грузинском языках и особенно славословил вождя. В архиве Марра сохранилось пять машинописных вариантов этой речи с его рукописными поправками, которые мало чем отличаются от той, что он произнес на съезде^[232]. Обратим также внимание на то, что Марр в присутствии Сталина, а значит, с его одобрения (без предварительного просмотра текстов тогда доклады не делались) заявил о своем научном приоритете в разработке языкознания, которое оказалось «марксистским». Тогда Сталин с легкостью признал его приоритет в этом деле. В 1950 году Сталин заявит, что Марр никогда марксистом не был, и сам опубликует работу на ту же тему.

И хотя Марр не упомянул лично Сталина, ему-то как раз было за что благодарить новую власть. В том же выступлении на XVI съезде партии Марр туманно объяснил причину своей благодарности: «В условиях полной свободы, которую дает науке Советская власть, помогающая самым смелым, самым дерзким научным исканиям в области подлинного материалистического миропознания, я старался развивать и продолжаю, уже с новыми кадрами научных работников — коммунистов и стойких беспартийных соратников, развивать теоретическое учение об языке, в области которого я веду свою научную работу»^[233]. А всего лишь на полтора-два года раньше, в 1928 году, Марр, отчаявшись добиться от коллег признания своей обновленной яфетической теории, опубликовал нечто вроде научного завещания. Называлось оно: «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». Цитируя давние и новые работы, выступая в качестве своего собственного историографа, Марр почти по-детски восклицал: «А есть такое учение? Есть. Это учение так называемая яфетическая теория, которая никем не признается в „серьезных научных кругах“, и у меня даже возникло если не сомнение, то вопрошание, стоит ли продолжать лекции, восстанавливать курс в Ленинграде, Москве и где бы то ни было после бесплодной своей многолетней по основному делу деятельности и тем более заниматься непристойным делом пропаганды учения, ни для кого из лингвистов не приемлемого»^[234]. Именно тогда

он воскликнул, имея в виду себя: «Картина рыцарских времен с одним воином на ристалище!»

На самом же деле научный мир того времени достаточно взвешенно и беззлобно относился к его трудам. Чаще его упрекали в небрежности стиля и запутанности аргументации. Даже его искренние последователи и друзья уговаривали хотя бы раз кратко изложить свою теорию удобоваримым языком. Марра эти предложения приводили в бешенство, так как он считал, что дело тут не в форме, а в сознательном неприятии его научной идеологии. Однажды он в сердцах произнес: «Почему же трудно усвоить? Потому ли, что у меня длинные фразы в русских работах? Не верьте, товарищи. Во французских статьях моих — фразы короткие. В немецких безукоризненных, — скажу: блестящих, — переводах не чувствуется никакой трудности стиля. Наконец, пробовал их уменьшить, вот, например, сегодня. Поможет ли? Раньше не помогало. В чем дело?»^[235] Таковыми были почти детские по интонации «вопрошания», между прочим, вице-президента советской Академии наук, на какую-то должность он был назначен незадолго до XVI съезда партии. А такие должности в российском государстве всегда были номенклатурными. И все же по-русски Марр мог писать только так, как писал. Но он прав — дело было не только в трудностях стиля.

Еще в 1929 году Я.В. Лоя, бывший латышский стрелок, а впоследствии известный лингвист и педагог, начинавший свою деятельность под покровительством Марра^[236], а затем ставший его научным противником, так отметил положительные и отрицательные стороны марризма.

Положительные:

- «1) разработка вопросов семантики;
- 2) общая материалистическая направленность и
- 3) увязывание вопросов языка с фактами истории культуры.

Но яфетидология имеет и свои теневые стороны:

1. Игра с алхимическими четырьмя элементами (сал, бер, йон, рош);
2. Вульгаризация марксистского метода, когда в каждом предложении склоняется по всем падежам слово „класс“ и т. д.;
3. Авторитарное преклонение учеников перед учителем, вследствие чего совершенно теряется столь необходимый для науки

критический подход;

4. Ограничение научного кругозора почти исключительно вопросами происхождения, доистории, палеонтологии речи;

5. Самовлюбленность, доходящая порой уже до нападок на языковедов-марксистов, не желающих „изменять“ или „дополнять“ марксизм марризмом»^[237].

Характеристика вполне исчерпывающая и во многом, но не во всем справедливая. Этой работы в нынешней библиотеке Сталина нет. Но оттиск другой статьи Лоя я там обнаружил. В январе 1929 года молодой лингвист преподнес вождю с дарственной надписью свою большую обзорную статью «Против субъективного идеализма в языкознании»^[238]. В ней критиковался с «марксистских» позиций ученик выдающегося русского лингвиста Бодуэна де Куртенэ, будущий академик Л.В. Щерба, тот самый, кто написал работу о первичных диффузных звуках. Помет на оттиске нет, и теперь трудно сказать, познакомился ли Сталин со статьей и если да, то когда это произошло. Но с ранее упомянутой работой Лоя он, без сомнения, был знаком, так как все перечисленные пункты этой брошюры, характеризующие Марра, вошли в тот же «эпохальный» сталинский труд 1950 года «Относительно марксизма в языкознании».

Сталин еще в начале 30-х годов был знаком с некоторыми идеями Марра и знал о той критике, которой подвергается яфетическое учение как «справа», так и «слева», но все сделал для того, чтобы оно стало единственно «марксистским». В феврале 1929 года в Коммунистической академии прошла так называемая «поливановская» (по имени лингвиста Е.Д. Поливанова) первая лингвистическая дискуссия, а затем в октябре — декабре 1930 года вторая дискуссия в той же академии, организованная «языкофронтом». Сами по себе обе эти дискуссии были знаками того, что в высших эшелонах власти не было полного единодушия по отношению к учению Марра как к единственно марксистскому. Различные кланы пока еще «поставляли» власти тех, кто в принципе мог бы официально представлять «марксистское» направление в области истории и теории языка и мышления. Сходные процессы шли и в других областях науки и культуры. Марра, скорее всего, поддерживала линия: Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, М.В. Фриче, а также часть старых

академиков. Возможно, не все из перечисленных все еще очень влиятельных в то время людей искреннее сочувствовали Марру.

Поливанов был вызван в Москву 1926 году из Средней Азии тогдашним руководителем РАНИОНа (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) академиком Фриче. Через два с небольшим года, в 1929 году, в Комкадемии, руководимой Покровским, с которым, как мы видели, Марр был очень дружен, Поливанов выступил с разгромным и тщательно аргументированным докладом по поводу «нового учения». Без всякого сомнения, это была заранее подготовленная акция. Самым интересным было то, что Поливанов своим выступлением фактически попытался перехватить у Марра главенство в «марксистском» языкознании. Но, в отличие от Марра, он не стал огульно отрицать все предыдущие достижения «буржуазной» компаративистики, а, напротив, рассматривал ее достижения как плодотворный подготовительный этап к лингвистике «марксистской». Конечно же, он отрицал четырехэлементный анализ и большинство заливчатских формулировок и характеристик Марра. Но если смотреть из сегодняшнего дня, то без труда обнаруживается, — в главном взгляды Поливанова и Марра не противоречили друг другу, а, напротив, имели много общего. Так же как Марр, Поливанов говорил о рождении речи в результате социальной коммуникации, которая необходима «для связанного кооперативными потребностями коллектива»^[239]. Как и Марр, он рассматривал речь в качестве одного из «видов трудовой деятельности»^[240]. Применяя более корректную терминологию, Поливанов говорил не о «схождении» и «расхождении» языков, а о процессах «гибридизации» и «метисизации» языков, «типичных для эпох товарного хозяйства», что, по сути, одно и то же^[241]. Признавая заслуги компаративистики, он также говорил о том, что она оставила за бортом социолингвистические проблемы. Более осторожно, но и он говорил о необходимости изучения семантических сдвигов, происходящих в революционные эпохи^[242]. Короче говоря, Поливанов трезво и обстоятельно попытался навести мосты между европейской наукой и наукой советской. Свое кредо он выразил так: «Работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронного шествия над гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны

лингвистикой как естественно-исторической дисциплиной»^[243]. Но именно это и не получило официальной поддержки. Организованным большинством выступавших (включая Фриче) идеи Поливанова были отвергнуты, его подвергли остракизму, и он был вынужден вернуться в Среднюю Азию^[244]. В 1938 году Поливанов погиб в сталинских застенках, но ни марристы, ни, конечно, сам покойный Марр не имели никакого отношения к его гибели^[245]. Я не исключаю того, что тогдашним руководителям-сталинистам не понравился не только научный академизм одного из талантливых советских лингвистов, но и то, что в 1917–1918 годах Поливанов в качестве переводчика принимал участие в издании тайных договоров царской дипломатии, осуществлявшихся по инициативе Троцкого и при участии знаменитого матроса Маркина. Вступив в партию в 1919 году, он был исключен во время сталинских чисток. После разгрома марризма и смерти Сталина имя Поливанова вернулось в советскую науку. Марр в «поливановской» дискуссии официально не участвовал, но он, без сомнения, пристально следил за ее ходом: в архиве Марра сохранилась стенограмма этого мероприятия.

Если в процессе первой дискуссии Марр критиковался с позиций традиционного, компаративистского языкознания, прикрываемого марксистской терминологией, то вдохновители второй дискуссии попытались «перешагнуть» через концепцию Марра, сделав вид, что она является пройденным этапом «марксистского» языкознания^[246]. Среди организаторов и активных участников второй дискуссии был уже упоминавшийся ранее Лоя. Но и эта «языкофронтовская» атака «слева» очень быстро потерпела фиаско, несмотря на то что ее, похоже, поддержал видный партиец, новый нарком просвещения А.С. Бубнов.

Неизвестно, интересовался ли Сталин ходом этих дискуссий, одна из которых прошла накануне XVI съезда, а другая после него. Скорее всего, он не вникал в них, но, судя по тому, как они быстро захлебнулись, именно он не дал им хода, так как считал более целесообразным поддержать Марра в качестве научного авторитета. На 1929–1931 годы приходится пик научной, политической, организационной и даже международной деятельности Марра в новую советскую эпоху. Сталин с размахом использовал его карьеристские устремления, а Марр не обманул его ожиданий.

Я уже отмечал, что после октября 1917 года Марр, по существу, единственный из старых академиков, оказался близок к верхушкам советской власти. Больше десятилетия, вплоть до 1929 года, Академия наук СССР сохраняла свою организационную автономию и идеологический нейтралитет, что вызывало раздражение монополизирующей все и вся ленинско-сталинской власти. После революции академия в своей гуманитарной части одним фактом своего существования автоматически становилась независимым от ЦК ВКП(б) идеологическим центром. Большевистская верхушка на первых порах выбрала тактику постепенного разрушения академии путем выстраивания параллельных ей научных и идеологических учреждений, способных со временем заменить академию полностью. Такая тактика позволяла, не вызывая резких протестов зарубежных и отечественных научных кругов, перехватить инициативу и подготовить преданные власти научные кадры, работающие по ее приказам и правилам. Еще в 1919 году бывшая Императорская Академия наук была переведена в подчинение Наркомпроса РСФСР и формально стала частью советского государственного аппарата. Ему же были подчинены и гуманитарные институты. Все оставшиеся научные учреждения и институты негуманитарного профиля перешли в ведение Научно-технического отдела ВСНХ. Чуть раньше, в июне 1918 года, в Москве была учреждена Социалистическая академия, которая первоначально должна была заниматься пропагандой марксизма применительно к общественным наукам. В том же 1918 году Петроградский филиал Наркомпроса, который тогда витиевато назывался Комиссариатом народного просвещения Союза коммун Северной области, выступил с инициативой ликвидировать Академию наук как ненужный пережиток старого общества. В 1923 году, когда Социалистическая академия была переименована в Коммунистическую, нарком Луначарский стал представлять ее в качестве единственного центра, иницирующего всю научную работу в стране. Так в очередной раз была поставлена под сомнение особая роль Академии наук. В одном ряду с этими советскими учреждениями противопоставляли себя академии такие новообразования, как Общество историков-марксистов, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

(РАНИОН) и Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, то самое ВАРНИТСО, во главе которого советская власть поставила академика Марра и от имени которого он выступал с приветствиями на XVI съезде партии. Все другие перечисленные советские учреждения возглавляли уже известные нам советские деятели, с которыми Марр находился в самых тесных отношениях: Луначарский, Покровский, Фриче. Однако перечеркнуть академию таким способом не удалось; в ее рядах насчитывалось всего сорок пять человек, но все они были выдающимися учеными, имевшими мировой авторитет. С лета 1925 года власть изменила тактику, и РАН передали в подчинение более высокого ранга — Совнаркому РСФСР. В том же году в недрах Политбюро ЦК ВКП(б) появляется специальная комиссия для связи с академией (во главе с А. Енукидзе), а на самом деле для выработки шагов, ведущих к ее огосударствлению и подчинению ЦК. Через два года Академии наук был навязан новый устав, резко ограничивающий круг деятельности и разделивший ее состав на два отделения: физико-математическое и гуманитарное. Численность академических вакансий была увеличена почти вдвое, для того чтобы получить возможность ввести своих людей и овладеть академией изнутри. Но до 1928 года этот план осуществить не удалось, а потому делались попытки путем перераспределения кадров организовать в Комакадемии учебно-научные центры гуманитарного профиля. Сталин и все руководство партии и государства, включая «правых» оппозиционеров, были согласны в стремлении овладеть последним оплотом «буржуазного» вольнодумства в важнейших идеологических областях. С осени 1928 года до начала 1929 года была проведена серия мероприятий (а по сути, аппаратных интриг), позволивших навязать академии нужных власти людей. Среди них оказались и те, с которыми давно сотрудничал Марр и которых он лично рекомендовал^[247], а также Н.И. Бухарин, А.М. Деборин, Г.М. Кржижановский, Д.Б. Рязанов — всего тридцать девять человек. Так в российской академической науке была запущена система номенклатурного подбора кадров, когда за основу берутся не выдающиеся научные достижения, а преданность режиму. Это привело к вырождению гуманитарной части Академии наук, вполне ощутимой и в наше время.

И все же сломать интригой и грубым административным давлением волю и совесть сорока пяти выдающихся россиян не удалось. Тогда сталинское руководство использовало испытанные уже в те годы грязные приемы по отношению к своим гражданам: шпионаж, доноительство, стравливание, раскол и, конечно, репрессии. В апреле 1929 года под предлогом проверки финансовой деятельности и пересмотра штатов была создана специальная правительственная комиссия, которая «обнаружила» два десятка добровольцев-сотрудников, от которых в адрес комиссии стали поступать подписанные и анонимные доносы. В частности, поступили «сигналы» о том, что в Библиотеке АН, в Пушкинском Доме и в Археографической комиссии хранятся печатные и архивные материалы «контрреволюционного» характера. На самом деле это были зарубежные периодические издания, архивные материалы разгромленных большевиками политических партий, манифесты об отречении от российского престола и т. д. В результате деятельности комиссии пять человек было расстреляно. Выдающиеся историки С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, М.К. Любавский, Н.П. Лихачев сосланы на длительные сроки^[248]. Некоторые так и не вернулись из ссылки. А что наш герой? Именно в эти годы карьера Марра пошла круто вверх.

Очень странно, но в опубликованных материалах о выборах в Академию наук, о ее проверке и судьбе репрессированных академиков сведений о Марре практически нет. Но в марте 1928 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «строго секретное» постановление Комиссии по вопросу о выборах академиков, в котором, в частности, были такие пункты:

«8. Признать необходимым, чтобы один из вице-президентов Академии наук был абсолютно советским человеком, и поручить Комиссии тов. Енукидзе подыскать подходящего кандидата.

9. Признать возможным утверждение Ферсмана вице-президентом при условии, что второй вице-президент будет абсолютно своим человеком»^[249]. Вторым вице-президентом АН был фактически назначен Политбюро Марр.

Я уже отмечал, что Марр и до избрания на одну из высших должностей в академии был для власти своим человеком. Даже во время Гражданской войны и до конца жизни он постоянно выезжал в длительные зарубежные научные командировки (иногда вместе с

женой), для чего специальными постановлениями Политбюро выделялась немалая валюта^[250]. Тогда все заседания проводились лично Сталиным или его ближайшими соратниками.

Но Марр был полезен Сталину и как авторитетный специалист по периодически обновляемой национальной доктрине. Выступая с большим докладом на XVI съезде, Сталин в специальном разделе говорил об опасностях «уклонов» в сторону великодержавного русского шовинизма и национализма других больших наций СССР. «Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов»^[251]. «Не ясно ли, — говорил он далее, — что, ратуя за один общий язык в пределах *одного* ^{16} государства, в пределах СССР, они добиваются, по сути дела, восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно *великорусского* языка? Где же тут интернационализм?»^[252]

На том же XVI Съезде в заключительном слове Сталин вновь вернулся к национальному вопросу и к национальным языкам. Сталин процитировал записку одного из делегатов, уличавшую его в противоречиях: «Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов Востока в 1925 году, и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. „Вы, — говорит записка, — возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (*в одной стране*), а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (*в период победы социализма в мировом масштабе*), — нет ли тут неясности?“»^[253] И действительно, в 1925 году Сталин заявил слушателям университета: «Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком

случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшила, а увеличила количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд национальностей и этнографических групп»^[254]. Сталин действительно штудировал в 20—30-х годах работы Каутского, которые и сейчас находятся в его библиотеке. И он действительно скорректировал свою точку зрения к 1930 году. На том же XVI съезде Сталин разъяснял, что в 1925 году он выступал против «национал-шовинистической теории Каутского», который предрекал в случае победы пролетарской революции и объединения Австрии и Германии формирование там единой нации, включая чехов, с единым немецким языком. Опыт СССР говорит обратное, заявил Сталин. После революции процесс не пошел в сторону слияния «в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком». Другое дело, что после победы пролетарской революции во всемирном масштабе, предрекал генсек, **«национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым** (выделено мной. — Б.И.)»^[255]. Иначе говоря, схема Сталина 1930 года оказалась копией схемы Марра, с ее картинками «расхождения» и «схождения» национальных языков, в результате чего побеждает не один, наиболее сильный, а рождается совершенно новый, синтезированный язык. Более того, накануне съезда вышла статья Марра в широко распространяемом политическом журнале «Юный пролетарий», в которой академик пророчил: **«Будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей**, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. **Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира,** неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный (выделено мной. — Б.И.)»^[256]. Сталин, готовясь к выступлению на съезде, конечно же, прочитал популярную заметку Марра, предназначенную для молодежи, и очень близко к тексту процитировал ее на партийном форуме.

В это время не только Марр, но и некоторые лингвисты утверждали, например, что в результате «скрещивания» народного латинского с германскими и кельтскими языками сложились совершенно новые, английский, французский, немецкий, испанский и другие современные европейские языки, которые затем действительно «разошлись». Никакой «победы» одного из языков, участвовавших в скрещивании, не наблюдалось. Таким образом, теория Марра очень удачно примиряла и старую сталинскую идею о том, что революция способствовала обнаружению в России более ста ранее неизвестных национальностей с их языками, которые великорусский язык никогда не вытеснит, и распространенный среди марксистов-интернационалистов взгляд о едином интернациональном мире и едином языке и едином алфавите будущего. После XVI съезда популярность Марра достигнет своего апогея. К 1950 году Сталин решительно «позабудет» обо всех своих прежних «интернационалистских» и «промарровских» взглядах.

* * *

До последнего времени строились предположения о том, общались ли когда-нибудь два корифея науки^[257]. Документы архива Сталина безоговорочно указывают — да, общались, хотя бы письменно. Сейчас в архиве Марра никаких копий или иных следов писем Сталина и к нему нет. Но ответ вождя Марру, хранящийся в личном архиве Сталина, доказывает, что в начале 1932 года Марр обратился к нему с просьбой об аудиенции. Просьба была не случайной. К этому времени Марр уже «по праву» мог претендовать на политическое признание генеральным вождем СССР, то есть Сталиным, своей роли в качестве главы отечественного языкознания и, по существу, всей гуманитарной науки. Сталин 20 января того же 1932 года вежливо отказал ему в немедленном приеме, сославшись на занятость. Вот заверенная Сталиным машинописная копия письма:

«Копия .

Товарищу Марр.

Очень извиняюсь, многоуважаемый Николай Яковлевич, что не имею сейчас возможности удовлетворить Вашу просьбу. Подготовительная работа к предстоящей всесоюзной

партконференции поглощает у меня все рабочее время и не дает возможности заниматься другими делами.

После конференции я, конечно, смогу выкроить минут 40–50. Если это устраивает Вас, я охотно побеседую с Вами. Что касается дня приема, могу сообщить Вам об этом дополнительно приблизительно дня через два по окончании конференции.

Готовый к услугам И. Сталин.

20.1.32 г.»^[258]

Таким образом, в 1932 году официального посвящения в гуманитарные вожди непосредственно главным вождем не состоялось. Марр, не скрывая обиды, написал Сталину из Ленинграда, где он жил и трудился, ответную записку на бланке «Института народов Востока». И она сохранилась в архиве Сталина. Это было странное по стилю, да и по смыслу послание:

«Ленинград, 26.1.32.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Премного благодарен за ответ. Ваше предложение, конечно, вполне устраивает. Я буду ждать. Могу себе представить, как Вам дорога каждая минута, когда я потерял представление о времени, точно в первобытном обществе, не различавшем еще утра и вечера иначе, как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности. У Вас, однако, время расходуется на дело, на строительство, а у меня на отвлекающие от и теоретического, и практического технически и общественного научного дела беспрестанные разговоры в комиссиях, подкомиссиях, совещаниях и т. д.

С неизменным уважением и товарищеским приветом —
Марр .

Адрес: 7-я линия, д. № 2, кв. 17 (тел. 5-48-43).

Тел. Авт. В-1.70.82 (только 7 и 8 в Москве. Институт народов Востока, Берсневская наб., 120)»^[259].

Неясно, переписывались ли они позже, но на копии письма Сталина Марру, чьей-то рукой сделана приписка: «Письмо ак. Марра (с приложением) переданы т. Поскребышеву. 22.III.32». В это время А.Н. Поскребышев — очередной личный секретарь Сталина. О каком письме идет речь, кто его передал, а главное, о каком «приложении» здесь говорится, выяснить не удалось. Не исключено, что в марте Марр еще раз попытался напомнить о себе запиской и посылкой вождю одной из своих новых работ. Возможно, его просьба была связана с назревавшими изменениями в руководстве Академии наук СССР и ее советизацией? Быть может, Марр просил аудиенцию в связи с поднятым им еще в 1930 году вопросом о всемирном универсальном алфавите? Точно ответить на эти вопросы сейчас невозможно. Так или иначе, но вождь академика не принял. Как я уже отмечал, в журнале регистрации посетителей кремлевского кабинета Сталина фамилия Марра ни разу не упоминается^[260]. Вскоре, так и не дождавшись приема, в 1934 году, прожив семьдесят лет, Марр умер.

* * *

Высокопарный тон письма Марра Сталину не только преисполнен чувством собственного достоинства и даже какой-то ходульной величавости, но оно еще написано не очень вразумительно с точки зрения общепринятого документописательства. Напомню, пишет крупнейший российский специалист в области языкознания, а его конструкции русских предложений способны смутить не только грузина-вождя, ревниво относящегося к неродному русскому слогу, но и коллег-языковедов. Смысл, кажется, ясен, но стиль витиеватый и путанный демонстративно тормозит понимание, причем так, что читатель не сразу осознает, каким образом одной-двумя фразами его закидывают из сталинского настоящего в какую-то самую далекую прорву прошлого, затем, как головой в грядку, вновь сажают в бытие настоящего, но, не дав укорениться и там, швыряют в будущее. В нескольких строчках письма перемешаны времена и субъекты: и вчера, и утро, и завтра, и минута; вождя, автора, древнейшего примата, для которого, между прочим, время оказывается «неразлично». В этом письме, в его стилистике, как и в большинстве научных трудов,

содержится загадка личности Марра, его литературного стиля и квинтэссенция яфетической теории. В нем итог магии его исторических построений и фантастических по своей смелости языковых и семантических реконструкций. Марр действительно жил в своем, особо преувеличенном интеллектуально и эмоционально мире. Его верная ученица и научный последователь О.М. Фрейденберг вспоминала о первой встрече: «Я поняла в тот день, что ум у него отвлеченный и дальнзоркий и что очень близко лежащих перед ним предметов он без очков не видит»^[261]. Да, но если даже очень пристально вглядываться в пустоту, то и «очки» не помогут. Что же видел Марр в неоглядной научной дали, в ее «яфетических зорях» (выражение Марра) и в своих ближайших политических окрестностях? Проследуем за амплитудой его взгляда.

И все же странно, что Сталин так холодно отстранил от себя в 1932 году пусть самовлюбленного выскочку, но все же академика, не раз доказавшего свою преданность новой власти, которому искренне не раз рукоплескала и старая императорская, и новая советская академия. Думаю, уже тогда, приняв политическую услужливость старого академика и поняв, что некоторые его выводы могут быть использованы в тогдашней политической доктрине, Сталин плохо понимал или совсем не понимал его научную концепцию в целом, не воспринимал его литературный стиль и тем более его невыносимо высокомерный тон. В своих устных выступлениях Марр нередко говорил о себе в третьем лице и в превосходных степенях. Говорить о себе как о «нем», о «Сталине» все чаще позволял себе и вождь. Марр, объявив себя марксистом, позволял себе в печати не соглашаться с Ф. Энгельсом по одному из самых фундаментальных вопросов исторического материализма, по вопросу о времени возникновения классов и классового общества. В 1929 году Марр опубликовал такой пассаж: «Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляет ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках, но, само собою разумеется, поправку эту должен сформулировать не лингвист, а социолог или, точнее, социолог совместно с лингвистом»^[262]. Если даже учитывать, что к тому времени советская власть существует всего лишь двенадцать лет, это все же очень дерзкая фраза. Не только потому, что «гипотеза

Энгельса» «нуждается в серьезных поправках», но и потому, что эти поправки должен внести не иной «великий теоретик-марксист», а совместно с лингвистом некий «социолог». Уж не Сталина ли (социолога!) и себя (лингвиста!) имел в виду наш академик? Сталин отважится на критику некоторых взглядов Энгельса (в частности, на русскую дипломатию) только спустя несколько лет. А «гипотезу Энгельса» Сталин припомнит Марру в 1950 году. Но, несмотря на огромное самомнение и даже дерзость, старый академик, заявивший, что он наконец-то создал новое «марксистское» учение о языке и мышлении, был полезен для новой сталинской власти и, чем черт не шутит, возможно, действительно способен дать то, что обещает. Как известно, Сталин требовал советского превосходства и приоритетов во всем. Но здесь произошла заминка, из-за которой Сталин, возможно, и отказался в 1932 году от прямых контактов с Марром. Причиной мог стать все тот же всемирный алфавит.

* * *

Вскоре после письма Марра к Талю с предложениями начать работу над внедрением нового универсального алфавита, в печати началась дискуссия, сам факт которой свидетельствует, что ее инициировали сверху. Открылась дискуссия статьей Врубеля, одного из верных учеников Марра, которого он рекомендовал Талю как специалиста, «способного приспособить» аналитический алфавит для китайской письменности. В ответ появилась большая статья ведущего специалиста по латинизации алфавитов народов СССР Н.Ф. Яковлева: «В книге 7–8 нашего журнала опубликована статья т. Врубеля „Унификация и латинизация“, где автор ставит вопрос о практическом применении так называемой „яфетидологической транскрипции“ или „аналитического алфавита“... Это одно из немногих определенных высказываний сторонников аналитического алфавита, в котором они пытаются доказать практическое превосходство аналитического алфавита над новым алфавитом, принятым у восточных народов СССР. Теперь, на основании высказываний яфетидологов Врубеля, Дмитриева-Кельда (дискуссия по вопросу об алфавите, организованная Ниязом и Иннарвосом [{17}](#)) и самого создателя аналитического

алфавита акад. Н.Я. Марра, мы можем попытаться разобраться в этом вопросе. Для этого, прежде всего, посмотрим, что представляет собою так называемый аналитический алфавит.

Аналитический алфавит был создан акад. Н.Я. Марром задолго до революции. Можно смело утверждать, что составлен он был первоначально для отдельных языков: армянского, грузинского и абхазского, без оглядки на практическое его применение или хотя бы на теоретическое значение как единой универсальной, пригодной для обслуживания всех языков мира, транскрипции. Этот алфавит построен на следующей научной концепции истории звуков речи. Звуки речи развивались, согласно Н.Я. Марру, от сложных, но еще не расчлененных в своей первобытной сложности („диффузных звуков“) аффрикат — к простым звукам современных языков: мгновенным („сильным“ по Марру), длительным („слабым“ по Марру). Исторически, таким образом, наиболее сложные аффрикаты являются и наиболее древними „доисторическими“ звуками. Их „расщепление“ в ходе развития языка дает новейшие „простые“ звуки (по Марру, сначала сложные и неразложимые звуки).

Он делит звуки, для удобства буквенного их обозначения на простые (единицы), составные из двух звуков (десятки), в буквах слитно-двузначные, составные из трех звуков (сотни) и т. п., в буквах слитно-трехзначные построения»^[263].

Здесь Яковлев обращает внимание на то, что современный аналитический алфавит Марра построен на прямо противоположных принципах по сравнению с историей развития речи, которой придерживался сам Марр. Ведь он утверждал, что речь первоначально состояла из нерасчлененных диффузных комплексов-звуков, из которых постепенно стали выделяться все более и более членораздельные звуки. В этом Яковлев увидел основной порок аналитического алфавита, который являлся искусственной конструкцией, приспособленной исключительно для исследовательских целей. В этом алфавите делалась попытка поставить в соответствие каждому простому звуку одну и только одну букву из простых латинских, частично греческих и русских букв («как цифры для единицы»). Буквы для составных звуков также являются составными — к простым буквам добавляются знаки: нули, точки, черточки, птички, хвостики и пр. Так получаются буквы «десятки», а затем и более сложные буквы «сотни»^[264]. Таким образом,

этот алфавит не отражает историю развития речи, а представляет собой разработанный Марром механизм графической передачи современных звуков речи различной сложности^[18]. Начиная с 1924 года аналитический алфавит Марра пытались приспособить для абхазской письменности. Абхазские руководители сами проявили инициативу и обратились за помощью к Марру по поводу латинизации своего алфавита. Но Марр убедил их в преимуществах своей транскрипции и с 1925 года аналитический алфавит без особых изменений был принят в качестве официального и для обучения в школах. Но она оказалась невероятно громоздкой (более 70 знаков), трудно усвояемой школьниками и мало пригодной для нужд печати. И теперь, когда абхазам приходится отказываться от марровского алфавита, академик и его последователи, продолжал Яковлев, предлагают применить этот алфавит для всех народов СССР, а в будущем для всего человечества? Сторонники Марра критикуют латинизацию за то, что она не приводит к унификации алфавитов народов России, а, наоборот, фактически усиливает их языковую изоляцию, так как такой алфавит способствует консервации норм национальных языков. Унификация алфавитов не ведет к большему пониманию и сближению народов. Яковлев, соглашаясь с этим, в то же время замечает, что латинизация — это всего лишь переходная ступень (?) и она, оказывается, не претендует на роль общемирового алфавита.

Последнее признание, как и вполне убедительная критика аналитического алфавита, привело к тому, что без особого шума, и, конечно же, решением Сталина, марровское предложение было отвергнуто, а через два года после смерти Марра, в 1936 году, было покончено и с латинизацией решительно и бесповоротно. До 1941 года все латинизированные письменности были переведены на кириллицу^[265]. К этому времени Яковлев стал одним из самых ярких и последовательных сторонников Марра, плодотворно развивавшим его методы на примере изучения кавказских языков. А народы, веками создававшие памятники письменности на арабском алфавите, были насильственно переучены на алфавит латинизированный и, более десятилетия прожив с ним, вынуждены были заново переучиваться на кириллическую письменность. И все это сопровождалось кампаниями, убеждавшими людей в правильности языковой политики партии и правительства. На самом деле никакой продуманной политики в этом

не было, а была прихоть малограмотного диктатора, который сначала поверил в одну романтическую идею, затем чуть не соблазнился другой, а когда понял, что ни та ни другая не решают проблемы всемирного языка и письменности, отказался от них, не очень думая о том культурно-историческом уроне, который он наносит многим народам своей страны. Попытки доказать, что Сталин, как закоренелый русификатор, повсеместно ввел кириллицу для того, чтобы обеспечить господство русской культуры, совершенно несостоятельны. Со своей национальной письменностью он милостиво оставил грузин и армян, а с латинизированной графикой — латышей, эстонцев, литовцев. С позиции же сегодняшнего дня можно утверждать, что перипетии с алфавитами можно рассматривать в качестве редких социальных экспериментов, позволяющих сделать определенные выводы.

Любой алфавит является искусственным средством, и его можно с большим или меньшим успехом приспособить или специально разработать для любого языка. Любой фонетический алфавит не сближает и не разъединяет народы, хотя и способствует консервации языков. Аналитический алфавит Марра (как и другие алфавиты такого рода) не мог быть успешно применен на практике не из-за своего несовершенства, а из-за своей бесконечной «открытости» — человеческая гортань способна произнести несколько сотен «единичных» звуков, из комбинации которых возможно синтезирование звуков второго и третьего порядка. Запомнить же такое количество знаков и символов немыслимо, поэтому никакой общемировой алфавит на фонетической основе при многообразии языков мира в принципе невозможен. Так что придется ждать рождения единого для всего мира языка или воспользоваться письменностью, близкой к китайской иероглифике. В различных частях Поднебесной китайский язык так различается, что граждане одного государства и нации не понимают друг друга. Но иероглифическая письменность, передающая не звуки, а понятия и их комплексы, позволяет людям легко общаться письменно и сохранять единство государства и культуры на протяжении тысячелетий. Как мы помним, Марр хотел предложить китайцам свой вариант аналитического алфавита, а после 1950 года Сталин лично предложит китайцам перейти на фонетическую систему письменности. Тогда же в Китай были направлены советские языковеды для подготовки реформы, но они не преуспели.

О том, как Сталин осваивал азы яфетидологии

Вопреки утверждениям^[266], Сталин имел, пусть и самые общие, представления о яфетической теории задолго до дискуссии 1950 года. Правда, если он и знакомился с работами Марра до этого момента, то, скорее всего, поверхностно. Не будучи специалистом, да и просто систематически образованным человеком, он многое принял на веру, хотя язык и стиль академика и способ его мышления были абсолютно чужды Сталину, который, как любой много практикующий редактор, любил прежде всего ясность. Но, как и многие «прирожденные» редакторы, лишенные собственного творческого начала, Сталин не понимал, что насильственно навязываемая ясность нередко ведет к обмельчанию глубины. Тексты крупнейших мыслителей и наставников человечества приобретают ясность, только если сумеешь проникнуть сквозь непроглядную толщу глубины. В своем требовании ясности Сталин исходил из элементарного желания контролировать чужую мысль. Слишком сложное и неоднозначное («заумь», по его терминологии) ускользало от буквального контроля. Поэтому ясности он требовал и добивался во всем, особенно в сфере идей, в том числе и в своих собственных писаниях.

Сейчас трудно сказать, прочитал ли Сталин сборник статей «Тристан и Исоolda», но то, что он хотя бы подержал его в руках и перелистал, это вполне могло быть. Русский перевод поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с предисловием академика Орбели, в котором тот восхвалял Марра, Сталин читал и не раз перечитывал. Несмотря на свою занятость, Сталин предпринимал попытки читать и оригинальные произведения Марра. Судя по цитатам из работ академика, которые Сталин приводил в своей статье 1950 года «Марксизм и вопросы языкознания», он пытался читать отдельные произведения, опубликованные в пятитомном собрании «Избранных работ» Марра, выходившие в 30-х годах. Правда, в нынешней сталинской библиотеке ни одного тома из этого собрания я не обнаружил. Неясно и то, в какие годы он знакомился с этими томами. Зато следы его усилий углубиться в лингвистические построения Марра до сих пор видны на двух отдельных работах, сохранившихся в архиве вождя. Одна из них: «Извлечение из свано-русского словаря»

(Пг., 1922), вышедшая в серии «Материалы по яфетическому языкознанию. вып. X»^[267]. Скорее всего, словарь был подготовлен к печати еще до революции. Об этом свидетельствует характерное указание: «Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук. Сентябрь 1917 года. Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург». Ко всему прочему словарь издан по правилам дореволюционной орфографии.

С «Извлечением из свано-русского словаря» Сталин познакомился очень основательно. Он вообще с видимым удовольствием копался в разноречных словарях, и особенно в тех, где были трудные слова и термины. И в этом специфическом словаре Сталин подчеркнул карандашом десятки сванских слов и их русские переводы и толкования. Как и все работы Марра, словарь несет на себе оригинальный стиль автора. «Извлечение» было подготовлено Марром в качестве руководства для «собирателей», «посвященных в особенности лексикологической работы по яфетическим языкам». Собственно, это был даже не словарь в подлинном смысле слова. Слова в нем располагались не по алфавиту или в ином формальном порядке, а в согласии с оригинальной методой автора были «расположены гнездами по корням»^[268]. К тому же, как я уже отмечал, всю жизнь Марр занимался еще и разработкой собственной системы передачи на письме всего разнообразия звуков человеческой речи («аналитический алфавит»). Эта система стала еще одним камнем преткновения на пути признания за яфетической теорией научного статуса. С синим карандашом в руке Сталин прошелся по сорока страницам этого своеобразного свано-русского словаря. Найти какую-то систему или выявить особый интерес Сталина к тем или иным словам и понятиям, я не смог. Он привычно отметил в одном из слов ошибку в написании сванского слова «форма». Сбоку написал по-грузински так, как надо, но уверенности в том, что в данном случае вождь прав, нет. И еще одна особенность: на последней странице он дважды подчеркнул слово «дьявол», хотя все остальные слова подчеркивал только один раз^[269].

Другая книга Марра, также ныне находящаяся в сталинской библиотеке, — это сборник статей «О языке и истории абхазов», вышедший в 1938 году под грифом Грузинского филиала АН СССР в серии «Труды Института абхазской культуры имени акад. Н.Я. Марра, вып. X»^[270]. Сборник издан под редакцией и с предисловием академика

И.И. Мещанинова. В нем опубликовано двадцать пять различных работ Марра, но сталинские пометы синим карандашом есть только на статье, расположенной в самой середине более чем четырехсотстраничной книги «Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии Восточной Европы)». Между страницами этой статьи сохранились сталинские бумажные закладки. Как и во всех работах Марра, в статье разворачивается широчайшая панорама связей абхазского языка с другими близкими и дальними, древними и новыми языками мира. Сталин и здесь все принимает на веру, останавливаясь на значимых для него моментах: на связях абхазского с грузинским, русским и с древними причерноморскими языками и культурами. Марр рассуждал об одной из самых любимых своих научных идей, о народах-яфетидах, к каковым, конечно же, были отнесены и абхазы. Он перечислил древнейших яфетидов, а Сталин подчеркнул их имена:

«В-третьих, со скифами непрестанно переплетаются везде кимеры, или иберы, они же тубалы, или тибарены, везде, а не на одном северном или восточном Черноморском побережье, и с доисторических эпох, а не с VII лишь века дохристианской эры, эпизода военных столкновений кимеров со скифами»^[271]. Подчеркнул марровскую связку «сколотов-колотов» с «колхами»^[272]. Затем написал на грузинском рядом с русским слово «абхазы»^[273]. Заинтересовался марровской этимологией слова «лошадь»: Марр сравнил скифское, абхазское, русское и немецкое слова, а Сталин отметил немецкое — «Ross»^[274] («конь»).

Марр порассуждал о происхождении названия реки Волга, Сталин и это взял на заметку: «Древность этого названия... датируется эпохой существования здесь этрусков или пеласгов[!Здесь и далее подчеркнуто Сталиным.!), тотемным словом которых является этот термин в различных разновидностях»^[275].

Марр несколько страниц своей статьи посвятил этимологии русского названия легендарного княжества Тмутаракань, которое рассматривал как воплощение одного из архетипичных слов, прослеживая его сквозное существование от языков персов, древних этрусков и до славянских, турецких, чувашских, аварских и абхазских «племенных образований». Сталин внимательно прочитал эти страницы, чуть заметно черкнул карандашом под упоминанием об этрусках^[276]. Затем подчеркнул слово «Тьмутаракан» самобытно транскрибированное Марром в таком контексте: «Древнерусское

начертание Тьмутаракан в самом нашем термине подсказывает форму с огласовкой „е“ — *Tem-utara-kan рядом также с архетипной формой *Tom-utara-kan»^[277].

На протяжении своей научной жизни Марр несколько раз возвращался к загадке Тмутаракани и опосредованно к «Слову о полку Игореве», в котором, как известно, это легендарное княжество упоминается. Напомню — заново, по существу, интерпретируя средневекового грузинского поэта Шота Руставели, его «Витязя в тигровой шкуре», Марр один из пунктов своего исследования конспективно обозначил: «Загадка как „Слово о полку Игореве“»^[278]. Иначе говоря, он ставил обе загадки в один ряд. Через много лет Сталин также попытается внести свой вклад в лингвистическую интерпретацию этой проблемы, о чем мы еще будем говорить подробно. Отметим, что Марр не изучал вопрос о реальном существовании княжества Тмутаракань. Он делал вид, что решает чисто лингвистические и этнографические задачи. «Исторического вопроса о государственном образовании мы не касаемся, — писал он, — нас интересует этнографический процесс. На юго-востоке, несомненно, происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские. Тьмутаракань IX — XI вв. не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское русское, и в какой стадии развития находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическим»^[279]. Марр выдвигает здесь, причем далеко не первым, идею о продвижении индоевропейских племен как «господствующего слоя» на юго-восток и «скрещивание» его с местными («яфетическими») племенами, в результате чего и сформировался русский этнос. В разных вариантах (скрещивание славян с угро-финнами, гуннами, тюркскими племенами и т. д.) эта теория, приобретая все более твердое основание, жива и до сих пор. В этом контексте стоит обратить внимание на работы П.Н. Третьякова,

посвященные этнографии восточных славян и русского народа. Замечу, кстати, что Третьяков вел свои исследования в 30—40-х годах именно в русле концепции Марра. В 1948 году вышла его фундаментальная монография «Восточнославянские племена», получившая очень высокую оценку археологов и этнографов именно за творческое приложение теоретических основ яфетической теории^[280]. Она была поддержана многими исследователями и, в частности, такими, как Б.А. Рыбаков, А.Л. Монгайт, Г.Б. Федоров, М.И. Артамонов^[281]. В среде этнографов, так же как и в среде археологов, взгляды Марра принимались гораздо серьезнее и имели больше искренних приверженцев, чем в среде лингвистов. Впрочем, сам Марр, оставляя открытым вопрос о путях формирования русского этноса, предполагал и иной, более для него привлекательный вариант — «перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское русское» (подчеркнуто Сталиным. — *Б.И.*). Но эта смелая идея, кажется, не находит ныне подтверждения ни в этнологических, ни в медико-генетических исследованиях. Оставляя вопрос открытым, Марр далее писал: «Нашим докладом мы так же мало считаем окончательно разъясненным вопрос по Тьмутаракани, как по черноморско-африканскому языковому родству, по которому лишь выдвигаем реально положение о родстве коптского ближайше с мегрело-чанскими языками, пережитками колхских или скифских наречий, вместо известного исторического свидетельства о родстве колхов с египтянами по речи и некоторым бытовым свидетельствам»^[282]. На родственную связь колхов с древними египтянами, как известно, указывали еще древнегреческие авторы, но Марр пошел дальше. Современные лингвисты признают связи древних североафриканских языков с некоторыми дагестанскими и северокавказскими языками, на что первым указал Марр.

На страницах работ Марра, о которых сейчас идет речь, нет ни одного сталинского критического замечания, обычного «ха-ха» или грузинского — «хе» («бревно», «дерево», то есть аналогично русскому — «дубина»). Это подкрепляет предположение о том, что Сталинзнакомился с указанными работами до событий 1949 — начала 1950 года. Но одно место все же и тогда покорило вождя, отметившего текст, в котором академик жеманно покритиковал себя в третьем лице за давнюю незначительную ошибку^[283]. И еще, если в

«Извлечении из свано-русского словаря» Сталин дважды подчеркнул слово «дьявол», то в работе об абхазском языке он отметил одинаково звучащее для сванов, осетин и чеченцев слово Бог — «Dal»^[284]. Это пока все, что можно сказать о непосредственном знакомстве Сталина с произведениями Марра до принятия решения о начале дискуссии 1950 года.

Борьба живого и мертвого

XVI съезд партии стал поворотным в судьбе Марра. Его облик запечатлевали известные фотографы, художники и скульпторы. Его именем стали называть научные и учебные заведения. После XVI съезда, как это часто случалось во все времена, а в советское особенно, аутсайдер в одночасье стал официальным лидером, полноправным вождем всей науки о языке и мышлении. Отныне и на многие годы молодых ученых — лингвистов готовили почти исключительно в Институте языка и мышления АН СССР, поскольку других лингвистических центров на территории СССР практически не стало. Сразу же после съезда Марра, единственного из академиков старой формации, приняли в члены ВКП(б), а вскоре он стал членом ВЦИК. Как новоявленный научно-партийный бонза, он теперь считал необходимым ссылаться и на классиков марксизма, на Ленина и на Сталина. Но советский метод цитат и начетничества он так и не освоил. Пытался. В архиве Марра сохранилось несколько текстов, посвященных взглядам классиков марксизма-ленинизма-сталинизма на язык и мышление^[285]. Какие-то из них были опубликованы, а зря — эти «работы» производят удручающее впечатление. Сделанная в свое время подсказка Луначарского на пользу не пошла. Очень скоро, по обычаю того времени, к Марру были приставлены бойкие писаки, легко справившиеся с поставленной задачей^[286]. В последние годы жизни Марр пытался организовать из своих разрозненных работ, публикаций и лекций что-то более или менее целостное. Все попытки свелись к механическому соединению совершенно разноплановых текстов, повторявших много раз опубликованные фрагменты и примеры. Просматривая эти громоздкие конгломераты, трудно отделаться от ощущения, что к старости Марр начисто лишился способности работать систематически. От прежних озарений не осталось и следа.

После XVI съезда, в 1931 году, хвалебные слова Покровского в адрес коллеги были процитированы в первом издании Большой Советской энциклопедии, в разделе, посвященном «яфетической теории Марра». Этот шестьдесят пятый том БСЭ сохранился в архиве-библиотеке Сталина. Спустя почти двадцать лет, возможно, ближе к 1950 году, Сталин отметил карандашом цитату из статьи Покровского

прямо на полях страницы сразу тремя вертикальными чертами, что говорило о его особо пристальном внимании к ее тексту^[287].

В 1928 году «Правду» еще редактировал Н.И. Бухарин, который через десять лет был расстрелян. Незадолго перед своим процессом Бухарин, согласовав вопрос со Сталиным, выступил застрельщиком разгрома исторической «школы Покровского». С тех пор Покровского много лет громили за гробом, посмертно. Так что в 1950 году Сталин тремя резкими карандашными чертами на странице энциклопедии символически отметил тройную «тень» ошельмованных им покойников: Бухарина, Покровского, Марра. Из них Марр был наименее значительной фигурой, ему и досталась третья, самая коротенькая карандашная отметина вождя. Однако в 1950 году Марру, его загробной тени, парадоксальным образом еще только предстояло взойти на посмертный эшафот. Так произошла достоверная третья, теперь уже посмертная «встреча» Марра с живым Сталиным.

К этому времени для семидесятилетнего Сталина уже не было ощутимой разницы между живыми и мертвыми. Он равно чувствовал себя владыкой и для этих и для тех. Живые для него, в его сознании, в большинстве своем были как бы потенциально мертвыми и поэтому обезволенными и обездушенными. И действительно, со второй половины 20-х годов все живые, то есть одушевленные, все в большей степени попадали в его полную и практически безраздельную власть. Мертвые же, напротив, были для него теперь уже вечно живыми и потому находились в одном ряду с ними, особенно враги. И если при жизни они (враги) не были ему подвластны (за что и поплатились жизнью), то после смерти они уже, безусловно, «покорялись» его воле. Уж кто-кто, а он-то отлично понимал, как зыбка и легко преодолима грань (причем в любую сторону), разделяющая в его обществе миры живых и мертвых. И это относилось не только ко всем тем, кому он пока позволял дышать, но и к четверке знаменитых покойников, его злейших врагов: к Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и их оруженосцам. Все это относилось и к сотням тысяч убиенных и замученных «врагов» помельче.

Еще с довоенных времен врагов он назначал себе сам и делал это тогда, когда считал политически целесообразным. Он назначал себе врагов при удобных для себя обстоятельствах и в удобное для себя время, причем одинаково выискивал их как между мертвыми, так и

между живыми. Если сейчас взглянуть на сцену любого крупного политического процесса того времени, то видно, что на каждом из них на скамье подсудимых рядом с живыми на равных правах «сидели», «свидетельствовали» и «осуждались» мертвые. Похоже, что в глазах Сталина политическая ценность врагов после их смерти только возрастала, так как мертвые «предатели» с легкостью порождали живых «шпионов», «отравителей» и «убийц». Если же по каким-то причинам знаменитые покойники не подходили на данный конкретный случай или же их просто не успели в свое время «заготовить» впрок для той или иной области политики, государственного управления, обороны, науки, культуры и т. д., то по инициативе вождя или с его санкции «изымали» какого-нибудь недавнего героя и обряжали его доселе лучезарный облик в личину давнего, но хорошо замаскировавшегося «врага». Такова, например, была посмертная судьба М.Н. Покровского или еще живого Н.И. Вавилова. Как и в случае с живыми, разоблачения покойников проходили шумно, азартно и всегда истерично. Мертвый «враг», как правило, «сам» разоблачал целое скопище живых «врагов». Так в сталинском СССР развернулся беспрецедентный процесс официального поругания мертвых. Рецидивы смертного греха надругания над мертвыми мы с легкостью обнаружим даже в наше время. После же Отечественной войны к смешению живого и мертвого все так привыкли, что воспитанный Сталиным пропагандистский аппарат (а за ним и весь советский народ) готов был в любую минуту ринуться травить любого покойника, на которого мог указать своим коротким перстом «любимый» вождь. Марр, хотя и не был никогда сколько-нибудь заметной политической фигурой, тогда же, в 30-х годах, благодаря Сталину стал достаточно знатным покойником в советской научной иерархии довоенного и ближайшего послевоенного времени.

Прошли годы. Ученик Марра академик Б.Б. Пиотровский вспоминал об обстоятельствах смерти своего учителя: «15 октября (1933 года. — *Б.И.*) на заседании в Институте языка и мышления Н.Я. Марру стало плохо, произошло кровоизлияние в мозг, он долго лежал в больнице, а когда из нее вышел, то не тем активным и бодрым, каким был раньше...

В феврале 1934 г. Н.Я. выступал на пленуме Академии истории материальной культуры, но прочел лишь начало своей речи и покинул

заседание. Трудно было примириться с „таким Марром“. Было ясно, что его ученики не смогут защитить яфетическую теорию, полную противоречий и гениальных догадок; по существу, это был конгломерат мыслей часто в неправильной внешней оболочке. Так оно и получилось»^[288].

Незадолго до смерти Марра, после того как у него произошло кровоизлияние в мозг, осенью 1934 года Правительство СССР наградило его орденом Ленина в связи с сорокапятилетним юбилеем начала научной деятельности^[289]. Президиум ВЦИК присвоил звание заслуженного деятеля науки. Известно, что все наградные дела такого уровня контролировались лично Сталиным. Не исключено, что Сталин знал о плохом состоянии здоровья Марра и поэтому спешил придать его фигуре больше советской респектабельности, предполагая посмертно возвести его в высший ранг советских научных вождей. Буквально накануне официального дня рождения Сталина, а именно в ночь на 20 декабря 1934 года, Марр умер. Его торжественно похоронили на территории Александро-Невской лавры. Тогда потерю его для страны сравнивали с потерей «любимца партии» Кирова^[290]. Б.Б. Пиотровский вспоминал: «В ночь с 19 на 20 декабря скончался Н.Я. Марр. Похороны его были торжественными и на высоком правительственном уровне. Гроб с телом Н.Я. Марра был установлен в Мраморном дворце, затем его везли на грузовике, украшенном красными флагами, в сопровождении военной охраны. Присутствовали члены правительства: Б.П. Позерн, П.Н. Королев. На кладбище был ружейный салют (троекратный)»^[291].

На могильной плите выбили высказывание покойного о том, что человек «умирая индивидуально, соматической смертью, не умирает общественно, переливаясь своим поведением в составе коллектива и творчеством в живое окружение, общественность. Он продолжает жить в тех, кто остается в живых, если он жил при жизни, а не был мертв. Коллектив живой воскрешает мертвых»^[292].

Об особом отношении довоенного Сталина к Марру очень красноречиво свидетельствует то, как он отреагировал на письмо Ф. Кипарисова, занявшего на короткое время место председателя Академии материальной культуры. В июне 1935 года Кипарисов с гневом писал Сталину, что вдове академика Ольденбурга выделили пенсию в 500 рублей, а вдове академика Марра всего 300 рублей. Он

напоминал, что Ольденбург был близок к Керенскому и очень сомнительно вел себя по отношению к советской власти, а Марр всегда был верным большевиком и более выдающимся ученым. Закончил он свое большое письмо следующими словами: «Вся история может получить и некоторый политический оттенок в связи с тем, что кое-какие академические круги языковедов, теоретических и политических противников Н.Я. Марра, явно хотят взять сейчас реванш, ведя разговоры о том, что вместе, мол, с Марром умерла его пресловутая теория. Объективно ведь получается, что правительство сочло необходимым выделить Ольденбурга и поставить его выше Марра»^[293]. На письме сохранилась резолюция: «Т. Молотову. Придется согласиться И. Ст[алин]». Ниже росписи: «За» — Молотов, Каганович и пометы, что т.т. Микоян, Андреев, Орджоникидзе, Ворошилов также «за». Сталин явно благоволил Марру.

Отныне мало кто из лингвистов осмеливался выступить даже с лояльной критикой трудов Марра и работ представителей его школы. Поскольку в лингвистические вожди Марр был посвящен лично генеральным вождем, то и низвергнуть его мог только он. Более пятнадцати лет культ академика Марра господствовал в советском языкознании, археологии, этнографии, исторической науке. Но в 1950 году час посмертного низвержения пробил.

* * *

Я без труда нашел могилу Марра на небольшом кладбищенском участке рядом с собором. Как место погребения этот участок стал использоваться только после февраля 1917 года. Там похоронены убитые во время февральских событий 1917 года в Петрограде казаки и жандармы, а рядом лежат умершие своей смертью чекисты, участники террора 30-х годов и мало кому известные граждане. Черный обелиск на могиле Марра с процитированной надписью приходит в упадок.

За все то, что произошло после смерти, Марр ответственности нести не может. Я утверждаю — Марр не несет ответственности за марризм и за все те события, которые произошли между 1934 и 1950 годами. За то, в чем его гневно осуждают с 1950 года и до наших дней часть историков отечественного языкознания. Осуждают вслед за

Сталиным, истинным виновником господства «мифа о Марре», и в том, что само имя Марра стало столь одиозным и нарицательным. Он не несет ответственности за действия людей «школы Марра», как не несут ответственности за большевизм — Маркс, за нацизм — Ницше.

При жизни Марр действительно пошел на сотрудничество со сталинской властью. Но была ли альтернатива и сколько старых и молодых ученых были тогда счастливы, получая такую же поддержку? Любой ученый стремится к тому, чтобы его концепция, его учение или открытие получило признание. Не любой ценой, конечно, но упрекать Марра за то, что он утвердил свое учение за счет других, нет никаких оснований. Власть в Советской России создавала такую систему отношений, где ее господство было абсолютным. На месте Марра мог быть и Поливанов, и кто-то из языкофронтовцев или лояльных компаративистов. В 1950 году Сталин начал борьбу не с Марром, а с самим собой, со Сталиным довоенным. Громя марризм, Сталин 50-х годов громил сталинизм 30-х годов. В архиве Сталина есть материалы, высвечивающие новые аспекты этого процесса.

Глава 5. Расхождение. Подготовка к дискуссии

Почему Сталин занялся проблемами языкознания? Мнения

Почему Сталин в конце 1949 года, то есть на семьдесят первом году жизни, неожиданно занялся вопросами языкознания? Ни его соратники, ни проницательные свидетели эпохи, ни исследователи нашего времени ничего определенного на сей счет не говорят. Скорее делятся предположениями и догадками.

А.И. Солженицын в знаменитом романе «В круге первом», собрав все, что было известно на этот счет к концу 60-х годов XX века, то есть слухи, сочинения вождя, собственную эмоциональную память и воображение большого писателя, раскрыл мотивацию Сталина через его внутренний монолог:

«Уж, кажется, все было сделано для бессмертия. Но Сталину казалось, что современники, хотя и называют его Мудрейшим из Мудрейших, — все-таки не по заслугам мало восхищаются им; все-таки в своих восторгах поверхностны и не оценили всей глубины его гениальности. И последнее время язвила его мысль: не только выиграть третью мировую войну, но совершить еще один научный подвиг, внести свой блистающий вклад в какую-нибудь еще из наук, кроме философских и исторических.

Конечно, такой вклад он мог бы внести в биологию, но там он доверил работу Лысенко, этому честному энергичному человеку из народа. Да и больше была заманчива для Сталина математика или хотя бы физика. Все Основоположники бесстрашно пробовали свои силы в этих науках. Просто завидно читать бойкие рассуждения Энгельса о ноле или о минус единице, возведенной в квадрат. Восхищала Сталина и та решительность Ленина, с которой он, юрист, пошел в дебри физики, и там, на месте, распустил ученых, доказал, что материя не может превращаться ни в какую энергию.

Сталин же, сколько ни перелистывал учебник „Алгебры“ Киселева и „Физику“ Соколова для старших классов, — никак не мог набрести ни на какой счастливый толчок. Такую счастливую мысль — правда, совсем в другой области, в языкознании, ему подал недавний случай с тбилисским профессором Чикобавой. Этого Чикобаву Сталин смутно

помнил, как всех сколько-нибудь выдающихся грузинов: он был посетителем дома Игнатошвили-сына, тбилисского адвоката, меньшевика, и сам фрондер, уже не мыслимый нигде, кроме Грузии. В последней статье, доживи до того почтенного возраста и до того скептического состояния ума, когда начинаешь мало считаться с земным, Чикобава умудрился написать, по видимости, антимарксистскую ересь, что язык — никакая не надстройка, а просто себе язык и что будто бы существует язык не буржуазный и пролетарский, а просто национальный язык. И открыто осмелился посягнуть на имя самого Марра. Так как и тот и другой были грузинами, то отклик последовал в грузинском же университетском вестнике, серенький переплетенный номер которого с грузинской вязью лежал сейчас перед Сталиным. Несколько лингвистов-марксистов-марристов обрушились на наглеца с обвинениями, после которых тому оставалось только ожидать ночного стука МГБ. Уже намекнуто было, что Чикобава — агент американского империализма.

И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить. Его он оставил жить, а простеньким провинциальным мыслям Чикобавы решил дать бессмертное изложение и гениальное развитие.

Правда, звучней было бы опровергнуть, например, контрреволюционную теорию относительности или волновую механику. Но за государственными делами просто нет на это времени. Языкознание же все-таки рядом с грамматикой, а грамматика по трудности всегда казалась Сталину рядом с математикой.

Это можно будет ярко, выразительно написать (он уже сидел и писал): „Какой бы язык советских наций мы ни взяли — русский, украинский, белорусский, узбекский, казахский, грузинский, армянский, эстонский, латвийский, литовский, молдавский, татарский, азербайджанский, башкирский, туркменский... (вот черт, с годами ему все трудней останавливаться в перечислениях. Но надо ли? Так лучше в голову входит читателю, ему и возражать не хочется) — каждому ясно, что...“ Ну и там что-нибудь, что каждому ясно. А что ясно? Ничего не ясно... Экономика — базис, общественные явления — надстройка. И — ничего третьего, как всегда в марксизме. Но с опытом жизни Сталин разобрался, что без третьего не поскачешь. Например, нейтральные страны могут же быть (их доконаем потом отдельно) и нейтральные

партии (конечно, не у нас). При Ленине скажи такую фразу: „Кто не с нами — тот еще не против нас“? — в минуту бы выгнали из рядов. А получается так...

Диалектика. Вот и тут. Над статьей Чикобавы Сталин сам задумался, пораженный никогда не приходившей ему мыслью: если язык — надстройка, почему он не меняется с каждой эпохой? Если он не надстройка, так что он? Базис? Способ производства? Собственно, так: способ производства состоит из производительных сил и производственных отношений. Назвать язык отношением — пожалуй, что нельзя. Значит, язык — производительная сила? Но производительные силы есть орудия производства, средства производства и люди. Но хотя люди говорят языком, все же язык — не люди. Черт его знает, тупик какой-то. Честнее всего было бы признать, что язык — это орудие производства, ну, как станки, как железные дороги, как почта. Тоже ведь — связь. Сказал же Ленин: „Без почты не может быть социализма“. Очевидно, и без языка... Но если прямым тезисом так и дать, что язык — это орудие производства, начнется хихиканье. Не у нас, конечно.

И посоветоваться не с кем.

Ну, можно будет вот так, поосторожнее: „В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем от машин, которые так же безразличны к классам, как язык“. „Безразличны к классам“! Тоже ведь раньше, бывало, не скажешь...

Он поставил точку. Заложил руки за затылок, зевнул и потянулся. Не так много он еще думал, а уже устал.

Сталин поднялся и прошелся по кабинету. Он подошел к небольшому окошку, где вместо стекол было два слоя прозрачной желтоватой брони, а между ними высокое выталкивающее давление. Впрочем, за окнами был маленький отгороженный садик, там по утрам проходил садовник под наблюдением охраны — и сутки не было больше никого.

За непробиваемыми стеклами стоял в садике туман. Не было видно ни страны, ни Земли, ни Вселенной»^[294].

Солженицынский Сталин — это старый, больной, выживающий из ума диктатор, в конце жизни ищущий, чем бы ему заняться еще, и он по наитию набредает на лингвистику, поскольку «языкознание же все-таки

рядом с грамматикой, а грамматика по трудности... рядом с математикой». Грузинского лингвиста Чикобаву Солженицын упоминает не случайно — Чикобава был одним из застрельщиков антимарровской дискуссии, для которых он действительно был одним из давних идейных противников. Затем писатель разворачивает нелицеприятное описание того, как, по его мнению, Сталин трудился над своим очередным «эпохальным» сочинением:

«Сталин задвинул металлическую шторку и поплелся опять к столу. Проглотил таблетку, снова сел. Никогда в жизни ему не везло, но надо трудиться. Потомки оценят. Как это случилось, что в языкознании — аракчеевский режим? Никто не смеет слова сказать против Марра. Странные люди! Робкие люди! Учишь их, учишь демократии, разжуешь им, в рот положишь — не берут! Все — самому, и тут — самому... И он в увлечении записал несколько фраз: „Надстройка для того и создана базисом, чтобы...“ „Язык для того и создан, чтобы...“

В усердии выписывания слов он низко склонил над листом коричневатого-серого лица с большим носом-бороздилом.

Лафарг этот, тоже мне в теоретики! — „внезапная языковая революция между 1789 и 1794 годами“. (Или с тестем согласовал?..)

Какая там революция! Был французский язык — и остался французский. Кончать надо все эти разговорчики о революциях!

„Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому качеству путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он редко применим и к другим общественным явлениям“.

Сталин отклонился, перечитал. Это хорошо получилось. Надо, чтобы это место агитаторы особенно хорошо разъясняли: что с какого-то момента всякие революции прекращаются и развитие идет только эволюционным путем. И даже, может быть, количество не переходит в качество. Но об этом в другой раз. „Редко“?.. Нет, пока еще так нельзя. Сталин перечеркнул „редко“ и написал „не всегда“. Какой бы примерчик? „Мы перешли от буржуазного индивидуально-крестьянского строя (новый термин получился, и хороший термин!) к социалистическому колхозному“. И, поставив, как все люди, точку, он подумал и дописал: „строю“. Это был его любимый стиль: еще один удар по уже забитому гвоздю. С повторением всех слов любая фраза воспринималась им как-то понятнее. Увлеченное перо писало дальше:

„Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти, — (надо, чтоб это место агитаторы особенно разъясняли!), — и создания новой власти“, — (об этом чтоб и мысли не было!!).

С легкомысленной ленинской руки в советской исторической науке признают только революцию снизу, а революцию сверху считают полумерой, уклонком, признаком дурного тона. Но пора назвать вещи своими именами: „А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти...“ Стоп, это получилось нехорошо. Так выходит, что инициатива коллективизации шла не от крестьян?..

Сталин откинулся в кресле, зевнул — и вдруг потерял мысль, все мысли, какие только что были. Загоревшийся в нем пыл исследования — погас»^[295].

Перед нами Сталин (по Солженицыну), в конце жизни вполне сложившийся контрреволюционер, раз за разом перечеркивающий все начинания революционной эпохи. И пожалуй, с этими соображениями можно согласиться. Но и Солженицын при отсутствии информации не смог избежать упрощения в описании сталинского быта и конкретных мотивов, побудивших диктатора начать дискуссию. Это отмечали еще первые читатели, когда роман был в рукописи. В апреле 1962 года Корней Чуковский записал в своем дневнике: «Встретил Вл. Сем. Лебедева... Говорит, что в новом романе Солж. есть много ошибок, касающихся сталинского бытового антуража. „Александр Исаевич просто не знал этого быта. Я берусь просмотреть роман и исправить“»^[296].

Но одно наблюдение Солженицына бесспорно — писатель зорко подметил начетнический стиль и деревянный язык сочинений новоявленного языковеда.

А вот рассуждения профессионального историка лингвистики В.М. Алпатова: «Обстоятельства, предшествовавшие появлению работ Сталина, до конца не известны. Достоверно одно: в апреле 1949 года Чикобава, травля которого была тогда в разгаре, написал письмо Сталину, переданное через первого секретаря ЦК КП Грузии К.Н. Чарквиани, покровителя Чикобава... Чикобава... дважды был принят Сталиным, который читал варианты текста его статьи;

одновременно он давал Сталину консультации по вопросам языкознания и подсказывал нужную литературу.

Неясно, кто обратил внимание Сталина на вопросы языкознания — Чикобава или кто-либо другой? Сам Чикобава пишет, что письмо Сталину писал по предложению Чарквиани. Что тут было: инициатива Чарквиани ради помощи Чикобаве или же задание Сталина, которому кто-то указал на Чикобаву как эксперта? Этого мы не знаем.

Тем более можно лишь гадать о причинах обращения Сталина к вопросам языкознания, от которых он раньше был далек.

Версий существует много. Одну из них уже давно высказал А.И. Солженицын в романе „В круге первом“: Сталину нужно было подтвердить репутацию теоретика марксизма (которую он, кстати, перед этим не подтверждал двенадцать лет), а материалы, присланные Чикобавой, давали такую возможность... Другую, вполне правдоподобную версию высказывает автор французской книги о Марре Р. Лермит. По его мнению, Сталину нужно было на примере Марра разгромить идеи, не соответствовавшие его политике послевоенных лет. Действительно, космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере 20-х годов, но не начала 50-х, когда „отечество“ и „самобытность“ из бранных слов превратились в непеременные эпитеты газетных статей. Мог заметить Сталин и сходство идей Марра с концепциями, которые он сам в прошлом громил. Недаром он сопоставил Марра с рапповцами и пролеткультовцами»^[297]. Мнение Алпатова еще в большей степени базируется на официальных публикациях и малообоснованных догадках.

Казалось бы, уж кто-кто, а ближайшие соратники Сталина во всех его начинаниях, включая самые жестокие и кровавые, должны были знать об истинных причинах столь необычного государственного лингвистического действия? Но, во-первых, Сталин даже им никогда не раскрывал истинные цели своих дальних замыслов, а во-вторых, после войны Сталин, некогда ближайших из них, все дальше отодвигал от себя и важных государственных дел. При этом вождь лично и в письменной форме информировал всех членов партийной верхушки: Берию, Булганина, Кагановича, Маленкова, Микояна, Молотова, Хрущева о своих готовящихся к печати языковедческих статьях. Но, насколько мне известно, только Молотов и Хрущев в случайных

разговорах сочли нужным коснуться лингвистической эпопеи. На долгом закате жизни, то есть в 70—80-х годах XX века, Молотов мимоходом обмолвится: «Не зря Сталин занялся вопросами языкознания. Он считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»^[298].

Получается, что ни о каком особом всемирном языке мирового коммунистического общества речь уже не шла. На повестке дня стоял вопрос о возведении новоявленной Вавилонской башни — всемирной социалистической системы, где всемирной социалистический лагерь и СССР были как бы ступенчатым подножием-пирамидой для советского владыки. Для обитателей этой башни «главным языком на земном шаре» должен был стать язык русский. Любой диктатор, замахивающийся на мировое господство всегда понимал (а Сталин тем более), что важнейшей скрепой всемирной державы является общий язык. Библейская история, живописующая о причинах и следствиях распада единства человеческого рода, как бы подталкивала их (и Сталина) к навязыванию человечеству всеобщего языка: латинского, арабского, монгольского, испанского, португальского, французского, английского, немецкого, а теперь вот и русского.

Помимо Молотова, которого Сталин после войны все решительнее отодвигал от себя и который по этой причине все менее был осведомлен о тайных пружинах сталинской власти, Хрущев, напротив, был в эти годы одним из приближенных к Сталину людей, и от него можно было бы ждать большей осведомленности. Приведу фрагмент из записи беседы Хрущева с делегатами Итальянской компартии 10 июля 1956 года, то есть уже после разоблачения «культы личности» Сталина:

«Тов. Пайетта интересуется, сам ли Сталин написал работу о языкознании.

Тов. Хрущев: Видимо, сам, при помощи лингвистов. Нужно иметь в виду, что у Сталина были моменты просветления, когда он создавал весьма серьезные вещи. Например, многие положения Устава КПСС были продиктованы Сталиным, а вы сами видите, сколь в нем хорошие, чеканные формулировки»^[299]. Немало людей до сих пор восторгается «чеканными» формулировками Сталина. И Хрущев, который, похоже, мало что понял во всей этой лингвистической

сталинской затее, вспомнил о ее начинателе с нескрываемым уважением.

Как это ни удивительно, но все перечисленные авторы (включая Лермита) оказались в чем-то правы, а по существу, все они ошибались: Сталин действительно искал повод заложить еще одну основу в идеологический фундамент своей державы. Он действительно медленно, но последовательно продвигался от идей интернационализма к суррогатному национализму, а точнее — к национал-сталинизму. Присутствовал здесь и грузинский национальный фактор. Действительно, Сталин в своих лингвистических писаниях часто опускается до пустопорожней риторики. Верно и то, что он внутренне был готов к практическому осуществлению мирового господства и к тому, что «когда победит мировая коммунистическая система... — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык русский». Но все эти проблемы и задачи — и множество других проблем и важных задач — выстроились перед ним как бы сами собой уже после того, как он пришел к решению низвергнуть Марра. А в основе большинства решений Сталина, особенно с того времени, когда он почувствовал себя «хозяином» на всем пространстве СССР и далеко за его пределами, были спонтанность и импровизация. В политической и житейской биографии Сталина сплошь да рядом можно наблюдать, как незначительный внешний толчок или мимолетное внутренне желание и соображение, превращались в фактор серьезнейших внутренних и внешнеполитических событий. Ленин подметил в Сталине эту черту «спонтанности», обозначив ее в «Завещании» как «капризность». Эту черту с большим эффектом использовало ближайшее окружение Сталина, «подставляя» своих противников и искусно обращая внимание вождя на интересующие их проблемы. И не важно, что они же часто становились жертвами его внезапных капризов, которые многие до сих пор воспринимают как особую прозорливость. В Сталине все несовместимое совмещалось. Например, свои часто неудобочитаемые работы он шлифовал и оттачивал так, как не оттачивает и не полирует собственные сочинения даже профессиональный писатель или журналист. Но подлинно литературного блеска даже такая трудолюбивая шлифовка так и не давала. И наконец, формулируя вполне обычные мысли и часто плоские рассуждения в статьях и речах, он на полях книг или рукописей,

которые, как он наверняка знал, никто при его жизни никогда не прочитает, иногда оставлял странные, «обжигающие» сентенции.

Берия — Чикобава — Сталин: мотивации

На поверхностный взгляд сверхзадача, которую Сталин ставил перед собой, связанная с языками, нациями и планируемым мировым устройством, была мало заметна. Как в те годы, так и в наше время многие повторяют сталинские же слова о необходимости избавить советское языкознание от «аракчеевского режима», установившегося благодаря господству «школы Марра». Поворот, который произошел по инициативе вождя, был столь внезапным и жизненно спасительным для многих ученых-лингвистов, что даже убежденные антисталинисты, это ставят ему в заслугу, хотя именно Сталин и был главным виновником «аракчеевщины».

Буквально накануне дискуссии, с конца 1948 и почти весь 1949 год, с санкции высших партийных органов и при непосредственном участии таких функционеров, как первого заместителя заведующего Агитпропа ЦК ВКП(б) В.С. Кружкова, заведующего Отделом науки Агитпропа ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова и главного ученого секретаря АН СССР А.В. Топчиева, в печати велась шумная «борьба» с «безродным космополитизмом» в лингвистике, с рецидивами «буржуазной» компаративистики, а главное — за окончательное главенство «марксистского учения о языке» академика Н.Я. Марра. Поскольку заведующим Агитпропом и главным редактором «Правды» был в это время секретарь ЦК ВКП(б) М.А. Суслов, то эта промарровская кампания, без сомнения, велась с его санкции. И хотя у меня нет непосредственных доказательств того, что кампания началась по прямому указанию Сталина, сомнений и о его осведомленности на этот счет быть не может. В то время ни один заметный идеологический или пропагандистский шаг не мог быть сделан без ведома генерального идеолога. Если же такое случалось по недомыслию или самоуверенности, то наказание следовало незамедлительно. Без ведома Сталина тем более не решились бы действовать такие вышколенные функционеры, как Суслов или Кружков. Ю. Жданов, сын известного члена Политбюро А.А. Жданова и уже почти зять «самого» Сталина, буквально накануне этих событий неосмотрительно кинул пробный камень в адрес другого сталинского выдвиженца и любимца селекционера-биолога народного академика Трофима Лысенко. Сталин

лично одернул сына ближайшего соратника, и тот поспешил откреститься от поспешной инициативы. По давнему неписаному правилу любая важная инициатива должна была исходить от «самого».

Конечно же, работники Агитпропа ЦК ВКП(б) действовали тогда в плановом порядке, проводя послевоенные профилактические мероприятия во всех идеологических областях, не забыли и о лингвистике. О серьезности заранее спланированной кампании говорит докладная записка Агитпропа на имя М.А. Сулова, датируемая по входящему штампу на документе 10 ноября 1949 года, подписанная В. Кружковым и Ю. Ждановым:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сулову М.А.

Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в течение 1949 года провел проверку научной работы в области языковедения в Академии наук СССР, в академиях союзных республик и местных научно-исследовательских учреждениях. Проверка показала, что вопросы марксистско-ленинского языковедения разрабатываются неудовлетворительно, наблюдается активизация враждебного материалистическому языковедению направления, представители которого пытаются сохранить в неприкосновенности основы буржуазной науки о языке, научная работа оторвана от практических задач развития языка и письменности народов СССР.

С целью привлечения научной общественности к обсуждению положения в области языковедения в газете „Культура и жизнь“ были помещены статьи т.т. Берникова и Брагинского „За советское марксистско-ленинское языкознание“ и т. Сердюченко „Об одной вредной теории в языкознании“. Эти статьи вызвали широкий отклик советской общественности и были обсуждены в институтах Академии наук СССР, в академиях союзных республик, в высших учебных заведениях и на страницах советской периодической печати.

В итоге обсуждения положения в области советского языкознания в институтах Академии наук СССР Президиум Академии наук СССР принял постановление о мерах улучшения языковедческой работы и, в частности, об

организации постоянного Комитета языка и письменности народов СССР, о проведении сессий, посвященных вопросам разработки научного наследства акад. Марра и вопросам научной работы в области практических задач развития языка и письменности народов СССР, об издании работ акад. Марра и об учреждении золотой медали и медали его имени за лучшие работы в области языковедения.

ЦК КП(б) Армении принял решение о состоянии научно-исследовательской работы в области языковедения, в котором была разоблачена группа языковедов из Академии наук Армянской ССР, стоящих на позициях буржуазной науки и выступающих против учения акад. Марра.

С целью завершения работы по рассмотрению положения в области советского языковедения и подготовки предложений по улучшению научно-исследовательской работы в этой области ЦК ВКП(б) считал бы целесообразным провести в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совещание ученых языковедов Москвы, Ленинграда и Союзных республик.

Предлагаем следующий порядок дня совещания.

Общее положение в советском языковедении — докладчик ученый секретарь Президиума Академии наук СССР проф. Толстов С.П.

Состояние и задачи научно-исследовательской работы в области изучения русского языка — докладчик заместитель директора Института русского языка проф. Филин Ф.П.

Состояние и задачи научно-исследовательской работы в области развития языков и письменности народов СССР — докладчик сотрудник Института языка и мышления Академии наук СССР, член-корреспондент Академии наук СССР Дмитриев Н.К.

Возможный срок созыва совещания 15–20 ноября с.г.; число участников 20 человек. Просим Вашего согласия.

В. Кружков. Ю. Жданов^[300].

По существу, перед нами бюрократический отчет о проделанной аппаратной работе по закручиванию очередных идеологических «гаек»

в области лингвистики. Эта работа должна была закончиться новой волной репрессий против упрямствующих традиционалистов, а главное, серьезными кадровыми изменениями. На смену более терпимым марристам должны были прийти более жесткие и, добавим, менее грамотные и талантливые. Не случайно в числе участников совещания и докладчиков в записке совсем не упоминается академик И.И. Мещанинов — неперенный секретарь Отделения языка и литературы АН СССР и директор Института языка и мышления им. Н.Я. Марра. Примерно по той же схеме протекали кампании в других областях, в частности в биологии, физиологии, истории, литературной критике и т. д. Сначала печатались застрельные и, как правило, злобно-обличительные статьи, затем «объективности» ради давали покаянные публикации разоблаченных «вредителей», «очернителей», «буржуазных прихвостней» и т. д. После этого публиковались одобрительные отзывы на «справедливую» критику, затем безошибочно «разоблачали» группу злостных тайных врагов очередного «марксистско-ленинского» учения, затем организовывались совещания, на которых делались окончательные идеологические и административные выводы. Судя по записке В. Кружкова и Ю. Жданова, с одобрения высшего руководства к ноябрю 1949 года начальные этапы стандартной промарровской языковедческой кампании были успешно пройдены. В записке почему-то не упоминается о том, что кампания началась и была поддержана статьями в «Правде», которые систематически публиковали сначала в январе, а затем в сентябре 1949 года. И уже затем эту кампанию подхватили «Литературная газета» и «Культура и жизнь». Возможно, напоминать об этом главному редактору «Правды» (товарищу Суслову) не имело смысла. Обратим внимание и на то, что в записке говорится о необходимости проведения в ноябре того же 1949 года итогового совещания, назывались фамилии главных докладчиков и возможное число участников. Хотя записка была подана в начале ноября, но, хорошо зная, как медленно разворачивалась советская партийно-бюрократическая машина, можно предположить, что помимо названных докладчиков уже были неофициально проинформированы другие будущие участники совещания (те самые двадцать человек) из Москвы, Ленинграда и союзных республик. Эта деталь важна тем, что она объясняет промарровский уклон большинства статей, поступивших

в начале дискуссии 1950 года в редакцию «Правды». Не исключено, многие ее потенциальные участники предполагали, что вместо узкого совещания в ЦК высшее руководство страны решило придать новой промаровской кампании государственный размах. Неудивительно, что, когда потребовалось получить антимарровские статьи, от до смерти запуганных традиционалистов-компаративистов, то партийному аппарату и самому Сталину пришлось провести специальную закулисную работу. Понятным становится и то, почему в подавляющем большинстве вольные и невольные участники этих событий были сначала убеждены, — официальная точка зрения на Марра и его учение осталась непоколебимой, то есть власть поддерживала и продолжает поддерживать марризм. Да и попробуй в этом сомневаться, если в течение всего 1949 года Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «перетряхивал» Академию наук СССР, академии союзных республик и местные научно-исследовательские учреждения, выявляя враждебные элементы, которые «пытаются сохранить в неприкосновенности основы буржуазной науки о языке». Более того, оказывается, в Академии наук Армянской ССР уже «разоблачена группа лингвистов, стоящих на позициях буржуазной науки и выступающих против учения акад. Марра». Без всякого сомнения, в кругу лингвистов уже стало известно о снятии с работы и возможном аресте двух крупнейших армянских лингвистов, не признающих «новое учение о языке»: академика — секретаре АН Армянской ССР Гр. Капанцяне и преподавателе Ереванского университета Гр. Ачаряне. Так что пропагандистская кампания катилась по давно обустроенной колее, ждали только сигнала, чтобы начать последний и самый главный акт. Но со дня подачи записки и до начала 1950 года никаких указаний сверху не последовало, хотя в русле подготовки к предполагаемым событиям уже упоминавшийся Г.П. Сердюченко издал брошюру в серии «Вопросы языкознания для учителя» под названием «Академик Н.Я. Марр основатель материалистического языкознания»^[301].

Сердюченко, выходец с северного Предкавказья, проявлял большую идеологическую активность еще с начала 30-х годов, уже тогда уловив всю выгоду борьбы за чистоту «марксистско-ленинского языкознания» марристского толка. Конечно, к 1950 году писать и даже размышлять о космополитической идее создания единого международного алфавита и тем более языка еще было можно, но

только абстрактно. Еще в конце 30-х годов пересажали и расстреляли эсперантистов и других фанатиков искусственного международного языка. К 40-му году были прекращены всякие государственные нововведения с космополитическим оттенком, связанные с внедрением латиницы взамен традиционных алфавитов народов СССР. Все они, исключая Грузию (все же родина вождя!) и Армению (для баланса, с тем чтобы не смели даже втайне обвинить его в грузинском национализме) были переведены на кириллицу. После окончания Отечественной войны встал вопрос об унификации письменности народов Прибалтики и социалистического лагеря. Начали с Монголии и очень хотели помочь в том же духе коммунистическому Китаю, в котором была общенациональная иероглифическая письменность, но не было общенационального языка. Именно Сердюченко, «этот лингвист без языка» (так его охарактеризовал Чикобава Сталину), будет направлен ЦК в конце 40-х годов в Китай для проведения реформы аналогичной монгольской, но на основе латиницы. К этому времени латиница уже не вызывала раздражения вождя, поскольку слишком многие народы, использующие ее, вошли в состав СССР и в социалистический лагерь. Совсем не случайно перед определяющим совещанием в Агитпропе ЦК Сердюченко вместо Китая оказался в Москве и, как уже говорилось выше, принял активное участие в новой антикомпаративистской кампании.

Брошюра Сердюченко «Академик Н.Я. Марр основатель материалистического языкознания» была сдана в печать 13 января 1950 года. В брошюре вяло пересказывались основные положения «материалистического учения о языке» вне ясной связи не только с лингвистикой, но и с марксизмом. Как ни ничтожно содержание брошюры, на двух моментах мы все же задержимся. Сердюченко назвал только одну фамилию из числа противников марризма — действительного члена Академии наук Грузинской ССР «профессора А.С. Чикобаву, который, наряду с другими учеными, объявляют все учение Марра механистическим и фактически противопоставляют ему, как якобы более приемлемые, реакционно-идеалистические построения различных зарубежных языковедов»^[302]. Сердюченко и представить себе не мог, что через несколько месяцев Чикобава станет известен огромному числу граждан СССР как герой — разоблачитель механициста и вульгаризатора марксизма, но уже академика Марра.

Другой момент, который стоит того, чтобы на него обратили внимание, интересен тем, что брошюра Сердюченко, изданная пятнадцатитысячным тиражом «для учителей», была предназначена не столько для того, чтобы служить пособием по лингвистической теории, сколько должна была сигнализировать о смысле и направленности затеянной кампании. Во введении, процитировав доклад В.М. Молотова, приуроченный к 31-й годовщине Октябрьской революции, в котором упоминалась дискуссия по вопросам генетики и биологии, Сердюченко написал: «Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии советские ученые-языковеды рассматривают как руководящее указание, обращенное непосредственно и к ним, к их работе. Вскрытая в области биологии борьба между двумя направлениями — прогрессивным, материалистическим, и реакционным, идеалистическим, — несомненно, существует и в науке о языке».

Накануне 1950 года вряд ли у кого оставались сомнения в том, что эта языковедческая кампания приведет примерно к таким же последствиям, к каким привели подобные «дискуссии», прокатившиеся в биологии, философии, физике и других науках. Некоторые из наиболее ретивых «марристов», а точнее, чиновников при науке (те же Сердюченко, Филин, Дмитриев), спешили занять наиболее жесткую позицию, сулившую большие перспективы. И вдруг все изменилось буквально в одночасье, и изменилось по воле вождя. Никакого совещания языковедов в Агитпропе ЦК так и не состоялось. На докладной записке нет никаких резолюций Суслова, но зато есть помета «Архив. Гаврилов. 4.1.50 г.» и справа роспись «А.К(отова)», которая подтверждает то, что документ в первых числах января действительно попал в архив. По этой дате можно судить о том, когда Сталин, а с ним и советская власть решительно развернулись в антимарровскую сторону — в первых числах января 1950 года.

В современном архиве Сталина (в доступной ее части) нет ни одного документа, проливающего свет на это обстоятельство. Сейчас там находится шестнадцать архивных дел, так или иначе связанных с дискуссией. Их документы охватывают период с конца декабря 1949 года по июнь 1952 года. Но основные события, ознаменовавшие собой столь решительный поворот, нашли отражение всего лишь в шести-семи делах, а сами события происходили в течение первой

половины 1950 года. Остальные архивные материалы — это поздние отклики на «эпохальные» труды вождя и перепечатки его статей в различных советских и зарубежных изданиях.

Документы архива Сталина как бы предлагают современному исследователю поверить в то, что первый толчок дал, и к тому же по личной инициативе, секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Чарквиани, который направил на имя Сталина горестную записку о тяжелом положении в советском языкознании. Для убедительности Чарквиани приложил к записке копии работ уже упоминавшегося грузинского лингвиста А. Чикобавы: «Стадиальная классификация языков академика Марра», «Турецкая лингвистическая теория „гюнеш дил“ в связи с проблемой историзма в современной лингвистике» и фрагмент его же книги «Проблемы языка, как предмета лингвистики, в свете основных задач советского языковедения». Записка датирована 27 декабря 1949 года, хотя первая работа Чикобавы была написана более чем за полгода до этого (в записке указана дата — 21 апреля 1949 года) и явно с самого начала предназначалась для самого вождя^[303]. Возникает вопрос: почему не профессиональный лингвист, а партийный функционер, к тому же не из центрального аппарата, а из республики Грузия, ставит в общегосударственном плане вопрос о неблагополучии в советской лингвистике в целом? Ссылается при этом на мнение и работы профессора Чикобавы, который с 30-х годов выступал с критикой марризма, но не был самой видной фигурой ни в научном мире вообще, ни в области лингвистики в частности? Почему, наконец, именно Чикобаву Сталин в дальнейшем использует в качестве передовой «ударной» силы против «нового учения о языке». В это время в СССР работали гораздо более именитые специалисты, и явно и тайно настроенные резко отрицательно по отношению к яфетической теории. Конечно, можно вполне здраво предположить, что Сталин сознательно использовал для посмертного развенчания грузина Марра его же земляков — Чарквиани и Чикобаву. Так он поступал почти всегда, когда ему надо было провести массовые репрессии, чистки, крутые «социалистические» преобразования или иные карательные операции. Как правило, у него для каждой республики был подготовлен свой, «национальный» исполнитель. Например, для Азербайджана — Багиров, для Грузии — Берия, для Армении — Микоян, для многонациональной Украины — Косиор, Каганович, Хрущев...

В Средней Азии были свои люди «коренной» национальности. Если репрессии носили особо массовый или остро политический характер, большую часть ответственности Сталин брал на себя, одновременно возлагая ее на особо доверенных лиц: Ягоду, Ежова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Берию. Однако ответ на подлинные причины использования грузина Чикобава в деле развенчания грузина Марра я нашел в сталинской библиотеке и среди свидетельств участников событий.

В сохранившейся части библиотеки Сталина довольно много книг с дарственными надписями вождю и от него, но почти нет надписей третьих лиц, адресованных другим людям. Когда они все же встречаются, то это главным образом ближайшие родственники Сталина (дочь дарит книгу брату, тетка — племяннице и т. д.). Поэтому удивляет книга, обнаруженная мной в библиотеке Сталина, уже упоминавшегося профессора Чикобава «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (Тбилиси, 1942) с дарственной надписью от автора... Л.П. Берии. По-русски на первом чистом листе аккуратно чернилами написано: «Глубокоуважаемому Лаврентию Павловичу Берия — одна из работ, выполненная в реорганизованном Вами Институте языка. С благодарностью от автора. 16.IV.1942»^[304]. Почему, когда и как эта книга попала в библиотеку Сталина? Очень специальный труд объемом почти 350 страниц напечатан на грузинском, но снабжен предисловием и аннотацией на русском и английском языках. Как я уже писал, Сталин до конца своих дней говорил, читал и писал на родном языке^[305]. Но на книге нет помет и явных следов интереса Берии или вождя к ее содержанию. И все же подарок это не просто формальный жест автора в сторону всесильного земляка Берии. О какой реорганизации и о каком Институте языка пишет «благодарный» Чикобава? За что он его благодарит? Похоже, речь идет о Тбилисском институте языка и литературы им. Н.Я. Марра. Но сам Чикобава числился профессором Тбилисского университета им. И.В. Сталина. А какое отношение к языкознанию имел Берия? В научной литературе я не нашел пояснений на сей счет. Получается, что ученый-лингвист из Грузии А. Чикобава, избранный тогда же, в конце 1941 года, академиком АН Грузинской ССР, имел какие-то особые отношения с Берией? Похоже на то, что эти отношения сложились еще тогда, когда Берия был первым секретарем ЦК Компартии Грузии и

фактически наместником всего Кавказа. Здесь интуиция Солженицына подвела: антимаррист Чикобава не был такой уж страдательной стороной, его «прикрывал» сам Берия. Последний, по каким-то причинам гораздо раньше Сталина, заинтересовался проблемами языкознания, и именно Берия обратил его внимание на Чикобаву и на антимарристские работы профессора, а значит, и на всю проблему в целом. Еще в начале 30-х годов Чикобава выступил с критикой марризма, главным образом за то, что Марр выделял абхазский язык в особую группу. У Чикобавы была собственная «национальная идея»: он всячески пытался найти родство между картвельскими (грузинскими) и абхазским языками, а с ним утвердить родство всех этносов, включенных Сталиным в Советскую Грузию. Не по душе ему было и то, что Марр находил общие истоки армянского и грузинского языков. За всеми трудами Чикобавы стояла идея этнически единой и в высшей степени самобытной Грузии, и за это его можно было причислить к грузинским националистам. Но у высоких покровителей такого желания не было, а напротив, они, не лишённые того же чувства, всячески помогали ему делать карьеру. Еще в 1938 году Чикобава опубликовал «Чанско-мингрельско-грузинский словарь», то есть издание, посвященное родному наречию Берии. В 1939 году он публикует, но опять на грузинском языке монографию «Общее языкознание (ч. II)», посвященную истории языкознания и философии языка. В ней есть специальная глава «Академик Н.Я. Марр о сущности языка», в которой Чикобава открыто, беспощадно и издевательски бьет в самые чувствительные положения теории Марра: «Четырехэлементный анализ могучее средство произвольного расчленения любого сопоставления любых слов и их частей в любых языках, если только к этому представится надобность»^[306]. Так писал Чикобава в 1939 году. Откуда эта смелость, на которую не решались даже самые маститые ученые? Незадолго до войны, в 1940 году, ему удалось выступить с докладом «Проблемы языка, как предмета лингвистики, в свете основных задач советского языковедения» на годичной сессии Отделения литературы и языка АН СССР. Тогда он использовал главу из своей монографии, уже переведенную на русский язык. Однако и это выступление не имело никаких грустных последствий ни для самого Чикобавы, ни для марристов. Правда, глава «школы Марра» и руководитель Отделения литературы и языка

академик И.И. Мещанинов был вынужден заявить, что четырехэлементный анализ не является универсальным методом «нового учения о языке». Этим все и ограничилось, а затем наступила война. Оттиск публикации того доклада Чикобавы также был приложен к записке Чарквиани Сталину в 1948 году. А наиболее жесткие марристы (Сердюченко и др.) не забыли Мещанинову такого компромиссного поведения.

Возвращаясь к монографии Чикобавы с посвящением Берии «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках», отметим, что в ней автор уже без всяких экивоков подходит к проблеме анализа языка с позиций компаративистики, то есть противоположно тому, «как она обычно квалифицируется в русской и зарубежной специальной литературе (П. Услар, Н. Марр, Г. Шухардт)»^[307]. Шухардт (Германия) и Услар (Россия), как и Марр, были известны в качестве пионеров критики классической компаративистики в лингвистике начала XX века. Судя по всему, именно член Политбюро мегрел Берия, который продолжал курировать кавказские дела, не только передал Сталину книгу, подаренную ему Чикобавой, но и, обратив внимание Сталина на проблему в целом, с его одобрения инициировал начало общегосударственного антимарровского процесса через ЦК Компартии Грузии.

Эта версия подтверждается и воспоминаниями члена-корреспондента АН СССР историка В.А. Куманева, который в 1988 году на одном из перестроечных форумов поделился со слушателями: «Вспоминается факт, рассказанный известным языковедом академиком И.И. Мещаниновым. Когда Сталин задумал провести дискуссию по вопросам языкознания, он вначале решил в ходе ее поддержать учение академика Н.Я. Марра. С Мещаниновым посоветовались. А когда его вызвали второй раз к Сталину, там сидел Берия и малоизвестный филологам Чикобава. Все переиграли. А потом „корифей науки“ заявил: „Если бы я лично не знал Мещанинова, посчитал бы его действия предательскими“»^[308].

Ю. Жданов также поделился воспоминаниями, относящимися к событиям почти шестидесятилетней давности: «Берия имел косвенное отношение к дискуссии по проблемам языкознания. Именно ему профессор Арнольд Степанович Чикобава направил записку с жалобой на обстановку в этой науке, на засилие марристов, которые мешают

развиваться классическому индоевропейскому языкознанию. Эта записка была передана Сталину и пущена в ход.

Честно скажу, у меня всегда был высокий интерес к работам Марра, — продолжал Жданов, — Я внутренне иронизировал над его попыткой свести все слова всех языков к четырем элементам: сал, бер, йон, рош. Но мне импонировала концепция стадияльного развития языков, широта марровского подхода. У меня сложились добрые отношения с „марристами“: академиком И.И. Мещаниновым, профессором Георгием Петровичем Сердюченко и другими учеными. <...>

Но дело здесь не ограничивалось чисто научным спором или проблемами научной этики, критики и самокритики в науке. Здесь был затронут больной нерв. Дело в том, что профессор Чикобава развивал концепцию единства кавказско-иберийских языков, включая в них кабардинский, адыгейский, абазинский, абхазский.

Бывший профессор Ростовского университета Г.П. Сердюченко, много лет работавший на Кавказе, как и все марристы, на основе стадияльных представлений, не относил абхазский язык к иберийской группе. Это обстоятельство было внесено в круг споров между грузинской и абхазской гуманитарной интеллигенцией по мотивам достаточно ясным и уже не научным, а национально-политическим. Концепция марристов содействовала суверенным устремлениям в Абхазии.

И не случайным был звонок Сталина:

— Центральной фигурой у марристов является Сердюченко.

На следующий день после звонка „центральная фигура“ явилась ко мне. Он находился в Москве в отпуске, прервав длительную командировку из Китая. В Китай его направили по просьбе правительства КНР для обсуждения вопроса огромной важности: можно ли перевести китайскую письменность на латинский алфавит?

Сердюченко рассказал мне об остроте этой проблемы. Дело в том, что в Китае существует масса диалектов, а их представителей объединяет традиционная иероглифическая письменность. В разных районах Китая одни и те же иероглифы читаются по-разному. Если перевести китайцев на фонетический алфавит, то они перестанут понимать друг друга, утратив общее иероглифическое письмо.

Выслушав рассказ Сердюченко, я спросил: каковы его планы. Он ответил, что в Москве накопилась масса дел и он вынужден задержаться. Я возразил ему: „Нет дел важнее китайской письменности. Возвращайтесь в Китай немедленно!“ Что он и сделал»^[309]. Так Ю. Жданов спас «главную фигуру марристов» от участия в опасной дискуссии, хотя эта «фигура» была одной из самых слабых в научном отношении. Не отмечено также революционных изменений и в письменности Китая.

Воспоминания Ю. Жданова ставят точку в поисках инициаторов дискуссии 1950 года и одной из подспудных причин ее вызвавших. Так что к «заслугам» Берии можно отнести не только совершенствование ГУЛАГа, депортацию некоторых народов Кавказа, успехи «атомного проекта», научных «шарашек» и многое другое, но и начало процесса по развенчанию «мифа о Марре». Но если мегрелы Берия и Чикобава были склонены к грузинскому национализму, то Сталин после войны искусственно культивировал великорусский шовинизм. Не случайно, вскоре после окончания языковедческой дискуссии в Грузии началось так называемое «Мегрельское дело», которое, как считают некоторые исследователи, позволяло Сталину держать на дальнем прицеле Лаврентия Берия (а значит, и Чикобаву, добавим мы). Но эти события выходят за рамки данной книги.

Перефразируя классика мировой литературы, зададим гамлетовский вопрос: что Берии лингвистика и что он ей? Пока его архив закрыт, однозначно ответить на этот вопрос все же трудно. Можно лишь предположить, что Чикобава и грузинские партийные деятели сумел его убедить в том, что теория Марра не только несостоятельна в научном отношении, но и, исходя из новой политической конъюнктуры, крайне вредна. Особенно же она вредит грузинскому национальному самосознанию (как оно тогда ими понималось) и противоречит набравшему силу политическому курсу на великодержавность. В 1985 году престарелый Чикобава осторожно поделился очень глухими воспоминаниями о событиях 1949–1950 годов: «Весной 1949 г. мне было поручено написать статью о „стадиях развития языка“ Н. Марра... Доклад был написан по предложению тогдашнего руководителя республики — Чарквиани Кандида Несторовича, куратора 8-томного „Толкового словаря

грузинского языка“ (I т. — 1950 г., VIII т. — 1964 г.)»^[310]. О Берии ни слова.

Записка Чарквиани Сталину написана явно не им самим, поскольку содержит профессионально грамотные суждения и обвинения в адрес Марра. В ней представлена квинтэссенция тех претензий, которые потом были высказаны как в публикациях Чикобава, так и в языковедческих работах Сталина и всех последующих антимарристов. Скорее всего, и эту записку составил Чикобава, а местный партийный босс лишь добавил политического «перчику». Если сопоставить стиль этой и других записок, которые тот же Чарквиани писал несколько месяцев спустя, но, по всей видимости, уже самостоятельно, то сомнения в его авторстве становятся еще более обоснованными^[311].

Знакомясь с запиской Чарквиани от 27 декабря 1949 года, Сталин по ходу чтения сделал ряд помет в тексте и на полях. Чарквиани, в частности, писал:

«ЦК ВКП(б).

Товарищу Сталину.

О положении в области советского языкознания.

...знакомство с работами Марра по так называемой яфетидологии, написанными в последние годы жизни ученого, не оставляют сомнений в том, что, несмотря на все свои старания, *Марр не смог по-настоящему усвоить теорию марксизма-ленинизма и применить метод диалектического материализма в лингвистике. Это и обусловило скороспелость выводов Марра по основным вопросам языковедческой науки, его механистические ошибки, его подход к языку с позиций вульгарного материализма*».^[312]

Я курсивом выделил тот текст, который Сталин отметил двойными **вертикальными** линиями на полях слева^{19}. Обратим внимание на то, что в этой части записки декларируется основной идеологический тезис — теория Марра объявлялась в духе до— и послевоенных «дискуссий» механистической и вульгарно-материалистической, а сам он отлучался от марксизма. Напомню, что буквально в эти же дни в

печати публично бросались обвинения в механицизме, идеализме и преклонении перед Западом всем видным лингвистам, не признававшим концепцию Марра, и даже марристам старшего поколения. В записке впервые используется та же терминология по отношению к ненавистному противнику, правда, пока еще в форме потаенного научно-политического доноса.

Следующим пунктом обвинения стал тезис о том, что Марр считал все языки классовыми, а не национальными. Автор записки процитировал соответствующее место одной из работ Марра. Этот тезис особенно заинтересовал Сталина, и он не только отметил его той же двойной вертикальной линией на полях, но поставил еще нечто вроде буквы Z в начале абзаца, а в конце — двойную скобку «))». В самом же тексте Сталин дважды подчеркнул слова «национальные языки»:

«Z Яфетидология отвергает существование неклассовых языков, говорит Марр, все языки, в их числе и национальные языки Европы и Кавказа, — еще раз повторяем, — классовые, притом классовые не в последнюю очередь, а прежде всего. Яфетидология и подходит к изучению языка, как и речи классовой, впоследствии считает неприемлемыми))». [\[313\]](#)

Автор записки саркастически поминал основные тезисы концепции Марра, особо напирая на ее «сомнительную» терминологию типа: «труд-магический процесс» и «труд-магическое производство». Он прошелся и по поводу первичности «кинетической речи», но Сталина вновь привлекла мысль о классовости языка в интерпретации Марра и его замечания в адрес Энгельса. Чарквиани вновь и вновь цитирует и критически комментирует высказывания Марра, а Сталин отмечает на полях двойными и одинарными вертикальными линиями: *«„Товарищи! — восклицает Марр. — Нельзя же в эту пропасть тянуть марксизм против его собственной природы, против его логики и пользы не только молодежи, но нерешительно говорить о том, что внеклассового языка доселе не было. Язык был классовый с момента возникновения звукового языка, это был язык класса, завладевшего всеми орудиями производства той эпохи, в том числе и магией-производством, и отрицать руководящую роль кластеров-магов в этом деле можно, лишь перенося в те эпохи современных нам представлений и взглядов“.* Нельзя сказать, чтобы Марр не чувствовал своего

расхождения в этом вопросе с мнением классиков марксизма-ленинизма. Однако он настолько уверен в своей правоте, что в одном месте требует внесения поправок в „марксистскую гипотезу“ о происхождении классов, Он так и пишет: „Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляют ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках“».

Чарквиани передергивает марровскую характеристику: «гипотеза Энгельса» заменяется на «марксистскую гипотезу». Учел он и то, что если в самом начале 30-х годов еще можно было говорить о «гипотезе», то в самом конце 40-х следовало говорить только о «единственно верном учении». Далее автор записки «подставляет» Марру при помощи ссылок на те же самые произведения Сталина, на которые ранее марристы всегда ссылались для подкрепления своих тезисов. Но Сталина эквилибристика с его собственными цитатами явно не смущала. Он сам был большим виртуозом по этой части. Не смутил его и вывод Чарквиани, который тот сделал из одних и тех же цитат вождя: нет никаких классовых языков, а есть единый национальный язык. «Таким образом, вопреки Марру получается, что вся нация, состоящая при капитализме из различных классов, имеет один язык»^[314]. Таков главный вывод записки и основной вывод будущей работы Сталина.

После этого автор предъявил Марру целый список самых тяжких для того времени политических обвинений:

— он «льет воду на мельницу расистов, в том числе и современных англо-американских империалистов»;

— напоминая о сути стадияльной концепции развития общечеловеческого языка, автор подчеркивает, что высшей стадией, по Марру, являются «индоевропейские» и «семитические» языки, вышедшие из стадии «яфетической», а все остальные объявляются «окаменевшими» и «пережиточными».

Но намного важнее вывод, грубо подсказываемый Сталину: «Схема стадияльного развития языков исключает культурное и кровное родство народов, имеющие по сей день родственные связи. Он ликвидирует всякую историческую преемственность национальной культуры каждого отдельного народа. В этом отношении характерно, что Марр объявляет более близкими друг другу древние письменные

языки Армении и Грузии, чем древнегрузинский язык с современным грузинским языком. Таким образом, эта схема Марра дает теоретическое оружие в руки англосаксонских империалистов, объявляющих свой язык самым передовым языком в мире. Кроме того, эта же схема может служить обоснованием антипатриотических и антинациональных взглядов всех и всяческих космополитов, отрицающих самобытность культур советских народов и их исторических связей между собой. Своей схемой Марр относит грузинский язык к группе языков, чуть ли не окаменевших, лишенных способности развития. Эту унижительную для грузинской советской культуры, ничем не обоснованную „теорию“ Марр сочинил, несмотря на то что в ранних своих работах он неоднократно подчеркивал лексическое богатство, выразительность и гибкость грузинского языка, который, по словам Марра, на протяжении своей истории успешно выдержал соревнование с такими мировыми языками, как арабский, греческий, персидский».

Не будем заниматься доказательствами того, что и так очевидно: на самом деле все работы Марра — это гимн (иногда преувеличенный) грузинскому и другим кавказским языкам и культурам. Марр действительно считал, что древнеармянский и древнегрузинские литературные языки намного ближе друг к другу, чем разговорный новогрузинский или новоармянский к своим предкам. Почему-то никого не смущает, когда заявляют, что письменный церковнославянский язык ближе к древнерусскому, к древнеболгарскому и древнесербскому языкам, чем современные русский, болгарский и сербский. В среде армянских и грузинских интеллектуалов всегда находились яростные деятели, отрицавшие какое-либо родство и даже взаимовлияние двух тесно живущих народов. Марр же был автором первых работ, посвященных грамматике древнеармянского и древнегрузинского языков^[315], и поэтому лучше других понимал, о чем идет речь.

Прочитав этот текст, Сталин вновь стал делать отметки: «Отвергнув сравнительно-исторический метод в исследовании как „формальный“ Марр вместо него выдвинул метод палеонтологического анализа». Сведя палеонтологический метод к четырехэлементному, Чарквиани (или Чикобава?) далее писал: «Не подлежит сомнению, что именно палеонтологический метод Марра является чисто формальным,

схематическим методом и применение его в науке не может дать положительных результатов». И еще раз буквально через строчку автор обозвал палеонтологический метод Марра страшным для того времени словом «формальный», и вновь Сталин подчеркнул это положение. И его он вспомнит, когда приступит к своей работе. Здесь же он отметил на полях цитату из своей давней речи о том, что когда-нибудь в будущем, при всемирной диктатуре пролетариата, исчезнут старые нации и национальные языки, но пока продолжается этап роста наций и развитие их языков. На этом «обвинительный» перечень, предъявляемый покойнику, не заканчивался. В следующем пункте утверждалось:

«В практической работе по разрешению некоторых важных вопросов культурного строительства Марр неоднократно выступал с позиций космополитизма, требуя, чтобы народы жертвовали своими национальными интересами и культурными ценностями во имя общечеловеческой культуры. Так было, например, в вопросе о введении нового алфавита для многих национальностей советского общества. Известно, что Марр обосновывал необходимость введения латинского алфавита для всех советских народов, не имеющих письменности или пользовавшихся арабским алфавитом. Благодаря его стараниям абхазская письменность была переведена на чуждый для абхазского языка латинский алфавит». Надеюсь, читатель помнит, как на самом деле Марр относился к абхазской письменности? Больше того, патетически восклицал Чарквиани, Марр требовал перевести на латинский алфавит армянскую, грузинскую и даже русскую письменность. «Этот низкопоклоннический взгляд на роль латинского алфавита был целиком опрокинут последующим развитием культурного строительства в Советском Союзе», поскольку все народы СССР «отвергли» как арабский, так и латинский алфавиты и перешли на русскую кириллицу (исключая Армению и Грузию). Марр обвинялся, по существу, в том, что, скончавшись в 1934 году, еще в период остаточного увлечения идеями мировой пролетарской революции и интернационализма, он не смог посмертно перестроиться и встать на новый курс национал-патриотизма как всесоюзно-русского, так и местного грузинского.

Завершал записку Чарквиани большой пассаж в характерном духе сталинского «объективизма». После серии грубых политических

обвинений и оскорблений бросалось несколько одобрительных фраз, но уже по частным проблемам, к которым питал особое пристрастие сам обличитель. Сталин различными способами отметил и их. Для будущей своей работы он многое позаимствует из этой записки, хотя и сгладит ее прямолинейный стиль политического доноса, а национализм местечково-грузинский переведет в русло национализма псевдо-великодержавного. Даже о положительных моментах научных исследований Марра он будет писать примерно в том же духе: «Несмотря на необоснованность и неприемлемость языковедной теории Марра, мы далеки от того, чтобы отвергать все его научное наследие. Академик Марр вошел в историю как крупнейший ученый-кавказовед. Он выполнил огромную работу по языкознанию и изучению письменных документов и памятников материальной культуры, легших в основу работы для построения научной истории грузинского, армянского и других народов Кавказа. Его большая заслуга заключается в том, что так называемые яфетические народы: родственные друг другу хетты, пелазги, этруски, иберы — внесли огромный вклад в создание мировой культуры. Хотя Марр в последние годы жизни, в соответствии со своей языковедной теорией, стал отрицать этническое родство этих народов, тем не менее его прежние работы по этим вопросам не утратили своего значения.

Особенно велика роль Марра в изучении и издании грузинских и армянских письменных памятников, в воспитании кадров историков и лингвистов». Если весь предыдущий абзац Сталин просто отчеркнул на полях, то последний абзац выделил двумя косыми вертикальными линиями.

«В интересах развития подлинно марксистско-ленинского языкознания необходимо вскрыть неприемлемые стороны лингвистической теории Марра. Необходимо по справедливости оценить научное наследие Марра, взять оттуда все, что пригодно для советской исторической и языковедческой науки, и отбросить все, что противоречит марксизму-ленинизму и мешает нашим народам в развитии их социалистической культуры.

Эту работу должны были бы провести научно-исследовательские учреждения, специально занимающиеся вопросами языкознания. Однако руководители их в большинстве случаев сами являются („слепыми“, добавил Сталин поверх строчки. — Б.И.) последователями

Марра и принимают все его положения как догму. Так обстоит дело, например, в Институте языка и мышления им. Марра в Академии наук СССР. *Руководящий работник института проф. Сердюченко, проявляющий наибольшую активность в этом учреждении, в своих многочисленных статьях объявляет буржуазными учеными всех, кто не согласен с Марром. При этом он не приводит каких-либо доказательств в подтверждение правильности теории Марра и в обоснование тяжких обвинений, предъявленных языковедам»*^[316]. Текст, выделенный курсивом, Сталин каждый раз двумя линиями отчеркнул на левых полях.

Подчеркнутые фразы: «Академик Марр вошел в историю как крупнейший ученый-кавказовед» и что «Необходимо по справедливости оценить научное наследие Марра, взять оттуда все, что пригодно для советской исторической и языковедческой науки, и отбросить все, что противоречит марксизму-ленинизму», почти теми же словами войдут в качестве заключительных в основную статью Сталина «Относительно марксизма в языкознании».

Сталин также на первых порах пытался отделить Марра от марристов.

Сталин — Чикобава

Сейчас создается впечатление, что отношение Сталина к яфетической теории и к Марру изменилось чуть ли не в одночасье в конце 1949 года, то есть именно тогда, когда он начал знакомиться с запиской Чарквиани и приложенными к ней работами лингвиста Чикобава. Внимательно, с карандашом в руке Сталин изучил только одну из работ Чикобава, а именно машинописную заметку объемом в половину авторского листа: «Стадиальная классификация языков акад. Н. Марра». Остальные работы Чикобава, приложенные к записке, Сталин, скорее всего, лишь бегло просмотрел и видимых следов своего интереса к ним не оставил.

Статья Чикобава в целом повторяет основные положения и аргументы записки Чарквиани, но она более наглядно позволяет проследить процесс освоения Сталиным специфической научной проблемы и политической ситуации, которой она была чревата. Автор записки сосредоточился на двух основных положениях, на которых, по его мнению, покоится вся теория палеонтологического метода Марра: единство глоттогонического (языкотворческого) процесса и стадиальная модель развития языков мира. Суть палеонтологического метода он свел все к тому же четырехэлементному анализу. «Благодаря элементному анализу, — писал Чикобава, — акад. Н. Марр утверждает, что „Яфет“, „Карапет“, „Прометей“ лингвистически одно и то же»^[317]. Случайно или нет, но автор употребил настоящее время так, как будто Марр все еще живой противник, и, что особенно примечательно, сразу же указал Сталину на объединенных Марром три «сомнительных» к тому времени для вождя народа: евреев, армян, греков. Для пущей убедительности Чикобава добавил турок, еще один «сомнительный» со времен Второй мировой войны народ. Он подчеркнул: Марр считал, что турки родственны лидийцам, эламцам, шумерам, халдейцам, хеттам и что они «находятся в числе древнейших создателей европейской цивилизации». Нужно иметь в виду, что у Марра был совершенно особенный взгляд на связь языка и его носителя. Вопреки бытовавшему мнению о том, что народ, породивший язык, распространяясь по земле, несет его с собой, Марр утверждал нечто прямо противоположное: этносы редко меняют свою среду обитания, но зато, согласно

стадиальной теории, скачкообразно переходят от одной стадии языка к другой. Иначе говоря, этносы меняют свои языки, перевоплощая старые лингвистические формы в новые. Здесь у Марра вполне очевидна аналогия с революционным переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Точно так же, как одну и ту же экономическую формацию могут переживать разные народы и культуры, в одну и ту же историческую эпоху, так и язык народа или целых групп различных по происхождению народов может решительным скачком изменяться благодаря заимствованию, насилию, но чаще благодаря внутреннему развитию очередной стадии языка. Отсюда, в частности, у него получилось, что турки, являясь, с его точки зрения, плодом смешения пришлых с потомками древнейших автохтонных переднеазиатских племен, «скачкообразно» перешли на новый глоттогонический этап, который представлен тюркскими языками. С точки зрения здравого смысла принять этот тезис Марра не просто. Но, как известно, человеческий мир настолько разнообразен, что и мы без труда можем найти, правда в других регионах, немало подобных скачкообразных переходов. Например, «забвение» частью североамериканских или латиноамериканских индейцев своих племенных языков и переход ими на языки иной «формации»: английский, испанский, португальский, французский. Современные мексиканцы, например, — это и не этнические испанцы и не ацтеки, а именно мексиканцы. То же самое происходит на наших глазах с европейским, азиатским и африканским пришлым населением и их потомками в США, Канаде и других государствах Американского континента. Послевоенная Европа и постперестроечная Россия также оказались втянутыми в этот процесс. Или, например, метаморфозы с языками этнических евреев последних двух тысячелетий в различных частях света, и исторически одномоментное воскрешение в государстве Израиль обновленного библейского иврита, считавшегося мертвым языком.

Сходные процессы протекают во многих постколониальных странах. В них стремительно формируются общенациональные языки на основе смешения местных и европейских наречий. Сам же Сталин способствовал в 20-х — в начале 30-х годов восстанию из исторического небытия десятков неизвестных народов России, их языков и созданию для них письменности. Подвижно и текуче все: не

только этносы, но и языки. Теория Марра, как и другие лингвистические, исторические или социальные концепции, какими бы глубокими они ни были, покрывает лишь часть исторической реальности, которая, конечно же, богаче любой из теоретических конструкций. Поэтому, важно и то, какая из теорий охватывает более существенную ее часть. Но любая диктатура жива принципом «или — или» и смертельно боится любых форм плюрализма не только в политике, но и в науке.

Критикуя Марра уже по существу, Чикобава ставил перед вождем один обличительный вопрос за другим и сам же на них отвечал в духе времени — «разоблачительно» зло и бескомпромиссно. И, судя по пометам, по мере углубления в проблему у Сталина стал созревать план действий. Он начинает редактировать работу Чикобавы, возможно уже предполагая опубликовать ее в будущем. Чикобава вопрошал Марра о причинах многообразия языков: *«Откуда эта разница пошла? Раз изначальный материал у всех языков общий, раз процесс языкотворчества единый, как возникли разные языки? Чем обусловлено различие языков? Ответ Н. Марра гласит: разные языки олицетворяют разные ступени развития; различие языков обусловлено местом, которое принадлежит тем или иным языкам (группе языков, семье языков) в едином процессе языкотворчества (глоттогонии)»*.^[318]

Сталин отметил этот текст двойными вертикальными линиями на полях, а следующий за ним абзац уже знакомым для нас способом — Z в начале и две скобки в конце абзаца:

«Z Разные периоды единого языкотворческого процесса Н. Марр называл стадиями развития. В пределах одной стадии развития может уместиться несколько языковых систем (то есть языковых семей).»

Чем обусловлены разные стадии? Они выражают сдвиги в языке и мышлении, обусловленное „сдвигами в технике производства“ таков общий ответ.

Каковы должны быть эти „сдвиги в языке“, чтобы можно было говорить о новой стадии? Иными словами, по каким признакам выделяется „стадия языка“? *Это оказывается* (вставка Сталина. — Б.И.) *неизвестно: ответа на этот вопрос не найти ни у Н. Марра, ни у его последователей*»^[319]. Чикобава повторил в общих чертах положения теории Марра примерно так, как она была изложена в записке Чарквиани.

Вкратце пересказав уже знакомую Сталину и нам стадиальную классификацию развития языка, он аргументирует ее научную несостоятельность далеко не научными доводами: «Какое же место занимают наши языки, иберийско-кавказские языки („яфетические языки“ — по терминологии Н. Марра)? Наши языки в схеме Н. Марра стоят ступенью ниже, чем индоевропейские языки, они относятся к третичному периоду — они предшествуют индоевропейским языкам... Странно только одно: творцами металлургии являлись наши народы (яфетиды)... а в результате этого народились... индоевропейские языки».

И здесь главный антимарровский аргумент — кавказский фактор. В этом вопросе Марр попадал в эмоционально-логические «ножницы», в которые всегда пытаются загнать противника националистически ориентированные оппоненты. Если утверждается, что народ является более молодым, чем иные, то бросаются обвинения в попытке доказать то, что он по молодости своей варвар — менее культурен, менее цивилизован и развит, а это влечет за собой обвинения в тайном помышлении унижить этот народ. Если же наоборот — доказывается особая древность его, то бросаются обвинения, близкие по смыслу обвинениям Чикобава: «Стало быть, грузинский язык не дорос до латинского: застрял на более ранней ступени развития; ранняя ступень равнозначна низшей ступени — и к этой ступени он пригвожден согласно стадиальной схеме Н. Марра»^[320].

Конечно, Чикобава провоцировал национальную «память» Сталина, используя интернациональную марксистскую концепцию: согласно марксистской теории развития общественно-экономических формаций, каждая новая формационная ступень качественно выше, чем предыдущая. С этой точки зрения отстать в формационной гонке, то есть «застрять», например, на стадии феодализма в то время, когда другие уже обосновались в капиталистической и даже «благоденствуют» в социалистической формации, позорно. Не спасало даже то, что современные «феодальные» государства (на первую половину XX века), например Китай, индийские княжества, были много древнее капиталистических государств Европы и Северной Америки. Чикобава (и Берия!) совершенно недвусмысленно доносил вождю: своей теорией Марр унижает грузинский народ. И это был один из самых «убедительных» доводов. В качестве дополнительной

аргументации на той же странице в сноске Чикобава добавил: «Вместе не могут существовать новоразвившийся язык и язык, из которого он развился; между прочим, и этим отличается язык от животного организма; здесь могут сосуществовать два поколения, отец и сын, а то и все четыре поколения — от прадедушки до правнука». Это уж совсем странный аргумент для ученого-марксиста: если могут сосуществовать общества разных формаций, то почему это невозможно для народов, чей язык «застрял» на более ранней стадии? Гораздо существеннее не древность или молодость, а развитость живого языка, способность его превосходить или хотя бы быть сопоставимым по смысловым и эмоциональным полям покрываемым другими развитыми языками мира. В конкуренции за овладение смыслами и значениями протекает вся историческая жизнь языка, а точнее, историческая жизнь говорящего на нем людей. На земном шаре лидирует в определенную историческую эпоху именно тот, кто ушел дальше других в познании и овладении миром во всех возможных аспектах. Сила без мощного конструктивного разума исторически бесперспективна, свидетельством чему является история мировых цивилизаций. Мощь и красота любого языка — это мощь и красота разума его использующего и обогащающего. Не случайно Марр настаивал на прямой связи развития языка и мышления. И это был основной вопрос его далеко не бесспорной теории, который оппоненты всячески обходили. Обходят и сейчас.

Критикуя стадиальную теорию языка Марра, Чикобава пытался доказать, что сама по себе яфетическая теория должна быть сохранена, но в том компаративистском духе, как ее сформулировал автор еще до революции. Так что и здесь речь шла в первую очередь об удовлетворении национального чувства за счет науки. Сталин даже усилил эту мысль Чикобавы, перечеркнув четырьмя косыми линиями такое утверждение Чикобавы: «Яфетические языки (то есть иберийско-кавказские языки) не какая-то мифологическая стадия развития»^[321]. И тогда более напористо зазвучало: «Яфетические языки — живые представители древней многочисленной группы языков, носители которых выступают в истории человечества создателями древней цивилизации Передней Азии, цивилизации, вскормившей греко-римскую древнюю цивилизацию и, следовательно, всю культуру

Западной Европы». Иначе говоря, по Чикобава, яфетическому Кавказу обязана Европа своей высокой цивилизацией.

Если теоретическая, а точнее, политическая несостоятельность «нового учения о языке» становилась все более очевидной для Сталина, то достоинства и суть компаративистики не в полной мере были ему очевидны. Не исключено, что уже тогда у него возникали мысли об ином, третьем, подлинно марксистском, в его понимании, пути. Чикобава очень наглядно продемонстрировал преимущества сравнительно-исторического метода в отличие от палеонтологического метода.

«Сравнительно-историческая лингвистика группирует языки по происхождению (по генеалогическому принципу), предполагая разный исходный языковой материал. Так, например, название числа „три“ звучит по-латински tres („трес“), на древ. — индийском языке trayas „траяс“: у русского, латинского, индийского в данном случае общий исходный материал, общий корень. На грузинском языке „три“ звучит „сами“, на турецком — „уч“: груз. „сами“ нельзя свести ни к турецкому „уч“, ни к латинскому „трес“ — это разные корни. Их нельзя сравнивать: грузинский яз. не родственен ни с индоевропейскими языками, ни с турецким языком.

Родственные языки образуют группу т. н. „ семью языков“. Таковы, к примеру: хеттско-иберийская семья (с живыми иберийско-кавказскими языками), индоевропейская семья, семитическая семья, угро-финская семья»^[322]. Здесь Чикобава без тени смущения заявляет о наличии хеттско-иберийской (кавказской) языковой семьи. Хетты, как известно, были древнейшим народом Передней Азии (современники древних египтян, ассирийцев и иудеев). Большинство современных лингвистов (Марр так не считал) относят их язык к индоевропейской группе. Таким образом, Чикобава «убивал сразу двух зайцев»: родной язык возводил к древнейшему, хеттскому, а через него к индоевропейской семье народов.

«Сравнительно-историческому языкознанию меткую характеристику дал Энгельс (см. Анти-Дюринг. Изд. VI. С. 233); сравнительно-исторический метод применялся Энгельсом в его лингвистических исследованиях (Маркс называл Энгельса специалистом сравнительного языкознания)». Сталин (почти как в романе А. Солженицына), отметив на полях этот текст длинной чертой, напротив

ссылки на Энгельса тут же приписал: «Нужна цитата»^[323]. Следующий же текст отчеркнул уже двойной чертой, сочтя его особо важным: «На точке зрения генеалогической классификации стоит Энгельс в своих работах („Анти-Дюринг“, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, исследования о германских диалектах). Отсюда, между прочим, видно, насколько несостоятельно утверждение Н. Марра, будто генеалогическая классификация является расистским понятием.

Яфетическая теория Н. Марра отбросила сравнительно-исторический метод: его заменил палеонтологический метод (анализа по элементам). Яфетическая теория Н. Марра отрицает различное по материалу происхождение языков».^[324]

Отметим, что во времена Энгельса иной лингвистики, помимо сравнительно-исторической (компаративистской), в природе не было. И тем не менее именно Энгельс говорил пусть и метафорично о языке буржуазии и языке пролетариата в рамках одной нации. А теперь обратим внимание на текст, на который Сталин никак не отреагировал, но он представляет особый интерес для понимания связей теории Марра с тенденциями в мировой науке его времени, о чем сталинские марксисты даже не догадывались.

Чикобава, как и все критики Марра, особенно напирал на темные истоки четырехэлементного анализа: «На докучливые вопросы — почему именно четыре элемента, Н. Марр давал фантастические разъяснения (вроде четыре части света — четыре элемента!), договорившись, наконец, до того, что „некоторые вещи доказывать нет надобности, их можно показывать“ (Н. Марр. К Бакинской дискуссии об яфетидологии и марксизме, 1932. С. 44)»^[325].

Чикобава лукаво продолжал: «Н. Марра мы не приравниваем к элементам, но сам-то Н. Марр элементам (элементарному анализу) придавал исключительное значение, ставил во главе угла яфетической теории именно элементы.

Характерно, что турецкие расисты ухватились за принципы элементарного анализа Н. Марра; только нашли более удобным все слова всех языков земного шара сводить не к четырем, а к одному элементу — турец. — „гюн“ — „солнце“: таким нехитрым способом „было доказано“, что все языки произошли от турецкого языка!» Какое отношение Марр имел к «турецким расистам», современному

читателю понять затруднительно. Но двусмысленное отношение друг к другу Турции и СССР перед войной и во время войны, сближение Турции с США и странами Европы после войны, вековая мечта российских правителей о черноморских проливах, а турецких — об имперском реванше в Черноморском бассейне превращали ее в реального противника. Сталин отчеркнул и этот кусок текста, все более убеждаясь, что он в свое время пригрел врага. Образ Марра в его сознании все более и более начинал приобретать отрицательные черты. На следующей странице Сталин вновь отчеркнул на полях выводы Чикобавы, а в самом тексте сделал правку:

«Каковы выводы?»

1. Стадиальная классификация языков (учение о стадиях) Н. Марра тесно связано с палеонтологическим методом (анализ по элементам!) и с положением об единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса яфетической теории.

2. Стадиальная классификация Н. Марра вытекающая из учения об элементах, научно не состоятельна, общественно не приемлема. (Сталин зачеркнул слова : „общественно не приемлема“. — Б.И.). Вопреки голословным заявлениям Н. Марра стадиальная классификация не только не подрывает принципиальных основ лженаучного расизма, но с внутренней („внутренней“ — зачеркнуто Сталиным. — Б.И.) неизбежностью сама ведет к антимарксистским, антинаучным расистским утверждениям.

3. Только при знакомстве с реальным положением вещей или же при полном отсутствии чувства ответственности можно утверждать, что палеонтологический анализ (по элементам) положения об едином глоттогоническом процессе и стадиальной классификации языков в яфетической теории Н. Марра являются достижениями советской материалистической лингвистики: эти „достижения“ могут лишь дискредитировать материалистическую науку о языке — советскую лингвистику». Весь этот текст Сталин на полях слева отчеркнул одной чертой карандашом, а последующий отчеркнул уже дважды.

«4. Корень злоключений яфетической теории Н. Марра — чудовищный антиисторизм. Воплощение этого антиисторизма анализ по элементам: он представляет собой основные моменты яфетической теории Н. Марра, как в позитивной, так и в негативной части (критика буржуазной лингвистики). От элементарного анализа

последователи Н. Марра отказались в 1940 году. Положения же, порожденные этим анализом, до сих пор преподносятся как достижения материалистического языкознания. Это наблюдается не только в малоответственных выступлениях некоторых „лингвистов без языка“. (Например Г.П. Сердюченко в „Литературной газете“ [! — Б.И.]).

Управление педагогическими вузами Министерства высшей школы обязывает подведомственные учреждения включить в программу во „Введение в языкознание“ учение о стадиях, учение об единстве глоттогонического процесса Н. Марра в качестве необходимого учебного материала.

Арн. Чикобава.

21. IV.1949»[\[326\]](#).

Познакомившись с документами, подготовленными Чарквиани и Чикобавой, Сталин, возможно, какое-то время размышлял о порядке дальнейших действий. В необходимости кампании по разоблачению Марра у него, скорее всего, сомнений уже не было. Неясность была в том, участвовать ли ему непосредственно самому в этой кампании или руководить ею закулисно, как это он делал во время «дискуссий» по вопросам философии, генетики, кампаний по борьбе с космополитизмом, организаций «судов чести» и во время других послевоенных идеологических мероприятий.

Загадки яфетической пирамиды

Сталин понимал, что освоить азы лингвистики, а тем более профессионально оценить теорию Марра он, несмотря на свою безграничную самоуверенность, вряд ли сможет. Он вообще ничем никогда не занимался систематически, если, конечно, не принимать во внимание власть, которую воспринимал как естественный образ жизни, а не отрасль деятельности. Поэтому он пошел по обычному для себя пути — углубился в чтение общедоступной справочной литературы, а в ней, как правило, адаптированы самые сложные вопросы.

Главным источником, с которым теперь работал Сталин, был шестьдесят пятый том Большой Советской энциклопедии (БСЭ), первого издания, вышедшего при жизни Марра в 1931 году. Шестьдесят пятый том БСЭ был по алфавиту последним и поэтому содержал статьи: «Язык (лингв.)», «Языковедение», «Яфетическая теория», «Яфетические языки». Эти статьи были написаны или самим Марром, или его последователями и учениками. Марр также входил в состав редколлегии БСЭ. В том сохранилась закладка — типографский листок-памятка для подписчиков, на оборотной стороне которого Сталин написал простым карандашом:

«1) Язык с... (угол оборван. — Б.И.)

2) Языковедение стр. 392.

3) Яфетическая теория стр. 809».

Даты нет, но понятно, что эта закладка была сделана лично Сталиным во время работы над проблемами языкознания. Еще несколько закладок с написанными номерами страниц вложено между листами с перечисленными статьями. На статье «Яфетические языки», написанной Марром, помет Сталина нет. На страницах всех остальных перечисленных статей сохранились многочисленные рукописные пометы, сделанные одними и теми же чернилами. Значит, Сталин читал их все в одно время. Пометы есть и на других статьях этого тома, но они, возможно, были сделаны в другое время, скорее всего, раньше, чем пометы чернилами. В частности, Сталин, хотя и был хорошо знаком по первоисточнику с историей библейского Ноя и его сыновей еще со времен семинарской юности, тем не менее прочитал и эту статью в энциклопедии для того, видимо, чтобы прояснить для себя, по какой

причине Марр назвал свою теорию «яфетической». Из этой статьи явствовало, что Яфет был одним из трех сыновей Ноя, потомками которого, — утверждалось там, — стала народность ашкиназим, «жившая около Арарата (ассир. Урарту)». Здесь ничего нового для Сталина, кажется, не было, но следующий текст он отметил на полях двойной большой квадратно-круглой скобкой на полях:

«Имя Яфет принято современным языкознанием для условного обозначения группы языков („яфетической“), весьма сложных по типу и отличных по стадии развития от языков так называемых семитов и индо-европейцев (см. Яфетические языки)». ^[327]

Ко времени Марра научное языкознание насчитывало по крайней мере уже лет сто — сто пятьдесят. Для того чтобы получить хотя бы самое общее представление об истории лингвистики, «великий корифей науки» прочитал в БСЭ и статью «Языковедение» (подчеркнул название), в которой кратко, как и положено в энциклопедии, излагалась история дисциплины. Автором статьи была Р. Шор — знаток зарубежной лингвистики, автор учебников и, конечно же, представительница школы Марра. Сталин статью прочитал всю, но пометы сделал ближе к концу.

Из энциклопедии Сталин узнал о попытке приложить эволюционную теорию Дарвина к эволюции языков, которую под именем компаративистики осуществил в середине XIX века А. Шлейхер. Затем он прочитал о знаменитой классификации языков Шлейхера и о его взглядах на язык и языковые семьи как на уникальное творение природы. В этой же статье рассказывалось и о младограмматиках, они также пытались отыскать естественные законы развития языков и звуковой речи, то есть законы фонетики. Младограмматики, будучи гегельянцами, утверждал автор, считали, что «дух нации» выявляется в ее языке и что язык есть продукт саморазвития «духа нации». Как и Шлейхер, они же одними из первых приступили к реконструкции истории праязыка. Автор статьи в энциклопедии не упустил случая поиронизировать над реконструкторскими увлечениями Шлейхера:

«Шлейхер был так уверен в реальности своих реконструкций, что написал даже басню на „индоевропейском праязыке“» ^[328], — утверждала Р. Шор. Сталин на полях слева не только отчеркнул это замечание, но и приписал «ха-ха!» . Мы же отметим, что за этими как

будто наивными попытками реконструировать гипотетический праязык стоит нечто большее, чем литературный курьез^[329].

В той же статье автор упомянул известных философов, основоположников компаративистики: В. Гумбольдта, Фр. Шлегеля, Г. Штейнталя, заложивших фундамент научного языкознания. Процитировал выдающегося лингвиста XIX века Якова Гримма: «Наш язык есть также наша история». А историю невозможно понять без сравнения и сопоставления различных культур, народов, цивилизаций. Мы также должны учесть и то, что метод лингвистической компаративистики — это всего лишь метод сравнения, сопоставления одного языка с другим и выявления у них общего и отличного. Если отвлечься от конкретного «материала», то сразу же становится понятно — все люди, включая детей, вооружены от рождения этим «методом». Сталин взял себе на заметку основные идеи компаративистики, казавшиеся такими очевидными с точки зрения здравого смысла. А логическую простоту, ясность и лежащую на поверхности очевидность, как я уже отмечал, он ценил.

«Действительно, сравнительный метод (компаративистика. — *Б.И.*) в языкознании, — писала Шор, — исходил из двух основных допущений: из предположения о 1) замкнутом и изолированном развитии нескольких происшедших из одного общего праязыка языков и из предположения об 2) единообразных, не допускающих исключения законах, определяющих это различие»^[330]. Сталин для лучшего уяснения интуитивно сформулированных постулатов лингвистической компаративистики подчеркнул их карандашом и поставил нумерацию. Шор же перечислила эти «постулаты» с целью развернуть критику в духе своего учителя, то есть Марра. Но Сталин здесь явно игнорирует критику и использует статью для того, чтобы ухватить суть сравнительно-исторического метода в языкознании.

Видимо, еще от Чикобавы Сталин узнал о существовании неких «фонетических законов», являющихся основанием для претензий компаративистов на объективность и бесспорную научность и доказательность. В середине XIX века эти законы пытались сформулировать младограмматики, чьи идеи были особенно близки Чикобаве и некоторым отечественным компаративистам. Шор, излагая историю вопроса, негативно трактует понятие фонетического закона, а Сталин, напротив, берет себе все это на заметку, отчеркивая на полях

основные положения явно для того, чтобы уяснить их и использовать в положительном смысле.

«Младограмматики первоначально пытались сохранить это понятие „физиологического звукового закона“, — писала Шор. — *Однако очень скоро это понятие физиологически ненарушимого фонетич. закона уступает место понятию закона „исторического“*». [331] Последнее предложение Сталин отчеркнул на полях. Затем она цитирует одного из представителей младограмматиков Дельбрюка, который как раз и пытался перетолковать фонетический закон из естественно-научного в закон исторический: *«Звуковой закон не может говорить нам о том, что должно получаться из того или другого звука всюду при всяких условиях, но он констатирует лишь данный факт, именно, что в известном языке в известную эпоху его существования произошло последовательное изменение данного звука или звукового комплекса в определенном направлении, раз были налицо все другие все нужные для этого условия в каждом отдельном случае»*. [332]

И этот тезис Сталин отчеркнул еще и на полях слева. А на нижнем поле листа в качестве комментария приписал: *«Ограниченность временем и территорией»*. Шор обращает внимание читателя на то, как к концу XIX века компаративистика эволюционировала от поисков естественно-научных оснований и законов к пониманию значительной «условности» и «ограниченности» своих методических приемов. И вновь цитата из работы Дельбрюка:

«„Фонетические законы — это условные формулы для выражения существующих фонетических соответствий между отдельными языками или отдельными исторически засвидетельствованными моментами существования одного и того же языка“. Так разрушается основное и важнейшее положение, выдвинутое младограмматическим течением — *положение о нерушимости и безысключительности фонетических законов*». [333]

Автор разворачивал всю эту критику компаративистики для того, чтобы убедительнее изложить яфетическую теорию, но Сталин, скорее всего, лишь бегло просмотрел итоговую часть статьи и не оставил на ней никаких помет.

Таким же «экономным» способом Сталин «освоил» наконец и яфетическую теорию, для чего обратился к одноименной статье самого верного ученика Марра И.И. Мещанинова в упомянутом томе БСЭ,

написанной хотя и тяжеловесным, но понятным языком. Скорее всего, Мещанинов литературно переработал исходный материал, первоначально составленный самим Марром. Характер комментариев и многочисленность помет на страницах этой статьи, хорошо показывает, как вождь «вгрызался» в яфетидологию. Поскольку статья так сильно исчеркана Сталиным, то во избежание сплошного цитирования и неизбежных повторений отмечу только самые главные моменты и комментарии к ним Сталина. Автор дал краткую справку об истории развития яфетической теории, о значении для ее становления обращение Марра к письменным и бесписьменным языкам Кавказа. Остановился на разработанной Марром специальной системе записи звуков речи бесписьменных народов. Сталин по ходу изложения отмечал перьевой ручкой в тексте и на полях все эти моменты, а когда дошел до места, где даются объяснения того, каким образом Марр передает каждый звук речи, то есть фонему, в письменной форме, то есть в виде графемы, Сталин на полях тут же воспроизводит эти термины, подобно тому как прилежный ученик, силясь запомнить сложный материал, повторяет за учителем, шевеля губами: «*фонема, графема*»^[334]. Рассказав о том, что собой представляет аналитический (яфетический) алфавит, о его преимуществах и недостатках (и это Сталин отметил на полях справа черточками и галочками), Мещанинов перешел к анализу состава яфетических языков, их классификации, поведал о любимой идее Марра — о «трансформации населения на месте». Описание процессов «трансформации» этноса «на месте» особенно заинтересовало вождя, так как именно здесь Марр указывал на связь развития языка с «общественной перестройкой» и «хозяйственной деятельностью». Все эти положения Сталин буквально запечатлевал в своем сознании предложение за предложением, исчерпав текст, выделяя на полях абзацы с законченными мыслями, дополнительно отмечая галочками наиболее важные места. Точно так же он проштудировал раздел «Учение о стадиях и палеонтологический метод». Чтобы не повторятся, отмечу только то, что Сталин отчеркнул на полях и прокомментировал:

«Предварительной постановкой работ в новом направлении является учение о межстадиальных переходах и межстадиальных соответствиях. Н.Я. Марр устанавливает ступенчатое (скачкообразное) движение речи, перестраивающее стадиальное

оформление на основе наследственного сохраняющегося багажа предыдущей стадии. *Перестройка прежнего дает повод к прослеживанию каждого языкового явления в его прошлом и настоящем, что и образует основное задание палеонтологического анализа. Посредством этого анализа различные формы, например индоевропейской и семитической речи, приводятся к их яфетическому состоянию*».^[335] Последнее предложение Сталин на полях прокомментировал так: «назад», то есть он правильно понял — речь идет о регрессивном методе, когда из современного и понятного извлекают неизвестные истоки и рудименты. В конце же всего раздела Сталин подвел для себя итог, отметив: «палеонтологический анализ»^[336].

Таким же способом проработал и следующее положение статьи Мещанинова: «Анализ языкового развития в его диахроническом (вернее, разностадиальном) разрезе заменил прежнее учение о субстрате с последующими этническими напластованиями и, выдвинув взамен его стадиальное чередование, дал возможность использовать в новых целях предыдущие работы, характеризующие взаимоотношение яфетических языков с языками иных систем (семей)». Сталин пояснил для себя: «*Не напластование (этническое), а стадиальное чередование скачками*»^[337]. Далее Мещанинов изложил представления Марра о скачкообразном развитии языка и речи, отметив непроработанность «яфетической стадии». Взяв все это на заметку, Сталин подошел к центральной идее Марра, к пирамидообразной модели развития этносов и языков мира. Цитируемый далее текст не только отмечен Сталиным различными способами, но для наглядности снабжен им на полях рисунками двух довольно корявых «пирамидок»:

«При интересе яфетидологии к семантике (смысловой стороны языка) и идеологии естественно внимание обращалось в первую очередь на лексику (словарный состав языка), и в этой части выявились все недостатки формально обоснованных группировок. *В части лексического состава доступные изучению группировки языков оказываются в свете Я.т. (яфетической теории. — Б.И.) значительно более между собой объединенными, чем это предполагается индоевропейской школой.* Проводимое последней деление на праязыки с искусственным восстановлением праоснов распределяет весь словарный запас на корни, специально будто бы присущие только

данной языковой семье, совпадение же основ обычно слишком легко толкуется как заимствование слова одним языком у другого. Поэтому, проводимое индоевропейской школой деление языков представляет собою ряд обособленно стоящих пирамид, опрокинутых вершиной вниз, то есть начинающихся с единицы в виде общего праязыка и разрастающихся во множество последующих ответвлений. Взаимной увязки между отдельными пирамидами (семьями языков) не проводится, и каждая из них упирается в свой самостоятельный праязык. И если представители индоевропейской школы не настаивают на связи языка с этносом, то в искусственно построенном ими праязыке они твердо стоят на этнической основе и близки к прослеживанию пранарода, говорившего на данном праязыке и жившего в искомом месте, прародине, откуда вся система перенесена переселением. Яфетическая же теория, прослеживая общий и притом единый процесс языкового развития как надстройки над базисом производства и производственных отношений, устанавливает множественность языков вначале и последующий ход их жизни, идущий через объединение к единому будущему мировому языку. Т. о. яфетически построенная пирамида покоится на своем основании и идет вершиною кверху»^[338]. Именно здесь, на полях рядом с текстом, рассказывающим о компаративистской модели, Сталин примитивно изобразил небольшую пирамидку, опрокинутую вершиной вниз, символизирующую компаративистский процесс разветвления пучка (веера) родственных языков от одного праязыка. Чуть ниже Сталин нарисовал пирамидку, покоящуюся на широком основании и обращенную вершиной вверх, символизирующую множественность этногенеза человечества и прогнозируемый Марром качественно новый этап в развитии человеческого рода, в процессе которого переплавятся этносы и их языки в особое всеединство. И еще один примитивный рисунок изобразил Сталин напротив следующего текста:

«Еще точнее это выражается в образе родословного языкового дерева, ствол которого дает ветки семитическую, хамитическую, урало-алтайскую и т. д... Наглядность родословного дерева, еще окончательно не проработанного, нарушается неправильным представлением, к-рое дают ветки, исходящие из одного ствола, что самим своим внешним видом напоминает отвергнутое яфетидологией учение о праязыке». На полях Сталин как мог нарисовал ручкой хилую

«веточку», символизирующую «родословное дерево». Похоже, что эти графические упражнения помогали вождю усвоить не простые научные проблемы через зримые образы.

И последующий уточняющий комментарий Мещанинова отчеркнул Сталин на полях и под строкой: «Помещая в низ пирамиды, то есть в начальные эпохи языкотворчества, многообразие самостоятельных общественно группирующихся единиц, имеющих каждая свой язык, *яфетидология должна учесть и количественное множество изначальных языков при их качественной близости, далекой от того качественного отличия, которым характерны развитые т. н. культурные языки*». Здесь изложена очень интересная мысль Марра о том, что, возможно, в очень далекой древности, когда только зарождалась человеческая речь, все многочисленные праязыки человечества находились по отношению друг к другу как «диалекты» одного прапраязыка. Если это так, то марровская модель очень напоминает библейскую, на промежутке между языком Адама и вавилонским смешением языков.

Обращаю внимание читателя на примечательный факт из истории мировой науки, заставляющий задуматься о неисповедимости путей умственного развития человечества. В 20-х годах XX века во Франции в конгрегации ордена Иисуса (иезуитов) стал приобретать известность один из крупнейших географов, палеоантропологов, археологов, богословов и философов XX века Пьер Тейяр де Шарден. Он был младшим современником Марра. Его конкретный вклад в археологию был неоспорим, как в свое время и вклад Марра, и оценен научными кругами по заслугам^[339]. Достаточно вспомнить открытие им (в соавторстве) в Китае синантропа, одного из промежуточных звеньев в антропологической эволюции. Но Шарден был еще и ученым, пытавшимся проследить магистральный путь развития Вселенной через человекообразных к человеку разумному и предсказать дальнейшее развитие человечества. Его концепция синтеза науки и религии, будучи очень популярной, не вписалась в традиционную христианскую доктрину о первородном грехе Адама и Евы, за что ему было запрещено публиковать свой главный труд «Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь». Католический монах Шарден в существенных пунктах своей научной биографии в чем-то повторил на западноевропейский лад путь советского академика Марра. После

смерти Шардена, когда в начале 60-х годов XX века книга все же вышла в свет, она была запрещена папской курией, а папа Пий XII издал энциклику, осуждающую в принципе идею полигенеза человечества. До сих пор книга Шардена — объект самой серьезной критики со стороны видных ученых-католиков и отдельных православных богословов^[340]. В СССР она была издана тогда же, в 60-х годах, правда ограничена грифом: «Для научных библиотек». Книга высоко оценена известным православным богословом Александром Менем^[341]. Понятно, что Марр не мог ничего знать об антропологической концепции Шардена, а последний, возможно, также не знал о трудах Марра, хотя некоторые его работы были переведены еще в 20—30-х годах на французский и немецкий языки. Шарден заявил, что исток, то есть момент мутации каждого нового биологического вида, в том числе отдельных звеньев предков человека, никогда не удастся зафиксировать. Поэтому вид предстает сразу, то есть «взрывообразно», как «мутон» в виде «пучка» или «веера» разновидностей и родов на древе жизни, а не явлением одной пары прапрапредков и их линии. Затем уже начинается: «Целая совокупная игра дивергенций и конвергенций»^[342], «игра» которую Марр назвал так же, но с использованием русской терминологии: процесс «схождения» и «расхождения» человеческих общностей и этносов (при этом Марр добавлял — и их языков). По мнению Шардена, уже в историческое время этот процесс привел к качественно новому этапу в эволюции человечества, который неизбежно ведет к слиянию всех рас, этнических семейств и глобальных цивилизаций — к общечеловеческому синтезу. Вот что он писал в конце того самого 1948 года, когда в СССР начал созревать замысел посмертного развенчания Марра: «Бесконечное межоплодотворение, во всех степенях. Смешение генов. Анастомы рас в цивилизациях и политических учреждениях... Рассматриваемое зоологически, человечество являет собой уникальное зрелище „вида“, способного реализовать то, в чем потерпел поражение всякий другой вид до него. Оно не просто космополитическое, оно, не разрываясь, покрывает Землю одной организованной оболочкой. Чему приписать это странное условие, если не полной смене, или, точнее, радикальному усовершенствованию, путей жизни посредством введения в действие в конечном счете единственно возможного мощного орудия эволюции — срастания в самой себе целиком всей филы?»^[343] За сходные идеи

Шарден и Марр были одинаково осуждены в одну историческую эпоху, но один за сомнительность с точки зрения христианской ортодоксии, а другой за то же, но уже ортодоксии «марксистской», точнее сталинистской.

В конце раздела Сталин отметил различными способами и справа, и слева колонок с текстом еще два места, где говорилось о недостаточной проработанности яфетической теорией древнейших этапов в развитии языка и мышления человечества^[344]. В конце раздела Сталин поставил перьевой ручкой крест и далее только пробежал разделы: «Изучение семантики и семантические ряды», «Понятие классовости языка», «Учение о четырех элементах», «Практика яфетидологии», «Оценка Я.т. а) На Западе; б) В СССР». Только трижды его глаз зацепился здесь за текст, а рука потянулась за ручкой. Первый раз в том месте, где говорилось о «четырех элементах»^[345]. Второй — тогда, когда автор упомянул научных противников яфетидологии: «В СССР. Аналогичные оценкам зап. — европ. буржуазных лингвистов оценки Я.т. выступают у ряда представителей правого крыла советской профессуры (Ушаков, Петерсон, Поливанов)». Сталин слева на полях грозно и требовательно написал: «*Это что такое?*»^[346] Следует учесть, что не все перечисленные ученые к тому времени, когда Сталин читал эту статью, были живы, причем Поливанов, как уже говорилось, погиб в тюремном застенке. Но для нас этот сталинский жест дает возможность определить психологический настрой вождя, который внутренне уже поменял полюсами свои оценки учения Марра и его противников. Кроме того, сразу же за этим текстом Сталин отметил тремя вертикальными чертами ту самую цитату из давней статьи М.Н. Покровского в «Правде». Я предполагаю, что в этот самый момент за посмертной тенью Марра захлопнулась дверь символической тюремной камеры, только что обустроенной в сталинской душе.

Сталин: «Язык — материя духа»

Усвоив, как ему казалось, основные идеи компаративистики и яфетической теории, Сталин решил прояснить для себя то, как советская наука трактует понятие «язык». Для этого он вновь обратился к тому же шестьдесят пятому тому БСЭ, к одноименной статье. Понятно, что и эта статья была написана с позиций яфетической теории. Ведь к 1949 году нового, второго издания БСЭ еще не было. Последний том со статьями на букву «я» появился уже после смерти властителя. Авторами статьи «Язык» в первом издании БСЭ были уже известные нам: И. Мещанинов, Р. Шор и некто, подписавшийся инициалами А.Б. Статья изобилует ссылками на классиков: Маркса, Энгельса, Лафарга, Ленина и, конечно, Сталина. Похоже, что именно они, то есть цитаты классиков о языке и мышлении, и были нужны вождю. Лишь попутно он отмечал то новое, что узнавал из нее о яфетидологии. И хотя Сталин в предвоенные годы «перепахал» вдоль и поперек по несколько раз с цветными карандашами в руке различные издания Маркса, Энгельса, Ленина, Лафарга, Каутского и свои собственные, сейчас он не хотел затруднять себя специальными изысканиями. В то же время, если у него действительно созревала мысль о том, что он сам будет участвовать в дискуссии, но выступит не как профессионал-лингвист, а как гениальный теоретик марксизма, для этого действительно требовалось прояснить то, что говорили классики относительно языкознания, языка, мышления и сознания. Зрела решимость показать всем этим академикам и профессорам, как надо по-марксистки решать задачи, в которых когда-то копался Марр, а теперь людишки из его «школы».

Авторы статьи сразу же начали с главного «марксистского» положения Марра: «Специфика языка. По определению К. Маркса и Фр. Энгельса, язык представляет собою надстроечное явление»^[347]. Марр достаточно вольно трактовал здесь классиков, так как прямого отнесения языка именно к надстройке у них нет. Противники Марра уже неоднократно обращали на это внимание, в частности, об этом же говорилось в записках Чарквиани и Чикобавы. Но для Марра отнесение языка и мышления к надстройке, то есть к наиболее изменчивой и зависящей от экономического базиса общества части социального

организма, было принципиально важно. Оно позволяло привязывать революционные, «взрывообразные» семантические изменения в языке к изменениям в идеологической и политической сферах общественного устройства, то есть к социальным революциям. Для подкрепления этого положения авторы процитировали известный тезис Маркса и Энгельса (на него в свое время указал Марру Луначарский) из работы о Л. Фейербахе. Они, отмечалось в БСЭ, так разрешали проблему, определяя место языка «среди других исторических явлений (производственных, общественно-политических, правовых и семейных отношений) человеческого общества: („Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений , мы находим, что человек имеет также „сознание“. Но и оно не имеется заранее или как „чистое“ сознание. На „духе“ заранее тяготеет проклятие „отягощения“ его материей, к-рая выступает здесь в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание, язык — это практическое существующее для других людей, а значит, существующее так же для меня самого реальное сознание и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношения с другими людьми“». Продолжением этих мыслей Маркса является следующее его утверждение: („Даже основной элемент мышления, элемент в котором обнаруживается жизнь мысли — язык — чувственная природа“»)»^[348].

Все горизонтальные и вертикальные подчеркивания (последние передаются курсивом) и отчеркивания, вставленные в тексте «жирные» скобки, принадлежат Сталину. Кроме того, Сталин нарисовал стрелку от слов «четыре стороны первоначальных отношений» и направил ее к словам «производственных, общественно-политических, правовых и семейных». А напротив слов: «На „духе“ заранее тяготеет проклятие „отягощения“ его материей» — написал: «Язык материя духа»^[349]. Ни раньше ни позже Сталин эту мысль в такой формулировке нигде не воспроизводил. Ничего подобного нет и в его языковедческих писаниях. Но вывод примечателен. Здесь исток его лингвистической «концепции». Ведь Маркс и Энгельс, последовательно придерживаясь материализма, писали о «духе» в кавычках, то есть в метафорическом, а не в библейском смысле. Они как раз подчеркивали материальное «отягощение» идеальных представлений о человеческом «духе» (мышлении) и указывали на чувственную природу языка. Сталин же

интуитивно воспроизвел дуалистическую и, по существу, библейскую трактовку сущности человеческой природы: Господь вложил душу человеческую в прах и тем, одушевив материю, сотворил чудо — человека с его сознанием и языком. И с тех пор «дух» человека, по Сталину 1949 года, материализуется в языке. О каких классовых языках и языке как части надстройки могла идти речь, когда и Маркс с Энгельсом, и библейская традиция едины в том, что «язык так же древен, как сознание» и возникает он одновременно с сознанием, задолго до социального расслоения общества. Недаром же Марр пытался критиковать Энгельса за то, что тот не заметил классов и других социальных групп (а значит, и их языков) в первобытном, «доклассовом» обществе. Кроме того, классики практически поставили знак равенства между мышлением и языком, заявив, «что основным элемент мышления» — это язык, и именно эту мысль Сталин особо для себя выделил: скобками; («Даже основным элемент мышления, элемент в котором обнаруживается жизнь мысли — язык...»). В сталинском послевоенном «марксизме», а точнее, в специфической смеси из марксистских, библейских, националистических (вплоть до нацистских) и других идей и стереотипов не было места для сомнений в правильности давно усвоенных постулатов. Сталин наконец-то уловил для себя суть того, в чем проявился «немарксизм» Марра, — он как тайный закоренелый «идеалист» оторвал язык от мышления, а значит, и от сознания. А о том, что в его красиво выглядевшей интерпретации на полях (*«Язык — материя духа»*) душа единственно материализуется в языке, а все остальное телесно-психическое в человеке не имеет к ней никакого отношения, марксист, материалист и бывший христианин Сталин даже не задумался. Впрочем, свою откровенно идеалистическую мысль, возникшую под впечатлением чтения марксистского текста, Сталин, как я уже говорил, никогда больше и нигде не воспроизводил. Это была мимолетная, крайне редкая яркая вспышка интеллекта у человека, вынужденного много десятилетий подряд доказывать превосходство своего интеллекта в любой аудитории и по любому вопросу. Скорее всего, об этой фразе Сталин тут же забыл.

Затем он задержался в том месте, где авторы привели табличку Ленина из его замечаний на книгу Лассалья о Гераклите. Ленин, размышляя об истории познания, пытался свести ее к различным

областям знания, включая в конгломерат из историй отдельных наук, истории философии, истории умственного развития ребенка, в том числе и истории языка, чувств, психики, биологии. В табличке, которую Сталин отчеркнул волнистой линией, Ленин употребил латинское слово «ergo». На это Сталин отозвался, — крупно и нарочито уверенно написав рядом на полях на латинском же: «Cogito, ergo sum»^[350] («Мыслю, следовательно, существую»). Никакого отношения к ленинскому тексту эта его показная осведомленность не имела. Многие книги из сталинской библиотеки испещрены подобными прописными сентенциями.

В процессе дальнейшего знакомства с теорией языка по первому изданию БСЭ Сталин вновь задержался на формулировке о диалектическом различии и связи языка и мышления, отметив ее вертикальными и горизонтальными чертами: «Т. о. необходимо исходить и из неразрывной связи Я. с мышлением как „практического, реального сознания“ и из качественного отличия Я. от мышления».^[351] Это положение, ставшее прописной истиной в советской официальной философии (идеологии) так же эхом отзовется в его будущей работе. Он очень внимательно прочитал раздел, посвященный концепции Марра о языкотворческом процессе, включая «кинетический» этап и критику концепции моногенеза человеческого рода и языка. Отметил известную уже нам цитату из книги Лафарга «Язык и революция» с тем, чтобы опровергнуть ее в своей будущей работе^[352]. Попытался вникнуть в специфическое толкование Марром проблемы «возникновения и развития грамматических категорий»^[353], в его трактовку происхождения местоимений, существительных и глаголов и вновь — в связь звуковой и кинетической речи с социальной средой^[354]. В разделе «Классификация языка» отметил критические высказывания в адрес «биогенетического сравнительного метода» индоевропеистики с его идеей восстановления семейного праязыка^[355]. И все же главным для него было выявление «методологических» марксистских основ яфетидологии, то есть именно того, что он собирался опровергать в марризме и обосновывать в собственном «языковедческом марксизме». Поэтому в разделе «Историческое развитие языка» он выделил себе на память две цитаты из классиков: «Маркс и Энгельс намечают их („формы языка“». — Б.И.) следующим образом: „В любом современном развитии Я. первобытная стихийно возникающая речь возвысилась до

стадии национального Я., отчасти благодаря истории развития Я. из готового материала, как это мы наблюдаем в случае романских и германских Я., отчасти благодаря скрещению и смешению народов, как в случае англ. Я., отчасти благодаря концентрации диалектов у какого-нибудь народа, происходящей на основе экономической и политической концентрации“ (Архив М. и Э., IV, с. 290)»^[356]. Здесь Сталин четко выделил три важные мысли, связанные с путями происхождения языков и их связи с происхождением европейских наций: из стихийно развившейся племенной речи до национальной (романские и германские народы); через скрещивание и смешение народов, а значит, и их языков (английский язык); путем концентрации одного из диалектов под влиянием политической и экономической централизации. Для нас очевидно: Сталин вычитал у классиков то, что он вскоре будет всячески опровергать, делая вид, что не знаком с их мнением. А они допускали различные пути складывания национальных языков, в том числе и **путем скрещивания племен и их языков**, на чем особенно настаивал Марр, не отвергая и других путей, намеченных основоположниками. Другое дело, что в отношении романских языков классики ошибались, поскольку и они произошли путем смешения диалектов народной латыни с германскими и другими языками пришлых народов, но наука их времени эти вопросы еще только изучала.

Затем Сталин подчеркнул часть цитаты Энгельса из его письма 1890 года к Блоху: «Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние, во многих случаях определяют преимущественно форму ее, различные моменты надстройки»^[357]. И наконец, еще один хорошо известный тезис Энгельса в интерпретации учеников из «школы Марра»: «*В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени*». И как пример абсолютной нелепости Энгельс приводит желание объяснить экономически (как ясно из контекста, из экономики современной Энгельсу Германии) «то передвижение согласных, которое делит Германию в отношении диалектов на две половины».^[358] Большая часть из этих цитат будет так или иначе приведена и в работе Сталина, но для доказательства прямо противоположных истин. Сталин внимательнейшим образом прочитал все цитаты из произведений

Лафарга и своих собственных и даже подчеркнул слова из одной своей речи на XVI съезде партии, приведенной в разделе «Языковая политика»^[359]. В процессе дискуссии ему придется не только полемизировать с Лафаргом, но и с теми, кто привык за долгие годы видеть рядом с цитатами Марра цитаты самого вождя. В самом конце статьи из БСЭ Сталин взял на вооружение набивший оскомину к 50-м годам стереотип сталинской пропаганды середины 30-х годов:

«Очередные задачи марксистской лингвистики. Поэтому на текущем этапе социалистического строительства перед советскими лингвистами-марксистами, *наряду с проверкой и углубленной разработкой системы марксистского языкознания*, наряду с развертыванием борьбы на два фронта — против идеализма и против механицизма — в качестве еще более важной задачи стоит преодоление одной из худших традиций науки о Я. — отрыва теории от практики»^[360]. Мы уже встречали эту «формулу» в записке Чарквиани, вскоре ее будут воспроизводить многочисленные критики марризма на страницах газет и других изданий.

Судя по тексту языковедческих работ Сталина, он не ограничился просмотром только шестьдесят пятого тома БСЭ. Скорее всего, он так же полистал статьи, посвященные грамматике, фонетике, семантике и некоторым другим вопросам языкознания. Но в современном архиве Сталина нет других томов БСЭ. Несколько томов БСЭ сохранилось среди остатков его библиотеки, и они ждут своего исследователя^[361].

Лингвистический «заговор» Сталина

Ознакомившись с материалами, переданными от имени Чарквиани и с дополнительной литературой, Сталин вызвал его в Москву вместе с Чикобавой и членами правительства Грузии. О том, что произошло в сталинской резиденции в Кунцеве, поведал сам Чикобава: «В начале апреля 1950 г. меня предупредили из директивного органа нашей республики, что на днях мне предстоит поездка в Москву: „Вопросы языкознания будут там обсуждаться с секретарями ЦК, и Вам следует подготовиться“.

И вот 10 апреля вечером мы (Первый секретарь К. Чарквиани, Председатель Совета Министров Республики, два министра и я) оказались в Москве на даче И. Сталина.

Обсудили лишь вопросы языка: замечания Сталина о „Толковом словаре грузинского языка“ (первый том которого перед тем вышел) и вопрос о „Новом учении“ Н. Марра...

Было решено провести дискуссию: дискуссионную статью поручили написать мне: „Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем. А этот ваш доклад, возвращаю“, и Сталин положил на стол папку (с докладом о стадиях языка), но тут же добавил: „Впрочем, пока оставляю у себя: посмотрим, как об этих вопросах Вы теперь напишите, а потом доклад верну“. (Сталин так никогда и не вернул доклад Чикобавы, как и другие его материалы, в чем мы только что убедились. — *Б.И.*)

Дискуссионную статью, написать которую мне поручили 10 апреля 1950 г., И. Сталин читал два раза и делал свои замечания. Для их обсуждения мне пришлось дважды побывать на даче И. Сталина, где обсуждения эти длились по 2–3 часа.

Сталин терпеть не мог неясности. Вопросами языка он интересовался, по существу, в связи с национальным вопросом. Вопреки распространенному мнению спорить с ним можно было. Бывало, он и соглашался („В этом Вы, пожалуй, правы!“).

О палеонтологическом элементном анализе Марра („Гадания на кофейной гуще“, как это во время дискуссии называл Сталин) он информации не имел, но ультралеваая крикливая фраза Марра его

отнюдь не убеждала („Марр много кричал о марксизме, но он не был марксистом“ — его выражения на встрече 10.IV.1950 г.).

Положительно к Марру И. Сталин, видимо, не относился и до дискуссии. <...>

Наша статья „О некоторых основных вопросах советского языкознания“ была напечатана в газете „Правда“ 9 мая 1950 года (этим открылась известная дискуссия по вопросам советского языкознания)»^[362].

Кто помимо приглашенных из Грузии присутствовал на совещаниях у Сталина, сейчас неизвестно, но, судя по тому списку фамилий, который Сталин написал своей рукой в инициативном письме, объявлявшем членам Политбюро о начале дискуссии в «Правде», в курсе событий были: Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущев^[363]. Так что «дело Марра» сразу приобрело общегосударственный размах. Не ясно также, о чем спорил Сталин с Чикобава, с чем вождь не соглашался? Возможно, это станет более понятным, когда мы подойдем к анализу опубликованных в «Правде» статей Чикобава и других участников дискуссии, а главное, к анализу языковедческих публикаций самого вождя. Скорее всего, именно Чикобава назвал Сталину будущих антимарровских участников дискуссии, в частности В.В. Виноградова^[364], поскольку вряд ли вождь хорошо ориентировался в том, кто из языковедов каких придерживается взглядов. Все эти мероприятия проводились втайне и от аппарата ЦК, и от руководства Академии наук, с тем чтобы не спугнуть раньше времени марристов, не дать им возможности «спрятаться под корягу» и переориентироваться. Судя по тому, с каким энтузиазмом и бесстрашием марристы стали прорываться на страницы «Правды», они скорее предвкушали свою окончательную и безоговорочную победу, чем предчувствовали гибель. Впрочем, и Чикобава, и члены руководства партии и правительства вряд ли знали обо всех помыслах вождя и в особенности о его желании непосредственно участвовать в дискуссии. Сталин же понимал, что стоит ему только намекнуть о намерении участвовать, как всех моментально охватит паралич и никакой «дискуссии» не состоится вовсе, что позже и произошло.

Таким образом, между апрелем 1949 и апрелем 1950 года, после того как Чикобава написал свою записку, а Чарквиани направил весь комплекс документов в Москву, Сталин знакомился с существом

проблемы в интерпретации Чикобавы (и, возможно, Берии), просмотрел доступную ему литературу и коренным образом изменил свое отношение к «новому учению о языке» Марра. Здесь сошлось сразу многое: и курс на великодержавность, и идея всемирной империи с ведущим русским языком, и новое понимание национальных проблем, и даже давняя «шероховатость» в личных отношениях с Марром. И еще один мотив мы должны учесть. Ознакомившись с комплексом документов, Сталин понял, что он может заложить очередной блок в создаваемую им на протяжении десятилетий идеологическую систему, или, как тогда говорили, в «марксистско-ленинское мировоззрение». Чудовищная гордыня двигала им всю жизнь, и он хотел не только власти над телами и душами людей, но и над их умами, их кругозором. А для этого он должен был доказать всем, что Сталин не только Учитель народов, величайший политический Гений, Генералиссимус, Самый Большой Друг детей и женщин, но и Гениальный Ученый.

Сталин был не только инициатором, но и разработчиком стратегии лингвистической дискуссии. Подобно средневековому римско-католическому иерарху он отправил извещение о начале «диспута» с целью обличения очередной закоренелой идеологической «ереси». 6 мая (незадолго до Дня Победы) 1950 года Сталин написал простым карандашом послание членам Политбюро. Перепечатанный текст на бланке ЦК гласил:

«Т.т. Берии, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Рассылая статью тов. Чикобава „О некоторых вопросах советского языкознания“, считаю необходимым сказать несколько слов о нынешнем положении дел в советском языкознании.

Советское языкознание переживает тяжелое положение. Все ответственные посты в области языкознания заняты сторонниками и поклонниками Марра. Эти последние отстаивают чуть ли не каждую строчку, каждую букву произведений Марра. Ученых, в чем-либо не согласных с Марром, снимают с постов и лишают возможности высказать свое мнение по вопросам языкознания. Из лингвистического изгнаны критика, самокритика. Между тем нужно сказать, что в произведениях Марра имеются не только правильные, но и

неправильные положения, грубые ошибки, без преодоления которых невозможно двигать дальше советское языкознание. Понятно, что отсутствие критики и самокритики создает застой в развитии советского языкознания. Необходимо ввиду этого, скажем, на страницах „Правды“, открыть свободную дискуссию по вопросам языкознания, которая могла бы расчистить атмосферу и дать правильное направление советской лингвистической мысли.

Статья тов. Чикобавы является полемической. Я думаю, что она могла бы быть использована как одна из дискуссионных статей. Можно было бы дать „Правде“ по одному вкладному листу в неделю с тем, чтобы лист был использован для помещения дискуссионных статей по языкознанию.

И. Сталин.

6 мая 1950 г.»[\[365\]](#).

В тексте, поместившемся менее чем на одной машинописной странице, начинающий корифей умудрился десять раз (!) употребить одно и то же слово «языкознание» — забивал одни и те же слова, как гвозди.

Глава 6. Дискуссия

Замысел и драматургия дискуссии

Замысел Сталина был прост, даже примитивен, хотя деталями отличался от предыдущих постановок того же ряда. Для затравки дискуссии должен был начать Чикобава с резкого антимарристского выступления. Оно должно было подхлестнуть марристов и взбудоражить общественное мнение. Затем предполагалось попеременно предоставлять слово то противникам Чикобава (марристам), то его сторонникам (компаративистам). Для того чтобы у каждой из сторон создавалось ощущение его личной поддержки или, по крайней мере, заинтересованного нейтралитета, на дачу к Сталину приглашали поочередно и Мещанинова, и Чикобаву. Предполагалось также участие и «третьей» линии, любящей лукаво рассуждать по принципу: «С одной стороны... с другой стороны...», внимательно отслеживая при этом, куда косит глаз начальства. Короче говоря, полная свобода и объективность дискуссии по-советски были обеспечены. Самое удивительное в этой истории то, что Сталину одинаково удалось обмануть и марристов, и компаративистов. До последнего момента, то есть до выхода его статьи в «Правде», они равно не сомневались в его личной поддержке, хотя в этой игре пожилой Сталин уже повторялся. И в те времена, когда он раскалывал реальные группировки оппозиционеров, и в те, когда сознательно разжигал групповые инстинкты и личные амбиции своих верных приближенных, он действовал по схожим схемам, делал вид и для тех и для этих, что втайне он только им союзник. Этот прием срабатывал безотказно, поскольку любой человек живет надеждой, в особенности когда ставка — жизнь. Но если Мещанинов и марристы были уверены в поддержке Сталина скорее в силу сложившейся почти двадцатилетней традиции, то Чикобава имел более надежную опору в лице Берии.

Сценарий предусматривал также возможность для каждой из сторон какое то время демонстративно пикироваться и при этом не давать явного преимущества ни одной из них. Затем на трибуне должен был явиться «Он» — Сталин. И тогда вся дискуссия переходила в стадию апофеоза, в триумф «объективной истины», высказанной Гениальным Ученым, а в качестве заключительных манифестаций предполагался вал писем восторженного народа на имя вождя и

покаянные послания поверженных противников, то есть марристов. Судя по документам архива Сталина и опубликованным материалам дискуссии, так все и произошло. Но что это за странная сталинская мания — чуть что устраивать фальшивые диспуты?

Известно, что только говорящий, то есть рассуждающий, обсуждающий и спорящий, способен научиться думать. У нас, в России, можно проследить целые эпохи общественной немоты, когда власть особенно плотно затыкает рты любым оппонентам как «справа» так и «слева». Такие эпохи перемежаются краткими временами безудержного и даже истеричного всенародного «говорения». И почти всегда это верный признак назревающего противостояния, бунта, революции, реформы или перестройки. В XIX веке российское политическое подполье, прежде чем стать действенной революционной силой разных направлений, родилось именно как реакция на вынужденную общественную немоту. Поэтому почти все политические партии России, в том числе и социал-демократы, начинали свою деятельность с нелегальных кружков, члены которых главным образом занимались пропагандой, то есть «говорением», спорами, диспутами. Как и все, Сталин участвовал в ожесточенной публицистической «говорильне», в политических спорах на партийных совещаниях, на съездах, на страницах нелегальной и легальной партийной печати. Царизм всеми доступными средствами сопротивлялся свободе слова. Но как в официальных государственных, так и в подпольных российских кругах была одинаково живуча убежденность в том, что «слово и дело» неразлучимы. У нас во все времена эта сакральная вера в действенность слова делала его центральным объектом борьбы, то есть дела. Во всех слоях общества никто не удивлялся, когда за открыто высказанное слово часто карали гораздо более жестоко, чем за тайное дело. Поэтому революционные события 1917 года рассматривались многими участниками и свидетелями как результат дела в первую очередь вырвавшегося из подполья неукротимого, вольного слова. Гражданская война и последующие за ней события — это также многолетняя борьба не только за власть, за верховенство, но и беспощадная битва с тем же бессмертным свободным словом. Против него с одинаковым озлоблением бились и красные, и белые. После смерти Ленина главным организатором борьбы со свободой мысли и слова был тот самый революционер Иосиф Джугашвили, который до

1917 года вместе со всеми страстно боролся за элементарные гражданские права: за свободу собраний, свободу мнений, массовых шествий, митингов, за свободу печати. После Гражданской войны и в особенности после сворачивания НЭПа пространство свободы слова в СССР год за годом катастрофически сокращалось. Как известно, к концу 20-х годов после уничтожения оппозиций и с утверждением режима сталинизма свобода слова была окончательно уничтожена даже в рамках правящей партии. Но Сталин, будучи изощренным политическим игроком, задушив политическую и духовную свободу, использовал ее бездыханный труп в различных и многочисленных постановках, в том числе и под названием «Дискуссия». До войны такие дискуссии проводились то по отдельным вопросам истории ВКП(б), то по вопросам об общественно-экономических формациях, то по проблемам марксистско-ленинской философии, то по другим вопросам. Целью всех этих дискуссий было не разностороннее обсуждение давно всех волнующих проблем, а прямо противоположное — публичное и торжественное увековечение очередной официальной догмы. После выполнения ритуала дискуссии никакая дальнейшая критика или тем более пересмотр утвержденного «незыблемого» положения не допускались. До войны весь этот процесс, особенно в сферах истории и философии, как и во всей мировоззренческой области, Сталин держал под своим непосредственным контролем. О том, как бдительно он следил за каждой попыткой независимо от него провести обсуждение даже не очень злободневных вопросов истории, хорошо видно на примере его знаменитого хамского окрика в адрес редакции журнала «Пролетарская Революция» в 1931 году. Тогда он, в частности, писал: «Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в „дальнейшей разработке“. Почему, на каком основании?»^[366]

К 1950 году Сталин и хорошо им выдрессированный пропагандистский аппарат имели уже огромный опыт по проведению особого рода дискуссий. Сталину надо было лишь обозначить свою личную роль в очередном ритуале, предложить вариант сценария и указать на требуемые результаты. После этого отлаженный партийно-государственный механизм действовал до тех пор, пока хозяин не

подавал знак — довольно. В дискуссии по вопросам языкознания Сталин отвел себе роль не только главного арбитра, но и ведущего теоретика, выбрав из набора личин, масок и образов: «политика», «полководца», «отца народов», «кинокритика» и др., особо ему понравившийся лик «ученого».

Страна вступила в 1950 год, самая середина XX века. Власть Сталина беспрецедентна. Никогда еще ни в одной языческой, христианской или мусульманской стране культ смертного, культ личности не достигал такой высоты, как в атеистической России. В стране безраздельно господствовала атмосфера бесстыдного идолопоклонства. Личный контроль Сталина за всеми слоями общества и в особенности за живой человеческой мыслью через все тот же партийно-государственный аппарат стал абсолютным. Любое печатное и устное слово вождя воспринималось как очередное изречение оракула. Выскажись он хоть раз публично или на любом закрытом собрании о новом понимании вопросов языкознания, и от Марра и его сторонников не осталось бы ничего, кроме опозоренного имени с каким-нибудь брезгливо «пришпиленным» к нему оскорбительным ярлыком. Но Сталин затевает публичную дискуссию, причем не в узком кругу специалистов, как это было во время дискуссий по вопросам истории СССР или всемирной истории, истории философии или по проблемам генетики, а на страницах главного пропагандистского рупора режима, на специально выделенных вкладных листах газеты «Правда». В стране все давным-давно усвоили: самая массовая газета «Правда» — это голос партии, голос Кремля, голос Сталина. То, что Сталин решил провести дискуссию именно на страницах «Правды», поднимало ее, по сравнению с другими послевоенными дискуссиями, на самую значительную политическую и государственную высоту.

9 мая 1950 года — День Победы. На первой полосе газеты «Правда» помещен большой парадный портрет Сталина, а рядом соответствующий панегирик. И здесь же в номере опубликована статья Арн. Чикобава, а перед ней уведомление:

«От редакции. В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты „Правда“ свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть

застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области.

Статья Арн. Чикобавы „О некоторых вопросах советского языкознания“ печатается в дискуссионном порядке. С настоящего номера „Правда“ будет печатать дискуссионные статьи по вопросам языкознания»^[367].

В отличие от письма Сталина членам Политбюро, в уведомлении никак не проявлялась официальная позиция. «Застой» можно было понимать по-разному, и в первую очередь как слабую активность марристов первого поколения по отношению к недобитым остаткам представителей старой лингвистики. Многие марристы и вообще непосвященные восприняли начало дискуссии как очередной виток очередной послевоенной кампании по борьбе с буржуазной идеологией. Вкладыш из «Правды» с уведомлением и статьей Чикобавы, как и другие опубликованные материалы дискуссии, тогда же были собраны в архиве Сталина. Но прежде чем окончательно лечь в архив, они проходили через его руки. Сталин все внимательно просматривал. Очень многие напечатанные материалы несут на себе следы карандаша и ручки вождя. Вот и это предуведомление, никак не раскрывающее истинные намерения организатора дискуссии, отмечено кругообразным движением сталинского карандаша по поверхности газетного объявления, а внутри круга текст перечеркнут крест-накрест. Это был знак подготовки первого «сталинского удара» на новом идеологическом направлении, на открываемом им лично «языкофронте» образца 1950 года. Фигура, начертанная карандашом, очень напоминает сталинскую графику на стратегических картах времен Отечественной войны, где таким же способом он намечал предполагаемые котлы, а затем реально окруженные армии противника. Вплоть до XX съезда КПСС школьники и студенты вузов изучали знаменитые «десять сталинских ударов», в результате которых якобы и были разгромлены все армии вермахта. На учебных картах того времени все эти удары и контрудары обозначались разноцветными стрелками и перечеркнутыми крест-накрест абрисами котлов. Стареющий генералиссимус явно скучал без будоражащих кровь страстей и нестрашных теперь опасностей мировой войны. И вот, пусть и языковедческий, но все же фронт.

Опубликованную в том же номере «Правды» статью Чикобавы Сталин также перечитал и вновь на ней сделал пометы, хотя, прежде чем дать добро на ее публикацию, он трижды правил три авторские машинописные версии. Чикобава вспоминал о двух редакциях своей статьи с правками вождя. На самом же деле в архиве Сталина находятся три редакции статьи Чикобавы с замечаниями Сталина и несколько последних страниц еще одного экземпляра, на котором правки нет. С учетом правки во время первого знакомства с краткой запиской Чикобавы (о ней говорилось раньше) таких редакций насчитывается сейчас четыре и пятая правка на публикации статьи в газете «Правда». Не все правки Сталина носили существенный характер. В то же время письменные пометы Сталина не полностью исчерпывают его замечания так как многое высказывалось им в устной форме, — Чикобава старался учесть и эти устные пожелания вождя. Об этом, в частности, говорит и то, что если самая первая записка Чикобавы насчитывала не более половины авторского листа, то одна из редакций его статьи состояла уже из 42 машинописных страниц, другая — из 60 страниц, а еще одна — из 49 страниц. По ним видно, что Чикобава изо всех сил старался написать так, как этого хочет державный редактор. Вся редакторская работа проходила между 10 апреля (время прибытия Чикобавы в Москву) и 6 марта 1950 года (дата письма Сталина членам Политбюро и дата написания последней редакции статьи Чикобавы), то есть Сталин работает со статьей Чикобавы в течение месяца. На варианте статьи объемом в 42 страницы дата не указана, на варианте в 60 страниц стоит дата — «2.V.1950 г.», на редакции в 49 страниц указана дата «6.V.1950 г.». На страницах той статьи Чикобавы, где нет даты, больше всего поправок Сталина, впрочем, и на более поздних редакциях их немало. Чего же вождь хотел от лингвиста и профессора Тбилисского государственного университета имени И.В. Сталина А. Чикобавы? Скорее всего, раз за разом перечитывая и правя статью Чикобавы, он добивался уяснения своей собственной позиции и вычленения проблем, которые хотел оставить за собой. Сталин пытался как можно ближе подвести текст Чикобавы к своей постепенно проясняемой для себя же позиции. Статью Чикобавы он превращал в удобный для себя плацдарм. Но в то же время Сталин явно не желал, чтобы Чикобава, идя на прорыв, смело, открывая дискуссию с антимарристских позиций, стал не то что главным, а даже равным

вождю ее участником. Он хотел оставить только за собой плоды заранее предпрешенной победы, то есть окончательную формулировку лингвистических проблем и их «марксистское» разрешение. И весь этот замысел блестяще удался. Впрочем, могло ли быть иначе?

В первом варианте статьи Чикобавы (42 страницы) Сталин сначала правит только стиль, уточняет «марксистские» формулировки. Но вот автор задевает болезненный для послевоенного Сталина вопрос. Это один из тех вопросов, который и привел к изменению его отношения к Марру. Чикобава критически относясь к послереволюционной интерпретации яфетической теории, напоминал, что языки яфетической группы стадильно предшествуют индоевропейским и семитическим языкам. В этом месте Сталин дописал на тексте Чикобавы: «Стало быть, яфетические языки уже перестают быть ветвью семитических языков»^[368]. Ловя Марра на нестыковках и противоречиях, Сталин невольно выдает сам себя — значит, его давно смущало предположение Марра об общих истоках некоторых кавказских (грузинский и армянский) языков с языками семитическими? А здесь из статьи Чикобавы Сталин понял, что позже Марр отнес грузинский язык к языкам яфетической группы. Действительно, противоречие налицо.

В том же, первом варианте статьи Чикобавы Сталин взял себе на заметку его замечание о претензии марристов на то, чтобы рассматривать яфетическую теорию в качестве «общего учения о языке?»^[369]. А к рассуждению Чикобавы о том, что Марр противоречит бесспорному сталинскому определению нации, утверждая, что все языки классовые и что «соответственно отпадает вопрос о классовых языках, классовых языков не бывает», Сталин добавил: «Есть только языки национальные»^[370]. Здесь же выкинул цитату из своей работы «О диалектическом и историческом материализме».

В том месте, где Чикобава затрагивает болезненный для антимарристов вопрос о будущем мировом языке, Сталин поверх текста пишет: «Как известно, марксисты понимают это дело несколько иначе. Они считают, что процесс отмирания национальных языков и образование одного общего мирового языка будет происходить постепенно, без каких-либо искусственных... мер»^[371]. Затем на протяжении почти десятка страниц почетный академик Сталин тщательно выправляет стиль профессора и лингвиста Чикобавы, берет себе на заметку рассуждения автора о родстве языков, отражающем

родство семьи народов. Вычеркнул замечание автора о том, что все положительное в советском языкознании делается «не благодаря палеонтологии речи, а несмотря на палеонтологию»^[372]. Затем решительно сократил заключительную дежурно-положительную часть, перечеркнув такой пассаж Чикобавы: «Акад. Н.Я. Марр впервые со всей страстностью поставил фундаментальный вопрос материалистической лингвистики — о языке как надстроечной категории, развитии языка в связи с развитием производственной деятельности человека». Вместо этого сделал свою вставку: «Но у акад. Н.Я. Марра были серьезные ошибки в общелингвистических теоретических построениях. Без преодоления этих ошибок невозможно строительство и укрепление материалистической лингвистики. Если где и нужна критика и самокритика, то именно в этой области»^[373]. В заключительном абзаце вычеркнул перечисление имен великих марксистов, в том числе и своего имени^[374].

Доработав статью по замечаниям Сталина, в результате чего она выросла почти на полтора десятка страниц, Чикобава вновь принес ее вождю или передал через кого-то не ранее 2 мая 1950 года. Сталин опять с удовольствием принялся за редактирование. Здесь уже помимо навязчивой страсти к редакторской работе можно заподозрить и то, что Сталин решил использовать этот момент просто для того, чтобы лучше усвоить доводы Чикобавы, а затем подготовить свой собственный эффектный выход на публичную сцену. Я опускаю очередную редакторскую и корректорскую работу вождя и отмечу только принципиально важные моменты. Во всех предыдущих вариантах Чикобава подвергал критике идею Марра о кинетической (ручной) стадии развития речи. Сталин решил, что в этом месте интонация Чикобавы недостаточно решительна, и, исправляя ее, внес дополнительные аргументы, которые он позже воспроизведет и в своей статье: «Ясно, прежде всего, что когда говорят о происхождении языка, речь идет не о немом, „ручном“ языке, который нельзя назвать языком, поскольку он является немым, бессловесным, — а о человеческом звуковом языке...»^[375] Эта фраза целиком войдет в его собственную работу. Затем Сталин счел возможным сделать вставку в текст профессионала-лингвиста в том месте, где Чикобава, критикуя стадиальную классификацию языков Марра, говорит о китайском языке. Сталин дополняет: «...последний, как язык живой, безусловно

развивается и будет развиваться в соответствии с хозяйственным развитием Китая и будет преуспевать, вопреки стадильной философии Марра»^[376]. И хотя Марр никогда не говорил, что китайский язык, несмотря на свою древность, утратил способность развиваться, Чикобава бросает ему в этом упрек, а заодно и в пособничестве расистам: «Между тем именно стадильная классификация акад. Н.Я. Марра, отказывая определенным языкам в способности развиваться, объективно на руку расистам». Сталин исправил конец предложения: «...помогает расизму»^[377]. Отметим еще одно место во втором варианте статьи Чикобава, покоровившее вождя своим «оппортунизмом». Напомню, Чикобава хотел сохранить яфетическую теорию в ее компаративистском, дореволюционном варианте. Поэтому наряду с представлением о яфетической языковой семье и о характере языка как надстрочного явления Чикобава попытался сохранить и палеонтологический метод анализа речи. В свое время он также отдал ей дань и, видимо, теперь не хотел перечеркивать сделанное. Но в этом месте он написал очень коряво: «В принципе бесспорна палеонтология речи, как углубление истории, но не в порядке замещения истории языка и марксистски понятый сравнительно исторический метод». Сталин на полях нарисовал жирный восклицательный знак, затем русскими буквами по-грузински написал характерное «хе», то есть «дубина», а всю фразу отредактировал следующим образом: «В принципе бесспорна палеонтология речи, как один из способов изучения истории древнего языка, но не как средство заменить или отменить историю языка» (далее по тексту. — Б.И.)^[378]. Затем Сталин выкинул все развернутые выводы Чикобава, оставив всего два кратких абзаца, добавив к ним: «...поскольку акад. Н.Я. Марр не смог подняться до правильного понимания марксизма-ленинизма»^[379].

Третья, окончательная, сильно сокращенная редакция статьи была представлена Чикобавой через четыре дня, то есть 6 мая 1950 года. Именно в этот день Сталин и направил информационное письмо членам ЦК о начале дискуссии. Но даже в этом, казалось бы, так тщательно совместно отработанном тексте Сталин умудряется править стиль, уточняет хронологию^[380]. Наконец объявление о начале дискуссии и статья Чикобава появляются в «Правде». Сталин вновь просматривает уже напечатанную статью и точно так же, как на

газетном объявлении, ставит на ней (точнее, на цитате из работы Марра) карандашом знак котла^[381].

Как уже говорилось, статья Чикобавы была опубликована в тот день, когда страна отмечала шестой День Победы, и поэтому на первой полосе газеты «Правда» был помещен большой парадный портрет генералиссимуса. Читая статью Чикобавы, которая была озаглавлена почти так же, как будущая статья самого вождя, — «О некоторых вопросах советского языкознания», советские люди, конечно же, не подозревали, что перед ними текст, написанный профессором и отредактированный Сталиным. Изложим кратко основное содержание статьи в том окончательном варианте, который был опубликован в газете.

В преамбуле, ссылаясь на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, автор почти по-марровски заявляет о необходимости изучения языка «в его соотношении к мышлению», а изучения истории языка — «в тесной связи с историей культуры, говорящего на нем народа». Но затем Чикобава заявил, что в последнее время в различных изданиях, в том числе и в «Правде», были опубликованы материалы, в которых, по его мнению, марксизм-ленинизм в языкознании подменялся марризмом. В то же время среди советских лингвистов нет единого мнения о плодотворности языковедческих построений Марра. Он отметил, что еще в 1940 году директор Института языка и мышления АН СССР им. Н.Я. Марра и «ближайший ученик Марра» академик И. Мещанинов отказался от применения поэлементного анализа, сказав, что «анализ слов современной речи по элементам ничего не дает». Однако совсем недавно, в 1949 году, замдиректора того же института доктор Г. Сердюченко вновь заявил о необходимости проведения подобного анализа. Конечно, продолжал автор, Марр в свое время сделал большое дело, борясь с «идеалистической лингвистикой», но он так и «не смог подняться до глубокого понимания сути марксизма-ленинизма, ему не удалось овладеть методом диалектического материализма и применить его в языкознании». Отсюда, утверждал Чикобава с одобрения Сталина, происходят все ошибки Марра.

Я большую часть жизни прожил в советскую эпоху, учился в советском вузе и в аспирантуре одного из исследовательских институтов Академии наук СССР, но ни тогда, ни тем более сейчас (2012 год) я так и не понял, что собой представляет «диалектический

метод» и тем более не представляю, каким образом он может быть применен в какой-либо науке. На протяжении десятилетий профессора философии и «научного коммунизма» жевали бессмысленную жвачку перед многомиллионной молодежной аудиторией (и не только перед ней), тратя свои и чужие годы жизни на псевдообучение псевдонауке. «Диалектический метод познания», так же как «исторический и диалектический материализм» и масса других псевдофилософских терминов, служили в качестве идеологического мусора, которым забивали любой канал, через который могла бы просочиться живая мысль. Для советских же идеологов разных времен, и в особенности для Сталина, с помощью этих понятий при желании все можно было объявить «антимарксистским», «метафизическим» и «реакционным» или, наоборот, истинно «прогрессивным» и передовым. Подобные словоформы можно было опорожнять или вновь заполнять по мере необходимости любым содержанием. Если Марр (как и многие ученые старшего поколения) в начале 30-х годов только учился такому диалектическому «ремеслу», то более молодой Чикобава и другие участники дискуссии к 1950 году вполне уже им владели.

В первом разделе статьи Чикобава изложил свое понимание яфетической теории. Он выделил в ней учение о яфетических языках, их природе и происхождении, а затем общелингвистические принципы академика Марра. Кратко проследив этапы развития яфетической теории от момента установления родства грузинского языка с семитическими и до момента распространения этого понятия на значительную группу до индоевропейских языков, объединенных Марром в «третий этнический элемент Средиземноморья» (первые два — это индоевропейский и семитический). Именно здесь Чикобава ловит Марра, как ему казалось, на противоречии: если грузинский язык входит в яфетическую группу, то какими образом он может быть отнесен в то же самое время к семитическим языкам? — задавал он вопрос. Чикобава готов был принять яфетическую теорию в ее раннем варианте именно потому, что грузинский язык попадал в особую яфетическую языковую семью и на него не падала «тень» семитизма. Поэтому до 1920 года теория Марра была хороша, но, продолжал далее Чикобава, Марр стал бесконечно расширять круг яфетических языков, заявив, наконец, что это вовсе и не языковая семья и что поэтому «генеалогическая классификация заменяется стадильной

классификацией. Место истории занимает палеонтология речи». Последняя, с ее четырехэлементным анализом и единством языкотворческого процесса, и стала главным объектом критики автора. Особенно возмутило Чикобаву такое заявление Марра: «Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусство». «По нашему мнению, — продолжал он, — ставить знак равенства между искусством (вообще искусством), с одной стороны, и языком, с другой стороны, как надстроечными категориями никак нельзя». Но, несмотря на это, язык все же правильно отнесен Марром к надстройке. Это противоречивое утверждение Чикобавы Сталин не убрал из его статьи (или Чикобава в данном случае проявил упрямство?), но взял себе на заметку для своего будущего выступления. О том же, почему Марр отнес язык к тем же общественным ценностям, что и «искусство», рассмотрим позже в связи с анализом теории «символических форм» философа Эрнста Кассирера.

Следует отметить пассаж Чикобавы, в котором критиковались взгляды Марра на общность и различие древних и новых грузинских и армянских языков, на классовый характер всех языков мира и в особенности на классовость языков первобытных племен. Именно здесь и была вставлена фраза Сталина о том, что классовых языков не бывает, а «есть только языки национальные». Затем Чикобава раскритиковал марровскую теорию происхождения общечеловеческого языка через стадию языка жестов, к стадии звуковой речи с вставкой Сталина о том, что подлинным человеческим языком может быть только звуковой язык и что язык жестов языком не является. Поскольку, продолжал Чикобава, согласно классикам от Маркса и до Сталина, основная функция языка состоит в том, чтобы быть «средством общения», то заявление Марра о «магической» функции звуковой речи на самых ранних этапах ее зарождения является антимарксистским. Также немарксистским было заявление Марра о необходимости принятия искусственных мер для ускорения глобального единства общечеловеческого мирового хозяйства и общемирового языка будущего. Как раз здесь Сталин дописал: «Как известно, марксисты понимают это дело несколько иначе...»

В следующем обширном разделе статьи Чикобава, усиливая нажим, по второму кругу вновь подверг критике идею глоттогонии как таковую, стадиальную теорию развития общечеловеческого языка,

элементный анализ, идею сосуществования языков разных стадий развития (формаций). В последнем случае он сослался на тот же пример, на который ссылались марристы, взятый из истории складывания современных западноевропейских языков, но в прямо противоположном смысле. Чикобава заявил: «Народная латынь не существует рядом с итальянским языком, ведущим начало от народной латыни». Конечно, он не мог знать, что в 1940 году замечательный советский философ и литературовед М.М. Бахтин, испытавший влияние Марра, закончил книгу о творчестве Франсуа Рабле, центральной мыслью которой как раз и была история сосуществования и борьбы народной латыни с нарождавшимися новыми языками народов Европы. Книга Бахтина была впервые издана лишь в 1965 году.

Наконец, Чикобава обвинил Марра и его последователей в том, в чем они обычно обвиняли представителей компаративистского направления в лингвистике. Поскольку Марр распределил все языки по стадиям развития и наиболее древние из них, в частности китайский язык, он отнес к «окаменелостям», несущим на себе «печать отставания», то, замечал Чикобава, «теория акад. Н.Я. Марра утверждает исключительное превосходство индоевропейских и семитических языков; никакие другие языки не достигли той ступени, на которой оказались индоевропейские языки — все другие застыли на более или менее ранних, архаичных ступенях». Здесь сохранилась сталинская вставка о безусловно прогрессивном развитии современного китайского языка. В конце этого раздела Чикобава высказал свое кредо, свое понимание принципов развития языков: «Научное материалистическое понимание стадильности возможно только в том случае, — заявил он, — если стадии будут прослеживаться в развитии каждой системы языков, в развитии каждого языка». В последующие годы он будет усиленно продвигать идею изолированного стадильного изучения отдельного языка, вне каких-либо внешних влияний, но серьезной поддержки в научных кругах не получит.

Понимая, что самый сомнительный раздел языкотворческой теории Марра — это научные основания поэлементного анализа, Чикобава в третьем, заключительном разделе статьи вновь к нему возвращается, доказывая на конкретных примерах его полную несостоятельность. Он справедливо замечает, что Марр, вопреки утверждениям его учеников, придавал исключительное значение этому анализу и считал его основой

«нового учения о языке». На вопросы же о том, каким образом они выявляются, Марр отвечал: «Наблюдение показывает, что есть всего четыре элемента. Почему, не знаю». «Это значит, — заключал Чикобава, — недоказуемая теория объявляется аксиомой». Марр видел во взглядах сторонников индоевропеизма опасности расистского истолкования данных лингвистики, но, с возмущением замечал Чикобава, «генеалогическая классификация языков не дает никаких оснований для лженаучных реакционных расистских утверждений габино-чемберленов или современных англо-американских исследователей». Об англо-американских исследователях 40—50-х годов Марр, разумеется, ничего знать не мог, но о том, что его старший современник француз Габино и младший современник немец Чемберлен закладывают основы «расовой теории», беря за основу идею превосходства индогерманской языковой семьи, был хорошо осведомлен. В заключение, чтобы не заподозрили в симпатиях к основоположникам современного «буржуазного» языкознания, Чикобава решительно отмежевался от всемирно известных лингвистов Дюргейма, Мейе, Соссюра, Пауля, обвинив их в «психологизме», а заодно укорил и покойного Марра за недостаточную борьбу с ними. Статья закачивалась теми обвинительными пунктами в адрес Марра, которые Сталин отредактировал и одобрил.

* * *

Все эти непростые идеи, имена и термины обрушились на читающий газету «Правда» разноплеменный советский народ. Не читали тогда «Правду» только мало сознательная школьная молодежь (о дошкольном возрасте речь не идет вообще), малограмотные старики с дореволюционным стажем и некоторые несознательные домохозяйки. Всех остальных заставляли слушать чтение газеты бархатистые голоса по Всесоюзному радио, на политзанятиях специально выделенных лекторов: в заводских цехах и академических институтах, в городских и сельских клубах, в армейских красных уголках, чайханах, красных юртах. Никогда раньше или позже ни один народ не соприкасался так массово с наукой, тем более такой мудреной, как лингвистика.

Сталин, академик И. Мещанинов и другие участники дискуссии

Раз в неделю, с 9 мая по 4 июля 1950 года, «Правда» выходила с вкладышем на шести полосах, где печатались материалы дискуссии. Вначале таких приложений вышло девять. И каждый раз накануне выхода очередного приложения из редакции «Правды» к Сталину направлялись письма с информацией о поступивших статьях и о предполагавшемся порядке их опубликования. Вне всякого сомнения, на первых порах работники редакции сами предварительно делали заказы заранее намеченным авторам. Затем некоторые отклики стали поступать и стихийно. Но редакция газеты, а главное, сам Сталин тщательно регулировали через очередность публикаций процесс дискуссии. После напечатания забойной статьи Чикобавы в один день, 15 мая 1950 года, на имя Сталина поступило сразу две записки из редакции «Правды» за подписью ответственного секретаря газеты Л. Ильичева. В первой содержались сведения общего порядка:

«Товарищу Сталину.

С момента опубликования в „Правде“ 9 мая статьи проф. Арн. Чикобавы „О некоторых вопросах советского языкознания“, редакция получила ряд статей, авторы которых излагают свою точку зрения по затронутым вопросам». Затем перечислялись авторы: Н. Чемоданов, Н. Яковлев, Г. Санжеев, П. Черных, Б. Серебренников, Т. Дегтерев. Среди этих авторов пропорционально представлены: двое ведущих марристов, двое откровенных антимарристов и двое умеренных. Обратим внимание на то, что статья Черныха была подготовлена одной из первых, и, видимо, по заказу, еще до начала дискуссии. Но опубликована она будет только в конце ее, в один день со статьей Сталина. «Общий размер научных статей, — продолжал Ильичев, — от 12 до 25 страниц. Авторы перечисленных статей оспаривают положения статьи проф. Арн. Чикобавы, некоторые авторы критикуют также ошибочные стороны учения Н.Я. Марра.

Редакция располагает сведениями о том, что над статьями для дискуссионного листка „Правды“ работает проф. Ломтев (Москва), акад. Виноградов (Москва), проф. Шанидзе (Тбилиси), акад. Булаховский (Киев), проф. Аристэ (Таллин), проф. Гарибян (Ереван), проф. Авхледиани (Тбилиси), проф. Сердюченко (Москва), проф. Абдулаев (Ташкент) и другие»^[382].

Отдельно, во втором письме, Ильичев сообщал о статье главы «школы Марра» академика Мещанинова:

«Товарищу И.В. Сталину.

Редакция „Правды“ предоставляет на Ваше рассмотрение статью академика И. Мещанинова „За творческое развитие наследия академика Н.Я. Марра“.

Редакция просит Вас разрешить опубликовать указанную статью в номере „Правды“ от 16 мая, в очередном дискуссионном листке.

15. V.50 г.

Л. Ильичев».

Последний абзац отчеркнут на полях слева. Значит, Сталин после просмотра рукописи Мещанинова лично дал разрешение на ее публикацию, не сочтя ее опасной для затеянного дела. Рукописный или машинописный экземпляры статьи Мещанинова в архиве Сталина отсутствуют. И если на них он и делал какие-либо пометы, то они, очевидно, вместе с рукописью были тогда же переданы назад в редакцию «Правды» или автору. Скорее же всего, Сталин не стал править первоначальный экземпляр работы своего тайного противника, но зато газетную публикацию он проштудировал наедине с карандашом в руке. Похоже, что в это время Сталин уже работал над своей статьей. Пометы и замечания Сталина на статье Мещанинова нашли затем отражение и в его работе. Публикацию со статьей Мещанинова в «Правде» предвосхищало очередное, внешне нейтральное уведомление, опять-таки не выражающее истинного отношения к участникам дискуссии:

«От редакции. От 9 мая с.г. в „Правде“ статьей проф. Арн. Чикобава „О некоторых вопросах языкознания“ открыта свободная дискуссия в целях преодоления застоя в развитии советского языкознания. В редакцию поступило ряд статей, авторы которых излагают свою точку зрения по затронутым вопросам.

Сегодня мы публикуем в дискуссионном порядке статью академика И. Мещанинова „За творческое наследие академика Н.Я. Марра“»^[383]. Получалось все очень солидно и академично: профессор Чикобава выступил против научной концепции Марра, его последователю академику Мещанинову дали высказаться за него.

В работе Мещанинова ничего принципиально нового не было по сравнению с тем, что он писал ранее. Судя по всему, никакой опасности он для себя еще не чувствовал. Писал спокойно, уверенно и сдержанно. В целом, признавая недоработанность языковедческой концепции Марра, Мещанинов защищался от нападок Чикобавы, главным образом напирая на ее «марксистскую» и антибуржуазную суть, обставляя свои доводы цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Как человек, чувствующий ответственность за целую научную отрасль, академик Мещанинов построил свою статью как обстоятельный доклад, разделив его на следующие разделы:

«Оценка современного положения в советском языкознании».

«Материалистические основы учения Н.Я. Марра о языке».

«Изучение современных живых языков».

«Творческий путь Н.Я. Марра».

«Непреодоленные ошибочные положения Н.Я. Марра».

«Проблемы, требующие уточнения и доработки».

«Значение Марра для дальнейшего развития советского языкознания».

«Научные позиции проф. А.С. Чикобавы».

«Первоочередные задачи советского языкознания».

Лейтмотивом статьи стала одна из первых фраз: «Строить подлинно марксистское языкознание без Марра признаю для нас неприемлемым». Как уже не раз он это делал в своих предыдущих работах, Мещанинов отметил все действительно сильные стороны «нового учения об языке», но не обошел молчанием и слабости. К сильным сторонам отнес анализ языка в тесной связи с материальной культурой и социальной историей человечества, изучение не только

грамматических форм языков, но и социальной значимости слов и выражений, то есть семантики. Вторя Марру, Мещанинов пояснял что язык — надстроечное явление и поэтому подчиняется в своем становлении и развитии «материальным условиям базиса и отражает их, а потому выступает в своем грамматическом строе и семантике своего словарного состава первостепенным историческим источником. Н.Я. Марр в своих исследованиях подходит к привлекаемому материалу как историк и с этой точки зрения рассматривает периоды сложения отдельных языков... разных эпох и различных народов.

Он прослеживает действие скрещения отдельных языков, дающее в итоге новое качественное образование, новый язык. Если нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей (здесь Мещанинов в точности цитирует Сталина, не делая отсылки. — *Б.И.*), то и их язык представляет собою исторически сложившееся целое, без которого немыслима национальная общность. Наличие языков, не скрещенных в своей основе, Н.Я. Марр отрицает. Этому полностью соответствует его же утверждение, что национальные языки и их предшественники не могут являться расовыми... Здесь он выступает как историк, учитывающий историю развития общественных форм». Затем Мещанинов отметил, что появление индоевропейских языков связано не с расщеплением некогда единой расовой семьи, а, наоборот, эта общность возникла («сошлась») на определенной стадии развития человечества, связанной с переворотом в производстве металлов и во всем мировом хозяйстве в целом. Критикуя праязыковую теорию, согласно которой развитие шло линейно от одного праязыка к множеству языков, Мещанинов сослался на данные археологии, утверждавшей, что в древности редкие племена были широко разбросаны по лику земли и потому не могли иметь общий язык. И только в процессе длительного взаимодействия и общения этих групп, в результате которого происходило «согласовывание звуковых символов, значимостей» и «их скрещивание», появляется общий язык. Вне такого взаимодействия, утверждал Мещанинов, не мог возникнуть вообще никакой язык. Отсюда, делался вывод, чем больше общих элементов имеют языки между собой и чем большую площадь распространения они охватывают, тем больше оснований утверждать, что эти явления имеют недавнее происхождение как результат «многократно происходивших скрещиваний». В связи с этим Мещанинов

процитировал крылатое выражение Марра о том, что языковое «родство — социальное схождение, не родство — социальное расхождение». Поэтому отказ от идеи «праязыка» является началом нового материалистического языкознания, которое теснейшим образом связано с именем Марра. И конечно же, как и Чикобава, академик Мещанинов для подкрепления истинного «марксизма» «нового учения об языке», вызывает к тем же авторитетам и к их «методам»: «Следовательно, материалистическое учение Марра о языке не создает какого-либо нового метода, а применяет метод, установленный и развитый учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такова задача, поставленная перед собою самим Н.Я. Марром».

Сталин читал, отмечал и комментировал напечатанное в газете, причем отчетливо видно, что он настроен недружелюбно и предвзято и к Марру, и к автору, его защищавшему:

«Выводы Н.Я. Марра исходят из понимания языка как явления общественного порядка, следовательно, обусловленного сознательно трудовой деятельностью человека. Поэтому отражение реальной действительности в сознании человека кладется в основу исследовательского труда советского лингвиста. В связи с этим в резком противоречии буржуазному языковедению становится Н.Я. Марром проблема об отношении языка и мышления. В основу Марром берется высказывание классиков марксизма-ленинизма: „Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с действительностью также свое мышление и продукты своего мышления“. „Непосредственная действительность мысли — это язык“ (Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV, с. 17 и 434)». На текстах цитат из Маркса, дающих, на мой взгляд, серьезные основания и Марру, и Мещанинову рассматривать классика в качестве своего союзника, Сталин начертил знакомую фигуру котла. То был знакомый уже нам знак подготовки очередного сталинского удара на «языкофронте». Вслед за этим Сталин дважды отчеркнул на полях колонку со следующим текстом:

«Данная установка проникает во все работы Н.Я. Марра последнего десятилетия его жизни. По его словам, „отставание лингвиста от суждения от мышления, это — наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие, тяготеющее над всеми предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел, не

только по языку. Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления. В нем существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого идеологического обоснования“ („Язык и мышление“, 1931)». Прочитав этот, как всегда, причудливо корявый текст Марра, посвященный его любимым идеям (приоритету законов возникновения смыслов, то есть семантики, перед законами фонетики и грамматики), Сталин не выдержал и с явным удовольствием здесь же, рядом со своими отчеркнутыми на полях линиями, карандашом написал то ли в адрес Мещанинова, то ли в адрес Марра: «Дурак»^[384]. Скорее всего, в адрес последнего.

Читая Мещанинова, Сталин не столько вникал в его аргументацию, сколько пытался уже здесь полемизировать с аргументацией широко цитируемого автором Марра:

«В работе 1931 года „Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык“ Н.Я. Марр точно формулирует ведущую установку своих исследований следующими словами: „Материалистический метод яфетической теории — метод диалектического материализма и исторического материализма, то есть тот же марксистский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале и на материалах, связанных с языками явлений не только вообще речевой, но и материальной и социальной культуры“». На полях слева сталинской рукой размашисто написано: «Это декларирование». И здесь он был абсолютно прав, с той лишь поправкой, что вся советская и в особенности гуманитарная наука по воле своего «корифея» изо дня в день занималась такого рода псевдотеоретическими декларациями и профанациями. Но в этих марровских декларациях все же был рациональный смысл — он первым ставил вопрос о системном изучении языка и мышления в связи с данными археологии и социальной истории.

«Следовательно, материалистическое учение Марра о языке не создает какого-либо иного метода, а принимает метод, установленный и развитый учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такова задача, поставленная перед собою самим Н.Я. Марром. Там, где он неуклонно следует этому заданию, он закладывает основные положения

материалистического языкознания *и настойчиво проводит их в исследовательской работе*».^[385] Сталин не только подчеркнул последнее предложение и дополнительно отчеркнул его часть на полях, но и не удержался от очередной язвительной реплики: «*А где отступает?*»^[386].

Сталин читал: «Так, Н.Я. Марр рассматривает языковые процессы в их социальной обусловленности. Поэтому историю языка того или иного народа он неразрывно связывает с историей данного народа и тем самым входит в резкое противоречие с еще и поныне господствующими на Западе установками буржуазной лингвистики, изучающей язык в его современном состоянии и в его историческом *прошлом как самостоятельную и саморазвивающуюся категорию*». Недаром Сталин дополнительно еще дважды отчеркнул на полях компаративистскую идею, с которой Марр и Мещанинов особенно полемизировали, опираясь на представление о неразрывной связи истории общества с историей языка и мышления. Для Сталина с его интуитивным дуализмом, так же как и для младограмматиков, язык жил особой надобщественной, «национальной» жизнью, не испытывая непосредственного и решающего воздействия со стороны социальных сил. Отсюда следует, что к этому времени в голове Сталина уже четко сложилось суждение об особой, внеформационной жизни языка как самостоятельного явления. Тем более что он в своей давней, дореволюционной, давно ставшей знаменитой работе «Марксизм и национальный вопрос» причислил язык к одному из решающих признаков нации.

Несмотря на четкий почерк Сталина, не все его пометы мне удалось дальше разобрать. Возможно, вождь стал торопиться, и это сказалось на почерке, или газетная бумага и карандаш в архиве со временем сильно выцвели. Когда Мещанинов упомянул о знаменитом «Бакинском курсе» Марра, от которого, по его словам, автор впоследствии отказался (на самом деле это не так), Сталин отметил это место в статье Мещанинова и что-то написал поверх текста^[387]. В своей статье он упомянет о том, что Марр отказался от «Бакинского курса». Но общий, в высшей степени недоброжелательный и откровенно предвзятый настрой и по отношению к Марру, и к Мещанинову без труда прослеживается при знакомстве с пометами на этом и других разделах статьи. Когда Мещанинов перешел от позитивной части к

негативной оценке отдельных положений теории Марра, Сталин стал реагировать особенно эмоционально.

Мещанинов обратил внимание на то, что Марр довольно поздно примкнул к марксизму (после 1920 года), фактически на завершающем этапе формирования своей языкотворческой теории. Чикобава же, писал Мещанинов, сейчас призывает вернуться к предшествовавшему дореволюционному этапу, когда Марр не был марксистом и рассматривал яфетические языки всего лишь как очередную языковую семью («третий этнический элемент»). «В сходном положении, — отмечал Мещанинов, — оказались и университетские лекции „Яфетическая теория. Общий курс учения об языке“, читанные в 1927 году в городе Баку и поэтому широко известные под названием „Бакинский курс“. Эти лекции, как единственное пособие, дающее общий обзор яфетической теории и основные ее установления, легли в основу преподавания университетских курсов. Раскупленные в очень короткий срок, лекции потребовали переиздания». Но, если содержательное описание устанавливаемых Марром звуковых законов и соответствий не вызывает сомнений, то «лекции в остальной своей части представляли изложение не всегда отвечающее установкам материалистического учения о языке, и сам же автор данного труда в 1931 году не дал согласия на его переиздание, находя необходимым коренную переработку. Следует отметить тут же, что по вине учеников Н.Я. Марра, отказавшихся от переиздания „Бакинского курса“ как устаревшего, курс этот до сегодняшнего дня включается безо всяких оговорок в числе рекомендуемых студентами пособий».

Здесь Мещанинов допускает явные передержки, которыми тут же воспользовался Сталин, а затем и другие противники Марра. Во-первых, Марр был против переиздания «Бакинского курса» не потому, что там якобы были идеологические ошибки, а потому, что книгу издали в безобразном полиграфическом исполнении и с большим количеством технических огрехов. Сложный язык и пунктуация, а главное, оригинальная транскрипция Марра требовали много дополнительных типографских знаков и тщательной корректорской работы. Этого бакинская типография, печатавшая «Курс», в полной мере обеспечить не могла. Кроме того, Марр страдал «зудом» постоянного изменения и уточнения своих ранее сделанных выводов и установок, что не такое уж редкое явление в ученой среде. Марр был

человеком увлекающимся, брался одновременно за многое, был нагружен массой должностных обязанностей, а времени на все не хватало. После его смерти Мещанинов, как главный идеолог марризма, так и не смог рационально объяснить методологические истоки четырехэлементного анализа. Недаром Чикобава постоянно напоминал, что марристы отказались от этого метода еще до войны и, возможно, именно элементный анализ Мещанинов имел в виду, говоря о «нематериализме» учителя. Судя по тому, что Сталин напишет в своей статье по поводу «Бакинского курса», он в полной мере воспользовался критикой Марра и самокритикой Мещанинова.

Затем Сталин пометил и прокомментировал еще несколько положений статьи Мещанинова: «Таково, например, построение родословного дерева на основе мифологической классификации языков, приведенное в „Бакинском курсе“ (1928 год), где завершающим высшим звеном современным состоянием языков признается флективный строй индоевропейской речи. Этому строю в нисходящем разрезе предшествуют один за другим флективные языки семитической группы, перед ними помещены тюркские с агглютативным строем, и еще ниже — эргативные яфетические, а в самом низу аморфные. В итоге получилось построение, в значительной степени повторяющее общую морфологическую классификацию, которая вовсе не чужда буржуазной лингвистической школе». Мещанинов не совсем точен, так как компаративисты действительно, выделяя различные по строю группы языков, в его время отказались от попыток построить их качественную, морфологическую или историческую классификацию. Марр же попытался это сделать в рамках своей стадияльной концепции. Но Сталин увидел тут неуверенность в позиции марристов. Отметив двумя крестами на полях предварительно подчеркнутую мысль о флективном строе индоевропейской речи, дополнительно вертикально отчеркнул на полях замечание Мещанинова о том, что и буржуазная лингвистика использует похожую классификацию, а затем здесь же строго и назидательно приписал: «То-то»^[388]. Он уже чувствовал, что противник не уверен, что он колеблется, что он маневрирует, что он ищет компромисса. Мне вновь не удалось разобрать то, что Сталин написал поверх пассажа Мещанинова о палеонтологическом анализе. Но там, где Мещанинов заявил в нарастающем компромиссном духе о том, что Марр прав, говоря о языке как о надстроечном явлении, и

оказался не прав слишком тесно, связывая формационную теорию Маркса и стадиальную теорию развития общечеловеческого языка, Сталин вновь заметил: «То-то». А когда Мещанинов, уже давно усвоивший, что простым смертным, пусть даже и академиком, сомневаться в непогрешимости классиков марксизма никак нельзя, заявил, что Марр не прав, утверждая, вопреки Энгельсу, что и первобытное общество состояло из классов, Сталин рядом обличительно и требовательно написал вопрос: «А где об этом говорили марристы?»^[389]

Затем он в очередной раз подчеркнул и перечеркнул крестами (как символ сдачи противником очередных позиций) критику Мещаниновым своего учителя, который, по его мнению, слишком прямолинейно связывал глобальные изменения в человеческой речи с «различными системами хозяйств». А после того как Мещанинов, наращивая самокритический пафос, заговорил не только об ошибках и увлечениях Марра, но и об ошибках его последователей, то есть своих соратников, Сталин удовлетворенно отметил и это жирной чертой:

«Выступающее здесь смещение признаков синтаксических с морфологическими, отнесение синтетических языков к первобытной общине, а флективных к классовому обществу могли смутить последователей Н.Я.Марра и повести их на ошибочные выводы, в частности и на те, о которых пришлось упомянуть выше».

«Все же все эти ошибочные места, отдельные увлечения ведущей ролью яфетидов и т. д. являются привнесенным элементом, устранение которого выделит подлинный облик Н.Я. Марра...» Сталин опять дважды перечеркнул двумя крестами последнее предложение и на полях приписал «ха-ха!» , а затем почти сплошь подчеркнул заключительную часть предложения и всей статьи: «...крупнейшего советского ученого, заложившего основы материалистического учения о языке, нанесшего сокрушительный удар по схоластическим построениям буржуазной школы языковедов. Выделить имеющиеся в трудах Н.Я. Марра увлечения, приведшие к смущающим построениям и выводам, становится первоочередным заданием»^[390].

Без сомнения, Мещанинов вел себя менее напористо, чем Чикобава, но держался вполне уверенно. Не вызывает сомнений, что предчувствие гибели его не угнетало. Соблюдая осторожность, он не позволил себе резких политических и идеологических выпадов в

сторону конкретных компаративистов, но и раньше он почти не позволял их без крайней нужды. Единственным исключением в данной статье стал Арн. Чикобава, поскольку он первым открыто бросил вызов Марру и марристам. Один из последних разделов своей статьи академик Мещанинов посвятил критике Чикобава. Однако Сталин не оставил здесь следов своего внимания. Мещанинов повторил то, что обычно предъявлялось большинству лингвистов антимарровского направления. Чикобава — за теорию «праязыка» (язык-основа), из которого якобы развились все индоевропейские языки. Чикобава определяет язык как орудие классовой борьбы и что он подобен винтовке — в чьих она руках, тот и осуществляет господство в обществе. Так Чикобава написал в своем «Курсе общего языкознания», вышедшем на грузинском языке. (От себя добавим, что образ «винтовки» Чикобава заимствовал из воспоминаний Д. Бедного, приписавшего его Сталину октябрьских времен 1917 года.) Но такое сравнение есть вульгаризация, продолжал Мещанинов, так как в языке важнее то, что он «еще и действительность мысли». «Таким образом, Чикобава не признает смешения языков и качественных в них изменений. Упор взят на эволюционное развитие. Отходя от Н.Я. Марра, он всецело склоняется в сторону буржуазного языкознания и, оставаясь на праязыковой схеме, сохраняет тем самым построенный на ней формально-логический метод». Кроме этих «грехов», Чикобава был обвинен в том, что он последователь швейцарского, а значит, и «буржуазного» лингвиста де Соссюра, поскольку вслед за ним утверждает, что «язык есть система знаков». Чикобава против понимания языка как «классового» (винтовка, она в любых руках остается винтовкой, отмечал Мещанинов). Зачем все это надо профессору Чикобава? — задавал риторический вопрос Мещанинов и сам отвечал: «Он хочет дать свое толкование материалистического учения о языке», но фактически сам скатывается в языкознание буржуазное. Заканчивалась статья оптимистическими словами о перспективе развития истинно «марксистского» языкознания.

Люди, знавшие Мещанинова, вспоминают, что академик был трудолюбивым и умеренным человеком. Вопреки голословным утверждениям Сталина и современным критикам марризма, Мещанинов и другие последователи Марра разработали ряд значительных и оригинальных исследований в области языка и

литературы (Н. Яковлев, С. Кацнельсон, В. Абаев, В. Жирмунский и др.). Мещанинов был автором большого количества работ не только в области языкознания, но и в области археологии Кавказа и России. До войны несколькими изданиями вышла обширная монография Мещанинова «Новое учение о языке», пропагандировавшая и развивавшая идеи Марра. Объективную научную оценку она не получила до сих пор. В 1940 году издал монографию «Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения», а перед самой дискуссией брошюру — «Новое учение о языке на современном этапе развития»^[391]. Архив И.И. Мещанинова хранится в Петербургском отделении Архива Академии наук РФ, и, насколько я знаю, он еще никем всерьез не исследовался.

Академику Мещанинову повезло и тогда, когда Марр называл его своим научным наследником, и особенно тогда, когда Сталин в 1950 году, внезапно уничтожив его морально, сняв с руководящих постов в Академии наук, оставил ему не только жизнь, но и возможность работать и не отнял чинов и званий. Для военного и в особенности послевоенного Сталина это был уже не такой редкий случай, когда он не уничтожал физически и не отправлял в лагеря чем-то не угодивших ему руководителей, а только запугивал их до крайности и отстранял от важных дел. Конечно, здесь не было какого-то особого, наконец-то проснувшегося великодушия, упившегося властью диктатора. И после войны конкретная человеческая судьба по-прежнему оставалась в полном распоряжении непредсказуемой воли вождя, целиком завися от планируемой им в тайне стратегии советской общественной жизни. Сейчас его стратегия состояла в том, чтобы главный удар был направлен исключительно на Марра. И именно на нем Сталин все более концентрировался.

Накануне очередной публикации в «Правде» он вновь получает информацию:

«Товарищу Сталину.

Представляю Вам очередную вкладку „Правды“, посвященную дискуссии по вопросам советского языкознания, со следующими статьями.

1. Проф. Н. Чемоданов. Пути развития советского языкознания.

2. Б. Серебренников. Об исследовательских приемах Н.Я. Марра.

3. Проф. Г. Санжеев. Либо вперед, либо назад.
Прошу Ваших указаний.

М. Суслов.

20 мая 1950».

На пике дискуссии

23 мая 1950 года «Правда» опубликовала статьи трех авторов. Неизвестно, прочитал ли их Сталин предварительно в рукописи, но газетную публикацию просмотрел внимательно.

Первой была помещена статья декана филологического факультета МГУ профессора Н.С. Чемоданова «Пути развития советского языкознания». Когда-то Чемоданов находился в рядах языкофронтовцев, но после их разгрома примкнул к официально признанному «новому учению» и сделал неплохую научную и административную карьеру. Уже только поэтому он был вынужден выступать на стороне высшего академического начальства, то есть Мещанинова, а значит, и Марра. Его промарристская статья была намного решительнее и содержала более разнообразную аргументацию по сравнению с выступлением Мещанинова. Направлена она была целиком против аргументации Чикобава. Чемоданов без обиняков заявил: «Застой в советском языкознании никак не связан с ошибочностью отдельных воззрений Марра... Проф. Чикобава предвзято, односторонне и потому неверно оценивает теорию Н.Я. Марра и его роль в развитии советского языкознания». Он, Чикобава, пытается вернуть всю гуманитарную советскую науку, а не только языкознание во вчерашний день. А между тем сам Марр признавал, что «по части марксистской проработки в яфетическом языкознании есть что подправить и исправить». Чикобава обвиняет Марра в том, что он, рассуждая о структуре доисторического общества, неправильно, не марксистски употреблял понятие «класс». Марр же еще во время так называемой «Бакинской дискуссии» (1932 год) объяснял своим оппонентам: «...вы имеете в виду марксистское понимание класса. Но, конечно, я не имею в виду такого, как сейчас, определения класса, когда говорю „класс“... Я ищу термин, и никто не может мне его сказать. Когда есть организация коллективная, основанная не на крови, то здесь я употреблял термин „класс“, вот в чем дело... Я брал этот термин „класс“ и употреблял в ином значении; отчего не употреблять? Таково действительное положение, а не желание противопоставить мои „классы“ классам в их марксистски установленном понимании». Следует напомнить, что в классическом марксизме, главным образом

благодаря поздним работам Ф. Энгельса, действительно установилось мнение о том, что в самой первоначальной, исходной исторической формации, при так называемом «первобытном коммунизме», общество было социально однородно и поэтому ни о каком наличии классов говорить не приходится. Однако уже в конце XIX века и тем более к середине XX века, благодаря археологическим и этнографическим исследованиям, была установлена значительная и разнообразная социальная дифференциация древних человеческих коллективов, существовавших в доформационном состоянии сотни тысяч лет. Но миф о первобытном золотом веке человечества, заложенный еще в философских трудах Ж.Ж. Руссо, трансформировался в марксистскую доктрину бесклассового «первобытного коммунизма», которую в советские времена подвергать сомнению никто не смел. Советские археологи затратили немало усилий на то, чтобы как-то обойти запрет. Первым, кто столкнулся с этим табу, был Марр, чья концепция социальной доминанты в развитии языка и мышления «подпиралась» социальной дифференциацией раннего общества. Чемоданов, процитировавший слова Марра, не смог или не решился подкрепить их ссылками на факты, а потому сделал всего лишь декларативное заявление о том, что теория Марра «... является пока что лучшим, что дало развитие науки в этой области знания, и поэтому всякая попытка свести значение Н.Я. Марра на нет объективно задерживает поступательный ход науки».

Сталин отметил для себя, что и Чемоданов не все положения Марра и некоторых своих соратников принимает безоговорочно, что, на мой взгляд, вполне естественно для человека науки. Поэтому, когда Чемоданов попытался оправдать взгляды Марра на социально неоднородную структуру первобытного общества тем, что у того просто не было подходящего термина, Сталин прокомментировал: «*На каком основании*». [\[392\]](#)

«В действительности несовместимыми с марксизмом, — заявил Чемоданов, а Сталин отметил, — являются взгляды самого проф. Чикобава. Утверждая неклассовый характер языка, он пытается свести на нет марксистско-ленинское учение о языке как общественной надстройке». Взяв себе на заметку один из важнейших марристских тезисов о надстроечном характере языка, Сталин выделил еще два наиболее часто приводимых Марром и марристами исторических

примера. Первый пример относился к языковой ситуации в средневековых Англии и Германии, а также России XIX века. Чемоданов писал:

«В разных исторических условиях классовые различия в языке отражаются различным образом. В средневековой Англии эксплуататоры-феодалы в течение столетий говорили на французском языке, в то время как эксплуатируемый народ пользовался англосаксонскими диалектами. А разве в феодальной Германии рыцарская поэзия не отражала сословного рыцарского языка? Наконец, если взять историю развития русского языка, то разве не классовые противоречия определяли различие в языке дворянства, разночинно-демократической интеллигенции и крестьянства в XIX веке и т. д.».

Второй пример, который Сталин взял себе на заметку, относился к полиэтнической модели формирования нации, которой придерживались марристы. Чемоданов писал: «Глава буржуазного сравнительного языкознания А. Мейе рассматривает индоевропейский праязык как язык древнего народа, обладавшего наряду с единством языка общностью культуры, физического и духовного склада в далекие доисторические времена. Насколько антиисторичны подобные представления, видно, например, из того, что такой засвидетельствованный индоевропейский язык, как хеттский, существовал уже за полторы тысячи лет до новой эры. Праязыковое состояние индоевропейских языков надо, очевидно, отодвигать в какие-то еще более древние времена. Такое представление об этническом единстве в столь отдаленную эпоху противоречит характеристике древнего общества, даваемой историческим материализмом, который учит нас, что для того времени в развитии человеческого общества характерна дробность неустойчивых этнических единиц. Работы советских историков (например, Третьякова) по истории восточных славян и других народов отчетливо показывают, каким сложным является процесс образования племен и народов, какую огромную роль при этом играет скрещение, которое проф. Чикобава признает лишь частным случаем языкотворчества. Процесс образования и развития языков в доклассовом обществе, очевидно, должны были идти параллельно с процессами этногенеза и отражать их.

С другой стороны, праязыковая схема развития языков несовместима с учением товарища Сталина о сложении современных буржуазных наций в результате смешения самых разнообразных этнических элементов». Помимо того что Сталин подчеркнул отдельные фразы, он поверх всей страницы с этим текстом размашисто и крупно написал карандашом: «ха-ха-ха»^[393]. Что же смешного или нелепого нашел здесь наш дотошный читатель? Может быть, он вспомнил, что сам Марр не считал хеттский язык индоевропейским, называл его яфетическим и относил к отдаленным предкам некоторых кавказских языков? Или ему, Сталину, верящему вслед за Гегелем в реальность специфического «духа нации», казалась теперь нелепой сама мысль об этническом разнообразии, лежащем в основе каждой современной нации, что ставило под сомнение саму возможность существования «духа», якобы проявляющего себя в национальном языке? Вспомним сталинское умозаключение: «Язык — материя духа». Обратим внимание также на то, что он оставил без внимания ссылку Чемоданова на недавно вышедший фундаментальный труд одного из талантливейших советских этнографов П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (М.—Л., 1948), посвященный этногенезу русского народа и восточных славян, однозначно трактующий его в русле концепции Марра.

На неоднократно прозвучавшие заявления Чикобавы о необоснованности четырехэлементного анализа, Чемоданов ответил в том смысле, что сама по себе теория Марра и в этой части верна, так как у древнейших предков человека гортань была не приспособлена к речи, точно так же, как она не приспособлена к ней у современных обезьян. Поэтому звуковая речь могла зародиться только в форме диффузных звуков, и здесь Марр прав, но были ли этими первичными звуками те самые четыре комплекса, которые выявил Марр, это не доказано. Важны не эти элементы сами по себе, а указание Марра на принципиальное различие звуковой сигнализации животных и первичной человеческой речи, заявлял Чемоданов: «Следует отметить, что Н.Я. Марр всегда подчеркивал, что человеческая речь начиналась не с отдельных звуков, а со значимых комплексов. Это с самого начала определяло качественное отличие звуковой стороны человеческой речи от криков животных». И хотя сейчас никто не способен повторить поэлементный анализ Марра, но от этого он, по мнению Чемоданова, не

более сомнителен, чем методы традиционной сравнительной фонетики. С последним утверждением Чемоданова вряд ли можно согласиться, поскольку сам Марр, особенно в конце жизни, не отрицал плодотворности сравнительно-исторических методов исследования языков одной семьи (по его терминологии, одной стадии развития), одновременно подчеркивая, что его палеонтологический (поэлементный) анализ носит универсальный, а не стадийный характер. Со своей стороны, я вынужден все же отметить, что, как бы ни старался Чемоданов убедить читателя в научной обоснованности элементного анализа, ни его предшественникам, ни тем, кто писал об этом позже, это так и не удалось. Вопрос же о том, ставит ли это под сомнение всю концепцию развития языка и мышления Марра, для меня остается открытым.

Статьи двух других авторов, Серебренникова и Санжеева, опубликованные в том же вкладном листке «Правды», Сталин также прочитал внимательно. На двусмысленной статье молодого преподавателя МГУ, будущего академика, а пока кандидата филологических наук Б. Серебренникова «Об исследовательских приемах Н.Я. Марра», заявившего сначала, что гениальный Марр основывает свою стадийную теорию развития языка на базе марксистской теории стадийного развития общества, Сталин дважды написал раскатистое: «ха-ха», «ха-ха». Но когда затем автор, развернувшись, отметил, что четырехэлементный метод не может считаться марксистским, он нарисовал очередной круг, перечеркнутый внутри крест-накрест, то есть котел. Серебренников сосредоточил свою критику все на том же четырехэлементном анализе, на трудмагической теории происхождения первичного языка, на идее всеобщего скрещивания языков. Один из главных аргументов был сформулирован так: «Академик Н.Я. Марр, очевидно, забыл, что каждое слово современных языков по своей внешней форме представляет верхний ярус, покоящийся на других исторически пережитых ярусах, часто по своему внешнему облику резко отличающихся от позднейшего состояния. То, что сходно сейчас, могло быть несходным в древности». При этом он попытался использовать классические марровские примеры, цепочку «бор» — «хлеб» — «желудь» — «голова», но в прямо противоположном смысле, то есть отрицая всякую семантическую связь между ними. Критикующий кандидат наук не

понимал или сделал вид, что не понимает идею академика, который намеренно отказался от сопоставления «внешней формы» слов-звуков (как это практиковалось в классической компаративистике) и настаивал как раз на раскрытии исторических наслоений значимостей в слове, (в «пережитых ярусах», по терминологии Серебренникова), а не только в их звуковом оформлении. Как водится, не обошлось и без политических обвинений — неправильный научный метод Марра, оказывается, «льет воду на мельницу врагов марксизма, которые считают марксистские положения вообще недоказуемыми. Так что это далеко не пустяк, как думают некоторые товарищи». После завершения дискуссии Б.А. Серебренников сделает блестящую научную и административную карьеру и до конца своих дней будет упорно бороться с «рецидивами» марризма^[394].

Из статьи профессора Г. Санжеева, специалиста в области монгольских языков, Сталин взял себе на заметку только ссылку на две страницы из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса^[395]. Статья Санжеева называлась «Либо вперед, либо назад». Позиция Санжеева, похоже, понравилась Сталину не столько своей аргументацией, которая в целом была близка к позиции ведущих марристов. Санжеев прямо назвал себя «учеником и последователем Марра», презрительно отозвался об «индоевропеистах», которые «часто чувствуют себя вольготно». Санжеев заключительным пассажем, скорее всего, невольно подсказал Сталину идею новой идеологической установки: «Либо вперед от Марра — под сияющие своды марксистско-ленинской науки о языке. Либо назад от Марра — в прошлое: к Марру ли 1922 г., к которому как будто бы зовет нас проф. Чикобава, или, что еще хуже, в застойное болото буржуазного языкознания. Третьего (например, марризма) пути быть не может». Автор очень уж мудрено выразился, причем так, что намекал на какое-то одному ему ведомое будущее, преодолевающее марризм. Сталин, как и сам автор, не заметил, что здесь намечены не три, а четыре возможных исхода. Но Сталину понравилась сама идея полностью отказаться и от марризма во всех его модификациях, включая и ту, дореволюционную, к которой призывал вернуться Чикобава. Санжеев одновременно с отказом от марризма призвал отказаться от скатывания «в болото буржуазного языкознания». Думается, эта своеобразная «диалектика» укрепила Сталина в мысли принять личное участие в дискуссии с обоснованием «марксистского»

языкознания. За эту «подсказку» Санжеев очень скоро будет вознагражден личным посланием вождя через «Правду» и тем самым будет причислен к героям-победителям марризма. Санжеев в первые, послемарровские годы проявит себя очень активным публицистом от лингвистики, так и не преодолевшим марристской философии языка. В числе немногих ему будет дозволено интерпретировать языковедческие работы вождя.

Следующую серию из трех статей, вышедшую 30 мая 1950 года, Сталин просмотрел бегло. Оставил без знаков внимания крикливую публикацию одного из официальных марристов, ученого секретаря Президиума АН СССР профессора Ф. Филина, с ходу «повесившего» на антимарристов ответные ярлыки: «Формально-сравнительный метод дает все основания для его использования расистами, признают это его защитники или нет». И еще: «Формально-сравнительный метод сводит к нулю языковое творчество народа, его самобытность и представляет широкую возможность для всякого рода космополитических упражнений». Русист Филин громил всякого рода «домыслы» о германизмах в русском языке, что, по его мнению, равносильно идее о культурном превосходстве германцев над славянами. Филин в отличие от некоторых своих коллег-марристов хорошо улавливал направление нового, национально ориентированного политического курса, но, видимо, рассчитывал и на этот раз использовать для встречного маневра все ту же интернациональную марристскую концепцию. И эта особая способность к улавливанию новых политических веяний поможет ему не только сохраниться после разгрома «школы Марра», но и достичь значительных административных высот в постсталинское время.

На статье действительного члена АН Армении Гр. Капанцяна «О некоторых общелингвистических положениях Н. Марра» (того самого, которого В. Кружков и Ю. Жданов готовили в жертву как антимарриста), Сталин сделал несколько глухих помет. Отметил мнение армянского ученого о том, что к яфетическим языкам следует отнести семитские языки, а к протемеидским — греческий, что уже совсем фантастично. Взял себе на заметку резкий протест автора против четырехэлементного анализа, отметил сноски на работы Марра, а главное — отчеркнул знаменательную фразу Марра о том, что в далеком будущем человечество достигнет такой стадии, когда сможет

обмениваться мыслями без помощи языка^[396]. Здесь перед Сталиным открывалась перспектива уличить Марра в том самом идеализме, в котором при жизни так любил обвинять буржуазных лингвистов-компаративистов автор яфетидологии. Если возможна передача мыслей без языка, то для «подлинного» материалиста невооруженным глазом был виден отрыв мышления от его «материи». Похоже, что с этого момента Сталин решает затронуть в своей статье и эту сложнейшую проблему. Марр утверждал, что мышление без языка не только будет возможно в далеком будущем, но и то, что процесс очеловечивания в далеком прошлом начался с проблесков мышления вне фонетического языка, примерно так, как у современных глухонемых людей. Интеллектуальный опыт бывшего семинариста Сталина восставал против понимания языка вне слова. Слово же он воспринимал только как произнесенное, как звук, а язык только как язык фонетический.

Академик Капанцян поделился сомнениями, которые наверняка возникали не у него одного: «Эти мысли Н. Марра являются либо гигантским научным предвидением, либо же не менее безграничной фантазией... Ведь мы не можем отказать глухонемым в акте мышления» (Сталин откажет. — *Б.И.*). Однако продолжал он: «Я понимаю даже научную фантазию, если она имеет под собой предварительные научно проверенные данные и факты. Но вышеприведенное „научное предвидение“ Н. Марра имеет скорее умозрительную подоплеку и, по-моему, совсем не материалистично, не исторично». Будучи родом с Кавказа и армяноведом, Капанцян отлично знал, какой значительный вклад внес Марр в изучение древностей Армении, Грузии и других кавказских народов. Этого не отрицал и Чикобава. Поэтому Капанцян закончил свою статью так: «Но зато роль акад. Н. Марра как армяно-грузиноведа и исследователя смежных народов Ближнего Востока, особенно яфетических народов Кавказа, огромна и неоспорима. Тут он и языковед, и филолог, и историк, и археолог, а при своей эрудиции и продукции (несколько сот больших и малых работ) являлся действительным новатором и основоположником научного нового грузиноведения и армяноведения. Эту его роль нисколько не снижает новое, более обоснованное установление генезиса грузинского языка в связи с кавказскими, данное И. Джавахишвили („Исконный характер и родство картвельского и кавказских языков“), как и моя работа о генезисе армянского языка не

как равномерно смешанного, „арио-яфетического“, как у Н. Марра, а преимущественно „азианического“». Капанцян не случайно упомянул работу Джавахишвили, одного из давних научных противников Марра, а заодно и о собственных исследованиях. Находясь под сильным влиянием марризма, он сделал интересное наблюдения — историческое развитие языков шло поступательно от древнейших аморфных языков (китайский) через ряд промежуточных типов к современным флективным языкам, причем языковые формы исторически поэтапно распространялись в основном с востока Азии на запад Европы, вплоть до берегов Атлантического океана. Это довольно упрощенная картина (он «забыл» об арийских языках Индии и еще много о чем), но сама идея географической языковой «волны» любопытна. Одна из книг И. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа» (Т. 2. Тбилиси, 1937) до сих пор находится в библиотеке Сталина.

Не задержался карандаш Сталина и на статье «умеренного» марриста, единственного историка из Ленинградского государственного университета, которому было разрешено принять участие в дискуссии, А. Попова «Назревшие вопросы советского языкознания». Доктор наук, занимающийся исторической географией и топонимикой, опираясь на свой научный опыт, подчеркнул, что теория «праязыка», теснейшим образом связанная с историей переселений народов, «представляется сторонниками буржуазной школы лингвистики как сплошной поток дроблений, бесконечных переселений, завоеваний чужих территорий, поголовного истребления или поглощения соседних племен и народов». Разумеется, такие явления историкам известны, однако в процессе развития языка и мышления гораздо важнее не завоевания, а влияние постоянно действующих социальных факторов. «Ошибка проф. А. Чикобава, согласно которому национальный язык является будто бы надклассовым, связана именно с сущностью „сравнительно исторического“ метода».

Наконец, «Правда» 6 июня 1950 года опубликовала статью академика В.В. Виноградова, уже намеченного Сталиным в качестве новой главы советской лингвистики вместо академика И.И. Мещанинова. О том, что большой статье Виноградова «Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории» придавалось особое значение, говорит, в частности, то, что в этот день была опубликована только она одна, как в свое время были отдельно

опубликованы «ударные» статьи Чикобавы и Мещанинова. Но знал ли сам Виноградов о грядущих административных изменениях и о своей будущей роли? Может быть, что тогда еще и нет, а если и знал, то тем не менее проявил нарочитую осторожность (если не сказать — трусость) в своей критике Марра и его последователей и не вышел за рамки очерченными Чикобавой. Даже по тону статья была больше лояльной, чем критической. До 1950 года судьба Виноградова несколько раз круто менялась, и поэтому его осторожность легко объяснима. В 1934 году, когда уже сложившемуся ученому исполнилось сорок лет, он был арестован и получил три года ссылки по так называемому «делу славистов». В отличие от других подельщиков, часть которых расстреляли и посадили на длительные сроки, судьба и власти были к Виноградову более благосклонны, и поэтому даже в ссылке он продолжал работать. Ссылка вскоре была заменена запретом проживать в крупных городах. Как пишет в своих воспоминаниях жена Виноградова, он в 1938 году обратился лично к Сталину и вместе с письмом направил ему две свои книги. В современном архиве и библиотеке Сталина ни этого письма, ни книг я не обнаружил. Виноградов был не столько лингвистом, сколько литературоведом, вел исследования языка Пушкина, Гоголя и др. В 1939 году, скорее всего, в качестве ответа на обращение к Сталину ученый по личному распоряжению Берии (!) получил московскую прописку и два года преподавал в Московском государственном педагогическом институте. Однако с началом войны, в августе 1941 года, он вновь был выслан из Москвы в Тобольск, из которого вернулся окончательно в Москву в августе 1943 года. Через год его назначили деканом нового филологического факультета МГУ, в 1946 году избирали (минуя ступень члена-корреспондента) академиком. Тогда же с него была снята судимость. Однако в ноябре 1947 года, когда Виноградов издал свой фундаментальный труд «Русский язык», началась публичная травля, скорее всего инспирированная все тем же Отделом науки ЦК и Президиумом АН СССР. В своем труде Виноградов был очень лоялен к Марру и марристам, особенно там, где они действительно поднимали важные вопросы «грамматического учения о слове». Он цитировал и опирался на исследования таких ученых «школы Марра», как И.И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, Р.О. Шор, близкого к Марру академика Л.В. Щербы и др. Самого Марра он включил в один ряд с

крупнейшими лингвистами мира^[397]. Все это не похоже на дежурные слова, брошенные в адрес лингвистического «вождя». Но марристам нового поколения этого было мало, и Виноградов был вынужден покинуть пост декана^[398]. И хотя до этого времени он никогда открыто не выступал против построений Марра и даже написал несколько статей в марристском духе, выбор, выпавший на него в качестве нового главы советской антимарровской лингвистики, был не случаен. Имя Виноградова было знакомо и Сталину, и Берии и в связи с «делом славистов», и в связи с его неоднократными письменными обращениями к ним, и в качестве маститого ученого — специалиста в области русского языка и литературы. Крутая идеологическая перестройка во всех областях науки и культуры, намеченная Сталиным еще накануне войны, поэтапно проводившаяся во время войны и особенно активно в первые послевоенные годы, достигла к моменту языковедческой дискуссии своего апогея. И если славистов (в том числе и Виноградова) обвиняли, расстреливали, сажали и ссылали в 1933–1934 годах за «великодержавный русский национализм», то теперь, в 1947–1950 годах, расстреливали, сажали и травили иных за проявления «еврейского буржуазного национализма» и «космополитизма». И здесь, в выдвигании Виноградова, мы не можем не заметить «след» Берии.

Судьба Виноградова была довольно типичной для многих известных деятелей сталинской эпохи. Запугав, а иногда физически или духовно покалечив человека, перед ним внезапно открывали заманчивые карьерные, административные или научные перспективы. В подавляющем большинстве случаев эти люди становились самыми преданными режиму исполнителями. Зная теперь достоверно, что языковедческой дискуссией непосредственно руководил Сталин, можно не сомневаться, что и санкцию на участие в ней тех или иных ученых, в том числе и Виноградова, давал он лично. Об этом говорят не только информационные записки Ильичева на имя Сталина. Как вспоминала жена ученого Н.М. Виноградова-Малышева, Чикобава на следующий день после первого ночного разговора на даче Сталина позвонил ее мужу. Раньше Виноградов и Чикобава не были знакомы. Значит, фамилию Виноградова назвал ему тот, кто поручил ему связаться с академиком и объяснить ситуацию. Чикобава попросил Виноградова выйти на улицу (на войне как на войне — соблюдается строгая секретность!) и рассказал ему, что говорил со Сталиным и что

«Правда» открывает дискуссию, а Виноградову предлагают выступить. И только заручившись предварительным согласием на его антимарристское выступление (а иначе к чему такая секретность?), его вызвали к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову (всесоюзному кадровику), который уже официально предложил ему принять участие в дискуссии. И хотя Виноградов тогда уже о многом догадываться, тем не менее он, как и Чикобава, не знал о желании вождя принять личное участие в дискуссии^[399].

Несмотря на серьезную идеологическую заявку, обозначенную в заглавии, Виноградов, критикуя Марра, отделался общими словами и привычными ярлыками, не раз подчеркивая, что Марр «великий советский ученый», чьи идеи искажаются учениками, и что у Марра есть общая материалистическая направленность, но что его материализм механистичен и социологизирован. Прочитав последние характеристики, Сталин расхохотался: «ха-ха» и дополнительно обозначил это место двумя крестами. Сталин, скорее всего, предварительно не просматривал эту статью, и она его теперь рассмешила своим опасливым академизмом и беззубостью. Из статьи Виноградова Сталин взял для своей работы только одно его замечание и цитату из работы Марра, подтверждающую такой тезис: «Кроме того, Н.Я. Марр думал, что грамматику языка создает класс, а не народ»^[400].

13 июня «Правда» вышла с новой подборкой из трех статей. Публикации были примиренческими и даже промарристскими. Дискуссия или выдыхалась, или же сотрудники «Правды» сознательно ее притормаживали. На статьях из этого номера Сталин только дважды сделал отметки. Первый раз на тексте академика из Киева Л. Булаховского «На путях материалистического языковедения»: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота...» Автор говорил о формировании общенационального языка (и нации) как фактора, способствующего развитию общенационального капиталистического рынка и наоборот. Это была традиционная марксистско-ленинская трактовка, соотносившая экономическое развитие общества с развитием языка, науки и культуры. В целом того же взгляда придерживались и Марр, и довоенный Сталин. Но в 1950 году Сталин

думал совсем о другом и по-другому. Дважды отчеркнув этот абзац, он приписал: «Против Чемоданова»^[401]. На самом же деле никакой реальной полемики с Чемодановым здесь нет. Автор решительно выступил против обвинений сторонников «праязыковой теории» в расизме. Здраво заметил: «Язык и раса не находятся между собой в прямой связи» — и указал в качестве примеров на язык американских негров и евреев в Германии. «Если фашистским и фашиствующим жуликам от науки, — писал он, — оказалось нужным из факта наличия языковых семейств сделать выводы расового и даже расистского характера, то при чем тут наука?» При этом не следует клеймить сравнительно-исторический метод как «буржуазный», тем более что лучшего пока нет. Марровская семантика, особенно в части украинского языка, не убедительна, также сомнительны его теоретические построения о «семантических пучках», поскольку здесь приходится слишком далеко углубляться в древность. Одобрительно отозвался о новой книге Мещанинова «Члены предложения и части речи» (1948), отметив интересную постановку вопросов, но спорность их решений. Согласился с одним из фундаментальных марровских постулатов: «Отражение общественно-экономических формаций в лексиконе (словаре) — факт, вряд ли подлежащий спору». Поэтому Марр «методологически правильно поступил, сосредоточивая свои поиски в первую очередь на этой области языка». И с другим важнейшим тезисом Марра он вполне согласился: «Смешанный характер всех языков мира не подлежит никакому сомнению, и страстная защита Марром этого положения вполне оправданна». Конечно, Марра следует упрекнуть в том, что он все же привлек не очень много фактов, но, по мнению академика Булаховского, «Марр не сделал этого, может быть, и потому, что, спеша с обобщениями за увлекавшими его перспективами проникнуть в глубокую древность языков, он, как исключительный полиглот и человек громадного непосредственного опыта, не находил эту работу для себя нужной». Итак, никакой ругани, никакой агрессии. Но Сталину именно их и не хватало.

На статье преподавателя Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина С. Никифорова «История русского языка и теория Н.Я. Марра» Сталин помет не оставил. Русист Никифоров в целом придерживался концепции Марра,

но с учетом истории и материала русского языка. Он, конечно, в первую очередь обозначил сомнительные и спорные с точки зрения исторического материализма построения Марра, в частности о классах и классовом характере языка в первобытном обществе. Но для более поздних эпох, когда уже язык фиксируется в письменных памятниках, утверждения Марра о классовом характере языков и памятников не вызывают сомнений. «В период раннего феодализма, когда связь между феодалами и крестьянами имела в значительной мере характер внешнего принуждения, а более тесной была связь феодалов между собой, роль общего для феодалов языка играл литературный (письменный) язык. Этот литературный язык мог быть даже чужим для данного народа». Таким был, например, для немцев латинский язык — язык не только церкви, но и теснейшим образом связанной с церковью государственного управления и вообще образованности. «Поэтому в эпоху раннего феодализма между речью господствующего класса и речью социальных низов могло существовать значительное различие не только в лексике, особенно в семантике, социально-насыщенных слов, но и в грамматической стороне языка». Классовость языка, продолжал Никифоров, особенно хорошо прослеживается на примере истории русского языка. Ф.П. Филин в книге «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (Л., 1943), в частности, показал, что «древнерусский письменный язык в основном отражает в себе речь городского населения, уже речь социальных его верхушек — князей, их дружинников, боярства и монастырско-церковных слоев. Язык населения сельских местностей, основных масс восточных славян, представлен в письменности косвенно, лишь в той мере, в какой можно говорить об известной общности речи верхов и низов населения». Кроме того, и деловой и летописный русский язык также отражает в основном нормы господствующего класса, хотя и вырос он на базе «общерусской языковой основы». Автор отметил, что как научный противник Марра покойный профессор А.М. Селищев, так и его ученик профессор Ф.П. Филин «одинаково объясняют возникновение известного единства славянских языков как результат схождения человеческих коллективов».

Уже по одному тому, что Сталин не оставил никаких помет на этой примиренческой статье Никифорова, можно сделать вывод, что любые аргументы, пытающиеся примирить обе позиции, оставляли его

равнодушным. Но в конце той же подборки была опубликована агрессивно промарровская заметка преподавателя Иркутского государственного университета В. Кудрявцева «К вопросу о классовости языка». Здесь уже Сталин не удержался от комментариев. Кудрявцев задался вопросом: «Действительно ли, что языки всех времен и народов не классовые?» Подчеркнув, а сбоку написав: «Да, действительно»^[402], Сталин, работавший в это время над своей статьей, продолжил эту фразу развернутым ответом в собственной работе. Кудрявцев из самых искренних верноподданнических побуждений привел еще более верноподданническое мнение покойного М.И. Калинина из его сборника «О вопросах социалистической культуры». Калинин писал: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил — Сталин. У него надо учиться скупости, ясности и кристальной чистоты языка». Сталин не всегда доверял мнению даже ближайших соратников. Но, как я уже писал, к покойникам он относился очень серьезно, чаще более серьезно, чем к живым. Кто знает, может быть, именно эта цитата из статьи Калинина окончательно утвердила его в мысли самому взойти на дискуссионную трибуну?

Судя по последним публикациям, создавалось впечатление, что дискуссия начинает пробуксовывать. Ни с той ни с другой стороны не хватало столь любимой Сталиным остроты в полемических выпадах, не было разнообразия в аргументации, не было лингвистической конкретики. И марристы и антимарристы, соблюдая осторожность, редко называли конкретные имена, кроме Марра и Чикобавы. Все компаративисты делали обязательные вежливые реверансы в адрес противника. Дискуссия текла вяловато. Все как будто чего-то ждали. Да и сотрудники «Правды» со своей стороны придерживали ее темп, не выпуская на страницы газеты наиболее резких, как правило, молодых оппонентов. Не предоставлялось слово археологам, этнографам, историкам, хотя их статьи находились в редакции, или было известно, что они готовы принять участие в дискуссии. Как я уже отмечал, они в большинстве были настроены промарристски. Ясно было, что скоро кто-то должен выйти и сказать решающее слово. В предыдущих дискуссиях этот кто-то подводил итоги и давал указания о том, как теперь следует думать, писать и преподавать. Иногда этим «кто-то» было все Политбюро в целом от имени, которого издавался

соответствующий документ. Им мог быть и один из его членов, например А. Жданов или Маленков, а иногда и кто-то из вновь назначенных отраслевых вождей. Поскольку академик Виноградов даже не попытался подвести итоги, значит, решающее слово было не за ним. Похоже, что не только работники ЦК, но и работники «Правды» не были в курсе и не знали подробностей финального акта дискуссии. Во всяком случае, из ее редакции продолжали поступать сводки и предложения, по характеру которых видно, что не редакция, а Сталин полностью контролировал ее ход. 17 июня 1950 года на имя Поскребышева было направлено очередное послание за подписью Ильичева, в котором говорилось о вновь подготовленной подборке, и опять упоминалась статья Черных. В письме впервые давалась общая сводка о поступивших в редакцию материалах:

«Сначала дискуссии редакция получила свыше 190 статей. Авторы значительной части статей (около 70) выступают в защиту учения Марра без всяких оговорок. Другая часть авторов (более 100), защищая в целом учение Марра, критикует отдельные стороны этого учения. С резкой критикой марристского учения выступают авторы 20 статей.

До сих пор в „Правде“ опубликовано 12 статей»^[403].

Сводка Ильичева интересна тем, что указывает на подавляющий численный перевес марристов и на то, что в большинстве своем те, кто писал в «Правду», также не подозревали об истинных целях дискуссии. До последнего момента не знали этого и люди, возглавлявшие «Правду», то есть Сулов и Ильичев. То, что Сталин скрывал свое желание поучаствовать в дискуссии, подтверждается, в частности, свидетельством главного редактора газеты Ильичева. Спустя много лет он рассказал своему тогдашнему помощнику В.И. Болдину о том, что накануне публикации очередной подборки Сталин внезапно позвонил ему: «Сталин стал нахваливать Ильичеву, — рассказал Болдин, — некоего молодого автора:

— Он просто гений. Вот он написал статью, она мне понравилась, приезжайте, я вам покажу. Сколько у нас молодых и талантливых авторов в провинции живет, а мы их не знаем. Кто должен изучать кадры, кто должен привлечь хороших и талантливых людей с периферии?

Когда Ильичев приехал, вождь в одиночестве прогуливался по кабинету. Дал рукопись. Ильичев быстро ее прочитал, дошел до последней страницы. Внизу подпись автора — И. Сталин.

Ильичев с готовностью произнес:

— Товарищ Сталин, мы немедленно останавливаем газету, будем печатать эту статью.

Сталин сам радовался тому, как разыграл главного редактора „Правды“.

— Смешно? — спросил он. — Ну что, удивил?

— Удивили, товарищ Сталин.

— Талантливый молодой человек?

— Талантливый, — согласился Ильичев.

— Ну что же, печатайте, коли так считаете, — сказал довольный вождь.

На следующий день „Правда“ вышла со статьей „Марксизм и языкознание“. Потом ее пришлось изучать всей стране»^[404].

Так благодаря «протекции» стареющего «корифея науки» статья «талантливого молодого человека» появилась на страницах «Правды». Без сомнения, готовил он ее наедине и втайне от всех.

Глава 7. И.В. Сталин «Относительно марксизма в языкознании»

Концепция

20 июня 1950 года «Правда» опубликовала большую статью Сталина «Относительно марксизм в языкознании» и наконец-то статью П. Черных «К критике некоторых положений „нового учения о языке“». Возможно, последнюю точку в своей работе Сталин поставил незадолго до 18-го числа того же месяца. В этот день он направил строго секретное письмо на бланке ЦК, приложив к нему машинописные экземпляры своей работы:

«Строго секретно.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П 20

18 июня 1950 г.

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю статью по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера понедельника не будет замечаний, буду считать, что статья одобрена, и я буду иметь возможность направить ее в „Правду“ для напечатания в дискуссионном листе, выходящем во вторник. Если же будут замечания, я готов созвать восьмерку для обсуждения.

И. Сталин»^[405].

Никаких замечаний не последовало. Может быть, за исключением Берии и Молотова, все остальные члены высшего партийного органа втайне восприняли и дискуссию, и участие в ней вождя как очередную блажь стареющего диктатора. Во всяком случае, Хрущев в воспоминаниях именно так оценивал этот эпизод последних лет жизни Сталина, оказавшегося, по его мнению, почему-то под влиянием своего земляка Берии, «не раз у него обедавшего»^[406]. Хрущев, видимо, так никогда и не узнал о том, что Чикобава, назначенный после завершения дискуссии директором института, в котором работал, через год-полтора будет снят со всех постов за причастность к так называемому

«Мегрельскому делу». Поэтому же делу будет снят со своего важного партийного поста и официальный инициатор дискуссии Чарквиани. Смутная угроза «Мегрельского дела» нависнет и над самим Берией. Сталинская игра с «национальными» проблемами продолжалась до последнего дня его жизни.

Сталин, конечно, не рассчитывал на замечания со стороны партийных товарищей. Впрочем, какого рода замечания могли сделать сталинские выдвиженцы, пусть и искушенные политиканы и самонадеянные чиновники, но люди малокультурные и не очень образованные? Как ни оценивай, но работа Сталина была посвящена сложнейшим научным проблемам. Да и не их это было дело разбираться в проблемах лингвистики, генетики, теоретической физики или в тонкостях поэзии, драматургии, кино или классической музыки и т. д. Сталин это понимал и после смерти Жданова все чаще явно с удовольствием и не без все возрастающего высокомерия открыто брал на себя роль высшего и единственного интеллектуального авторитета и теоретика. Ему до всего было дело, и он считал, что способен разобраться в любых или почти в любых вопросах бытия. Письмо к сораотникам носило формальный характер и служило всего лишь сигналом начала главного акта дискуссии. Давно прошли те времена, когда у него в сораотниках числились Бухарин, Рыков, Томский и даже Зиновьев и Каменев и, когда в комбинациях с ними в ЦК действительно образовывались то антитроцкистская «восьмерка», то «семерка», то «девятка» или еще какая-либо тайная партийная группировка. Замечаний от «восьмерки» 1950 года не последовало, и «Правда» опубликовала работу Сталина в том виде, как он ее представил.

Сейчас невозможно установить точное время, когда Сталин приступил к работе над статьей. Обычно он проставлял даты только после завершения очередного труда. Но на рукописях и черновиках именно этой работы даты нет. Исходя из обстоятельств, предшествовавших появлению работы, и из ее контекста, можно достаточно уверенно предположить, что Сталин задумал ее накануне или во время первой встречи с Чикобавой 10 апреля 1950 года, то есть в то же время, когда у него окончательно созрел замысел организации кампании по развенчанию академика Марра. О том, что решение принять личное участие в дискуссии, возникло у Сталина во время встреч с Чикобавой, косвенно подтверждается и тем, что первая

проблема, которую Сталин выделяет в своей статье, возможно, и была той самой, которая вызвала у них наибольшие разногласия. Напомню: Чикобава вспоминал о том, что они спорили и, значит, не во всем соглашались. Разногласия, похоже, возникли по поводу того, считать ли язык частью надстройки над экономическим базисом общества, как это обосновывал Марр, или же нет? В сталинском официальном марксизме все общественные явления строго относились или к базису, или к надстройке и вне их не могли существовать. Чикобава здесь следовал за Марром, понимая, что отнести язык, наряду с экономикой, к базисным явлениям не позволяет здравый смысл, а пересматривать самую суть марксистской политэкономической и историософской доктрины ему не дано, да и кто бы это позволил? А Сталин уже давно себе все позволял. По мере необходимости он без особого трепета пересматривал устоявшиеся доктрины или заново обосновывал очередные «незыблемые марксистские» положения. По своей натуре он мало чем отличался от обычного партийного догматика ленинского призыва, но, в отличие от них, он был догматиком ровно настолько, насколько это было полезно ему и его режиму. Когда возникала необходимость, он не цеплялся за устоявшиеся положения, а отбрасывал их как залежавшийся хлам. Для упиравшихся противников или для замешкавшихся, не успевших перестроиться функционеров у него был заготовлен хорошо отработанный «встречный» ход — обвинение их в догматизме, начетничестве, талмудизме, механицизме и вульгаризаторстве марксизма. Всерьез возражать ему уже давно никто не смел, так как по крайней мере с середины 30-х годов он являлся единственным непререкаемым теоретиком марксизма-ленинизма в стране.

Над статьей Сталин, как всегда, работал методично и несуетливо, добиваясь четкости в постановке проблем, ясных на них ответов, а когда затрагивал особенно сложные вопросы, то упрощал их так, что они становились понятны многим и в первую очередь ему самому. При этом Сталин с легкостью обходил или лукаво замалчивал проблемы, которые не знал сам, как разрешить. У него была давно укоренившаяся манера каждый вопрос обсуждать «циркулярно», то есть раз за разом, монотонно возвращаться к тому, что считал ключевым, но с несколько обновленной аргументацией. Именно ее очень точно описал А. Солженицын. Судя по черновикам, Сталин какое-то время искал

литературную форму, в которую предполагал облечь свою работу. Он не хотел предстать перед читателями (своими подданными) пусть и самым важным, но всего лишь очередным участником научного диспута. В то же время его работа не должна была походить на официальный директивный документ или на публичную реплику-окрик властного правителя. И той и другой формой он особенно злоупотреблял до войны. Та форма, которую он избрал на этот раз, была им так же использована, и уже не однажды: в целях дипломатии от имени какого-либо печатного органа или известного журналиста ему задавали им же подготовленные или заранее согласованные с ним вопросы. В международной практике такая дипломатическая форма интервью была широко распространена, но для участия в современном научном диспуте она, похоже, использовалась впервые. Напомню также, что «самовопрошание» было распространено в средневековой церковной риторике и в современной молодому Сталину богословской литературе как на Востоке, так и на Западе. Давать интервью самому себе Сталину было очень удобно, так как открывался полный простор и в постановке вопросов и в ответах. Такая литературно-публицистическая форма резко отделяла «верховного» от рядовых участников дискуссии. И еще один штрих отделил его от рядовых участников дискуссии — он подписал статью: «И. Сталин», без указания должностей или хотя бы почетного академического звания. Такая «скромность» паче любой гордыни.

Когда же он окончательно доработал вопросы, то решил дополнительно замаскироваться, придумав к ним не только общее название, но и такое предисловие:

«Z
ОТНОСИТЕЛЬНО МАРКСИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ^{20}.

Z Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных

науках, то к этому делу я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами».^[407]

Этот текст написан Сталиным от руки карандашом на отдельном листе бумаги и наклеен на другой лист, на котором уже был напечатан на машинке первый вопрос-ответ с окончательной правкой. Никаких следов писем «группы товарищей из молодежи» в архиве нет. Кого-то такое предисловие может даже умилить — вождь честно признается в том, что он ничего не понимает в лингвистике. Но далее (до чего ловкий поворот!), ничего не понимая в языкознании, он, однако, как всем известно, большой специалист «относительно марксизма» в философии, истории, политэкономии, в военном искусстве... в языкознании. Иначе говоря, сталинский марксизм есть своего рода метанаука, наука наук, новая метафизика, а он ее неоспоримый и признанный корифей. Кто же поспорит с тем, что его слово здесь первое?

Итак, после чтения записки Чарквиани, после бесед с Чикобавой и знакомства с его материалами, изучив справочную литературу и ознакомившись через все это с выдержками из некоторых трудов Марра и классиков марксизма, Сталин счел себя вполне подготовленным, определился с формой изложения и сформулировал четыре коренных, как ему казалось, вопроса:

«Вопрос. Правильен ли с точки зрения марксизма тезис Н.Я. Марра о том, что язык есть надстройка над базисом?»^[408]

«Вопрос. Правильен ли с точки зрения марксизма тезис Н.Я. Марра о том, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового языка не существует?»^[409]

«Вопрос. Каковы характерные признаки языка?»^[410]

«Вопрос. Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?»^[411]

Затем на каждый из собственноручно написанных вопросов дал собственноручно написанные ответы, периодически корректируя их с

материалами, появившимися в дискуссионном листке «Правды». Я специально акцентирую на этом внимание, так как в литературе на этот счет не раз высказывались сомнения — сам ли Сталин написал статью «Относительно марксизма в языкознании» или же с чей-то помощью? Если не считать той литературы, о которой говорилось выше и не иметь в виду бесед с Чикобавой и, возможно, с другими профессиональными лингвистами, Сталин, с подачи Берии, сам лично не только организовал дискуссию, но и собственной рукой написал большую часть тех материалов, которые были опубликованы за его подписью. В архиве Сталина хранятся три варианта черновиков основной работы. Первый вариант, написанный Сталиным на разлинованных листах писчей бумаги простым карандашом, сохранился не полностью. Второй и третий (окончательный) перепечатаны на машинке, на левой стороне стандартного листа и содержат многочисленные рукописные вставки и поправки в тексте и на полях справа. Каждый из четырех вопросов прорабатывался Сталиным в виде отдельного ответа.

Многих смущает то, что сталинская работа ладно и толково написана. При этом ни одного критического научного исследования, посвященного языковедческим писаниям Сталина, нет, если не считать апологетических сочинений начала 50-х годов. Даже историк лингвистики В.М. Алпатов, посвятивший книгу очередному развенчиванию «мифа» о Марре, обошелся простым пересказом языковедческих работ Сталина, хотя, казалось бы, именно сталинские работы следовало бы наконец-то подвергнуть строгой научной критике^[412].

Не вникая в суть сталинской работы и не имея доступа к его архиву, некоторые исследователи делали даже предположение о том, что его статья есть скрытое заимствование из какого-нибудь лингвистического труда. Сначала указывали на соавторство Чикобавы. Но тот еще при жизни успел решительно опровергнуть эту версию. Кроме того, и стиль, и содержание работы, и явные противоречия со статьёй Чикобавы не оставляют никакого сомнения в том, что он не имел прямого отношения к сталинскому тексту. В исследованиях последних лет особенно настойчиво указывают как на якобы главный источник идей и заимствований на книгу Д.Н. Кудрявского «Введение в языкознание» (Юрьев [Дерпт], 1912)^[413]. Работа Кудрявского, выросшая из его же цикла лекций, хороша не только ясностью стиля, но

и аргументированной материалистической и социальной направленностью. Не ссылаясь ни на кого конкретно, автор определяет язык как «средство общения», «как орудие нашей мысли», подчеркивает, что «непрерывная деятельность, лежащая в основе языка, есть деятельность общественная» и т. д. ^[414] Со времени выхода книги Кудрявского все эти и другие подобного рода положения в 30-х годах довольно быстро стали общими местами советского языкознания, психологии, философии, истории, археологии. Как я уже отмечал, сходные идеи, но в ином, психологическом контексте высказывал Л. Выготский. Без сомнения, с книгой Кудрявского был знаком и Марр. Больше того, в архиве Марра сохранилась их послереволюционная переписка, из которой следует, что Марр активно вербовал Кудрявского в свои сторонники. Из эмиграции Кудрявский дипломатично отвечал на предложения Марра в том смысле, что ему трудно даются революционные идеи академика. Но в действительности, существенных противоречий между его концепцией и концепцией Кудрявского о функциональной роли языка и о его связи с мышлением нет. Скорее всего, именно Марр, а не Сталин кое-что материалистическое и социальное заимствовал у Кудрявского. Например, приоритет постановки вопроса о происхождении общечеловеческого языка как такового в противовес вопросу о реконструкции праязыка семьи народов. Кудрявский практически ничего не говорит о нации как источнике языка, тогда как в сталинской работе этот вопрос центральный. Сталинская концепция «марксистского языкознания» с ее дуализмом прямо противоположна социологической концепции Кудрявского. Скорее всего, Чикобава или другие лингвисты, проводя со Сталиным на его даче языковедческий ликбез, использовали идеи и формулировки Кудрявского, элементы которых опосредованно усвоил и Сталин. В современной библиотеке Сталина ни одной работы Кудрявского я не нашел.

Рассмотрим теперь, как Сталин отрабатывал каждый из сформулированных вопросов в отдельности, а потом свел их воедино.

Первый сталинский удар по «новому учению о языке»

Мы помним, как Марр упорно настаивал на том, что язык есть надстроечное явление и как таковое меняется в зависимости от изменения базиса общества. Именно это положение позволяло обосновывать и революционную динамику, и коренную перестройку языка, а главное, приоритет общечеловеческого стадияльного развития над частными семейными и национальными языковыми группировками и даже само их существование ставить под сомнение. Поэтому, задавая вопрос, правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н.Я. Марра о том, что язык есть надстройка над базисом, Сталин написал: «Ответ. Нет, неправильно», а в окончательном варианте исправил: «Нет, неверно». Затем без особых заминок быстро и кратко изложил общеизвестные марксистские политэкономические формулировки о взаимовлиянии базиса и надстройки^[415]. Никакие изменения в базисе или надстройке особенно не воздействуют, утверждал Сталин, на язык, и в доказательство этому указывал на русский язык до и после Октябрьской революции: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что наполнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, сохранились именно как основы современного русского языка»^[416].

Это был первый «сталинский удар» на полное и безоговорочное уничтожение концепции Марра. В 1950 году было живо немало людей, овладевших языком, как и Сталин, еще до революции. Здравый смысл подсказывал: да, изменения в обществе колоссальны, но мы родились с этим языком, выучились ему, в том числе и другим языкам, и прожили с ним (с ними) всю эпоху потрясений. В отличие от 20-х годов, в 1950 году ломка в языке первых лет революции и Гражданской войны старшими поколениями уже припоминалась слабо, а большинством родившихся в послереволюционной языковой среде не ощущалась вообще. Простой силою жизни в сознании большинства (то есть в общественном сознании) вновь была восстановлена непрерывность исторического бытия пусть и на совершенно новой основе. Сталин был как раз одним из тех, кто страшный революционный обвал уже не помнил или не хотел помнить. Семидесятидвухлетний вождь, как человек, омывшийся большой кровью, при этом сочетавший в себе неувядающую романтичность с трезвостью и прагматичностью, искренне верил в реальность только того, что видел здесь и сейчас. Никаких революционных изменений в русском и других языках своего государства он не помнил и теперь не замечал. Советские компаративисты того времени, избегая напрямую полемизировать по поводу революционных изменений в семантике, обычно указывали и указывают ныне на стабильность грамматического строя языка как на главный его признак. Сталин так же сделал на этом упор, но одновременно решил подкрепить свои аргументы ссылками на стабильность во времени «основного словарного фонда» языка, то есть на стабильность его семантики. Современные исследователи до сих пор полемизируют по поводу сталинского источника этого понятия. На самом же деле, как я предполагаю, это понятие пытался ввести известный советский иранист, специализировавшийся на осетинском языке, и последователь Марра В.И. Абаев. Как раз накануне дискуссии вышли две его работы, посвященные «основному словарному фонду». В одной из них он доказывал, что вслед за начальным глоттогоническим этапом наступает этап выработки «основного лексического фонда», «охватывающий круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь вообще, если не считать самых ранних, начальных стадий глоттогонии, о которых мы можем только смутно

догадываться и которые характеризовались, по-видимому, беспредельным полисемантизмом (видимо, имеются в виду четыре универсальных полисемантических элемента Марра. — Б.И.)»^[417]. В другой работе он писал: «Есть в языке известный ограниченный круг слов-понятий, без которых нельзя себе мыслить ни одно человеческое общество, в каких бы широтах оно ни жило и какова бы ни была его культура, техника, экономика... Перечисленные категории абсолютно необходимых в любом обществе слов-понятий, образуют основной, неотчуждаемый „общечеловеческий“ фонд языка...»^[418] и т. д. Я не знаю, был ли Сталин непосредственно знаком с работами Абаева, хотя, как мы видели, проблемы происхождения кавказских племен и языков его всегда интересовали. Скорее всего, идею «основного словарного фонда общечеловеческого языка» ему подсказал кто-нибудь из антимарристов, перетолковав ее в идею семантического ядра национального языка. До Сталина ни один серьезный лингвист ничего похожего не утверждал, да и не мог этого делать. Потому с каким рвением именно эту идею пропагандировали после дискуссии профессор П.Я. Черных и академик В.В. Виноградов, можно предположить, что кто-то из них и подсказал ее вождю. Хочу напомнить, что резко антимарристская статья Черных была заказана и подготовлена к печати одной из первых, но Сталин ее сознательно придержал и разрешил опубликовать ее позже рядом со своей статьей. Не исключено, что это было проявление особой милости к ученому, а не только использование ее в качестве дополнительного антимарровского аргумента. Добавим: никакого «основного словарного фонда», который наряду с грамматическим строем якобы составляет ядро каждого национального языка не существует.

В том же разделе Сталин порассуждал о динамичности общественной надстройки, о ее решающем влиянии на классовую борьбу в социуме. В первом варианте он ограничился простым указанием на то, что язык, в отличие от надстройки, «нейтрален по своему существу, индифферентен к борьбе общественных сил, к борьбе классов, к характеру общественного строя»^[419]. Затем Сталин последнюю фразу зачеркнул и все заново переработал, попросту выведя язык из состава надстройки: «Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем

ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим, собственно, и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый умирающий строй, так и новый поднимающийся строй, как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых»^[420]. Обратим внимание на то, что Сталин, решительно отрицая классовую природу языка, пока еще пишет о языке как явлении общественном. В этом месте в первом варианте была вставка, в которой говорилось в противовес Лафаргу (без упоминания имени) о том, что французский язык одинаково хорошо обслуживал любые классы до и после революции: «Французский язык так же не плохо обслуживал новые классы после французской буржуазной революции, как он обслуживал старые дореволюционные классы французского общества»^[421]. В окончательном варианте Сталин этот текст выкинул, но оставил аналогичный пассаж о русском языке до и после Октябрьской революции. Не ограничившись ссылкой на русский язык, Сталин, по своему обыкновению, решил перечислить большинство языков народов СССР. Монотонное (вновь вспомним А. Солженицына!) нанизывание примеров, один из самых излюбленных и старых его полемических приемов, должных демонстрировать особую убедительность доводов «корифея». Последовала такая рукописная вставка: «То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, бакирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый социалистический строй».^[422] Еще в начале своей государственной карьеры, будучи наркомнацем, он с помощниками пытался разобраться в том, на каком общественно-

экономическом этапе находились различные народы России. Тогда народы западной части страны он отнес к капиталистической формации, большинство же среднеазиатских народов и часть народов Кавказа — к формации феодальной, а некоторые народы Севера — к общинно-родовому строю. В то время у большинства оставших этносов не было единого разговорного и литературного языка. Позже, в середине 30-х годов, все они по его воле разом шагнули в формацию «социалистическую». Тогда же из различных национальных диалектов и говоров для них был назначен общенациональный разговорный, делопроизводственный и литературный язык. Над вопросом о том, какой из диалектов и наречий обслуживал, например, общенациональные интересы узбеков или туркмен в эпоху раннего феодализма, Сталин в 1950 году уже не задумывался, хотя сам же когда-то писал (вслед за Лениным), что нации формируются только в эпоху капитализма.

Продолжая развивать мысль о национальном языке, одинаково способном обслуживать все общественно-экономические формации, Сталин заявил, что язык «не отличается... от орудий производства, скажем, от машин, которые так же нейтральны, как язык, и так же одинаково могут обслуживать и капиталистический *строй* и социалистический»^[423]. В свое время Выготский (а так же и Марр), используя марксистские понятия, рассматривал знак как специфическое орудие человека, а знаковую деятельность как деятельность орудийную в самом широком смысле слова. Однако в интерпретации Сталина (или его консультантов?^[424]) сравнение языка с орудием производства, тем более с машиной приобрело совершенно иной антиисторический и антимарксистский смысл. Напомню одно из общих мест марксизма: если вместе с изменениями в производственных отношениях не происходит очередная промышленная революция, которые сообщают только и способны изменить способ производства на более передовой, то никакой смены общественно-экономической формации не произойдет. Сталина, уверовавшего в реальность своего социалистического общества, не смущало то, что «промышленный переворот» в СССР, начавшийся в 30-х годах, был всего лишь догоняющей промышленной модернизацией на базе устаревающей западной (буржуазной) технологии. Но он видел иное: по его «социалистическим», то есть колхозным, полям движутся такие же

тракторы, что в США, на «социалистических» заводах стоят такие же станки, плавят металл примерно так же, как в Германии, и т. д. Действительно, обе «формации» так, как он их себе представлял, обслуживают одни и те же орудия производства. А был ли в СССР реальный формационный сдвиг, или же это было нечто иное, не имеющее отношение к марксистским прописям, эту мысль он не допускал. Отсюда понятна и его аналогия с языком, одинаково обслуживающим все «формации». В этом пункте Марр гораздо больший марксист, чем Сталин. После публикации статьи Сталин поймет сомнительность своей аналогии и попытается в последующих языковедческих заметках исправить положение. Однако тезис о независимости национального языка от формационных сдвигов в базисе и надстройке общества останется в его работе как основополагающий.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет, — писал далее Сталин. — За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык *по своей структуре* мало чем отличается от языка Пушкина»^[425].

Современный читатель может поневоле усмехнуться, прочитав следующий фрагмент, если, конечно, он не делает из Сталина кумира. Вместо аргументов, логики, фактов, вместо проникновения в суть проблемы и овладения научной традицией вождь предлагает читателю наивные взывания к истории, к революции, к общественно-экономическим формациям, к их «здравому смыслу»: «В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматического строя и основной словарный фонд (языка — зачеркнуто. — Б.И.) уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы „вода“, „земля“, „гора“, „лес“, „рыба“, „человек“, „ходить“, „делать“, „производить“, „торговать“ и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе?»^[426] Судя по контексту, Сталин именно эти

перечисленные здесь слова отнес к «основному словарному фонду» русского языка.

Сталин продолжал править напечатанный на машинке текст: «Кому нужно, чтобы (сочетание слов в предложении, составление суждений, склонения, спряжения и т. п. — текст в скобках Сталин позже зачеркнул. — *Б.И.*) *изменения слов в языке и сочетание слов в предложении* происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо (серьезного) *существенного* без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком *языковом* перевороте, если доказано, что (основа данного языка) *существующий язык с его структурой в основном* вполне пригодны для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно *и нужно* в течение нескольких лет, *чтобы дать простор развитию производительных сил общества*, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не создавая, *внося* анархию в общественную жизнь и не создавая угрозы распаду общества? Кто же, кроме дон-кихотов, могут ставить себе такую задачу?»^[427] Над этой частью текста Сталин поработал дополнительно, главным образом убирая конкретные лингвистические примеры и термины, правя стиль.

Какими бы высокими проблемами ни задавался человек поверхностный и в особенности дилетант, он легко выдает себя тем, что старается избегать конкретности, фактов, деталей, специфического языка дисциплины. Знакомясь с тем, как Сталин работал с первым разделом статьи, сразу же подмечаешь, как он, пытаясь подкрепить свои построения хотя бы элементарными лингвистическими или историческими примерами, сам же замечает их двусмысленность. Поэтому в дальнейших разделах он все в большей степени будет убирать ссылки на конкретные факты, тщательно шлифуя общие формулировки. Кроме того, все эти риторические вопросы, обращенные к абстракциям, а на самом деле к Марру и марристам, выдают нового «корифея науки» с головой. Разве кто-нибудь говорил о насильственном уничтожении в ходе революции старого языка и «строительстве» нового? Действительно, кому это нужно? Под «языковым строительством» Марр и другие, включая самого Сталина,

понимали в 20—30-х годах разработку новых алфавитов и грамматик для бесписьменных народов СССР или замену арабского алфавита на латиницу или кириллицу для ряда восточных и мусульманских народов. Приписывая противнику вздорные мысли в 1950 году, Сталин знал, что никто его в этом не уличит.

Первый вариант первого раздела статьи Сталин сначала закончил лаконичным выводом: («Вывод: известное положение о том, что язык есть надстройка над обществом, является неправильным, ошибочным»). Но затем, обдумав хорошенько и решив, что вывод делать рано и он недостаточен, Сталин эти строки зачеркнул и от руки приписал карандашом в конце листа и на его обороте:

«Наконец, еще одно коренное отличие между надстройкой и языком. Надстройка не связана непосредственно с производством, производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредства базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменения в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера деятельности надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим, собственно, и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы и язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Итак:

а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;

б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку». [\[428\]](#)

Так был нанесен первый разгромный сталинский удар по передовым позициям яфетической теории Марра.

Второй удар по «новому учению о языке»

На второй вопрос — правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н.Я. Марра о том, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует, прозвучал не менее категорично: «Ответ. Нет, неверно»^[429].

Сталин вновь сначала написал от руки карандашом первый вариант ответа, затем его перепечатали в двух экземплярах на машинке, после чего он принялся шлифовать текст. Опуская многочисленные редакционные правки, отметим самое существенное в рукописном и в первом машинописном экземплярах статьи.

Естественно, что в 1950 году Сталин не мог допустить даже мысли о том, чтобы в угоду Марру и его теории пересмотреть одно из фундаментальных марксистских положений о неклассовом характере догосударственного первобытного человечества. Сталин с ходу отмел всякие притязания марристов пересмотреть взгляды Энгельса на сей счет: «Не трудно понять, — писал Сталин, — что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, язык был там общий, единый для всего коллектива». Но даже здесь он не удержался и позволил себе очередной раз ошельмовать марристов, заявив, что они под классом якобы понимают «всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив»^[430]. Напомню: начало истории этого вопроса относится ко времени завершающего этапа в формировании «нового учения о языке», когда Марр, отталкиваясь от хорошо изученных мертвых и живых языков, имевших письменность, через бесписьменные живые языки, археологию и этнографические наблюдения пытался проникнуть в эпохи догосударственные и доклассовые. Вспомним статью Чемоданова, процитировавшего заявление Марра во время «Бакинской дискуссии» 1932 года, о том, что у него не хватает термина, чтобы назвать социальные группы, без сомнения, существовавшие уже в первобытном обществе и вырабатывавшие, с точки зрения Марра, свои социальные языки. Дело в том, что Марр через эволюцию языка пытался нащупать фазу перехода от родоплеменной (кровной) организации человеческого

общества к социально-групповой и классовой организации. И здесь он вступал в откровенное противоречие не только с марксизмом и в особенности с Ф. Энгельсом, заявлявшим, что в эпоху «первобытного коммунизма» в обществе отсутствовала частная собственность и эксплуатация, а значит, не могло быть и его деления на классы. Если в начале 30-х годов Сталин по этому пункту теории Марра промолчал или просто не обратил на него внимания, то в 1950 году он, уже построивший в СССР «общенародное государство», в котором «социализм победил полностью и окончательно» в качестве первой фазы бесклассового коммунистического общества, подобных вольностей допустить не мог и по отношению к «первобытному коммунизму».

«Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от *языков* племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, то везде, на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения.

Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»^[431].

Никаких особых доказательств того, что везде и всегда все национальные языки развивались исключительно по восходящей линии, от родовых и племенных языков, конечно же, не приводилось. Вновь тот же прием «доказательства» через терминологическую монотонность — в самом конце первого абзаца Сталин пять раз повторил однокоренные слова: «общий», «общество». Знаменательная ссылка на языки мировых империй древности. Сталин любил читать исторические сочинения и с начала 30-х годов ознакомился с трудами нескольких десятков античных, западноевропейских, российских и советских историков. Тем не понятней его утверждение о том, что, например, империя Цезаря была непрочной и не имела своей

экономической базы. Но дело даже не в этом. Разве после завоеваний Александра Великого греческий язык и греческая культура, как язык и культура завоевателей, не стали господствующими на значительной части эллинизированной ойкумены? И почему, собственно, нельзя говорить о том, что мидийский, греческий, латинский, франкский языки или средневековая латынь использовались как общеимперские языки народов-завоевателей и их верхами? Известный французский историк и современник Сталина Марк Блок писал в своем не менее известном сочинении «Феодальное общество» о государстве франков: «Как бы ни различались языком, обычаями и нравами нижние слои населения, управляла ими одна и та же аристократия и одно и то же духовенство, благодаря чему и могло существовать огромное государство Каролингов, раскинувшееся от Эльбы до океана»^[432]. Как известно, правящая аристократия пользовалась франкским языком, а духовенство разных регионов использовало латынь. На варваризованных вариантах латыни говорило и большинство населения Каролингской державы. А разве в Испанской, Португальской, Британской или Французской колониальных империях Нового времени не было общеимперского языка, который наряду с военной и экономической мощью «титulyной нации» поддерживал ее господство? Сталин в своих ранних работах сам говорил нечто подобное, когда рассуждал об Австро-Венгерской или Российской империях.

Хорошо понимая, что по отношению к многонациональным империям его высказывания звучат не очень убедительно, Сталин добавил: «Следовательно, я имею в виду не эти и подобные им империи, а те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них»^[433]. Что здесь имеется в виду, понять затруднительно. Как эксплуатируемые составные части империй могли иметь «свою экономическую базу» и бесклассовые общие языки? Одно исключает другое. Прописи марксизма-ленинизма гласят, что единство любого государства в первую и в последнюю очередь обеспечиваются единым рынком, единым экономическим пространством. Кроме того, Сталин почему-то забыл, что в многонациональных империях этнические и национальные верхушки подчиненных наций вынуждены

были осваивать не только родной язык, но и общеимперскую речь. В длительно существовавших империях процесс ассимиляции культуры и языка постепенно охватывал все большие слои подвластного населения. Сталин сам был одним из тех, кто до революции активно выступал против насильственной ассимиляции народов Российской империи, в том числе против административного навязывания русского языка в Грузии и в других регионах Кавказа.

Несмотря на то что второй раздел работы составляет более шестнадцати машинописных страниц, Сталин здесь, по существу, на разные лады монотонно повторяет все ту же мысль, не раз воспроизведенную еще в первом разделе: классовых языков не бывает, язык во все времена обслуживал и обслуживает все общество в целом. Конечно, рассуждал Сталин сначала в черновом, а затем в первом машинописном варианте, есть диалекты, жаргоны, салонные «языки» аристократии, буржуазии, но поскольку «у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда»^[434], то их и нельзя считать языками. Вот и все доказательства. Затем эти «аргументы» он на разные лады комбинирует с теми, что были изложены раньше и т. д. Попутно Сталин парирует марристскую трактовку Маркса о том, что у буржуазии есть «свой язык», его же цитатой о «концентрации диалектов в единый национальный язык», нарочито «забывая» о других вариантах складывания общенационального языка^[435]. Затем без смущения назидательно тычет в адрес Мещанинова, не называя его имени: «Выходит, что цитирующий товарищ искажил позицию Маркса, искажил ее потому, что цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики»^[436]. Но в дальнейшем, дорабатывая статью во втором машинописном варианте, Сталин последовательно убирает личностное обращение к оппонентам, выделив для этой цели последний, четвертый вопрос.

До этого момента рукопись и машинописные тексты не имеют очень существенных отличий. Затем начинается более интенсивная авторская работа. В первом машинописном экземпляре Сталин сделал вставку о том, что Маркс не занимался лингвистическими исследованиями, а лишь говорил о противоположности интересов пролетариата и буржуазии. Но затем, сочтя это положение чересчур категоричным, вычеркнул его^[437]. Другая значительная вставка, вошедшая с небольшими изменениями в окончательный текст,

относилась к вопросу о классовости языка (вспомним его помету на статье В. Кудрявцева): *«Очевидно, что если каждый класс имеет свой язык, то он должен иметь и свою грамматику: капиталисты — буржуазную грамматику, пролетарии — „пролетарскую“. Но разве бывает на свете „буржуазная“ или „пролетарская“ „грамматика“? У нас были в одно время „марксисты“, которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьской революции, являются „буржуазными“, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые „пролетарские“ дороги».*^[438]

Развивая эту мысль, Сталин добавил, что классовые языки, если бы они были возможны, неизбежно привели бы к распаду общества. Над этой проблемой он поработал усерднее, расширяя и усиливая аргументы. Это видно не только из указанной вставки, но по тому, что Сталин написал на полях в свой собственный адрес. Рядом с фразой о том, что «классовость языка есть примитивная фантазия», написал: *«По другому»*, то есть изложить иначе. Затем сам себе же предложил: *«Включить о Лафарге»*^[439]. Во втором машинописном варианте он действительно добавит обширную вставку о Лафарге и расширит по сравнению с первым вариантом критику взглядов марристов на учение Ленина о двух культурах^[440]. Точно так же забракует часть собственной критики марризма (*«не то»*) и напишет себя памятку о том, чтобы *«вставить о моде на французский язык»* у английской и русской аристократии^[441].

Наконец, Сталин берется за второй машинописный экземпляр этого раздела статьи, окончательно дорабатывает его, правя стиль, внося обширные вставки, вычеркивая непродуманные реплики и фразы. Годами в советской лингвистической, учебной и популярной литературе пропагандировалась мысль о наличии во всех классовых обществах особых классовых же языков. При этом ссылались на Маркса, Энгельса, Лафарга, Ленина, Сталина. Сталин двенадцать страниц своей статьи посвятил опровержению мнений марристов о мнениях классиков на сей счет. Поскольку Сталин уже твердо установил, что *«язык как средство общения людей в обществе (первоначально было: „нейтрален к борьбе враждебных сил в обществе...“ — Б.И.) одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам»*.

Однако совсем отрицать тот очевидный факт, что люди и различные социальные группы не безразличны к языку, Сталин не мог. Поэтому он добавил: «Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения». Отсюда, заявил Сталин, появляются диалекты, жаргоны, салонные «языки», которые противопоставляются «крестьянскому языку», «пролетарскому языку». «На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода...

Думать, что диалекты и жаргоны могут развиваться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, — значит *потерять историческую перспективу и сойти („с ума“ — зачеркнуто. — Б.И.) с позиции марксизма*. Зачеркнул Сталин и заключительную фразу абзаца: «Наоборот, они имеют все шансы окончательно захиреть и исчезнуть»^[442] (имеются в виду диалекты). Диалекты и жаргоны нельзя считать языками, потому что у них нет своего грамматического строя и основного словарного фонда. Таким образом, очередной круг тех же самых сталинских доказательств очередной раз замкнулся.

Затем вождь занялся классиками. Известный тезис Маркса из статьи «Святой Макс», в которой классик написал, что у буржуазии есть «свой язык» и что этот язык «есть продукт буржуазии», поскольку он проникнут духом меркантилизма и купли-продажи, Сталин противопоставил другому тезису из той же работы о том, что концентрация диалектов в единый национальный язык обусловлена экономической и политической концентрацией. (Напомню, что «концентрация диалектов» и, по Марру, означала процесс их «схождения» в единый язык.) Следовательно, продолжал Сталин, Маркс никогда не признавал «язык буржуазии» полноценным языком: «Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеет свой торгашеский жаргон»^[443]. Вот так-то!

Затем наступила очередь Энгельса: «Ссылаются на Энгельса (имеется в виду Чемоданов. — Б.И.), цитируют из брошюры „Положение рабочего класса в Англии“ слова Энгельса о том, что „...»

английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия“, что „рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия“. На основании этой цитаты некоторые товарищи *делают* вывод, что Энгельс отрицал необходимость общенародного национального языка, что он стоял, стало быть, за „классовость“ языка. Правда, Энгельс говорит здесь не об языке, а о диалекте, *вполне* понимая, что диалект, как ответвление от национального языка, не может заменить национального языка. Но *эти товарищи* (было: „цитирующий товарищ“. — Б.И.), видимо, не очень сочувствуют *наличию* разницы между языком и диалектом...» После многоточия шла вычеркнутая позже фраза: «Ему теперь не до этого»^[444]. Что имел в виду Сталин, можно только гадать. Указав, что цитата Энгельса приведена автором (Чемодановым) «не к месту», Сталин решительно отделил язык от идей, нравственных и религиозных представлений, от принципов, которые «у буржуа и пролетариата прямо противоположные».

Так же как он расправлялся с цитатами оппонентов, извлеченными из работ Маркса, Сталин теперь опровергает и их трактовку произведений Энгельса: «Но при чем здесь язык? Цитирующий товарищ попал впросак потому, что цитирует Энгельса не как марксист, а как начетчик». Но затем он зачеркнул эту излюбленную словесную фигуру и поверх нее написал: «*Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу „классовости“ языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия. Признают упомянутые товарищи этот марксистский тезис? (или не признают?)*».^[445] Ну, кто в 1950 году не знал о сталинском определении нации и о ее важнейшем признаке — языке? Кто же мог позволить себе заявить, что не признает «этот марксистский тезис»? Похоже, что первоначально Сталин хотел «разобраться» с четырьмя марксистскими классиками, перечисляя их по порядку, вплоть до самого себя, по издавна сложившемуся ранжиру. После Энгельса следовало разобраться с Лафаргом или Лениным. Но приведенной только что вставкой Сталин привычный ранжир перебил. Получилось, что анализу лингвистических воззрений Ленина теперь

предшествует основополагающая идея его скромного ученика Иосифа Сталина. Кроме того, марристы, как известно, особенно эксплуатировали работы Поля Лафарга. В рукописном варианте этой части статьи Сталин не упоминал Лафарга вообще, а в первом машинописном варианте сделал на сей счет себе памятку. Теперь, поразмыслив, Сталин сразу за процитированным текстом сделал знак вставки, а на обороте листа от руки написал:

«Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре „Язык и революция“ признает „классовость“ языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о „дворянском“ или „аристократическом“ языке и о „жаргонах“ различных слоев общества. Но эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то „искусственной речью“, то „жаргоном“, — определенно заявляя в своей брошюре, что „искусственная речь, отличающая аристократию... выделилась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня“ .

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость „аристократического языка“ и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели.

Ссылается на то, что одно время в Англии английские феодалы „в течение столетий“ говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу „классовости“ языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то... Как можно на основании таких анекдотических „доводов“ отрицать наличие и необходимость общенародного языка?»^[446] Как опытный игрок, Сталин опять передергивает: никто и никогда не отрицал необходимости общенационального языка. Марр и его последователи говорили вслед за классиками марксизма о наличии в классовых обществах классовых языков. Они также заявляли о преимущественном использовании французского языка правящим слоем средневековой Англии на протяжении столетий, что общеизвестно и о чем писал в дискуссионной статье Чемоданов (и,

конечно, еще раньше — Марр). Он же писал о том, что язык рыцарской поэзии в средневековой Германии так же носил сословный характер. Вслед за Чемодановым напомним тривиальный факт, — русская аристократия и дворянство в XIX веке использовали как средство внутри сословного общения французский язык. (Вспомним некоторые романы Л.Н. Толстого с обширными вставками на французском языке, которым изъясняется, как на родном, русская аристократия.) Русский же литературный и разговорный языки разночинной интеллигенции и крестьянский язык с его диалектами различались так, что крестьянство практически не понимало того, о чем рассуждает интеллигенция (особенно радикальная), а последняя написала тома книг, чтобы понять то, что говорит и думает крестьянский народ. Н.А. Бердяев с горечью писал после революции в эмиграции: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу — крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»^[447]. Недаром же Марр так настойчиво внушал непонятливой идею о неразрывном единстве языка и мышления.

Еще в начале дискуссии, взяв тезис Чемоданова на заметку, Сталин, теперь иронизируя, писал: *«Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах (некоторых губернских городов)»*. Редактируя, он зачеркнул конец предложения и взял его в скобки, чтобы до крайности ограничить сферу французского языка в России. Затем продолжил: *«Они кичились тем, что говорят по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а „классовые языки“ — реальностью?»*^[448].

В первом варианте рассуждения о классовых языках заканчивалось так: *«Классовость языка есть примитивная и несуразная фантазия, если, конечно, не думать, что буржуа и пролетарии могут объясняться друг с другом через переводчиков»*.^[449] Затем Сталин это забраковал и, как я уже отмечал, стал то же самое доказывать более развернуто, справедливо грозя распадом общества, если классы и сословия перестанут друг друга понимать.

«Эти товарищи воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу (далее было: „непримиримость их взглядов“, затем зачеркнуто. — Б.И.) как распад общества, как разрыв между враждебными классами (было — „всех тех нитей, которые связывают эти классы в одно общество“. — Б.И.). Они считают, что, поскольку общество распалось, нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка». После этих слов Сталин сделал очередную вставку простым карандашом, ровным почерком и практически без помарок: «Что же остается, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и „классовые языки“. Понятно, что у каждого „классового языка“ будет своя „классовая“ грамматика, — „пролетарская“ грамматика, „буржуазная“ грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся. У нас были в {21} одно время „марксисты“, которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые, „пролетарские“ дороги. Они получили за это прозвище „троглодитов“...»^[450]. Неизвестно, кого конкретно Сталин обозвал «троглодитами». Скорее всего, ему вспомнилась одна из тех побасенок, которые имели широкое хождение в революционную эпоху и приписывались «левакам», пролеткультовцам, анархистам. Кроме того, Сталин, как всегда, пытался сблизить противника с каким-нибудь особенно неприятным и давно уничтоженным течением, чтобы и противник и те, кто ему еще сочувствовал, понимал серьезность обвинений и последствий: «Понятно такой примитивно-анархический взгляд (было: „слишком примитивен и далек от марксизма“. — Б.И.) на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он, безусловно, существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей. Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточенной классовой борьбы (зачеркнуто: „при капитализме“) общество якобы (зачеркнуто: „превратилось в фикцию, что оно...“) распалось на (зачеркнуто: „враждебные“) классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока

существует капитализм, буржуа, и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам». Далее Сталин вычеркнул три фразы: «Отсюда необходимость общего и единого для общества национального языка при капитализме. Национальный язык нужен здесь как средство общения людей и классов внутри единого общества. Классовость языка есть примитивная и несуразная фантазия, если, конечно, не думать, что буржуа и пролетарии могут объясняться друг с другом через переводчиков». Поверх он написал: *«Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение же всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества и „классовых“ языках, о „классовых“ грамматиках».* [\[451\]](#)

Удивительно, что для Сталина 50-х годов именно это, то есть опасность распада общества, и было доказательством невозможности существования классовых языков. Сталин как будто начисто забыл о том, что накануне революции и в особенности во время Гражданской войны непонимание между различными классами воюющего российского общества достигло критической точки не только в сфере экономики и политики, но и на уровне мышления, языка, культуры, религии, морали, что и привело к его взрывообразному (революционному) распаду. Не случайно же одной из главных скреп сталинского общества стал десятилетиями вырабатывавшийся «общенародный» язык коммунистической пропаганды, состоящий по большей части из приспособленной общеевропейской лексики и таких же мыслительных конструкций. Так что социум — это не только по возможности гармонизированная совокупность сословий, классов, групп, этносов, наций, но и их языков, а значит, и гармонизация способов мышления. И вся эта пульсирующая совокупность может «сходиться» и «расходиться» под влиянием самых различных факторов.

Вождь же все более упорно сводил вопрос к тоталитарному: один язык — одна нация.

Затем, так же как с цитатами Маркса, Энгельса и Лафарга, Сталин в окончательном варианте обошелся и с идеями Ленина, усилив тезис о том, что сторонники Марра неверно трактуют его учение о двух культурах внутри эксплуататорского общества, обвинив их в том, что они «поплелись по стопам бундовцев»^[452]. Сталин первые фразы с рассуждениями о Ленине оставил без изменений, так как они были написаны еще в первом варианте статьи: «Ссылаются, далее, на Ленина и напоминают о том, что Ленин признавал наличие двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской, что лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно и Ленин абсолютно прав. Но при чем тут *классовый язык* ?» (было: «национальный язык?»). После этого Сталин вычеркнул почти страницу машинописного текста: «Не думают ли наши начетчики, что ввиду буржуазного *характера* национальной культуры при капитализме Ленин отрицал необходимость национального языка и признавал „классовость“ языка? Бундовцы в этом именно в одно время обвиняли Ленина. Как известно, Ленин протестовал против этого, заявив, что он ведет борьбу не против национального языка, а против национальной буржуазной культуры. Странно, что эти товарищи прибегают к „аргументам“ бундовцев. Но согласятся ли товарищи, любящие цитировать, заслушать следующую цитату из Ленина...»^[453] Затем шел ленинский текст, сохраненный в окончательном варианте. Вычеркнув этот текст, Сталин тем же простым, хорошо заточенным карандашом сделал две обширные вставки, вошедшие в окончательный вариант: «Ссылаясь на слова Ленина о двух культурах при капитализме, эти товарищи, как видно, хотят внушить читателю, что наличие двух культур в обществе, буржуазной и пролетарской, означает, что языков тоже должно быть два, так как язык связан с культурой, — следовательно, Ленин отрицает необходимость единого национального языка, следовательно, Ленин стоит за классовые языки. Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и

буржуазную и социалистическую культуру. Разве это не факт, что русский, украинский, узбекский языки обслуживают ныне социалистическую культуру этих наций так же неплохо, как обслуживали они перед Октябрьским переворотом их буржуазные культуры? Значит, глубоко ошибаются эти товарищи, утверждая, что наличие двух культур ведет к образованию двух разных языков и к отрицанию необходимости единого языка». Здесь вождь чуть позже сделал знак абзаца и сделал еще одну внутреннюю вставку: «Говоря о двух культурах, Ленин исходил из того именно положения, что наличие двух культур не может вести к отрицанию единого языка и образованию двух языков, что язык должен быть единый. Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру, как „безнациональную“, Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.

Что касается единого языка, необходимость которого будто бы отрицает Ленин, то следовало бы заслушать слова Ленина...» После этой рукописной вставки шла уже упоминавшаяся цитата Ленина: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам». После этих слов Сталин от руки вставил заключительную фразу: «Выходит, что уважаемые товарищи исказили взгляды Ленина». На самом же деле это Сталин искажал взгляды своего «учителя». Ленин говорил о том, что единство языка еще только вырабатывается в развивающихся капиталистических обществах, поскольку этого требует единый капиталистический рынок и что капитализм тем самым консолидирует разделенное сословное население феодальных государств в капиталистическую нацию, у которой закладываются свои перегородки. Никакого искажения взглядов Ленина «уважаемые товарищи» не допустили. Напротив, они строго следовали духу ленинской работы «Развитие капитализма в России», откуда и взята эта цитата.

Наконец, перечислив старших классиков, нарочито соблюдая высочайшую скромность и строжайший политический ранжир, Сталин стал объяснять, как следует понимать Сталина: «Ссылаются, наконец, на Сталина. Приводят цитату из Сталина о том, что „буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций“. Это все правильно. Буржуазия и ее националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой. Но при чем тут национальный язык? (затем исправил на „классовость языка?“. — Б.И.). Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с известной формулой марксистов о том, что нынешняя русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, то есть по языку?»

Для современного читателя переведем «формулу» социалистической многонациональной культуры с языка сталинской эпохи на язык современный: говорим и поем на разных языках, но об одном и том же. Затем Сталин карандашом приписал угрожающе: «Согласны ли они с этой марксистской формулой?»^[454] Своим вопросом вождь окончательно «доказал» — классового языка не существует, а есть язык всенародный.

Очень тщательно проработал заключительные фразы раздела и скорректировал выводы: «Ошибка наших товарищей (зачеркнуто: „при ссылке на Ленина и Сталина“) состоит в том, что они *не видят различия между культурой и* (было: „смешивают культуру с“) языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном *тем же языком* (было: „без изменения“) в течение *нескольких* (было: „ряда“) периодов, *одинаково* обслуживая, *как новую культуру, так и старую* (было: „например, буржуазную культуру так же, как социалистическую культуру“).

Итак:

а) язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а *подтверждает* (было: „предполагает“) наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) *формула о* классовости языка есть *ошибочная, немарксистская формула* (было: „фантазия“»).

В окончательном варианте Сталин вычеркнул заключительную фразу: «Вывод: положение о том, что язык всегда был классовым, что единого общенародного языка не существует, является неправильным, ошибочным»^[455].

Третий удар

Рукописного черновика третьего вопроса: «Каковы характерные признаки языка?» — в архиве Сталина нет. Есть только два машинописных варианта, и оба со следами его работы. Наверху первой страницы первого машинописного варианта сталинской рукой написано: «Все надо проверить — с начало» (так в тексте. — Б.И.)^[456]. В этом разделе речь идет фактически о самом главном, о понятии — что есть язык? Казалось бы, с него и надо было начинать, так как разница между многочисленными лингвистическими направлениями и школами (как и в любой другой науке) сосредоточена именно в области трактовки центрального понятия, то есть предмета исследования. Если представление о языке свести к его грамматическому строю, отодвинув все остальное на второй план, то компаративисты XIX века будут, безусловно, правы, заявляя о медленной исторической эволюции любого языка. Если же во главу угла брать социолингвистические и историко-культурные аспекты, то правоту Марра о революционных семантических взрывах трудно опровергнуть. Как в сталинское, так и в наше время получили мировое признание с десятков научных трактовок понятия и моделей порождения и развития языка от психологических (Лакан), философских (Гуссерль, Кассирер, Мерло-Понти и др.), социологических и до формально-логических и информационно-кибернетических. Но к 50-м годам советская гуманитарная наука была наглухо изолирована от остального мира и под присмотром партийного аппарата вынуждена была возвращаться в круг давно обветшавших идей. Наш же герой, будучи в научном смысле совершенным дилетантом, бесстрашно дал «единственно правильный»: «Ответ. Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного

понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и („в соединении слов“, сначала это было зачеркнуто, а в окончательном варианте восстановлено. — Б.И.) в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе... Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество *прекращает производство*, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык („есть“ — зачеркнуто), *будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества*^[457] и т. д. Сталин, как колдовскую формулу, **двенадцать раз (!)** повторил связку «язык — общество». Ничего принципиально нового по сравнению с первым разделом статьи ни в плане идей, ни в плане аргументации в этом разделе не найдем. Вновь раз за разом он манипулирует понятием об основном словарном фонде «куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»^[458]. В первом варианте он несколько раз пытался сформулировать эту мысль, прежде чем остановиться на приведенном тексте. Это лишний раз доказывает, что Сталин самостоятельно формулировал основные положения статьи и сам письменно оформлял не принадлежащие ему соображения. Например, как будто внезапно открывшуюся только ему одному великую истину сообщает (в первом варианте), казалось бы, тривиальное, почерпнутое из обычного словаря или учебника: «Грамматика, грамматический строй языка представляет собрание правил об изменении слов, собрание правил о сочетании слов в предложении и, таким образом, дает человеческим мыслям облечься в материальную языковую оболочку»^[459]. На самом деле именно здесь он попытался скрыто применить открывшуюся только ему истину: «Язык — материя духа». Оказывается, именно грамматика дает «человеческим мыслям облечься в материальную языковую оболочку». Затем, видимо, понимая, что доказать прямую связь между грамматикой и развитием человеческого мышления затруднительно, Сталин зачеркивает текст и на полях пишет: «*Не то*». Затем тут же на полях и поверх старого

текста небрежно, нечетко и с помарками нехотя набрасывает явно взятое из учебника: «Грамматика (морфология, синтаксис) есть собрание правил об изменении слов и сочетании слов в предложении». И тут же добавляет: «Язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку». После этого перечеркнул ранее написанную фразу «Не то». Значит, теперь добился желаемого. От кого и как «язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую (?) оболочку», непонятно. С небольшой редакторской правкой текст вошел во второй вариант статьи и в публикацию^[460].

Затем Сталин на нескольких страницах на разные лады говорит о великой роли грамматики и вновь и вновь об общественной надстройке и базисе, об уже давно обозначенном им месте языка в этой системе и вновь о невероятной живучести национального языка^[461]. Для того чтобы простой читатель легче уяснил связь между «словарным составом языка» и его грамматикой, Сталин прибегает к сравнениям и аналогиям. В одном случае он сравнивает словарный состав языка со строительными материалами, которые, по его мнению, сами по себе ничего не значат, но они «получают величайшее значение», когда поступают «в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложении и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер»^[462]. Такое впечатление, что Сталину кто-то устно растолковал роль грамматики, а он это толкование изложил на бумаге для миллионной читательской аудитории «Правды»^[22]. В другом случае Сталин в полном соответствии с классической компаративистской доктриной, заявил, что «грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель *громадных* успехов мышления»^[463]. «В этом отношении, — уточнял он, — грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения, *каких-то конкретных предметов*, а как отношения *тел* вообще, лишенные *какой бы ни было* (зачеркнуто: „всякой“) конкретности». В окончательном варианте вернул: «всякой конкретности»^[464]. (Все же удивительно, как писатель Солженицын угадал некоторые мыслительные ходы вождя!)

Все более входя в новую роль «корифея языкознания», Сталин не удержался и в последнем варианте приписал карандашом после такого вывода: «Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд *составляют основу языка, сущность его специфики.*

Некоторые историки вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда».^[465] По большому счету, здесь уже нечего анализировать. Сосредоточимся на нескольких любопытных деталях. Одна из них связана с известным памятником древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и с попыткой Сталина с ходу наметить основные этапы истории развития русского языка.

«Надо полагать, — написал Сталин в первом варианте статьи, — что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, зарождение классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, наконец, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, вызвали, по всей вероятности, большие изменения в языке. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, внося изменения в язык. И все же язык развивался и изменялся не в порядке отмены старого и постройки нового, а в порядке развертывания и совершенствования основных элементов языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и постройки нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка»^[466]. Прочитав этот машинописный текст и сделав незначительные исправления, Сталин подчеркнул начало предложения: «И все же...», а на полях сам себе написал: «*Не то*». В окончательном варианте вычеркнул середину второго абзаца и после слов «нуждавшейся в упорядоченной переписке» заново написал: «*...появление печатного станка, развитие литературы, — все это внесло большие изменения в*

развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка».^[467] Далее оставил без изменения. Обратим внимание на то, что Сталин не отказался от общеизвестного факта о роли скрещивания и смешения племен в процессе становления нации. Он отрицает эту роль в развитии национального языка.

Изложив свою концепцию истории языка, Сталин еще в первом варианте решил проиллюстрировать ее яркими примерами: «Взять, например, известное произведение „Слово о полку Игореве“. Оно было выпущено в свет, как говорят, в конце двенадцатого века, в период перехода от патриархального рабства к раннему феодализму. С тех пор прошло около восьмисот лет. За это время русское общество пережило феодальный строй, капиталистический строй и построило новый социалистический строй. И все же, несмотря на это, нельзя не признать близость и родство современного русского языка с языком автора „Слово о полку Игореве“. Нельзя отрицать, что минимальный словарный фонд и существенные элементы грамматического строя языка этого произведения сохранились и живут в современном русском языке»^[468]. Как большинство сталинских примеров и даже идей и эта иллюстрация, скорее всего, взята из арсенала марристов, но с вывернутым наизнанку смыслом. Мещанинов в уже упоминавшейся работе 1948 года «Новое учение о языке на современном этапе развития» писал: «Качественное накопление в языке новых слов, внедрение новых синтаксических оборотов и грамматических форм морфологии, в особенности при взаимном влиянии языков друг на друга и при различных путях заимствования, могут создать новый тип языка, даже с изменениями в звуковой стороне». В качестве иллюстрации он сослался на трудности современного русского читателя в понимании языка «Слова о полку Игореве». Он утверждал,

что «эти примеры подтверждают обоснованность выдвигаемых положений о стадильном анализе, устанавливающем стадильное состояние языка и прослеживающем пути стадильных переходов»^[469]. Сам ли Сталин прочитал брошюру Мещанинова и заимствовал из нее пример, или автор при встрече в устной форме сослался на поэму? Возможно и то, что кто-то из антимарристов перечислил вождю излюбленные доводы противников, в том числе и этот. В то же время мне стало известно, что Сталин задолго до дискуссии интересовался этим памятником. Он постоянно проявлял интерес к древнему эпосу разных народов СССР. В воспоминаниях одного из руководителей партизанского движения в Белоруссии, относящихся к сентябрю 1942 года, я нашел такие строки: «[Сталин] В заключение сказал, что некоторые русские, украинские и белорусские ученые-филологи рассматривают „Слово о полку Игореве“ как памятник своей национальной культуры. В этом видны противоречия. А никакого противоречия тут нет. Этот памятник возник тогда, когда еще общеславянское дерево не разделилось на три могучие ветви: русскую, украинскую и белорусскую. Поэтому исследователи в России, на Украине и в Белоруссии, естественно, видят в „Слове о полку Игореве“ истоки своего языка»^[470]. Отсюда видно, что Сталин задолго до дискуссии был знаком с памятником и уже тогда трактовал проблемы происхождения языка в компаративистском духе (разделение «общеславянского дерева» и т. д.). Правда, в статье он попытался свести происхождение памятника только к русскому народу. Такая трактовка будет господствовать в России вплоть до наших дней.

Однако Сталина явно что-то смущало в этом примере, и, в первом машинописном варианте, поработав главным образом над стилем, а также попытавшись связать язык «Слова» с языком Пушкина, он вновь раздраженно написал на полях: «*Не то*»^[471]. В окончательной редакции Сталин вновь вернулся к этой части статьи и пытался использовать ее для собственной периодизации истории русского языка: «*Если взять для иллюстрации историю русского языка, то ход развития русского языка от древности до наших дней можно было бы набросать, примерно, в виде следующей схемы:*

а) от родоплеменного языка, сложившегося еще задолго до эпохи рабства, когда русский язык мало отличался от других славянских языков, — к языку „Слово...“ (конец 12 века). Это уже не

родоплеменной язык, а язык разных племен, ставших русской народностью, отделившихся от других славянских языков и ставших самостоятельными. Он, вероятно, значительно отличается от старого родоплеменного языка, и по богатству словаря и по развитости грамматическ. строя. Но большинство корневых слов старого языка вошло в основной словарный фонд нового языка, а главные элементы грамматического строя старых язык. не уничтожены...» Затем поразмыслил и рядом дописал полубившуюся мысль еще раз, обвел ее карандашом и сделал знак вставки: *«Но элементы грам. строя, почти все корневые слова „Слова“ сохранились даже в совр. русск. языке»*^[472]. Но ни пункта «б», ни других пунктов больше не последовало. Сталину очень хотелось походя, как это и пристало корифею, набросать схему истории русского языка от «Слова» до Пушкина и современности. Не исключено, что кто-то из консультантов отсоветовал ему давать такого рода периодизацию, указав на спорность датировки «Слова», изобилующего тюркоязычными словами. Во всяком случае, в окончательном варианте Сталин от идеи периодизации истории русского языка отказывается и при этом вычеркивает всякое упоминание о поэме. Видно, как он колеблется и сначала простым карандашом берет весь абзац о «Слове» с двух сторон в квадратные скобки. Затем, поразмыслив, зачеркивает их, то есть решает все же оставить текст. Через какое-то время окончательно перечеркивает его жирными линиями цветного карандаша.

Вращаясь вокруг все тех же много раз высказанных идей и одних и тех же имен классиков, Сталин все в большей степени сводил свой научный трактат к привычной форме директивного документа. Если в первом и особенно во втором разделе работы он опровергал марристов путем простого перетолковывания в свою пользу тех же самых цитат из классиков, то в третьем разделе он уже решил опровергнуть одного из них. Лафарг, которого широко и положительно цитировал в 30-х годах, к 50-м годам утратил для него свой авторитет. Сталин дописывает от руки по поводу уже не раз опровергавшейся им ранее идеи «языковой революции»: *«Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о „внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и*

1794 годами“ во Франции (см. брошюру Лафарга „Язык и революция“). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов, — и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период французской буржуазной революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка („внезапная языковая революция“!) до смешного мал пяти-шестилетний срок, — для этого нужны столетия» . Весь этот текст Сталин собственной рукой переписал слово в слово из второго в третий окончательный вариант статьи^[473].

Знаменательна для позднего сталинского мышления еще одна вставка о роли революций в истории общества. Еще в первом варианте он решил дать новую установку в понимании этого вопроса: «Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся „взрывами“, что закон о переходе от старого качества к новому путем взрыва нельзя считать всеобъемлющим законом общественного развития. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов». Доказательством этому, утверждал Сталин, является коллективизация сельского хозяйства в СССР как пример «революции сверху». Здесь не место доказывать, что Сталин был слаб в диалектике, как и в философском мышлении вообще. Все это он сам же убедительно продемонстрировал в сборниках «Вопросы ленинизма» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Однако обратим внимание на то, что Сталин, выступая против революционных взрывов, демонстрирует хорошо известный житейский феномен, — очень часто бывший революционер, добившись к зрелости личных благ и общественных высот, становится яростным, радикальным реакционером. Его радикальная «революция сверху» (новое закрепощение крестьян в колхозном строе; ГУЛАГ как современная форма государственного рабовладения; неограниченная

капиталистическая эксплуатация рабочих на государственных предприятиях и т. д.), поэтапно и кроваво проводившаяся с середины 30-х годов, получила, наконец, литературное оформление. В окончательном варианте статьи Сталин эту мысль усилил, зачеркнув неряшливые и абстрактные рассуждения о законах перехода от старого качества к новому и написал так: «...теория внезапных взрывов неприменима не только к истории развития языка. Она не всегда применима также и к общественным явлениям базисного или надстроечного характера».^[474] В окончательном тексте, заменив слово «характера» на слово «порядка», Сталин продолжил свою «антидиалектическую» и (без кавычек) реакционную мысль: «Он (закон диалектики. — Б.И.) обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуального крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»^[475].

Лукавит «Великий» коллективизатор, индустриализатор и вдохновитель культурной революции в СССР — все эти революционные изменения хотя и проводились по инициативе сверху, но проводились они методами насилия, принуждения и вопреки воле масс. «Социалистические» преобразования 30-х годов это серия подрывов общества, раз за разом перемалывавших и калечивших его базис и надстройки, включая языки, способы мышления и культуру народов СССР.

Затем Сталин нанес очередной и окончательный удар по марровской теории скрещивания языков: «Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к

новому качеству. Это совершенно неверно. *Скрещивание языков нельзя рассматривать* (так в рукописи. — Б.И.), *как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.*

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании (зачеркнуто: „скажем, двух языков“. — Б.И.), один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»^[476].

Напомню, Маркс допускал возможность скрещивания языков, в результате которого появляется новый (английский). Здесь Сталин воспроизвел общепринятую в среде лингвистов теорию взаимодействия языков, хотя еще во времена Марра и под влиянием его воззрений взаимовлияние, ведущее к «схождению» соседствующих языков, признавалось Н. Трубецким и с определенными оговорками А. Мейе. В наше время как о бесспорном факте сообщают о формировании на протяжении последнего столетия так называемых языков пиджинов, или креольских языков. Они первоначально возникли как подсобные языки — посредники между европейскими колонизаторами и населением Экваториальной Африки, Новой Гвинеей и Южной Америки. Ни для тех ни для других эти языки не были родными. Они были стихийно скрещены и первоначально обладали крайне упрощенной грамматикой и ограниченной лексикой. И то и другое было заимствованно из различных языков с самыми несопоставимыми строями одновременно. Сейчас таких языков насчитывается несколько десятков, и они все более уверенно приобретают статус полноценных развивающихся языков^[477]. И если такое явление происходит на наших глазах и всего лишь на протяжении одного столетия, то не может быть никаких сомнений в том, что еще более мощные процессы «схождения» и «расхождения» языков, этносов и культур переживало человечество на протяжении нескольких миллионов лет своего развития.

Указав на то, что единственный путь — это победа одного языка над другим, Сталин решил привести в качестве примера историю русского языка: «Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались *в ходе исторического развития* языки ряда других народов *и который* (здесь Сталин вычеркнул, видимо, надоевшую ему самому формулу об основном словарном фонде и грамматическом строе. — Б.И.) выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствовался по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает или не понимает ее»^[478].

Четвертый сокрушающий удар

От начала и до конца статья Сталина антимарристская. Даже когда он формулировал вопросы, то обращал их лично к Марру и к его конкретным сторонникам, участникам дискуссии. Но, завершив работу над первыми тремя вопросами, Сталин решает придать ей большую масштабность, не сводить ее пафос только к личности Марра. Поэтому он убирает всякое упоминание его имени из формулировок вопросов, то есть делает их обезличенными, а в тексте вместо конкретного обращения «понимает ли это товарищ?» пишет обезлично — «товарищи».

«Вопрос. Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?» Сталин написал последним, что видно из его собственноручной надписи на заглавном листе архивного экземпляра: «4) О языкознании. Перепечатка четвертого вопроса»^[479]. Странно, но по какой-то причине в архиве Сталина в рукописи сохранился только этот ответ на четвертый вопрос. Возможно, что другие ответы Сталин первоначально надиктовал стенографистам, а затем уже работал с машинописными распечатками, то есть рукописей попросту не было. Во всяком случае, ответ на четвертый вопрос написан Сталинской рукой от начала и до конца. Судя по тому, что правки на этих экземплярах очень мало, Сталин с ходу набросав текст, видимо, остался им сразу же доволен. С психологической точки зрения и вопрос и «Ответ. Правильно поступила» очень заняты. Интересно, мог бы Сталин ответить на свой вопрос так: «Нет, неправильно поступила»? Сталин упорно продолжает играть роль стороннего наблюдателя, одного из участников дискуссии, усердно делая вид, что не он ее главный заводила. Поскольку он всего лишь один из многих, то был вправе ответить на этот вопрос «группы товарищей из молодежи» так: «В каком направлении будут решены вопросы языкознания, — это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу»^[480]. Иначе говоря, дискуссия продолжается и его мнение как будто нерешающее.

Но далее этот раздел статьи и по стилю и по сути сплошной обвинительный приговор «подсудимому» Марру и его подельщикам. Как и положено, в судебном приговоре сначала идет часть

констатирующая пункт за пунктом состав преступления, а затем сам приговор:

«Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках, господствовал режим несвойственный науке и людям науки». Не могу не отметить еще раз судебно-процессуальный стиль и дух написанного Сталиным документа. Здесь и оборот «дискуссия выяснила»: аналогично — «суд установил», и термин «органы языкознания», и, самое главное, страшные для людей сталинской эпохи обличительные и обвинительные интонации вождя. Им констатировалось, что представители «нового учения» в языкознании пресекали всякую критику своего учителя, не давали административного хода научным противникам и выдвигали только тех, кто безоговорочно принимал учение Марра, и даже «самовольничали» и «бесчинствовали». В качестве наглядного примера неслыханного бесчинства Сталин (как мы помним с подачи академика Мещанинова!) указал на переиздание «Бакинского курса» лекций Марра, якобы в свое время забракованного самим автором из-за неполноценного содержания, а не по причине безобразного полиграфического исполнения вычурного марровского языка и его сложнейшей транскрипции.

Российский исследователь М. Леушин недавно обнаружил интересный документ, имеющий отношение к «Бакинскому курсу». С 1946 года начало издаваться шестнадцатитомное собрание сочинений Сталина. Партийные деятели так были очарованы научно-лингвистическими успехами вождя, что решили, разумеется, не без его ведома, включить все его языковедческие статьи в очередной том собрания. В связи с этим Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), под грифом которого издавались труды Сталина, обратился с запросом в Академию наук. На запрос был получен приводимый ниже ответ:

«7 января 1952 г.

№ 339-0

Директору Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) тов. Пospelову.

В ответ на Ваше письмо от 2 января с.г. № 010/5 сообщаю, что книга акад. Н.Я. Марра, известная под названием „Бакинский курс“ и упоминаемая И.В. Сталиным в

работе „Относительно марксизма в языкознании“ имеет следующее название:

„Яфетическая теория. Изд. Вост. фак-та Азерб. гос. ун-та. Баку 1928“. VIII+156 стр.

Книга отдельно больше не переиздавалась, так как сам автор был против этого. После смерти автора (1934) весь текст ее в 1936 году был перепечатан во 2-м томе „Избранных работ“ Н.Я. Марра, изд. Гос. академии истории матер. культуры (стр. 3—126).

Вновь вопрос о переиздании „Бакинского курса“ был поднят в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР в 1949 г. Предполагалось включить этот курс (без дополнения, составленного С.И. Ковалевым — Избр. раб. Т. II, стр. 111–119) в однотомник избранных сочинений Н.Я. Марра (под редакцией проф. Г.П. Сердюченко), который должен был быть пособием для студентов по курсу „нового учения о языке“, введенного (кажется с 1948 года) в программы филологических факультетов университетов. Книга не была подготовлена профессором Г.П. Сердюченко в срок (к 1 января 1950 г.) и в июне 1950 г. была снята с плана еще до организации Института языкознания. Было снято с плана и 10-томное собрание сочинений Н.Я. Марра под редакцией акад. И.И. Мещанинова, в которое „Бакинский курс“ также должен был войти.

Насколько мне известно, в 1948–1950 гг. „Бакинский курс“ широко рекомендовался студентам как пособие по обязательному курсу „нового учения о языке“, и знание его требовалось на экзаменах. Более точные сведения об этом может дать Министерство высшего образования СССР. Конечно, студенты могли пользоваться только текстом 2-го тома пятитомника, так как первое („бакинское“) издание было всегда библиографической редкостью. Дополнение С.И. Ковалева (Избр. раб. Т. II, стр. 111–119), очевидно, не рекомендовалось, но было вполне доступно студентам.

*Ученый секретарь Института языкознания
СССР(Б.В. Горнунг)».*

«Несмотря на столь авторитетное разъяснение, — пишет Леушин, — ситуация с „Бакинским курсом“ Марра полна, на наш взгляд, неясностей.

В.М. Алпатов сообщает: „Единственная попытка изложить новое учение студентам, так называемый бакинский курс (1926)... был забракован самим автором, не позволявшим печатать его при жизни“, и ссылается как на источник сведений на книгу В.А. Миханковой.

Однако Миханкова утверждает лишь то, что Марр противился изданию своих лекционных курсов вообще, поскольку считал, что „не наступило еще время давать законченное изложение нового учения о языке“, перманентно им перестраивавшегося. Конкретно о „Бакинском курсе“ в этом контексте нет ни слова, только значительно ниже констатируется, что „издание изобилует опечатками, искажающими времена смысла“.

Вместе с тем, по оценке Миханковой, „Бакинский курс“ является „единственным составленным самим Н.Я. изложением основ нового учения о языке“ и представляет собой „как бы сводку главнейших положений нового учения о языке в тот момент, когда стало осознаваться Н. Я., что то, что говорит марксизм-ленинизм о языке, подтверждается исканиями яфетидологии“.

Таким образом, важный и значимый текст — с одной стороны, забракован автором — с другой. Существуют ли документальные свидетельства „браковки“ и каковы они? На фоне отсутствия в литературе ответов на эти вопросы категорические сталинские утверждения и их основания выглядят, на наш взгляд, весьма интригующе. Более того, обрисованная выше история с „Бакинским курсом“ Марра вполне может быть, по нашему мнению, связана с одной из существенных археографических загадок ушедшего века»^[481].

Никто из перечисленных авторов не обратил внимания на то, что первоисточником сталинского заявления (Марр якобы еще при жизни забраковал «Бакинский курс»), был не кто иной, как Мещанинов. Напомню его характеристику «Бакинского курса» в дискуссионной статье в «Правде»: «... лекции („Бакинского курса“. — *Б.И.*) в остальной своей части представляли изложение, не всегда отвечающее установкам материалистического учения о языке, и сам же автор данного труда в 1931 году не дал согласия на его переиздание, находя необходимым коренную переработку. Следует отметить тут же, что по

вине учеников Н.Я. Марра, отказавшихся от переиздания „Бакинского курса“ как устаревшего, курс этот до сегодняшнего дня включается безо всяких оговорок в числе рекомендуемых студентами пособий»^[482].

Удивительно, но еще накануне дискуссии учеником Марра называл себя именно Мещанинов. К тому же только что он дал добро на переиздание марровского курса в планируемом десятитомнике, а теперь заявил, что этот курс не вполне «материалистичен», да и сам Марр его забраковал. Напомню, читая статью Мещанинова, Сталин взял эти высказывания на заметку, а затем воспроизвел их в своей статье. Позже эти же замечания повторили Б.В. Горнунг и современный исследователь В.М. Алпатов, который приписал их уже Миханковой. Миханкова, в последние годы жизни бывшая секретарем Марра, после его смерти заведовала в Эрмитаже его мемориальным кабинетом, где хранился архив и библиотека патрона. В конце 40-х годов она издала научно-биографическую книгу о Марре, претендовавшую на серьезное академическое исследование. Книга написана удивительно безалаберно и очень странно, что она вообще смогла увидеть свет^[483].

Итак, вся эта история с «Бакинским курсом» восходит к широко известной статье наследника Марра Мещанинова, об истинных мотивах которого можно только догадываться. Однако остается вопрос — почему все же Марр при жизни не переиздавал свой наиболее целостный труд?

Говоря о переиздании «Бакинского курса» злокозненными марристами, Сталин делает жест, не оцененный позже Мещаниновым. Ведь такое «преступление» не могло произойти без ведома академика, поставленного возглавлять языкознание. Значит, его вина! Сталин же сформулировал это место так: «„Бакинский курс“... был, однако, по распоряжению касты руководителей (т. Мещанинов называет их учениками Н.Я. Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный „Курс“ за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству»^[484]. Этим Сталин спас Мещанинова и его соратников от страшнейшего обвинения во вредительстве, вывел его самого из состава «касты руководителей» и учеников Марра и ни одну фамилию из числа марристов не назвал конкретно. Он знал свою

систему до тонкостей и великодушно не дал ей загрызть заживо доверявших ему в течение двадцати пяти лет людей. Но одновременно теми же самыми словами он нагнал такого страха на Мещанинова, марристов и сочувствующих им, что они после опубликования работы Сталина скопом бросились отзывать свои статьи и поголовно писать покаянные письма в редакцию «Правды». По мнению Сталина, оказывается, именно марристы были виновны в зажиме «свободы критики». пылая праведным гневом, вождь справедливо указывал, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений», а дискуссия оказалась полезной потому, «что выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги». Он явно не боялся того, что в головах некоторых ученых и простых граждан могут возникнуть некие недопустимые аналогии с его политическим режимом. Все более распаляясь, он вопрошал: почему ученики Марра «замалчивали неблагополучное положение в языкознании», почему о неразработанности проблем они заговорили только в ходе дискуссии? «Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?» Они надеются и дальше развивать «советское языкознание... на базе „уточненной“ теории Н.Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от „марксизма“ Н.Я. Марра. Н.Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упрости́телем и вульгаризатором марксизма»^[485]. Напомню: последние две фразы Сталин в свое время вписал в один из вариантов статьи Чикобава. Этим открывается список обвинительных пунктов, предъявленных Марру:

«Н.Я. Марр внес в языкознание... немарксистскую формулу, отнеся язык к надстройке»;

«Н.Я. Марр внес в языкознание... неправильную, немарксистскую формулу насчет „классовости“ языка»;

«Н.Я. Марр внес в языкознание несвойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон...»;

«Н.Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический...“»;

«Н.Я. Марр высокомерно третирует (первоначально было — „шельмует“. — *Б.И.*) всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка“»;

«Послушать Н.Я. Марра и особенно его „учеников“, можно подумать, что до Н.Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось (первоначально — „зародилось“. — Б.И.) с появлением „нового учения“»^[486].

Затем прозвучал смертный приговор яфетидологии, «новому учению о языке», стадильной теории, четырехэлементному анализу и посмертной тени кичливого академика:

«Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н.Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — таков, *по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание*»^[487].

На этом статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» заканчивалась. В этом виде она была опубликована в «Правде» 20 июня 1950 года.

Но, достигнув пика, уникальная для отечественной и мировой истории лингвистическая эпопея не закончилась. В течение лета 1950 года Сталин еще несколько раз публиковал в «Правде» краткие ответы на очередные вопросы.

Глава 8. Откровения «корифея языкознания»

Резонансы

Еще до того, как Сталин опубликовал в «Правде» свое произведение «Марксизм и вопросы языкознания», и еще до того, как он получил на него первые восторженные отзывы, у него не было и тени сомнения в том, что он создал очередной эпохальный и, конечно же, гениальный труд. По существу, все, что Сталин писал по этому вопросу, он делал как гонористый всезнайка, с которым к тому же никто не посмеет поспорить. Но как это неудивительно, спорить решились — в хорах восторженных отзывов и поспешных покаяний прозвучали отдельные голоса сомневающихся. Вождь чутко их уловил и тут же отреагировал.

Сталин пользовался консультациями лингвистов антимарристского крыла не столько для того, чтобы усвоить общие лингвистические идеи и разобраться в научных направлениях (с этим он, как мог, справился сам), сколько для того, чтобы сконструировать свою концепцию развития языка. Выработка «основных положений» знаменовала бы успешное «внедрение марксизма в языкознание» по-сталински. Но понимал ли он в 1950 году, что давно прошли времена Марров, Поливановых, Выготских, Покровских, Вавиловых, Бахтиных и других, смело и свободно мысливших людей, пусть и в рамках того, что именовали тогда марксизмом. Ни у одного советского лингвиста послевоенного времени не было за душой не то что своей философии языка или хотя бы глубоко продуманной частной концепции (да и не могло ее быть), но не было даже общего представления о реальной ситуации в мировой науке, находящейся по ту сторону «железного занавеса». За все годы правления Сталина были переведены всего три теоретические работы крупных лингвистов начала XX века, да и то в предвоенные годы^[488]. Объявление государственной монополии на любую научную парадигму неизбежно приводит к вырождению ее в особый псевдонаучный суррогат, в выхолощенную и очень агрессивную идеологию. Так произошло с яфетической теорией после смерти Марра и со многими другими «марксистскими» концепциями в исторической науке, философии, литературе, биологии и т. д. Но в еще большей степени то же самое произошло со сталинской «концепцией марксистского языкознания» в последние годы его жизни, а в

ослабленном состоянии продолжалось и после смерти диктатора. До последнего времени сталинские формулировки понятия языка без особых изменений воспроизводятся во всех справочных и учебных изданиях и, конечно же, без ссылок на истинного автора. Но почему-то никто не ставит или не решается ставить вопрос: в какой степени эти формулировки соответствуют не только уровню мировой науки нашего времени, но и его времени, то есть науке середины XX века? Да и имеют ли они вообще отношение к науке? Подчеркну — речь идет не только о лингвистике, а обо всей сфере гуманитарного знания, к которому почетный академик Сталин испытывал особое и вполне объяснимое пристрастие. Гуманитарным наукам во все времена угрожает нашествие дилетантов. Не случайно и Сталин оставил свой след практически во всех гуманитарных науках.

Вопрос о научном значении работ Сталина влечет за собой и другой: что, собственно, на закате сталинской эпохи, в 50-х годах XX века, могли ему предложить оторванные от мирового знания советские лингвисты, как и представители других гуманитарных дисциплин, понесшие невосполнимые человеческие потери, запуганные или духовно оскорбленные официальной идеологией? Ничего, кроме давно устаревших прописей XIX века, или, как это предложил Чикобава, возвратиться к дореволюционным воззрениям Марра, к его яфетической теории, рассматриваемой в качестве ответвления традиционной индоевропеистики, использующей компаративистские методы исследования языка. Может быть, вариант Чикобавы был бы не самым худшим, скорее даже мудрым, для того времени, так как позволил бы вернуться советской лингвистике в общее русло мировой науки, не теряя при этом отдельных оригинальных разворотов и ясновидческих прозрений системной философии языка, мышления и всемирно-исторического процесса академика Марра. В это же самое время, то есть в 30—50-е годы, представители западной «буржуазной» науки, поудивлявшись и даже открыто повозмущавшись крикливыми выпадами и претензиями престарелого академика-партийца Марра, кое-что приняли к сведению, а затем развили в новые научные дисциплины и перспективные направления: социолингвистику, кинесику, отдельные теоретические аспекты антропогенеза и этнолингвистики. Плодотворные идеи, в отличие от их авторов, не забываются. Крупнейшие европейские философы середины и второй половины XX

века, идя своими путями, кое в чем подтвердили базовые теоретические установки Марра, но, что естественно, углубились в вопросы языка и мышления много дальше его.

Как бы их ни звали, консультанты Сталина были людьми, великолепно знающими конкретный материал и не менее хорошо освоившими правила жизненной игры сталинской эпохи и умеющими их использовать в полной мере. Только этими обстоятельствами, а также новыми, послевоенными идеологическими установками Сталина можно объяснить то, как настойчиво, способом методичного «вдалбливания» он пытался выдать за свою оригинальную мысль перелицованную идею марриста В.И. Абаева о существовании «основного лексического фонда» праязыка всего человечества в представлении об «основном словарном фонде» отдельного национального языка. Этими же обстоятельствами можно объяснить и его безапелляционные тезисы о малой изменчивости грамматического строя языка, о несущественности для теории и истории языка семантики, кинетики, изменений исторического контекста, революционных сломов и перестроек, особенно в социальных структурах общества. Но если эти теоретические положения были подсказаны большей частью со стороны, то невозможно было скрыть то, что прямое вмешательство генерального идеолога в лингвистику знаменовало собой очередной решительный поворот от идей интернационализма к идеям национализма в текущей политике. Не поэтому ли, несмотря на предрешенный оглушающий успех публикации в «Правде», сам триумфатор все еще испытывал некоторую неуверенность и, принимая пылкие поздравления, чего-то ждал и не подавал сигнала на окончательное завершение языковедческой дискуссии. Помимо этих, для промедления у него было по крайней мере еще несколько причин.

В черновом варианте в конце статьи «Относительно марксизма в языкознании» Сталин приписал карандашом для себя, а потому небрежно составленную, несогласованную фразу, не вошедшую в опубликованный текст: *«Как внедрять марксизм? ^[23]. Не по методу цитат... которые цитируют всегда формалисты, как начетчики, а не по ... (далее неразборчиво. — Б.И.)»^[489]*. Видимо, автор, понимая, что цитаты классиков, включая и его собственные, много лет трактовались марристами в духе своего учителя, задумался над тем, как «внедрять

марксизм» в языкознание? Подбирать новые цитаты? В этом не было ничего необычного. Такой метод «доказательств» он применял и раньше в политических схватках предвоенного времени. Но тогда он использовал свой авторитет для «единственно верной», «истинно марксистской» трактовки положений Ленина, Маркса и Энгельса. Теперь же речь шла и о трактовке его собственных сочинений. И еще несколько обстоятельств заставляли Сталина не спешить закрывать дискуссию. С одной стороны, нужно было дать сторонникам Марра возможность публичного покаяния и отречения от своего кумира, без чего политическое значение языковедческого действия умалялась. С другой же стороны, оставались некоторые важные вопросы, на которые Сталин не дал ответов, поскольку не знал их, или дал так, что сразу же после публикации понял, что написал «не то». Итак, завершение дискуссии откладывалось.

Никакое воображение сейчас не поможет представить то, что творилось в умах и душах миллионов рядовых советских читателей, раскрывших свежий номер «Правды» с дополнительными листами, где была обнародована языковедческая статья Сталина. Лишь спустя много лет кое-кто из них припоминал при случае тогдашнее и последующее свое состояние. Вот что я однажды прочитал в «Литературной газете» в самом конце 80-х годов. В ней была помещена беседа писателя В.Л. Кондратьева и историка академика А.М. Самсонова в связи с публикацией книги К. Симонова «Глазами человека моего поколения». Корреспондент газеты, филолог по образованию А. Егоров отвлекся от темы и сам предался воспоминаниям: «Я — октябренок, пионер, комсомолец — до 54-го был сталинистом... Только потом понял (как и сверстники), какой узколобый марксизм, какое скверное языкознание, какую усеченную филологию нам „преподавали“. И всю оставшуюся жизнь — доселе — вытравливаешь из себя сталиниста, догматика, незнайку — это после Ленинградского университета»^[490]. Я адресую эту реплику тем, кто периодически задается вопросом: а нет ли все же в языковедческих, как и в других, работах Сталина особо глубокого, не всем доступного научного смысла, который привел к возрождению советского языкознания и филологии? О его первой языковедческой работе «Марксизм и вопросы языкознания» я пока все, что мог, сказал. Поразмышляем над теми событиями и писаниями вождя, которые последовали за этой публикацией.

Еще не успела просохнуть типографская краска на листах «Правды» со статьей Сталина, а в ЦК раздались звонки и посыпались записки к главному редактору «Правды», одному из высших руководителей пропагандистского аппарата партии М.А. Суслову, с просьбой разрешить перепечатать сталинскую работу. Суслов тут же испросил разрешения наверху:

«Товарищу Сталину.

Редакции центральных газет обращаются с просьбами разрешить перепечатать статью товарища Сталина „Относительно марксизма в языкознании“, опубликованную в газете „Правда“ 20 июня 1950 г.»^[491]. Поскольку тогда на всю огромную страну насчитывалось всего семь центральных газет, то все семь редакций и обратились в ЦК за разрешением. Но они его не получили.

И если сейчас с трудом можно представить то, о чем думали миллионы читателей «Правды», каждый в отдельности и все в совокупности, то о том, что происходило в недрах пропагандистского аппарата, узнать не сложно. Архивные документы рисуют стремительные метаморфозы, происходившие с учеными — участниками дискуссии, в особенности с теми марристами, кто послал свои статьи в газету (или еще раньше, в 1949 году, в Агитпроп ЦК), но по непонятным им причинам так и не был напечатан. Все это становится нам известно из сообщений информаторов (стукачей), действовавших в академической среде, обобщенные сводки которых Ильичев периодически представлял Сталину.

В предыдущих разделах я не случайно сравнивал психологию поведения и карандашную графику Сталина накануне и во время языковедческой дискуссии с его стилем и графикой времен войны. Сводки Ильичева с «языкофронта» очень напоминают разведданные, полученные из охваченных паникой штабов, застигнутых врасплох, а затем разгромленных частей врага. Еще накануне марристы предвкушали свою победу. После публикации статьи Чикобава Сталину была представлена первая такая сводка за 21–25 июня 1950 года с реакцией пока еще уверенных в себе наиболее сановитых марристов:

«Отзывы читателей „Правды“ о статье Арн. Чикобава „О некоторых вопросах современного языкознания“.

Акад. А.В. Топчиев — главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР.

„В части критики некоторых положений Марра автор во многом прав. Но много в его статье и неверного. Известно, что наши прогрессивные ученые признают труды Марра, написанные им в 30-х годах. То, что написано им прежде, отвергается. Наши прогрессивные лингвисты вели борьбу с Чикобавой, расходясь с ним в оценке ряда коренных вопросов языкознания, и, очевидно, они выступят на страницах „Правды“ в порядке дискуссии“»^[492]. Напомню, что Топчиев в 1948–1949 годах по указанию сверху стал одним из дирижеров новой волны истерии по поводу «марксистского», тогда еще марристского языкознания. Пока же он явно не подозревает, откуда ветер дует. Через несколько дней он не мешкая, «на всех парусах» развернется «по ветру», то есть на сто восемьдесят градусов. Другой официальный маррист Н.С. Чемоданов заявил, видимо, в каком-то узком кругу, что с радостью узнал о начале дискуссии, но статья Чикобавы — это шаг назад. Необходимо дать слово лингвистам разных направлений, в том числе В. Виноградову, Т. Ломтеву и др.^[493] Примерно тоже заявил и маррист Ф.П. Филин, заместитель директора Института языка и мышления, добавив, что у Марра, конечно, есть ошибки, но не это у него главное. В сводке Ильичева представлена информация о мнении и других лингвистов, которые в большинстве признавали справедливость критики Чикобавой поэлементного анализа, но в целом продолжали считать Марра научно более состоятельным^[494].

Но вот что мы узнаем из информации, легшей на стол Сталина на следующий день после публикации уже его собственной статьи: «Из сводки т. Ильичева № 1 от 21 июля. Разговор т. Ильичева с профессором С.П. Толстовым, директором Института этнографии Академии наук.

Толстов заявил т. Ильичеву, что „статья тов. Сталина это переворот в языковедении. Только теперь языкознание получает правильное направление, а то мы все до сих пор блуждали в трех соснах“. (Нечего и напоминать о том, что Толстов, как и вся официальная этнография, до 20 июля 1950 года находились под сильнейшим влиянием марризма. — Б.И.)

Затем попросил вернуть ему его статью. Редакция вернула ему ее. Он обещал написать новую статью, исходя из указаний тов.

Сталина»^[495]. Это был первый признак начала беспорядочного бегства марристов с «языкофронта» и массового отзыва своих статей, ранее направленных в редакцию «Правды».

В последующем информационном письме, озаглавленном «Отклики на статью товарища Сталина», были собраны мнения почти всех заметных советских лингвистов из разных лагерей. Сообщалось, что академик В.В. Виноградов заявил: «В статье раскрыты понятия, в которых до сего дня путались лингвисты. Взять, например, вопрос об отношении языка и надстройки. Все мы заблуждались в этом деле. Все основные вопросы развития языкознания получают теперь блестящее направление»^[496]. И действительно, кто, кроме Сталина, посмел бы заявить, что язык отныне не относится ни к базису, ни к надстройке общества. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» в главе «О диалектическом и историческом материализме», которую он сам в основном написал и отредактировал, Сталин процитировал известное место из «Критики политической экономии» Маркса: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним». Исходя из этой формулировки Маркса можно ли было отнести язык к базису, то есть к «экономическим условиям производства»? Конечно же, нет. Поэтому Марр и связал язык с более динамичной надстройкой, с идеологией, а если брать более широко — с мышлением. Другое дело, что и экономика (как и любая другая общественная деятельность) не способна развиваться вне сферы языка, или, употребляя современные термины, без информационных и коммуникационных средств, в том числе и без образов и идей (мышления). Поэтому заявление Маркса о естественно-научных приоритетах в экономике кажется ныне чересчур категоричным. Ко времени описываемых событий Сталин уже лет пятнадцать размышлял над тем, чтобы написать учебник по политэкономии социализма. С начала 30-х годов он с карандашом в руке проштудировал не менее десятка изданий учебника по политэкономии А.А. Богданова. Будучи в силу самому себе выделенных

полномочий еще и экономистом-практиком, Сталин отлично знал о значительной доли человеческого субъективизма и, конечно же, творчества, лежащих в основе различных экономических моделей и практических мероприятий. Сразу же после завершения языковедческой дискуссии 1950 года он активизирует работу над учебником по политэкономии социализма и вновь выступит в качестве корифея, но уже этой специфической дисциплины.

О том, что язык нельзя однозначно отнести только к надстройке, наверняка понимало большинство трезвых марристов и компаративистов, но они ни под каким видом не смели об этом говорить. Сталин же в статье снисходительно сказал «можно» и — те и другие прозрели. Из той же информации Ильичева явствует, что «маррист» (теперь этот термин я сознательно беру в кавычки, так как явных марристов после публикации статьи Сталина на просторах СССР почти не наблюдалось) профессор Т.П. Ломтев (МГУ) заявил: «Многие языковеды, в том числе и я, чувствовали, что язык не является надстройкой над базисом, но никто прямо и четко не высказал этого»^[497]. Близко по смыслу высказался и академик АН Украины Л.А. Булаховский. Профессор Н. Чемоданов из МГУ с горечью признал: «Основная моя ошибка заключается в том, что я неправильно, не марксистски рассматривал язык как общественную надстройку над базисом, ошибочно отождествлял язык с общественной идеологией и понимал его как классовое явление. Я неправильно оценивал теорию Н.Я. Марра о языке как марксистскую в своей основе и считал, что она является, если освободить ее от отдельных ошибок, генеральной линией развития науки о языке... Новый гениальный труд товарища Сталина...» и т. д.^[498]

Но в большинстве своем ученые мужи спешили показательно плюнуть в спину изгоняемой из сонма гениев тени Марра, а заодно и в свое собственное прошлое. Еще поспешнее старались успеть восхищенно ахнуть перед новым «корифеем языковедения». Профессор Казанского университета А.А. Введенский заявил, прочитав сталинскую работу: «Это документ исторической важности. С его помощью будет преодолен застой в советском языкознании». Небезызвестный уже нам профессор Г.П. Сердюченко, заместитель директора Института языка и мышления имени Н.Я. Марра, также внезапно прозрел: «Должен сказать, что мы вели советское языкознание

не туда, куда надо. Это ясно показала исключительно четкая и справедливая критика Марра и его последователей товарищем Сталиным»^[499]. Всего лишь несколько дней назад он, с воодушевлением ведя советское языкознание «не туда, куда надо», не без основания рассчитывал занять ведущее место среди «истинных» последователей Марра.

Сталину сообщали: все «марристы», и не только лингвисты, понимая, чего от них ждут, не только громко каются, но и спешно отзывают свои статьи из «Правды». Из Алма-Аты пришла телеграмма С. Аманжолова: «В связи со статьей товарища Сталина признаю свою дискуссионную статью ошибочной, прошу не публиковать»^[500]. Прислал телеграмму и профессор Чиковани из Тбилиси, последовательный «маррист»: «Прошу не публиковать мою статью по вопросам дискуссии и возвратить ее обратно»^[501]. Известный уже в те годы ленинградский археолог и палеоантрополог П.И. Борисковский телеграфировал: «Статья товарища Сталина „Относительно марксизма в языкознании“ заставила меня пересмотреть мои взгляды на значение работ Н.Я. Марра, так как эти взгляды оказались во многих отношениях ошибочными. Прошу в связи с этим не печатать мою статью „В защиту учения о стадильности и палеонтологии речи“, присланную мною в „Правду“»^[502]. Прозрел и сразу же убедился в ошибочности своих старых выводов будущий академик, а тогда еще доктор исторических наук археолог А.П. Окладников. Даже ученые, не имевшие отношения к гуманитарным наукам, — физики, математики и др., и те посылали свои антимарристские верноподданнические приветствия. Вряд ли кто побуждал их к этому. Хочу здесь еще раз подчеркнуть, что термин «маррист» в моей работе носит абсолютно условный характер и относится только к тем, кто в свое время публично заявлял о приверженности к «новому учению о языке». Не менее условен и термин «компаративист» по отношению к исследователям, не придерживавшимся теории Марра. Я использую эти термины в том же самом смысле, как их применяли сами участники событий к своим противникам, то есть всего лишь как формальные ярлыки, не имеющие прямого отношения к истинным взглядам и концепциям.

Любой, кто получал всю эту информацию о состоянии деморализованных ученых, понимал, что продолжать дискуссию не имело никакого смысла. В связи с этим 2 июня 1950 года, накануне

выпуска очередного листка в «Правде», Ильичев направил напоминание:

«Товарищу Сталину.

Редакция „Правды“ подготовила заключительный дискуссионный листок. В него вошли, главным образом, статьи, присланные в редакцию после опубликования в „Правде“ статьи И. Сталина „Относительно марксизма в языкознании“. Кроме того, редакция представляет на Ваше рассмотрение проект сообщения „От редакции“ об окончании дискуссии по вопросам советского языкознания.

Редакция просит Вас разрешить опубликовать заключительный дискуссионный листок 4 июля.

Л. Ильичев»^[503].

Отметим, вновь в недрах аппарата ЦК, в том числе в редакции «Правды», никто не подозревал о том, что вождь разохотился и готовит свою новую публикацию. В то же время никаких значительных работ в заключительном выпуске печатать никто не собирался. Это видно по тому вкладышу, который вышел 4 июля 1950 года. Помимо новой статьи Сталина было опубликовано двенадцать небольших писем и заметок, авторы которых дружно прославляли гений вождя вперемешку с покаянными репликами бывших «марристов». В ставшим уже обычным уведомлении, «От редакции», сообщалось, что «сегодня в „Правде“ публикуются статьи, поступившие в редакцию в связи с дискуссией по вопросам советского языкознания.

...В редакцию поступило более двухсот статей ученых, преимущественно языковедов, — работников научно-исследовательских учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Украины.

Почти все участники дискуссии пришли к выводу, что наше языкознание находится в состоянии застоя и нуждается в правильном научном направлении»^[504]. Затем, кратко напомнив сталинское замечание о пользе дискуссии, об аракчеевском режиме, установившемся в советском языкознании, редакция заявила, что дискуссия закрывается. Среди тех материалов, которые были опубликованы в этом номере дискуссионного листка, упомянем

заметки-панегирики Сталину: академика В. Виноградова «Программа марксистского языкознания», «Ясная перспектива» академика из Казахстана Н. Суранбаева, приветствия академиков: В. Шишмарева, С. Обнорского, Л. Булаховского, Г. Церетели. Как и обещал Ильичеву, профессор С. Толстов прислал в редакцию текст новой статьи «Пример творческого марксизма», в которой, в частности, писал: «Нечего греха таить — я, как и большинство из нас, занимающихся этими вопросами историков, археологов, этнографов, антропологов, — сочувственно относился к теории акад. Н.Я. Марра. За шумом и треском пропаганды марристов, за резкой по форме „критикой“ расизма, наложившего — это бесспорно — сильный отпечаток на языковедческую работу за рубежом, за „критикой“ „праязыковой теории“, давно уже вступившей — это тоже бесспорно — в резкое противоречие с объективными историко-археологическими и этнографическими фактами, мы не сумели раскрыть псевдомарксистской вульгаризаторской сути теории Марра»^[505]. Автор, безошибочно определив новую расстановку сил на языковедческом фронте, отдавая должное вождю, решительно потеснил возможного нового претендента в малые лингвистические вожди, то есть Чикобаву: «Никто из выступавших до товарища Сталина участников дискуссии не сумел рассмотреть основного порока теории Марра. Больше того, профессор А. Чикобава, которому принадлежит несомненная заслуга постановки со всей резкостью вопроса о многих вопиющих провалах теории Марра, оценил порочное учение Марра о языке, как надстройке над базисом, как единственный положительный вклад Марра в марксистско-ленинское языкознание. Между тем, как подчеркивает товарищ Сталин, в этом положении Марра — главный порок его теории»^[506].

Здесь же опубликовано «письмо в редакцию газеты „Правда“ академика И. Мещанинова: „Большинство из нас, советских языковедов, и в первую очередь я, были настолько твердо убеждены, что язык представляет собою надстроечные явления, что даже не давали себе труда вдуматься в то определение надстройки и их отношения к базису, который содержится в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Отсюда вытекает ошибочность и многих других наших теоретических положений“»^[507]. Повторил свои устные покаяния и профессор Н. Чемоданов: «Новый гениальный труд тов.

Сталина является огромным событием, поворотным моментом в развитии общественных наук»[\[508\]](#).

Казалось бы, чего еще надо? Но Сталин был натурой страстной. Слишком легкая и потому формальная победа его не удовлетворяла. Как это часто бывало и в других серьезных начинаниях, он не хотел и не мог так просто взять и остановиться, перейдя к очередным эпохальным мероприятиям.

Почетный академик отвечает на вопросы аспирантки Е. Крашенинниковой

На третий день после опубликования статьи «Марксизм и вопросы языкознания», то есть 23 июня 1950 года, Сталин вместе с очередной сводкой Ильичева получил письмо, аккуратно написанное округлым девичьим подчерком, от преподавателя и аспирантки Московского городского педагогического института имени Потемкина Е. Крашенинниковой. На письме стоит дата — «22.6.50 г.». По своей инициативе написала молодая аспирантка это письмо? Почему и каким путем именно ее, а не чье-нибудь другое послание так быстро попало в канцелярию вождя и легло на его стол? Письмо шло меньше суток. Если я правильно разобрал регистрационный штамп — оно поступило в ЦК в 09 часов 23 июня, то есть рано утром следующего дня^[509]. Даже в те строгие времена обычная почта с такой скоростью не доставляла корреспонденцию, и еще менее вероятно то, чтобы письмо обычным порядком в течение всего лишь нескольких часов было вручено непосредственно Сталину. Каким образом аспирантка успела крайне лаконично и явно продуманно написать без единой пометки это письмо, кратко сформулировав пять вопросов, на которые как будто бы уже были даны ответы в сталинской статье? Предполагаю, что письмо в основных его пунктах было кем-то подсказано молодой преподавательнице-языковеду. Причем это могло быть сделано загодя, еще до появления первой сталинской публикации в «Правде». Нельзя исключить и того, что по первоначальному плану основное сталинское выступление в «Правде» должно было состояться в форме ответа именно на это письмо «группы товарищей из молодежи», символически возглавить которую назначили Крашенинникову. Но по каким-то причинам сценарий был изменен. По смыслу и аргументации первое и второе послания Сталина во многом перекрывают друг друга. Похоже, что в ответах Крашенинниковой Сталин вновь, как и в предыдущем случае, сам себе задал вопросы на важные для него темы, но не от имени анонимной группы «из молодежи», а от реального подставного лица и его «товарищей». У меня почти нет сомнений в том, что «Ответ» Крашенинниковой был заранее спланирован и именно по этой причине

Сталин не поставил вопрос об исчерпанности дискуссии в своей первой статье и до последнего момента не давал на это согласия по запросу Ильичева. Сразу же после выхода второй статьи не все, даже просвещенные, читатели смогли разобраться, в чем тут дело. Так, Б.Б. Пиотровский, один из молодых тогда «марристов», в своих воспоминаниях, вышедших в середине 90-х годов XX века, писал: «Исход дискуссии был неясен до 20 июня, когда **в двух номерах газеты была напечатана большая статья И.В. Сталина** (выделено мной. — Б.И.) в форме ответов на вопросы»^[510]. Так что для участников и наблюдателей со стороны исход дискуссии до появления статьи Сталина действительно был абсолютно неясен, а две разные его статьи, написанные на одни и те же темы, воспринимались как единое целое.

В преамбуле письма к вождю Крашенинникова с чувством писала:
«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Примите горячую благодарность за Вашу статью о языкознании. Мне, молодому советскому языковеду, радостно думать, что Вы придаете такое большое значение науке, которой я решила посвятить свою жизнь.

Ваша статья внесла ясность в основные вопросы теории языкознания, она, безусловно, ляжет в основу советской науки о языке. При обсуждении Вашей статьи я и мои товарищи встретили еще ряд вопросов, по которым очень хотелось бы знать Ваше мнение»^[511]. Преамбула не вошла в текст «Ответа» Сталина, но вопросы были полностью из письма перепечатаны. По привычке Сталин сам или кто-то из секретариата предварительно отчеркнул их на полях письма Крашенинниковой карандашом.

В архиве Сталина сохранилась рукопись статьи «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой» на шести листах^[512] без существенных исправлений и три ее машинописных экземпляра с незначительными вставками и правкой автора^[513]. Над «Ответом» Сталин трудился дней пять-шесть, так как 29 июня 1950 года он направил очередное уведомление членам Политбюро о своем новом языковедческом эдикте. Вот основное содержание «Ответа» и мой комментарий к нему:

*«Ответ товарищу Е. Крашенинниковой.
Тов. Крашенинникова!*

Отвечаю на Ваши вопросы.

*1. **Вопрос.** В вашей статье убедительно показано, что язык не есть ни базис, ни надстройка. Правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису и надстройке, или же правильнее было бы считать язык явлением промежуточным?»^[514]. Казалось бы, Сталин исчерпывающе ответил на этот вопрос в первой статье, недвусмысленно заявив, что язык нельзя отнести ни к базису, ни к надстройке. Всего лишь неделю назад он писал: «...сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична»^[515]. Но Сталин вновь обращается к той же теме, мимоходом скрытно корректируя сам себя:*

*«**Ответ.** Конечно, языку как общественному явлению свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе и базис и надстройка... Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями... Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку...»^[516]*

Строго говоря, эти особенности свойственны не только языку. Точно так же, как язык, все общество в целом «обслуживают» и общественное производство (экономика), и политика, и культура, и наука и т. д. Другое дело, что роль экономики (общественного производства), как и любой другой сферы, в жизни каждой отдельной социальной группы, в жизни отдельного класса людей, в жизни отдельного человека, очень разная. Она качественно отличается не только в смысле большего или меньшего вклада в ее развитие, но и в плане потребления плодов общественного производства, и это при том, что экономика действительно «обслуживает» все общество в целом. К. Маркс разработал свою знаменитую схему взаимоотношений базиса и надстройки главным образом для того, чтобы обосновать материально-

производственную доминанту в историческом развитии человечества, подразумевая тогда под ней доминанту социально-экономическую. На самом же деле в качестве такой доминанты может быть избрана любая составляющая общественного организма, рассматриваемая как «способ производства», где знак, слово, символ, гештальт, эйдос используются как орудия или средства производства. Это может быть «производство» политики, культуры, быта, религии (идеологии) и — более узко — литературы, балета... Ко второй половине XX века наука вплотную подошла к тому, чтобы всю культуру человечества рассматривать как многоуровневый текст (сообщение) производимый с помощью специфических языков, грамматик, правил, символических форм. Похоже, что Марр догадывался об этом и следил за мировой тенденцией. Он, как умел, делал первые шаги в сторону будущих открытий в области семиотики, семантики, культурной антропологии, этнологии, информатики. А вот искать решающую доминанту общественного развития («главное звено в цепи» — Ленин) было свойственно не только Марксу и марксизму, но практически всем политическим, историософским и иным научным учениям XIX — XX веков, в том числе и в лингвистике. Отсюда декларации о приоритете то грамматики, то семантики, то социолингвистики и т. д. Казалось бы, Сталин, заявив, что отныне «язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек», сделал шаг к более глубокому пониманию природы языка. На самом же деле он в гораздо большей степени упростил картину, чем это делал Марр, относивший язык к динамичной «надстройке», а главное, связавший историю языка с историей развития общечеловеческого мышления, культуры и сферой материального и духовного производства.

Между тем Сталин продолжал разьяснять аспирантке: «Его (язык. — *Б.И.*) нельзя также причислить к разряду „промежуточных“ явлений между базисом и надстройкой, так как таких „промежуточных“ явлений не существует.

Но может быть, язык можно было бы причислить к разряду производительных сил общества, к разряду, скажем, орудий производства? Действительно, между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляют своего рода безразличие к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые. Дает

ли это обстоятельство основание для того, чтобы причислить язык к разряду орудий производства? Нет, не дает.

Одно время Н.Я. Марр, видя, что его формула — „язык есть надстройка над базисом“ встречает возражение, решил „перестроиться“ и объявил, что „язык есть орудие производства“. Был ли прав Н.Я. Марр, причислив язык к разряду орудия производства? Нет, он был, безусловно, не прав.

Дело в том, что сходство между языком и орудиями производства исчерпывается той аналогией, о которой я говорил только что. Но зато между языком и орудиями производства существует коренная разница. Разница эта состоит в том, что орудия производства могут производить материальные блага, но те же люди, имея язык, но не имея орудий производства, не могут производить материальных благ. Не трудно понять, что если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были самыми богатыми людьми в мире»^[517].

Любой психиатр отметит: ирония — самый верный признак здоровой и адекватной психики. Сталин любил подтрунивать. Иногда простодушно, но чаще зло — многозначительно. А это уже настораживает, учитывая, что объект иронии не смел адекватно ответить вождю. Поэтому для большей убедительности психиатр предпочтет отмечать случаи иронии, обращенной на самого себя, то есть самоиронию. А вот с ней у Сталина было плохо. Впрочем, здесь Сталин очередной раз открыто иронизирует над Марром, который неоднократно писал нечто вроде этого: «Доисторическая речь не знает еще производства слов ни по материалу, ни по технике, а лишь по функции или по социальной связности предметов или явлений в том или ином производстве, слово с одного предмета переходило на другой предмет каждого из таких кругов без всякого изменения»^[518]. Современный пример со словом «спутник»: человек, луна, космический аппарат и т. д.

Люди действительно производят слова, и их производство с древнейших времен непосредственно связано с производством материальных и духовных продуктов, а с определенного времени одно без другого просто невозможно. Именно это «производство» и имел в виду Марр. Попутно заметим также, что Сталин стал самым могущественным и самым богатым (без преувеличения, учитывая те ресурсы, которыми он распоряжался единолично) правителем за всю

историю человечества, главным образом благодаря своему не очень правильному русскому языку и намного более убедительному для многих политическому языку. Фердинанд де Соссюр, один из крупнейших лингвистов-теоретиков начала XX века, на работы которого, конечно же, опирались Марр и большинство лингвистов во всем мире и с которым они же полемизировали, писал: «Высокий уровень культуры благоприятствует развитию некоторых специальных языков (юридический язык, научная терминология и т. д.)». Наличие «специальных языков» внутри общества, в свою очередь, ведет к необходимости изучать отношения «между языком и такими установлениями, как церковь, школа и т. д., которые в свою очередь, тесно связаны с литературным развитием языка, — явление тем более общее, что оно само неотделимо от политической истории»^[519]. Политический язык самого Сталина, язык сплотившегося вокруг него правящего клана, политический язык сталинской эпохи был насыщен большим количеством завораживающих слов-понятий, магических формул, жестов и манифестаций, символических знаков-действий, которые Сталин (как и многие политики мира) десятилетиями синтезировал и «производил» на исторической арене. Сюда же надо добавить особо многозначительную символику показательных судебных процессов над «врагами народа», как над живыми символами — знаками скрытой угрозы обществу, воплощения сатанинского вредительства, измены и коварства. О том, какое воздействие оказала эта «трудмагическая» знаковая (семантическая и символическая) деятельность Сталина и его соратников — «магов» на все советское общество в фантазмагорический «период построения социализма в СССР», включая материальное и духовное производства, ныне знает каждый. Нечего и напоминать о том, что такие «болтуны» и «маги», как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, О. де Бальзак, блаженный Августин, да и К. Маркс, наконец, и многие другие «производили» в особо большом количестве именно слова, символы, знаки и смыслы. И если бы можно было просуммировать все то, что столетиями во всем мире благодаря им «зарабатывают» люди в процессе общественного обмена символами и смыслами, то более богатых представителей человеческого рода, чем эти «болтуны» и «маги», мы бы не нашли. Марр как будто предвидел будущее, эту саркастическую сентенцию Сталина, и в 1932 году, «отвечая» на нее, писал: «Никакой Крез,

никакой британский или американский банк, никакой национальный или международный капитал не содержит такой громады накоплений, накоплений всего человечества за время его человеческого творческого существования, как язык, разумеется, неразрывно с мышлением и со всеми теми способами выявления мышления, которые получились в надстроечном мире, в процессе развития языка»^[520]. Конечно же, Сталин ни о чем подобном не думал и не подозревал о том, в «какую неоглядную даль» (Март) шагнули уже в его время семантика и семиотика, как и все науки о языке, речи, мышлении и роли символизма в материальной культуре человечества. Тем более он и помыслить не мог то, что «вульгаризатор» марксизма, впадший в «идеализм» (Март), в своем понимании роли «производства» и «обмена» в развитии человеческого общества в большей степени был марксистом, чем рациональный, но творчески ограниченный Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

Еще в первой статье именно сам Сталин прямо сравнил язык, слово с орудием, в том числе с орудием производства. Он писал: «Язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем от машин, которые так же безразличны к классам, как язык, и так же могут обслуживать как капиталистический строй, так и социалистический»^[521]. Тогда же он добавил: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания... язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»^[522]. Здесь я хочу напомнить наш разговор о брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в которой он писал: «Бауэр тут хотел доказать, что „язык — это важнейшее орудие человеческого общения“»^[523]. Совпадение очевидное. Цитата извлечена Сталиным из книги «Национальный вопрос и социал-демократия» известного немецкого марксиста и, согласно ленинской терминологии, «оппортуниста» О. Бауэра. Она была издана на русском языке в 1909 году. Сталинская же работа была опубликована в начале 1913 года. Как мы видим, Сталин в 1950 году от своего имени дал определение языка, ставшее затем общепринятым в советском языкознании, конечно же, не упомянув ни одного из своих предшественников. Бауэр не проводил прямой аналогии между орудийной функцией языка (знака) и орудием материального

производства. И Марр этого не делал, а использовал более тонкие аналогии и рисовал более сложную картину становления орудийной функции языка и ее связи с развитием материальной и духовной культуры человечества. Он говорил о языке как об «орудии исторической», «доисторической и протоисторической общности»^[524], то есть о становлении социальной функции языка в процессе развития человеческого общества. Он не соглашался с чересчур прямолинейными высказываниями марксистского историка М.Н. Покровского, который, как я отмечал ранее, поддержал некоторые историко-лингвистические идеи Марра. Последний в ответ заявлял: «Проф. М.Н. Покровский в „Очерках истории русской культуры“ говорит: „Единственным научно ценным принципом при выделении из общекультурной массы и районов культурного развития является принцип лингвистический: культуру определяет язык, главнейшее необходимейшее орудие культурной передачи, орудие, без которого культура просто немыслима“. С такой ролью лингвистики мы как будто должны бы согласиться... С М.Н. Покровским не расходятся, очевидно, и археологи, занимающиеся историей материальной культуры». В то же время, продолжал Марр, «мы считаем несколько преувеличенным такое исключительное выдвигание лингвистики в роли строительницы истории культуры, но с положением самим мы отнюдь не спорим», поскольку язык есть «не только орудие общности... язык сам есть создание общности»^[525]. Так что ни какой вульгарной трактовки орудийной функции языка, отождествляемого с орудием материального производства, у Марра никогда не было, хотя именно на это напирал Сталин и антимарристы, включая их современных представителей. Я не исключаю того, что Сталин, обнаружив в марровских писаниях слово «производство», мог добросовестно заблуждаться, не улавливая многозначности, применяемых терминов типа «производство», «орудие», «труд», «общественность» и т. д. Сталин понимал их так, как они трактовались в классической марксистской политэкономии. Марр же расширительно использовал эти понятия, говоря об исторически обусловленном производстве языка-мышления в процессе орудийно-производственной деятельности общественного человека и обратном влиянии мышления-языка на развитие материальной орудийной деятельности. Иначе говоря, язык, мышление и труд во всех его проявлениях, в том числе деятельность

словотворческая (глоттогоническая), рассматривались Марром в единстве общественно-исторического процесса. В духе времени он не забывал указывать и на то, что «язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени потому и является „мощным рычагом культурного подъема“, что он — незаменимое орудие классовой борьбы»^[526]. В данном случае Марр скрыто цитировал самого Сталина 30-х годов. Впрочем, мысль о том, что язык, слово есть средство борьбы в сфере общественного сознания, кому бы она ни принадлежала, справедлива во все времена.

«Язык-мышление» или «мышление и язык»? Ответ Сталина и ответ Марра

Затем Сталин ответил на второй вопрос Крашенинниковой:

«2. **Вопрос** . Маркс и Энгельс определяют язык как „непосредственную действительность мысли“, как „практическое... действительное сознание“. „Идеи, — говорит Маркс, — не существуют оторвано от языка“. В какой мере, по Вашему мнению, языкознание должно заниматься смысловой стороной языка, семантикой и исторической семасиологией и стилистикой, или предметом языкознания должна быть только форма?»^[527]

В первой статье Сталин уже пытался осторожно дать оценку семантике (семасиологии), отводя им второстепенную роль в изучении языка по сравнению с грамматикой и фонетикой, следуя в этом вопросе за традиционной лингвистикой конца XIX века, а точнее — за мнением Чикобавы. Но как раз семантика (семасиология), а именно анализ «семантических пучков» и реконструкция истории значений, были любимыми детищами Марра. Судя по контексту, основной источник, из которого Сталин черпал знания об этих областях, был пятидесятый том БСЭ первого издания. В современном архиве Сталина этот том отсутствует, но среди остатков его библиотеки он сохранился. В пятидесятом томе БСЭ о семантике сказано крайне скупо, зато отдельно и подробней сказано о семасиологии, причем трактовались эти понятия в марровском духе. Похоже, что этим и объясняется настороженное и даже пренебрежительное отношение Сталина к важнейшему и интереснейшему разделу лингвистики, которым после выступлений Сталина в 1950 году в СССР практически перестали заниматься. Автором и этих статей в БСЭ была все та же Р.О. Шор. О семантике Сталин почерпнул из БСЭ следующее: «Семантика (*греч* . *semantikos* — имеющий значение, выразительный), лингвистический термин, обозначающий: 1) смысловую сторону языка в целом или его отдельных элементов (слов, частей слов); 2) отдел языкознания, изучающий значение слов. См. Семасиология»^[528]. О последней говорилось подробнее: «Семасиология (*греч* . *semasis* — образованное от *sema* — знак и *logos* — слово, наука), раздел языкознания,

изучающий значения слов и изменения этих значений». Затем кратко излагалась история дисциплины от Платона до начала XX века. В качестве вершины, которой достигла семантика к XX веку, указывалось учение Марра, связавшее изменения значений слов-понятий с историей общества и с его социальной (классовой) структурой, а мы добавим, то есть то, что позже на Западе стали называть «социолингвистикой». «Тем самым, — писала Шор, — С. приобрела особую важность среди других разделов науки о языке». Для подкрепления тезиса об особо марксистском характере семантических изысканий Марра автор процитировала то же самое высказывание классика, которое шестнадцать лет спустя процитировала Крашенинникова в письме Сталину: язык есть «практическое... действительное сознание» и т. д. Кроме того, Шор привела формулировку «закона функциональной семантики Марра» и подкрепила его наиболее яркими марровскими иллюстрациями, подтверждающими, что «при сохранении социальной функции название обычно переносится на новый предмет»^[529].

Из всего этого для Сталина стало ясно одно — речь идет о смысловой стороне слова и языка и то, что именно Марр настаивал на приоритете изучения семантики и семасиологии перед грамматикой языка. Марр даже как-то, горячась, заявил, что изучение исторической грамматики вообще пустое занятие. Такого рода хлесткие заявления академика Марра отмечал и Чикобава в своей застрельной статье. Сталин, не рискуя вдаваться в обсуждение достоинств и недостатков семантики как науки, тем не менее, не колеблясь, и ей указал «подобающее место»:

«Ответ. Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее (! — *Б.И.*) ей место.

Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные, никоим образом нельзя переоценивать ее значение и тем более — нельзя злоупотреблять ею. Я имею в виду некоторых лингвистов, которые, чрезмерно увлекаясь семантикой, пренебрегают языком как „непосредственной действительностью мысли“, отрывают мышление от языка и утверждают, что язык отживает свой век, что можно обойтись и без языка»^[530].

Кусочки цитат из работ классиков марксизма, перекидываемые оппонентами через годы, как шарики пинг-понга через сетку игрового поля, как раз указывают на приоритет смыслового аспекта языка (мышления) в развитии общечеловеческой цивилизации. Сталин же уводит разговор от семантики в сторону обсуждения совсем иного вопроса — возможно ли мышление без языка? В связи с этим он привел выдержку из основополагающей поздней работы Марра «Язык и мышление», сознательно вырывая цитату из контекста. В то же время сам факт цитирования и иные конкретные отсылки Сталина к разным работам Марра говорят о том, что в процессе подготовки своих публикаций вождь не раз обращался к первоисточнику, а не только усваивал отдельные критические положения и цитаты из вариантов статьи Чикобавы, БСЭ и других работ участников дискуссии.

«Обратите внимание на следующие слова Н.Я. Марра, — продолжал Сталин, — „Язык существует лишь, поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления... Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы“ (См. „Избранные работы“ Н.Я. Марра).

Если эту „труд-магическую“ тарабарщину перевести на простой человеческий язык, то можно притти (так в тексте. — *Б.И.*) к выводу, что:

- а) Н.Я. Марр отрывает мышление от языка;
- б) Н.Я. Марр считает, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления свободного от „природной материи“ языка, свободного от „норм природы“;
- в) отрывая мышление от языка и „освободив“ его от языковой „природной материи“, Н.Я. Марр попадает в болото идеализма»^[531].

Сталин правильно определил самое важное положение позднего варианта концепции Марра и, конечно же, точно уличил его в «идеализме». Но, вырвав из контекста и без того запутанный и, как всегда, многослойный и аллегорический текст Марра, он представил

академика в дурацком обличье. Воспроизведем то, что предшествовало цитате Марра в сталинской статье, рассчитывая на снисходительность современного читателя к специфической форме выражения неординарных мыслей великого косноязычного лингвиста. Беря на себя смелость давать столь высокую оценку научной деятельности Марра после уничижительной критики почетного академика И.В. Сталина и других выдающихся ученых, я всего лишь следую за академиком Б.Б. Пиотровским (и другими лингвистами — сторонниками Марра), близко наблюдавшим и учившимся у Марра, а в преклонные годы вспоминая: «Лекции были трудными, так как гениальный ученый не всегда мог отделить второстепенное от самого существенного и слишком прямолинейно применял „историзм“, с чем было трудно согласиться. Но как историк культуры он развил учение о семантике, которое явно выходило за рамки языкознания»^[532].

Так все-таки гений или вульгаризатор и даже — шарлатан? Судите сами, постаравшись непредвзято вникнуть в марровский текст-ворожбу:

«Каков же будет язык, единый язык будущего бесклассового общества, а с ним роль мышления?

За многие сотни тысяч лет, миллиона три, сменились орудия производства стандартизированных языков, при учете мышления качественно четырех языков: ручного языка, победившего комплексный не дифференцированный пантомимо-мимическо-звуковой пиктографический со зрительным мышлением; локализовав мышление в правой руке, ручной язык взял верх и, стандартизированный, охватил весь мир; его сменил звуковой язык в первой стадии своего развития с тотемическим мышлением, космическим и микрокосмическим, развернутым в пределах возможностей ручной речи, на второй стадии — с формальным логическим мышлением, когда оно стало воспринимать мир аналитически, все более и более проникая в технику его построения и утрачивая чувства целого, синтез со сменой орудия мышления (всего тела, рук и лица, полости рта и звуков), орудия восприятия (сердца, ушей) и локализация мышления в правой руке (в сердце и, наконец, в голове).

На всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво, но, будучи также одинаково с языком коллективно, мышление с языком расходится техникой, качеством, количественным

охватом своей службы. Язык в действии обслуживает лишь актуальный коллектив, притом в различных пределах в зависимости от технических слуховых или зрительных средств распространения речи, тогда как для мышления физических пределов нет, пределы же замыкания — временны, поскольку они и во времени и в пространстве отодвигаются или совершенно снимаются с расширением и углублением опытных знаний. Язык подвержен воздействию окружения непосредственно или при посредстве слуховой передачи лишь в современности, а в прошлом, как и в будущем, его отношения реализуются только письмом, с определенной стадии закабалившим живой язык, а мышление, не имея иных способов выявления, как язык или его замена, не имеет, кроме пределов своих знаний, никаких препон для общения со всем миром и прошлым, и будущим: мышление, действуя как надстройка базиса, творило в ней, надстройке, собственно лепило то, чего никто не постигал, материально лепила мифы, зачатки мировоззрения и эпоса»^[533]. Затем уже шли те фразы, которые привел Сталин, но и они даны им в усеченном виде. Опушенную Сталином фразу я выделил: «Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления. **У языка, как звучания, имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мозговую локализацию, но все это формально, особенно звукопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукцией мышления.** Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжений и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы»^[534].

А теперь попробуем изложить всю эту марровскую «труд-магическую тарабарщину» более понятным языком, не обращая внимания на сталинские характеристики.

Уже первая фраза Марра — сбывшееся пророчество: «За многие сотни тысяч лет, **миллиона три** (выделено мной. — *Б.И.*), сменились орудия производства стандартизированных языков». Доклад «Язык и мышление» был прочитан Марром на чрезвычайной сессии Академии наук СССР 26 июня 1931 года. В это время палеоантропологи

утверждали, что древнейшие предки человека появились на Земле менее одного миллиона лет назад. И только через двадцать восемь лет, в 1959 году, открытие английского семейства археологов Лики обезьяноподобного человека в Африке (в Олдувайском ущелье) продлило возраст человеческого рода до 2 млн 600 тыс. лет — 3,5 млн лет^[535]. Палеоантрополог П.И. Борисковский, тот, кто в 1950 году спешно отозвал свою статью в «Правду», написанную в поддержку теории Марра, в 1977 году опубликовал теоретический раздел «Возникновение человеческого общества» для одноименного академического издания. Так вот в нем проблему происхождения и развития языка и мышления как важнейших признаков человеческого рода он вообще обошел молчанием^[536]. После выступления Сталина и до перестроечных дней эта тема была негласно «заморожена» не только в отечественной лингвистике, но и во многих других науках о человеке. И все же некоторые лингвисты, археологи и этнографы, в особенности те, кто был когда-то так или иначе связан с Институтом материальной культуры, формально открещиваясь от идей Марра, продолжали фиксировать правильность многих его предположений и наблюдений. Так, например, произошло не только с предсказанием древности человеческого рода, но с важным предчувствием-наблюдением Марра о том, что по мере проникновения в древнейшую историю будет наблюдаться все большее сходство в предметах материальной и духовной культуры прачеловечества на всей территории обитаемого тогда мира. «При этом, — вторят Марру современные авторы (70-е годы XX века), — чем в большую древность мы опускаемся, тем ощутимее становятся черты сходства, но никогда это сходство не превращается в тождество»^[537]. Напомню — Марр говорил об огромном разнообразии первоначальных («племенных») человеческих языков и культур при их структурном и функциональном сходстве, включая «стандартизированные языки», типичные орудия труда и стандартные приемы обработки материалов, распространившиеся во всем мире. По мере же развития человечества, в результате многочисленных этнических и культурных смешений и расщеплений, качественных (стадиальных) общественно-экономических скачков, языки начинают все больше сходиться в то, что получило название языковой семьи и в иные лингвистические общности современного

мира. Так что свою языковую «пирамиду» Марр действительно пытался поставить основанием на данные археологии.

Возвращаясь к адаптации других положений Марра, отметим, что, согласно его представлениям, языки (племенные, национальные) и мышление (общечеловеческое) развиваются и существуют, взаимодействуя, но в то же время обладают относительной самостоятельностью. При этом, в отличие от мышления, жизнь каждого конкретного языка (племенного, этнического, диалектов) ограничена во времени и пространстве, поскольку любой язык социален, а позже еще и национален. Рано или поздно любые человеческие сообщества распадаются, а вместе с ними трансформируются или умирают их языки. Языки, культуры, нации одинаково смертны. Бессмертие же человечества заключено во всеобщности и универсальности мышления. Человеческое мышление, развиваясь по собственным качественным этапам, вместе с тем ни чем не ограничено в исторической перспективе. Крашенинникова права: язык — это форма, мышление использует эту форму для своего воплощения. У Марра мышление, как гегелевский «дух», выражает себя в той или иной племенной или национальной языковой и культурной оболочке, обслужив конкретный «актуальный коллектив», обогащается за счет его. А когда этнос, язык и культура умирают или перерождаются, мышление продолжает поступательно разворачиваться в общечеловеческом историческом пространстве, но уже в обновленных формах. Влияние гегельянской модели здесь налицо, вне зависимости от того, осознавал это сам Марр или нет.

Марр, не отказываясь от своей более ранней стадиальной классификации известных тогда живых и мертвых языков, разворачивает ее теперь в учение о четырех стадиях развития общечеловеческого мышления и соответствующих им четырех способах производства мышления, то есть о четырех принципах общечеловеческой коммуникации, **вне зависимости от того, на каких конкретных языках общались люди**.

На первой стадии развивается комплексный язык пантомимического типа, в котором неразрывно слиты звуки, мимика и жесты, телодвижения, то есть кинематика. Обратим внимание на то, что на этой стадии звуки входят в комплекс первичного общечеловеческого способа коммуникации. Этот принцип передачи социальной информации сопровождается возникновением пиктографического

письма, так как он связан со становлением зрительного способа коммуникации и соответствующим ему типом мышления, базирующимся на правую руку. Второй принцип «производства» мышления — ручной, более специализированный язык, вытеснивший предыдущий нерасчлененный комплексный. На этой стадии произошла окончательная «локализация мышления» в правой руке, так как речевые центры локализовались в одном из полушарий мозга, связанном с правой рукой. «Говорящая рука» стала объектом внимания как со стороны «говорящего», так и «внимающего». Соответственно, «стандартизированный» ручной язык, как и предыдущий, комплексный, распространился по всей ойкумене. Эти два этапа хорошо иллюстрируются примерами из палеоантропологии и археологии. Марр считал: раз первобытное материальное производство имеет малую вариативность, то на таких же принципах должны развиваться связанные с этим типом производства языки (стандартизированные) и мышление. Со временем этот тип языка и формы мышления сменил следующий, третий, представленный еще очень примитивным членораздельным звуковым языком, которому соответствовал «тотемический» («космический», «микрокосмический», «магический») тип мышления в сочетании с «развернутым в пределах возможностей ручной речи», то есть подкрепленный кинетикой. Здесь Марр широко использует данные этнографии и работы по первобытному мышлению, в частности исследования Э. Тайлора, Л. Моргана, Ф. Боаса и Л. Леви-Брюля. Наконец, наступает четвертая, современная стадия, когда зарождается и развивается формально-логическое и аналитическое мышление. На этой стадии происходят очень сложные и нелинейные изменения как в «орудиях» мышления, так и в «технике» языка и речи. В результате утрачивается «чувство целого», то есть исчезает монотонность языкотворческого процесса. Языки и культуры начинают синтезироваться в большие и самобытные языковые семьи. Именно поэтому они, согласно Марру, не могут иметь далекого общего предка. Одновременно этот процесс «схождения» сопровождается новым синтезом «орудий мышления». Современный человек мыслит и чувствует, передает свои мысли и чувства всем: «телом, руками, лицом, позой», «полостью рта и звуков». Происходит также новый синтез средств восприятия чувств и мыслей не столько с помощью глаз, рук и другого, сколько с помощью «сердца и ушей». Человечество начинает

воспринимать мир все более и более аналитически, а мышление все больше локализуется в определенной части мозга и окончательно связывается с деятельностью правой руки и «сердца», то есть с материальным и духовным производством. Замечу, и Леви-Брюль утверждал, что, по наблюдениям, представители многих африканских и латиноамериканских автохтонных племен его времени «говорят и думают руками». Мы еще вернемся к «говорящим» и «думающим» рукам и мимической речи. Похоже, что Марр предугадал и то, что в человеческом роде господствующая праворукость оказалась связана с развитием левого полушария головного мозга, ответственного за аналитическое, вербальное мышление.

Членораздельный фонетический язык, воспринимаемый слухом, возникает на довольно поздней стадии развития человечества, а в прошлом язык был связан со зрительным способом передачи информации, в том числе с письмом, «закабалившим живой язык». Мышление же человека не связано намертво, то есть генетически (биологически), ни с каким конкретным языком, и поэтому человек «не имеет... никаких препон для общения со всем миром и прошлым, и будущим». И действительно, на каком бы языке человек ни общался и каким бы способом ни выражал свои мысли, он благодаря универсальности мышления способен постичь любую информацию, любые знания любого общества, любой культуры прошлого и настоящего. Если бы это было не так, то тогда бы каждому новому поколению людей и тем более каждому новому народу или цивилизации пришлось начинать свою историю заново — открывать огонь, колесо и т. д. до бесконечности. На самом же деле люди разных эпох и разных культур в гораздо большей степени способны понять друг друга и обогатиться за счет понимания, чем это силится доказать западноевропейские и доморощенные теоретики национализма и расизма, толкующие о якобы врожденных этнических и расовых «ментальных» структурах. И дело здесь не только в древних языках или письменности, которые в большинстве с успехом реконструируются, расшифровываются и читаются. Главное — это способность человека научиться мыслить и понимать все то, что понимал и мыслил другой, когда бы и где бы он ни жил. Лучше всех осознает универсальность общечеловеческого мышления историк, поскольку именно он в своей

деятельности постоянно сталкивается с проблемой понимания в самых разных ее проявлениях и осложнениях.

Что же касается будущих обществ, то здесь мы знаем (и Марр об этом говорит) только то, что человек способен бесконечно развивать свои познавательные возможности, то есть мышление. Язык материален, он «существует, лишь поскольку он выявляется в звуках», жестах, на письме, а мышление может протекать «и без выявления», то есть беззвучно и без иных видимых проявлений. Марр напоминает: речевая деятельность имеет определенную локализацию в человеческом мозге, но эта локализация не имеет прямого отношения к локализации центров мышления. Мышление, с точки зрения Марра, богаче любого способа его выражения, любого языка, а главное — значительно опережает возможности фонетического языка и в своем развитии стремится освободиться «от природной материи» — изобрести и использовать новые средства и формы, усиливающие познавательные возможности человека. И опять Марр прав: перед «ним» не удалось «устоять никакому языку, все-таки связанному с нормами природы», то есть живому голосу, слуху и зрению. Во времена Марра существовали телефон, телеграф, различные искусственные языки, применявшиеся в военном деле, на железнодорожном транспорте, было немое и звуковое кино, фонограф, радио. Освобождение «от природной материи» живого фонетического языка шло полным ходом. До появления массового телевидения, первых искусственных информационных систем и персональных компьютеров, мобильных телефонов, Интернета, космической связи было еще несколько десятилетий. Но в 1950 году вопрос о создании искусственного интеллекта все более переходил в практическую плоскость. Как известно, именно в эти годы в СССР кибернетика была объявлена «лженаукой». Отрывал ли Марр язык от мышления? Был ли он в этом вопросе идеалистом? Да, отрывал, был, но делал он это как-то уж очень прозорливо и материалистично, хотя и стилистически путано. И прямого отношения к «школярскому» марксизму эта концепция действительно не имела, хотя Марр и «пытался казаться марксистом» (Сталин), заявляя о «мышлении пролетариата... в борьбе выковывывающего бесклассовое общество». Здесь вождь прав. На самом же деле Марр творчески применял исходную и очень плодотворную марксистскую идею развития «способов производства» к истории

общечеловеческого языка, мышления и культуры. В западной науке второй половины XX века, особенно во Франции, эта идея найдет независимых и блестящих приверженцев.

В своих представлениях о взаимоотношениях языка и мышления Марр, без сомнения, во многом также опирался на работы своего современника, выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Основная работа де Соссюра «Курс общей лингвистики» была переведена на русский язык за год до смерти Марра, но он, как и некоторые российские лингвисты и психологи (Выготский), был с ней знаком гораздо раньше по первоисточнику. Фразы де Соссюра, переведенные Марром, не отличаются по стилю от авторского текста. Де Соссюр был сторонником изучения социальной и орудийной функции языка и речи. Он писал о том, что графическое изображение знака (слова) ныне так тесно переплетается со словом звучащим, что исследователи приписывают изображению большее значение, чем самому слову. «Это все равно, — писал де Соссюр, — как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели лицо»^[538]. Марр в том же смысле заявлял «о закабалении письмом языка» и, как де Соссюр, призывал других изучать и сам изучал письменные и бесписьменные языки в равной степени. И так же как де Соссюр, с успехом доказывал, что многие живые бесписьменные языки древнее письменных и даже мертвых языков. Но Марр перекликался с ним и в более существенных исходных положениях философии языка. Марр, как и де Соссюр, отвергал неизбежно природную, физиологическую обусловленность возникновения фонетического языка, отдавая приоритет обществу. Марр чуть ли не плевался по этому поводу: «Все природа, даже язык создан природой, а организованный труд? А общественность? А их творческая роль?»^[539] По целому ряду важнейших пунктов де Соссюр перекликался с Марром: «Прежде всего, вовсе не доказано, что речевая деятельность в той форме, в какой она проявляется, когда мы говорим, есть нечто вполне естественное, иначе говоря, что наши органы речи предназначены для говорения точно так же, как наши ноги для ходьбы. Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто

из соображений удобства; люди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых. Несомненно, такой тезис чересчур абсолютен: язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим... кроме того, Уитни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор лишь случайно остановился на органах речи, ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой. Но по основному пункту американский лингвист, кажется, безусловно, прав: язык — условность, а какова природа условно выбранного знака, совершенно безразлично. Следовательно, вопрос об органах речи — вопрос второстепенный в проблеме речевой деятельности... Естественной для человека является не речевая деятельность, как говорение... а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям»^[540].

Как мы видели, Марр так же расширительно толковал понятие «язык», но, в отличие от де Соссюра, указывал не столько на относительную условность выбора человечеством способов выражения понятий (звук, графика, жест и т. д.), сколько на их общественную обусловленность и историческую последовательность (стадиальность).

Тайна символа. «Философия символических форм»

Нельзя не отдать должное хваткости ума Сталина. Немолодой уже человек, вторгшийся в совершенно чуждую ему научную область, искренне пытался вникнуть в сложнейшие философские проблемы языка. Но ум, изощренный в политических интригах и дипломатических хитросплетениях, оказался недостаточно ухватистым. Его мысль скользит по годами наработанной привычной колее, управляемая «здравым смыслом» и житейским опытом. Впрочем, не у него одного. Кто не знает о том, что человек мыслит словами? Как только мы осознаем, что мы мыслим, это происходит через осознание внутренней речи. Мы можем даже «услышать» беззвучную, немую артикуляцию своей внутренней речи. Мы «говорим» сами себе и сами с собой, как с другими. Еще Гегель подметил, как интеллектуально неразвитый человек непроизвольно проговаривает свои мысли вслух. Я думаю, что и Сталин не раз слышал непроизвольное бормотание соседа по тюремной камере, а в ссылках размышления вслух таежного охотника или рыбака. Вывод: слово и мысль суть едины. Сталин примерно это и написал: «Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникали в голове человека и когда бы они ни возникали, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н.Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н.Я.

Марр и некоторые его „ученики“, то она может принести языкознанию большую пользу»^[541].

Сталин, в отличие от предыдущих разделов, много работал над отшлифовкой первой фразы этой части. И действительно, здесь многое непонятно. «Очевидные», обыденные представления не так уж очевидны. Мыслит ли человек «языковыми терминами» и «фразами»? Тождественна ли мысль слову или фразе? А как быть с сознательной ложью? Можно изрекать одно и одновременно мыслить совсем другое. Известно крылатое высказывание Талейрана: «Язык дан для того, чтобы скрывать свои истинные мысли и намерения». (В свое время Сталин интересовался политической биографией французского дипломата.) А Гегель говорил об «игре словами» «бессодержательного мышления»^[542]. Значит, слово — это одно, а мышление — нечто иное? Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на мощнейший пласт общечеловеческой культуры сознательной лжи и обмана, насыщенного огромным содержанием. Людвиг Витгенштейн, чья философия и логика языка представляется вершиной современной мысли, записал в своем «Логико-философском трактате»: «Язык переодевает мысль. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме, облаченной в нее мысли; дело в том, что внешняя форма одежды создавалась с совершенно иными целями, отнюдь не для того, чтобы судить по ней о форме тела»^[543]. Здесь уместно вспомнить не менее глубокое тютчевское: «Мысль изреченная есть ложь», то есть полное тождество между мыслью и ее словесным выражением в принципе невозможно. К этому следует добавить введенное де Соссюром представление об индивидуальной внутренней речи и языке как ее внешнего, социального проявления. Так можно ли мыслить «оголено», без языка как «природной материи»? Если да, то язык действительно есть «материя духа» (под «духом» имея в виду гегелевское сознание и его же «интеллигенцию», то есть разум, мышление). Напомню, так написал сам Сталин на полях шестьдесят пятого тома первого издания БСЭ. А это, по ленинской классификации, чистейший идеализм, очень смахивающий на гегельянство и даже на «поповщину».

Среди книг, которые Сталин в течение жизни несколько раз перечитывал, была работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Когда в 1935 году она в очередной раз была

издана в составе второго издания собрания сочинений Ленина, Сталин трижды прошелся по ее страницам с карандашом в руке. Как известно, Ленин считал: главное отличие между материализмом и идеализмом заключено в представлениях о том, что первично: материя или дух? При этом Ленин опирался на материалистические воззрения Маркса и Энгельса. На одной из страниц Ленин процитировал фразу Энгельса из работы «Людвиг Фейербах», а Сталин подчеркнул в ней: «Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи»^[544]. Точно так же он проштудировал таблицу, заимствованную Лениным из работы Геккеля, в которой сопоставлялась «монистическая теория познания» и «дуалистическая теория познания»^[545]. Особо отметил слова Ленина: «Идеализм есть поповщина»^[546]. Поэтому для публичного большевика-материалиста Сталина все сомнения давно были разрешены — «только идеалисты могут говорить о мышлении... без языка». Но наедине он мог позволить себе поразмышлять в русле идеалистического (евангельского) дуализма — а не является ли «язык материей духа», то есть дух являет себя в слове, которое было у Бога и которое было Бог (Иоанн)? Его публичная интеллектуальная и интимная духовная жизнь была столь же расщеплена и двулична, как язык его публичных высказываний и истинное содержание мышления.

Марр действительно заявлял о возможности и даже естественности мышления вне языковых форм. При жизни эти его высказывания выслушивали отчужденно и чаще — молча, а Марр, как всегда, обижался, не способный толком объяснить, что он имеет в виду и как же это возможно. Но вот в 1923 году в Германии начинает выходить трехтомная монография ученика Эдмунда Гуссерля известного философа Эрнста Кассирера «Философия символических форм». В 1925 году вышел второй том, а в 1929 году — последний. На русский язык книга была переведена только в 2002 году^[547]. В 1926 году Марр знакомится по немецкому подлиннику со второй книгой Кассирера, посвященной языку в широком смысле слова, как различным символическим формам общечеловеческого мышления, и спешит поделиться своими впечатлениями с академическими собратьями: «В последнее время мы обрели, казалось бы, союзника в лице известного немецкого ученого философа Кассирера (Cassirer), поставившего совершенно конкретно вопрос о происхождении языка, не в пример языковедам-индоевропеистам, как научную проблему.

Совершенно неожиданно для нас и независимо от нас, в его построении яфетическая теория получает поразительное подтверждение целого ряда своих положений, вплоть до одинаковой их формулировки и тождественности терминов, но и у него мы не находим вовсе внимания к социальному моменту в той мере, в какой вынуждают нас его утверждать чисто языковые факты и наблюдения. У нас возникает сомнение, может ли воспринять философ-кантианец, тем более новокантианец, яфетическое учение об языке с признанием массовой общности, как основного творческого фактора?»^[548]

Имя Кассирера стало известно российской научной общественности еще в 1912 году после публикации перевода его первой значительной работы «Познание и действительность»^[549]. Возможно, Марр ее читал и отсюда характеристика философа — «новокантианец». В 1922 году на русский язык была переведена еще одна книга Кассирера «Теория относительности Эйнштейна», но эти проблемы Марра, кажется, не волновали^[550]. Марр не раз ездил в Европу с докладами и до революции, и после нее, особенно часто во Францию и Германию. Издал некоторые свои труды на французском и немецком языках. Среди его непримиримых официальных оппонентов был известный французский лингвист А. Мейе, жестко критиковавший Марра в зарубежной печати, чьи работы даже в те годы публиковались в Советской России. Тогда же против Марра, помимо Е.Д. Поливанова в России и А. Мейе в Европе, выступил очень талантливый их младший современник, эмигрировавший в Чехословакию князь Н.С. Трубецкой. Как и Марр, он стал заниматься кавказскими, славянскими и другими контактными с ними языками. Как и Марр, он разработал собственные универсальные способы передачи на письме звуков речи и основал новое научное направление — фонологию. Позже Кассирер высоко оценил фонологию Трубецкого^[551] и исследования другого выдающегося лингвиста родом из России — Романа Jakobsona, также негативно оценивавшего труды Марра. Судя по некоторым косвенным признакам, Кассирер мог быть знаком с переводными работами Марра или хотя бы иметь о них общее представление. Трубецкой, в отличие от Марра и примерно так же, как Поливанов, не пытался пересмотреть достижения компаративистики и не порывал с фундаментальными идеями индоевропеизма, а, напротив, развивал их на все еще новом тогда языковом материале славянских и кавказских языков. Он открыто

заявил, что поставил перед собой цель, систематически изучив традиционным сравнительно-историческим методом языки Кавказа, отместить все претензии яфетической теории Марра^[552]. Мне кажется, что попытка не во всем ему удалась, но эта тема для особого рассмотрения специалистами. Во всяком случае, Трубецкой, как и Марр, не только пришел к открытию на Кавказе, в России, на Балканах представителей различных и отдаленных языковых семей, но он обнаружил новое явление — исторически сложившиеся общности языков, не состоящих в родстве, но зримо идущих к «схождению». Думаю, что здесь прослеживается не только негативное, но и позитивное воздействие взглядов Марра, на работы которого князь иногда ссылался.

Важно отметить то, что в «Философии символических форм» Кассирера академик Марр действительно обнаружил много созвучного своим взглядам. В отличие от Сталина с его наивно-прагматическим утверждением, что человек мыслит «лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз», Кассирер говорил, что человек мыслит (и тем отличается от животных) символическими формами, а не словами и фразами. Знаковыми же системами, то есть сигналами своего «языка», пользуются и животные. Человек использует сразу множество знаковых систем (языков) для оформления всего разнообразия символического мира своего мышления. Человек мыслит не словами и не значениями, которые он вкладывает в слова и в другие семиотические системы. Он мыслит образами, или, как утверждал несколько раньше Кассирера известный социал-демократический деятель П. Юшкевич, человек мыслит «иероглифами». Ленин написал свою известную книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в том числе и для того, чтобы опровергнуть Юшкевича и близкого ему по взглядам А.А. Богданова. Кстати, когда Богданов после революции попытался обосновать свою концепцию происхождения общечеловеческого языка, Марр по ее поводу написал небольшую разгромную статью^[553]. Впрочем, много раньше их идею о том, что человек мыслит «именами» или «иероглифами», высказывал в общей форме Гегель^[554], а до него Вико. По свидетельству же Ветхого Завета, много раньше всех земных мудрецов Бог надумал Адама наделить все окружающее «именами». Библейское «имя» — это не знак, имя — это эйдос, образ. Так что в этом вопросе Марр находился в русле

мощнейшей религиозной, научной и культурной традиции, никак не вписывающейся в ленинскую полярную классификацию. Кассирер утверждал, что не только известные способы передачи информации: жест, мимика, фонетический язык, но все явления культуры: мифология, религия, искусство, история, наука и т. д. — есть различные системы одного и того же порядка, форматирующие мысль^[555]. Поэтому «язык и мышление» не могут быть сведены лишь к фонетическому языку и связанной с ним одной из форм воплощения мышления. При всем качественном разнообразии и даже противоположности функционирования символических форм у них единая основа — символизация. Так что в 1926 году Марр не случайно упомянул Кассирера. (Не могу не отметить также, что младший современник Марра, основоположник современной культурологи американец Лесли Уайт заложил ее теоретические основы на базе той же самой способности человечества к тотальной «символизации»^[556].) Но усложненно излагая отдельные глубокие мысли и провидческие догадки и даже собирая оригинальные концептуальные конструкции, Марр так и не создал систематической, хорошо обоснованной и понятно изложенной общей философии языка, мышления и материальной культуры. Сталин был прав, когда написал, что Марр «пытался создать самостоятельную теорию языка». Но он был не прав, когда заявил, что это у него не получилось из-за методологических и идейных пороков и ошибок. Парадоксально, но факт — главным пороком научных воззрений лингвиста Марра была его неспособность изъясняться обыденным русским языком и хотя бы раз систематически изложить все элементы своей философии языка, мышления и культуры. В его архиве находятся зримые следы безуспешных попыток соединить собственные труды в некую целостность. Все, что он смог сделать, — это механически объединить разные работы разных лет в некий лекционный конгломерат.

Однако концепция Марра не исчерпывается одними аспектами языка. Не меньшее значение он придавал данным археологии, этнографии, фольклористики, истории и других наук о человеке. Не случайно Сталин не дал выступить по ходу дискуссии специалистам этих областей знания, ограничив ее лингвистами и одним малозначительным историком. Между тем концепция Марра была сильна именно своей междисциплинарностью. И как только ее

ограничивают одним лингвистическим аспектом, она теряет смысл. Смысл же ее — в попытке раскрыть величайшую тайну — принципы и этапы становления человеческого мышления, выражаемого символическими формами. Объективная оценка этих сторон концепции Марра до сих пор не дана, и она ни разу не рассматривалась системно. Рассмотрим ее подробнее в последующих разделах, имея при этом в виду, что я не являюсь ни идейным сторонником, ни научным противником Марра или других ученых, упомянутых здесь. Излагая и частично адаптируя различные философские воззрения на язык и мышление, я даже не пытаюсь ставить вопрос об их истинности или ложности. Но своего личного отношения к историческим героям этих очерков скрывать не могу.

На оставшиеся три вопроса Крашенинниковой Сталин ответил очень кратко и в том же смысле, как он это сделал в первой статье. Она опять ставила вопрос о реальности классового расслоения национальных языков, о характеристике Марра как вульгаризатора марксизма и его скрытом идеализме, о формализме присущей «школе Марра», приведшего к губительному застою в советском языкознании. Здесь заслуживает внимания только одна деталь, которой нет в первой статье. Отвечая на вопрос о классовом характере языка (о чем свидетельствуют специфические слова и выражения), Сталин для большей убедительности заявил, что таких слов «до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала»^[557]. Кто и как подсчитал этот процент, откуда он почерпнул цифру или кто ее дал Сталину, мне установить не удалось. Над изложением этого вопроса он также поработал усердно. Кроме того, в последнем варианте статьи Сталин «диалектически» после положительных слов: «Да, классы влияют на язык, вносят свои слова и выражения» — добавил негативный пассаж: «Из этого, однако, не следует, что специфические слова и выражения, равно как различие в семантике, могут иметь серьезное значение для развития единого общенародного языка, что они способны ослабить его значение или изменить его характер»^[558]. В той же «диалектической» (точнее — в схоластической) манере составил и ответ на последний вопрос аспирантки, следя за тем, чтобы положительные формулировки по отношению к отдельным «хорошо, талантливо написанным» произведениям Марра не смягчили общей резко отрицательной оценки

его научного наследия^[559]. Наконец, в отличие от первой публикации Сталин более жестко охарактеризовал «аракчеевский режим» и «теоретические прорехи в языкознании», прямо указав, что «ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании»^[560]. Для пущей убедительности Сталин, как три гвоздя подряд, «забил» три однокоренных слова в эту заключительную фразу своей статьи.

Закончив работу над ответом Крашенинниковой, Сталин 29 июня 1950 года поручил Поскребышеву направить очередное уведомление членам Политбюро:

«Строго секретно.

29 июня 1950 г.

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

По поручению т. Сталина посылаются Вам для сведения ответы тов. Сталина И.В. на вопросы тов. Крашенинниковой (преподавателя Московского городского педагогического института имени Потемкина) в области языкознания.

Зав. особым сектором ЦК ВКП(б)

А. Поскребышев»^[561].

Ответы были опубликованы в «Правде» 4 июля 1950 года под заглавием «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой». На следующий день уже не аспирантка, а преподаватель направила академику Сталину еще одно письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

От всего сердца благодарю Вас за то, что Вы ответили на мои вопросы. Ваши ответы явились еще одним вкладом в науку о языке и наряду с Вашей статьей „Относительно марксизма в языкознании“ лягут в основу советского языкознания.

Я думаю, что выражу мнение всех наших молодых лингвистов, сказав, что в благодарность за Ваше внимание мы

отдадим все наши силы и способности делу развития советской науки о языке.

Что касается меня лично, то я обещаю Вам осенью этого года дописать и защитить свою кандидатскую диссертацию.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, за Вашу заботу о науке и пожелать Вам бодрости, здоровья и долгих, долгих лет жизни.

5. VII.50 г.

Е. Крашенинникова»[\[562\]](#).

А через месяц Сталин вызвал тень Марра на языковедческое ристалище в очередной, третий раз.

Глава 9. Языки и мышление

«Ответ тов. Санжееву», или О языке «от папы и мамы»

Итак, полемика в «Правде» закончилась. Об этом было ясно заявлено редакцией в последнем дискуссионном листке. Процесс вызволения советской лингвистики из трясины «застоя» начался немедленно после первого сталинского выступления. По давно отработанному сценарию разворачивалась работа по выявлению и разоблачению «марристов» в различных областях знания и организации локальных дискуссий в научных учреждениях. Б.Б. Пиотровский, один из тех, кого тогда понуждали каяться, позже вспоминал: «После выступления И.В. Сталина И.И. Мещанинов стал „исправлять“ недостатки в советском языкознании, а для других учеников Марра наступило трудное время, от них решительно стали требовать самокритики»^[563]. Однако позабудем на какое-то время о водовороте страстей, вынужденных или сознательно совершенных сомнительных поступках, о разрушенных в одночасье личных судьбах и так же быстро воздвигнутых научных и административных карьерах. Позабудем обо всем этом на какое-то время и последуем за Сталиным как за главным источником лингво-социальных протуберанцев.

В «Правду» и на имя Сталина в Кремль стали поступать письма с безусловным одобрением всего того, что он написал. Новый титул — «корифей языкознания» — сам собой добавился к другим многочисленным титулам «отца народов». Но были среди писем и такие, в которых содержалась толика сомнений или едва заметная двусмысленность, а в иных проводились неуместные сопоставления современных высказываний вождя с теми, что были сделаны им ранее. Скорее всего, по его прямому указанию помощники эти письма отслеживали. Отвечая, Сталин несколько раз упомянул, что письма были переданы ему «из аппарата ЦК»^[564]. Отобрав несколько таких писем и подготовив ответы, Сталин, по заведенному им порядку, известил товарищей по руководству о своем очередном выступлении^[565]. А 31 июля 1950 года он опубликовал новые «Ответы» на вопросы четырех корреспондентов — Г. Санжеева, Д. Белкина, С. Фурера, А. Холопова — сначала в журнале «Большевик» в № 14, а

2 августа та же подборка появилась на страницах «Правды». Несмотря на большой тираж «Большевика», аудитория «Правды» была все же много внушительней. Огромная масса людей вновь вовлекалась в обсуждение, казалось бы, далеких от повседневной жизни, сугубо философских и специальных научных проблем. Но еще первые большевистские вожди, из среды которых вышел и Сталин, приучили свой народ к тому, что от самого абстрактного слова до самого практического и часто тяжелого дела расстояние должно быть минимальным. Подлинную же суть происходящего понимали, конечно, не все. Вопросы, к которым он счел нужным вернуться в очередной раз, относились к проблемам: о соотношении диалектов и национального языка, о взаимоотношениях языка и мышления в связи с «языком жестов» и эволюции взглядов самого Сталина в промежутке от 30-х к 50-м годам.

Первое, самое коротенькое письмо профессора Г.Д. Санжеева не содержало явной критики. Написал его специалист в области монгольских и бурят-монгольских языков, участник дискуссии, благожелательно помянутый Сталиным в предыдущей статье. В обращении к вождю, поступившем в его канцелярию 30 июня 1950 года, Санжеев почтительно попросил подробнее изложить сталинское мнение о роли диалектов и жаргонов в формировании национальных языков:

«Как и все языковеды нашей родины, я с большим волнением и восторгом продолжаю изучать Вашу работу „Относительно марксизма в языкознании“. Особенно рад тому, что Вы одобрили наше стремление изучать семьи родственных языков. К сожалению, среди некоторых языковедов и после появления Вашей работы продолжают иметь место такого рода шатания, которые смогут снова затормозить плодотворность наших усилий в области сравнительного языкознания, ибо ревнители аракчеевского режима, созданного в языкознании, постараются, возможно, проявить себя и тут.

В связи с этим я хотел бы обратиться к Вам с просьбой, разъяснить следующие вопросы, хотя, конечно, мне совестно утруждать Вас нашими мелочами.

1. Правильно ли я думаю, что Ваше положение о невозможности развития диалектов и жаргонов в самостоятельные языки, безусловно, относятся только к „классовым“ диалектам и жаргонам.

2. Правильно ли я думаю, что в условиях, когда „племена и народности дробились и расходились“, соответственно могут дробиться и расходиться языки и диалекты, а из последних иногда могут получиться самостоятельные языки, как это, по-видимому, случилось с многочисленными диалектами некогда одного монгольского языка, которые около XVII–XVIII вв. дали начало образованию современных монгольских языков (бурятского, халхаского, или собственно монгольского, и ойратского или калмыцкого)?

3. Иными словами, правильно ли я думаю, что согласно положения Вашей статьи не следует территориальные диалекты смешивать с „классовыми“ и что закономерность развития этих различных диалектов тоже различна?

Проф. Г. Санжеев.

Москва, 29 июля 1950 г.»^[566].

Сталин написал ответ кратко и почти без поправок:

«Товарищу Санжееву.

Уважаемый товарищ **Санжеев** !

Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, так как только вчера передали мне Ваше письмо из аппарата ЦК.

Вы безусловно правильно толкуете мою позицию в вопросе о диалектах.

„Классовые“ диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки.

Диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический

строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь“) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самостоятельность, вливаются в эти языки и исчезают в них.

Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке, оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком.

1950 г. 11 июля»^[567].

Напомню, на особой роли «классовых» составляющих национального языка настаивал Марр. Он же считал, что наличие множества диалектов одного языка подкрепляет его теорию формирования общенационального языка в результате процессов их «расхождения» и их «схождения», то есть скрещения, при котором ни один из диалектов или языков, в нем участвующих, не выходит победителем. При этом языки (диалекты), этносы и культуры никогда генетически не совпадают. Марр мыслил в масштабе истории всего человечества, значительными хронологическими категориями с использованием данных антропологии, археологии и этнологии его времени. Он не был ограничен советскими философскими установками, не ставшими еще догмами, хотя после революции искренне пытался пользоваться ими, найдя в них «многое себе созвучное». Сталин же опирался на здравый смысл, на сведения, почерпнутые из школьных учебников советской и зарубежной истории, на самостоятельно освоенную в зрелые годы марксистскую литературу и на консультации лингвистов консервативного крыла. Своей любимой

наукой — историей — он интересовался только в ее социально-политическом аспекте. Его знания доисторической древности человечества не выходили за рамки полученных еще в 80-х годах XIX века в Тифлисской духовной семинарии и из современной учебной и справочной литературы.

В 1952 году Санжеев опубликовал обширную статью в сборнике, предназначенном в качестве учебного пособия для студентов МГУ, в которой развивал идеи, изложенные Сталиным в адресованном ему письме. Опустим не нуждающиеся в объяснении комплиментарные части статьи. Повторяя раз за разом основополагающие лингвистические установки вождя о стабильности «структуры», «грамматического строя» и «основного словарного фонда» языка, Санжеев воспроизвел вывод своего респондента: «Итак, в структурном отношении национальный язык существенно и принципиально не отличается от языков — родового, племенного и народности». Во всех этих случаях язык «есть орудие общения людей, орудие борьбы и развития общества»^[568]. Вслед за Сталиным там же отмечал, что жаргоны, «не имеющие своего грамматического строя», есть «общественно-бесполезные или даже вредные ответвления от общенародного языка»^[569]. Здесь, пожалуй, следует чуть задержаться и обратить внимание читателя на то, что, не говоря открыто, все участники событий понимали после политических кампаний конца 40-х годов, что под «жаргоном» понимался не столько язык классовый, предположим аристократии, уже давно уничтоженной и говорившей к тому же не только на аристократическом жаргоне родного языка, но и на иностранном языке, как на родном. Санжеев имел в виду не профессиональный жаргон советской бюрократии или «блатной» язык лагерей и тюрем. В эпоху борьбы с «безродным космополитизмом» под «общественно-бесполезным или даже вредным ответвлением от общенародного языка» в первую очередь подразумевались идиш и южнорусский (одесский) говор. В течение нескольких десятилетий работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» входила в обязательный круг чтения чуть ли не всего грамотного населения СССР. А там, как мы помним, на первых же ее страницах можно было прочитать: «Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло да того, что „празднование субботы“ и „признание

жаргона“ объявил он боевым пунктом своей избирательной кампании»^[570]. Так что слова «жаргон», «еврейский национализм» и «безродный космополитизм» сошлись в послевоенном общественном сознании в единый семантический «пучок». В пропагандистском языке-коде послевоенной эпохи одно подразумевало другое. В этом смысле и Санжеев помянул недобрым словом «безродный космополитизм», добавив: «С жаргонами нельзя смешивать профессиональные языки, канцелярские, письменные языки, церковные, латынь, арабский как языки науки и религии... диалекты же и говоры являются местными или территориальными ответвлениями»^[571].

Санжеев, как и многие из тех, кто после завершения дискуссии приступил к интерпретации языковедческих трудов Сталина, вынужден был их корректировать почти по всем основополагающим пунктам, но старался это делать так, чтобы, явно не критикуя вождя, по сути, все же подправлять его грубые ляпсусы. Сталин в своих статьях несколько раз заявлял, что в основу русского языка лег орловско-курский диалект. Спустя тридцать лет известный лингвист В.А. Звегинцев по этому поводу дал следующий комментарий: «Работа Сталина не обошлась без очевидных ляпсусов, когда он касался собственно специальных проблем. Так, он привел в полную растерянность русистов, когда объявил, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект»^[572]. Справедливости ради добавим, что в целом языковедческие публикации Сталина с научной точки зрения — один большой ляпсус. А вот с точки зрения политической — очередная многоходовая комбинация, преследующая сразу несколько внутренних и внешних целей. Санжеев (так же как Виноградов и Черных в последискуссионных работах), не уставая повторять сталинский тезис об курско-орловском диалекте, все же позволил себе напомнить исторический факт — решающую роль в формировании общенационального языка играет не какой-либо один диалект, а синтезированный язык крупных городов, и чаще всего язык столиц. В периоды централизации в столичные города стихийно стекаются представители всех диалектов и говоров, а в многонациональном государстве — и носители других языков. Именно там формируются нормы, которые затем распространяются на все государство. Ясно, что это диктуется нуждами государственного управления и делопроизводства, армии, рынка, а достигается с помощью

унифицированных систем образования, массовых средств информации, деятельностью учреждений общенациональной культуры, науки и т. д. Так на базе многих диалектов и других компонентов, формируется, как и утверждал Марр, особый общенациональный язык. Не случайно бывший правове́рный «марри́ст» Санжеев писал, что установить, какой конкретно диалект исторически лег в основу общенационального языка, невозможно. Другое дело, когда новописьменным народам СССР власти свыше указали на тот или иной диалект как на основной^[573]. Не думаю, что Сталин не понимал разницы между естественно-историческим процессом образования национального языка и указным, искусственным.

Никаких «победителей» и никакой преемственности по восходящей линии от родового к племенному, а от него к современному национальному языку не может быть. Марр насмешничал, говоря, что эти представления подобны «генеалогическим построениям по типу „родословия от папы и мамы“»^[574]. Кстати, многие генеалогические модели происхождения языков внутренне как бы подразумевают, что языковые семьи восходят в конечном счете к реальным человеческим парам или к родственным семьям. В Средние века и вплоть до конца XVIII века для обоснования подобных генеалогий искали опору в библейских текстах и в особенности в библейских генеалогиях, а затем уже в конкретном этнографическом и языковом материале. Но, как мы знаем, Ветхий и Новый Завет говорят об источнике происхождения языка совершенно иное. И Марр до революции использовал библейскую терминологию в индоевропейской интерпретации, но затем, совсем не случайно, отказался от нее. Марр был прав, указывая на то, что национальные языки сложились исторически недавно, делая при этом справедливые отсылки к Ленину, связавшим формирование нации с развитием крупных промышленных городов и складыванием единого рынка централизованного государства. Санжеев, напомнив об очевидной роли столиц — Парижа, Токио, Москвы — в формировании общенациональных языков путем смешения диалектов, лавируя между высказываниями Сталина 1950 года и истиной, подвел итог: «Можно думать, что, например, так называемый московский говор и является именно одним из говоров и авангардом курско-орловского диалекта, наиболее выдвинувшимся вперед в силу исключительной роли Москвы в истории русского народа, который вобрал в себя лучшие элементы

прочих говоров как курско-орловского диалекта, так и других русских диалектов. Именно в Москве курско-орловский диалект подвергся соответствующей обработке в течение длительного времени»^[575]. Мне кажется, рассуждения о «лучших» и «худших» элементах по отношению к языку вообще лишено научного смысла и почти всегда имеет конъюнктурный оттенок. Старейшим большинством новояз, молодежный сленг, всегда воспринимается негативно. А вот недавно научившиеся говорить и мыслить новые поколения, не утратившие еще способностей к языкотворчеству, многое воспринимают как естественное развитие своего родного языка и культуры. В любом обществе идет бесконечная борьба «отцов и детей», в результате которой одновременно и развивается, и консервируется **«материя» духа**.

* * *

Возвращаясь к ответу Сталина Санжееву, напомним, что последний был специалистом в области монгольского и бурятского языков. Из «Ответа» видно, что Сталин об этом знал и даже каким-то образом, пусть и поверхностно, ориентировался в современной ситуации с монгольскими языками. Это наводит на мысль, что письменное обращение Санжеева могло быть также инспирировано самим Сталиным или теми, кто ему помогал. Но я совершенно точно знаю, что Сталин в силу государственной необходимости постоянно обращался к справочной и исторической литературе перед тем, как решать важные политические, дипломатические, военные или иные задачи в том или ином регионе земного шара. В его время Монгольская Народная Республика была даже не политическим сателлитом СССР, а фактически его составной частью, чуть приукрашенной суверенной символикой. В архиве Сталина есть материалы, которые весьма убедительно показывают, как Сталин и его наркомы сажали, снимали и уничтожали руководителей этой республики, служившей как бы моделью для обращения с руководителями стран будущего «социалистического лагеря». До войны Сталин последовательно уничтожил нескольких лидеров МНР, пока не остановился на Ю. Цеденбале. Поэтому вождь имел неплохое представление не только о

политической ситуации в МНР, но и о ее экономике, культуре, этнографии, истории. Очень кратко обо всем этом говорилось в одном из томов БСЭ, вышедшем в 1938 году, где, в частности, упоминалось и имя профессора Санжеева как крупнейшего специалиста-монголоведа. Не могу не отметить, что одним из тех исторических героев древности, о которых Сталин отзывался в высшей степени положительно, был Чингизхан.

Особенно примечательно то, что в письме Санжееву, известному специалисту именно в монгольских языках, Сталин без тени смущения поучающе указал на современные монгольские диалекты в качестве примера «распада» некогда единого языка. Судя по «ответу» Санжеева на «Ответ» академика Сталина, профессор был человеком тонкого ума. В промежутках между комплиментарными фразами он упомянул об административном введении русского алфавита взамен древней системы «вертикального письма»^[576]. Двусмысленно в одном абзаце сказал о вредном влиянии чужой речи и языка вообще и о положительном воздействии на монгольский язык «передового русского языка»^[577]. Затем обрисовал сложную историко-лингвистическую ситуацию: «Своеобразное положение сложилось в Монголии маньчжурского периода (XVII–XIX вв.), где церковным языком издавна был тибетский (с XIV в.), официально-канцелярским преимущественно маньчжурский (особенно в VIII–XIX вв.), письменным — классическо-монгольский, в основу которого лег один из монгольских диалектов XII–XIII вв., а народно-разговорным языком — халхаский диалект»^[578]. Он сообщил, что во время войны 1941–1945 годов была предпринята попытка упростить языковую ситуацию в стране вводом русской графики для «оформления нового, современного монгольского литературного языка»^[579]. Но, отмечал Санжеев, реформа мало что решила: «Практически получается, таким образом, что монголы и буряты за последние послереволюционные годы перешли не со старых литературных языков на новые, а только со старого алфавита на новые, созданные на основе русской графики»^[580]. Иначе говоря, вместо сближения языка и письменности, их демократизации, ничего не решив, получили дополнительные проблемы для различных поколений монгольского народа. В сходном положении оказались и другие ранее реформированные языки и письменность некоторых народов СССР, перешедших, в частности, с арабской письменности на

кириллицу. Как показывает история культуры некоторых народов СССР, такие «перебивки» в графике могут быть не только бесполезны, но и вести к частичной потере культурной преемственности.

Расистские и нацистские интерпретации происхождения языка и нации

Мы подошли к главному пункту всей лингвистической эпопеи, не утратившему эмоциональной остроты и в наше время. Сталин не мог не знать ни в 30-х, ни тем более в послевоенных 50-х годах о расистских и националистических тенденциях в западноевропейской науке второй половины XIX — первой половины XX века, в конечном счете вылившихся в расовую политику фашистских и национал-социалистических режимов. Этот вопрос требует особого и более тщательного рассмотрения именно в связи с марровским «новым учением о языке» и в контексте инициированной Сталиным лингвистической дискуссии 1950 года. Напомним также, что Сталин, редактируя статью Чикобавы, особое внимание уделил вопросам взаимоотношений расовой теории, интернационализма, индоевропеизма и «нового учения о языке». И они действительно имеют некое общее поле проблем. Поскольку имя Марра ассоциировалось с интернационалистическими идеями, борьба на «языкофронте» 1950 годов фактически была направлена против них. Отметим, что одной из проблем, бурно обсуждавшейся в конце XIX — начале XX столетия, была проблема биологической взаимосвязанности нации, языка и культуры и оценки факторов чистоты или ассимиляции, гибридизации и метисизации с другими нациями, языками, культурами. В зависимости от позиции по отношению к «расовой проблеме» приоритет отдавался или биологическому, или социальному факторам.

Фундаментальные проблемы происхождения народов, проблемы общей генетики и селекции будоражили умы не только биологов и антропологов, но и психологов, социологов, политиков, публицистов, историков. Книги Г. Лебона и Г.С. Чамберлена ^[24], заложившие основы «расовой теории», широко издавались до революции и в России ^[581]. Близких к ним взглядов придерживались и некоторые русские деятели XIX века, в частности некоторые народники. Ленин в ранней работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократии?» с характерным сарказмом прокомментировал одну из отечественных разновидностей теории происхождения наций: «Итак,

национальные связи — это продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности, гласит эта доктрина прописей, состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, дескать, семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство». Сталин, повторив в 1929 году основные положения своей дореволюционной национальной доктрины, процитировал этот ленинский текст^[582].

Марр хорошо был знаком со всем кругом проблем и аргументацией представителей расистского направления в культурологии и лингвистике его времени, в том числе и по первоисточникам. Это видно при знакомстве с его работами. Я уже упоминал, что выдающийся генетик-ботаник XX века Н.И. Вавилов проводил свои широкомасштабные исследования происхождения и распространения культурных растений в значительной степени под влиянием этно-лингвистических идей и аналогичных путешествий Марра. Сохранилось его письмо Марру от 9 февраля 1923 года, имеющее прямое отношение к рассматриваемой теме:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

В отделе прикладной ботаники и селекции С.-Х. ученого комитета в Петрограде (Морская, 44) мы очень интересуемся изучением вопроса происхождения и географии культурных растений. Главным образом мы подходим к этому вопросу чисто ботанически, но нередко для выяснения генезиса культурных растений много дает лингвистический метод.

Узнав от проф. Берга и от некоторых из ваших учеников о Вашем интересе к вопросам происхождения культурных растений, мне хотелось бы быть Вам, во-первых, полезным в деле выяснения некоторых ботанических затруднений, которые у Вас могут встретиться, а затем, в свою очередь, обсудить с Вами некоторые из интересующих нас проблем. Между прочим, одно из растений, которое нас очень интересует, это вид пшеницы Тритикум дикоккум, вид вымирающий, возделывавшийся прежде в большом количестве, в особенности в Египте, в Малой Азии и в настоящее время сохранившийся в культуре только в Среднем Поволжье у чувашей, мордвы, отчасти татар, в Сербии, у

армян в Армении, на Кавказе и в Персии и у басков в Испании. Этот же хлеб возделывается в Абиссинии. Словом, остались отдельные пятна культуры, связанные с народностями. Сорты, возделываемые этими народностями, ботанически довольно хорошо различимы. Например, формы, возделываемые чувашами, мордвою, ближе к формам закавказским, армянским... Бесспорно интереснейший факт то, что эта дренажная культура связана с этнографическим составом. Распространение полбы определенно связано с распространением чувашей, мордвы и татар. Я послал Вам несколько месяцев тому назад свою работу о происхождении ржи, в которой лингвистический метод помог расшифровать одну сложную задачу. Лингвистический метод оказался при этом особенно ценным... Если бы Вас заинтересовала по приезду в Петроград эта область, был бы очень рад поделиться с Вами тем, над чем работаем.

Искренне уважающий Вас

Вавилов»^[583].

Нетрудно заметить, что этносы, перечисляемые Вавиловым в связи с распространением определенных видов культурных растений, совпадают с яфетическими племенами по классификации Марра. Кроме того, Вавилов сообщает об удачном использовании результатов лингвистического анализа названий культурных растений перечисленных народов, проведенный методами Марра. Исследователи научного наследия Н.И. Вавилова В.Д. Есаков и Е.С. Левина пишут: «Нам не удалось выяснить, получил ли Н.Я. Марр это письмо. Обеспокоенный задержкой ответа, Н.И. Вавилов 18 мая 1923 г. направляет ему повторное письмо аналогичного содержания, которое возвращается отправителю и содержит пометку „пришло обратно 10. VI. 25“. Очевидно, письма уже застали Н.Я. Марра в Париже. Можно предположить, что этот вопрос был обсужден Н.И. Вавиловым во время личной встречи ученых после возвращения Н.Я. Марра из заграничной командировки. Во время экспедиции в страны Средиземноморья в 1927 году Н.И. Вавилов побывал в Испании, специально посетив Басконию, и установил агрономически и ботанически поразительную связь Северной Испании с Грузией. „Я вспоминаю, — писал

Н.И. Вавилов, — с каким волнением слушал академик Н.Я. Марр наш рассказ об этом“. Выводы Н.И. Вавилова, положенные в основу теории о происхождении культурных растений, широко использовались и используются этнографами и лингвистами». Не имея возможности рассмотреть эти работы подробнее, я отсылаю к источникам^[584]. Думаю, что дополнительного изучения требует и вопрос взаимосвязи вавиловской теории генезиса культурных растений с марровской этнолингвистической теорией. Остается открытым вопрос: понимал ли эту связь Сталин, без видимых причин уничтоживший великого советского генетика в канун войны?

Сталин с середины 20-х годов следил за расовой и национальной проблемой в «арийской» интерпретации, правда, не столько за этническим и лингвистическим, сколько за ее политическим аспектом. Став Генеральным секретарем партии, он интересовался этой проблемой уже не только как специалист по национальному вопросу, но и как ведущий государственный деятель. До войны проявлял интерес к переводной литературе об итальянских фашистах, а позже к некоторым писаниям национал-социалистических вождей и к литературе о них. Явные следы этого интереса сохранились в его библиотеке и на книге Гитлера «Майн кампф». И после победоносной войны он продолжал интересоваться личностью Гитлера и национал-социализмом^[585]. Кратко отметим, что с точки зрения расхожих расистских теорий того времени арийские племена, или, как особо подчеркивалось в немецкой лингвистической литературе — «индогерманские» племена, являются прародителями индоевропейских языков. При этом они сохраняют основной этнический фонд, самобытную племенную культуру и бессмертный «дух» арийской крови, ставший двигателем общечеловеческого прогресса. Большинство других национальных культур считались вторичными, деградирующими продуктами низшего сорта, поскольку они возникли в результате расового и национального смешения, поверхностного заимствования, подражания и даже паразитирования. Как утверждал Г. Чемберлен, а затем и А. Розенберг, для современных «арийцев» главная опасность исходит от евреев, которые, сами являясь продуктом давнего смешения семитических и арийских племен, обитают ныне в Европе, в недрах германской расы, стремясь сознательно разрушить ее этническую, языковую и культурную чистоту^[586]. Как известно, в фашистской Германии наряду

с расовыми законами, защищавшими «чистоту» крови, был принят закон о защите чистоты немецкого языка. Недавно одноименный закон был принят и в России. Культурологическая теория Марра от начала и до конца была антирасистской^[587], что особенно подчеркивали его вольные и невольные сторонники, особенно в годы открытой борьбы с фашизмом. То, что его теория происхождения языка и мышления оценивалась именно так, а выступление Сталина в 1950 году воспринималось последователями Марра как неожиданная доморощенная интерпретация расистских идей, видно из воспоминаний Б.Б. Пиотровского. События происходят вскоре после завершения языковедческой дискуссии, между 1950 и 1951 годами: «Осенью с участием инструктора Дзержинского райкома партии т. Богдановой, довольно плохо разбиравшейся в науке, были проведены заседания, на которых выступал я с критикой индоевропеизма, но мне это ставили в вину, считая, что я защищаю Марра. Перехлест в обсуждении „нового учения языкознания“ привел к возврату давно отживших, чуждых марксизму теорий... Основное обвинение в мой адрес заключалось в том, что я выступаю против индоевропеизма и индогерманизма, то есть якобы против выступления И.В. Сталина... На другой день я пошел к тов. Веткину (партийный ленинградский деятель. — *Б.И.*), в его кабинете на полке стояла советская энциклопедия, и я предложил ему посмотреть в ней статьи „индоевропеизм“ и „индогерманизм“ (тогда еще синих томов на букву „И“ не было [то есть второго издания БСЭ. — *Б.И.*]). Он прочел статьи и остолбенел. Я ему рассказал о листовках, которые сбрасывали фашисты армянским подразделениям Таманской дивизии, в них армяне считались чуждым для Кавказа народом. Он слушал, слушал и, наконец, спросил: „Так в чем же дело?“ Я осмелел и сказал: „Ведь вы же сами констатируете в институте низкий уровень идеологической работы“. Когда мы с ним прощались, он сказал одно слово: „Интересно...“»^[588]

Что же интересного нашел тов. Веткин в БСЭ? Заглянем и мы в двадцать восьмой том Советской энциклопедии первого издания, вышедшего в 1937 году (через три года после смерти Марра), в который, как я убежден, и Сталин заглянул в 1950 году.

Там, в частности, разъяснялось, кто такие «индоевропейцы», «индогерманцы» и говорилось о соответствующим им «пранароде» и

«праязыке»: «Индоевропейские, индогерманские, ариоевропейские, протоеидские, представляют весьма многочисленную группу языков, распространенных в большей части Индии, Ирана, Закавказья, Средней Азии, почти во всей Европе, путем колонизации, в Америке, а также в значительной области Азии, Африки, Австралии, Океании»^[589]. Здесь же помещена карта мира, иллюстрирующая распространение современных индоевропейских языков. Говорилось о сложностях с идентификацией армянского и хеттского языков как представителей этой семьи. В особой словарной статье объяснялось, что «индоевропейский праязык, гипотетическая конструкция, созданная буржуазным языковедением XIX в. на основе наблюдаемых сходжений древнеписьменных индоевропейских языков... Конструкция не имеет никакой исторической реальности, и всякая попытка оперировать с И.-е. п., как с действительно существующим языком, ведет к тягчайшим заблуждениям и искажению исторической действительности. Особенно усугубляются эти заблуждения, когда к И.-е. п. начинают причислять индоевропейский „пранарод“ с его „прародиной“»^[590]. Говорилось, что в Германии появилась новая «наука об индоевропейских древностях», а во Франции «лингвистическая палеонтология»^[591]. Добавим, что Марр также пользовался понятием «палеонтологический анализ языка», но вкладывал в него свой смысл. В БСЭ говорилось и о фашизме, взявшим на вооружение некоторые аспекты индоевропеистики, и о том, что Марр одним из первых ученых еще в 1923 году открыто выступил против таких популяризаций. Говорилось также, что его концепция «стадиального развития языка» в целом противостоит расистской идеологии^[592]. Готовя свои языковедческие работы Сталин, конечно же, ознакомился с этими статьями из БСЭ об индоевропейских народах и языках. Об этом свидетельствует то, что именно в этом томе графически представлены различные варианты индоевропейского языкового древа^[593]. Напомню, что Сталин собственноручно воспроизвел его рисунок на полях шестьдесят пятого тома БСЭ, когда ознакомился с яфетической теорией.

Таким образом, Сталин понимал и тогда, в 30-х годах, и тем более теперь, в 1950 году, после войны с фашистской Германией, как тесно увязаны различные языковедческие и национальные проблемы с агрессивными идеологемами XX века. И совсем не по лингвистическому невежеству, а вполне осознанно Сталин в своих

публикациях в «Правде» указал на прямую биологическую связь рода, племени, нации с их языком, выдвигая на первый план русский национальный язык, якобы восходящий к исходному корню — к курско-орловскому диалекту. Напомню, что в давней работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин, напротив, назвал складывающийся общенациональный язык в ряду других признаков только еще нарождавшейся буржуазной нации, то есть определял их происхождение не биологически, а социально-экономически и исторически. Больше того, именно тогда Сталин, как по металлу, отчеканил: «Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей. Общность эта не расовая и не племенная».

Если оставить в стороне идеологические и конъюнктурные аспекты, вопрос о соотношении нации, языка и культуры до сих пор не может решаться однозначно. В 1926 году в СССР вышла небольшая книжка выдающегося американского этнографа, лингвиста и культуролога Фердинанда Боаса «Ум первобытного человека». Марр частенько ссылаясь на его труды. Каждый на своем материале, Боас на основании изучения языков и культур индейцев Америки и отсталых племен других стран, а Марр — изучая культуру народов Кавказа и других регионов, пришли к одним и тем же выводам. Приведу выдержку из замечательно написанной и хорошо переведенной книги Боаса, предварительно отметив, что он выдвинул концепцию, согласно которой раса (этнос), языки и культуры никогда не развиваются согласованно или синхронно. Каждое из этих явлений имеет собственные циклы и темпы развития. При этом, отмечал Боас, «значительные изменения в языке и культуре неоднократно совершались без соответствующих изменений в крови»^[594]. В то же время «можно показать, что в других случаях народ сохранял свой язык, подвергаясь материальным изменениям, относившимся к крови и к культуре или к той и к другой»^[595]. До наших дней не утратил своего познавательного значения общий вывод Боаса, очень важный для понимания еще одного аспекта системной концепции Марра и характера эволюции взглядов Сталина на национальные проблемы. По наблюдениям Боаса: «Тип и язык народа могут оставаться неизменными, а его культура может изменяться; неизменным может оставаться его тип, но его язык может измениться; или его язык может оставаться неизменным, а типы культуры — изменяться»^[596]. «Если это

верно, — размышлял Боас, — то такой проблемы, как вышеупомянутая арийская, в действительности не существует, так как эта проблема прежде всего лингвистическая, относящаяся к истории арийских языков; предположение же, согласно которому этот язык в течение всего хода истории должен быть языком известного определенного народа, между членами которого всегда существовало кровное родство, равно как и другое предположение, согласно которому этому народу всегда должен был быть присущ известный культурный тип, — совершенно произвольно и не согласно с наблюдаемыми фактами.

Тем не менее следует признать, что теоретическое рассмотрение истории типов человечества, языков и культур заставляет нас предполагать, что в раннюю эпоху существовали такие условия, при которых каждый тип был гораздо более изолирован от остального человечества, чем в настоящее время. Поэтому культура и язык, принадлежащие отдельному типу, должны были оказываться гораздо более резко обособленными от культуры и языка других типов, чем в нынешний период. Правда, такого состояния нигде не наблюдалось, но из наших сведений об историческом развитии почти неизбежно вытекает предположение, согласно которому оно существовало в очень ранний период развития человечества. Если это так, то возник бы вопрос: характеризовалась ли изолированная группа в ранний период непременно одним типом, одним языком и одной культурой, или в такой группе могли быть представлены разные типы, разные языки и разные культуры?

Историческое развитие человечества представляло бы более простую и более ясную картину, если бы мы были вправе предположить, что в первобытных обществах эти три явления находились в тесной взаимной связи. Однако подобное предположение совершенно недоказуемо. Наоборот, при сравнении нынешнего распределения языков с распределением типов представляется правдоподобным, что даже в самые ранние эпохи биологические единицы могли быть шире, чем лингвистические и, вероятно, шире, чем культурные единицы. По моему мнению, можно утверждать, что во всем мире биологическая единица — если не обращать внимания на мелкие местные различия — гораздо шире, чем лингвистическая единица: иными словами группы людей, являющиеся по телесному виду столь близко родственными, что мы должны рассматривать их как

представителей одной и той же разновидностей человечества, обнимают собой количество индивидуумов, значительно превышающее число людей, говорящих на таких языках, о которых нам известно, что они генетически родственны друг другу»^[597]. Боас, как и Марр, считал, что в глубокой древности антропологические и лингвистические типы сближались больше, так как каждый из них «существовал в виде нескольких небольших изолированных групп, у каждой из которых был свой язык и своя культура». Но и тогда не могло быть полного соответствия всех трех компонентов, поскольку изменения в языке, а тем более в культуре происходят значительно быстрее и радикальнее, чем изменения биологического (расового, этнического) облика людей^[598]. Боасу и Марру вторит их современник, выдающийся лингвист Ж. Вандриес: «...надо остерегаться смешивать родство диалектов, вытекающее из их сравнения, с родством рас и родством культур. Это три разные научные области»^[599]. Таким образом, не остается никаких надежд обнаружить, даже гипотетически, древнейших «пап и мам», то есть биологических родоначальников современных языковых семей, о чем не уставал повторять и Марр. Индоевропейская, перевернутая на острие языковая пирамида действительно не имеет никакого реального шанса на «схождение» в единственной точке-времени прародине, в которой прародители конкретного народа говорили бы на изначальном праязыке и творили «семейную» протокультуру.

Футурологическая же мысль Марра — Сталина о будущем едином или даже единственном языке человечества (именно так, поскольку до войны они оба проповедовали ее) имеет шанс воплотиться в жизнь только при условии, если человечество на вечные времена будет обречено жить на одной-единственной планете Земля. Тогда рано или поздно все народы, все языки и культуры естественным путем сольются на ее тесной поверхности. Нечто подобное происходит сейчас в городах-мегаполисах. Граждане Земли будут представлять собой не белую, не черную, не желтую или иную расу (как и предрекал Тейяр де Шарден), а нечто совершенно иное, с особым общим языком всеземной культуры, черты которой все явственнее проступают сквозь современную многонациональную амальгаму. Но не приведет ли это будущее глобальное «схождение» человечества к коллапсу биологии и культуры усредненных землян? Невиданное обострение национализма

в XIX–XXI веках — это проявление инстинктивного, а чаще искусственно разжигаемого страха перед лицом такого «схождения». Но уже сейчас ясно, что этап будущего глобального этнического «схождения» неизбежно и как бы сам собой перейдет в очередной этап «расхождения», но на ином, межпланетарном уровне. Рано или поздно на других небесных телах начнут развиваться новые, по формулировке Сталина, «исторически сложившиеся, устойчивые общности людей», со своими этно-планетарными типами, языками, культурами. Устоявшийся земной тип человечества выбросит из своих недр «веера», «пучки» родоначальников новых рас, на которые будут наслаиваться волны колонизаций до тех пор, пока там не начнут складываться естественным путем самобытные этносы по типу того, как они сейчас формируются на субамериканском континенте. Иначе говоря, начнется новый этап игры дивергенций и конвергенций, расхождений и схождения. Все это и обеспечит столь необходимое разнообразие будущих человеческих «мутонов». И тогда какой-нибудь человек новой внеземной расы займется поисками своих земных пращуров и, конечно же, придет в отчаяние, запутавшись в густой сети генетических, расовых, национальных, этнических, генеалогических, культурных, языковых, географических, социальных и исторических переплетений. Но уже сейчас человечество имеет все возможности, чтобы предусмотрительно собрать и сохранить информацию о своей глобальной родословной, взяв за основу современные научные достижения в информатике и генетике, а также идею организации глобального «Народного архива»^[600]. Занимаясь проблемами происхождения языка и мышления, невозможно не услышать доносящегося из недр праматери Земли глубокого вздоха совокупного человечества, готовящегося выбросить первые анастомы новых рас. Эта футурологическая картинка всего лишь иллюстрация, демонстрирующая нелепости мифов о первых «папах и мамах» и даже изначальном этносе, якобы сохраняющем первозданную чистоту крови. На большее она и не претендует.

До войны Сталин поддерживал К.Э. Циолковского не столько как изобретателя космических ракет, казавшихся тогда забавными игрушками, которые, впрочем, можно было использовать в военном деле, сколько за головокружительные идеи космополитического космизма (заселение иных планет), столь близкие тогда идеям интернационального строительства планетарного коммунистического общества. В 1935 году они обменялись приветственными письмами, причем Сталин ответил «знаменательному деятелю науки» всенародно, через «Правду». Но, будучи хоть и романтиком, но в еще большей степени политиком-практиком, Сталин довольно скоро перестал всерьез принимать эти идеи. Ведь даже сейчас, в XXI веке, вектор национализма кажется много мощнее вектора космополитизма (интернационализма). Еще перед войной Сталин решительно отвернулся от космополитического романтизма своих бывших соратников. Война стала лучшим доказательством чудовищной силы национального «духа» при ныне существующем планетарном устройстве. И после войны Сталин продолжал сводить последние счета со своим «интернациональным» прошлым. Однако в великой битве за будущее судьба человечества решается не только на полях межнациональных мировых и региональных войн, не только в ожесточенной драке за государственные границы и национальный суверенитет. Она еще в большей степени и на очень отдаленную перспективу решается кабинетными учеными, конструкторами, мыслителями, типологически схожими с Марром. Без всякого сомнения, Марра, как и идейных большевиков ленинского призыва, как Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского, Н. Вавилова, А. Сахарова и других «космополитов», следует включить в сонм провозвестников общечеловеческого «русского космизма». Но Марр, подойдя к самой границе земного культурно-исторического пространства, так и не перешагнул через нее.

Похвальное слово жесту

Скупой на жесты человек обычно сдержан и в других проявлениях эмоций. У Сталина были некрасивые руки и невыразительная жестикуляция. В день его кончины известный скульптор снял гипсовые слепки лица и обеих кистей рук. Я видел их в музее Сталина на его родине в Гори в 1973 году, а через тридцать лет, весной 2003 года, в Москве, на выставке, посвященной пятидесятилетию со дня смерти. Особое впечатление производят пальцы. Не знаю, видел ли поэт Осип Мандельштам живые руки Сталина вблизи. Скорее всего, наблюдал их не только на кадрах кинохроники, поскольку не столько воображением поэта, сколько зорким глазом художника он подметил в них особенное шевеление, как и всю специфическую сталинскую пластику:

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Так писал Мандельштам о тех самых пальцах «кремлевского горца», которыми был сделан роковой жест, обрекший поэта на безумие ГУЛАГа и смерть. Другой крупнейший художник сталинской эпохи, за неожиданную творческую пронзительность также попавший в смертную опалу, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн в своем фильме «Иван Грозный» воспроизвел особый ключевой сталинский жест указательным пальцем, которым царь «заказывает» опричникам свою родную тетку — княгиню Старицкую. Мандельштам живо интересовался яфетической теорией происхождения общечеловеческого языка и мышления академика Н.Я. Марра. Возможно, им довелось все же встретиться на любимом обоими Кавказе, на земле «сестры Иудеи» (Мандельштам), в древней Армении, куда они оба приехали в августе

1930 года^[601]. Во всяком случае, достоверно то, что Мандельштам написал несколько замечательных произведений о яфетидах и яфетидологии, и, поэтому, жестовая символика вождя сказала ему много больше, чем «пудовые гири слов».

Из-за наследственной болезни Сталин левой рукой почти не владел. По той же причине был сильно ограничен и в других телесных движениях, обычно используемых людьми в процессе общения. Прохаживаясь по кабинету, покачивал в ритм собственных слов костенеющей левой рукой с зажатой в ней папиросой или трубкой. В разгар выступления на партийном съезде указательным пальцем правой руки назидательно тыкал в сторону слушающих или, без видимых причин, держал паузу, в течение которой брал стакан с водой, из которого шумно отпивал. Зал замирал, наблюдая, а страна благоговейно прислушивалась к далекому микрофону. На кадрах кинохроники видно, как, стоя на трибуне Мавзолея, он, собрав «хмурые морщинки» у глаз (Мандельштам), доброжелательно тычет тем же самым указательным пальцем в проплывающие мимо транспаранты и в дефилирующих физкультурниц. В другой раз, во время военных парадов, видно, что он, как рысь в клетке, короткими рывками, припадая на левую ногу, мечется вдоль трибуны, замерзая или раздражаясь. Но красиво или хотя бы выразительно ни жестиковать, ни двигаться, ни позировать не умел. И хотя у него была приятная, зачаровывающая улыбка (когда он ставил перед собой цель очаровать, о чем я уже писал, ссылаясь на свидетельства современников^[602]), он не признавал разницы между подчеркивающей, усиливающей звучащее слово пластикой и — картинным позерством. Зная о своей малой мимической и пластической выразительности, не любил чужую яркую кинетику, называя ее позерством. Экспрессивного Л. Троцкого, чья фигура во время публичных выступлений напоминала натянутую до отказа вибрирующую струну, на чьем лице горками вздымались мускулы, а правая рука в момент усиления речи делала перед лицом цепкое движение сверху вниз, Сталин с завистью называл «красивой ненужностью». И Ленин, несмотря на свою картавость и тренированную адвокатскую артикуляцию, позволял себе залповые словесно-жестовые выстрелы с резким выбросом правой руки и наклоном туловища в направление внемлющих. Скульптуры, изображающие Ленина с указующей за «коммунистический» горизонт

рукой, до сих пор стоят в центрах больших и малых городов России. Муссолини, символизируя возрождаемую мощь древнего императорского Рима, во время парадных речей бугром складывал руки на квадратной груди, выдвигая до упора и без того брыкалистый подбородок. Твердая, каменная маска с внимательными глазами наполовину парализованного Рузвельта или улыбчивое овальное лицо и мягкие округлые движения пухлой рукой с дымящимся стволом ароматной сигары Черчилля — все это не только характерные детали внешности государственных деятелей, но и символы, стили и языки мышления и культур вождей и представляемых ими на тот исторический момент народов.

Ведущий государственный деятель всем своим существом, в том числе пластикой, а не только публичными речами и поступками, обречен манифестировать «свой» народ. Народ, которому навязывается очередной вождь, каким бы способом это ни происходило — насильственно или по демократическом выбору, принимает тем самым на себя его образ или его личину как архетип, в котором он (народ) предстает в данный исторический момент перед другими народами и их вождями. И это, пожалуй, единственный способ персонификации бесконечно разнообразной, многоликой и многомиллионной народно-человеческой массы. Поэтому каждый лидер тщательно занимается своим образом с тем, чтобы людское большинство захотело узнать в нем себя. Не будет большим преувеличением сказать, что лидер — это не только «дирижер», в меру способностей гармонирующий общество (нередко какофонично и прибегая к насилию и жестокостям), но он еще и зеркало для народа. Недаром всемирная история с древнейших времен чаще всего описывается через галереи образов исторических героев, вождей, полководцев, подвижников, революционеров и других деятелей. Через них индивидуализируется, «одушевляется» и интеллектуализируется коллективное, то есть народная масса, государство, общество, политические движения. Так гоббсовский бездушный и без-образный Левиафан-государство маскируется, прячется за идеализированные образы человеческих ликов. В фильме Эйзенштейна любимый опричник царя Федор Басманов прячет свое распаленное державной жесткостью лицо за размалеванной маской непотребной девки.

Самым жестикулирующим и позирующим оратором в XX веке был Гитлер, а самым манифестирующим в ответ фюреру народом — очарованные им тогда немцы. Имея врожденный талант, Гитлер дополнительно брал актерские уроки мимики и жеста. В его личном архиве сохранились фотографии, отражающие разные этапы усвоения Гитлером богатейшего кинетического языка. В исторической памяти человечества еще не скоро поблекнут видения марширующих толп с вытянутыми вверх руками, символизирующими римские приветствия фашистов и национал-социалистов или — людских колонн, поднимающих рот-фронтский кулак как символ единения и силы коммунистов в СССР, в Европе, в маодзэдуновском Китае.

В отличие от бурно жестикулировавшего XX века, века мобилизованных толп и их размашистых предводителей, европейский XIX век культивировал аристократическую мимическую сдержанность и даже жестовую скупость. Вспомним правила публичного поведения английской имперской аристократии или блестящей французской салонной интеллигенции и буржуазии, распространявшиеся на большей части образованной Европы, включая Россию. Вспомним лермонтовского Печорина, не позволявшего себе при ходьбе лишней отмашки рукой и подражавшего в этом байроновскому Чайльд-Гарольду, или нарочито холодную маску Андрея Болконского — русского аристократического героя романа Льва Толстого. Их благородство и душевная сила особо подчеркивались сдержанностью жестикуляции и мимики, что само по себе имело знаковый характер. «Простолудин» и «иноходец» как в Европе, так и в России тем всегда и выделялся, что был «вульгарен», то есть более кинетически раскован, а его «язык» тела резко отличался от пластического языка окультуренного единоплеменника. Понятно, что художественная литература отражает лишь тенденцию, и все же нетрудно подметить культуры и целые эпохи, в которых кинетика играет то более, то менее заметную роль. Например, тщательно разработанные кинетические композиции мимов, ораторов и риториков Древней Греции, блестящих адвокатов Древнего Рима, особо сдержанную пластику японского воина-самурая или просвещенного китайца, воспитанного на конфуцианских канонах. Более всеобщ язык танцев народов Древнего и Нового мира, уже в древности ставшим для многочисленных народов Индии универсальным языком многонациональной культуры. Еще

более универсален эмоциональный язык человечества. Знаками этого языка выступают: улыбка, смех, выражения грусти, страха, просьбы, благожелательные или агрессивные жесты и т. д.^[603] Несмотря на цивилизационную пропасть, отделявшую моряков Колумба от индейцев Америки, они сразу же применили мимико-жестовый язык общения. Бесконечно разнообразен, но и абсолютно космополитичен (и биологически, и социально, и культурно) сексуальный язык человеческого тела. Без сомнения, язык тела, причем тела любого живого существа, в котором слито все: кинетика, мимика, жест, запах, звук, прикосновение и т. д., так же древен, как сама жизнь. Даже начало мирозданию, начало самому космосу было дано, как утверждает Ветхий Завет, единым и слитным творческим порывом-движением: *«сотворил Бог...»*

В отличие от сравнительно сдержанного на жестикуляцию европейского XIX века, в XX веке, столь богатом на многие новшества и разного рода социальные и технические революции, произошла к тому же тихая кинетическая революция, связанная с развитием средств передачи массовой визуальной информации. С конца XIX — начала XX века визуальные кинетические языки благодаря своей удивительной общепонятности быстро догоняли, а временами и опережали в своем развитии и международной распространенности языки фонетические. Если в свое время фонетические языки метрополий господствовали лишь на пространствах собственных колоний, то визуальные языки мимики, жеста, светотени и цвета различных видов изобразительной рекламы и универсальные системы ее пиктографической «письменности» стали ныне первыми общечеловеческими средствами передачи информации на уже вполне оформившемся мировом рынке товаров. Тогда же рекламу стала догонять универсальность живописи, скульптуры, графики, вырабатывавших не только всеобщие языки и семантические коды, но и впитавших в себя национальные и расовые стереотипы, вкусы и приемы визуального выражения, сделав их элементами культуры общемировой. В начале XX века даже театр благодаря революционным кинетическим экспериментам Вс. Мейерхольда и хореографическим новациям Айседоры Дункан пытался преодолеть культурно-региональную ограниченность европейского театра, танца и художественного слова. И рекламу, и живопись, и экспериментальный театр, в свою очередь, перегонял практически

полностью космополитичный визуальный язык мирового кинематографа. Пластика немых героев Чаплина или Эйзенштейна, других мастеров была понятна без слов и в кинотеатрах Европы и Нового Света, и в сельском клубе сибирской деревни, и под травяной крышей африканского бунгало. Но это продолжалось до тех пор, пока слово не зазвучало и с киноэкрана, что сделало на время и кино (до появления телевидения) фактором национальной культуры. Мультипликация внезапно оживила в XX веке незапамятную эпоху анимизма, одушевляя и очеловечивая камни, море, звезды, ветер, зверей, то есть природу, животных, фантастические существа. Нечего и напоминать, что язык современной анимации понятен без слов на всех континентах как взрослым, так и детям. Специфические пиктографы и иероглифы в качестве унифицированных знаков на автодорогах всех континентов современного мира — еще один пример складывающегося ныне общемирового символического языка и его письменности.

Не думаю, что кинетическая (ручная) теория происхождения общечеловеческого языка Н.Я. Марра как-то повлияла на первых изобретателей массовой жестовой символики тоталитарных режимов XX века или на формирование визуальных языков рекламы, автодорог, мультипликации и др. Скорее наоборот, Марр в 20-х годах зорко подметил первые признаки начавшегося мирового кинетического бума. К тому же в концепции Марра речь шла не о современном параллельном сосуществовании и взаимодействии фонетической и кинетической речи или языков, а о последовательном, стадийном развитии общечеловеческого языка, где кинетика была исторически первична, поскольку выделилась из нерасчлененного, еще, по существу, животного языка тела. Фонетический же, членораздельный язык в концепции Марра был вторичен и даже — третичен. Напомню, по Марру, «ручной язык», «язык жестов» длительное время предшествовал стадии развития фонетических языков всего человечества. Однако Сталин ни в своей первой статье, ни в ответах аспирантке Е. Крашенинниковой и профессору Г. Санжееву ни разу не затронул проблему ручной речи (языка тела) в трактовке Марра.

Правда, еще в то время, когда Сталин занимался редактированием статьи А. Чикобавы, он пусть и закулисно, но все же высказался резко против этой фундаментальной идеи Марра. Антимарристские аргументы Чикобавы состояли в том, что, во-первых, предположение о

первичности ручного языка сделал еще до Марра Вильгельм Вундт — известный философ, физиолог, психолог и, конечно же, «идеалист» (но мы напомним, что много раньше эту же мысль высказал Дж. Вико), а во-вторых, в древности ручная речь не могла иметь большого значения как средство общения, так как в темное время суток («при отсутствии света», — подчеркивал Чикобава) она бесполезна. Сталин из первого варианта статьи Чикобавы весь этот пассаж выкинул, возможно, сочтя его аргументацию не очень серьезной^[604]. Любопытно, что спустя два с половиной десятилетия после дискуссии и замечаний Чикобавы в адрес Марра известный современный отечественный лингвист академик Вяч. Вс. Иванов, в свою очередь, отметил такое преимущество ручной сигнализации у приматов, гоминид и первобытных людей, как возможность днем молча общаться жестами с детенышами при потенциальной опасности нападения хищников. «Поэтому, — замечает он, — наличие функциональных различий между звуковой сигнализацией, допускаемой только в определенных условиях, и жестовой коммуникацией может быть древнее человеческого общества»^[605]. Иначе говоря, принципиальное функциональное различие между звуком и жестом как разными средствами сигнализации наблюдается не только у человека, но и у большинства животных и действительно относится к глубочайшей древности. Марр же попытался установить не только их отличие, но и их особые роли и последовательность в истории человечества.

Вместо вычеркнутого замечания Чикобавы в адрес Марра Сталин собственной рукой вписал в его статью текст, который я приводил ранее, но считаю необходимым процитировать теперь вновь: «Ясно, прежде всего, что когда говорят о происхождении языка, речь идет не о немом, „ручном“ языке, который нельзя назвать языком, поскольку он является немым, бессловесным, — а о человеческом звуковом языке...»^[606] В опубликованной статье Чикобавы сталинский текст был воспроизведен слово в слово, без изменений, несмотря на очевидную сомнительность этого утверждения. В своем очередном «Ответе» теперь уже на письма Д. Белкина и С. Фурера, помещенном в том же номере «Правды» от 2 августа 1950 г., что и «Ответ» Санжееву, Сталин попытался развить и скорректировать свой тезис. Итак, подчеркнем: согласно первоначальному утверждению Сталина, «ручной язык»

нельзя считать языком, а подлинно человеческий — это исключительно язык звуковой, фонетический.

Белкин и Фурер, авторы двух небольших посланий Сталину, судя по всему, не были связаны между собой ничем, кроме как интересующей их темой. Не были они заметными специалистами и в языкознании. Правда, Белкин в письме Сталину представился как преподаватель русского языка из Москвы, где он, скорее всего, работал школьным учителем. Видимо, он был уже достаточно зрелым человеком, лет сорока пяти — пятидесяти, поскольку сообщил, что окончил вуз в 1927 году. Белкин писал:

«Высокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Некоторые односторонне понимают Вашу мысль о том, что мышление без языка невозможно.

Прошу дать разъяснение: очевидно, Ваша мысль в такой же мере относится к нормальному языку — языку слов, как и к языку жестов, на котором говорят немые (а в отдельных случаях и люди с нормальной речью) — и не только к „внешней“, но и к внутренней речи, в которой обычный язык продолжает функционировать в сокращенном виде, с усилением за его счет роли образов (представлений — снимков с явлений действительности)?

Д. Белкин.

6 июля 1950 г.

Р. S. Я педагог, преподаватель русского языка. Окончил в 1927 г. литературно-языковое отделение Харьковского института народного образования (бывший университет, теперь восстановлен как университет).

Адрес мой: Москва, 109, поселок "Стальмост"...

Белкину Д.И.»^[607]

Письмо было отправлено 7 июля 1950 года, о чем свидетельствует штамп на конверте.

Фурер, другой корреспондент Сталина, не обозначил свою профессию и возраст, но зато подписался полным именем-отчеством

«Фурер Семен Шулимович», а в качестве обратного адреса указал номер «почтового ящика» в Москве^[608]. Возможно, он работал в режимном учреждении или обитал в одной из московских «шарашек». Похоже также на то, что, в отличие от предыдущих, заранее подготовленных ученых корреспондентов Сталина, авторы этих писем, и Белкин и Фурер, по собственной инициативе решили выяснить у самого вождя его мнение о роли кинетического способа общения. В вопросах и того и другого содержался откровенный намек на не согласие с мнением Сталина о фонетическом языке как единственном языке человечества.

В «личном» письме Сталину (так Фурер обозначил его), процитировав сталинские заявления о том, что без языка нет мышления и что Марра отныне надо считать идеалистом, автор задавал вопрос, интонационно очень напоминавший расхожий «еврейский» анекдот:

«Тов. Сталину И.В.

Лично.

В газете „Правда“ от 4.VII.50 г. за № 185 (11657) в статье „К некоторым вопросам языкознания (ответ т. Е. Крашенинниковой)“ Вы в пункте в) пишете:

„Отрывая мышление от языка и „освободив“ его от языковой „природной материи“, Н.Я. Марр попадает в болото идеализма.

Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникали в голове человека и когда бы они ни возникали, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н.Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н.Я. Марр и некоторые его „ученики“, то она может принести языкознанию большую пользу“.

В связи с этим определением у меня возникли два вопроса, которые очень прошу Вас мне разъяснить:

а) немой человек не имеет дара речи, а значит, и не пользуется языком. Значит ли это, что у него не работает мысль (мышление), памятуя, что реальность мысли проявляется в языке;

б) человек раннего возраста еще до того, как научился говорить, то есть до того момента, как язык стал проводником его мысли (мышления), — можно ли считать, что у него не работает мышление (мысль).

У ребенка до овладения им полностью языком реальность мысли его не может проявляться в языке, а проявляется в его действиях, желаниях, не передающимися языком, а другими моментами. Мысль у него работает, а языком еще не владеет или владеет совершенно слабо в виде звуков и т. д.

Не будет ли верным считать, что мысли, как исключение, могут возникать в голове человека до того, как они будут высказаны в речи и возникают без языкового материала, без языковой оболочки, примером чего служит приведенные мною вопросы в пункте а) и б).

С уважением

...Фурер. 14. VII.50»[\[609\]](#).

Спустя неделю Сталин ответил по пунктам и тому и другому корреспонденту в одном развернутом послании. В архиве Сталина лежат рукопись этого ответа и машинописные экземпляры с правкой и редактурой автора[\[610\]](#).

В окончательном опубликованном в «Правде» варианте, «Ответ» выглядел так:

«Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру.
Ваши письма получил.

Ваша ошибка состоит в том, что вы смешали две разные вещи и подменили предмет, рассматриваемый в моем ответе т. Крашенинниковой, другим предметом.

1. Я критикую в этом ответе Н.Я. Марра, который, говоря об языке (звуковом) и мышлении, отрывает язык от мышления и впадает таким образом в идеализм. Стало быть, речь идет в моем ответе о нормальных людях, владеющих языком. Я утверждаю при этом, что мысли могут возникнуть у таких людей лишь на базе языкового материала, что оголенных мыслей, не связанных с языковым материалом, не существуют у людей, владеющих языком.

Вместо того чтобы принять или отвергнуть это положение, вы подставляете аномальных, безъязычных людей, глухонемых, у которых нет языка и мысли которых, конечно, не могут возникнуть на базе языкового материала. Как видите, это совершенно другая тема, которой я не касался и не мог коснуться, так как языкознание занимается нормальными людьми, владеющими языком, а не аномальными, глухонемыми, не имеющими языка.

Вы подменили обсуждаемую тему другой темой, которая не обсуждалась.

2. Из письма т. Белкина видно, что он ставит на одну доску „язык слов“ (звуковой язык) и „язык жестов“ (по Н.Я. Марру, „ручной“ язык). Он думает, по-видимому, что язык жестов и язык слов равнозначны, что одно время человеческое общество не имело языка слов, что „ручной“ язык заменял тогда появившийся потом язык слов.

Но если действительно так думает т. Белкин, то он допускает серьезную ошибку. Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народа, будь он таким же или еще более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории

человечества является одной из тех сил, которые помогли выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и достичь до того прогресса, который мы имеем в настоящее время.

В этом отношении значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов также нельзя приравнивать к звуковому языку, как нельзя приравнивать первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой.

3. Как видно, вы интересуетесь прежде всего глухонемыми, а потом уж — проблемами языкознания. Видимо, это именно обстоятельство и заставило вас обратиться ко мне с рядом вопросов. Что же, если вы настаиваете, я не прочь удовлетворить вашу просьбу. Итак, как обстоит дело с глухонемыми? Работает ли у них мышление, возникают ли мысли? Да, работает у них мышление, возникают мысли. Ясно, что, коль скоро глухонемые лишены языка, их мысли не могут возникать на базе языкового материала. Не значит ли это, что мысли глухонемых являются оголенными, не связанными с „нормами природы“ (выражение Н.Я. Марра)? Нет, не значит. Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого-то ни было содержания, то есть она не существует.

22 июля 1950 г.»^[611].

Черновой вариант «Ответа» содержал заключительную фразу, которую Сталин вычеркнул из публикуемого текста: «Пример с детьми, приводимый т. Фурером, где он ставит на одну доску детей и глухонемых, не совсем подходит, так как у детей все же есть способность речи, есть какой-то небольшой словарь»^[612].

Рассмотрим несколько подробнее и вопросы и ответы. Сталин, будучи опытным полемистом, верно подметил общие критические моменты в письме и Белкина и Фурера. Они с разных позиций, но одинаково ставили под сомнение справедливость всей языковедческой конструкции вождя, затрагивая, казалось бы, второстепенный вопрос о способности к мышлению глухонемых людей и детей раннего возраста. Напомню, Сталин в предыдущих статьях несколько раз весьма настойчиво повторил, что человек мыслит исключительно словами и фразами и поэтому единственным человеческим языком следует считать язык фонетический, звуковой. Тем самым он в один мах перечеркнул самую суть языковедческой концепции Марра и заодно поставил под сомнение способность к мышлению детей и людей, от рождения лишенных слуха («аномальных», «безъязычных», по терминологии Сталина). В черновом варианте он сначала даже написал: «Я имею в виду нормальное человеческое общество, имеющее свой язык», а затем эту фразу вычеркнул и разделил на «нормальных» и «аномальных» («немых») людей, но не общества^[613]. Видимо, поразмыслив и поколебавшись, он все же решил признать право на способность к мышлению глухонемых людей, о чем можно судить по тому, что третий пункт своего «Ответа» он вписал последним^[614].

Важно отметить, что Марр подкреплял свою теорию стадияльного развития языка человечества отнюдь не ссылками на ручную речь глухонемых людей. Уже во времена Марра и за рубежом и в нашей стране стали разрабатываться эффективные методики, с помощью которых большинство глухонемых людей овладевали не только ручным языком, но и языком фонетическим путем обучения чтению по движениям губ собеседника неслышимых ими звуков и выработке на этой основе навыков фонетической речи. Тем самым была воссоздана (или заново создана?) переходная форма от языка жестов и мимики к языку фонетическому и — наоборот. Но Марр, в отличие от корреспондентов Сталина, имел в виду совсем не языки глухонемых или слепых людей (которые также вынуждены переводить при чтении

тактильные, осязательные ощущения в слово и — наоборот), а материалы современных этнографических исследований в среде «нормальных» людей и независимые наблюдения своего знаменитого современника, французского психолога, философа и этнолога Люсьена Леви-Брюля.

Дипломированный советский педагог того времени (Белкин) не мог не знать из курса детской психологии и о том, что ребенок на самых ранних этапах умственного развития также пользуется элементами кинетического и жестового языка, сопровождая их нерасчлененными, диффузными звуками. В связи с этим не могу не отметить того, что Марр был близко знаком не только с уже упоминавшимся Сергеем Эйзенштейном, но и с крупнейшим советским психологом Л.С. Выготским и его учеником А.Р. Лурией. В эти годы Выготский и Лурия были захвачены близкой Марру идеей — анализом сдвигов в мышлении отсталых народов СССР, связанных с радикальными, формационными преобразованиями в государстве. Кроме того, в фундаментальных работах Выготского по педологии (детской психологии) кинетический этап в становлении индивидуального человеческого мышления и речи особо оговаривался. А незадолго до смерти и Марра и Выготского (1934 год) они вместе с Эйзенштейном и Лурией намеривались начать совместную большую работу по истории и теории киноязыка. Скорее всего, инициатором этого содружества стал Эйзенштейн, который уже в течение несколько лет был очарован самой возможностью конструирования языка нового искусства, опираясь на парадоксальные построения Марра о расщеплении семантических пучков, о принципах мышления людей доисторических эпох, о конечном синтезе всех языков человечества в единый и др. Проживая в Мексике, он раз за разом отмечал «формационные» различия в культуре, обычаях и мышлении коренных народов. Однажды он нашел развалины дома, в котором когда-то проживал В. Гумбольдт.

В архиве Эйзенштейна сохранился билет, выданный в декабре 1932 года:

«Научно-Исследовательский Институт Национальностей
СССР.

Билет № 43

На право посещения лекционного курса Н.Я. Марра
„Общее учение о языке“.

Фамилия: Эйзенштейн.

Имя, отчество: Сергей Михайлович.

Дата выдачи 7/X.32.

*Секретарь секции языка Дж. Ак... (подпись
неразборчива. — Б.И.)»^[615].*

Сохранился также незаконченный набросок о впечатлениях, произведенных лекциями Марра, написанный, возможно, в 1934 году. Мысли Эйзенштейна были заняты философскими проблемами киноязыка: «Work и Prograss (очень неразборчиво, поэтому не точно. — Б.И.) мне напоминает замечательные доклады Марра. Вероятно это (свойственно. — Б.И.)... тем, кто опускается в глубочайшие тайники словообразования. Один научно творческими глазами ученого (ведет. — Б.И.) изыскания и эрудиции. Другой творческим внедрением, подкрепленным громадной эрудицией. Лекции Марра были известны своей крайней усложненностью словесного и (слово неразборчиво. — Б.И.) узора. Аудитория с трудом следит»^[616].

Эйзенштейн хотя и жалуется на сложность восприятия идей Марра, но в то же время был очень ими увлечен. В дневниковых записях, в черновых набросках и в особенности в теоретических работах о методе киноискусства он постоянно ссылается на его революционные научные построения. В этой книге я не могу рассматривать вопрос о влиянии Марра на творчество кинорежиссера подробно. Приведу наиболее яркие высказывания. В черновых набросках книги «Метод» (январь 1943 год) Эйзенштейн записал свои ощущения от первого знакомства с идеями Марра. Скорее всего, воспоминания относятся к промежутку между 1928 и 1930 годами: «Кругом, в Москве, а особенно в Петрограде, усиленно бурлят первые мощные потоки *яфетидологии*. Шаг за шагом Марр открывает зависимость между нашим мышлением и мышлением ранним, связь их между собой и капитальное значение языкового прошлого для проблем современного сознания»^[617].

Позже, в разгар войны и на пике съемок фильма «Иван Грозный», Эйзенштейн вспоминал: «Был момент, когда проблемы

зарождающегося киноязыка... мы должны были систематически анализировать в „неплохом составе“: Александр Романович Лурия, Выготский... Марр, да — сам Николай Яковлевич Марр и я... Мы это даже начинали, но преждевременная смерть унесла двоих»^[618]. После их смерти Эйзенштейн в одиночку блестяще воплотил некоторые идеи и Выготского, и в особенности Марра, на практике обогащая и синтезируя кинетические и фонетические языки мирового кинематографа, творя единый «семантический пучок» (Марр) из света, цвета, звуков речи и музыки, мимического искусства актеров, их жестовой экспрессии, наконец, киномонтажа. Он считал, что движение к новому языку киноискусства — это регрессивное движение к магии, к синтезу всех способов символизации, но на новом, более высоком этапе. Конечно, Эйзенштейн не был лингвистом, и его мнение для профессионала мало что значит, но я не могу высокомерно отвергать мнение творца, закономерно опережающего свое время, но уже в киноискусстве. Своим киноязыком он пытался воздействовать на рациональное мышление современного человека, пробуждая в нем древнейшие иррациональные эмоции. У него многое получилось, но разговор сейчас не об этом. Эйзенштейн не дожил до погромной языковедческой дискуссии 1950 года, поскольку умер в начале 1948 года. Из его посмертных публикаций имя Марра обычно вычеркивалось, так же как оно почти не упоминалось и в публикациях архивных документов других деятелей науки и культуры. Лишь в короткий период хрущевской «оттепели», а затем после краха сталинской империи об имени и идеях Марра начали вновь вспоминать.

* * *

Из первых строчек «Ответа» Белкину и Фуреру видно, что Сталин, познакомившись с их замечаниями, возможно, впервые осознал, что вопрос о происхождении языка не может быть ограничен исключительно языком фонетическим. Видно, как он скрепя сердце признает, что есть категория современных людей, не пользующихся звуком и слухом (фонетическим языком), использующих жестовый язык, но тем не менее способных к общению и жизни в современном человеческом коллективе. Марр в своей главной работе 1931 года

«Язык и мышление» (которую зло и недобросовестно цитировал в предыдущих полемических статьях Сталин) писал: «Естественно, для старой науки об языке ручная речь вовсе не существует. Между тем ручная речь и ручное мышление в глоттогоническом (языкотворческом), особенно же логогоническом (мыслетворческом) процессе сыграла громадную роль; за время ее многотысячелетнего существования в мышлении произошли громадные сдвиги, благодаря ей мышление оформилось; за то же время количественного и качественного роста ручной речи человечество пережило не одну ступень стадияльного развития. Является вопиющим с подлинным положением дела расхождением, по вполне натуральным для буржуазной науки, когда самый факт нахождения ручной речи и ручного мышления у колониальных для нее народов рассматривается как доказательство нахождения соответственных коллективов на первобытной ступени развития или как случайный придаток, позднее возникший местами из дополнительных к звуковой речи жестов, исторически, следовательно, не обусловленных бытием. Между тем ручной язык сам по себе есть стандартизированный позднейший вид линейной речи мирового обихода, уступивший место звуковой речи весьма поздно в борьбе, борьбе женской матриархальной организации; это женский язык, лишь постепенно загнанный в отдаленные районы в результате антагонизма говоривших на них противоборствующих сторон социально-экономических образований»^[619]. Для доказательства Марр ссылался на результаты этнографических экспедиций, открывших в среде некоторых народностей Кавказа бытование так называемой женской «ручной речи», употреблявшейся в связи со смертью мужа невесткой при общении со свекровью. Было выяснено, что такой обычай все еще существовал во времена Марра среди жителей десятка деревень вне зависимости от конфессии и культурных традиций, населенных азербайджанцами, айсорами, греками, армянами, турками, грузинами. Схожие традиции были обнаружены среди жителей Персии и сирийских арабов^[620]. В нашумевшей в свое время монографии Леви-Брюля, изданной во Франции в 1931 году, давалась сводка по большинству регионов мира, где сохранились разные формы «ручной речи» от Северной и Южной Америк и до Африки и Тихоокеанских островов. Этнографы, путешественники, лингвисты, проповедники и колониальные

администраторы собрали огромный материал, подтверждавший, что у многочисленных и очень разных «первобытных» народов еще в XIX веке была в полном ходу ручная, жестовая речь. Причем не только в «женской» форме, но и как полноценное средство общения, сохранявшее различные переходные формы от «ручной» к смешанной жестово-фонетической, а затем и — к чисто фонетической, глубоко скрывающей в себе все тот же древнейший жест. Обобщая, Леви-Брюль связал особенности общения с помощью «ручного языка» с особенностями мышления людей, использующих этот язык. «Говорить руками — это в известной мере буквально думать руками, — писал он. — Существенные признаки „ручных понятий“ необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли. Главные способы выражения оказываются одинаковыми: оба языка, столь различные по своим знакам (один язык состоит из жестов, а другой — из членораздельных звуков), близки друг другу по строению и способу выражать предметы, действия, состояния. Следовательно, если словесный язык описывает и рисует во всех деталях положения, движения, расстояния, формы и очертания, то как раз потому, что эти же средства выражения употребляются и языком жестов»^[621]. Леви-Брюль процитировал американского этнографа полковника Маллери, издавшего обширную монографию о языке жестов индейцев Северной Америки. «Можно было бы написать толстую грамматику языка жестов, — утверждал Маллери. — О богатстве этого языка можно судить хотя бы по тому факту, что индейцы двух разных племен, из которых каждый не понимает ни одного слова из звукового языка своего собеседника, могут полдня беседовать между собой, рассказывая друг другу всякие истории при помощи движений пальцев, головы, ног»^[622].

Конечно, стадияльная концепция Марра гораздо глубже простой констатации фактов и их обобщения Леви-Брюлем, но для нас важнее то, что Сталин вряд ли знал и о книге Леви-Брюля и о других этнографических и философских исследованиях XIX — начала XX века. Отсюда его пренебрежительные замечания, основанные на бытовых наблюдениях и собственном ущербном кинетическом опыте, о сугубо вспомогательной роли жеста и в отрицании самой возможности такого способа межчеловеческой коммуникации. Если до 1950 года книга Леви-Брюля оценивалась пусть критически, но в целом очень

высоко, то после развенчания яфетической теории Марра исследование Леви-Брюля было объявлено «расистским», а он сам «прислужником империализма»^[623]. Книга была переиздана в России только через шестьдесят три года и без предисловия мало кому ныне памятного Марра.

* * *

Один из выдающихся оппонентов Марра Ж. Вандриес в своем «Лингвистическом введении в историю», в предисловии к нему, рассматривая вопрос о происхождении языка, неожиданно поделился такими соображениями: «У всех народов в большей или меньшей степени жест сопровождает слово, мимика лица одновременно с голосом передает чувства и мысли говорящего. Мимика — это зрительный язык. Но письмо — также зрительный язык. Как и вообще всякая система сигналов. Зрительный язык, по всей вероятности, так же древен, как и язык слуховой».

Ответ Сталина на вопросы студента Холопова

В коротеньком письме студента из далекого северного поселка А. Холопова содержались наиболее существенные замечания. Фактически автор обвинил вождя в резкой смене политического курса, подметив заметное расхождение идеологии послевоенного сталинизма с идеями интернационального романтизма первых лет советской власти. Студент Холопов писал:

«Уважаемый тов. Сталин!

По прочтении Вашей статьи „Относительно марксизма в языкознании“ у меня возник один вопрос, с которым я решил непосредственно обратиться к Вам ввиду того, что (как видно из Вашей статьи) наши языковеды неправильно разъясняют марксизм в языкознании.

Вопрос заключается в следующем!

У Вас в разделе о характерных признаках языка написано: „Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещения, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них“. И далее: „Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков...“

А на XVI съезде ВКП(б) Вы говорили: „Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым“.

Из статьи Вашей я понял, что от скрещивания языков никогда не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что при коммунизме языки сольются в один общий. Поэтому, товарищ Сталин, если можно Вас

попросить ответить, то убедительно прошу прояснить вопрос о вышеприведенном.

Студент Мурманского Государственного Учительского института

А. Холопов.

Мой адрес: Ваеньга, Мурманской обл., в/ч 40608 к.

Р. С. Тов. Сталин, прошу Вас меня извинить за обращение к Вам».

На письме есть пометка: «Поступило в ОС (Особый сектор. — Б.И.) ЦК ВКП(б) 12.VII.50 г.»^[624].

Как большинство писем военных и первых послевоенных лет, и это письмо было без конверта, а на военно-полевой манер сложено треугольником. На оттиске почтового штемпеля дата и место отправки отпечатались неразборчиво, но зато хорошо читается надпись, сделанная той же рукой, что и текст письма: «г. Москва, Кремль. Тов. Сталину»^[625]. Для Сталина рукопись письма перепечатали на машинке. И рукопись и перепечатки сохранились в сталинском архиве вместе с комплексом документов, относящихся к дискуссии. Нет никаких сомнений, что эти материалы (как и другие) Сталин лично направил в свой архив. Ему же принадлежат и подчеркивания ключевых слов о том, что он изменил свое мнение о возможности скрещивания языков и что в 1930 году на XVI съезде партии Сталин вместе с Марром предрекал слияние в мировом масштабе всех наций и их языков.

В общем ряду серии «Ответов» своим корреспондентам Сталин закончил писать «Ответ А. Холопову» последним, а именно 28 июля 1950 года. Над ним он размышлял больше двух недель, и делал это очень обстоятельно. Независимо от того, наговаривал ли Сталин текст стенографистам или вчерне писал его сам (как в данном случае), он, как правило, приказывал важный для него документ распечатать на машинке в нескольких экземплярах, которые использовал для дальнейшей доработки. В результате получилась заметка, затрагивающая наиболее существенные проблемы как философии истории, так и вопросы текущей идеологии сталинизма, облаченные в причудливую форму «научной языковедческой дискуссии». Приведу завершающий сталинский очерк полностью в том виде, в каком он

сохранился в его архиве и был воспроизведен в печати, учитывая то, что и современному читателю он вряд ли памятен:

«Товарищу А. Холопову.

Ваше письмо получил.

Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой.

Ваше письмо молчаливо исходит из двух предположений: из предположения о том, что допустимо цитировать произведения того или иного автора в **отрыве**^[626] от того исторического периода, о котором трактует цитата, и во-вторых, из того предположения, что те или иные выводы и формулы марксизма, полученные в результате изучения одного из периодов исторического развития, являются правильными для всех периодов развития и потому должны остаться **неизменными** .

Должен сказать, что оба эти предположения глубоко ошибочны.

Несколько примеров.

1. В сороковых годах прошлого века, когда не было еще монополистического капитализма, когда капитализм развивался более или менее плавно по восходящей линии, распространяясь на новые, еще не занятые им территории, а закон неравномерности развития не мог еще действовать с полной силой, — Маркс и Энгельс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной какой-либо стране, что она может победить лишь в результате общего удара во всех или в большинстве цивилизованных стран. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов.

Однако в начале XX века, особенно в период Первой мировой войны, когда для всех стало ясно, что капитализм домонополистический явным образом перерос в капитализм умирающий, когда война вскрыла неизлечимые слабости мирового империалистического фронта, а закон неравномерности развития предопределил разновременность созревания пролетарской революции в разных странах, — Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что в новых условиях развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах, что старая

формула Маркса и Энгельса уже не соответствует новым историческим условиям.

Как видно, мы имеем здесь два различных вывода по вопросу о победе социализма, которые не только противоречат друг другу, но и исключают друг друга.

Какие-нибудь начетчики и талмудисты, которые, не вникая в существо дела, цитируют формально, в отрыве от исторических условий, — могут сказать, что один из этих выводов, как, безусловно, неправильный, должен быть отброшен, а другой вывод, как, безусловно, правильный, должен быть распространен на все периоды развития. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, они не могут не знать, что оба этих вывода правильны, но не безусловно, а каждый для своего времени: вывод Маркса и Энгельса — для периода домонополистического капитализма, а вывод Ленина — для периода монополистического капитализма.

2. Энгельс в своем „Анти-Дюринге“ говорил, что после победы социалистической революции государство должно отмереть. На этом основании после победы социалистической революции в нашей стране начетчики и талмудисты из нашей партии стали требовать, чтобы партия приняла меры к скорейшему отмиранию нашего государства, к роспуску государственных органов, к отказу от постоянной армии.

Однако советские марксисты, на основании изучения мировой обстановки в наше время, пришли к выводу, что при наличии капиталистического окружения, когда победа социалистической революции имеет место только в одной стране, а во всех других странах господствует капитализм, страна победившей революции должна не ослаблять, а всемирно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением. Русские марксисты пришли к выводу, что формула Энгельса имеет в виду победу социализма во всех странах или в большинстве стран, что она неприменима к тому случаю, когда социализм побеждает в одной, отдельно взятой стране, а во всех других странах господствует капитализм.

Как видно, мы имеем здесь две различные формулы по вопросу о судьбах социалистического государства, исключаящие друг друга.

Начетчики и талмудисты могут сказать, что это обстоятельство создает невыносимое положение, что нужно одну из формул отбросить,

как безусловно ошибочную, а другую, как безусловно правильную, — распространить на все периоды развития социалистического государства. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, ибо обе эти формулы правильны, но не абсолютно, а каждая для своего времени: формула советских марксистов — для периода победы социализма в одной или нескольких странах, а формула Энгельса — для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе социализма в большинстве стран и когда создадутся, таким образом, необходимые условия для применения формулы Энгельса.

Число таких примеров можно было бы увеличить.

То же самое нужно сказать о двух различных формулах по вопросу об языке, взятых из разных произведений Сталина и приведенных т. Холоповым в его письме.

Тов. Холопов ссылается на произведения Сталина „Относительно марксизма в языкознании“, где делается вывод, что в результате скрещивания, скажем, двух языков, один из языков обычно выходит победителем, а другой отмирает, что, следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков. Далее он ссылается на другой вывод, взятый из доклада Сталина на XVI съезде ВКП(б), где говорится, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Сличив эти две формулы и видя, что они не только не совпадают друг с другом, а исключают друг друга, т. Холопов приходит в отчаяние. „Из статьи Вашей, — пишет он в письме, — я понял, что от скрещивания языков **никогда** не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что при **коммунизме** языки сольются в один общий“.

Очевидно, что т. Холопов, открыв противоречие между этими двумя формулами и глубоко веря, что противоречие должно быть ликвидировано, считает нужным избавиться от одной из формул, как неправильной, и уцепиться за другую формулу, как правильную для всех времен и стран, но за какую именно формулу уцепиться, — он не знает. Получается нечто вроде безвыходного положения. Тов. Холопов и

не догадывается, что обе формулы могут быть правильными, — каждая для своего времени.

Так бывает всегда с начетчиками и талмудистами, которые, не вникая в существо дела и цитируя формально, безотносительно к тем историческим условиям, о которых трактуют цитаты, неизменно попадают в безвыходное положение.

А между тем, если разобраться в вопросе по существу, нет никаких оснований для безвыходного положения. Дело в том, что брошюра Сталина „Относительно марксизма в языкознании“ и выступление Сталина на XVI съезде партии имеют в виду две совершенно различные эпохи, вследствие чего и формулы получаются различные.

Формула Сталина в его брошюре, в части, касающейся скрещивания языков, имеет в виду эпоху до победы социализма в мировом масштабе, когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнет остается в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями, когда нет еще национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки. Именно эти условия имеет в виду формула Сталина, когда он говорит, что скрещивание, скажем, двух языков дает в результате не образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого.

Что касается другой формулы Сталина, взятой из выступления на XVI съезде партии, в части, касающейся слияния языков в один общий язык, то здесь имеется в виду другая эпоха, а именно — эпоха **после победы социализма** во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнет будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет

налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков.

Требовать, чтобы эти формулы не находились в противоречии друг с другом, чтобы они не исключали друг друга, — так же нелепо, как было бы нелепо требовать, чтобы эпоха господства социализма, чтобы социализм и капитализм не исключали друг друга.

Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые никогда не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

28 июля 1950 г.»^[627]

Не останавливаясь на многочисленных стилистических поправках, не имеющих большого значения для понимания обсуждаемых проблем, отметим только наиболее существенные из них. В окончательном варианте, говоря о том времени, когда все языки и нации начнут сливаться Сталин, помимо победы социализма во всемирном масштабе, добавил еще одно условие — когда «эксплуататорские классы будут уничтожены»^[628]. Похоже, что Сталин все же продолжал усматривать связь между классовой структурой общества и его языками (семантикой), на чем настаивал и Марр.

Довольно основательно переработал текст в том месте, где речь идет об отношении «русских марксистов» к победе социализма во всех странах сразу или в одной стране. Сталин первоначально написал его в такой редакции: «Это, как видите, два совершенно различных вывода. Если взять эти выводы Ленина в отрыве от тех исторических условий, о которых трактуют они, то нельзя не признать, что мы имеем здесь дело с явными противоречиями между ними. Какие-либо начетчики, которые цитируют формально, не вникая в дело, обязательно сказали бы, что из двух выводов Ленина следовало бы отбросить один, как неправильный и противоречащий другому. А между тем марксизм знает, что оба этих вывода правильны, но не абсолютно, а каждый для своего времени»^[629].

Надо признать, что в окончательном варианте эта же мысль сформулирована Сталиным более четко.

В последнем варианте Сталин, как опытный журналист, особенно тщательно прорабатывал концовку, понимая, что именно по ней многомиллионная, мало понимающая в теоретическом языкознании аудитория будет судить об истинном отношении вождя и к обсуждаемым вопросам и к молодому корреспонденту^[630]. Учитывая, видимо, и без того жесткий тон по отношению к студенту Холопову и абсолютную безапелляционность своих рассуждений, Сталин снял в окончательном варианте ранее написанный заключительный абзац: «Приводить цитаты к месту и не к месту и сопоставлять их друг с другом далеко еще не значит овладеть марксизмом. Овладеть марксизмом значит уловить существо марксизма и научиться пользоваться методом марксизма при решении важнейших проблем исторического развития. Конечно, это будет много труднее, чем

жонглировать цитатами, но других путей для овладения марксизмом не существует»^[631].

Несмотря на заметные попытки смягчить интонацию и злую лексику «Ответа», в нем и без этого сохранился грубый тон и двусмысленные обороты, те, которые Сталин обычно употреблял в 20—40-х годах, в периоды беспощадной борьбы с политическими оппозициями и очередными «врагами народа». Именно в те уже давние годы он обвинял сторонников Троцкого, Зиновьева и других в талмудизме, а Бухарина и его сторонников в начетничестве, намекая одновременно и на их этническую и изначально конфессиональную принадлежность. То, что именно он больше других большевиков грешил в своих речах и полемических писаниях приемами, очень напоминающими средневековую схоластику и гомилетику, этого ему, разумеется, в 1950 году сказать никто не смел. Но в данном случае Сталин полемизировал не со своими заклятыми и грозными соратниками, а всего лишь с безвестным студентом, робко извиняющимся за свои «наивные» вопросы. «Ответы» Крашенинниковой и Санжееву были выдержаны в благожелательных тонах. «Ответы» Белкину и Фуреру составлены уже суше. Но робеющего студента Холопова вождь явно пытался раздавить своим авторитетом и окриками, превентивно затыкая рты более серьезным, главным образом научным скептикам. И действительно, лет через десять после смерти Сталина, во времена хрущевской «оттепели», некоторые из выживших марристов робко попытаются вернуться к некоторым идеям Марра, но это уже другая история.

По своей обычной редакторской привычке, Сталин внес небольшие стилистические исправления даже в окончательный машинописный вариант всей подборки^[632], затем собственной рукой, на чистом листе, как на титуле, написал общий заголовок: «Ответ товарищам. Исправлено. И. Ст.»^[633].

В тот же день, то есть 28 июля 1950 года, когда Сталин закончил работу, он по уже заведенному им порядку на бланке ЦК, то есть в высшей степени официально, направил письмо:

«Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю для ознакомления „Ответ товарищам“ по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера субботы не поступит от вас замечаний, буду считать ответы одобренными. Предполагаю опубликовать их в очередном номере „Большевика“, выходящем 31 июля.

И. Сталин»^[634].

Послание напечатано на машинке, но подписано оно собственноручно вождем. Как и в предыдущих случаях, замечаний от «великих» языковедов-марксистов, подобных Берии, Молотову, Хрущеву и др., не последовало, и статья благополучно была опубликована в указанный срок и в указанном месте.

Как уже говорилось, в архиве Сталина хранится 14-й номер за 1950 год журнала «Большевик», в котором опубликован «Ответ товарищам». Там же помещена словоблудная статья одного из руководителей пропагандистского аппарата, советского философа Г. Александрова под заголовком «Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма (о трудах И.В. Сталина по вопросам языкознания)»^[635]. На протяжении 50-го и последующих до смерти Сталина годов в стране многомиллионными тиражами издавались в различных, в том числе и в подарочных, в самых дешевых форматах сталинские заметки по вопросам языкознания. Ученые мужи-гуманитарии организовывали конференции и издавали сборники статей, в которых развивали идеи вождя.

Все варианты статей и отклики на них, письма членам Политбюро и публикации в различных массовых изданиях, хвалебные отзывы (других, разумеется, не было) Сталин собрал в своем архиве. На многих не упомянутых здесь публикациях сохранились следы собственноручной сталинской правки^[636].

В чем-чем, а в трудолюбии «корифею языкознания» отказать трудно.

Глава 10. Послевкусие от дискусии

Между утверждением и крахом «сталинского учения о языке»

Дискуссия закончилась полностью и окончательно. В спешном порядке собирались конференции и совещания лингвистов, историков, философов, археологов, филологов: обсуждали труды Сталина, пинали чучело «мертвого льва» (Марра). Также спешно приступили к печатанию сборников докладов и статей, в очередной раз доказывающих несостоятельность марризма и гениальность языковедческих трудов почетного академика. Виноградов получил пост главы академического лингвистического ведомства; каждый из тех, кто публично выступил в едином фронте с вождем, удостоился важных должностей, а вскоре, высоких званий. Мещанинов, наоборот, потерял большинство постов, но сохранил академическое звание и возможность трудиться, да еще и по специальности — вождь явно мягчал. Академик Виноградов лично развенчивал своего бывшего начальника, публикуя одну статью за другой, в которых громил давние труды своего коллеги примерно одними и теми же словами: «Критикуя работы И.И. Мещанинова — одного из виднейших учеников Марра, мы стремимся к одной большой цели — устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке и помочь самому И.И. Мещанинову вступить на тот путь лингвистического исследования, на который всех нас направляет наш великий вождь и учитель — И.В. Сталин»^[637].

Подавляющее большинство «марристов» моментально «перекрасилось»; беспощадно громили своего бывшего кумира, а некоторые, покаявшись, остались на завоеванных ранее административных высотах. Совсем немногие упорствовали, например пережившая блокаду О. Фрейденберг или Н. Яковлев, создавший десяткам народов СССР письменность и грамматику. Они тут же стали изгоями. Но самое примечательное это то, что ситуация со свободой творчества в советской лингвистике и вообще в гуманитарных науках ничуть не изменилась. Место поверженного идола занял живой идол, «труды» которого были столь же неопровержимы, как и труды предыдущего. Именно к этому времени (январь 1952 года) относится

уже цитировавшееся письмо из ИМЭЛС за подписью его директора, из которого следовало, что вовсе началась работа, связанная с публикацией в очередном томе собраний сочинений вождя его языковедческих статей^[638].

Из выдающихся учеников Марра, может быть, лишь Б.Б. Пиотровскому удалось через всю жизнь пронести свое уважение к академику и сделать успешную научную и административную карьеру. Но и ему судьба преподнесла явные и скрытые опасные повороты. А что Сталин? Что наш новоиспеченный «корифей языкознания», автор «сталинского учения о языке»?

* * *

Судя по всему, Сталин еще какое-то время отслеживал настроения в ученой среде, опасаясь скрытых рецидивов марризма. Это выдает еще одну черту сталинской натуры: он всегда и везде чувствовал себя внутренне неуверенно. По хлесткому определению Троцкого, Сталин — это «серая клякса», человек, лишенный подлинно творческих способностей. Его внутреннее «я» вечно искало аргументы, подтверждающие его высокий статус во всем и перед всеми, а теперь и в науке, в лингвистике. Эти опасения поддерживались тем, что к нему время от времени поступали научные издания, авторов которых можно было заподозрить в марристических наклонностях. Конечно же, по его распоряжению их отслеживали. Нет, не устал стареющий вождь, читал все внимательно и с пристрастием. Не менее примечательно и то, что именно во время этих чтений отчетливо проявился еще один из его истинных мотивов, толкнувших на организацию истеричной языковедческой кампании: это маскируемый на людях грузинский шовинизм и не менее скрытые антиармянские настроения.

В самом начале 1950 года (в канун дискуссии) в столичном издательстве «Искусство» был опубликован на русском языке первый том обширного труда Ш.Я. Амиранашвили «История грузинского искусства». На грузинском языке эта книга вышла еще в 1944 году и, конечно же, несла на себе следы влияния концепции Марра. Амиранашвили специализировался на истории Грузии и Ирана, был членом-корреспондентом АН СССР, с 1939 года работал директором

Музея искусств Грузии. Фундаментальный труд Амиранашвили охватывал значительный период: от первобытно-общинного времени и до присоединения Грузии к России. Сталин тщательно изучил только первую главу: «Архаическое искусство Грузии и Закавказья по археологическим данным». То, что он проявил интерес именно к этой главе, не случайно, в ней речь идет о древнейшем на территории Кавказа царстве Урарту, о происхождении грузин и истоках их культуры. Амиранашвили довольно осторожно подошел к освещению этих проблем. Сталин, вначале с синим, а затем с красным карандашом в руке, отследил его мнение.

«В различных районах Грузии, — писал Амиранашвили, — открыты памятники мегалитической культуры древнейшего типа, относящиеся, по всей вероятности, к эпохе позднего неолита. Профессор Л. Меликсет-Беков, изучающий мегалитические сооружения в Грузии, относит их к IX в. до н. э., когда возникло Ванское царство (Урарту)»^[639].

«Для датировки этих памятников Л. Меликсет-Беков приводит свидетельство историка XI в. Леонтия Мровели о том, что грузины лишь в IV в. до н. э. впервые стали строить крепостные стены на извести, в отличие от сухой кладки, являющейся характерной особенностью древнейших „циклопических“ построек»^[640]. «Социальную структуру Закавказья И. Мещанинов определяет как родоплеменные общины, находящиеся в процессе разложения, обозначая её как „урартскую стадию“»^[641].

Таким образом, автор, прикрываясь мнением авторитетов, в том числе марриста Мещанинова, намекал на то, что государство Урарту не имеет непосредственного отношения к истории Грузии.

Напомню: здесь Сталин исправил армянское написание названия древних каменных тотемных столбов в виде рыб или барельефных изображений навешенных на столбы бараньих шкур. «Вишапы, как теперь окончательно установлено, были связаны с горной ирригационной системой». Сталин на полях слева правит: «Вешапы»^[642]. Кавказ — один из мировых центров, где впервые началась выплавка металлов, в том числе железа. Автор монографии отметил, что один такой центр древней металлургии:

«...находился севернее древнего Элама, откуда она распространилась не только на Кавказ, но и в страны Западной Европы»^[643].

«На территории Грузии во многих местах обнаружено большое количество медных топоров, форма которых родственна медному топору из Майкопского кургана и ранним топорам шумерийской эпохи из Ура. Таким образом, бесспорно существование в Грузии длительного периода металлической культуры...»^[644]. Рассказывая о производстве железа, Амиранашвили сослался на мнение древних: «...Амиан Марцелин и др. считали железо произведением картвельского племени халибов»^[645].

Сталину явно понравилось, что установлена обширная связь металлических памятников, найденных на территории Грузии, с памятниками других древнейших цивилизаций, а первые на земле выплавки железа вообще связываются с именем одного из коренных грузинских племен халибов. (На самом деле это не так.)

На Сталина также произвело хорошее впечатление и то, как автор сближал грузинский пантеон языческих богов с пантеонами других древнейших народов. Амиранашвили проводил мысль, что для всех народов Древнего Востока был единый культ женского божества плодородия: «Шумеры называли эту богиню Нина, Нана (Нинни, Иннина), а в Ассирии-Вавилонии ее чтили под названием Иштар и т. д.»^[646]. Нина (Нана) — одно из самых распространенных на Кавказе женских имен и доныне.

«Грузинские летописи сообщают, что статуя этой богини стояла среди других изображений богов в Армази, и приводят ее шумерийское название — Аннина»^[647].

«Как известно, Рея, Кибелла, Иштар, Нина — имена одной и той же богини плодородия»^[648]. И здесь, в этом сближении имен, автор явно следовал по стопам только что табуированного вождем Марра.

На пятидесятой странице монографии Сталин подчеркнул всего одно имя, но имя это было особо значимо: «В грузинском сознании миф о непревзойденном герое Амиране занимает такое же место, какое занимал в Месопотамии и частично в Малой Азии эпос о Гильгамеше. Заимствованное странами античного мира у картвельских племен, это

сказание в виде мифа о Прометее заняло почетное место в религиозно-мифологическом творчестве человечества»^[649].

Так автор широко, по-марровски связал историю и культуру Грузии с древнейшими культурами мира: Шумера, Ассирии и Вавилона, Древнего Рима, Греции и Финикии сразу.

И все же на этот раз Сталин читал книгу не только из любознательности или по необходимости из цензурных и политических соображений. Очень может быть, что он читал эту книгу в разгар дискуссии или буквально сразу после нее. Он заранее знал, что ищет. Сталин уже несколько раз наткнулся глазами на те общие места, в которых автор почтительно ссыался на мнение Марра и марристов. Но вот он обнаружил прямое влияние концепции Марра:

«Итак, в искусстве древней Колхиды основной темой является изображение племенного тотема волка, которое на определенной стадии развития религиозно-магического мышления имело доминирующее значение»^[650]. Подчеркнув определение древнейшей стадии развития мышления человека как «религиозно-магическое», Сталин на полях красным карандашом с толстым грифелем написал: «ха-ха».

«Тотемное животное сопровождается фантастическими атрибутами, объяснение которых нужно искать в народных сказаниях и в религиозно-магических обрядах и представлениях», — писал автор. Сталин на чистом верхнем поле страницы комментирует: «*Религиозно-магический чудака*»^[651].

«Как было отмечено выше, в искусстве древней Колхиды раннего периода основное место занимала космическая тематика, которая на более поздней стадии развития заменилась тотемической»^[652]. И вновь на полях справа: «ха-ха». И так он комментирует почти везде, где встречается слова «магический», «магия». Жирно их подчеркивает и пишет: «*Чудака*» или «ха-ха». К счастью для автора, это были благодушные реплики, которые символизировали доброе, хотя и критическое отношение вождя к автору научного труда, к его «марристским» заскокам. Печальных последствий для судьбы Амиранашвили они не имели. И все же пусть косвенно, но и для него стали предостережением строки из письма Сталина «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой». Тогда, цитируя Марра, Сталин писал: «Если эту „труд-магическую“

тарабарщину перевести на простой человеческий язык, то можно прийти к выводу, что... Марр отрывает мышление от языка»^[653] ... и т. д.

* * *

Одним из преемников Марра по линии археологических изысканий и исследований культуры древнего государства Урарту был его ученик историк-востоковед и археолог Б.Б. Пиотровский. В 1945 году он был избран в члены-корреспонденты АН Армянской ССР, а через год награжден Сталинской премией. В Академию наук Армении его избрали за труды по древней истории армянского народа. Престижную в те времена Сталинскую премию он получил за книгу «История и культура Урарту», вышедшую в Ереване в 1944 году. Марр был одним из ее героев. Пиотровский, занимая множество административно-научных должностей, был одновременно в руководстве Государственного Эрмитажа в Ленинграде. В конце своей длительной и очень плодотворной жизни он написал воспоминания, которые я уже не раз цитировал в этой книге. Вновь сошлюсь на мнение не только очевидца событий, но и человека прямо в них участвовавшего. Пиотровский вполне ясно намекнул на то, что проблема этно-национальной принадлежности государства Урарту стала объектом фальсификации со стороны националистически ориентированных грузинских историков еще с 30-х годов XX века. А спровоцировал их выйти на всесоюзную арену учебник истории СССР для младших классов общеобразовательной школы, изданный под редакцией профессора А.В. Шестакова.

Пиотровский вспоминал: «...в 1937 г. вышел учебник „История СССР“ под редакцией А.В.Шестакова, в котором писалось: „Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Его повелители властвовали над грузинскими племенами. У них было много рабов, которые строили им дворцы, рыли каналы для орошения царских полей и садов. Это было государство родоначальников нынешней Грузии“.

Несмотря на нагромождение нелепостей в приведенном тексте, тезис о древнейшем государстве на территории СССР был подхвачен

историками и развит дальше. А.В. Шестаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В.В. Струве в военно-политической Академии им. В.И. Ленина прочел лекцию „Урарту — древнейшее государство на территории СССР“, опубликованную по стенограмме. Он начал ее следующими словами: „Моя лекция обусловлена появлением учебника под редакцией проф. А.В. Шестакова — учебника, который дал нам подлинную историю СССР и начал ее не с Киевской Руси, как это было принято до сих пор, а гораздо более ранних эпох“. Вместе с тем в том же 1937 г. в издательстве Тбилисского университета вышла книга А.С. Сванидзе „Материалы по истории Алародийских племен“, где на фоне древней истории народов Передней Азии приводилась и история Урарту. А.С. Сванидзе был близок к семье И.В. Сталина и имел его поддержку, которая скоро обратилась в прямую противоположность, но до опалы он организовал журнал „Вестник древней истории“»^[654].

Как и миллионы советских людей, Пиотровский так никогда и не узнал, что Сталин принял самое непосредственное участие в выработке «концепции» учебника Шестакова. А также собственноручно много раз правил и вставлял отдельные куски текста. Этот учебник стал основной моделью для всех остальных учебных и научных изданий по истории России. Так что привязка государства Урарту к Грузии и грузинам произошла по инициативе вождя задолго до событий 1950 и последующих за ним годов.

«Школьным учителям приходилось туго, — вспоминал далее Пиотровский, — в учебнике были лишь декларативные высказывания, а русская литература, упоминая Урарту, была для них сложна. Мой учитель по школе В.Н. Бернадский обратился ко мне за помощью, и мне пришлось подготовить методичку лекций и приняться за написание популярной, но исторически достоверной статьи об Урарту. Она вышла в 1939 г. в издании Эрмитажа. В ней я попытался популярно изложить основные вопросы археологии, связанные с Урарту и скифами, это была моя первая обобщающая работа, она не поддерживала тезис Шестакова, но была для учителей очень полезна. В.Н. Бернадский шутил, что он не зря обучал меня истории в школе и что пришло время мне обучать учителей.

Отделение истории и философии Академии наук СССР поручило мне на весенней сессии отделения сделать доклад „Урартское

государство и южное Закавказье (VIII–VII вв. до н. э.)“. Это издание было трудным, но и почетным, так как я должен был выступить наряду с академиками И.А. Джавахишвили, Я.А. Манандяном и В.В. Струве. Готовился я усердно до последнего дня...

Вел заседание Б.Д. Греков (директор Института истории СССР АН СССР. — *Б.И.*). Когда был зачитан мой доклад, то сначала С.Н. Джанашия начал задавать ехидные вопросы относительно грузин как прямых наследников Урарту, а в прениях обрушился на меня со всей силой, указывая на то, что я выступаю против истины, которая была декларирована еще Шестаковым. Мое заключение о том, что наследниками урартской культуры можно считать многие народы Закавказья, его не устраивало, и он резко требовал приоритета грузин». Далее мемуарист подробно пишет, как его выручили из затруднительной ситуации академики Джавахишвили и Мещанинов. «Джанашия был возбужден; даже позже по вопросу о потомках урартов у нас с ним примирения не произошло, и он через ЦК пытался снять мою главу из макета „История СССР“, подготовленного „Институтом истории материальной культуры“. В своем отзыве он придрался к формулировкам, совершенно не учитывая историческую перспективу и изменения, происшедшие за три века. Армян называл „новой окавказившейся народностью“. В конце отзыва он писал: „Задача советского халдоведа в том и заключается, чтобы вскрыть исторические корни Урарту, выявить его живых наследников“. Через семь лет после этого отзыва Джанашия прислал мне с авторской надписью свой учебник „История Грузии“, где продолжал урартов именовать халдами, а на карте иберам отдал урартскую территорию с озером Ван, а арменов оттеснил на ассирийскую территорию в среднем течении Тигра и Эфрата.

Внешне мы с Джанашия сохраняли самые добрые отношения. Действительно, благодаря его энергии археологические работы в Грузинской ССР получили значительное развитие»^[655].

В одной из книг из библиотеки Сталина я нашел карту, изображавшую древние государственные образования на территории Кавказа и прилегающих к нему земель Междуречья. Сталин аккуратно обвел карандашом территорию, на которой значилось государство Урарту. Только наметанный глаз опытного картографа или историка мог

бы определить, какие территории современной Грузии или Армении входили когда-то, по мнению вождя, в территорию Урарту.

* * *

В 1951 году, намного позже того времени, когда Сталин познакомился с книгой Амиранашвили, вышел солидный академический сборник работ специалистов в области древнейшей истории: А.П. Окладникова, Т.С. Пассек, С.Н. Руденко, С.П. Толстова, А.Ю. Якубовского и др. Была там и большая статья Пиотровского, названная кратко — «Урарту». Сборник и статья попали к Сталину, скорее всего, «по наводке». «Доброжелатели» из редакции газеты «Правда», видимо, лучше простых читателей были осведомлены о втором пласте кампании против «школы Марра». На титульном листе сборника, находящегося в архиве Сталина, красуется инвентарный номер и штамп: «Библиотека „Правды“».

Сборник открывается небольшим «Введением», написанным Г.Б. Федоровым в обычных академических традициях того времени — безудержное восхваление достижений русской науки и ее представителей и обязательная ругань в адрес науки буржуазной. Но престарелого Кобу интересовало не это. Его подозрение вызвало упоминание, к тому же со ссылкой на авторитет Ленина, давно упраздненного им института:

«В 1919 г. по декрету, подписанному Лениным, была создана Государственная академия истории материальной культуры, преобразованная затем в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (ИИМК АН СССР)»^[656].

Без сомнения, Сталин помнил, что этот институт, одно время возглавлявшийся Марром, после его смерти в 1934 году был фактически упразднен под видом преобразования в Институт археологии (до и после этого целый ряд известных археологов был расстрелян или посажен). Получалось, что автор проявляет скрытое недовольство проведенной реорганизацией и косвенно поминает добром уже год опального Марра, да к тому же связывает его с именем

Ленина. На следующей странице автор перечислил особо выдающихся современных советских археологов:

«За выдающиеся достижения в области археологических исследований удостоены Сталинской премии крупнейшие советские ученые Б.А. Рыбаков, С.А. Киселев, Т.С. Пассек, Б.Б. Пиотровский, А.П. Окладников, С.П. Толстов и другие»^[657]. Фамилию Пиотровского Сталин обвел карандашом, а сбоку поставил грузинскую букву «N.», заменявшую ему знак NV. Автор «Введения» очень старался всех похвалить за видимые достижения в науке, но особенно восхвалял Пиотровского, что бдительный вождь моментально заметил. Федоров счел нужным еще раз упомянуть, что Пиотровский был награжден Сталинской премией: «Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии Б.Б. Пиотровский...»^[658] И наконец, когда автор, явно преувеличивая, присвоил Пиотровскому честь первоизобретчика истории Урарту, Сталин взорвался:

«Глубокие и разносторонние исследования позволили Б.Б. Пиотровскому впервые в науке восстановить историю образования, развития и гибели Урарту».

Помимо этих помет Сталин обвел слово «впервые», поставил рядом с крестиком знак «?» и зло написал: «ха-ха...»^[659] Не исключая того, что он уже давно знал (возможно, через Джанашия) о взглядах Пиотровского на происхождение грузин и жителей Древнего Урарту и на соответствующую главу из учебника Шестакова. По всему видно, что Сталин, интересовавшийся историей Урарту, что-то знал о длительной эпопее открытия и изучения этой цивилизации. Все подобные преувеличения лишь множили подозрения вождя.

Почитаем теперь статью Пиотровского глазами разозлившегося вождя-грузина. Он отмечает все, что наводит на мысль о древнеармянском происхождении в именах царей, названий местностей и других терминах урартской культуры.

Рассказывая о находке бронзовых листов с изображением осады ассирийцами городов Урарту, Пиотровский писал: «Над изображением пояснительная надпись: „Город Сугуниа, Арама Урартского“»^[660]. Даже для непосвященного имя явно звучит по-армянски. И древнее название

озера Ван звучит в ассирийской надписи сомнительно: Пиотровский пишет: «Сверху пояснительная надпись: „Статую (изображение мое) у моря страны Наири я поставил, жертвы богам моим я принес“»^[661]. «От Сугуна я ушел, спустился к морю Наири (озеру Ван), мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам». В надписи еще несколько раз упоминается имя урартского царя Арама, и каждый раз Коба-Сталин делает пометку. Пиотровский пишет, что ассирийская надпись имеет также отношение «...к походу в 858 году до нашей эры, предпринятому против того же урартского царя Арама». Цитирует текст с названием тогдашней столицы: «К Арзашку, царскому городу Арама Урартского, я приблизился»^[662].

Наибольшего расцвета Урарту достигло в конце VIII века до н. э. при царе Руса. Сталина привлекло это имя своим созвучием с армянскими и русскими словами или по каким-то иным причинам. Пиотровский, упоминая о нашествии ассирийского царя Саргона, пишет, что «...урартский царь Руса следивший за действиями своего противника, выступил в поход и зашел в тыл ассирийцам»^[663]. Имя царя Руса Сталин дополнительно обвел карандашом. Подчеркнул наименование резиденции царя «Тушпу», отметил рассказ древнего источника о созидательной деятельности царя:

«Текст рассказывает: „Царь Руса, правитель их (то есть урартов), по желанию сердца своего указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду, воду изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчисленные арыки от своего русла и воистину оросил нивы...“»^[664]. Отметил другие наименования иных древних стран и богов^[665]. Но подлинная «идеологическая диверсия» началась с главы «Первые находки памятников Урарту».

Пиотровский цитирует легендарный рассказ средневекового армянского историка о любви армянского царя и библейской Семирамиды деятельности, которой и приписывались памятники Урарту.

«В „Истории Армении“, написанной армянским средневековым историком Моисеем Хоренским, приводится

легенда об армянском царе Ара Прекрасном и об ассирийской царице Шамирам»^[666].

Одному из современных историков «было поручено обследовать и описать замечательные памятники в районе озера Ван, приписываемые Моисеем Хоренским царице Шамирам — Семирамиде»^[667]. Сталин явно ждал, что Пиотровский наконец-то проговорится и открыто объявит Урарту исторической предшественницей Армении. Тем более что дальше автор повествовал о клинописных текстах Урарту. И каждый раз, когда автор упоминал клинописные таблички, наскальные надписи и тексты, Сталин подчеркивал и буквально вскрикивал: «На каком языке?», «Какой язык?», «Язык?», «На каком языке?» и так почти двадцать раз!^[668]

Среди уникальных наскальных памятников Урарту есть так называемая «Дверь Мхера». Изображение двери высечено на глухой скале, и она, разумеется, никуда не ведет. «Она высечена на склоне горной гряды Зымзым-дага, — пишет Пиотровский, — и ванцы называют ее „Мхери-дура“, то есть „Дверь Мхера“. Мхер был одним из героев древнего армянского эпоса о четырех поколениях сасунских богатырей...»^[669] От дважды подчеркнутого слова «армянского» Сталин направил стрелку к знаку «?», а от слова «дура» идет другая стрелка и комментарий: «это турецкое». Выходит, считал себя знатоком не только армянского, но и турецкого языка.

Как мы помним, Коба не возражал, когда Амиранашвили сближал древнейшие восточные, греческие и римские легенды с древнегрузинским эпосом. Но когда похожее, хотя и гораздо менее смелое, сближение попытался сделать Пиотровский в рамках армянской истории, он возмутился. Пиотровский предположил, что легенда о «Двери Мхера» и горе «Зымзым-даг» проникла в Западную Европу и трансформировалась там в знаменитый сказочный «Сезам — открой дверь». (Точнее было бы сказать, проникла через арабские сказки «Тысяча и одна ночь»). «Сюжет этой легенды проник и в Западную Европу, причем в ней гора, скрывающая сокровища называется созвучно „Зымзым“: ...Земси или Сезам (то есть кунжут)». Сталин на полях справа начертил: «ха-ха-ха»^[670]. Возмущаясь «армянской экспансией» в область истории Урарту, Коба тем не менее не забывал и о великорусской гордости и приоритетах. Когда историк

отметил, что одна из надписей — это «первая из урартских клинообразных надписей, открытых в пределах России и попавшая в свод урартских текстов и Закавказья, составленный в 1898 году видным русским ассирологом М.В. Никольским»^[671], Сталин одобрительно отметил этот пассаж косыми линиями.

По мере чтения становилось все более очевидным, что Пиотровский однозначно трактует культуру Урарту как протоармянскую. И так же по мере дальнейшего чтения Сталин всё более раскалялся.

«Во второй четверти VIII века до нашей эры после непродолжительной войны с мелкими племенами Закавказья к Ванскому царству была присоединена вся Араратская равнина, и административный урартский центр был перенесен уже на левый берег Аракса. На прибрежной в то время скале, господствовавшей над всей равниной, Аргишти построил свою крепость, назвав ее Аргиштихинили. Позднее на этом же месте был расположен Армавир, древняя столица Армянского царства»^[672]. На полях справа «N.» и вновь: «ха-ха».

«Толпы пленных и скот угонялись из Закавказья в центр Урарту — Биайну».

«На протяжении почти всего VIII века до нашей эры Аргиштихинили был крупнейшим, если не единственным, административным центром в Закавказье»^[673]. Таким образом по воле Пиотровского и вопреки тому, что до этого читал Сталин у Шестакова и грузинских историков, в Закавказье VIII века до н. э. все меньше места оставалось для цивилизации древнегрузинских племен. Лишь однажды Пиотровский глухо упомянул хеттов, впрочем, никак не связав их с протогрузинскими племенами. Но Сталин и на это чутко отреагировал: «Под страной Хате следует разуместь мелкие хеттские княжества в северной Сирии»^[674].

Автор статьи подводил итоги, так ни разу не упомянув грузинские племена и не определившись в отношении языка урартских текстов. Я не знаю, чувствовал ли Борис Борисович Пиотровский весной — летом 1951 года, какая туча собирается в Кремле, чтобы пасть на его голову? Наверное, нет. Действительно большую опасность мало кто предчувствует.

В конце 30-х годов Пиотровский возглавил экспедицию, которая раскопала развалины последней столицы Урарту город Тейшебаини на холме Кармир-блур, близ Еревана. Упоминая об экспедиции, он писал:

«Раскопки этой крепости, производящиеся Академией наук Армянской ССР и Государственным Эрмитажем, дали богатейший материал, характеризующий культуру последнего периода истории Урарту»^[675].

Судя по зигзагам, линиям и стрелкам, Сталина потрясла «противоестественная» связь между Эрмитажем и Академией наук Армении. В гневе он так и написал на верхнем поле листа: *«Какая между ними связь?»*

Пиотровский сам, не подозревая того, как бы все больше дразнил Кобу — «коммуниста-интернационалиста», «Вождя и Учителя народов», «корифея советского языкознания». В предпоследнем абзаце своего труда он писал, а Сталин подчеркивал: «С падением последнего оплота урартской власти в Закавказье, с разрушением скифами города Тейшебаини, заканчивается целый этап развития общества, когда значительная часть Армении входила в состав древневосточного рабовладельческого государства Урарту». Но что-то, видимо, сработало в душе историка. Возможно, ему помогла годами вырабатывавшаяся интуиция, вовремя предостерегающая об опасностях советского идеологического минного поля? Или он был осведомлен, что, как человек близкий когда-то к академику Марру, находится под особым подозрением? Скорее же всего, он, как и многие в стране, знал об антиармянских и грузинофильских настроениях вождя и поэтому сделал единственно правильный шаг. В самом последнем абзаце Пиотровский написал: «В процессе распада этого большого государства Передней Азии, на основе слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, при освоении его культуры возникли современные народы Закавказья — армяне и грузины, создавшие в последних веках до нашей эры свои государства»^[676]. Справа на полях Сталин поставил знак «N.», а слово «возникли» дополнительно обвел карандашом. Уф-ф! Можно сказать, пронесло.

Среди сохранившихся книг библиотеки Сталина я нашел только одну, имевшую отношение к древней истории или культуре Армении.

Это армянский народный эпос «Давид Сасунский» с дарственной надписью переводчиков^[677].

В начале 70-х годов прошлого века, будучи аспирантом Института истории СССР, я несколько раз слышал яркие выступления Б.Б. Пиотровского. Мог ли я или кто иной подозревать, что в 1951 году его судьба могла быть прервана одной чертой мягкого синего карандаша? Не подозревал об этом и лауреат вполне заслуженной Сталинской премии.

* * *

После войны работы Пиотровского были положены в основу главы об Урарту известного учебника В.И. Авдиева «История Древнего Востока». Авдиев сам преподнес Сталину еще первый вариант учебника, точнее, стенограмму лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. В довоенных лекциях Авдиев отдал дань яфетической теории. Тогда он рассказывал слушателям: «Весьма возможно, что протохетты и близкие им по языку палайцы родственны другим древнейшим племенам Передней Азии, которых современные исследователи называют „азианическими“, вводя в эту группу Северную Месопотамию, и халдов, обитавших на территории Армении; по-видимому, они родственны и „яфетическим“ племенам Кавказа. Наряду с более древними племенами, населявшими эти области Малой Азии и Северной Сирии, здесь, начиная со второго тысячелетия до н. э., обитали и другие племена, резко отличающиеся по своему языку от племен „азианической“ группы. Некоторые ученые полагают, что в начале второго тысячелетия до н. э. здесь произошло крупное переселение племен. Однако нельзя объяснять все явления истории одними лишь миграциями племен и народов. Изменения языка и культуры могут в значительной степени объясняться теми крупными сдвигами, которые происходили в процессе изменения социально-экономических отношений (Марр! — *Б.И.*). Если древние племена протохеттской группы родственны по своему языку хурритам (харрийцам) и субарейцам, то более поздние хеттынеситы и близкие к ним по своему языку лувийцы говорили на языке очень близком к языкам народов так называемой индоевропейской группы. Целый ряд

слов в этом позднешеттском языке дает близкие аналогии к словам латинского, греческого, древнеиндийского и даже древнеславянского языков. Таковы хеттские местоимения *quis, quit*, вполне соответствующие латинским *quis, quid*, хеттское *uq*, аналогичное греческому *ἐϋμ*, наконец, хеттское существительное *kimmant*, чрезвычайно близкое греческому *χειμὼν* и даже русскому „зима“»^[678]. Так Авдиев попытался совместить марризм с вполне очевидными показаниями индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Примечательно, что в России, еще до дискуссии, не лингвисты, а археологи, палеоантропологи, этнографы (Третьяков) и представители других гуманитарных дисциплин пытались найти связующее звено между различными подходами в исторической этнолингвистике^[679].

* * *

До конца жизни Сталин сохранял неподдельный интерес к проблемам языка. 5 сентября 1952 года он принимал партийно-правительственную делегацию Монгольской Народной Республики во главе с Цеденбалом. В официальном протоколе записано: «В заключение беседы Сталин поинтересовался развитием грамматики в МНР.

Цеденбал говорит, что с введением русского алфавита грамотность сильно возросла и теперь до 90 % населения грамотные.

Сталин подтверждает, что старый алфавит затруднял рост грамотности, что звуковой, фонетический алфавит имеет все преимущества и что лет через 10–12 все будут грамотными. История культуры показывает, что сначала была система иероглифов. Это препятствовало распространению грамотности среди населения и переход к фонетической системе обеспечил широкое распространение грамотности. У мусульман тоже был сложный алфавит, а с переходом на русский алфавит грамотность быстро двинулась вперед»^[680]. Но перевести многосотмиллионный китайский народ на использование русского алфавита он не успел или — не решился, несмотря на усиленную просьбу Мао Дзэдуна к «вождю мирового пролетариата» дать ему какой-нибудь мудрый совет на все времена. Сталин совет,

конечно, дал, но это уже другая, не языковедческая история. Даже в древние и Средние века уровень грамотности в Китае был выше, чем в странах Европы. Грамотное население современного Китая пользуется хоть и упрощенной, но все той же древнейшей иероглифической письменностью. А вот Япония без всякого давления перешла на параллельный фонетический алфавит с использованием старинной графики. И кто, кроме вождя, посмеет однозначно ответить на вопрос — чей путь лучше?

* * *

Только через несколько лет после смерти Сталина, в хрущевскую «оттепель», идеологическая узда чуть ослабла, да и то ненадолго. Как известно, при Хрущеве началась первая антисталинистская кампания, которая затронула в числе прочих наук и лингвистику, точнее «сталинское учение о языке». Напомню, Хрущев как-то заявил, что у «Сталина были минуты просветления» и что он, возможно, сам написал языковедческие статьи. Но в общем русле советского антисталинизма в аппарате ЦК КПСС конца 50—60-х годов началось движение в сторону реабилитации Марра и развенчания теперь уже трудов-брошюр Сталина. Вышло несколько публикаций (конечно же, как всегда, заказных) бывших учеников и последователей Марра (В.И. Абаев и др.), в которых отмечались его заслуги в различных областях знания и в особенности в области кавказоведения. К.И. Чуковский, оставивший интереснейший дневник интеллектуальной жизни сталинской и постсталинской эпох, записал в годы «оттепели», что к нему однажды пришли в гости Татьяна Винокур, Крысин и Ханпира: «Талантливые молодые лингвисты, Ханпира^[681] — задиристый, постоянно готовый уличать, резать правду-матку в глаза... Рассказали, что их институту заказаны чуть ли не три тома, чтобы разбить учение Сталина о языке — его, как сказано в предложении ЦК, „брошюру“. Пять лет называли его статьи „Гениальный труд корифея науки товарища Сталина“ — и вдруг „брошюра“! В.В. Виноградов, громче всех восхвалявший „гениальный“ труд — теперь в опале»^[682].

Робкие статьи, робко напоминавшие о Марре, опубликовали, конечно же, не в «Правде» или «Большевике», а в малотиражных

научных изданиях. В Грузии верные «марристы» приступили к подготовке сборника его неизданных трудов; начались разговоры о переиздании сочинений Марра и разработке обновленной антибуржуазной, советской концепции происхождения языка и мышления. Последним вопросом занялись бойкие философы, которые успели побывать в «марристах», затем в столь же искренних антимарристах и — наоборот (например, А.Г. Спиркин). Но как во времена господства «школы Марра», так и после языковедческой дискуссии 1950 года, а теперь уже и после очередного поворота, так никто всерьез и не рассмотрел идеи Марра и работы его последователей, а главное критиков, в особенности критические реплики Сталина. Советская пропаганда всегда назойливо подменяла собой гуманитарную науку, даже в либеральные времена. Когда Хрущева сняли с руководящих постов, то начался новый этап, теперь уже брежневского «застойного» дряхлеющего сталинизма. Вместе с ним (дряхлеющим сталинизмом) все остались на тех местах, на которых застала их смерть Сталина. Академик Виноградов, крупный ученый, внесший вклад в отечественную филологию, был настолько травмирован роковыми переломами своей судьбы, что совершил на старости лет очередной малопочтенный поступок: на знаменитом судебном «процессе Синявского и Даниэля» выступил в качестве эксперта со стороны обвинения и «научно» подтвердил антисоветский характер их литературных произведений. Алпатов, достаточно объективно описавший политический «слалом» Виноградова, как и других антимарристов в лингвистике, всячески подчеркивая политическую расторопность престарелого Марра (в чем тот действительно был замечен), стыдливо обошел этот вопрос.

Советский (российский) ученый, власть и мораль — особенная, ждущая своего часа проблема. В этой книге я обозначил ее всего лишь через авторскую интонацию. После Фауста губительный жар соблазнов, иссушающих дар талантливое человека, в полной мере испытали в XX веке, главным образом немецкие и советские ученые, взнузданные каждый своим тоталитаризмом.

Язык-мышление или мышление и язык?

Сложнее всего объективно оценить лингвистическую часть наследия Марра. Наибольшие сомнения вызывают исходные предпосылки его четырехэлементного анализа. Надеюсь, рано или поздно истоки этого «тайнства» будут открыты. Желательно, чтобы этим вопросом заинтересовался кто-то из специалистов, владеющих аппаратом математической логики или изучающих проблемы пазиграфии/пазилалии. Очень может быть, что ответ лежит на поверхности. Но есть еще одно, более существенное сомнение, выводящее нас на глубинную проблему, связанную с возможностью познания прошлого. Ее неожиданным образом высказал Пиотровский. Вспоминая о марристской реконструкции семантических цепочек, воспроизводящих ассоциативные ряды, якобы свойственные мышлению древнего человека (рука — вода — женщина — небо и т. д.) Пиотровский писал: «В вопросах семантики я сам понял неправильность семантического отождествления и стал считать, что все семантические связи основаны на ассоциативной способности нашего мышления, а не на его качественном отличии в древности»^[683]. После этого замечания большую часть работ Марра, и не только его, можно отправить в макулатуру. Однако не будем торопиться. В молодости Борис Борисович сам был потрясен, когда на совершенно ином, чем у Марра, материале сумел обнаружить рудименты подобных семантических рядов в мышлении древних египтян. Тогда он собственными глазами проследил их (буквально!), изучая рисунки древнеегипетских иероглифов на папирусах, настенную заупокойную живопись в гробницах, мифологию. Тогда он не предполагал, что все эти наблюдения могут быть всего лишь отражением его же воображения. Его реплика выводит нас на одну из фундаментальных проблем: проблему возможности познания (понимания) прошлого. Откуда возникла уверенность, что в принципе можно узнать (понять) то, что делал, чувствовал, как мыслил давно умерший человек, да еще иной эпохи и другой культуры? Не есть ли все историческое знание (в самом широком смысле слова) сплошное домысливание, мифотворчество, подобно тому как первобытные жрецы-маги вещали голосами потусторонних духов или античные историки сочиняли

патетические речи давно умерших героев? Нет, конечно. Не во всем, но в самом существенном мы их (мертвых) понимаем и понимаем так, как они понимали себя и друг друга при жизни. Дело в том, что в своей основе все люди, всех эпох одинаковы. Человеческий род, культура, цивилизация — это единство. В основе его лежит единство принципов биологической и психической организации, а значит, единство исходных принципов мышления, чувствования и языка, языка как глубинной логики в витгенштейновском смысле или символизации в смысле Кассирера. Вот и младший современник Марра, ученик А. Мейе, сам выдающийся лингвист Ж. Вандриес отметил: «Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу»^[684]. Все национальные языки производны от общечеловеческой основы языкотворчества. Так, таинственным образом, через науку мы возвращаемся к библейскому Бытию — оказывается, способность к глоттогонии (словотворчеству) заложена во всем человечестве, а многообразие языков есть практическое следствие этой способности.^[25] Отсюда одна из фундаментальных предпосылок взаимопонимания всех людей, родившихся на земле, вне зависимости от конкретного языка общения, культуры и эпохи. Но об этой изначальной способности писал и Марр, трактуя ее не как врожденную, а исторически развитую способность к глоттогонии.

Другая фундаментальная предпосылка, позволяющая надеяться на адекватное понимание людей прошлого (да и современных иноязычных культур), заложена в синкретизме общечеловеческого языка.

В большинстве своем отечественные и зарубежные лингвисты и философы склонны отдавать приоритет в происхождении языка звуку (фонеме), то есть голосу и слуху. Вспомним, с каким пренебрежением Сталин, с подачи Чикобава, отзывался о языке жестов. После работ Марра старый спор разгорелся с новой силой. Что первично: звук, а затем зрение (письмо, жест) или наоборот — первично зрение (мимика, жест), а затем слово-звук и т. д.? Эту полемику можно проследить во многих работах, выходящих и в наше время. Но оба взгляда наиболее четко были сформулированы Р. Якобсоном и О. Фрейденберг. Первый настаивал на первичности для человеческого сообщества звукового способа коммуникации, вторая — на первичности зримого, то есть образа. Вандриес и здесь попытался найти компромисс: «У всех

народов в большей или меньшей степени жест сопровождает слово, мимика лица одновременно с голосом передает чувства и мысли говорящего. Мимика — это зрительный язык. Но письмо — так же зрительный язык. Как и вообще всякая система сигналов. Зрительный язык, по всей вероятности, так же древен, как и язык слуховой»^[685]. Но концепция Марра много глубже. Он нигде не говорил о первичности кинетического языка. Он только утверждал, что язык жестов предшествовал языку словесному и оба они прошли ряд трансформаций. Первичен же был комплексный «способ» передачи информации, когда все еще не расчленено: жест, дыхание, звук, танец, ритм, мимика, пение... В этом смысле языки тела совместно с говором народов — это один-единственный язык человечества, из которого в разных сочетаниях расщеплялись подобно пучку, а затем вновь сходились и вновь расщеплялись все естественные языки человечества.

Через десять лет после смерти Марра во Франции вышла книга философа Мориса Мерло-Понти «Феноменология восприятия». Ее темой стало размышление о человеческом теле как источнике всех значений, всех смыслов, включая значения слов, эмоций, движений. Автор писал: «Поведение моего тела наделяет окружающие меня объекты значением для меня и для других. Смысл жеста не содержится в жесте как физическое или физиологическое явление. Смысл слова не содержится в нем как звук. Но тем-то и определяется человеческое тело, что оно присваивает себе в бесконечной серии разрозненных актов ядра значений, которые превышают и преобразуют его естественные способности» и т. д.^[686] Тело: мысль, жест, слово — все является носителем смыслов. Это и есть элементы всеобщего языка человечества. Так ведь это и есть язык Адама и Евы. Не помня и не думая о нем, мы все продолжаем изъясняться на этом изначальном языке, по-своему (национально) реализуя его неисчерпаемые возможности. Никакого другого общечеловеческого протоязыка мы никогда не сыщем. По той же причине никогда объективно не зафиксируем и праязык лингвистической семьи. Все отличие между людьми заключено только в «способе употребления своего тела» как орудия коммуникации, в том числе словесной. И сейчас, перечитывая великого Витгенштейна, я не могу согласиться с его афоризмом: «Границы моего языка определяют границы моего мира». Мой язык есть одно из порождений моего тела, и именно оно (его

коммуникативность) определяет границы моего мира. Даже лишившись языка, у человека остается возможность жеста, дыхания, наконец, как **знака** своего присутствия. С отказом последних функций, с последним вздохом, прерывается связь с миром и его смысл.

* * *

Хочу напомнить о том, что, по свидетельству С. Эйзенштейна, Л.С. Выготский и А.Р. Лурия предполагали провести совместные исследования с Марром. Никто из них не был лингвистом, но если Эйзенштейна увлекала мысль о киноязыке и с ней он пришел к академику, то выдающиеся психологи имели в своем багаже результаты уникального исследования. Идею этого эксперимента предложил Выготский. В начале 30-х годов более молодой и физически крепкий Лурия с коллегами (Выготский страдал туберкулезом) отправился в Среднюю Азию (Узбекистан и Киргизию), чтобы проверить гипотезу Выготского о влиянии внешних социокультурных факторов на качественные структуры восприятия и мышления. Как считали исследователи, коренное население Средней Азии переживало тогда серьезную социокультурную ломку: часть населения отдаленных от центра кишлаков «застыло» в предфеодальной и феодальной формации, другая часть под влиянием социальных преобразований (коллективизация, культурная революция, изменение условий труда, быта, уровня овладения грамотностью, влияние пропаганды) должна была как-то на них отреагировать. Не буду обстоятельно комментировать результаты исследований и отсылаю читателя к материалам, опубликованным Лурией спустя тридцать лет, что было связано с особыми причинами^[687]. Сама по себе концепция Выготского целиком лежала в русле марксизма, ленинизма и даже раннего сталинизма. Вообще все социологическое направление в гуманитарной науке, включая постмарксистскую философию (Дюркгейм) и лингвистику, признавало общественные процессы решающими факторами в развитии мышления и языка. Ни Марр, ни Выготский не были в этом оригинальны. Но Марр мыслил масштабно, целыми формациями и для подтверждения своих выводов пользовался сомнительными «палеонтологическими» методами. Психологи

использовали достаточно простой метод тестирования, предварительно разбив население на различные группы в зависимости от внешних факторов: грамотность, работа в колхозе, ведение натурального хозяйства и т. д. Вывод: в результате решительных краткосрочных социальных и культурных преобразований (революций!) человеческая психика способна в кратчайший срок переходить от примитивного воспроизведения конкретных форм практической деятельности и непосредственных впечатлений на различные уровни вербально-логического и даже абстрактного мышления, отражаемого и в языке. При иных условиях такие коренные изменения могут протекать, и действительно длиться, столетиями. Но при всех изменениях биологическая и физиологическая основа людей практически не изменяется.

Как известно, сотрудничество с Марром не состоялось из-за его смерти и кончины Выготского, а Лурия своевременно не опубликовал результаты исследований и никогда больше не пытался их повторить и сопоставить в исторически изменившихся условиях. Во второй половине 30-х годов Сталин резко поменял идеологические и пропагандистские акценты. Если до этого он неустанно повторял мысль о многоукладности жизни различных народов СССР, то с подоспевшим триумфом сталинского социализма в отдельно взятой стране все народы разом и целиком должны были вступить в фазу «социалистической формации». Конечно, следовало изживать «родимые пятна и пережитки» предшествующих формаций, но этими вопросами уже вовсе занимались структуры, не имеющие отношения к психологии и лингвистике.

Опять вспоминается проза Андрея Платонова, его повесть «Такыр» описывающая судьбу «женщины Востока», пережившей в кратчайший срок ментальный и духовный скачок от «говорящего орудия» (рабыни) до женщины эпохи паровозов и электрических ткацких станков.

И все же — можно ли мыслить без языка?

* * *

В ответе Холопову Сталин несколько раз упомянул XVI съезд партии, на котором, как уже говорилось, не только он высказывался по

проблемам будущей судьбы наций и их языков, — на нем с приветственным словом от имени научных работников страны и явно по инициативе Сталина выступал и академик Марр. Однако XVI съезд оказался уникальным не только в этом «промарристском» отношении. Сразу после основного доклада Генерального секретаря с «организационным отчетом ЦК» выступил секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. Если в предвоенный период В.М. Молотов был «правой рукой» Сталина, то тогда же его «левой рукой», без сомнения, был Каганович. Говорят, он обладал недюжинными организационными способностями и совершенно беспощадной душой. Он настолько был предан вождю или же так его боялся, что не посмел заступиться даже за своего родного брата, покончившего с жизнью в преддверии ареста в 1941 году.

На XVI съезде партии в обширном докладе Каганович говорил о многих вещах, например об индустриализации, о коренной перестройке всех пролетарских организаций, о сельском хозяйстве, о росте культуры. Человек, не имевший даже среднего образования, учил уму-разуму сидящих в зале дореволюционных академиков, партийцев ленинского призыва, закончивших российские и зарубежные университеты. В середине доклада Каганович запланированно отвлекся и заявил: **«По линии культуры, по линии литературы, особенно в национальных республиках, обострилась классовая борьба, и нужна величайшая бдительность на этом фронте».** Приведя в качестве примера обострения классовой борьбы какую-то нелепую опечатку из статьи в «Правде», переведенной на туркменский язык, Каганович заявил: «А вот пример из области философской литературы. В „Правде“ была помещена рецензия о семи книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием „Диалектика мифа“, разрешенная к печатанию Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага... Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесного произведения». Опуская большую часть цитат, которые в интерпретации оратора действительно звучали диковато, даю заключительную часть его научного пассажа, начиная с последних цитат из книги А.Ф. Лосева: «Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация»;

«Иной раз вы с пафосом долбите: „Социализм возможен в одной стране“; не чувствуете ли в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас на душе: не-ет!».

«И это выпускается в Советской стране, — продолжал Каганович. — О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности... Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: „Правильно“.)»^[688].

Судя по дальнейшим выступлениям, сталинское партийное руководство было всерьез обеспокоено в 30-х годах неожиданно проявленным вольнодумством во многих гуманитарных областях и в особенности в области философии истории языка и мышления. Когда начались прения по докладам, Кагановича поддержал А.И. Стецкий, заведующий Агитпропотделом ЦК ВКП(б), обозвавший «некоего профессора Лосева» «мракобесом»^[689]. Другой активный идеолог от партийной литературы того времени В.М. Киршон пошел дальше всех. «Этот Лосев, — гремел он с трибуны, — помимо всяческих других откровенно-черносотенных монархических высказываний, между прочим, сообщает: „Пролетарские идеологи или ничем не отличаются от капиталистических гадов и шакалов, или отличаются, но еще им неизвестно, чем собственно они отличаются“.

Коммунист, работник Главлита, пропустивший эту книжку, в которой нас в лицо называют капиталистическими гадами и шакалами, мотивировал необходимость ее разрешения тем, что это „оттенок философской мысли“. (Смех. Голос: „Оппортунизм на практике“.) А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке. (Аплодисменты. Смех.)»^[690]. Тайно постриженный в монашество, принадлежавший к религиозно-философскому учению «имяславия», фрондерски настроенный Лосев действительно позволял себе двусмысленные высказывания в адрес власти, пользуясь тем, что рассматривал современную идеологию (любую) и науки (все) как составные части древнейшей общечеловеческой мифологии^[691].

Для академика Марра выступление на съезде совпало с высшим пределом в его административной карьере, а для философа, историка античной эстетики и выдающегося теоретика-лингвиста Лосева злая

реплика Кагановича оказалась роковой. Отсидев несколько лет в лагерях, он только после смерти Сталина с трудом вернулся к полноценной научной деятельности и достиг выдающихся успехов. Но я напомнил о реплике Кагановича и судьбе Лосева не только для того, чтобы отметить особую роль XVI партийного съезда и советских руководителей в истории языкознания задолго до 1950 года.

Еще в своих ранних работах Лосев был солидарен с Марром в одном из центральных вопросов философии языка и мышления, а именно — возможно ли мышление без языковой оболочки и, если возможно, как оно соотносится с национальными языками, то есть национально-языковым выражением мышления? В 1927 году Лосев опубликовал одну из своих новаторских работ «Философия имени». В ней, в частности, писал: **«Разумеется, в развитии субъекта нормального человека сплошь и рядом мы можем встретить так называемое бессловесное мышление; и вообще в нашей обыденной жизни сколько угодно можно мыслить, не употребляя слов. Однако такое бессловесное мышление есть не недостаток слова, недоразвитость его, но, наоборот, преодоление слова, восхождение на высшую ступень мысли. Здесь, кроме случаев действительной недоразвитости и патологии, мы не упраздняем слово, а поднимаемся над ним; и оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания. Это не упразднение слова, но утверждение на нем и надстройка над ним еще более высоких степеней мысли»** (выделено мной. — Б.И.)^[692]. Напомню, в своих дискуссионных статьях 1950 года Сталин особенно высмеивал мысли Марра о высшей бессловесной форме мышления, к которой в конечном счете придет все человечество. Но Лосев был не только в чем-то ранним единомышленником Марра, он был в определенном смысле продолжателем и самостоятельным разработчиком других идей Марра. В последние годы жизни Марр настойчиво пытался связать тип мышления, строй языка и общественно-экономическую формацию. Но эти попытки выглядели как политически ангажированные, вульгаризирующие не только фундаментальные проблемы лингвистики, но и сам формационный подход к истории человечества. Марр не знал и не понимал марксизм. После смерти Марра некоторые его последователи успели продвинуться в этом направлении, но не

слишком далеко. И только в 70-х годах прошлого века Лосев представил серию блестящих работ, впервые продемонстрировав глубинную связь различных ступеней развития архаических и последующих обществ со строем их языка и типами мышления^[693].

Пройдя через сталинские лагеря и многолетние гонения за давние научно-идеологические «шалости», в 70-х годах Лосев был крайне осторожен и демонстрировал принадлежность к марксистско-ленинской идеологии. Рассматривая этапы в развитии общечеловеческого мышления и языка, он, в отличие от Марра, не настаивал на пересмотре догмата Ф. Энгельса о бесклассовой природе первобытного общества. Марр же утверждал, что язык зародился в жреческой среде, выделившейся из первичного человеческого стада как особенное орудие магического воздействия на окружающий мир. Лосев, демонстративно отмежевываясь от взглядов Марра на классово-сословную природу языка, главную идею стадияльного развития языка и мышления человечества не только поддержал, но и развил и, как мне представляется, доказал на конкретном историческом и языковом материале.

Как и Марр, Лосев считал, что язык развился из нечленораздельных диффузных звуков, которые в «палеоазиатских» языках приобрели свойства «аморфных звуковых комплексов» или «чувственных пятен». Как и Марр, Лосев считал, что изначально человек не выделял себя из первобытного коллектива и лишь постепенно, благодаря общественно-экономическому развитию и не в последнюю очередь благодаря языку, человек стал мыслить себя индивидуальностью, что отразилось и в языке (соответствующие местоимения и др.)^[694]. Но у Лосева стадии развития общечеловеческого языка существенно отличались от механистических построений Марра. Взяв в качестве эмпирической основы материалы ныне живых архаических языков, Лосев для древнейшего периода истории языка и мышления выстроил следующую восходящую классификацию:

— инкорпорированный строй языка-мышления, в котором отсутствует любая морфология, различение частей речи и членов предложения. Всё предложение является, в сущности, одним словом. Вещи в человеческом сознании воспринимаются «только размытыми и

бесформенными пятнами», как поток «магического», чародейского мира^[695]. (Марр называл этот этап «труд-магическим». — *Б.И.*);

— прономинальный и посессивный строй языка, связанный с развитием разделения труда, с «гибелью первобытной собирательно-охотничьей экономики» и с зарождением скотоводства, земледелия и ремесла. В связи с этим происходят изменения в логике мышления и в грамматике языка, развивается морфология, человек начинает различать сущность и явление, а с ними и части речи. Человек учится абстрагировать, в связи с чем появляется представление о вещи как «носителе разного рода свойств и признаков». Появление личных местоимений символизирует первые этапы выделения индивидуума из общей племенной массы, а зарождение глаголов-имен говорит о зарождении флективного строя. Этот период связывается Лосевым с периодом тотемизма и фетишизма^[696];

— эргативный строй характерен тем, что его язык-мышление способен «выразить действующего субъекта», на что не были способны предыдущие формации. Это было время, когда «человек уже начинал чувствовать себя действующим началом, а не просто только пассивным орудием в руках неведомых, непреодолимых сил и вполне стихийных сил природы и общества»^[697]. Эргативный строй языка и мышления явился выразителем новой идеологии анимизма, когда человек научился отличать идею вещи от самой вещи;

— номинативный строй знаменовал собой переходную ступень от первобытно-общинной формации к рабовладельческой. Лосев считал, что номинативный строй языка и связанный с ним тип мышления характерен дальнейшим выделением личности в качестве активно действующего субъекта истории. С ним связан переход от матриархата к патриархату. В языке и мышлении хотя и сохраняются элементы мифологии, но вместе с тем мифология уже «отходила в туманное прошлое и заменялась более рациональным мировоззрением, и в частности греческой натурфилософией»^[698].

В дальнейшем Лосев попытался продолжить изучение формационных качеств в развитии языка и мышления в связи с культурной и общественно-экономической историей в таких фундаментальных трудах, как многотомная «История античной эстетики», в двухтомной «Истории античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития», в «Эстетике Возрождения», и в других

выдающихся работах. Лосев подхватил теоретическую линию Марра (не прямолинейно, конечно), не только развивая стадийный подход к изучению языка-мышления. В отличие от послевоенного Сталина, Лосев продолжил интернациональную, общечеловеческую направленность в трактовке происхождения языка и мышления. Не случайно, прежде чем перейти к критике Марра и к размежеванию с ним, он счел нужным заявить: «Наше исследование языка и мышления хочет служить делу общечеловеческой солидарности, но не делу общечеловеческого антагонизма». Не знаю, можно ли считать критикой в адрес Марра текст, который я сейчас приведу? Скорее это попытка оградить себя от обвинений в приверженности к научному направлению, табуированному Сталиным и его последователями в языкознании в 1950-е и последующие годы. Свое стадийное исследование Лосев начинал еще в начале 40-х годов, когда имя Марра и его учеников было в полной силе, а закончил в 50-х годах XX века уже после развенчания марристов. Скорее всего, поэтому Лосев, публикуя указанную работу в 1982 году^[699], счел нужным обезопасить себя следующим пассажем: «Став на точку зрения социально-исторических объяснений, наше исследование тщательнейшим образом избегло тех ошибок, в которые впал Н.Я. Марр и его ученики. **Марр ведь тоже стремился объяснить язык и мышление из общественной практики** (выделено мной. — Б.И.). Но для этого он пускал в ход совершенно некритические представления о классовой борьбе, расширяя и сужая понятие класса до таких размеров, что оно не только выходило за пределы марксизма, но и превращалось в прямую его противоположность. Напротив того, в течение всего нашего исследования мы ни разу не столкнулись с таким положением дела, где было бы необходимо говорить о каких-нибудь классах. И это произошло потому, что мы твердо стоим на марксистско-ленинском учении о доклассовости всего первобытного общества, то есть, конкретно говоря, общинно-родовой формации. В противоположность Марру, находившему классы чуть ли уже не в первобытном стаде, мы внимательнейшим образом прослеживаем назревание классового общества только в период развала всей общинно-родовой формации, так что, например, на греческой почве о классах можно говорить никак не раньше второй четверти I тысячелетия до н. э. Язык есть явление общественное. Но язык никак не есть явление классовое; а тем более

было бы неразумно говорить о классовой структуре языков периода общинно-родовой формации»^[700]. Однако на работы учеников Марра, как своих предшественников в рамках общей с ними научной парадигмы, в частности, на труды академика Мещанинова, Лосев не упускал случая указать^[701].

Примерно в те годы, когда Лосев написал свои первые дерзновенные сочинения, а затем был отправлен в лагерный барак размышлять дальше о сложнейших проблемах бытия, Витгенштейн, также написавший несколько гениальных работ, в которых доказывал, что мышление и язык суть едины, в конце концов, вынужден был их разнести, оставив мышлению более высокую форму постижения бытия. «Осмысливание осуществляется в сфере душевного... — писал он. — Это как бы сон нашего языка»^[702]. И еще: «Теперь становится ясным, почему я думал, что мышление и язык одно и то же. А именно мышление есть вид языка. Так как мысль, конечно, тоже есть логический образ предложения и, таким образом, так же и некоторый вид предложения»^[703]. Значит, вопреки неверящим, можно «мыслить без языковой оболочки» — «логическим образом»?

Еще не так давно (вначале XX века) наука была уверена, что атом — мельчайшая и конечная частица бытия, но очень скоро выяснилось — существуют не только еще более элементарные, но и более глубинные структуры материи. Я думаю, так и в познании основ познания: расщепляемое лингвистами слово подобно «атому», но за ним (или над ним, если верить Лосеву) находятся еще более глубинные «смысловые поля», «многомерные состояния мышления», «семантические переходы, туннели и пучки» и т. д., ведущие к последующим ступеням-основам мышления. Но если это так, то у нас нет оснований сомневаться в том, что будущий язык человечества действительно сможет существовать не только в современном качестве, но и «в свободной от материи форме».

И если нам кажется, что мы в своей научной гордыне идем от Начала в бесконечность, то на самом деле мы со своим ненасытным любопытством стремимся к познанию Начала-Начал.

Я все больше убеждаюсь в том, что, в отличие от почетного академика Сталина, академик Марр был подлинным и дерзновенным ученым, допускавшим не только очевидные ошибки, но и совершавшим значительные научные прорывы.

О понимании

(астрально-лингвистическая сказка)

В несуществующей точке Мирового Исторического Пространства нежданно-негаданно сошлись четверо. Люди как люди, но один притопап своими стопами из XI века, другие же были из веков помоложе. Пришел то он аж из XI века христианской эры, да в лаптях, и одет был в новгородскую домотканую рубаху. Другой быстро ли, медленно ли, но все же скорее быстро, чем медленно прибыл точно в срок из того места, где все еще помнили русский диалект всемирного языка. Не исключено, что он появился из XXXI века, но достоверных сведений на этот счет нет. Двое других вообще ниоткуда не прибыли, а жили себе в начале XXI века, но один говорил только по-русски, а другой басовито выпевал слова исключительно на японском языке.

Страшно им не было, но и веселиться причин не находилось, поскольку чувствовали они себя не столько людьми, сколько «носителями языка». Так называли их некоторые лингвисты и почти все космополиты, которые в XX веке оказались враз безродными, в XXI веке продолжали ими оставаться, а к XXXI веку только у них единственных и осталась Родина, так как человечество заселило весь Космос, а за его пределы пока не выходило. Так что Родина была одна и для всех везде. Весь или не весь Космос заселило человечество, но обозримые астральные пределы обжило. Для языковедов, даже самых что ни на есть патриотов, люди всегда были именно «носителями языка». Они больше обращают внимание на шумы, производимые голосовыми аппаратами, чем на то, что происходит в национально обустроенных головах и расово окрашенных телах. Но бывают исключения и в среде лингвистов.

Люди есть люди, и если нет повода для драки (а чего делить-то, раз у путников не было в наличии даже общего времени и пространства?), они попытались найти хотя бы общий язык. Перво-наперво натянуто улыбнулись (знамо дело, заулыбаешься тут!), потом подняли обе руки вверх с открытыми ладонями, мол — безоружны (новгородец подал пример, остальные даже не догадались, зачем это?), и разом

заговорили. Конечно, никто никого не понял. Помолчали, в задумчивости озираясь на все четыре стороны света. Первым опомнился японец (всем известно, что японоязычные смекалисты и всегда вежливо улыбаются), подхватил валявшуюся на дороге палочку для японской еды (откуда взялась?) и на чистейшей звездной пыли нарисовал, как мог, карту Европы, поставил точку на том месте, где обычно указывается город Париж. От него провел стрелку к Москве, а внизу изобразил автомобиль. Автомобиль, конечно, был похож на все японские автомобили, лучше которых, как хорошо было известно в России XXI века, во всем мире не было. Поэтому мудрое российское правительство запретило их ввозить, — вот когда станут хуже наших, то милости просим [{26}](#).

Русскоязычный гражданин из XXI века, то есть (современник японца) сразу все понял: мол, приехал тот на своем праворульном авто из Парижа и напрямик в Москву, и очень ему, японцу, здесь нравится. Пуще заулыбался горделивый русскоязычный, затем ткнул в то место, где была указана Москва и пальцем, запачканным тончайшей алмазной пылью (алмазы у его ног были особо ценными — чернее черного) показал на себя: а я, мол, тут, в Москве, обитаю. Так рисовали они друг перед другом разные картинки, помогали себе жестами, строили рожи, когда хотели изобразить, как им было весело или неприятно, и каждый все время что-то лопотал на своем языке. Совершенно не зная языка собеседника, они очень быстро стали понимать друг друга. Почему? — пока соображай сам.

Мужик из XI века таращился ясными очами, притоптывал новыми лаптями, которые скрипели на сверкающей звездной пыли, как на экологически чистом крепко морозном снегу, и никак не мог решить — бежать ли ему восвояси или тут вот, на месте, опустившись на колени и помолиться? Свел ли его Всевышний с ангелами небесными или черт навел на него плешивых и косых супостатов? (Это он о гражданине из XXXI века и японце, третий-то был кучеряв и почеловечней.) В речах третьего он улавливал чем-то знакомые звуки, даже слова и междометия, но и они произносились совсем не так, как их произносили в родном Великом Новгороде или в дальнем граде Киеве (бывали и там, не смотри, что лапотник). Хотя рожи у всех были разные (косоватый больше напоминал печенег или хазарина, но хлипок), одеты двое были одинаково — в портах и тонких кафтанчиках из

неведомого материала скушной расцветки, а на ногах дорогие кожаные башмаки — знать ярлы, хоть и не варяги. А вот третий уж точно получеловек, куст не куст, а поверх торчит голова человеческая. Пока он так размышлял, подал голос гость из будущего. Говорить-то он говорил, его было отчетливо слышно, но губы не шевелились — чудеса...

Для японца слова пришельца зазвучали примерно так же, как песня канарейки: тон был необычен, но приятен. Кроме улыбки мимика казалась японцу временами гротескной и смешной, а его одежда напоминала волну взлетающих лепестков сакуры, несущей на себе совершенно лысую голову, расовую и половую принадлежность которой определить было затруднительно. На русскоязычного собеседника голова и одежда пришельца произвели примерно такое же впечатление, но в словах и в интонации почудилось много узнаваемого, хотя общий смысл речи русскоязычный улавливал с трудом. Невесть как у пришельца из-за спины выскочил золотистый чертенок, который сноровисто стал рисовать и чертить удивительные фигуры и знаки. Фигуры сначала были совершенно непонятны всем, но во многих знаках даже японец узнал кириллицу (и новгородец распознал, грамотный был, кусок бересты с костяным писалом всегда при нем). Японец же видел их на дорожных указателях и вывесках, проезжая Украину и Россию, а еще раньше встречался с ними, бродя по Интернет. RU. Русские буквы, которых стало меньше, чем было в веке XXI (не говоря о веке XI), были узнаваемы, хотя залихватскими завитушками чем-то стали напоминать руническую или персидскую вязь.

Из всего того лопотания пришельца и текста, что золотом чертенок выжег на обширной площади, сплошь замощенной многогранными алмазными булыжниками (пыль еще раньше сдуло солнечным ветром), русский человек из XXI века понял не так уж мало. Вот что он понял, а потом пересказал мне, а я понял его так:

«Из-за жуткой перенаселенности на Земле все исконные расы и нации перемешались и стали как во времена ветхозаветного Ноя одним народом и с одним языком. Люди были вынуждены заселить естественные и искусственные спутники Солнечной системы и близлежащие галактики. Так появились новые этносы, получившие названия по месту обитания: „земляне“, „марсиане“, „юпитерианцы“, „ураниты“, „плутониты“ и даже „таукитяне“. Появление последних

прозорливо предсказал рапсод XX века Владимир Высоцкий. („А мы по-русски называем его бардом“, — подумал про себя русскоязычный. „Ну, извини, запамятовал“, — откликнулся, не раскрывая рта, инопланетянин.) Век за веком межпланетные и межгалактические войны идут своим чередом, несмотря на то что все люди помнят о своем общем земном происхождении и говорят пусть и на разных диалектах, но диалектах одного земного языка-предка».

Из речений и писем понятно было также то, что пришелец человек ученый, специалист по истории землян, а еще больше увлекается историей России-СССР XX века. («Теперь ясно, откуда у „сакуры“ знание старорусского для него языка», — промелькнуло в голове москвича. «Помолчи, — моментально откликнулся тот. — Мы давно обходимся без языка вообще. Очищенное от всяких материальных оболочек мышление, то есть чистое сознание, не нуждается ни в каком оформлении. Если я захочу, я могу, как сейчас, мыслить прямо в твоей голове. А если я позволю, то ты можешь мыслить во мне. Знал бы ты, о чем сейчас думает новгородец! Но внемли далее».) Конечно, он мог бы не устраивать этой встречи в средостении Мирового Исторического Пространства, а сразу перенестись в XX век. Но (и здесь пришелец, по-куриному зябко, погрузил свою яйцевидную голову в благоуханные «лепестки сакуры») он боится, что его разоблачат как этрусского или аморейского шпиона и приговорят к высшей мере социальной защиты. Его же очень интересуют идеи и истинные знания двух всекосмически известных лингвистов: академика Н.Я. Марра и почетного академика И.В.Сталина.

Перед подготовкой празднования первого тысячелетнего юбилея Всесоюзной языковедческой дискуссии 1950 года все космополиты Вселенной разделились на два лагеря — на марристов и сталинистов. Марристы утверждают, что мышление без языка возможно, а в доказательство приводят реально достигнутые успехи прямой трансляции из мозга в мозг символов и образов, то есть «очищенных от языкового материала» мыслей (так формулировал Марр). Сталинисты же утверждают, что мышление без языка есть чистейший идеализм и поповщина, «что голых мыслей не бывает» (так отчеканил сам вождь!), а марристы шельмуют истинных природных космополитов, научившись разглагольствовать с закрытым ртом, тайно используя горловые колебания и корпускулярно-волновую технику красноречивых

взоров. В свою очередь марристы утверждают, что их кумир был прав, когда предсказывал появление на Земле единого языка человечества с общей культурой и единой нацией. Сталинисты же обвиняют марристов в предательстве идей космической соборности, в намерении граждан созвездий Девы и Рака во главе с венерианцами выйти в гиперпространство и установить преступное общение с антимирянами, используя тайный словарь произвольных жестов, аннигилирующий сокровенные и интимные мысли истинных космополитов. «Чушь, чушь и чушь!» — гудел в мозгу всех троих пришелец.

Таукитяне (самая мощная сталинистская нация, освоившая наиболее обширное и дикое созвездие) утверждают, что древнесоветский вождь, как величайший гений всех времен и народов, правильно предсказал сохранение наций и их языков вплоть до полной и окончательной победы тау-коммунизма во вселенском масштабе. Тау-коммунизм же смог пока победить только в одной отдельно взятой таукитянской державе (плутониты не в счет!). Но враг истинного космополитизма (венерианцы) будет разбит, победа будет за нами! — так заявляют навеки укорененные в родную космическую пыль таукитяне.

«Дело идет к новой череде межзвездных войн, — продолжал печально шелестеть в мозгах зачарованных слушателей незванный гость из будущего. — Всемирная академия абсолютно научных, истинно исторических и околоокультурных наук, находящаяся под контролем сталинистов, направляет своего тайного эмиссара в Москву на кунцевскую дачу вождя в начальные дни мая 1950 года, чтобы задать вопросы и получить ответы от него самого в форме писанных истин».

Переждав, пока чертенок угомонится и зароется в пестрый ворох его платья, пришелец продолжил. «Я вызвал вас из небытия не только для того, чтобы попросить найти в Японии или в России кого-нибудь, кто взялся бы посидеть в архивах и библиотеках, порыскать по вашему убогому интернет-пространству и написать правдивую историю о языковедческой дискуссии, о Сталине, Марре, других ее участниках и тех проблемах мировой истории, которые, так или иначе, с нею связаны. Японца я вызвал потому, что они, японцы, единственные из ваших иностранцев до сих пор считают Марра гениальным ученым (правильно!) и учтиво отдают дань лингвистическим писаниям Сталина (а это уж слишком!). Но все же лучше, если за это дело возьмется кто-

нибудь из России. Покопается в архивах, почитает подлинные рукописи академиков, их учеников и противников». Тут русскоязычный встрепенулся и мысленно спросил: «А чего сам-то не займешься? Тысячу лет человечество помнит об этих людях и их заочной всесоюзной перепалке, а что там случилось, толком не знает? Даже воевать собирается за чистоту истинно космополитических идей?» «Все архивы, имеющие к этому вопросу прямое отношение, бесследно исчезли к середине XXII века, — отвечал заказчик. — Существует обоснованное предположение, что Высшая историческая справедливость, в лице „Особого совещания для проведения суда над особо лютыми диктаторами“, медленно, но неумолимо стирает все следы правителей, изуверски искалечивших души народов. От них остается только то, что прошло многократное очищение общечеловеческой моралью многих поколений потомков. Языковедческая дискуссия 1950 года никого из объективных исследователей не интересовала, и незатребованные документы, несмотря на все старания лучших архивистов Земли, постепенно превратились в труху. Информация, которая переносилась на новейшие по тем временам носители, неведомо как размагничивалась и расфокусировывалась. Известно, что, если в мертвый материал не вдохнуть живую душу и если душа не отдаст часть своей жизненной силы истаявшим в вечности судьбам, они безнадежно затеряются в общей массе духов.

Современник не способен оценить истинную значимость событий, которая может стать понятной спустя десятки или даже тысячи лет. Никто не думал, что в начале четвертого тысячелетия лингвистика вновь, как во времена расцвета сталинизма в СССР, станет фактором большой, теперь уже вселенской политики.

Пока в XXI веке все еще сохраняются первоисточники, подыщи автора, и пусть он напишет исторически труд, а я прослежу за тем, чтобы этот труд не затерялся в веках. Возможно, это спасет человечество от очередного витка лингвистических войн и смысловых конфронтаций. Я утверждаю, — здесь молчаливый оратор прибавил силу звука, ударившего по незащищенным мозговым нейронам его слушателей, — издревле все войны человечество затевало по причине непонимания. Только в четвертом тысячелетии нашей эры мы, марристы, осознали, что в основе раздоров лежат проблемы

лингвистики, хотя первый библейский пророк еще во втором тысячелетии до нашей эры привел в назидание притчу о горе строителях Вавилонской башни. Не имеет никакого значения, на каком языке люди говорят, главное — способны ли они понять друг друга?» Такова была суть длинной речи «сакуры».

В ответ мой приятель (а это был именно он) пообещал подыскать историка, желающего подзаработать на будущем. Тогда гость заторопился восвояси. Площадь, сиявшая неземным светом, погасла. Стремительно придвинулся первоначально невидимый горизонт, пока не накрыл всех четверых непроглядной тьмой над бездной. Но в те неуловимые мгновения, пока времена в Мировом Историческом Пространстве все еще совмещались, новгородец успел возопить: «А я-то зачем тебе был нужен, чудище бритоликое? Я ничего не понял! Бу-бу-бу, бу-бу-бу... и видения, видения: драконы, изрыгающие вонь и слякоть, и серебряные стрелы величиной с гору, и разноцветные железные жуки на колесах без спиц, наглотававшие людских голов, и — золотистые черти-скариписцы, и еще всего столько, на что и глядеть не выносимо... Истинный апокалипсис!» «Это был научный эксперимент, — шелестел слабеющий голос истаявшего пришельца, — я позвал всех вас, потому что вы мои прямые предки. От тебя, мой далекий новгородский пращур, мы все четверо исходим, не считая 350 миллионов близких и отдаленнейших родственников, родившихся и умерших в течение двух тысяч лет после твоей смерти. И японец твой прапраправнук. Откуда ты можешь знать, что в 1905 году один из твоих прямых потомков отправился на войну с императорской Японией, оставив в Подмосковье жену и кучу детей? Там он попал в плен и, прежде чем вернуться домой, завел себе японскую подружку и новых деток. Чтобы получить возможность перечислить тебе других твоих дальних правнуков разных земных и космических наций и рас, мне пришлось бы запастись лишним десятком лет.

Я вижу, что даже эти слова и образы не укладываются у тебя в голове. Те двое соображали получше, но не потому, что они толковее тебя. Они более или менее все хорошо понимали до тех пор, пока я им показывал события, происходившие до их смерти. Когда же я начал прямую трансляцию образов из их будущего, то, как и тебя, их стали терзать „бредовые“ видения, сквозь которые едва пробился общий и чаще неясный для них смысл. Для того чтобы действительно понять

человека будущего времени (не культуры!), ты должен прожить день за днем все те две тысячи лет, которые пережило человечество (именно все человечество!) после твоей смерти. Чтобы понять своих праправнуков из XXI века, недостаточно знать русско-московский или японо-токийский языковые диалекты их времени. Нужно прожить вместе со всеми народами Земли всю ту культуру, которую они создавали на протяжении тысячелетия. Труднее всего постичь не слово и язык, а смыслы, символы и образы, наконец, идеи, которые каждое поколение людей добавляет в общечеловеческую копилку познания мира. Никто не способен постичь будущее, не пережив его, но все способны понять прошлое, пережитое предками. Обрати внимание, — когда мы неожиданно для всех сошлись, то даже этих мгновений вечности было достаточно, что бы появились проблески взаимопонимания. Конечно, меня быстрее и лучше стали понимать те, кто моложе тебя. Но если бы мы прожили с тобой сообща не мгновения, а год-другой, многое бы познал и ты».

Здесь неожиданно зашебетал японоязычный потомок, который все лучше и лучше улавливал смысл далекой общечеловеческой символической речи. Известно, что русские потомки японцев всегда плодотворно учились у продвинутых иностранцев. (См. комментарий известного специалиста по этому вопросу писателя Валентина Пикуля, развернутый им в полновесный роман).

«Кузен, — вежливо обратился он и произнес японское слово „Вы“ с большой буквы. — Вы бесконечно правы: между Колумбом и аборигенами Нового Света лежали несколько тысяч лет цивилизации, хотя они и сошлись в едином для них времени. Васка да Гамма обнаружил в Индии цивилизацию, отставшую от европейской лет на триста. Голландцам, первыми из европейцев прибывшим на парусных кораблях в нашу страну, мы сразу дали понять, что если мы и отстали, то не настолько, чтобы пойти в услужение „длинноносым дьяволам“. Результат — индейцы Америки были обращены в рабство и частью уничтожены, индийцы на столетия попали в колониальную зависимость, а мы, японцы, не только сохранили себя, но, подучившись, превзошли и европейцев, и американцев. А все потому, что американские индейцы не поняли, да и не могли понять, с чем они столкнулись в лице европейцев, хотя испанский язык и языки индейцев и те и другие освоили очень быстро. То же самое можно сказать и о

коренных племенах черной Африки. Мышление, культура и язык не так уж и связаны между собой».

«Вы бесконечно правы, мой японский собрат, — еще разок успел шелеснуть пришелец. — Как историк с большим марристским стажем (не путать с историком лингвистики!), я решаю одну и ту же противоречивую задачу: стремлюсь понять тех, кого давным-давно нет на Земле, и понять часто вопреки тем словам и письмам, которые они оставили, и понять больше того, что они о себе понимали».

«А я ничего не понимаю! — опять возопил новгородец. — Изыди, сатана!»

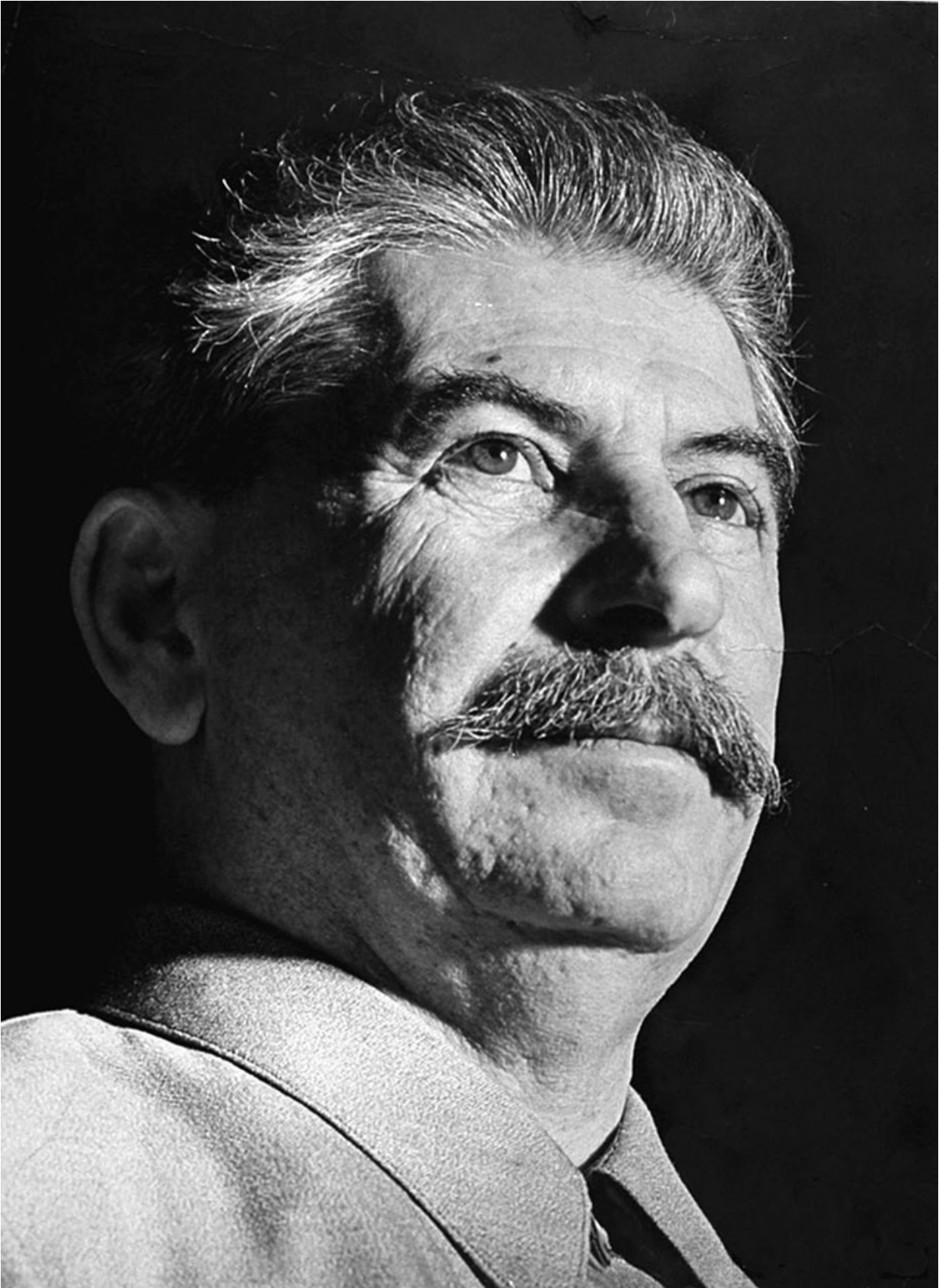
«Господи, зачем я его вызвал с такого дальнего того света? — трусливо запричитал пришелец и окончательно отключил прямую трансляцию мыслей. — Он теперь отправится в отдаленный карельский скит на вечное покаяние и, значит, никаких потомков после себя не оставит. Не будет ни меня, ни 350 миллионов его близких и дальних пра-правнуков».

Так размышлял изнеженный интеллигент-маррист, окончательно и бесповоротно отрывая мышление от языка. Но, прибыв в целости и сохранности на свое место обитания, он сообразил, что новгородец был не дурак (дураков в нашем роду отродясь не было!) и остался в миру, приписав свои видения и голоса лишнему глотку самоедской сомы ^[27], выпитой накануне.

* * *

Мой приятель сделал мне заказ на эту научную книгу по той простой причине, что других знакомых историков, да еще работающих в Академии Исторических Наук, у него не нашлось. Тогда же он заявил мне: «Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем». Только работая над книгой, я узнал, что он повторил слова товарища Сталина, сказанные им маститому грузинскому лингвисту Арн. Чикобаве. Именно с этих слов вождя началась описанная здесь языковедческая дискуссия 1950 года в центральной советской газете «Правда». Кто же он, мой заказчик, повторивший слова вождя, произнесенные им в узком кругу более полувека назад? Если мне позволят опубликовать эту книгу еще при жизни, значит, «там» решили, что она получилась.

Вкладка



И.В. Сталин

К о п и я.Товарищу Марр.

Очень извиняюсь, многоуважаемый Николай Яковлевич, что не имею сейчас возможности удовлетворить Вашу просьбу. Подготовительная работа к предстоящей всесоюзной партконференции поглощает у меня все рабочее время и не дает возможности заниматься другими делами.

После конференции я, конечно, смогу выкроить минут 40-50. Если это устраивает Вас, я охотно побеседую с Вами. Что касается дня присла, могу сообщить Вам об этом дополнительно приблизительно дня через два по окончании конференции.

Готовый к услугам

*В. Г. Галкин*20. I. 82 г.

Писано а.к. Марра
(с приложением)
передано с посредником
28/III. 82

Записка И.В. Сталина академику Н.Я. Марру

45

Ленинград, 26.1.32г.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Премного благодарен за ответ. Ваше предложение, конечно, вполне устраивает. Я буду ждать. Могу себе представить, как Вам дорога каждая минута, когда я потерял представление о времени, точно в первобытном обществе, не различавшем еще утра и вечера иначе, как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности. У Вас, однако, время расходуется на дело, на строительство, а у меня на отвлекающие от и теоретического, и практического технически и общественно научного дела бесплодные разговоры в комиссиях, подкомиссиях, совещаниях и т.д.

С неизменным уважением и товарищеским

приветом - М А Р Р.

Адрес: Ленинград, 7 линия, д.№ 2, кв.17 (тел.5-48-43).

Тел.авт. В-1.70.82. (Только 7 и 8 в Москве,

Институт Народов Востока, Берсеневская наб.120)

Ответ академика Н.Я. Марра И.В. Сталину

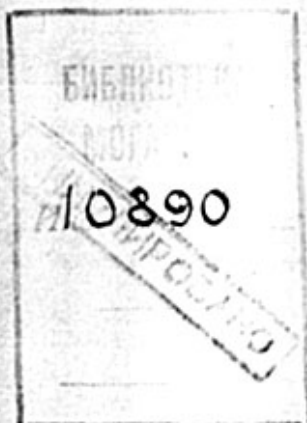
ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. 60

Н. Я. Марр

Язык и современность



ПРОДАНО



СОЦЭКГИЗ-ГАИМК
Ленинград
1932

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

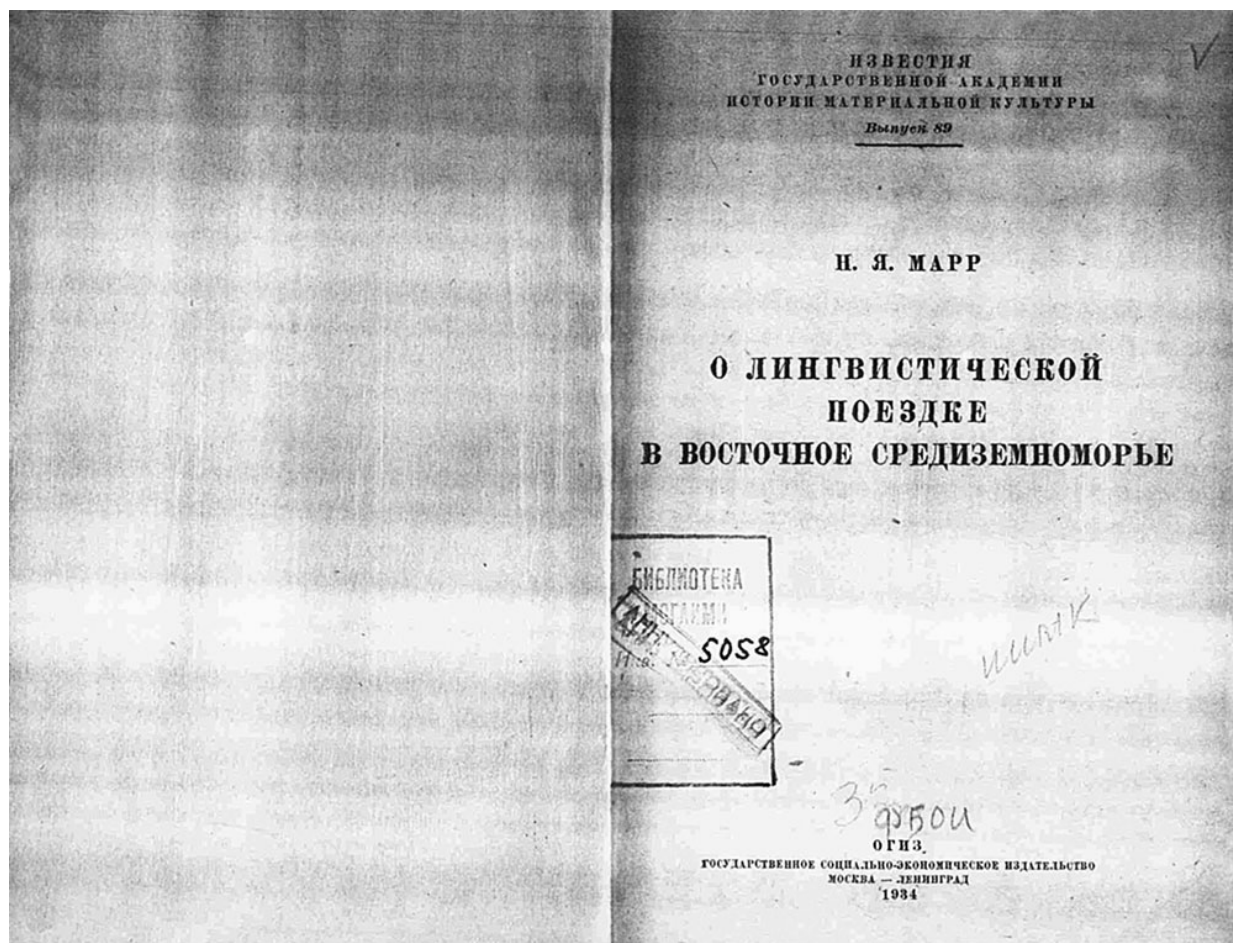
Том VI

Выпуск I

Н. Я. МАРР

**БРЕТОНСКАЯ НАЦМЕНОВСКАЯ РЕЧЬ
В СВЯЗКЕ ЯЗЫКОВ АФРЕВРАЗИИ**

Галим



Труды академика Н.Я. Марра

стемы; но в Я. теории еще не использованы основы этого учета гласных в применении к языкам с наибольшим развитием гласных модальностей, особенно к соответствующим представителям индо-европейской (протейдской) системы; ибо эти языки пока не вовлекаются специалистами в круг языков, разрабатываемых по новому учению о языке. Яфетидология, настаивая на преимуществах выработанного ею письма, в то же время не отрицает необходимости некоторой его перестройки и дополнений, в особенности при применении его к языкам не-яфетических систем и тем более при его практическом использовании в широких массах («Абхазский аналитич. алфавит», 1926).

Выделяя кавказские языки в одну общую группировку, Н. Я. Марр в ряде работ до 1924 вел яфетидологию по пути расширения круга яфетических языков, по старой терминологии — яфетической семьи языков. В эту группу оказались включенными не только наличные представители живой речи населения Кавказа и их вымершие представители в виде древнелитературного грузинского и древнелитературного армянского, но и языки исчезнувших насельников края, в том числе клинописный халдский, язык доармянского населения в турецкой Армении. Территориально обособленно вошли в ту же группу живые языки басков на Пиренеях и вершиков на Памире, а также один из мертвых языков Италии — этрусский («Классифицированный перечень», 1926).

Для объяснения разбросанности этих языков Н. Я. Марр выдвинул предположения о древнейшем переселении племен из приараварского окружения, затем об едином этническом субстрате на всем Евразийском материке, лишь частично сохранившемся на Кавказе, Памире и на Пиренеях, и старшем в других местах в связи с появлением индо-европейцев и семитов. Развивая эти положения, он перешел к выяснению параметров яфетического субстрата в языках нового населения Европы («К вопросу об яфетидизмах в германских языках», «Яфетидологический подход к палеонтологии семитических языков», 1922 и др.).

Коренной ломкой в прежнем направлении работ явился синтез выявившихся противоречий, приведший к утверждению, что различие языковых структур в Европе и Азии, выразившееся в наличии яфетических языков, с одной стороны, и индо-европейских и семитских языков, с другой стороны, объясняется не сменой этнических составов, несших каждая свою систему речи, а трансформацией населения на месте («Индо-европейские языки Средиземноморья», 1924). Отказавшись от необходимости прослеживания арийского вторжения и тем самым от решающей роли этноса в развитии языков, Н. Я. Марр изменяет направление своих работ и для выяснения происходящих процессов трансформации речи усиливает подход к языку, как явлению социального порядка. Происшедшую в Европе общественную перестройку, давшую в языке новую структурную оформление индо-европейской речи, Н. Я. Марр ставит в связь с развитым земледелием и обусловленным

им переходом в новую археологическую стадию веков металла («О происхождении языка», 1926 и др.).

С вопросом о трансформации языковых систем тесно связан новый подход к изучению наличных языковых структур с их распределением не по праязыкам, а по системам, преемственно чередующимся в процессе их внутренней перестройки, обусловленной в свою очередь сменами внутри общественных группировок и изменениями в хозяйственной деятельности. В связи с этим выдвинулось на первый план задание изучения единого процесса развития речи («Основные достижения яфетической теории», 1925 и др.). Тем самым яфетидология принуждена была выйти из сравнительно узкого круга исследования языков только яфетической стадии и обратиться в общее учение об языке.

Основные положения Я. т. как системы материалистич. лингвистики. Дальнейший ход работ Я. т. в связи с этим пошел по двум направлениям: 1) по углублению анализа самих яфетических языков, т. е. установлению тех характеризующих признаков, по которым данный язык должен быть отнесен к числу включаемых в яфетическую стадию; и 2) по установлению общих норм развития языков вообще в их трансформационных чередованиях.

Учение о стадиях и палеонтологический метод. Подход к общему процессу развития речи в путях его трансформационного движения выдвинул учение об языковых стадиях, т. е. о тех этапах, к-рые проходит язык и по которым группируются многообразные его представители прошлого и настоящего. Следующая Н. Я. Марром попытка увязать языковые стадии с социально-экономическими формациями является лишь предварительной и требует, по его же словам, более углубленного подхода («Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», 1929). Усиление аналитической работы вызвано углублением изысканий о мышлении и его технике в материалистической языковедной постановке. На этом этапе своего развития яфетидологии приходится отмежевываться больше всего от индоевропеистики как своей противоположности, хотя изжитой идеологически, но еще не утратившей значения даже у нас в Союзе ни в школе ни в прессе.

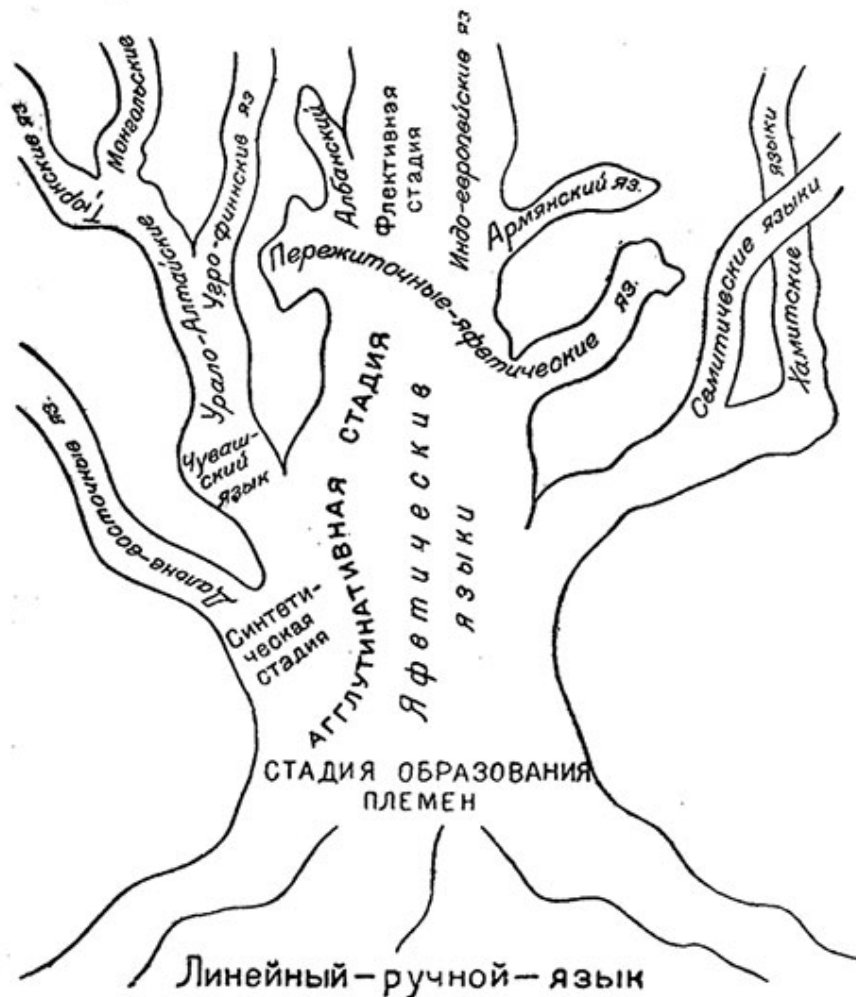
Предварительной постановкой работ в новом направлении является учение о межстадиальных переходах и межстадиальных соответствиях. Н. Я. Марр устанавливает ступенчатое (скачкообразное) движение речи, перестраивающее стадийное оформление на основе наследственно сохраняющегося багажа предыдущей стадии. Перестройка прежнего дает повод к прослеживанию каждого языкового явления в его прошлом и настоящем, что и образует основное задание палеонтологического анализа. Посредством этого анализа различные формы например индо-европейской и семитической речи приводятся к их яфетическому состоянию.

Анализ языкового развития в его диахроническом (вернее разностадийном) раз-

Материалистический анализ.

Пометы И.В. Сталина на странице Большой советской
энциклопедии

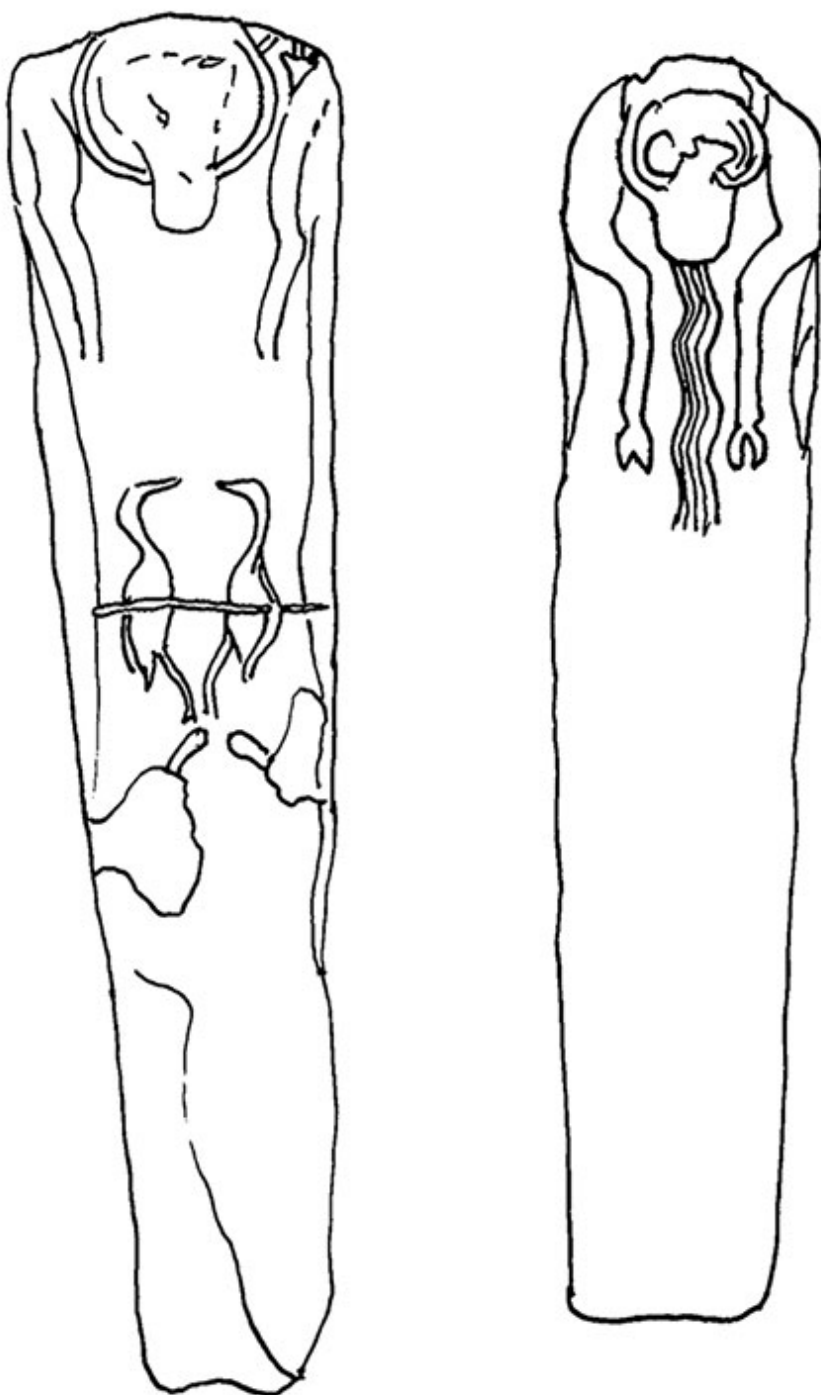
Заключу эту часть родословным деревом связанных с яфетической речью, как доисторической, языков в том виде, как это представляется пока, начав не с корней, разбегающихся в различные стороны и сплетающихся с действительно начальным языком, линейным или ручным, еще не звуковым, а сверху, однако, не с конечной вершины, до которой пока человечество не доросло, а с наличного завершения, совершенного типа, индоевропейского, возглавляющего сейчас это родословное дерево.



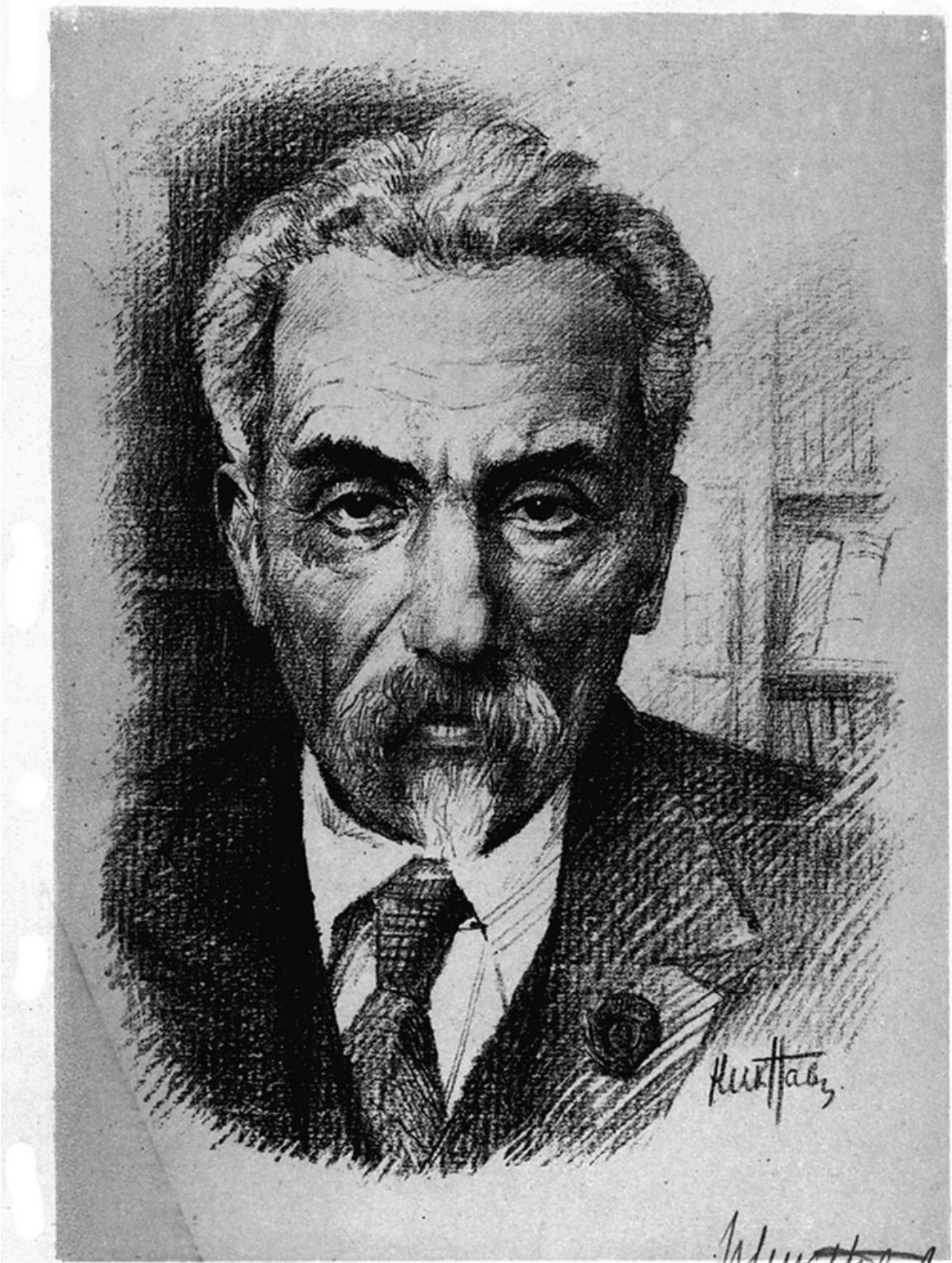
Итак:

- 1) Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития языка, — единая речь, общечеловеческая.
- 2) Ниже наличное завершение — индоевропейская семья языков.
- 3) Ниже, справа от ствола, отставший от его роста сучок: пережиточно наличные, известные с исторических эпох яфетические языки, стоящие на различных

Языковое древо по Марру



Вишапы



Munich 1935

В.В. Виноградов



Н.Я. Марр



Надпись на памятнике на могиле Н.Я. Марра

notes

Примечания

После революции Сталин официально указывал дату и год рождения — 21 декабря 1879 г., но в действительности он родился 18 декабря 1878 г.

Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004.

Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. М., 1994. С. 74.

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.—Л., 1935.
С. 3—12, 51—75.

Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. СПб., 2009. С. 147.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1986. С. 164.

Деборин А.М. Новое учение о языке и диалектический материализм. (К 45-летию ученой деятельности Н.Я. Марра) // Академия наук СССР. XLV академику Н.Я. Марру. М.—Л., 1935. С. 22.

Кант претендовал на разработку «физико-теологических методов, которыми можно прийти от рассмотрения природы к познанию Бога». *Кант И.* Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Собр. соч. в восьми томах. Т. 1. М., 1994. С. 445.

Гете И.В. Страдания юного Вертера. Фауст. М., 2004. С. 184–185.

Указ соч. С. 633.

Цит. по: *Басин Е.Я.* Искусство и коммуникация. М.: МОНФ, 1999 // <http://www.philosophy.ru/edu/ref/basin/glava72.html>

Гегель Г.В.Ф. О сочинениях Гамана // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. Том 1. М., 1970. С. 619. Курсив автора текста.

Лакан Ж. Семинары. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Книга 2. (1954/1955). М., 1999. С. 403.

Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. 2-е изд. М., 2007.
С. 133, 145–146. Курсив автора текста.

См.: *Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 366–367.

Указ. соч. Т. 2. С. 17.

См., напр.: *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 200–201 и др.

Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // *Трубецкой Н.* Наследие Чингизхана. М., 1999. С. 107.

Швейцарский славист и историк лингвистики П. Серио с восторгом пишет об этом очень спорном тезисе Трубецкого, явно подхваченном им и некоторыми русскими эмигрантскими мыслителями из пропагандистского арсенала итальянских и немецких националистов и этатистов 30-х годов XX века. Серио так характеризует евразийство Трубецкого и др.: «Евразийство стало, таким образом, метаморфозой органицизма XIX века, вернувшегося в Европу в виде ареальной лингвистики с ее геокультурными тенденциями, причем внутренняя связность этого течения мысли скреплялась одной мощной метафорой: „Народ подобен личности“» // *Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—1930-е гг. М., 2001. С. 321.*

Трубецкой Н. Вавилонская башня и смешение языков // *Трубецкой Н.* Наследие Чингизхана. С. 309.

К такому же выводу пришел и Патрик Серио. Указ соч. С. 168–170.

Март Н.Я. Яфетидология. Жуковский — М., 2002. С. 438.

См., напр.: *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. С. 33–36 и др.

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология // Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак. Под общей ред. д-ра фил. наук проф. В.П. Нерознака. М., 2001. С. 568.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. Изд-во моск. ун-та, 1992; *Его же.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; *Его же.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992 и др.

См.: *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 2004. С. 3, 83.

См.: *Сергио П.* Указ. соч. С. 164–190.

См.: *Дебакер Л.* (Лувенский ун-т, ISTI-Брюссель, Бельгия) Миф, язык и культура (к палеонтологии речи Н.Я. Марра) // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители», вып. 8. СПб., 2001.

См.: *Март Н.Я.* Яфетидология. Жуковский — М., 2002.

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 74. Более ранняя работа Горбаневского М.В. «В начале была слово...» (М., 1991) написана с тех же нарочито антимарровских позиций, хотя и менее обстоятельна. См. также другие работы Алпатова, посвященные марризму, мало что добавляющие по существу.

Алпатов В.М. Указ. соч. С. 77.

См.: *Алпатов В.М.* Что может дать наследие Марра? // Colloque international. Un paradigme perdu: la linguistique marriste en URSS (années 1920–1950). Centre de conférences de Crêt-Bérard (au-dessus de Vevey), 1–3 juillet 2004 // <http://www2.unil.ch/slav/ling/colloques/04Marr/prog.html#VA>

Член-корресподент АН РФ В.М. Алпатов в настоящее время член Бюро Московского городского комитета Коммунистической партии РФ. Похоже, что партийная дисциплина, обязывающая обелять любые действия Сталина, в том числе и на поприще науки, оказала сильное искажающее воздействие на позицию во всем остальном вполне достойного ученого.

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 277.

Алпатов В.М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3—15.

См. также: *Илизаров Б.С.* К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. № 5. 2004; *Его же.* Ответ Сталина на вопросы студента Холопова в ходе языковедческой дискуссии 1950 года // Новая и новейшая история. № 5. 2009.

Материалы первых двух томов собраний сочинений Сталина требуют тщательного источниковедческого анализа. Изучая архив Сталина, у меня сложилось впечатление, что Сталин сознательно приписал себе авторство нескольких дореволюционных работ репрессированных им коллег по партии, в частности Л.Б. Каменева. Предполагаю, что два письма (1904 г.) Ленину и Крупской сфальсифицированы в 30-х годах XX века. Но для доказательства или опровержения моих предположений необходимо провести специальные исследования.

Проблема «посмертия» рассмотрена мной в книге: *Илизаров Б.С.* И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам «Народного архива». М. — СПб., 2007. С. 327–383.

См.: Академия наук СССР. XLV академику Н.Я.Марру. М.—Л., 1935.

См.: *Март Н.Я.* Об истоках творчества Руставели и его поэме. Тбилиси, 1964. С. 249.

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 435–436.

Огонек. № 27 (223). 3 июля 1927 г.

См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее: СПб. ФА РАН). Ф. 800. Оп. 3–7. Ед. хр. Г-1.

См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее: СПб. ФА РАН). Ф. 800. Оп. 3–7. Ед. хр. Г-2—Г-12.

Мещанинов И.И. Воспоминания о Н.Я. Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ Государственной академии истории материальной культуры (ПИДО). 1935. № 3–4. С. 157.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. А-2092; Оп. 3–7. Ед. хр. Г-21.

Аничков И.Е. Очерк советского языкознания // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 445, 446, 447.

См.: Сумерки лингвистики. С. 449–569. И.Е. Аничков был осужден по так называемому «делу Платонова». См.: *Бахтин М.М.* Беседы с С.В. Дувакиным. М., 2002. С. 169.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1–2. Ед. хр. В-1300. Л. 1–2.

Сумерки лингвистики. С. 436.

Март Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. С. 181.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.
Изд-во Моск. Патриархии. М., 1988. С. 851, 852.

См. напр.: *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 33, 65.

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. С. 14.

Наиболее ярко свое представление о задачах нарождавшейся науки семантики Марр выразил в работе «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» // *Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Язык и общество. М.—Л., 1934. С. 174–175.*

См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. С. 514–520, в особенности с. 521–523; *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 208–209, 229–325.

См.: *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. Портрет на фоне его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004. С. 154.

См.: *Филин Ф.П.* Мой путь в науке // Сумерки лингвистики. С. 514.
Судя по цитатам и ссылкам на огромном количестве языков мира, В.П.
Филин не очень преувеличивает.

Марр Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов // Записки
Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVI.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 4–7. Ед. хр. Г-37.

Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.—Л., 1948. С. 33.

В архивном фонде Марра сохранилась анкета, разосланная М. Горьким, Л. Андреевым, Ф. Соллогубом, об отношении к антисемитизму в России и ответы на нее // СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 855.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 4–7. Ед. хр. Г-67.

Март Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэме. Сб. статей. Тбилиси, 1964. С. 57.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 5. Д-8, 18, 19, 20.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 5. Д-133—135.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 5. Д-175—177.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 5. Д-189 и др.

Цит. по кн.: *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. С. 143.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д-221, 222, 223.

Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. С. 232–235.

См.: *Звегинцев В.А.* Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики. С. 475.

См.: *Март Н.Я.* Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры // Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 49.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 421/1. Л. 849.

См.: Азбука христианства. Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряда // Сост. А. Удовенко. М.: МАИК «Наука», 1997.

Март Н.Я. Почему так трудно стать лингвистом теоретиком // Сумерки лингвистики. С. 195.

Март Н.Я. Об яфетической теории // Избранные работы. Т. 3. С. 27.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 31.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.
Б.м.: «Атеист», 1930.

Книга Э. Тайлора «Первобытная культура» впервые вышла на русском языке в 1872 году.

Март Н.Я. Яфетическая теория // Избранные работы. Т. 2. С. 107–108.

Мещанинов И.И. Воспоминания о Н.Я. Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ Государственной академии истории материальной культуры (ПИДО), 1935. № 3–4. С. 157.

Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971. С. 448–449.

См.: Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов. Т. V. М.—Л., 1963. С. 118–119.

Бухарин Н.И. Методология и планирование науки и техники. М., 1989. С. 81.

Бухарин Н.И. Избранные труды. Л., 1988. С. 293.

Бухарин Н.И. Тюремные рукописи Н.И. Бухарина. В 2-х книгах. М., 1966. С. 180. См. также с. 197.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 1, 1 об.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 573. Л. 2, 2 об.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 573. Л. 5.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 573.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 759.

СПб. ФА АН РФ. Ф. Кн. 3. С. 528.

СПб. ФА АН РФ. Ф. Кн. 3. С. 530.

Покровский М.Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов
// Избранные произведения. Лекции, статьи, речи. М., 1987. С. 449.

См.: Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. II. М., 1930. С. 267–292.

См.: *В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы.* М., 1971. С. 174–175 и др.

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 2–3. Ед. хр. В-744. Л. 1–3. В конце письма кем-то карандашом приписано примечание о том, что письмо писано на машинке, а подпись поставлена А.М. Горьким (А. Пешковым).

Филин Ф.П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкофронт» // Сумерки лингвистики. С. 115.

Март Н.Я. Яфетидология. Жуковский — М., 2002. С. 436.

Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. С. 224–225.

Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Очерки происхождения современной буржуазии. М.—Л., 1930.

В частности, см. заметки Марра о Лафарге в его архиве (Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 611).

Лафарг П. Сочинения. Т. 3. М.—Л., 1931. С. 211 // Российская государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина.

Лафарг П. Сочинения. Т. 3. М.—Л., 1931. С. 213.

Лафарг П. Сочинения. Т. 3. М.—Л., 1931. С. 215.

Хочу вернуть давний долг благодарности — в студенческие годы я дополнительно посещал блистательные семинары и научный кружок ныне покойного А.Г. Волкова на филологическом факультете МГУ. Тогда он предложил мне тему для доклада «Русский язык революционной эпохи» и обратил внимание на проблему: Марр, история и язык.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стеротипное. М., 2003.

Платонов А. Чевенгур. Рига, 1989. С. 56.

См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 518.

Март Н.Я. и Смирнов Я.И. Вишапы. М., 1931. С. 92–93.

Март Н.Я. и Смирнов Я.И. Вишапы. М., 1931. С. 61.

Пиотровский Б.Б. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939. С. 4.

Мещанинов И.И. Каменные статуи рыбы — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. Записки Коллегии востоковедов. Л., 1926. С. 401–409.

См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 518.

Март Н.Я. и Смирнов Я.И. Вишапы. С. 102–103.

Брюсов В.Я. О книге А.В. Амфитеатрова «Армения и Рим».

Марр Н.Я. и Смирнов Я.И. Вишапы. С. 104–105.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 78.

Указ. соч. С. 160.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 23 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1618.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. Тбилиси, 1964. С. 104.

Две древние редакции грузинского четвероглава по трем Шатбердским рукописям (897, 936 и 973 гг.). Изд-во АН Грузинской ССР, 1945; *Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре* // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина (ГОПБ ОР БС).

См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. // www.wikiznanie.ru; <http://www.russianplanet.ru>; wikipedia.org и др.

См.: СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. А-1315. Л. 1.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 29.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 110.
См. также с. 111.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 115.

Марр Н.Я. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. XII. 1910. С. I–XLVI.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 62–63.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 100.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 101.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 113, 114.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 114.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 119

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 105.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 160–161.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 5. Ед. хр. Д-189—196.

СПб. ФА РАН. Ф.800. Оп 1. Ед. хр. 165.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 172.

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939. С. 25. На правах рукописи // ГОПБ ОР БС.

Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. М.: Изд-во АН СССР, 1937.

Аллилуева С. Только один год. М., 1900. С. 337.

См.: *Брагинская Н.В.* Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе (Препринт WP6/2009/05). М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009 и др.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 8.

Фрейденберг О.М. Воспоминания о Марре // Сумерки лингвистики. Антология. М., 2001. С. 438.

Веселовский А. Из введения в историческую поэтику (Вопросы и ответы) // *Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. М. — СПб., 2001. С. 725.

Лосев А.Ф. Поздний эллинизм.

См.:

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BF>

Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 73.

См., в частности: *Леви-Стросс*. Путь масок. М., 2000. С. 292 и др.

См.: *Веселовский А.* Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.
С. 501.

В русле этих исследований находилась так же знаменитая «Золотая ветвь» известного английского религиоведа и этнолога Джеймса Фрэзера (1854–1941). Посвятив жизнь изучению фольклористики и истории религии, Дж. Фрэзер собрал огромный фактический материал, позволивший ему с помощью сравнительно-исторического метода показать связь между современными религиями и первобытными верованиями, выявить земные истоки религиозного миропонимания. На русском языке книга впервые была издана в 1928 году (1—4-й выпуски).

Марр Н.Я. Иштарь. От богини матриархальной Афревозии до героини любви феодальной Европы // Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 307.

См.: СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 1. Ч. 2. Ед. хр. 232.

См.: *Март Н.Я.* Избранные работы, Т 3., М.—Л., 1934. С. 39, 102, 348.

Март Н.Я. Об яфетической теории // Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 2–3.

Марр Н.Я. Иштарь. С. 350.

См.: *Королев К.* Универсальный язык и универсальная письменность // *Языки как образ мира*. М. — СПб., 2003. С. 556–557.

Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исоolda. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африевразии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под ред. академика Н.Я. Марра. Л., 1932 // ГОПБ ОР БС.

Сумерки лингвистики. С. 440.

См.: Средневековый роман и повесть. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М., 1974. С. 621

Фрейденберг О.М. Целевая установка коллективной работы над сюжетом «Тристан и Исольтда». С. 12 // ГОПБ ОР БС.

Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. Пер. с фр. А. Веселовского. Предисл. А.А. Смирнова. М., 1955. Помимо первого издания 1903 года, роман переиздавался в 1913 и 1938 годах.

Пассек Т.С. Мотивы Триста и Исольты по материалам русской сказки. Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исольтда. С. 203 // ГОПБ ОР БС.

Фрейденберг О.М. Тристан и Иольда в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья. Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Иольда. С. 109 // ГОПБ ОР БС.

Фрейденберг О.М. Тристан и Исоolda в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья. Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исоolda. С. 110–111.

Франк-Каменецкий И.Г. Иштарь-Исольда в библейской поэзии // Указ. соч. С. 71.

Указ. соч. С. 74.

Франк-Каменецкий И.Г. Итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольты. Там же. См. также с. 271–273 // ГОПБ ОР БС.

Margaret Schlauch. Romanic Review. Vol. XXIV. № 1, January March, 1933. P. 39–45.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 18–20.

Указ. соч. С. 49–50.

См.: *Леви-Стросс К.* Путь масок. М., 2000. В особенности с. 283–298.

Указ. соч. С. 297.

Одна из лучших современных специалистов в области истории мифологии и научного наследия Фрейденберг Н.В. Брагинская устанавливает теснейшую связь воззрений Леви-Стросса с идеями ученицы Марра // См.: *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 534, 540, 543.

См.: История русской литературы X–XVII вв. Под ред. Д.С. Лихачева; Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов; Глава 6. Литература XVI века. 2. Агиография.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 6. Ед. хр. Е-289.

См.: Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Иольда
// ГОПБ ОР БС.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. 2. М.—Л., 1936. С. 16.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. 2. М.—Л., 1936. С. 16.

Цит. по: *Державин Н.С.* Изучение языкового развития ребенка русской речи // Академия наук СССР. XLV академику Н.Я. Марру. М.—Л., 1935. С. 111.

Указ. соч. С. 111–112.

Щерба Л.В. О «диффузных звука» // Академия наук СССР. XLV академику Н.Я. Марру. М.—Л., 1935. С. 451–453.

См.: *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Страницы жизни Николая Ивановича Вавилова (по его письмам) // *Философия и социология науки и техники.* Ежегодник 1988–1989. М., 1989. С. 270–271.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. II. Ед. хр. 457.

Н.Я.Март. Генетическая история языка. 1) Становление языка и мышления, создание звуковой речи, ее видов и систем и проблема ее дальнейшего развития. Лекция, читанная в Ленинграде и Тифлисе. Приложения // Там же. Ед. хр. 451.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 48, 58, 61, 75–76, 160.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М. С. 441.

Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 395–396.

См.: *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. 3-е изд. М., 2004. С. 287–316.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 50.

Указ. соч. С. 51.

Указ. соч. С. 52.

Указ. соч. С. 52.

Указ. соч. С. 52–53.

Указ. соч. С. 53.

Указ. соч. С. 53.

Указ. соч. С. 54.

Указ. соч. С. 54.

Указ. соч. С. 55.

Указ. соч. С. 55.

Указ. соч. С. 56.

Указ. соч. С. 57.

Указ. соч. С. 57.

Указ. соч. С. 57–58.

Указ. соч. С. 58.

Указ. соч. С. 58.

Указ. соч. С. 59.

Указ. соч. С. 60.

Указ. соч. С. 61–62.

Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1934. С. 31.

Указ. соч. С. 30.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 222. С. 74.

Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 440–441.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 251. С. 41–42.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1948. С. 54–55.

Абель Карл. О возможности общеславянского литературного языка // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. № 9. 1885. С. 392.

Указ. соч. С. 394–395.

Указ. соч. С. 395–396.

Циолковский К.Э. Общий алфавит и язык // Образование Земли и солнечных систем. Калуга, 1915. С. 11–13.

Март Н.Я. Яфетидология. С. 444.

Луначарский А. Латинизация русского алфавита // Красная газета
от 6 и 7 января 1930 г.

Архив Президента РФ (АПРФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 54, 56.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. II. 1930–1939. Каталог. М., 2001. С. 14.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 923.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 990. Л. 1–3.

Башинджагян Л.Г. Институт языка и мышления имени Н.Я.Марра
// Вестник АН СССР. 1937. № 10–11. С. 258.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1935. С. 183–184.

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 654. Л. 1–6.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. С. 183.

Март Н.Я. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. С. 201.

Март Н.Я. Язык и мышление // Избранные работы. Т. 3. С. 98.

В архиве Марра есть один из его научных отчетов за 1925–1926 гг.
// СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Ед. хр. Е-296.

Лоя Я.В. Основные направления в языковедении // Сумерки лингвистики. С. 55–57.

Лоя Я.В. Против субъективного идеализма в языкознании. Б. м., 1929. Отдельный оттиск // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 57.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 59.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 87.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 187–205.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 185.

Есть сведения, что Поливанов злоупотреблял наркотиками и по этой причине вернулся в Среднюю Азию.

См.: *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; *В. Ларцев.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988; *Алпатов В.М.* История одного мифа. С. 87–91; *Его же.* История лингвистических учений. Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 245–253. Мне представляется, что резкое противопоставление взглядов Поливанова и Марра в работах Алпатова неубедительно.

Алпатов В.М. История одного мифа. С. 95—100.

См.: Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 66.

См.: «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Вестник Архива Президента РФ. 1999. № 3; «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Вестник Архива Президента РФ. 1997. № 3; То же. 1997. № 4; См.: Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. М., 2000 (публикации документов).

Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 3. С. 122.

См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. II. 1930–1939. Каталог. М., 2001. С. 384, 423; Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 128–129.

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 76.

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 77.

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 84.

Сталин И. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1933. С. 137.

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). С. 85.

Март Н.Я. Яфетидология. С. 443.

См.: *Алпатов В.М.* Указ. соч. С. 94.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 44.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 45.

См.: Исторический архив. 1995. № 2.

Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре //Сумерки лингвистики. С. 429.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 75.

Яковлев Н.Ф. Аналитический или новый алфавит? // Культура и письменность Востока. X. 1931. С. 43–44.

Указ. соч. С. 45.

Агамали-Оглы С. В защиту нового тюркского алфавита. [Баку], 1927; *Яковлев Н.* Итоги унификации алфавитов в СССР // Советское строительство. 1931. № 8(61); Письменность и революция. М.—Л., 1933; Алфавит Октября, М.—Л., 1934; *Мусаев К.М.* Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм., М., 1991.
С.183.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 212.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 8.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 39.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 213.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 242.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 241.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 243.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 243.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. С. 243–244.

РГАСПИ. С. 248.

РГАСПИ. С. 250.

Марр Н.Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. Тбилиси, 1964. С. 104.

РГАСПИ. С. 253.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1948.

См.: *Рыбаков Б.А.* Рецензия на книгу П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вестник Академии наук СССР. 1948. № 8; *Монгайт А.Л.* Обсуждение книги П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вопросы истории. 1948. № 9; *Федоров Г.Б.* Обсуждение книги проф. П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вестник древней истории. 1948. № 4; *Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении восточных славян // Вопросы истории. 1948. № 9.

РГАСПИ. С. 254.

РГАСПИ. С. 252.

РГАСПИ. С. 251.

Март Н.Я. 1929. Марксизм и языкознание, в частности яфетическая теория — начатая статья (04), рукопись // СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 1. Ч. 2. Ед. хр. А-3048; *Март Н.Я.* 1930. Заметки о происхождении звуковой речи в связи с чтением «Диалектики природы» Ф. Энгельса // Там же. Ед. хр. А-3041; То же. Ед. хр. А-3052; *Март Н.Я.* 1932. Выписки из Маркса — Энгельса. Соч. Т. IX // Там же. Ед. хр. 144; *Март Н.Я.* 1933. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин об языке. Заметки к работе // Там же. Ед. хр. 544; *Март Н.Я.* 1933. Маркс и вопросы языка // Известия ГАИМК. Вып. 82 и др.

См.: *Быковский С.Я.* К. Маркс и языкознание // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 82. М.—Л.: ОГИЗ, 1934. С. 21–48; *Кацнельсон С.Д.* Вопросы языкознания в «немецкой идеологии» Маркса и Энгельса // Указ. соч. С. 49—116.

РГАСПИ Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 824.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 116.

Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В трех томах. Том 2. 1930–1939. М., 2001. С. 471. № 90/67.

Алпатов В.М. Указ. соч. С. 110.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 123.

Цитируется по надписи на обелиске, стоящем на могиле Н.Я. Марра. Кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б).
1922–1952. С. 175.

Солженицын А.И. В круге первом. Т. 1. М., 1988. С. 168–170.

Указ. соч. С. 172.

Чуковский К. Из дневника 1955–1969 // Знамя. № 12. 1992. С. 174.

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
С. 268–269.

Хрущев Н.С. «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. № 2. 1944. С. 88–89.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 164. Л. 101–102. См. также: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005. С. 526–527.

Сердюченко Г.П. Академик Н.Я. Марр — основатель советского материалистического языкознания. М.: Учпедгиз, 1950.

Сердюченко Г.П. Академик Н.Я. Марр — основатель советского материалистического языкознания. С. 63.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250.

Чикобава А. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 // Российская государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина. (РГОПБ ОРК БС).

См.: *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004.

Чикобава А. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. С. XVI.

Куманев В.А. За правдивое освещение прошлого // Вопросы истории. № 6. 1988. С. 59.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 296–298.

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания.
Антология. М., 2001. С. 508, 507.

См. отчет Чарквиани о проведенной антимарристской компании в Грузии, который также находится в архиве Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1265).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 1–2.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 3.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 4–5.

См.: *Март Н.Я.* Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб., 1902; *Его же.* Грамматика древнегрузинского языка. Л., 1925.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 5—12.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 16.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 17.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 18.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250 Л. 19–22.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 22.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 24.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 25.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 25.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 27.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 28–29.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 809.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 403.

См. басню, составленную А. Шлейхером на индоевропейском языке // Хрестоматия по истории языкознания XIX — XX веков / Сост. В.А. Звегинцев. М., 1958. С. 104.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 406.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 407.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 407.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 408.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 810.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 812.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 812.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 813.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 813–814.

См.: *Старостин Б.А.* От феномена человека к человеческой сущности // *Шарден Пьер Тейяр де.* Феномен человека. М., 1987.

См.: *Гильдебранд Дитрих фон*. Тейяр де Шарден на пути к новой религии // Новая Вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998.

См.: *Мень А.* Пьер Тейяр де Шарден: христианин и ученый // *Шарден П.Т.* Божественная среда. М., 1992.

Шарден Пьер Тейяр де. Феномен человека. М., 1965. С. 205 (для научных библиотек).

Шарден Пьер Тейяр де. Феномен человека. М., 1965. С. 237–238.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 815.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 817.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 823.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 378.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 378.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 378.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 379.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 379.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 381–382.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 383.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С.384.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 386–387.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С.388.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С.388.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С.388.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 389–390.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 390.

361

В бывшей библиотеке ИМЭЛ.

Чикобава А.С. Когда и как это было // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 510–512.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 2.

Медведев Р.А. Сталин и языкознание // Сумерки лингвистики. С. 548.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 1, 2, 2 об.

См.: *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1940. С. 351.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 1.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 128.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 129.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 134.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 139.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 144–152, 159, 160, 162.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 162, 162 об.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 163.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 81–82.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 103.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 103.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 114.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 118.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 26, 38.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 167.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 3.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5 об.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5 об.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5 об.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 5 об.

Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Л., 1936; *Его же* . Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л., 1940; *Его же*. Новое учение о языке на современном этапе развития. Л., 1948 и др.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 7.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 7.

См.: Сумерки лингвистики. М., 2001. С. 567–568.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 8–9.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 10.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947. С. 15.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994.
С. 81, 85, 130–131, 167–169, 180.

Малышева-Виноградова Н.М. Страницы жизни В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 4. См. также: *Алпатов В.М.* История одного мифа. 2-е изд. М., 2004. С. 141, 174–175, 244.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 13.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 17.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 18.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 19.

См.: *Млечин Л.* Смерть Сталина. Вождь и его соратники. М., 2003.
С. 16–17.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 1.

Огонек.1989. № 37. С. 27.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 35.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 35.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 121.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 128.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 152.

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 184–189. Упомянутые автором работы предшественников (*Кузнецов П.С.* Еще о гуманизме и дегуманизации // Вопросы языкознания. 1966. № 4; *Звегинцев В.А.* Что происходит в советской науке о языке? // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001) также содержат лишь пересказ статей Сталина с гипотетическими рассуждениями об их источниках.

См.: *Звегинцев В.А.* Что происходит в советской науке о языке? // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 487; *Медведев Р.А.* Сталин и языкознание // Там же. С. 548; *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 195.

Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев [Дерпт], 1912. С. 7, 8, 28.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 35 об., 36.

ТамРГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 37–38.

Абаев В.И. О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском // Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 116.

Абаев В.И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Там же. С. 16.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 39.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 39–40.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 40.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 40.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 42.

В сборнике статей «Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина» (МГУ, 1952), предназначенном для прославления языковедческих работ Сталина, А. Чикобава ссылается на известную работу Выгодского «Мышление и речь» для подкрепления тезисов вождя (С. 68).

РГАСПИ. Л. 43–44.

РГАСПИ. Л. 44–45.

РГАСПИ. Л. 45–46.

РГАСПИ. Л. 46, 46 об.

РГАСПИ. Л. 47, 121.

РГАСПИ. Л. 47, 121.

РГАСПИ. Л. 121, 47–48.

Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 425.

РГАСПИ. Л. 48–49.

РГАСПИ. Л. 122–123.

РГАСПИ. Л. 123.

РГАСПИ. Л. 124.

РГАСПИ. Л. 112.

РГАСПИ. Л. 115.

РГАСПИ. Л. 116.

РГАСПИ. Л. 117.

РГАСПИ. Л. 119.

РГАСПИ. Л. 50–52.

РГАСПИ. Л. 53–54.

РГАСПИ. Л. 55.

РГАСПИ. Л. 56.

РГАСПИ. Л. 56, 56 об.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 111.

РГАСПИ. Л. 58.

РГАСПИ. Л. 57.

РГАСПИ. Л. 58.

РГАСПИ. Л. 59.

РГАСПИ. Л. 59.

РГАСПИ. Л. 60–61.

РГАСПИ. Л. 61–62.

РГАСПИ. Л. 128.

РГАСПИ. Л. 128–129, 63–64.

РГАСПИ. Л. 130–131, 64–65.

РГАСПИ. Л. 130–131.

РГАСПИ. Л. 65–66.

РГАСПИ. Л. 131–136, 65–70.

РГАСПИ. Л. 131, 67.

РГАСПИ. Л. 132.

РГАСПИ. Л. 70.

РГАСПИ. Л. 136–137.

РГАСПИ. Л. 71–72.

РГАСПИ. Л. 137–138.

Мещанинов И.И. Новое учение о языке на современном этапе развития. Л., 1948. С. 37.

Дневник П.К. Понамаренко. С. 19. Машинописную копию дневника любезно предоставил д.и.н. В.А. Невежин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 137.

РГАСПИ. Л. 138, 138 об, 73, 73 об.

РГАСПИ. Л. 74, 139.

РГАСПИ. Л. 74–75, 139–140.

РГАСПИ. Л. 75–76.

См.: *Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. 5-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 113, 133.

РГАСПИ. Л. 76–77.

РГАСПИ. Л. 143.

РГАСПИ. Л. 144.

Леушин М. Сталин и Марр: три архивных документа // Логос. № 4. 2001. С. 86–90.

Мещанинов И. За творческое развитие наследия академика Н.Я.Марра // Правда. 16 мая 1950.

Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1949. С. 467.

РГАСПИ. Л. 145–146.

РГАСПИ. Л. 148.

РГАСПИ. Л. 148–150.

РГАСПИ. Л. 85.

Звегинцев В.А. Указ. соч. С. 490.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 151.

«Глазами человека моего поколения». Размышления К. Симонова о И.В. Сталине // Литературная газета. 18 мая 1988. С. 6.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 20.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 29.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 29.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 30.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 1.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 18.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 3.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 4.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 16.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 23.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Ед. хр. 1255. Л. 23.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Ед. хр. 1253. Л. 37.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 37.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 37.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 24.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1256. Л. 24.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 3.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 261.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 3.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 30–36.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 7—29.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой. М., 1950. С. 73.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой. М., 1950. С. 22.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой. М., 1950. С. 73, 74, 75.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой. М., 1950. С. 76–77.

Март Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества // *Март Н.Я.* Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 49.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 59–60.

Марр Н.Я. Язык и современность. Изв. ГАИМК. Вып. 60. С. 26.

Сталин. И.В. Указ. соч. С. 17.

Сталин. И.В. Указ. соч. С. 46, 47.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 302.

Март Н.Я. Об яфетической теории // С. 13.

Март Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 56.

Март Н.Я. Язык и мышление // Там же. С. 90.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 78.

Большая советская энциклопедия (БСЭ). 1-е изд. Т. 50. М., 1944.
С. 734.

Большая советская энциклопедия (БСЭ). 1-е изд. Т. 50. М., 1944. С. 735–737.

Сталин. И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 78–79.

Сталин. И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 79–80.

Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 54.

Март Н.Я. Язык и мышление. С. 120–121.

Марр Н.Я. Язык и мышление. С. 121.

Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. С. 6 и др.

Борисковский П.И. Возникновение человеческого общества // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. С. 28 и др.

Борисковский П.И. Возникновение человеческого общества // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. С. 5.

Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 63.

Март Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 55.

Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 48–49.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 80–81.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977. С. 303.

Витгенштейн Л. Мысли о философии // Путь в философию.
Антология. М., 2001. С. 16.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 142. С. 71.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 142. С. 287.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 142. С. 304.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1–3. М. — СПб., 2002.

Март Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 55–56.

Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб., 1912.

Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна. Пг., 1922.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 586–587.

См.: *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
С. 233–234 и др.

См.: *Март Н.Я.* К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А.А. Богданова // *Март Н.Я.* Указ. соч.

Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 300.

См.: *Кассирер Э.* Указ соч. С. 440–723.

Уайт писал: «Способность свободно и произвольно порождать значение и наделять им предмет или явление и, соответственно, способность усваивать и различать это значение мы называем способностью к символизации». (*Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 51 и др.)

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 83.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 27.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 28–29.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 87.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 6.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 76.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 261.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 91, 100.

РГАСПИ. Ф.558, оп.11, Ед. хр.1254, л.12.

РГАСПИ. Ф.558, оп.11, Ед. хр.1254. Л. 1–2.

РГАСПИ. Ф.558, оп.11, Ед. хр.1254. Л. 13–14, машинопись.

Санжеев Г.Д. Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. МГУ, 1952. С. 334.

Санжеев Г.Д. Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. МГУ, 1952. С. 335.

Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 292.

Санжеев Г.Д. Указ. соч. С. 335–336.

Звегинцев В.А. Указ. соч. С. 489.

Санжеев Г.Д. Указ. соч. С. 370.

Март Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 57.

Звегинцев В.А. Указ. соч. С. 360.

Санжеев Г.Д. Указ. соч. С. 354–355.

Указ. соч. С. 356.

Указ. соч. С. 337.

Указ. соч. С. 347.

Указ. соч. С. 366.

Лебон Г. Психология народов и масс. Изд-во Ф. Павленкова, 1898;
Чамберлен Г.С. Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе. 5-е изд. СПб., 1910.

Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм // *Сталин И.В.*
Соч. Т. 11. М., 1949. С. 337.

Есаков В.Д., Левина Е.С. Страницы жизни Николая Ивановича Вавилова (по его письмам) // *Философия и социология науки и техники.* Ежегодник 1988–1989. М., 1989. С. 270–271.

Указ. соч. С. 271. При этом авторы ссылаются на следующие работы: *Гамкрелидзе Г.В., Иванов Вяч. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и культуры. Тбилиси, 1984. Т. 11. Гл. 4, 6; *Филин Ф.И.* Происхождение русского, украинского и белорусского народов. Л., 1972. С. 18–19.

См.: Неизвестный Гитлер. М., 2005.

Розенберг А. Миф XX века. Таллин, 1998.

См. напр.: *Март Н.Я.* Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества // *Избранные работы. Т. 3. М.—Л., 1934. С. 48.*

Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 272.

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 386.

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 391.

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 391.

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 391.

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 394.

Боас Ф. Ум первобытного человека. М.—Л., 1926. С. 72.

Указ соч. С. 73.

Указ. соч. С. 75.

Указ. соч. С. 75.

Указ. соч. С. 77.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Перевод под ред. Р.О. Шор. М., 1937 // Хрестоматия по истории языкознания XIX — XX веков. М., 1956. С. 401.

См.: *Илизаров Б.С.* И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и одно развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам «Народного архива». М., 2007.

См.: *Мандельштам О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 396.

См.: *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004.

См.: *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 136–137.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 27.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 81–82.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 10.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 10.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 11–12.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 15–17, 48–55.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 15–17, 48–55.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 55.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 55.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 54.

Российский Государственный архив литературы и искусства
(РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 2544.

Российский Государственный архив литературы и искусства
(РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1119. Л. 1.

Российский Государственный архив литературы и искусства
(РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1119. Л. 1.

Эйзеништейн С.М. Метод. Том I. М., 2002. С. 136.

Март Н.Я. Избранные работы. М.—Л., 1934. С. 107.

Март Н.Я. Избранные работы. М.—Л., 1934. с. 108–109.

Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 128.

Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 126–127.

См.: *Шемякин Ф.Н.* Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции // *Философские записки*. Т. 5: Вопросы психологии. М.—Л., 1950. С. 148–175; *Шаревская Б.И.* Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии // *Советская этнография*. № 3. 1953. С. 9—26.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1254. Л. 6, 7, 7об., 8.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1254. Л. 9.

Здесь и далее разрядка в тексте заметки принадлежит Сталину.

РГАСПИ. Л. 18–25, 100–114.

РГАСПИ. Л. 37.

РГАСПИ. Л. 71–72.

РГАСПИ. Л. 64–65.

631

РГАСПИ. Л. 70.

РГАСПИ. Л. 13–48.

РГАСПИ. Л. 12.

РГАСПИ. Л. 87.

РГАСПИ. Л. 87, 91, 103.

Виноградов В.В. Академик И.И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945 // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 149.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 154. Л. 115.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1618.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1618.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 23.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 23.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 24.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 25.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 49.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 46–47.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 47.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 47.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 50.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 42.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 43.

Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. С. 43.

Сталин И.В. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу
Е. Крашенинниковой // Правда. 4 июля 1950.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 156.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 156.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 4.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 5.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 8.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 8.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 75.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 75.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 75.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 76.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 77.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 77, 78.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 79.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 81.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 82, 84, 85, 86, 87, 89, 96.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 85.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 85.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 85.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 87.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 88.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 89.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 94.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 112.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос / Пер. В.А. Державина, А.С. Кочеткова, К.А. Ликсперова и С.В. Шервинского. Под ред. и с предис. акад. И.А. Орбели. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1939 // ГПОПБ ОР БС.

Авдиев В.И. История Древнего Востока. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 учебном году. На правах рукописи. М., 1940. С. 94 // ГПОПБ ОР БС.

В 1948 году Авдиев прислал в подарок Сталину первый том монографии «Военная история Древнего Египта» и первое официальное издание учебника «История Древнего Востока». За этот учебник Авдиев в 1951 году получил Сталинскую премию первой степени. Об истории Урарту там было сказано глухо. Поэтому в предисловии ко второму изданию автор счел нужным отметить: «Особое место во втором издании учебника занимают разделы, посвященные истории Урарту...» Когда в марте 1953 года учебник вышел вторым изданием, вождь уже не успел с ним ознакомиться.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 352. Л. 99.

С Эриком Осиповичем Ханпира судьба свела меня в 70—90-х годах прошлого века. Чуковский очень точно охарактеризовал взрывной характер этого яркого человека и высококвалифицированного лингвиста.

Чуковский К. Дневник. 1955–1969 // Знамя. 1992. № 12. С. 162.

Пиотровский Б.Б. Указ. соч. С. 262.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.—Л.: ОГИЗ, 1937. С. 391–391.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.—Л.: ОГИЗ, 1937. С. 391–391.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 252 и др.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974; *Его же.* Этапы пройденного пути. Научная биография. Изд-во МГУ, 1982.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М.—Л., 1931.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М.—Л., 1931. С. 271.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М.—Л., 1931. С. 279.

См.: Сб. статей «Алексей Федорович Лосев». М., 2009.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С. 32–33.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 381–382.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 382–383.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 388–390.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 983.

См.: *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 400.

Речь идет «О типах грамматического предложения в связи с историей мышления» — работе, опубликованной в сб.: *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. С. 280–403.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. С. 402–403.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. С. 249.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. — СПб., 2003. С. 382.

703

Витгенштейн Л. Дневники. 1914–1916. С. 105.

comments

Комментарии

Здесь и далее курсивом передается рукописный сталинский текст со всеми его грамматическими и стилистическими особенностями.

На многозначность этого слова указывает и лучший знаток античной философии и филологии А.Ф. Лосев: «Термин *logos* является носителем нескольких десятков значений в греческом языке... Самое главное — это то, что в этом термине отождествляется все мыслительное, все словесное, так что „логос“ в этом смысле означает и „понятие“, и „суждение“, и „умозаключение“, и „доказательство“, и „науку“ с бесчисленными промежуточными значениями, а с другой стороны, и „слово“, „речь“, „язык“, „словесное построение“ и вообще все, относящееся к словесной области. На европейской почве это является единственным и замечательным отождествлением мышления и языка, так как всякий другой европейский язык для той и другой сферы имеет свои специальные обозначения» (Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1968. С. 532–533).

Здесь и далее в библейском тексте все выделено мной. — *Б.И.*

Первый раз люди позавидовали мудрости и всезнанию Господа, вкусив от древа познания; второй раз — брат приревновал, то есть позавидовал брату; третий раз люди позавидовали вселенскому могуществу Бога. Так началась история, то есть прогресс. Зависть и антагонизм — это то, что Кант объявил основным двигателем общественного прогресса.

Комментарий *курсивом* принадлежит мне. — Б.И.

В архиве Марра сохранилось секретное письмо от 26 февраля 1904 г., написанное ректором Санкт-Петербургского университета А. Ждановым о том, что к нему обратился начальник Санкт-Петербургского жандармского управления с просьбой командировать владеющего армянским языком в связи с «проводящемся в сем управлении дознании, присовокупляя, что труд этот будет оплачен». Жданов просит его дать согласие. (СПб., филиал Архива АН РФ. Личный фонд Н.Я. Марра. Ф. 800. Оп. 2–3. Ед. хр. В-359. Л. 1, 1 об.).

Томашевский — известный литературовед и филолог.

Государственная академия материальной культуры.

Текст, отмеченный Сталиным, передается курсивом.

Здесь и далее перевод П. Петренко.

Марр и его последователи писали «Исольда». Такое написание имени имело особое значение. Современное написание «Изоolda».

В эти же годы, занимаясь этрусским языком, Марр сделал очередное «нелепое» предположение о том, что этруски являются выходцами из Малой Азии. Недавние генетические исследования, проведенные в Италии, подтвердили это, но о Марре никто даже не упомянул.

То есть Сталина.

Ленин В.И. Соч. Т. XVII. 3-е изд. С. 116. (Примеч. ред.)

Возможно, опечатка и следует читать: «Состоят из твердых и мягких гласных»? (Б.И.)

Здесь и далее выделено в тексте «Отчета».

Научно-исследовательский институт языкознания и Институт народов Востока.

Десятичный принцип аналитического алфавита очень напоминает так называемую универсальную Десятичную классификацию Дьюи, разработанную в эти годы для библиотек.

Здесь и далее подчеркивания в тексте принадлежат Сталину, а текст, отмеченный Сталиным на полях, передается курсивом.

Знаки абзаца, текст, написанный Сталиным от руки, передаются курсивом, текст, перепечатанный на машинке, передается обычным шрифтом, в скобках дается текст, вставленный Сталиным от руки в машинописный текст позже.

В опубликованном тексте «в» отсутствует.

Вряд ли этим консультантом был В.В. Виноградов. Роль грамматики он определял следующим образом: «В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и типах; 3) учение о предложении и его типах, о его компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцеплений предложений, о сложном синтаксическом целом (о фразе)» (*Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947. С. 4.*). Эти определения не имеют ничего общего со сталинским.

Здесь и далее все подчеркивания в цитатах принадлежат Сталину.
Текст, отчеркнутый им на полях, передается курсивом.

До революции писали Чамберлен, а в наше время — Чемберлен.

Здесь излагается концепция «универсальной грамматики», разработанной выдающимся американским лингвистом Ноэмом Хомским. См. его: Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.

Это позволяет более точно установить дату встречи — зима — лето 2009 года.

Сома — настойка из галлюциногенных грибов, популярная в древности у народов Северо-Восточной Европы.